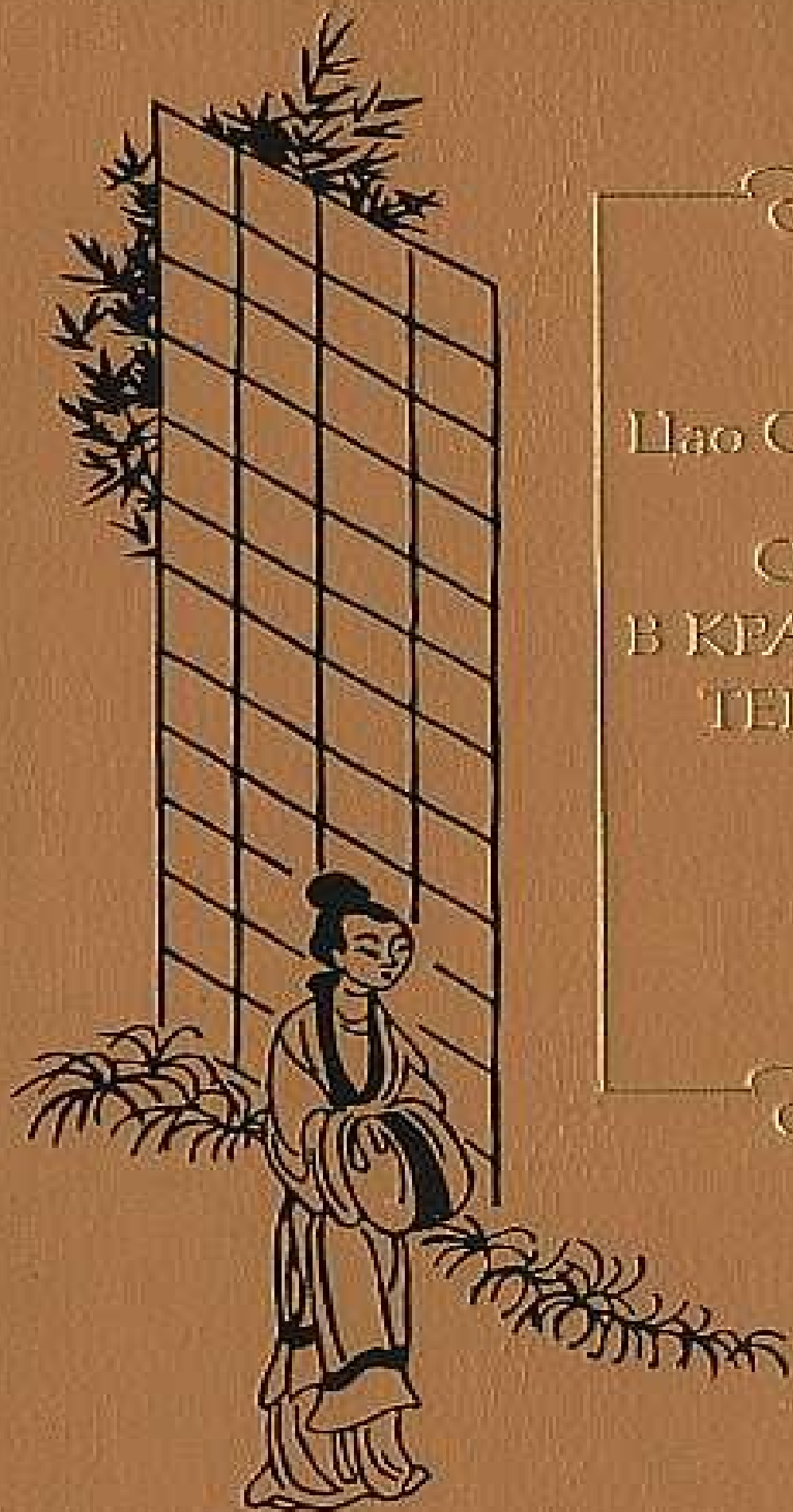

Цао Сюэцинь

СОН
В КРАСНОМ
ТЕРЕМЕ

Annotation

«Сон в красном тереме» – самый знаменитый и крупнейший китайский роман. Цао Сюэцинь (1724 – 1764) создал захватывающую сагу о трех поколениях большой аристократической семьи. Она возвышается, когда император берет в наложницы одну из девушек рода Цзя. Главный герой Цзя Баоюй с юных лет купается в роскоши, ему доступны все земные блага. Роман насыщен любовью, многочисленные герои связаны между собой чувственными отношениями, которым сопутствуют ревность и интриги. Сложная структура этого замечательного произведения, психологическая мотивированность поступков его героев, органически входящие в ткань повествования стихи – все это составляет убедительные достоинства «Сна в красном тереме» – признанного шедевра не только китайской, но и мировой литературы.

- [Цао Сюэцинь](#)
 - [Главы LXXXI – CXX](#)
 - [Глава восемьдесят первая](#)
 - [Глава восемьдесят вторая](#)
 - [Глава восемьдесят третья](#)
 - [Глава восемьдесят четвертая](#)
 - [Глава восемьдесят пятая](#)
 - [Глава восемьдесят шестая](#)
 - [Глава восемьдесят седьмая](#)
 - [Глава восемьдесят восьмая](#)
 - [Глава восемьдесят девятая](#)
 - [Глава девяностая](#)
 - [Глава девяносто первая](#)
 - [Глава девяносто вторая](#)
 - [Глава девяносто третья](#)
 - [Глава девяносто четвертая](#)
 - [Глава девяносто пятая](#)
 - [Глава девяносто шестая](#)
 - [Глава девяносто седьмая](#)
 - [Глава девяносто восьмая](#)
 - [Глава девяносто девятая](#)
 - [Глава сотая](#)

- [Глава сто первая](#)
- [Глава сто вторая](#)
- [Глава сто третья](#)
- [Глава сто четвертая](#)
- [Глава сто пятая](#)
- [Глава сто шестая](#)
- [Глава сто седьмая](#)
- [Глава сто восьмая](#)
- [Глава сто девятая](#)
- [Глава сто десятая](#)
- [Глава сто одиннадцатая](#)
- [Глава сто двенадцатая](#)
- [Глава сто тринадцатая](#)
- [Глава сто четырнадцатая](#)
- [Глава сто пятнадцатая](#)
- [Глава сто шестнадцатая](#)
- [Глава сто семнадцатая](#)
- [Глава сто восемнадцатая](#)
- [Глава сто девятнадцатая](#)
- [Глава сто двадцатая](#)
- [Д. Воскресенский](#)
- [И. Голубев, Г. Ярославцев](#)
- [Иллюстрации](#)
 - [Ли Вань](#)
 - [Цзинь Юаньян](#)
 - [Фея Цзинхуань](#)
 - [Сюэ Баоцин](#)
 - [Ли Ци и Ли Вэнь](#)
 - [Фангуань](#)
 - [Бихэнь](#)
 - [Цзя Лань](#)
 - [Сижэнь](#)
 - [Цзян Юйхань](#)
 - [Чуньянь и Уэр](#)
 - [Пиньэр](#)
- [notes](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [К статье “О стихах в романе «Сон в красном тереме»”](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Цао Сюэцинъ

Сон в красном тереме

Главы LXXXI – CXX

Глава восемьдесят первая

Удя рыбу, четыре красавицы гадают о счастье;

строго наставив сына, отец отправляет его в домашнюю школу

После отъезда Инчунь госпожа Син держала себя так, будто ничего не случилось. Зато госпожа Ван долго вздыхала у себя в комнате. Она воспитывала девушку с самого детства и была расстроена. Как раз в это время к ней пришел Баоюй справиться о здоровье. Заметив слезы на глазах матери, он молча стал в стороне и, лишь когда госпожа Ван сделала ему знак, сел рядом с нею на кан.

– О чем ты думаешь? – спросила госпожа Ван, видя, что сын не решается заговорить.

– Да так, ни о чем особенном, – ответил Баоюй. – Узнал, что второй сестре Инчунь тяжело живется, и стало больно. Бабушке ничего не сказал, а сам вторую ночь не сплю. Ни одна из наших барышень не смогла бы вынести подобных обид, что же говорить об Инчунь! Она самая слабая, самая робкая. Ни разу ни с кем не поссорилась. А сейчас вынуждена терпеть издевательства негодяя, не способного понять страдания женщины.

Баоюй едва не плакал.

– Ничего не поделаешь, – проговорила госпожа Ван. – Недаром говорится в пословице: «Выданная замуж дочь – все равно что выплеснутая из ковша вода». Чем я могу помочь?

– Я знаю, что делать, – заявил Баоюй. – Надо обо всем рассказать бабушке, попросить взять сестру Инчунь домой и поселить на острове Водяных каштанов, чтобы она могла по-прежнему играть с сестрами и не терпела издевательств Сунь Шаоцзу. Пусть хоть сто раз присылает за ней людей – мы ее не отпустим. Скажем, что таков приказ старой госпожи. Хорошо я придумал?

Слова Баоюя и рассердили и рассмешили госпожу Ван.

– Так нельзя! – сказала она. – Неужели ты не понимаешь, что девочка, когда вырастет, должна выйти замуж и переехать в дом мужа. А уж там как повезет, мать не может за нее вступиться, хороший попадется муж – ее счастье, плохой – ничего не поделаешь. Как говорится: «Выйдешь за петуха

– угождай петуху, за собаку – собаке!» Не каждой суждено стать государыней, как твоей старшей сестре Юаньчунь. Инчунь еще молода, да и господин Сунь Шаоцзу не стар. У каждого свой характер, вот они и не ладят, но это только на первых порах. Пройдет несколько лет, появятся дети, и все образуется. Смотри только, ничего не говори бабушке! Проболтаешься – пеняй на себя! А теперь иди, хватит бездельничать!

Баоюй не проронил больше ни слова и, понурившись, вышел. Так хотелось излить тоску, но кому? Миновав ворота сада, он машинально направился к павильону Реки Сяосян и, едва переступив порог, не выдержал и громко заплакал.

Дайюй только что привела себя в порядок. Увидев Баоюя расстроенным, она встревоженно спросила:

– Что-нибудь случилось?

И несколько раз повторила этот вопрос, но Баоюй ответить не мог, наклонился над столом и всхлипывал.

Дайюй долго в упор смотрела на него, а потом с досадой спросила:

– Кто расстроил тебя? Уж не я ли?

– Нет, нет! – махнул рукой Баоюй.

– Тогда почему ты грустишь?

– Просто я подумал, что лучше умереть раньше, чем позже. Жить совсем неинтересно!

– Уж не рехнулся ли ты? – изумленно спросила Дайюй.

– Нет. – Баоюй покачал головой. – Сейчас я тебе кое-что расскажу, и ты все поймешь. Слышала, что рассказывала вторая сестра Инчунь? Видела, на кого она стала похожа? Вот я и думаю: стоит ли выходить замуж, если это приносит одни страдания? Вспомнилось мне, как мы создавали нашу «Бегонию», как сочиняли стихи и были счастливы! А сейчас сестра Баочай живет у себя дома, даже Сянлин не может нас навещать. Инчунь замужем. Иных уже нет среди нас. Пусто в доме! Я хотел попросить бабушку взять сестрицу Инчунь обратно, но матушка говорит, что я вздор болтаю. За короткое время сад наш стал просто неузнаваем! Что же будет здесь через несколько лет? Трудно даже себе представить! Чем больше я думаю, тем тяжелее становится на душе...

Дайюй все ниже склоняла голову и в конце концов с тяжелым вздохом опустилась на кан, отвернувшись от Баоюя. В это время Цзыцзюань принесла чай и остановилась в растерянности.

Появилась Сижэнь.

– Так я и знала, что вы здесь, второй господин! – воскликнула она. – Бабушка вас зовет.

Дайюй поднялась и пригласила Сижэнь сесть. Глаза ее были красны от слез. Баоюй принялся ее утешать:

– Не расстраивайся, сестрица! Я наговорил глупостей. Вдумайся в мои слова – и поймешь, что главное – это здоровье. Я скоро вернусь от бабушки, а ты пока отдыхай.

После ухода Баоюя Сижэнь тихонько спросила у Дайюй:

– Что случилось?

– Баоюю жаль вторую сестру Инчунь, – ответила Дайюй, – вот он и расстроился, а у меня глаза красные потому, что я их растерла. Как видишь, ничего не случилось.

Сижэнь промолчала и поспешила за Баоюем.

Когда Баоюй пришел к матушке Цзя, она спала, и ему пришлось вернуться во двор Наслаждения пурпуром.

До полудня Баоюй отдыхал, а проснувшись, взялся от скуки за первую попавшуюся книгу. Это были «Древние напевы». Баоюй наугад раскрыл книгу, и в глаза бросились строки:

Если только песни петь за хмельным вином,
Разве может человек долгий век прожить?

Стихотворение принадлежало Цао Мэндэ^[1]. У Баоюя болезненно сжалось сердце. Он отложил книгу, взял другую. Это оказались сочинения времен династии Цзинь. Баоюй полистал ее и тоже бросил. Подперев голову руками, он погрузился в задумчивость.

– Ты почему не читаешь? – спросила Сижэнь, заваривая чай.

Баоюй промолчал, взял чашку, отпил глоток. Сижэнь не понимала, что с ним творится. Вдруг Баоюй приподнялся и пробормотал:

– Душа бродит за пределами тела!..

Сижэнь чуть не прыснула со смеху. Спросить, что это значит, она не решалась и стала уговаривать Баоюя:

– Не хочешь читать, пойди в сад, погуляй. А то заболеешь от скуки.

Баоюй машинально кивнул и вышел.

Он сам не заметил, как очутился у беседки Струящихся ароматов. Там царило запустение. Со двора Душистых трав, куда направился Баоюй, доносились цветочные ароматы. Но двери и окна там были закрыты, и Баоюй зашагал к павильону Благоухающего лотоса. Еще издали он заметил у отмели Осоки нескольких девушек, они стояли опершись на перила, а служанки, присев на корточки, что-то искали на земле.

Спрятавшись за искусственной горкой, Баоюй прислушался.

– Посмотрим, клюнет или нет? – сказала одна из девушек, судя по голосу, Ли Вэнь.

– Уплыла! – раздался голос Таньчунь. – Я знала, что не клюнет!

– Подожди, сестра, стой смирно, – послышался третий голос. – Она сейчас приплывет.

– Приплыла!

Это крикнули Ли Ци и Сюянь.

Баоюй, не утерпев, поднял камешек и бросил в воду. Послышался всплеск. Девушки вздрогнули.

– Кто это нас пугает?

Баоюй выбежал из-за горки и воскликнул:

– Хороши! Сами развлекаетесь, а мне ни слова!

– Так я и знала, что это брат Баоюй! – воскликнула Таньчунь. – Теперь плати за испугнутую рыбу! Она наверняка бы клюнула, да ты помешал!

– Это я должен вас наказать за то, что не позвали меня с собой!

Все рассмеялись.

– Давайте ловить по очереди, – предложил Баоюй. – Загадаем: кто поймает, у того будет счастливый год, а кто не поймает – у того несчастливый! Ну, кто первый?

Таньчунь предложила Ли Вэнь, но та отказалась.

– В таком случае я буду первой, – заявила Таньчунь и обернулась к Баоюю: – Попробуй только опять испугнуть рыбу!

– Я не рыбу пугал, а вас, – возразил Баоюй. – Лови сколько душе угодно!

Таньчунь закинула удочку. Вскоре поплавок дрогнул и ушел под воду. Девушка дернула удище, и все увидели на берегу трепещущую рыбку. Шишу схватила ее и пустила в кувшин с водой. Таньчунь передала удочку Ли Вэнь. Та забросила ее и, как только дрогнул поплавок, выдернула. Крючок был пуст. Девушка забросила вновь, но едва дрогнула леска, снова выдернула. Опять ничего. Ли Вэнь взяла крючок, осмотрела – он был согнут.

– Теперь понятно, почему не ловится! – воскликнула она, приказала Сююнь выправить крючок, насадить нового червяка и поправить тростниковый поплавок. После этого она вновь закинула удочку. Поплавок погрузился в воду, и девушка, дернув удище, вытащила карасика величиной не больше двух цуней.

– Теперь пусть ловит брат Баоюй, – сказала Ли Вэнь.

– Нет, сначала сестры Ли Ци и Син Сюянь, – возразил Баоюй. – А я

после.

Сюянь ничего не ответила, а Ли Ци сказала:

– Нет, пусть все же попробует брат Баоюй!

– Хватит препираться! – воскликнула тут Таньчунь. – Глядите, вся рыба ушла в сторону сестрицы Ли Ци! Пусть она и ловит...

Ли Ци взяла удочку и не успела закинуть, как поймала рыбешку. Син Сюянь тоже повезло. Затем удочка снова очутилась у Таньчунь, и та протянула ее Баоюю.

– Что ж, придется мне быть Тайгуном!^[2] – воскликнул Баоюй и, встав на камень у самой воды, закинул удочку.

Ему и в голову не пришло, что рыбки, заметив тень на воде, скроются. Напрасно ждал он, когда дрогнет леска. Одна рыбка плеснулась было поблизости, но Баоюй ее спугнул, качнув удилище.

– Я нетерпелив, – с досадой произнес Баоюй, – а она не торопится. Как же быть? Милая рыбка, приди же скорее! Выручи меня!

И такая мольба звучала в его голосе, что девушки невольно рассмеялись. В этот момент поплавок дрогнул. Вне себя от радости, Баоюй с силой дернул удилище. Оно ударилось о камень и сломалось; леска оборвалась, крючок отлетел в сторону. Девушки покатались со смеху.

– Никогда не видела таких неуклюжих, как ты! – сквозь смех заметила Таньчунь.

Прибежала запыхавшаяся Шэюэ.

– Старая госпожа проснулась и зовет вас к себе, второй господин! – крикнула она. – Идите немедленно!

Все встревожились.

– Зачем старая госпожа зовет второго господина? – осведомилась у служанки Таньчунь.

– Не знаю, – ответила Шэюэ. – Слышала, будто что-то случилось, а что – не знаю. За второй госпожой Фэнцзе тоже послали служанку.

Бледный от волнения Баоюй промолвил:

– Опять, наверное, с кем-нибудь из служанок случилось несчастье!

– Не знаешь – не говори! – сказала Таньчунь. – Поспеши лучше к бабушке. А потом через Шэюэ сообщишь нам в чем дело.

У матушки Цзя была госпожа Ван, и у Баоюя отлегло от сердца. Женщины играли в домино, значит, ничего особенного не случилось.

Едва Баоюй появился, как матушка Цзя спросила:

– Не помнишь, что ты чувствовал во время болезни в позапрошлом году, когда буддийский и даосский монахи тебя исцелили?

– Вначале сильно болел затылок, – ответил Баоюй, – будто меня

ударили палкой. Даже в глазах от боли потемнело, и показалось, будто комната полна демонов с черными лицами и оскаленными клыками. Это они меня избивали. Потом голову будто сдавило железными обручами, и от боли я перестал соображать. Но вскоре пришел в себя, и мне почудилось, будто в комнату льется золотое сияние. Как только оно достигло моей постели, демоны скрылись. Голова перестала болеть, на душе стало легко и свободно.

– А ведь там как раз было нечто подобное, – сказала матушка Цзя госпоже Ван.

Пришла Фэнцзе и, поприветствовав матушку Цзя и госпожу Ван, спросила:

– Вы хотели мне что-то сказать, бабушка?

– Помнишь, как в позапрошлом году на тебя нашло наваждение? – обратилась к ней матушка Цзя.

– Очень смутно, – ответила Фэнцзе. – Помню только, что потеряла власть над собой, хватала что под руку попадет, бросалась на всех, хотела убить, дошла до полного изнеможения, но остановиться не могла.

– А как стала поправляться, помнишь? – снова спросила матушка Цзя.

– Как будто услышала чей-то голос, а чей – не знаю, и слов не припомню.

– Наверняка все это дело ее рук, – сказала матушка Цзя. – С ними случилось то же, что с женой хозяина закладной лавки. Какая негодная женщина! А Баоюй считал ее приемной матерью! Хвала богу, буддийский монах и даос спасли мальчику жизнь. А мы их так и не наградили.

– Что это вы, бабушка, вдруг вспомнили о нашей болезни? – поинтересовалась Фэнцзе.

– Спроси мою невестку, – ответила матушка Цзя.

И госпожа Ван начала:

– Муж рассказал, что приемная мать – женщина злая и к тому же колдунья. Как только это выяснилось, ее забрали в Приказ парчовых одежд^[3], а потом передали в ведомство наказаний. Преступница приговорена к смертной казни. А донес на нее не то Пань Саньбао, не то еще кто-то. Имени точно не помню, знаю только, что человек этот продал свой дом владельцу закладной лавки втридорога, а потом стал требовать еще денег. Хозяин, само собой, отказался их дать. Тогда Пань Саньбао за крупную сумму сговорился с колдуньей, она пришла в дом хозяина лавки, где часто бывала, сотворила заклинание, после чего жена хозяина все в доме перевернула вверх дном. А колдунья, как ни в чем не бывало, заявила к хозяину и пообещала вылечить его жену. Взяла немного

жертвенных бумажных денег, фигурки лошадей, сожгла их, и больной стало легче. Знали бы вы, сколько денег она взяла за лечение! Не подумала, что Будда все видит и знает и злодеяние ее раскроется. Так и случилось. В тот день она в спешке обронила узелок, а хозяйские слуги его подобрали. В узелке оказалось множество вырезанных из бумаги человеческих фигурок и четыре каких-то странных пахучих пилюли. Пока слуги рассматривали находку, старуха вернулась искать узелок. Тут ее и задержали. Стали обыскивать и нашли коробочку. Открыли, а там – два голых демона, вырезанных из слоновой кости, и семь покрытых киноварью иголок для вышивания. Старуху тогда отправили в Приказ парчовых одежд, и на допросе она призналась, что к ее услугам прибегали многие женщины и барышни из знатных семей. Дома у нее нашли вырезанных из дерева злых демонов и коробочки с благовониями, нагоняющими тоску. Мало того. В тайнике за каном обнаружили фонарь с изображением семи звезд, а под фонарем – несколько сделанных из травы человечков – у одних головы стянуты обручами, у других из груди торчат гвозди, у третьих на шее замки. Шкаф весь завален фигурками, вырезанными из бумаги, а под ними – счета, – из них ясно, кому и за какую плату старуха оказывала услуги. Столько денег ей передавали на масло и благовония, что и не счесть.

– Теперь все ясно, – вскричала Фэнцзе. – Это она навела на нас порчу! Потом, когда я уже выздоровела, не раз видела, как эта колдунья приходила к наложнице Чжао за деньгами. Увидит меня, побледнеет, глаза забегают, как у воровки. Смотрела я на нее и думала – в чем дело? А оно вот, оказывается, в чем. Что же, все ясно. Кому-то завидно, что я заправляю всеми хозяйственными делами в доме, вот и хотели меня извести. Но Баоюя за что? Чем он виноват? И как можно было дойти до такой жестокости!

– А Баоюя за то, – заметила матушка Цзя, – что он – мой любимец. Не Цзя Хуань, а он. Разве не может такого быть?

– Жаль, что колдунья в тюрьме и нельзя ее вызвать сюда, допросить. А без доказательств наложница Чжао ни в чем не признается. Так стоит ли затевать скандал? Ведь дело очень серьезное. Как бы нам не попасть в неловкое положение! Когда-нибудь и наложницу Чжао настигнет кара, и тогда она сама все расскажет.

– Ты, пожалуй, права, – согласилась матушка Цзя. – В таком деле без доказательств никак нельзя. Но милосердный Будда все видит. Разве не помог он Фэнцзе и Баоюю? Ладно, дело прошлое, не надо больше о нем вспоминать. Поужинайте со мной, а потом вместе домой пойдете!

И матушка Цзя распорядилась подать ужин.

– Ну что вы, бабушка, о нас беспокоитесь? – улыбнулась Фэнцзе и велела девочке-служанке, стоявшей в ожидании приказаний, нести еду.

В это время вошла Юйчуань и обратилась к госпоже Ван:

– Господин Цзя Чжэн ищет какую-то вещь и просит вас, госпожа, сразу после ужина прийти и помочь ему.

– Не задерживайся, – сказала матушка Цзя госпоже Ван. – Может быть, у твоего мужа какое-нибудь важное дело.

Не успела госпожа Ван вернуться к себе, как сразу же нашла то, что искал Цзя Чжэн. Они завели разговор о разных пустяках, и Цзя Чжэн, как бы между прочим, осведомился:

– Инчунь уехала?

– Уехала. Знаешь, она все время плачет. Говорит, что господин Сунь жесток и невыносим.

И госпожа Ван рассказала мужу все, что слышала от самой Инчунь.

– Я всегда знал, что они друг другу не пара, – вздохнул Цзя Чжэн. – К несчастью, мой старший брат давно просватал Инчунь, и я ничего не мог сделать!

– Они только что поженились. Надеюсь, со временем все уладится, – сказала госпожа Ван и вдруг рассмеялась.

– Ты что смеешься? – удивился Цзя Чжэн.

– Вспомнила рассуждения Баоюя на этот счет, – ответила госпожа Ван. – Он совсем еще глуп. Как малый ребенок.

– Что же он говорил? – заинтересовался Цзя Чжэн.

Госпожа Ван передала мужу свой разговор с сыном.

Цзя Чжэн не сдержал улыбки и произнес:

– Кстати, я вспомнил об одном деле. Плохо, что мальчик целые дни проводит в саду. С дочерью проще – она все равно уйдет в чужую семью, а сына надо учить и воспитывать, иначе добром дело не кончится. Тут как-то мне порекомендовали учителя, уроженца юга, человека весьма ученого и высокой нравственности. Но я подумал, что южане обычно отличаются мягким характером, а городские дети избалованы и не в меру хитры, кого хочешь одурачат. Но учитель, чтобы не потерять лица, ни за что не признается в этом и таким образом будет воспитаннику потакать. Вот почему старшие нашего рода никогда не приглашали учителей, а выбирали пожилого и самого ученого человека из своей же семьи и делали учителем домашней школы. Нынешний учитель господин Цзя Дайжу ученостью не отличается, зато держит учеников в строгости. Чем празднично проводить время, пусть лучше Баоюй ходит в школу.

– Вы совершенно правы, – согласилась госпожа Ван. – Пока вы

отлучались по служебным делам, мальчик болел, а теперь пусть возобновит учение.

На том разговор окончился.

На следующее утро, как только Баоюй привел себя в порядок после сна, слуги сообщили:

– Старший господин велит господину Баоюю пожаловать.

Баоюй поспешил к отцу, справился о его здоровье и молча стал в сторонке.

– Ты совсем забросил учение, – строго произнес Цзя Чжэн. – Несколько переписанных тобою текстов не в счет. Говорят, ты ссылаешься на болезнь и не желаешь учиться. Совсем распустился. Ведь ты сейчас совершенно здоров. Целыми днями играешь с сестрами, устраиваешь возню со служанками, а делом не занимаешься. Стишки пишешь, и те посредственные. А на государственных экзаменах главное – написать восьмичленное сочинение на заданную тему. Если за год не сделаешь никаких успехов, учиться тебе незачем, а мне сын-неуч не нужен.

Цзя Чжэн позвал Ли Гуя и приказал:

– С завтрашнего дня пусть Бэймин сопровождает Баоюя в школу. Приведите в порядок учебники и принесите мне посмотреть. В первый день я сам отведу Баоюя в школу! Иди! – крикнул он сыну. – Утром буду ждать тебя!

Баоюй ничего не ответил, постоял немного и возвратился во двор Наслаждения пурпуром.

Сижэнь с волнением дожидалась его. Когда же он приказал ей собрать учебники, обрадовалась. Баоюй послал служанку известить матушку Цзя о решении отца, надеясь, что бабушка пожалеет его и оставит дома. Но матушка Цзя велела позвать его и сказала:

– Выполни волю отца. Не сердь его. А будет тяжело – скажешь мне!

Пришлось Баоюю смириться.

– Разбудите меня завтра пораньше, – приказал он служанкам, – отец собирается вести меня в школу.

Чтобы Баоюй не проспал, Сижэнь с Шэюэ всю ночь попеременно сидели у его постели.

Приведя себя утром в порядок, Баоюй послал девочку-служанку передать Бэймину, чтобы тот ждал его у вторых ворот с учебниками и остальными школьными принадлежностями.

Сижэнь все поторапливала Баоюя. Наконец он собрался и вышел из дому. Но, прежде чем пойти к отцу, послал разузнать, у себя ли он.

– К господину пожаловал гость, – ответил мальчик-слуга, – и ждет,

пока господин оденется.

Баоюй вошел в кабинет, когда Цзя Чжэн как раз собирался посылать за ним слугу. Отец дал ему еще несколько наставлений, после чего оба сели в коляску. За коляской следовал Бэймин, неся книги.

Цзя Дайжу уже был предупрежден, что придет Цзя Чжэн и приведет Баоюя, и как только тот появился, поднялся ему навстречу. Цзя Чжэн и учитель справились о здоровье друг друга, и учитель спросил:

– Как поживает ваша почтенная матушка?

Баоюй тем временем подошел к Дайжу, поклонился. Цзя Чжэн попросил Дайжу сесть и лишь после этого сел сам.

– Я хочу вас кое о чем попросить, потому и приехал вместе с сыном, – начал он. – Мальчик вырос и должен готовиться к государственным экзаменам, дабы в будущем добиться высокого положения и славы. Дома – одно баловство. Единственное, чем он занимается, – это сочиняет стихи, дело малополезное, да и сами по себе стихи несерьезные: про облака, росу и луну. В жизни это не пригодится.

– Мальчик не только красивый, но и умный, почему же не учится, а увлекается ребяческими забавами? – сокрушенно покачал головой Дайжу. – Стихами, конечно, заниматься не вредно, но после того, как постигнешь остальные науки.

– Совершенно с вами согласен, – промолвил Цзя Чжэн. – Потому прошу вас отныне заставлять его побольше читать, учить наизусть канонические книги и писать сочинения. Будет лениться – строго его наказывайте. Это пойдет ему только на пользу. По крайней мере не зря проживет жизнь.

Цзя Чжэн встал, поклонился Дайжу, поговорил с ним еще немного и попрощался. Дайжу проводил его до ворот и попросил передать старой госпоже пожелания здоровья. Цзя Чжэн сказал, что непременно передаст, и уехал. Когда Дайжу вернулся, Баоюй сидел возле окна в юго-западном углу комнаты, а перед ним на столе лежали две стопки книг и тетрадки с сочинениями. Бумагу, тушь, кисти и тушечницу он велел Бэймину убрать в ящик.

– Я слышал, Баоюй, ты болел, – обратился к юноше Дайжу. – Как сейчас себя чувствуешь?

– Хорошо, – вставая, ответил Баоюй.

– Тогда приступим к занятиям, – заявил Дайжу. – Учись усердно! Тогда оправдаешь надежды отца, станешь настоящим человеком. Начнем с пройденного. Каждое утро, до завтрака, будешь читать канонические книги, после завтрака – писать сочинение, в полдень толковать

прочитанные тексты и несколько раз повторять их вслух.

– Слушаюсь, – ответил Баоюй, снова сел, огляделся. Ни Цзинь Жуна, ни других его сверстников не было. Баоюй увидел каких-то незнакомых мальчиков, маленьких и очень невоспитанных. Баоюй вспомнил о Цинь Чжуне и загрустил. С ним, по крайней мере, можно было делиться своими сокровенными мыслями.

От чтения Баоюя оторвал голос Дайжу:

– Сегодня можешь уйти пораньше! Толкованием текстов займемся завтра. Ты мальчик способный, вот и подготовь две главы. Я посмотрю, что ты знаешь, достиг ли каких-нибудь успехов за последнее время.

Слова учителя привели Баоюя в волнение.

Если хотите узнать, как прошел следующий день Баоюя в школе, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят вторая

Старый учитель предостерегает упорствующего в своих заблуждениях юношу;

*дурной сон повергает в смятение обительницу павильона Реки
Сяосян*

Итак, Баоюй возвратился из школы и первым долгом навестил матушку Цзя.

– Вот и хорошо! – с улыбкой промолвила старая госпожа. – Наконец-то дикого коня обуздали! Иди повидайся с отцом, а потом можешь гулять!

Баоюй поддакнул и отправился к Цзя Чжэну.

– Уже окончились занятия? – удивленно спросил Цзя Чжэн. – А задание тебе учитель дал?

– Дал, – ответил Баоюй. – Утром буду читать канонические книги, после завтрака – писать сочинение, в полдень – заниматься толкованием текстов и читать их вслух.

– Сходи к бабушке, побудь с ней немного, – велел отец. – И хорошенько запомни: прежде всего дело, а потом забавы. Спать ложись и вставай пораньше. И не пропускай занятий! Понял?

Баоюй почтительно поддакнул и вышел. Он навестил госпожу Ван, потом матушку Цзя и поспешил в сад, досадуя, что не может сразу перенестись в павильон Реки Сяосян.

Добравшись наконец до павильона, он, едва переступив порог, рассмеялся и захлопал в ладоши:

– А вот и я!

Дайюй вздрогнула от неожиданности. Цзыцзюань поспешила откинуть дверную занавеску, и Баоюй вошел.

– Говорят, ты сегодня отправился в школу, – промолвила Дайюй, – почему же так рано вернулся?

– Представь! – вскричал Баоюй. – Отец велит мне посещать школу! Насилу дождался, пока отпустили, думал, уже никогда не увижусь с тобой! А сейчас будто заново родился. Недаром древние говорили: «В разлуке день кажется годом».

– Родителей навестил? – спросила Дайюй.
– Навестил.
– А сестер?
– Еще не успел.
– Сейчас же отправляйся к сестрам!
– Не хочется, – заявил Баоюй. – Давай лучше поговорим. Отец велел рано ложиться и рано вставать. Так что сестер я навещу завтра.

– Можно и поговорить, – согласилась Дайюй, – только лучше тебе сейчас отдохнуть.

– Я не устал, – возразил Баоюй. – Не гони меня. Мне очень грустно. А с тобой я немного рассеюсь.

Дайюй тихонько рассмеялась и приказала Цзыцзюань:

– Завари для второго господина моего любимого чаю «колодец дракона». Второй господин нынче не бездельничал, как обычно, а в школу ходил.

Цзыцзюань с улыбкой отсыпала чая и велела девочкам-служанкам заварить.

– Не вспоминай о занятиях, – попросил девушку Баоюй. – Надоели мне эти каноны, слышать о них не могу. Особенно о восьмичленных! С их помощью только и можно, что добиться славы да высокой должности. Зачем же говорить, что они развивают глубокие мысли древних мудрецов! Даже лучшие из таких сочинений представляют собой не что иное, как сваленные в кучу цитаты из древних книг. А в некоторых, с позволения сказать, ученых трактатах вообще ничего не найдешь кроме нелепостей! Но отец строго-настрого приказал мне учить всю эту чушь, и я не смею ослушаться.

– Девушкам все это не нужно, – заметила Дайюй, – но в детстве, когда моим учителем был Цзя Юйцунь, я читала подобные сочинения. Встречаются среди них и интересные – глубокие по содержанию и свежие по мысли. Я не очень-то в них разбиралась, но не отвергала. И тебе не советую. Подумай о будущем. Ты непременно должен добиться высокого положения.

Баоюй был неприятно удивлен. Прежде Дайюй, в отличие от других, ничего подобного не говорила. Откуда у нее эти честолубивые помыслы? Но спорить с ней Баоюй не стал, лишь усмехнулся.

Пришли Цзыцзюань и Цювэнь. Цювэнь сказала:

– Сестра Сижэнь послала меня за ним к старой госпоже, а он, оказывается, вот где.

– Мы только что заварили чай, – ответила Цзыцзюань, – пусть

господин выпьет чашечку, а потом идет.

– Я сейчас! —откликнулся Баоюй. – Прости, что доставил тебе хлопоты!

Не успела Цювэнь рта открыть, как Цзыцзюань выпалила:

– Пей скорее! Ведь там тебя целый день ждут! Соскучились!

– Тьфу! Паршивка! – рассердилась Цювэнь.

Баоюй попрощался, Дайюй проводила его до дверей, а Цзыцзюань – до крыльца, после чего вернулась в дом.

Во дворе Наслаждения пурпуром Баоюй встретила Сижэнь:

– Вернулся?

– Второй господин давно вернулся, – ответила за Баоюя Цювэнь. – Он был у барышни Линь Дайюй.

– Что-нибудь случилось? – осведомился Баоюй.

– Ничего не случилось, – ответила Сижэнь. – Просто госпожа просила передать через Юаньян, что отец велел тебе хорошенько учиться, а служанок, которые осмелятся с тобой заигрывать, гнать, как Цинвэнь и Сыци. Я подумала, что такая награда за службу мне не нужна. – Сижэнь была явно расстроена.

– Дорогая сестра! – воскликнул Баоюй. – Не беспокойся! Я буду прилежно учиться, чтобы моя матушка ни в чем не могла тебя упрекнуть. Нынче же прочту все главы, которые задал на завтра учитель. Шэюэ и Цювэнь сделают все, что мне понадобится, а ты отдыхай!

– Мы рады прислуживать тебе, – ответила Сижэнь. – Только учись усердно.

Наскоро поужинав, Баоюй велел зажечь лампу и раскрыл уже знакомое ему «Четверокнижие». С чего же начать?» – размышлял Баоюй.

Он прочел первую главу – как будто все ясно. Стал думать – нет, не все, есть много непонятных мест. Обратился к отдельным примечаниям, затем к комментарию.

«В поэзии я легко разбираюсь, – подумал Баоюй, – а здесь никак не докопаюсь до сути!»

Заметив, что Баоюй напряженно думает, Сижэнь сказала:

– Отдохни! За один раз всего не выучишь!

Баоюй машинально кивнул. Сижэнь позвала Шэюэ, они помогли Баоюю раздеться и лечь, потом сами легли.

Проснувшись среди ночи, Сижэнь услышала, что Баоюй ворочается на постели.

– Не спишь? – удивилась она. – Не думай ни о чем, отдыхай! Будешь завтра опять заниматься!

– Все так, – отвечал Баоюй, – только сон не идет. Сними с меня ватное одеяло!

– Зачем? – возразила Сижэнь. – Сейчас совсем не жарко.

– На сердце какая-то тяжесть, – сказал Баоюй и сбросил теплое одеяло. Сижэнь поднялась, чтобы снова положить одеяло, и случайно коснулась головы Баоюя – она была горячеей.

– Лежи спокойно, у тебя жар, – промолвила Сижэнь.

– Еще бы! – отозвался юноша.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Сижэнь.

– Не бойся, это у меня от волнения, и шум подымать незачем, – успокоил ее Баоюй. – Узнает отец, скажет, что я притворяюсь больным, не желаю учиться. «Почему, – спросит, – ты заболел именно сейчас?» К утру все пройдет, и я пойду в школу.

– Позволь, я лягу рядом с тобой, – попросила Сижэнь – ей было жаль Баоюя.

Она принялась растирать ему спину, и оба незаметно уснули. Проснулись, когда солнце уже стояло высоко над головой.

– Ай-ай-ай! – воскликнул Баоюй. – Уже поздно!

Он быстро оделся, побежал справиться о здоровье родителей и отправился в школу.

Баоюй опоздал, и Цзя Дайжу сердито сказал:

– Неудивительно, что отец тобой недоволен. На второй же день опоздал! Что случилось?

Баоюй ответил, что ночью у него был жар, он долго не спал, но к утру стало лучше, и он решил пойти в школу.

В полдень Дайжу сказал юноше:

– Вот тебе раздел из книги! Дай к нему свое толкование!

Баоюй заглянул в книгу. «К молодым людям нужно относиться с почтением», – назывался раздел.

«Хорошо, что не из „Великого учения“ и не из „Учения о середине“! [4]» – обрадовался Баоюй.

– Как давать толкование? – спросил Баоюй.

– На каждое слово, и поподробнее!

Баоюй четко и выразительно прочел весь раздел вслух, подумал и сказал:

– В этом разделе мудрец учит молодых людей не щадить сил своих, чтобы добиться...

Баоюй умолк и вопросительно посмотрел на Дайжу.

– Продолжай, продолжай! – улыбнулся старик. – При толковании

канонических книг дозволено произносить любые слова. В «Записках об этикете» говорится: «При толковании текста нет ничего запретного». Ну, так чего же следует добиться?!

– Славы и высокого положения, – выпалил Баоюй. – Словами «нужно относиться с почтением» мудрец побуждает молодых людей старательно учиться, а словами «не достойны почтения» предостерегает на будущее.

– Допустим, что так, – кивнул Дайжу. – Ну, а точнее?

– Мудрец хочет сказать, – продолжал Баоюй, – что в молодых бывают сокрыты такие таланты, о которых старикам и мечтать не приходится. Но если отлынивать от учебы и проявлять лень, таланты не разовьются, и к сорока – пятидесяти годам человек каким был, таким и останется, ничего не добьется.

– Что же, – произнес учитель. – Толкование вполне приемлемое. Правда, некоторые фразы ты толкуешь по-детски. Например, «не получить известности» здесь вовсе не означает, что подобные люди не могут стать чиновниками и занять высокое положение. Смысл здесь другой: человек, даже не будучи чиновником, может прославиться, если глубоко познает высшую справедливость и истинный путь. Среди древних мудрецов есть отшельники, презревшие мирскую суету. Они не были чиновниками, но прославились! Как это объяснить? «Не достойны» ты тоже истолковал не совсем точно. Это выражение лишь противопоставляется словам «откуда знать». Оно вовсе не означает, что перед молодыми следует трепетать от страха. Здесь имеется в виду трепет восторга, восхищение человеком, сумевшим вознестись на недостижимую высоту благодаря своим талантам. Лишь при таком толковании можно проникнуть в суть этого раздела. Понял?

– Понял.

– Дай толкование второму разделу, – велел Дайжу, полистав книгу и найдя нужное место.

– «Я не встречал людей, влекомых к добродетели так же, как к пороку», – прочел Баоюй.

Ему показалось, что Дайжу нарочно подбирает разделы, чтобы поддеть его. Баоюй смущенно улыбнулся и произнес:

– В этой фразе нет ничего, что требовало бы толкования.

– Глупости! – оборвал его Дайжу. – А если тебе эту тему предложат на экзаменах, ты тоже так ответишь?

Баоюю нечего было возразить, и он снова принялся за толкование:

– Смысл этой фразы таков: люди ценят добродетель, а стремятся к пороку, не ведая, что добродетель свойственна человеческой природе.

Свойствен человеку и порок, к нему тоже влечет. Добродетель – дар Неба, а Небо от нас далеко, порок же – в самом человеке. Трудно ценить далекое больше, чем близкое. Об этом с горечью говорил Кун-цзы, но все же надеялся, что люди вернутся на истинный путь. Тяжко было ему видеть прослывших добродетельными, а на деле тяготевших к пороку. Будь влечение к добродетели так же сильно, как влечение к пороку, лучшего можно бы и не желать.

– Пожалуй, верно, – согласился Цзя Дайжу. – А теперь скажи: если тебе понятны мысли мудреца, почему сам ты подвержен порокам?! Мне никто ничего не рассказывал. Я не живу в вашем доме. Я все понял с первого взгляда. Ты не думаешь о праведном пути. А ведь именно в твоём возрасте формируются качества, без которых нельзя «быть достойным почтения». Прославишься ты или же окажешься «не достойным почтения», зависит от одного тебя. Даю тебе месяц на повторение пройденного, после чего ты будешь писать сочинения на заданную тему. Не вздумай отлынивать, спуска не дам. Ещё древние говорили: «Не будешь лениться – преуспеешь. Будешь лениться – не преуспеешь». Хорошенько запомни все, что я тебе сказал.

С этого дня Баоюй стал усердно учиться, аккуратно выполнял все задания, но рассказывать об этом мы не будем.

Теперь Баоюй целые дни проводил в школе, и его служанкам нечего было делать, Сижэнь даже занялась вышиванием. «Хорошо, что Баоюй стал учиться, – подумала однажды Сижэнь, вышивая сумочку. – И хлопот меньше, и неприятностей. Начни он раньше посещать школу, не случилось бы несчастья с Цинвэнь. Есть поговорка: „Когда гибнет заяц, лисица плачет“. Сижэнь вспомнила о Цинвэнь и тяжело вздохнула. Сама она – наложница Баоюя. А что, если попадетсЯ ему злая жена? Не постигнет ли Сижэнь участь Ю Эрцзе или Сянлин?! Хорошо, если Баоюя женят на Дайюй, хотя и у нее много странностей.

Сижэнь разволновалась, лицо горело, работа валилась из рук. В конце концов она отложила вышивание и побежала к Дайюй. Дайюй, которая в это время читала, поднялась навстречу Сижэнь, пригласила ее сесть.

– Как чувствуете себя, барышня? – осведомилась Сижэнь. – Выздоровели?

– Что ты! Просто мне стало немного лучше! А ты что поделываешь?

– Да так, ничего. Второй господин целыми днями в школе, дел нет, вот я и решила вас навестить.

Цзыцзюань подала чай.

– Садись, сестрица, – обратилась к ней Сижэнь. – Я слышала от

Цювэнь, будто ты что-то про нас болтала.

– И ты ей поверила? – засмеялась Цзыцзюань. – Ничего плохого я не говорила, сказала только, что второй господин ходит в школу, барышня Баочай нас покинула. Сянлин тоже забыла, и теперь у нас скучно.

– Бедняжка Сянлин! – печально произнесла Сижэнь. – Не позавидуешь ей! Такая злая госпожа ей попалась. Покруче той!.. – Сижэнь подняла два пальца, намекая на Фэнцзе. – Никаких приличий не понимает.

– Фэнцзе тоже хороша! – промолвила Дайюй. – Помнишь, как умерла Ю Эрцзе?

– Еще бы не помнить! – вскричала Сижэнь. – Все мы – люди. Только положение у нас разное. Но разве можно проявлять такую жестокость?! Вот она и снискала себе дурную славу!

Дайюй никогда не слышала, чтобы Сижэнь кого-нибудь осуждала, и очень разволновалась.

– Что тут скажешь, – произнесла она. – В семейных делах всегда так бывает. «Не одолеет восточный ветер западный, западный одолеет восточный».

– Наложницы всегда держатся робко, – возразила Сижэнь. – Разве посмела бы Сянлин кого-нибудь обидеть?

Пока они разговаривали, во дворе появилась женщина и спросила:

– Здесь живет барышня Линь Дайюй? Кто есть в доме?

Сюэянь выбежала во двор и увидела одну из служанок тетушки Сюэ.

– Вам что-нибудь нужно? – спросила Сюэянь.

– Наша барышня прислала барышне Линь Дайюй подарок, – ответила женщина.

– Подожди! – сказала Сюэянь и побежала к Дайюй.

Дайюй велела привести женщину.

Женщина справилась о здоровье Дайюй и вперила в нее пристальный взгляд. Дайюй стало не по себе, она спросила:

– Какой же подарок прислала мне Баочай?

– Барышня посылает вам банку засахаренных фруктов, – с улыбкой ответила женщина и, заметив Сижэнь, спросила: – Это, кажется, барышня Хуа Сижэнь, из комнат второго господина Баюя?

– Откуда вы меня знаете, тетушка? – изумилась Сижэнь.

– Я-то вас знаю, – ответила женщина. – Вы бывали у нас, и не раз. А вот вы меня не знаете. Я не сопровождаю господ при выездах, а присматриваю за комнатами.

Она передала Сюэянь банку с фруктами, снова взглянула на Дайюй и обратилась к Сижэнь:

– Неудивительно, что наша госпожа считает барышню Линь Дайюй самой подходящей парой второму господину Баоюю. Она настоящая фея!

– Тетушка, ты устала, – перебила ее Сижэнь, смекнув, что та говорит не то, что следует. – Присядь, выпей чайку!

– Что и говорить! – захихикала женщина. –хлопот по горло. Скоро свадьба барышни Баоцинь. Еще надо отнести подарок второму господину Баоюю – две банки личжи.

Сказав это, женщина стала прощаться.

Дайюй рассердилась на женщину за бесцеремонность, но промолчала – ведь ее прислала Баочай. Лишь когда женщина собралась уходить, Дайюй проговорила:

– Поблаговари барышню за подарок!

А женщина, направляясь к двери, не переставала бормотать:

– Только второй господин Баоюй достоин такой красавицы!

Дайюй притворилась, будто не слышит, потом сказала:

– Почему человек, как только состарится, начинает болтать всякие глупости? Право, досадно и в то же время смешно.

Сюэянь подала банку с фруктами.

– Убери, – махнула рукой Дайюй. – Я сейчас не хочу!

Пока они беседовали с Сижэнь, настал вечер. Сижэнь ушла, а Дайюй сняла украшения и отправилась в боковую комнату, где стояла банка с фруктами. Поглядев на нее, Дайюй вспомнила болтовню женщины. И словно игла вонзилась ей в сердце. Все уже спали, дом словно замер, и от этого было еще тоскливей.

Мысли одна печальней другой лезли в голову. Здоровье у нее слабое, она уже взрослая, но ни тетя, ни бабушка пока ни словом не обмолвились о замужестве, хотя сердце Баоюя принадлежит ей, сомнения тут нет. Как жаль, что родители в свое время не помолвили ее с Баоюем! Но ведь могло быть и хуже – просватали бы за другого, и неизвестно, каким бы он оказался – хорошим или плохим.

Нет, пусть лучше все будет так, как сейчас. По крайней мере, есть хоть какая-то надежда.

Терзаемая сомнениями, Дайюй вздохнула и, как была, не раздеваясь, прилегла на постель...

– Барышня, к вам пожаловал господин Цзя Юйцунь! – вдруг услышала она голос девочки-служанки.

«С какой стати он явился? – удивилась Дайюй. – Ну, училась я у него, и что? Не мальчишка же я, чтобы так запросто ко мне заявляться. И хотя он друг моего дяди, мне незачем к нему выходить».

– Поблагодари господина Цзя Юйцуня за внимание и скажи, что я нездорова и выйти никак не могу, – приказала Дайюй служанке.

– Он пожаловал с доброй вестью. За вами приехали из Нанкина, – произнесла служанка.

Вдруг появились Фэнцзе, госпожи Син и Ван и с ними Баоюй.

– Мы пришли тебя обрадовать, – сказали они, – и проводить в путь.

– Я вас не понимаю, – промолвила Дайюй.

– Не строй из себя дурочку, – покачала головой Фэнцзе. – Ты прекрасно знаешь, что твой отец назначен на должность начальника провиантского управления провинции Хубэй, что он женат вторым браком и живет с новой супругой в полном согласии. В нынешнем его положении он не может допустить, чтобы дочь его находилась у чужих, это наносит ущерб его достоинству. Вот он и поручил господину Цзя Юйцуню просватать тебя за вдовца, родственника твоей мачехи, и сразу после возвращения в родительский дом тебе предстоит переехать к мужу. Так решила мачеха и попросила, чтобы в пути тебя сопровождал господин Цзя Лянь.

От услышанного Дайюй покрылась холодным потом, но, взяв себя в руки, решительно заявила:

– Все это выдумки сестры Фэнцзе!

Госпожи Син и Ван переглянулись:

– Ну, раз она не верит, пойдем!..

– Не уходите, – сдерживая слезы, взмолилась Дайюй. Но женщины, будто не слыша, холодно усмехнулись и пошли к выходу.

У Дайюй комок подступил к горлу. «Надо бежать к старой госпоже, – подумала девушка, – просить, умолять. Некому больше меня спасти».

Она помчалась к матушке Цзя, пала перед ней на колени, взмолилась:

– Бабушка, спасите меня! Я лучше умру, чем уеду отсюда! Позвольте мне быть всегда возле вас!

– Мне нет до этого никакого дела, – ответила матушка Цзя равнодушно.

– Как же быть, бабушка! – Дайюй разрыдалась.

– Ты выходишь за вдовца? И прекрасно! – произнесла матушка Цзя. – По крайней мере, у тебя будет два туалетных ящика – один твой, другой – первой жены!

– Бабушка! – молила Дайюй. – Мне ничего не нужно, спасите меня!

– Глупости! – отвечала матушка Цзя. – Ты как малый ребенок. Девушка рано или поздно должна выйти замуж. Не вековать же тебе у нас!

– Не гоните меня! Я готова быть вашей рабыней, чтобы заработать на

пропитание! Заступитесь же за меня! – Дайюй еще крепче прижалась к коленям старой госпожи. – Ведь вы любили и жалели меня! А в такой тяжелый момент хотите покинуть? Я – ваша внучка, дочь вашей дочери! Хоть ради нее спасите меня!

– Юаньян, отведи барышню, – промолвила матушка Цзя. – Я устала от ее нытья!

Поняв, что мольбы тщетны и остается лишь покончить с собой, Дайюй вышла. Значит, все это время бабушка и сестры лишь притворялись добрыми, лицемерили! Да и зачем, кому нужна сирота?

Может быть, Баоюй поможет? Что-то его не видно? В тот же миг появился Баоюй.

– Поздравляю, сестрица! – захихикал он.

Дайюй не выдержала и прямо при посторонних напустилась на него:

– Теперь я вижу, какой ты безжалостный!

– Безжалостный? – удивился Баоюй. – Но у тебя есть жених, и отныне каждый из нас пойдет своей дорогой.

Гнев душил Дайюй, но она не знала, что делать. Схватила за руку Баоюя и воскликнула:

– Дорогой брат! И ты гонишь меня.

– Я тебя не гоню! Живи здесь, если хочешь, – ответил Баоюй. – Ты приехала к нам потому, что мы с тобой были помолвлены. Вспомни, как я относился к тебе!

Может быть, их и в самом деле в детстве помолвили, – подумала Дайюй, и печаль ее сменилась радостью.

– Я поклялась хранить верность тебе всю жизнь! – воскликнула девушка. – Ты не отвергнешь меня?

– Я же сказал, оставайся! Не веришь словам – загляни в мое сердце.

Он схватил нож, ударил себя в грудь, хлынула кровь. Дайюй подбежала, зажала рану рукой, зарыдала:

– Зачем ты это сделал? Лучше меня убил бы!

– Не плачь! – стал успокаивать ее Баоюй. – Я просто хотел показать тебе свое сердце!

Дайюй, плача, обняла его.

– Да, плохо дело! – вздохнул Баоюй. – Как же мне теперь жить без сердца?

Глаза его закатились, и он со стоном рухнул на пол. Дайюй закричала и тут же услышала голос Цзыцзюань:

– Барышня, барышня! Вам что-то страшное приснилось? Проснитесь же! Разденьтесь и снова ляжете!

Дайюй открыла глаза. Это был дурной сон. В горле пересохло, сердце неровно билось, все тело было в поту, даже подушка намокла.

«Родители не успели помолвить нас с Баоюем. Что же это мне вдруг приснилось?»

Она вспомнила, какой одинокой и бесприютной видела себя во сне, и представила, что было бы с нею, не стань Баоюя. С трудом заставила она себя раздеться, легла и велела Цзыцзюань накрыть ее одеялом. Однако уснуть не могла и ворочалась с боку на бок. Ей чудились чьи-то жалобные стоны – не то дождь шумел, не то завывал ветер. С этими звуками смешивалось мерное похрапывание Цзыцзюань.

Из окна потянуло холодом, Дайюй стало знобить, она приподнялась, натянула одеяло на плечи. Снова легла и задремала было, но в это время в ветвях бамбука защелкали птицы. За окном посветлело.

Сон как рукой сняло. Дайюй закашлялась и позвала Цзыцзюань.

– Вы не спите, барышня? – удивилась Цзыцзюань. – Опять кашляете? Может, простудились? Уже светает. Скоро солнце взойдет. Пospите хоть немного, не думайте ни о чем. Сон придаст вам сил!

– Неужели ты думаешь, что я не хочу уснуть? – усмехнулась Дайюй. – Просто не могу. Это ты спишь себе да похрапываешь.

Дайюй снова закашлялась, а потом спросила:

– С чего это вдруг ты проснулась?

– Так ведь утро уже, – ответила Цзыцзюань.

– Раз проснулась, дай мне другую плевательницу, – попросила Дайюй.

Цзыцзюань взяла плевательницу, чтобы сменить, и заметила в ней кровь.

– Вот беда! – не сдержала она испуганного возгласа.

– Что случилось? – спросила Дайюй.

– Ничего особенного, – спохватившись, ответила Цзыцзюань. – Я чуть не уронила плевательницу.

– Только-то? – с сомнением произнесла Дайюй.

– Конечно! – быстро ответила Цзыцзюань.

Голос ее дрогнул, комок подступил к горлу, из глаз покатились слезы. Дайюй не раз чувствовала во рту сладковатый привкус крови, и сейчас, по взволнованному голосу Цзыцзюань, все поняла.

– Иди в комнату, а то простудишься!

Цзыцзюань поддакнула, голос ее прозвучал еще печальнее – казалось, девушка всхлипывает. Дайюй похолодела от страха.

– Почему ты плачешь? – спросила она Цзыцзюань, когда та подошла, утирая слезы.

– А я не плачу, – с притворным изумлением произнесла девушка. – Что-то в глаз попало. – И добавила: – Сегодня, барышня, вы полночи кашляли и проснулись раньше обычного!

– Мне очень хотелось спать, – ответила Дайюй. – Но, как нарочно, сон бежал от меня.

– Вы нездоровы, барышня! – встревожилась Цзыцзюань. – Постарайтесь не думать о печальном. Главное – здоровье. Недаром пословица гласит: «Хочешь, чтобы всегда был огонь в очаге, береги деревья!» Кто здоровье бережет, тот долго проживет. Уж если о себе не думаете, пожалейте старую госпожу и госпожу, они вас так любят!

Тут на память Дайюй пришел недавний сон, в глазах потемнело, словно от сильного удара...

Цзыцзюань быстро поднесла Дайюй плевательницу, а Сюэянь стала хлопать ее по спине. Дайюй выплюнула кровь. Заметив в плевательнице кровь, служанки побледнели от страха и едва успели подхватить под руки лишившуюся сознания Дайюй.

Цзыцзюань сделала знак Сюэянь позвать кого-нибудь на помощь.

Сюэянь бросилась из комнаты и столкнулась с Цуйлюй и Цуймо, которые весело хихикали.

– Что это барышни Линь Дайюй не видно? – спросила Цуйлюй. – Наша барышня Сяньюнь с третьей барышней Таньчунь пошли к четвертой барышне Сичунь посмотреть, как она нарисовала сад.

Сюэянь замахала руками.

– В чем дело? – в один голос спросили Цуйлюй и Цуймо. Сюэянь рассказала о том, что только что произошло.

– Ну и глупы же вы! – воскликнули Цуйлюй и Цуймо. – Разве можно такое скрывать? Бегите скорее к старой госпоже!

– Я к ней как раз и направлялась, – ответила Сюэянь. – И вот встретила вас!

– О чем вы там разговариваете? – послышался голос Цзыцзюань. – Барышня спрашивает...

Цуйлюй, Цуймо и Сюэянь поспешили в комнату. Дайюй лежала в кровати.

– Кто вам обо мне рассказал? – спросила Дайюй. – Не надо поднимать шум!

– Барышня Сяньюнь и барышня Таньчунь пошли к барышне Сичунь посмотреть, как она нарисовала сад, – принялась рассказывать Цуймо. – И велели мне пригласить вас, – они не знают, что вам нездоровится.

– Ничего страшного, просто слабость, – улыбнулась Дайюй. – Полежу

немного, и пройдет. Так и передайте барышням. И попросите после завтрака прийти, если будет свободное время. Второй господин Баоюй у вас не был?

– Не был.

– Второму господину Баоюю теперь некогда, он ходит в школу, и отец каждый день проверяет, как он занимается.

Дайюй молчала. Девушки-служанки постояли немного и потихоньку вышли.

Незадолго до этого Таньчунь и Сяньюнь обсуждали картину «Сад Роскошных зрелищ». Не все им нравилось.

Когда же речь зашла о стихотворной надписи к картине, девушки решили посоветоваться с Дайюй и послали за нею Цуйлюй и Цуймо. Служанки вернулись озабоченные.

– Что с барышней Дайюй? – спросила Сяньюнь.

– Ей нездоровится, – ответила Цуйлюй. – Всю ночь она кашляла. А Сюэянь сказала, что в мокроте у нее – кровь.

– Не может быть! – воскликнула Таньчунь.

– Разве я стану врать?! – проговорила Цуйлюй.

– Мы только что были у барышни Дайюй, – подтвердила Цуймо. – На ней лица нет, она даже говорить не может...

– Говорить не может! – вскричала Сяньюнь. – А как же с вами разговаривала?

– Дуры вы! – обругала Таньчунь служанок. – Когда человек не может говорить, значит, он...

Таньчунь спохватилась и умолкла.

– Барышня Дайюй умна, а по пустякам расстраивается, – заметила Сичунь. – Разве можно верить всему, что болтают в Поднебесной?

– Давайте навестим ее, – предложила Таньчунь. – Если она и в самом деле серьезно больна, скажем старой госпоже и Фэнцзе, пусть пригласят врача.

– Вот это верно! – согласилась Сяньюнь.

– Вы прямо сейчас идите, – обратилась к сестрам Сичунь, – а я следом за вами.

Таньчунь и Сяньюнь со своими служанками отправились в павильон Реки Сяосян.

Увидев их, Дайюй расстроилась. Ей снова вспомнился недавний сон. «Если даже бабушка меня не любит, что говорить о сестрах?! Не пригласи я их, ни за что не пришли бы!» Однако Дайюй не подала виду, что расстроена; попросила Цзыцзюань помочь ей подняться и пригласила

сестер сесть.

Таньчунь и Сяньюнь сели на краю кровати. Они видели, что Дайюй и в самом деле серьезно больна, и опечалились.

– Что, сестрица, опять нездоровится? – спросила Таньчунь.

– Ничего особенного, – отвечала Дайюй. – Просто слабость, и все.

Цзыцзюань, стоявшая за ее спиной, показала на плевательницу. Сяньюнь заглянула в нее и, не умея скрывать своих чувств, вскричала:

– Сестрица, ты погляди! Какой ужас!

Только сейчас Дайюй увидела кровь и совсем пала духом.

Таньчунь попыталась исправить положение и сказала:

– Ничего особенного, такое случается, когда усиливается огонь в легких. А эта Сяньюнь невесть что болтает!

Сяньюнь покраснела от смущения и раскаивалась в своей неосторожности.

Таньчунь, обеспокоенная болезненным видом Дайюй, поднялась со словами:

– Старайся не волноваться, сестра! Мы еще к тебе зайдем!

– Спасибо! – с горькой усмешкой произнесла Дайюй.

– Хорошенько заботься о барышне! – приказала Таньчунь, обращаясь к Цзыцзюань.

Цзыцзюань кивнула. Только Таньчунь собралась уходить, как снаружи послышался голос. Если хотите узнать, кто это был, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят третья

Родные навещают заболевшую Юаньчунь в покоях императорского дворца;

Баочай удерживается от слез во время скандала на женской половине дома

Итак, когда Таньчунь и Сяньюнь собрались уходить, снаружи послышался голос:

– Ах, негодяйка! Кто позволил тебе в саду безобразничать?

– Здесь совершенно невозможно жить! – вскричала Дайюй, указав рукой на окно.

Хотя Дайюй была любимицей матушки Цзя, служанки не очень-то ее жаловали. И вот сейчас Дайюй решила, что кто-то подбил старуху ее обругать, потому что она сирота. Как же стерпеть подобную обиду? Внутри у Дайюй все перевернулось, к горлу подступил комок, и она лишилась сознания.

– Барышня! – с горестным воплем бросилась к ней Цзыцзюань. – Что с вами? Очнитесь!

Мало-помалу к Дайюй вернулось сознание, но, все еще не в силах произнести ни слова, она только указывала рукой на окно.

Таньчунь вышла во двор и увидела старуху с костылем, которая гнала грязную, растрепанную девчонку.

– Я здесь присматриваю за фруктами, а ты зачем явилась? – орала старуха. – погоди, придешь домой, живого места на тебе не оставлю!

Девчонка стояла поодаль и, сунув в рот палец, смеялась.

– Бессовестная! – напустилась на старуху Таньчунь. – Как ты смеешь здесь ругаться?

Старуха с заискивающей улыбкой ответила:

– Да я не ругаюсь. Внучку отсылаю домой. Чтобы не натворила чего-нибудь. А то увязалась за мной.

– Нечего оправдываться! Живо убирайся отсюда! – оборвала ее Таньчунь. – Барышня Линь Дайюй нездорова, а ты здесь кричишь!

Старуха сокрушенно покачала головой и поспешила ретироваться.

Следом за ней убежала девчонка.

Вернувшись в комнату, Таньчунь увидела, что Сяньюнь держит Дайюй за руку и плачет, а Цзыцзюань, обняв барышню, растирает ей грудь.

Наконец Дайюй приоткрыла глаза.

– Ты подумала, что старуха тебя ругает? – спросила Таньчунь.

Дайюй кивнула.

– Она внучку свою ругала, – продолжала Таньчунь. – Этим грубиянкам все нипочем. Ни с чем не считаются!

Дайюй вздохнула, взяла Таньчунь за руку, промолвила:

– Сестрица... – и умолкла.

– Не тревожься, – сказала Таньчунь. – Я пришла навестить тебя, как сестра сестру. У тебя мало преданных служанок. А тебе сейчас нужны покой и забота. Надо вовремя принимать лекарства и выбросить из головы мрачные мысли. Тогда ты поправишься, и мы снова соберем наше поэтическое общество. Как это будет прекрасно!

– Это будет для нас просто счастьем, – добавила Сяньюнь.

– Вы хотите меня утешить, я понимаю, но мне не дожить до этого дня! – прерывающимся голосом произнесла Дайюй.

– Ну что ты! – возразила Таньчунь. – Кому не приходится болеть? И как только ты могла такое подумать! Лучше отдыхай! Мы пойдем к старой госпоже и скоро вернемся. А что-нибудь понадобится – пусть Цзыцзюань скажет мне.

– Дорогая сестренка! – сквозь слезы проговорила Дайюй. – Скажи старой госпоже, что я хотела справиться о ее здоровье, но из-за болезни не смогла прийти. И непременно передай, что у меня ничего серьезного, пусть не беспокоится.

– Все передадим, как ты просишь, – пообещала Таньчунь. – А ты лечись!

Она вышла, а следом за ней Сяньюнь.

Цзыцзюань помогла Дайюй лечь и села возле нее, поручив все домашние дела Сюэянь. При взгляде на Дайюй сердце ее сжималось от жалости, и она с трудом сдерживала слезы.

Дайюй долго лежала с закрытыми глазами, однако уснуть не могла. Раньше сад казался ей глухим и безлюдным, а сейчас чудился шум ветра, стрекот насекомых, пение птиц, чьи-то шаги, детский плач – все это тревожило, и Дайюй велела опустить полог над кроватью.

Сюэянь принесла суп из ласточкиных гнезд. Цзыцзюань подняла полог и тихо спросила:

– Барышня, может быть, съедите немного супа?

– Съем, – еле слышно отозвалась Дайюй.

Цзыцзюань помогла Дайюй сесть. Потом взяла чашку с супом, прежде сама попробовала, а затем поднесла чашку к губам Дайюй. Девушка открыла глаза, начала есть, отпила несколько глотков и покачала головой – не хватило сил сказать, что не хочет. Цзыцзюань отдала чашку Сюэянь и осторожно уложила Дайюй.

Полежав немного, Дайюй почувствовала себя спокойнее, но тут за окном послышался тихий голос:

– Сестра Цзыцзюань дома?

Сюэянь выбежала во двор, увидела Сижэнь и еще тише ответила:

– Она в комнате у барышни.

– Что с барышней? – спросила Сижэнь.

Они вошли в дом, и Сюэянь все подробно рассказала: что было ночью и что случилось сейчас.

Сижэнь взволнованно произнесла:

– К нам только что приходила Цуйлюй, сказала, что ваша барышня заболела. Второй господин Баоюй как услышал, так сразу послал меня узнать, что с ней.

В это время из-за дверной занавески показалась Цзыцзюань и поманила рукой Сижэнь.

– Барышня уснула? – спросила, подходя, Сижэнь.

– Слышала, что рассказала сестра Сюэянь? – вопросом на вопрос ответила Цзыцзюань.

Сижэнь кивнула и, нахмурившись, спросила:

– Что же делать? Прошлой ночью Баоюй до смерти перепугал меня.

– Баоюй? – изумилась Цзыцзюань.

– Да, Баоюй. Когда он ложился спать, все как будто было в порядке, – стала рассказывать Сижэнь. – И вдруг среди ночи он стал кричать, что у него болит душа, что кто-то ножом вырезал ему сердце – словом, болтал всякий вздор. Лишь на рассвете немного успокоился. Ну скажи, как тут не напугаться! Нынче он даже в школу не пойдет, надо звать врача.

В этот момент Дайюй снова закашлялась и слабым голосом спросила:

– С кем ты там разговариваешь?

– Это сестра Сижэнь пришла навестить вас, барышня, – отвечала Цзыцзюань.

Дайюй попросила Цзыцзюань помочь ей подняться и жестом пригласила Сижэнь сесть. Сижэнь принялась уговаривать Дайюй:

– Не надо вам подниматься, барышня, лучше лежите.

– Ладно, – отвечала Дайюй, – не волнуйся по пустякам. Ты, кажется,

говорила, что ночью у кого-то болела душа? У кого же?

– У второго господина Баоюя, – отвечала Сижэнь. – Наваждение на него нашло. На самом деле ничего не было.

Дайюй поняла, что Сижэнь не хочет ее огорчать, и, тронутая заботой девушки, опечалилась. Затем, помолчав, спросила:

– А еще что он говорил?

– Больше ничего.

Дайюй кивнула, снова умолкла, а потом со вздохом промолвила:

– Не говори второму господину, что я болею, а то забросит занятия и навлечет гнев отца.

Сижэнь обещала.

– Барышня, ложитесь, – продолжала она уговаривать Дайюй.

Дайюй послушалась и легла. Сижэнь посидела еще немного и вернулась во двор Наслаждения пурпуром. Она сказала Баоюю, что у Дайюй ничего серьезного, и он успокоился.

А сейчас расскажем о Таньчунь и Сяньюнь. Покинув павильон Реки Сяосян, они отправились к матушке Цзя.

По дороге Таньчунь предупредила Сяньюнь:

– Будь осторожна, сестрица, не расстраивай старую госпожу, не болтай лишнего, как только что у Дайюй.

– Да, да, – с улыбкой отвечала Сяньюнь. – Это я от расстройства забыла об осторожности!

Услышав, что Дайюй нездорова, матушка Цзя сокрушенно сказала:

– Как часто она болеет! И Баоюй тоже. Дайюй выросла, и теперь ей особенно надо беречь здоровье. Уж очень она впечатлительна.

Все молча слушали матушку Цзя, никто ни слова не проронил.

– Распорядись, чтобы врач, который придет к Баоюю, заодно и барышню Линь Дайюй осмотрел, – обратилась матушка Цзя к Юаньян, и та пошла выполнять приказание старой госпожи.

Поужинав у матушки Цзя, Таньчунь и Сяньюнь возвратились в сад, но об этом мы рассказывать не будем.

На следующий день пришел доктор Ван, осмотрел Баоюя и сказал, что никакой опасности нет; немного нарушено пищеварение и легкая простуда.

В это время к Дайюй послали служанок предупредить, что к ней сейчас придет врач.

Цзыцзюань поспешила укрыть Дайюй одеялом, опустила полог над кроватью, а Сюэянь принялась за уборку.

Вскоре появился Цзя Лянь в сопровождении врача и сказал:

– Барышни могут остаться, почтенный доктор – свой человек в доме.

Старуха служанка откинула дверную занавеску и пропустила врача в прихожую, где его пригласили сесть.

– Сестра Цзыцзюань, – сказал Цзя Лянь, – расскажи доктору о болезни твоей барышни.

– Погодите, – остановил его доктор. – Разрешите сначала исследовать пульс больной, послушайте мое заключение, а потом скажете, прав ли я. Если ошибусь, барышни мне подскажут.

Цзыцзюань высвободила из-под полога руку Дайюй, положила на подушку, сняла браслеты.

Доктор долго прощупывал пульс то на одной руке, то на другой, после чего вышел в прихожую и сказал Цзя Ляню:

– Все шесть пульсов бьются неровно. Причиной тому, пожалуй, меланхолия.

Заметив Цзыцзюань, стоявшую в дверях, ведущих во внутреннюю комнату, доктор Ван обратился к ней:

– При такой болезни бывают головокружения, потеря аппетита, дурные сны; мучает бессонница, повышается раздражительность. Неосведомленные могут счесть все это капризами, на самом же деле так происходит потому, что сила «инь» в печени подавлена, деятельность сердца ослаблена. Словом, причина кроется в болезни... Прав я или не прав?

Цзыцзюань кивнула и повернулась к Цзя Ляню:

– Доктор совершенно прав.

– В таком случае разговор на этом можно закончить, – сказал доктор и вместе с Цзя Лянем отправился во внешний кабинет, чтобы выписать лекарство. Мальчики-слуги заранее приготовили розовую бумагу.

Доктор Ван выпил чаю, попросил кисть и написал:

«Все шесть пульсов бьются неровно, причина тому – печальные мысли, расстраивающие больную. Левый пульс почти не прощупывается – что свидетельствует об упадке сердечной деятельности. Средний пульс напряженный, в этом сказывается нарушение деятельности печени. Печень входит в сферу влияния стихии дерева и в свою очередь действует на селезенку, которая подчиняется влиянию стихии земли. От этого потеря аппетита. Непрерывная борьба между силами стихий дерева и земли оказывает неблагоприятное влияние на легкие, подвластные стихии металла. Воздух не проникает в легкие, и в них образуется мокрота. Дыхание становится прерывистым, что вызывает кипение крови, отсюда и

кровохарканье. Поэтому прежде всего необходимо очистить печень и легкие и поддержать деятельность сердца и селезенки. Укрепляющее средство при болезнях такого рода есть, но злоупотреблять им не следует, поэтому для начала предлагаю „черное скитание“, которое впоследствии следует заменить более сильным средством для восстановления деятельности легких. Если сочтете мой рецепт пригодным, счастлив буду его предложить».

Он прописал семь средств, их нужно было принимать вместе с дополнительными настоями, чтобы лучше усваивались.

Посмотрев рецепт, Цзя Лянь спросил:

– Разве володушка употребляется при усиленном кипении крови?

– Вам известно лишь, что володушка – средство возбуждающее и при кровохарканье противопоказано, – улыбнулся доктор, – а знаете ли вы, что володушка, сваренная на крови черепахи, незаменимое средство для восполнения недостатка частиц «ян» в печени? Она не только не способствует кипению крови, но, наоборот, укрепляет печень. В «Медицинском каноне» говорится: «Если познал причину болезни – непременно найдешь и лекарство, если не познал, тщетно его искать». Володушка на крови черепахи успокаивающе действует на больного, как Чжоу Бо на Лю Бана^[5].

Цзя Лянь согласно кивнул и сказал:

– Так вот оно что, оказывается! Прекрасно!

– Пусть больная соизволит принять лекарство дважды, – промолвил доктор Ван, – потом дозу следует изменить или же выписать новый рецепт. Извините, но мне пора, дел много. Если позволите, зайду в другой день.

Провожая доктора, Цзя Лянь спросил:

– Значит, Баоюю лекарства не нужны?

– Второй господин Баоюй вполне здоров, – отвечал доктор Ван. – Пусть погуляет, подышит воздухом, и все будет в порядке.

После ухода доктора Цзя Лянь велел приготовить лекарство и вернулся домой, где рассказал Фэнцзе о болезни Дайюй.

Вскоре явилась с докладом жена Чжоу Жуя. Цзя Лянь на половине ее прервал, сказав:

– Я занят, докладывайте теперь второй госпоже, – и ушел.

Жена Чжоу Жуя так и сделала, а доложив все до конца, сказала Фэнцзе:

– Барышня Линь Дайюй совсем плоха, – я только сейчас от нее, – бледная, худая, кожа да кости. Спрашиваю, как она себя чувствует, ничего не говорит, только плачет. А Цзыцзюань мне вот что сказала: «Барышня

наша совсем расхворалась, а с деньгами туго. Попросить барышня не решается, вот я и хочу получить у второй госпожи Фэнцзе свое жалованье вперед за два месяца. Захочется барышне чего-нибудь, будет на что купить. Лекарства, правда, нам ничего не стоят, на них идут деньги из общей казны, но ведь есть и другие расходы». Я обещала помочь ей, поэтому прошу вас, доложите мою просьбу госпоже Ван.

– Ладно, сделаем так, – после некоторого раздумья ответила Фэнцзе. – Я дам Цзыцзюань несколько лянов серебра на расходы. Только смотри, чтобы не узнала барышня Дайюй. А месячное жалованье выдать сейчас нельзя. Выдашь тебе – остальные начнут требовать. Помнишь, как наложница Чжао вступила в перепалку с третьей барышней Таньчунь? А все из-за жалованья! Кроме того, ты ведь знаешь, как увеличились у нас расходы и сократились доходы. Положение нелегкое, не знаю, как вывернуться. А меня обвиняют в нерасчетливости, мало того, говорят, будто я все деньги отсылаю матери и ее семье. Но они либо ничего не смыслят, либо просто так болтают. Ты, тетушка, сама ведешь хозяйство и знаешь, что делается в доме!

– Обижают вас незаслуженно! – поддакнула жена Чжоу Жуя. – Семья большая! Кто кроме вас мог бы вести хозяйство? О женщинах я уже не говорю, но даже мужчины, будь они о трех головах и шести руках, и то не справились бы! У кого же это поворачивается язык такое про вас говорить? – Она усмехнулась и добавила: – Ах, вторая госпожа, дураков на свете немало! Чжоу Жуй недавно ездил по разным местам, так он рассказывал, что нас считают очень богатыми. Про какие-то кладовые болтают, набитые драгоценностями, про посуду, отделанную золотом и яшмой. Про то, что старшая барышня, супруга государя, чуть ли не половину вещей из императорского дворца переслала родителям. А когда приезжала недавно их навестить, золото и серебро повозками везла. И будто теперь убранство в доме как в хрустальном дворце царя Драконов. А на жертвоприношения, говорят, за один день было истрачено несколько десятков тысяч лянов серебра! Но для семьи Цзя это все равно что вырвать шерстинку у быка. Львы у ворот дворцов Нинго и Жунго сделаны из яшмы! В саду стоит золотой цилинь. Было два, но одного украли. Взрослые служанки, не говоря уже о госпожах и барышнях, только и знают, что пить вино, слушать музыку, играть в шахматы да заниматься рисованием – за них все делают девочки-служанки. А уж в какие шелка наряжаются, какие яства вкушают – простому человеку и во сне не приснится! Для господ молодых и барышень ни в чем нет отказа: захотят луну с неба – им тотчас принесут для забавы. Даже песенку про это сочинили:

Богатства много в вотчине Нинго,
И в вотчине Жунго полно добра,
И ценятся не больше, чем навоз,
Там золото и слитки серебра.

Одежды там – носить не износить,
Там пищи самой вкусной – есть не съесть...

Тут жена Чжоу Жуя запнулась и умолкла. Дело в том, что следующая строка песенки была такая:

Напрасно их сокровища считать, —
Ведь все равно ни счесть их, ни учесть!

Тетушка так увлеклась, что совсем забыла об этом.

Фэнцзе сразу смекнула в чем дело и потребовала, чтобы тетушка продолжала, сказав при этом:

– Все это глупости! Хотелось бы мне только знать, кто распускает слухи о золотых цилинях.

– Наверняка имеют в виду маленького золотого цилиндя, которого старый даос когда-то подарил второму господину Баюю, – пояснила жена Чжоу Жуя. – Второй господин его потерял, а барышня Ши Сяньюнь нашла и вернула ему, – вот откуда, я думаю, пошли слухи. Ну, скажите, госпожа, не смешно ли?

– Скорее грустно, а не смешно, – возразила Фэнцзе. – Мы все беднеем, а про наши богатства легенды рассказывают. Недаром пословица гласит: «Свинье лучше не быть чересчур жирной, а человеку – чересчур знаменитым». Ума не приложу, что делать!

– И не зря беспокоитесь, – согласилась жена Чжоу Жуя. – В городе только об этом и говорят – и в чайных, и в винных лавках, и даже на улицах. На чужой роток не накинешь платок!

Фэнцзе велела Пиньэр отвесить несколько лянов серебра, отдала их тетушке Чжоу и сказала:

– Передай серебро Цзыцзюань и предупреди, что это на дополнительные расходы. Если еще потребуется, пусть берет из казны, а о своем месячном жалованье и не заикается. Девушка она умная и поймет, отчего я так говорю. Как выберу свободное время, зайду навестить

барышню Линь Дайюй.

Тетушка Чжоу взяла серебро, поклонилась и вышла.

На этом мы ее и оставим.

Вернемся теперь к Цзя Ляню. Только он вышел из дома, как навстречу ему бросился мальчик-слуга:

– Батюшка вас зовет! Хочет с вами поговорить.

Цзя Лянь поспешил к отцу. Усадив его, Цзя Шэ сказал:

– Говорят, будто из лекарского приказа вызвали в императорский дворец старшего врача и двух младших. Заболела какая-то женщина, но не из придворных, повыше. От нашей государыни были вести?

– Не было, – ответил Цзя Лянь.

– Расспроси-ка Цзя Чжэна и Цзя Чжэня, – велел Цзя Шэ. – Если и они ничего не знают, придется посылать человека в лекарский приказ.

Выйдя от отца, Цзя Лянь первым долгом послал слугу в лекарский приказ, а сам отправился к Цзя Чжэну.

– Откуда ты это взял? – выслушав Цзя Ляня, спросил Цзя Чжэн.

– Отец сказал, – ответил Цзя Лянь.

– В таком случае придется вам с Цзя Чжэнем поехать и все подробно разузнать, – промолвил Цзя Чжэн.

– Я послал в лекарский приказ человека, – сказал Цзя Лянь.

От Цзя Чжэна он отправился к Цзя Чжэню, но встретил его по пути и рассказал обо всем.

– Я тоже об этом слышал и вот иду рассказать твоему отцу и господину Цзя Чжэну, – ответил Цзя Чжэнь.

Цзя Лянь вместе с Цзя Чжэнем снова пошел к Цзя Чжэню. Тот сказал:

– Если заболела Юаньчунь, нам сообщат.

Пришел Цзя Шэ.

Между тем наступил полдень, а слуга, посланный в лекарский приказ, все не возвращался. Неожиданно появился привратник и доложил:

– У ворот дожидаются два члена императорской академии Ханьлинь; хотят о чем-то поговорить с господами.

– Проси, – распорядился Цзя Шэ.

Почтенных мужей Цзя Шэ и Цзя Чжэн встретили у ворот, первым долгом справились о здоровье государыни и проводили гостей в зал.

– Третьего дня гуйфэй почувствовала недомогание, и Высочайший милостиво разрешил четверем родственницам прибыть во дворец навестить ее, – промолвил один из почтенных мужей. – Каждой родственнице иметь при себе одну служанку, не больше. Мужчинам дозволено приблизиться к воротам дворца, передать свою визитную карточку, справиться о здоровье

гуйфэй и дожждаться ответа через придворных, самовольно во дворец не входить. Посетить больную дозволено завтра, когда будет угодно – с утра до вечера.

Выслушав повеление государя, Цзя Шэ и Цзя Чжэн сели. Почтенные мужи выпили чаю, поболтали о разных пустяках и откланялись. Цзя Шэ и Цзя Чжэн проводили их до ворот, а затем пошли к матушке Цзя сообщить новость. Матушка Цзя сказала:

– Итак, во дворец поеду я с двумя невестками. А еще кого взять?

Все молчали.

– Пожалуй, Фэнцзе, – подумав, промолвила матушка Цзя, – она знает, как себя вести в подобных случаях. Кто из мужчин поедет, мужчины пусть и решают.

Цзя Шэ и Цзя Чжэн вышли, посоветовались и решили, что ехать надо всем младшим родственникам, только Цзя Лянь и Цзя Жун останутся присматривать за домом.

Слугам приказано было приготовить четыре зеленых паланкина и более десятка крытых колясок, после чего Цзя Шэ и Цзя Чжэн вернулись в покои матушки Цзя и сказали:

– Завтра встанем пораньше и займемся сборами. Возвратимся после полудня. А сейчас надо отдыхать.

– Хорошо, можете идти, – ответила матушка Цзя.

После ухода Цзя Шэ и Цзя Чжэна госпожа Син, госпожа Ван и Фэнцзе поговорили еще немного и разошлись.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, во дворце поднялась суматоха. Зажгли фонари и факелы, служанки помогали господам приводить себя в порядок, слуги собирали господ. Но вот ко вторым воротам приблизились Линь Чжисяо и Лай Да и доложили:

– Паланкины и коляски поданы!

Немного погодя пришли Цзя Шэ и госпожа Син. После завтрака все направились к паланкинам. Впереди шла матушка Цзя, поддерживаемая Фэнцзе. Согласно высочайшему повелению каждую госпожу сопровождала всего одна служанка.

Наконец, тронулись в путь. Слугам приказали мчаться верхом к воротам императорского дворца и там встречать процессию.

Старшие члены рода Цзя возглавляли шествие, младшие – замыкали. Одни ехали в колясках, другие – верхом.

Когда приблизились к западным воротам императорского дворца, из ворот вышли два евнуха и объявили:

– Госпожи и невестки из семьи Цзя могут пожаловать. Господам

велено ждать у ворот.

Ворота распахнулись, и в них медленно внесли паланкины семьи Цзя, сопровождаемые евнухами. Мужчины проводили их до запретного дворца, где у входа сидело несколько почтенных мужей.

При появлении паланкинов они поднялись и возвестили:

– Прибыли господа из рода Цзя!..

Цзя Шэ и Цзя Чжэн тотчас отошли в сторону, пропуская вперед паланкины.

Когда внутренние дворцовые ворота остались позади, женщины вышли из паланкинов. Здесь их встретили евнухи и повели дальше.

Матушку Цзя поддерживали под руки служанки.

Вот и спальня Юаньчунь. Глазам стало больно от блеска золота и яшмы, глазури, хрусталя.

Вышедшие навстречу придворные барышни сказали:

– Не нужно никаких церемоний, достаточно справиться о здоровье.

Матушка Цзя поблагодарила за милость, приблизилась к постели Юаньчунь, спросила, как она себя чувствует. Юаньчунь пригласила бабушку сесть. Матушка Цзя села, а следом за ней и все остальные.

– Как ваше здоровье, бабушка? – осведомилась Юаньчунь.

Матушка Цзя поднялась и ответила:

– Благодаря твоей счастливой судьбе пока здорова. – Голос ее дрожал от волнения.

Юаньчунь также справилась о здоровье госпожи Син и госпожи Ван. Те тоже встали со своих мест и ответили, что все хорошо. Наконец Юаньчунь поинтересовалась, как поживает Фэнцзе.

– Пока не жалуюсь, – ответила та, почтительно вставая.

– За последние годы тебе немало пришлось потрудиться! – вздохнула Юаньчунь.

Только было хотела Фэнцзе ответить, как появилась дворцовая служанка со стопкой визитных карточек и попросила государыню их просмотреть.

Это были карточки Цзя Шэ, Цзя Чжэна и других родственников по мужской линии. Юаньчунь невольно вспомнила родительский дом и расстроилась до слез.

– Мне уже лучше, – слабым голосом произнесла Юаньчунь, – передайте им, чтобы не беспокоились.

Матушка Цзя снова поблагодарила за милость.

– Как тяжело жить в разлуке с близкими! – снова вздохнула Юаньчунь. – Совсем другое дело в простых семьях!

– Не расстраивайся! – сдерживая слезы, успокаивала ее матушка Цзя. – Благодаря твоим заботам в доме у нас все благополучно.

Юаньчунь спросила о Баоюе.

– Он стал прилежно учиться, пишет сочинения, – сообщила матушка Цзя. – Отец внимательно следит за его занятиями.

– Это хорошо, – кивнула Юаньчунь.

Она приказала устроить для родственников угощение во внешнем дворце, куда их и отвели две дворцовых служанки и четыре евнуха. Там все было уже приготовлено, оставалось лишь занять места в порядке старшинства.

После угощения члены семьи Цзя поблагодарили за оказанную им честь и, поскольку дело близилось к вечеру, попрощались с Юаньчунь и собрались в обратный путь.

Юаньчунь приказала служанкам проводить гостей до ворот, где их встретили и повели дальше четыре младших евнуха. Женщины сели в паланкины и направились к внешним воротам, там их дожидались мужчины. Все вместе они отправились домой.

На следующий день все снова отбыли во дворец, но об этом мы рассказывать не будем.

Вы знаете, что Цзиньгуй прогнала от себя Сюэ Паня, Цюлин ушла к Баочай, и теперь Цзиньгуй не на ком было вымещать свою злость. С ней осталась лишь Баочань. Но служанка, с тех пор как стала наложницей Сюэ Паня, очень изменилась – не была больше кроткой, как прежде.

Почуввав в Баочань опасную соперницу, Цзиньгуй уже раскаивалась, что свела ее с Сюэ Панем. Выпив однажды вина, она позвала Баочань, велела приготовить отрезвляющий отвар и как бы между прочим спросила:

– Куда это третьего дня ездил твой господин?

– Откуда мне знать?! – огрызнулась Баочань. – Уж если он вам, госпожа, не сказал, неужели мне скажет?!

– Какая я госпожа! – воскликнула Цзиньгуй. – У меня все отобрали, всего лишили. Того не тронь, этого не задень – у каждого находится защитник! Так что незачем мне лезть на рожон, как говорится, «ловить вшей у тигра». Даже ты, моя служанка, грубишь, обрываешь меня на полуслове, – так уж лучше придушила бы сразу! Тогда вы с Цюлин станете господами! А то я, будто назло, живу и живу, стою на вашем пути!

Баочань вышла из себя и, тараща глаза на Цзиньгуй, заорала:

– Не вам говорить, не мне слушать подобные глупости, госпожа! Ничего такого я не думала, и вы это хорошо знаете! Может, вы и боитесь

кого-нибудь тронуть, только не ничтожных служанок, и нечего на нас срывать свою злость! Будто вам неизвестно, что в доме творится! Да вы это лучше меня знаете!

Она заплакала в голос. Цзиньгуй, не владея собой, вскочила с кана и бросилась на Баочань с кулаками.

Но Баочань переняла уловки хозяйки. Она вопила, что ее бьют, звала на помощь, хотя Цзиньгуй пальцем ее не тронула, только перевернула все вверх дном и перебила посуду.

В это время, надобно вам сказать, тетушка Сюэ находилась в комнате Баочай и, услышав шум, приказала:

– Сянлин, пойдй взгляни, что там творится, и передай, чтобы уgomонились!

– Не надо Сянлин туда ходить, мама, – вмешалась Баочай. – Разве ей с ними справиться? Ее появление только подольет масла в огонь.

– В таком случае я сама пойду, – заявила тетушка Сюэ.

– Вам тоже не стоит ходить – пусть скандалят, – проговорила Баочай. – На них нет управы!

– Нет, так не годится! – возмутилась тетушка Сюэ и, взяв с собой служанку, решительно направилась в комнату Цзиньгуй. Пришлось Баочай последовать за матерью.

– А ты останься! – приказала она Сянлин.

– Что у вас тут происходит? – крикнула тетушка Сюэ, подойдя к комнате Цзиньгуй. – Перевернули все вверх дном. Разве подобает так себя вести? А услышат люди, негодницы вы этакие? Ведь осудят!

– А мне нечего бояться! – крикнула в свою очередь Цзиньгуй. – Это у вас все вверх дном, не поймешь, где хозяева, где слуги, где старшие жены, где наложницы! В нашей семье ничего подобного не было! Я не вынесу таких оскорблений!

– Старшая сестра, – попыталась вразумить ее Баочай, – мама пришла на шум. И не придавай значения тому, что она сказала «вы», не делая различия между невесткой и служанкой. Объясни, в чем дело, и давай жить в мире, чтобы не волновать маму.

– Вот именно! – промолвила тетушка Сюэ. – Объясни, что случилось, а потом разберемся, в чем я виновата!

– Ах, дорогая барышня! – насмешливо воскликнула Цзиньгуй. – Ты такая мудрая, такая добродетельная! У тебя наверняка будет хороший муж, а у твоей матери хороший зять, тебе не придется жить вдовой при живом муже, как живу я. Некому за меня вступиться, все только обижают. Хитрить я не умею, говорю все прямо, так что ты уж не придирайся к словам. Даже

родители меня не поучали. А до моих служанок тебе и подавно нет дела!

Баочай и растерялась и рассердилась, к тому же ей стало обидно за мать.

– Прощу тебя, сестра, не говори лишнего! – сдерживая закипающий в душе гнев, произнесла она. – Кто к тебе придирается? Кто обижает? Даже Цюлин я ни разу не обидела!

Тут Цзиньгуй совсем разошлась, заколотила ногами по кану, зарыдала:

– Где уж мне равняться с Цюлин? Я не стою даже земли, которую она топчет ногами! Она живет здесь давно, знает все твои тайны, а главное – умеет льстить. Я же приехала недавно, а льстить вообще не умею! Да что об этом толковать! Много ли в Поднебесной девушек, которым судьба даровала счастье стать гуйфэй! Я дам тебе хороший совет. Не выходи замуж за дурака, чтобы при живом муже не остаться вдовой! Пусть мой пример послужит тебе уроком!

Тут уж тетушка Сюэ не могла сдержаться.

– Я не защищаю свою дочь, – произнесла она, гордо выпрямившись. – Она старалась тебя успокоить, а ты ее – уколоти. Уж лучше задушила бы меня, чем ее обижать. Может, тебе от этого легче станет!

– Мама, – сказала Баочай, – вам вредно волноваться! Мы хотели успокоить сестру, а рассердили ее еще больше и сами расстроились. Лучше уйдем, а когда сестра перестанет гневаться, поговорим с нею. И ты угомонись, хватит шуметь, – обратилась Баочай к Баочань.

И они с тетушкой Сюэ вышли. Едва миновали двор, как увидели девочку-служанку матушки Цзя, вместе с Цюлин она шла им навстречу.

– Ты откуда? – спросила служанку тетушка Сюэ. – Как чувствует себя старая госпожа?

– Старая госпожа здорова, – отвечала девочка. – Она справляется о вашем здоровье и благодарит за фрукты, которые вы ей третьего дня прислали, еще она просит передать поздравления барышне Баоцинью.

– Давно пришла? – спросила девочку Баочай.

– Давно, – ответила та.

Тетушка Сюэ подумала, что девочка слышала их разговор с Цзиньгуй.

– У нас в доме только что был скандал, – краснея, произнесла она, – не умеем жить как порядочные люди! Ты, наверное, все слышала, и теперь над нами будут смеяться.

– Что вы, госпожа! – проговорила девочка. – Есть ли дом, где, как говорится, тарелки и чашки не бьются друг о друга?! Стоит ли, госпожа, придавать значение таким пустякам!

Девочка прошла с тетушкой Сюэ в комнату, посидела немного и ушла.

Баочай позвала было Цюлин, чтобы дать ей кое-какие приказания, но тетушка Сюэ вдруг вскрикнула:

– Ой, в боку закололо!

И тут же опустилась на кан. Баочай и Цюлин испугались, не зная, что делать.

Если вас интересует, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят четвертая

Проверив знания Баоюя, заводят речь о его женитьбе;

навестив заболевшую Цяоцзе, Цзя Хуань вызывает ненависть

Цзиньгуй так рассердила тетушку Сюэ, что у той начались колики в боку. Баочай сразу поняла, в чем причина болезни. Не дожидаясь врача, она велела купить несколько цяней лекарственной травы гоутэн, приготовила крепкий отвар и дала матери выпить. Затем вместе с Цюлин принялась растирать больной ноги и грудь. Вскоре тетушке Сюэ полегчало.

Надобно вам сказать, что тетушка и в самом деле была не на шутку рассержена и огорчена. Мало того что Цзиньгуй невеста что творила, так она еще незаслуженно оскорбляла Баочай, и той приходилось терпеть. Баочай не уставала успокаивать мать, и тетушка Сюэ вскоре уснула.

Когда она проснулась, Баочай ей сказала:

– Не принимайте близко к сердцу всякие пустяки, мама! А поправитесь, поезжайте к старой госпоже во дворец Жунго, рассейтесь! Мы с Цюлин присмотрим за домом. Надеюсь, невестка образумится.

– Дня через два, пожалуй, съезжу, – согласилась тетушка Сюэ.

Тем временем в дом пришла радость – Юаньчунь выздоровела. Придворные евнухи по повелению государыни привезли в награду деньги и подарки всем родственникам за то, что они так пеклись о Юаньчунь, навещали ее. В перечне даров было точно указано, что кому предназначается.

Евнухов поблагодарили за оказанную милость, напоили чаем, и те уехали.

После этого все собрались у матушки Цзя, стали шутить и смеяться, как вдруг вошла служанка и доложила:

– Мальчишки-слуги сказали, что старшего господина Цзя Шэ приглашают во дворец Нинго по важному делу.

Цзя Шэ почтительно поклонился матушке Цзя и вышел. Тут матушка Цзя обратилась к Цзя Чжэну:

– Совсем забыла! Наша государыня очень заботится о Баоюе и недавно

о нем справлялась.

– А Баоюй вместо благодарности ленится, не хочет учиться! – с улыбкой произнес Цзя Чжэн.

– Но мне известно, что Баоюй сделал большие успехи в учебе, даже стал писать сочинения, – возразила матушка Цзя. – Так я и велела передать государыне.

– Что вы, – снова улыбнулся Цзя Чжэн, – какие там успехи!

– Вспомни, – стояла на своем матушка Цзя, – когда ты брал его с собой и велел писать стихи, разве он не справлялся? Ведь Баоюй совсем еще юный, а учиться надо постоянно, сразу всего не постигнешь. Не зря говорят: «Сколько ни съешь в один присест, не располнеешь».

– Вы совершенно правы, – поддакнул Цзя Чжэн.

– Раз зашел разговор о Баоюе, – промолвила матушка Цзя, – мне хотелось бы поговорить об одном деле. Не пора ли подыскать Баоюю невесту? Брак – дело всей жизни, и нужно все хорошенько обдумать. Ни родство, ни богатство не имеют значения, главное, чтобы невеста была доброй и миловидной.

– Вы правы, матушка, – сказал Цзя Чжэн, – но так же важно, чтобы сам Баоюй вел себя достойно. Иначе он загубит жизнь будущей жены, как сорная трава – цветы. И останется лишь глубоко сожалеть об этом!

– Говоря по справедливости, женитьба сына – дело родителей, так стоит ли мне беспокоиться? – недовольным тоном произнесла матушка Цзя. – Что говорить, Баоюй вырос у меня на глазах. Я люблю его больше других детей и, возможно, избаловала. И все же считаю, что и собой он хорош, и нрава доброго, так что вряд ли способен загубить чью-либо жизнь, как ты говоришь. Может быть, я пристрастна, но мне кажется, Баоюй по своим достоинствам намного превосходит Цзя Хуаня. Или вы с женой думаете иначе?

Цзя Чжэн виновато улыбнулся и промолвил:

– Вы, матушка, умудрены опытом и хорошо разбираетесь в людях. Возможно, я чересчур строг к Баоюю или же, как говорят древние, «не знаю достоинств собственного сына».

Матушка Цзя усмехнулась.

– Ты уже не молод, занимаешь высокую должность, пора бы набраться опыта, – промолвила она. И, в упор поглядев на госпожу Син и госпожу Ван, добавила: – У моего сына было в детстве еще больше странностей, чем у Баоюя, лишь после женитьбы он образумился. А к своему сыну строг сверх меры. Да Баоюй более обходителен с людьми, чем отец! Лучше их понимает.

Госпожи Син и Ван с улыбкой заметили:

– Шутить изволите, госпожа!

Пришли девочки-служанки и тихонько доложили Юаньян, что ужин готов.

– О чем вы там шепчетесь? – поинтересовалась матушка Цзя и, узнав, что ужин готов, распорядилась: – Пусть все идут ужинать, а со мной останутся Фэнцзе и жена Цзя Чжэня.

Цзя Чжэн, госпожи Син и Ван стали было помогать накрывать на стол, но матушка Цзя велела им уходить.

Госпожа Син отправилась к себе, пошли домой и госпожа Ван с Цзя Чжэном. По дороге Цзя Чжэн говорил жене:

– Матушка так любит Баоюя, что он должен оправдать ее надежды, стать настоящим ученым, прославиться, а также сделать счастливой свою будущую жену.

– Совершенно с вами согласна, – ответила госпожа Ван.

Цзя Чжэн послал девочку-служанку передать Ли Гую:

– Как только Баоюй вернется из школы и поест, пусть немедленно идет ко мне. Я хочу с ним поговорить.

Ли Гуй все в точности передал Баоюю, когда тот вернулся из школы, но Баоюй все же пошел навестить бабушку, после чего наспех поел и побежал к отцу.

Войдя в кабинет, он справился о здоровье отца и молча встал в сторонке – само смирение.

– Я давно собирался поговорить с тобой, только мешали дела, – начал Цзя Чжэн. – Ты мне как-то рассказывал, что учитель велел тебе месяц заниматься толкованием канонов, а потом приступить к сочинениям. Прошло два месяца – ты начал писать сочинения?

– Три раза писал, – ответил Баоюй. – Но учитель сказал: «Когда как следует научишься писать сочинения, доложишь отцу, а пока не надо». Потому я и не сказал вам.

– А на какую тему? – поинтересовался Цзя Чжэн.

– Первая тема: «В пятнадцать лет стремлюсь учиться», вторая: «Если люди тебя не знают, не сердись на них» – и третья: «Тогда обращаются к Мо-цзы».

– Черновики есть? – спросил Цзя Чжэн.

– Я все переписал набело, и учитель сделал исправления, – ответил Баоюй.

– Сочинения дома?

– Нет, в школе.

– Скажи, чтобы принесли, я хочу посмотреть.

Баоюй вышел и приказал слугам:

– Пусть Бэймин сходит в школу и принесет тетрадь с надписью «Учебные задания». Она в ящике моего стола.

Бэймин мигом сбегал, и Баоюй почтительно вручил тетрадь отцу. Цзя Чжэн полистал ее и, увидев на одной из страниц заголовки «В пятнадцать лет стремлюсь учиться», стал читать. Первая строка, поясняющая тему, в изложении Баоюя гласила: «Мудрец всегда стремился к учению, это стремление появилось у него с самого детства». Рукой учителя Дайжу было зачеркнуто «с самого детства» и написано «с пятнадцати лет».

– Словом «детство» ты и показал, что не понимаешь темы, – заметил Цзя Чжэн. – Ведь детство – это от рождения до шестнадцати лет. А мудрец говорит, что учиться надо всю жизнь, постоянно углубляя знания – в пятнадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят и семьдесят лет. Поэтому учитель и исправил «с самого детства» на «с пятнадцати лет».

Дойдя до зачеркнутой Цзя Дайжу фразы «Нерадивость к учению часто встречается у людей», Цзя Чжэн покачал головой и сказал:

– Эта фраза свидетельствует не только о твоей незрелости, но и о равнодушии к знаниям, что недопустимо для истинного ученого.

Затем шла фраза: «Мудрец стремился к знаниям в пятнадцать лет, явление поистине редкое».

– А здесь вообще бессмыслица!

Цзя Чжэн просмотрел исправления учителя Дайжу. Его рукой было написано: «Почти все учатся. Но мало кто со всем усердием стремится к знаниям. Даже мудрец в пятнадцатилетнем возрасте не отличается настоящим усердием».

– Понимаешь, почему это место следовало исправить? – спросил Цзя Чжэн.

– Понимаю.

Цзя Чжэн стал просматривать сочинение на тему: «Если люди тебя не знают, не сердись на них».

Здесь он сперва прочел исправления Дайжу: «Тот, кто не сердится на людей, если они чего-то не знают, всегда сохраняет хорошее настроение», пробежал глазами зачеркнутый текст и обратился к Баоюю:

– Что это ты написал? «Тот, кто не сердится на других, и есть настоящий ученый». Первая часть фразы у Кун-цзы целиком построена на сочетании «не сердись», а вторая часть сочинения говорит о совершенном человеке. Чтобы эта часть соответствовала заданной теме, нужно было

написать так, как исправил учитель. К тому же необходимо, чтобы вторая часть фразы разъясняла первую, только в этом случае не будут нарушаться правила составления таких сочинений. Тебе следовало поглубже проникнуть в смысл, заключенный в теме.

Баоюй не смел возражать и только поддакивал.

Цзя Чжэн снова углубился в чтение:

– «Нет никого, кто бы не сердился на людей, если они чего-то не знают. Учитель же не сердился на людей, если кто-то чего-то не знал, и радовался, если его собеседник обладал знаниями. Как же достигнуть этого?»

Последняя фраза «Разве это не настоящий ученый?» была написана Баоюем.

– Здесь у тебя та же ошибка, что и в первой фразе, – заметил Цзя Чжэн. – Исправление на первый взгляд незначительное, но сразу проясняет тему.

Третье сочинение было озаглавлено «Тогда обращаются к Мо-цзы».

Прочитав заголовок, Цзя Чжэн немного подумал и спросил Баоюя:

– Неужели ты дошел до этого места?

– Учитель сказал, что Мэн-цзы более легок для понимания, – отвечал Баоюй, – и велел мне заняться сначала толкованием его сочинений. Третьего дня я полностью их закончил. А сейчас мы приступили к изучению «Изречений» Кун-цзы.

Цзя Чжэн прочел пояснение к теме, в нем не было серьезных исправлений.

«Говорят, будто не к кому обращаться за объяснениями, кроме Ян Хо!»

– Вторая фраза, пожалуй, неплоха, – заметил Цзя Чжэн, читая дальше:

– «Пусть даже некоторые не желали обращаться к Мо-цзы, все равно его учение распространилось почти по всей Поднебесной, и тот, кто отрицал учение Ян Хо, неизбежно обращался к Мо-цзы». Это тоже ты сам написал?

– Сам, – ответил Баоюй.

– Впрочем, ничего особенного в этой фразе нет, – заметил Цзя Чжэн, – на первый раз сойдет. В позапрошлом году, когда я ездил по делам государственных экзаменов, то предложил тему для сочинений из раздела «Только ученые способны на это». Экзаменующиеся оказались неспособны что-либо добавить к этому разделу и предпочли для легкости просто переписать его по памяти. Ты этот раздел читал?

– Читал, – ответил Баоюй.

– Так вот, напиши сочинение на эту тему, только самостоятельно, не повторяя предшественников, – велел Цзя Чжэн. – А сейчас напиши

вступление к теме!

Баоюй опустил голову и задумался. Цзя Чжэн заложил руки за спину и стоял, прислонившись к дверям. Мимо пробежал мальчик-слуга, но, увидев Цзя Чжэна, оробел и встал навытяжку.

– Тебе чего? – спросил Цзя Чжэн.

– К старой госпоже приехала госпожа Сюэ, – сказал мальчик, – и вторая госпожа Фэнцзе велела мне передать на кухню, чтобы приготовили угощение.

Цзя Чжэн ничего не ответил, и мальчик побежал дальше.

После того как Баочай ушла жить домой, Баоюй часто о ней думал и очень скучал. Поэтому, услышав о приезде тетушки Сюэ, он решил, что с нею приехала Баочай, и ему так захотелось скорее освободиться, увидеть ее, что, набравшись смелости, он сказал отцу:

– Я придумал вступление, только не знаю, понравится ли вам.

– Говори!

– Не обязательно стать ученым, главное – не стремиться к наживе.

– Неплохо, – кивнул Цзя Чжэн. – Отныне, если будешь писать сочинения, четко разграничивай понятия, и лишь когда постигнешь мысль мудреца, берись за кисть. Бабушка знает, что ты у меня?

– Знает, – ответил Баоюй.

– Иди к ней, – сказал Цзя Чжэн.

– Слушаюсь.

Выйдя из кабинета и миновав ворота, Баоюй со всех ног помчался к матушке Цзя. Бэймин едва поспевал за ним, крича:

– Не торопитесь, споткнетесь! Отец увидит!

Но Баоюй, будто не слыша, продолжал бежать. Добежав до ворот дома матушки Цзя, он услышал доносившиеся из комнаты голоса и смех. Там были госпожа Ван, Фэнцзе и Таньчунь. Девочки-служанки отодвинули дверную занавеску и потихоньку сообщили Баоюю:

– Ваша тетушка пожаловала.

Баоюй справился о здоровье тетушки Сюэ, поклонился матушке Цзя.

– Почему ты так поздно? – спросила матушка Цзя.

Баоюй рассказал, как отец проверял его сочинения, как велел придумать вступление к сочинению на заданную тему. Матушка Цзя просияла улыбкой.

– А где сестра Баочай? – спросил Баоюй.

– Твоя сестра не смогла приехать, – ответила тетушка Сюэ, – они с Цюлин остались дома.

На душе у Баоюя стало тоскливо, но сразу уйти он счел неудобным.

В это время накрыли на стол. Матушка Цзя и тетушка Сюэ заняли места во главе стола. Затем сели Таньчунь и все остальные.

– А Баоюй где сядет? – поинтересовалась тетушка Сюэ.

– Рядом со мной, – отвечала матушка Цзя.

Но Баоюй сказал:

– Отец велел мне сразу после еды идти к нему, поэтому я поел и больше не хочу.

– Тогда ты, Фэнцзе, садись рядом со мной, – промолвила матушка Цзя. – Твоя свекровь нынче постится, и твоих услуг ей не понадобится.

– Да, да! Садись с бабушкой и тетей, – поддакнула госпожа Ван, – у меня пост.

Фэнцзе поблагодарила за оказанную ей честь и, когда девочки-служанки расставили на столе кубки и разложили палочки для еды, наполнила кубки вином и заняла свое место.

Все выпили, и матушка Цзя обратилась к тетушке Сюэ:

– Вы, если я не ослышалась, Сянлин почему-то называли Цюлин. И служанки ее так зовут. Что это вам ни с того ни с сего вздумалось имя ей изменить?

Тетушка Сюэ покраснела, тяжело вздохнула.

– Ох, почтенная госпожа, лучше не вспоминать об этом! С тех пор как мой Сюэ Пань женился на этой дерзкой девчонке, дня не проходит без скандала! Я сколько раз увещевала ее – упряма как ослица, слушать ничего не желает. Мне с ней не сладить. Пришлось махнуть рукой. Не понравилось ей имя Сянлин, взяла да и переменяла на Цюлин!

– Что же ей не понравилось? – удивилась матушка Цзя.

– Стыдно рассказывать, – ответила тетушка. – Но перед вами, почтенная госпожа, я не стану таиться! Дело в том, что имя девочке дала Баочай, так Цзиньгуй ей назло его изменила.

– Без всякой причины? – изумилась матушка Цзя.

Тетушка Сюэ вытерла слезы и со вздохом ответила:

– Неужели вы, почтенная госпожа, ничего не знаете! Эта женщина все время придирается к Баочай. Скандал разыгрался как раз в то время, когда от вас пришла служанка!

– Да, я посылала служанку, когда узнала, что вы заболели, справиться о вашем здоровье, – промолвила матушка Цзя. – А вообще-то я посоветовала бы не обращать внимания на всякие мелочи. Сын ваш женился недавно, пройдет время, и все образуется. Баочай добрая, кроткая, а умом некоторым взрослым не уступит. Служанка рассказала, что у вас

там произошло, так мы все хвалили Баочай. На сто девушек едва ли найдется одна такая! Захваливать ее я не хочу, но выйдет замуж, свекор и свекровь на нее не нарадуются, а слуги во всем будут повиноваться.

Баоюй, искавший предлога как-нибудь улизнуть, когда речь зашла о Баочай, стал прислушиваться.

Тетушка Сюэ между тем говорила:

– Все это пустое. Девушка есть девушка – чего от нее ждать? А вот что сын непутевый – плохо. Того и гляди напьется, в беду попадет. Счастье еще, что господа Цзя Чжэнь и Цзя Лянь его опекают.

– Вам, тетушка, незачем волноваться! – сказал Баоюй. – Старший брат Сюэ Пань водит дружбу с торговцами, а это люди солидные. В какую же беду он может попасть?

– Ну, раз ты так считаешь, значит, и в самом деле можно не беспокоиться, – со смехом отвечала тетушка Сюэ.

После ужина Баоюй попрощался с матушкой Цзя и поспешил домой, чтобы немного почитать.

Девочки-служанки подали чай. В это время к матушке Цзя подошла Хупо и прошептала что-то на ухо.

– Пойди посмотри, что случилось с твоей Цяоцзе, – обратилась матушка Цзя к Фэнцзе.

– Мне только что сказала Пиньэр, что послала за вами девочку-служанку, – повернувшись к Фэнцзе, произнесла Хупо. – Цяоцзе захворала.

– Поторопись же, – сказала матушка Цзя. – Тетушка не чужая, простит тебя.

Фэнцзе попрощалась и вышла.

– Я тоже сейчас приду, – проговорила вслед Фэнцзе госпожа Ван. – Дети обычно отличаются слабым здоровьем, и нечего шум поднимать, пусть лучше служанки следят за тем, чтобы кошки и собаки не тревожили девочку. Особенно часто болеют дети в богатых семьях – они изнежены.

После ухода Фэнцзе тетушка Сюэ стала расспрашивать о Дайюй.

– Девочка она хорошая, только очень впечатлительная, все принимает чересчур близко к сердцу, – отвечала матушка Цзя, – вот и сгубила здоровье. Умом и характером она очень похожа на Баочай, но в доброте и умении обходиться с людьми уступает ей.

Тетушка Сюэ произнесла для приличия еще несколько фраз и стала прощаться.

– Вам пора отдыхать, почтенная госпожа, – сказала она, – а мне – домой, ведь Баочай и Сянлин одни. Кстати, по пути мы с сестрой навестим Цяоцзе.

– Вот и хорошо! – промолвила матушка Цзя. – Вы достаточно опытни, и девочке будут полезны ваши советы.

Тетушка Сюэ теперь уже окончательно попрощалась и в сопровождении госпожи Ван вышла, направившись к дому Фэнцзе.

Цзя Чжэн между тем остался очень доволен успехами Баоюя в учебе и отправился к друзьям поболтать. Зашла речь о Баоюе, и Ван Эрдяо, друг Цзя Чжэна, по прозвищу Цзомэй, замечательный игрок в шахматы, недавно приехавший в столицу, сказал:

– На мой взгляд, второй господин Баоюй преуспел в науках!

– Да разве это успехи?! – скромно отвечал Цзя Чжэн. – Он просто стал немного лучше разбираться в канонах. Что до наук, то он их пока не постиг.

– Вы скромничаете, почтенный друг, – возразил Чжань Гуан, тоже друг Цзя Чжэна. – Не только старший брат Эрдяо, но все мы считаем, что второй господин Баоюй далеко пойдет.

– Вы любите его сверх меры, – заметил Цзя Чжэн улыбаясь.

– Есть у меня к вам разговор, – промолвил Ван Эрдяо, – только не считите меня безрассудным.

– В чем дело? – осведомился Цзя Чжэн.

– У моего давнишнего друга, господина Чжана, правителя округа Наньшао, есть дочь, – начал Ван Эрдяо. – Говорят, она добродетельна и красива, но до сих пор не просватана. Сыновей у господина Чжана нет, а состояние огромное. Зятя он хочет благородного происхождения и непременно выдающихся способностей. За два месяца моего пребывания здесь я успел убедиться, что второй господин Баоюй – юноша весьма достойный, не лишенный талантов, с блестящим будущим. Думаю, вы не станете возражать против такого родства! Если я переговорю с господином Чжаном – успех сватовства обеспечен.

– Да, Баоюй в таком возрасте, что следует подумать о женитьбе, – согласился Цзя Чжэн, – старая госпожа об этом говорила не раз. Вот только почтенного господина Чжана я мало знаю.

– Семья Чжан хорошо мне известна, – вмешался тут Чжань Гуан. – Они ведь давно состоят в родстве со старшим господином Цзя Шэ, и если хотите узнать о них поподробней, можете спросить у него.

– Родственники Цзя Шэ? – удивился Цзя Чжэн. – Что-то не припомню таких.

– Вы просто не знаете, почтенный друг, что эти Чжаны доводятся родственниками дядюшке Сину, брату супруги господина Цзя Шэ.

Только сейчас Цзя Чжэн догадался, что речь идет о родственниках

госпожи Син. Посидев еще немного с друзьями, он отправился во внутренние покои, намереваясь поговорить с госпожой Ван и попросить разузнать у госпожи Син о семье Чжан.

Но госпожи Ван дома не оказалось, она с тетушкой Сюэ ушла к Фэнцзе посмотреть, что случилось с Цяоцзе, и лишь в сумерки вернулась домой.

Цзя Чжэн передал ей свой разговор с Ван Эрдяо и Чжань Гуаном и спросил:

– Что с Цяоцзе?

– Видимо, девочку испугали, – ответила госпожа Ван.

– Надеюсь, не сильно? – поинтересовался Цзя Чжэн.

– Боюсь, что сильно. У нее судороги.

Цзя Чжэн кашлянул и умолк. Вскоре они разошлись по своим комнатам отдыхать. Но об этом мы рассказывать не будем.

На следующий день, когда госпожа Син пришла к матушке Цзя справиться о здоровье, госпожа Ван завела речь о семье Чжан. Она рассказала матушке Цзя все, что слышала от Цзя Чжэна, и поинтересовалась мнением госпожи Син.

– Чжаны и в самом деле доводятся нам родственниками, но мы давно не общаемся, и я ничего не могу сказать об их барышне, – ответила госпожа Син. – Недавно ко мне приходила старуха передать поклон от наших родственников из семьи Сунь и немного рассказала о семье Чжан. От нее я как раз узнала, что господин Чжан просил семью Сунь найти подходящего жениха для его дочери. Говорят, барышня Чжан – единственное чадо в семье; очень мила и воспитанна, грамотна и до того скромна, что стесняется бывать на людях, все время проводит в своих покоях. Господин Чжан не хочет отпускать дочь в чужую семью, боится, как бы свекровь не попалась слишком суровая, не обижала невестку, и решил зятя взять в дом, чтобы вместо него управлял хозяйством.

– Это не годится, – не дослушав, заявила матушка Цзя. – За Баоюем самим нужен глаз да глаз! Где уж ему вести хозяйство в чужом доме!

– Вы совершенно правы, почтенная госпожа, – согласилась госпожа Син.

– Передай мужу, – обратилась матушка Цзя к госпоже Ван, – что мы никак не можем породниться с семьей Чжан, – и спросила: – Как себя чувствует Цяоцзе? Пиньэр говорит, что плохо, и я хочу навестить девочку.

– Почтенная госпожа! – в один голос воскликнули госпожи Син и Ван. – Вы души не чаете в девочке, слишком много внимания ей уделяете!

– Да я не только ради нее, – возразила матушка Цзя, – просто надо пройтись и немного размяться... Пойдите поешьте, а потом возвращайтесь сюда, и пойдем вместе!

Госпожи Син и Ван пошли к себе, поели и вскоре вместе с матушкой Цзя отправились к Фэнцзе. Она торопливо выбежала навстречу, пригласила войти.

– Как чувствует себя Цяоцзе? – первым делом спросила матушка Цзя.

– Плохо, судороги никак не проходят, – отвечала Фэнцзе.

– Почему же не позовете врача?

– За ним уже послали!

Кормилица держала на руках Цяоцзе, закутанную в розовое ватное одеяло. Лицо девочки посинело, брови нервно подрагивали, ноздри едва заметно трепетали.

Внимательно оглядев девочку, матушка Цзя, а также госпожи Син и Ван вышли в переднюю.

Завязавшийся было разговор вскоре был прерван появлением девочки-служанки, которая обратилась к Фэнцзе:

– Господин Цзя Чжэн велел спросить, как чувствует себя ваша дочь!

– Передай господину, что мы пригласили доктора, – ответила Фэнцзе. – И сообщим господину результаты визита.

Матушка Цзя вдруг вспомнила разговор о сватовстве Баоюя.

– Сейчас же передай мужу, чтобы не засылал сватов к Чжанам, а то откажемся от сговора – не избежать неприятностей, – сказала она и обратилась к госпоже Син: – Почему вы не поддерживаете связи с семьей Чжан?

– Говоря по правде, Чжаны эти до того скупы, что лучше не иметь с ними дела, – отвечала госпожа Син. – Как бы не испортить жизнь Баоюю!

Услышав это, Фэнцзе догадалась в чем дело и спросила:

– Вы говорите о женитьбе Баоюя?

– Разумеется, – ответила госпожа Син.

Тут матушка Цзя передала Фэнцзе только что состоявшийся разговор.

– Не считите мои слова за дерзость, – промолвила Фэнцзе. – Но стоит ли искать Баоюю невесту на стороне, если самому Небу угодно, чтобы женой его стала девушка, которая живет совсем рядом?

– Кто же это? – удивилась матушка Цзя.

– Неужели забыли, что «драгоценная яшма» сочетается с «золотым замком»? – улыбнулась Фэнцзе.

– Почему ты вчера об этом не напомнила, когда тетушка была здесь? – очень довольная, спросила матушка Цзя.

– Слишком я молода, чтобы давать советы почтенным господам, – ответила Фэнцзе. – К тому же тетушка пришла в гости, и неудобно было заводить разговор о подобных вещах. Господы сами должны устроить это сватовство.

Матушка Цзя, а следом за нею господа Син и Ван рассмеялись.

– Это я от старости поглупела, – промолвила матушка Цзя.

Тут служанка сообщила, что пришел доктор. Матушка Цзя осталась в передней, а господа Ван и Син поспешили скрыться.

Доктор вошел в комнату в сопровождении Цзя Ляня, справился о здоровье матушки Цзя и лишь после этого проследовал во внутренние покои. Осмотрев девочку, он вышел, почтительно поклонился матушке Цзя и сказал:

– У ребенка судороги от испуга, да еще жар от простуды. Состояние тяжелое. Прежде всего необходимо отхаркивающее средство, а потом уже порошок для изгнания четырех духов. Еще очень хорошо безоар. Но в лавках безоар поддельный, а надо раздобыть настоящий.

Матушка Цзя поблагодарила врача. Он прописал лекарство и уехал.

– Женьшень в доме есть, – сказала Фэнцзе, пробежав глазами рецепт, – а вот безоар – не знаю. Если покупать, то непременно настоящий.

– Погоди, надо спросить у тетушки, – предложила госпожа Ван. – Ведь Сюэ Пань ведет торговлю с купцами из западных стран, может, у них найдется. Сейчас пошлю служанку разузнать.

Пришли сестры, посидели немного, потом проводили матушку Цзя.

Когда Цяоцзе дали лекарство, ее стошнило. Фэнцзе немного успокоилась – по крайней мере девочка вышла из оцепенения.

Вскоре служанка госпожи Ван принесла пакетик и отдала Фэнцзе со словами:

– Вторая госпожа, вот безоар! Госпожа сказала, чтобы взяли сколько нужно!

Фэнцзе велела Пиньэр заварить мелко толченный жемчуг, камфару и киноварь. Отвесила на весах безоар, добавила к горячей смеси, и лекарство было готово. Теперь осталось ждать, когда проснется Цяоцзе.

Тут раздвинулась дверная занавеска, и на пороге появился Цзя Хуань.

– Как Цяоцзе? – спросил он. – Матушка велела справиться о ее здоровье.

Фэнцзе насторожилась: с чего это Цзя Хуань и его мать стали вдруг так внимательны? – и ответила:

– Ей лучше, поблагодари матушку за заботу!

Каждое слово Фэнцзе Цзя Хуань сопровождал кивком головы, а сам

все что-то высматривал, глаза так и шныряли по комнате.

– Вы, я слышал, говорили о безоаре, – произнес он наконец. – Что это такое? Может, позвольте посмотреть?

– Не шуми, девочку потревожишь, – цыкнула на него Фэнцзе. – А безоар я тебе показать не могу. Его уже сварили.

Тут Цзя Хуань потянулся рукой к висевшему над очагом котелку и ненароком опрокинул его. Содержимое вылилось прямо в огонь, а Цзя Хуань убежал.

– И зачем только сюда принесло этого выродка! – крикнула вслед ему Фэнцзе. – Твоя мать хотела меня погубить, а теперь ты явился погубить мою девочку! Не иначе как в прошлой жизни мы были заклятыми врагами!

Затем Фэнцзе напустилась на Пиньэр, обвиняя во всем ее. В это время пришла служанка за Цзя Хуанем.

– Скажи тетушке Чжао, что очень хорошо она заботится о нас! – в сердцах крикнула Фэнцзе. – Пусть успокоится. Цяоцзе не выжить!

Пиньэр снова стала готовить лекарство. Ничего не понимая, служанка спросила шепотом у Пиньэр:

– Почему госпожа сердится?

Пиньэр рассказала, что Цзя Хуань опрокинул котелок с лекарством.

– Теперь понятно, почему он куда-то скрылся! – воскликнула служанка. – Не знаю, что с ним дальше будет! Давай помогу тебе, сестра Пиньэр!

– Не надо, – ответила Пиньэр. – Можешь идти! К счастью, осталось еще немного безоара, и лекарство можно снова приготовить.

– Я все расскажу тетушке Чжао, – пообещала девочка, – пусть знает, какой у нее сын, и не ругает других.

Девочка действительно рассказала обо всем наложнице Чжао. Та рассердилась и приказала немедленно позвать Цзя Хуаня. Служанки нашли его в передней.

– Ах ты, мерзавец! – напустилась на него мать. – Зачем разлил лекарство? Теперь тебя проклинаят! Ведь я велела только справиться о здоровье девочки! Зачем же было лезть в комнату? Как говорится, «искать вшей у тигра»! погоди, расскажу отцу, он тебя поколотит.

В ответ Цзя Хуань нагрубил матери...

Если хотите знать, что он сказал, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят пятая

Цзя Чжэн получает повышение по службе и принимает поздравления;

Сюэ Пань совершает преступление, и его ждет наказание

Итак, в ответ на упреки матери Цзя Хуань крикнул:

– Что такого я сделал? Пролил немного лекарства? С девочкой ничего не случилось, а меня и там и тут обругали! В злом умысле обвинили! Смерти моей захотели? Погодите, разделаюсь я с этой девчонкой! Пусть убираются отсюда!

Чжао бросилась к Цзя Хуаню, зажала ему рот рукой.

– Замолчи! Как бы за такие слова из тебя первого душу не вытряхнули!

Поссорившись с сыном, наложница Чжао в то же время затаила обиду на Фэнцзе. Она даже не послала к ней служанку попросить извинения за сына.

Цяоцзе через несколько дней поправилась, но вражда между обеими семьями не проходила.

Как-то к Цзя Чжэну пришел Линь Чжисяо и сказал:

– Нынче день рождения Бэйцзинского вана. Жду ваших распоряжений, господин!

– Надо все сделать так, как и в прошлые годы, – ответил Цзя Чжэн. – Доложи об этом старшему господину Цзя Шэ и отошли подарки!

Линь Чжисяо не стал мешкать и отправился выполнять приказание. Вскоре пришел Цзя Шэ, и они вместе с Цзя Чжэнем, Цзя Лянем и Баюем собрались к Бэйцзинскому вану пожелать долголетия.

Красивая внешность и величественная осанка Бэйцзинского вана всегда внушали Баюю благоговение, и он радовался предстоящей встрече.

Прибыв ко дворцу Бэйцзинского вана, Цзя Шэ и Цзя Чжэн отослали со слугой свои визитные карточки и стали дожидаться приглашения. Вскоре появился евнух, перебирая четки, и, хихикая, обратился к Цзя Шэ и Цзя Чжэну:

– Как изволите поживать, почтенные господа?

Гости в свою очередь справились о здоровье евнуха, после чего тот сказал:

– Ван милостиво просит вас пожаловать!

Все пятеро последовали за евнухом. Они миновали высокие двухъярусные ворота, обогнули зал и лишь после этого подошли ко входу, ведущему во внутренние покои дворца. Здесь евнух их оставил, а сам пошел доложить вану о прибытии гостей. Вскоре к ним вышли младшие евнухи, справились о здоровье. Потом появился первый евнух и произнес:

– Прошу!

Гости вошли во внутренние покои и на террасе увидели Бэйцзинского вана в парадном одеянии. Он поднялся им' навстречу. Цзя Шэ и Цзя Чжэн первыми приблизились к вану, справились о его здоровье, следом за ними Бэйцзинского вана приветствовали Цзя Чжэнь, Цзя Лянь и Баоюй.

Бэйцзинский ван взял Баоюя за руку:

– Давно не виделись, и я часто о тебе вспоминаю. Как твоя яшма?

– Спасибо за заботу, все хорошо, – почтительно кланяясь, отвечал Баоюй.

– Чем бы таким тебя угостить? – спросил Бэйцзинский ван и сказал: – Пойдемте побеседуем!

Евнухи отодвинули дверную занавеску, и Бэйцзинский ван, промолвив: «Прошу!», пошел вперед, за ним, кланяясь, последовали гости.

Цзя Шэ опустил на колени и принес Бэйцзинскому вану свои поздравления, а вслед за ним и все остальные. Но об этом мы рассказывать не будем.

Немного погодя Бэйцзинский ван приказал евнуху проводить гостей в зал, где собрались родственники и друзья, и угостить на славу. Баоюя он оставил у себя и даже пригласил сесть.

Отвесив вану земной поклон и поблагодарив за оказанную честь, Баоюй сел на краешек табурета у дверей и принялся рассказывать о том, как постигает науки. На сей раз он особенно пришелся по душе Бэйцзинскому вану. Тот угостил его чаем, завел разговор.

– Вчера его превосходительство военный губернатор господин У, прибывший в столицу на высочайшую аудиенцию, – проговорил ван, – сказал, что твой батюшка был весьма справедлив, принимая государственные экзамены, чем завоевал симпатии буквально всех экзаменуемых. Во время аудиенции, когда государь завел речь об экзаменах, господин У даже рекомендовал государю наградить твоего батюшку как одного из достойнейших людей государства. Это, конечно, счастливое предзнаменование.

Баоюй выслушал вана стоя и ответил:

– А ведь все это благодаря милости вашей и его превосходительства господина У.

Вошел младший евнух и доложил:

– Почтенные гости просят передать благодарность за угощение.

С этими словами он вручил вану карточки с благодарностями и пожеланиями спокойного полуденного отдыха.

Ван пробежал их глазами, возвратил евнуху и промолвил:

– Извинись перед гостями за доставленное беспокойство.

– Кушанья для Цзя Баоюя готовы, – доложил евнух.

Бэйцзинский ван приказал отвести Баоюя на маленький живописный дворик, угостить, а затем привести обратно, чтобы он мог поблагодарить за милость.

Когда Баоюй вернулся, Бэйцзинский ван сказал ему еще несколько ласковых слов, рассмеялся и произнес:

– Мне так понравилась твоя яшма, что, возвратившись домой, я рассказал мастерам, какая она, и велел сделать точно такую же. Ты весьма кстати приехал. Сейчас я тебе ее отдам.

Он приказал евнуху принести яшму и отдал Баоюю.

Баоюй поблагодарил, после чего два младших евнуха его проводили, и вместе с Цзя Шэ и другими он возвратился домой. Цзя Шэ, повидавшись с матушкой Цзя, сразу ушел к себе.

А остальные принялись рассказывать о том, как побывали у Бэйцзинского вана. Баоюй не преминул сообщить, что отца представили к награде как одного из достойнейших людей государства, и все это благодаря господину У.

– Его превосходительство – наш давний друг, – ответил Цзя Чжэн. – Мы с ним ровесники. Человек он прямой и решительный.

После этого разговор зашел о разных пустяках, и наконец матушка Цзя сказала:

– Идите отдыхать!

Цзя Чжэн не мешкая встал, сказав собравшимся вместе с ним уходить Цзя Чжэню, Цзя Ляню и Баоюю:

– Посидели бы еще немного со старой госпожой.

Не успел Цзя Чжэн прийти к себе, как явилась девочка-служанка.

– Господин Линь Чжисяо просит вашего дозволения войти, – произнесла она. – Ему надо вам что-то сказать.

И она протянула Цзя Чжэню красный листок с именем военного губернатора господина У. Значит, господин У приезжал, когда Цзя Чжэна не было дома. Цзя Чжэн велел служанке немедленно позвать Линь Чжисяо и

вышел на террасу.

– Нынче приезжал военный губернатор господин У поклониться вам, – приблизившись, произнес Линь Чжисяо, – но, узнав, что вы отлучились, уехал. Слыхал я, что вас прочат на вакантную должность ланчжуна без испытательного срока.

– Поживем – увидим, – произнес Цзя Чжэн.

Доложив о других делах, Линь Чжисяо откланялся.

Тем временем Цзя Чжэнь с Цзя Лянем ушли к себе, и у матушки Цзя остался один Баоюй. Он рассказал о приеме у Бэйцзинского вана и показал подаренную ему яшму.

Все, кто был в комнате, стали разглядывать яшму, посмеялись немного.

Матушка Цзя приказала:

– Пусть спрячут, а то затеряется, – и обратилась к Баоюю: – А твоя яшма где? Носишь? Смотри не спутай с этой!

Баоюй снял с шеи яшму и сказал:

– Вот моя яшма! Как я могу ее потерять! Да и спутать нельзя. Они разные. Забыл вам, бабушка, сказать, что третьего дня вечером, когда я лег спать и повесил яшму под пологом, она вдруг стала излучать свет и полог сделался красным!

– Не болтай глупости! – попеняла внуку матушка Цзя. – Края полога обшиты красной материей, вот он и стал красным от света лампы.

– Нет, – возразил Баоюй, – лампы уже не горели, было совсем темно, и я хорошо видел, что свет исходит от яшмы.

Госпожи Син и Ван не могли сдержать смеха.

– А по-моему, это счастливое предзнаменование, – заметила Фэнцзе.

– Какое еще предзнаменование? – спросил Баоюй.

– Рано тебе про это знать, – сказала матушка Цзя. – Ты весь день на ногах, так что иди отдыхать!

Баоюй постоял в нерешительности, попрощался и ушел.

Между тем матушка Цзя обратилась к невесткам:

– Вы часто бываете у тетушки Сюэ – о сватовстве сказали?

– Только сегодня. До этого никак не могли, Цяоцзе болела, и Фэнцзе никуда не ходила. Госпожа Сюэ обрадовалась, услышав о сватовстве, но сказала, что должна посоветоваться с сыном – ведь отца у Баочай нет.

– Само собой, – согласилась матушка Цзя. – Пока тетушка не посоветуется с сыном, не будем заводить речи об этом. А потом все подробно обсудим.

Баоюй между тем, придя домой, сказал Сижэнь:

– Бабушка и Фэнцзе вели только что какой-то странный разговор, одними намеками, и я ничего не понял.

– Да, иногда трудно бывает догадаться, – немного подумав, сказала Сижэнь. – А барышня Линь Дайюй там была?

– Как она могла быть, если болеет? – удивился Баоюй.

В это время в передней затеяли ссору Шэюэ и Цювэнь.

– Чего расшумелись? – крикнула им Сижэнь.

– Цювэнь проиграла мне в кости и не хочет отдавать деньги, – ответила Шэюэ. – Я ей сразу отдала, когда проиграла. Мало того, она еще и мои деньги отняла!

– Подумаешь, несколько медных монет! – засмеялся Баоюй. – Дурочки вы, стоит ли из-за этого шум поднимать?

Девушки поворчали и умолкли, а Сижэнь стала укладывать Баоюя спать.

Но об этом мы рассказывать не будем.

Надобно вам сказать, что Сижэнь сразу догадалась, о чем шла речь у матушки Цзя. Конечно же о женитьбе Баоюя. Но говорить об этом юноше не стала, боялась, как бы он не натворил глупостей. Но поскольку дело это и к ней имело касательство, ночью, лежа в постели, она подумала: «Надо пойти к Цзыцзюань, посмотреть что да как, и все станет ясно».

Утром, едва отправив Баоюя в школу, Сижэнь привела себя в порядок и не торопясь отправилась в павильон Реки Сяосян. Цзыцзюань как раз рвала цветы в садике.

– Пройди в комнату, посиди, сестра, – сказала она Сижэнь.

– Ладно, – отвечала та. – А долго ты будешь рвать цветы? Как твоя барышня?

– Барышня только что встала и ждет, когда согреется лекарство, – ответила Цзыцзюань.

Сижэнь вошла в дом, Цзыцзюань – следом за ней.

Увидев Дайюй с книгой в руках, Сижэнь улыбнулась.

– Неудивительно, что вы устаете, барышня, – только с постели, и сразу за книгу! Вот бы второму господину Баоюю ваше усердие!

Дайюй, смеясь, отложила книгу. Сюэянь на подносе подала ей две чашки – с лекарством и с водой, вторая служанка, стоя у девушки за спиной, держала наготове плевательницу и полоскательную чашку.

Сижэнь шла сюда что-либо выведать, но не знала, с чего начать разговор. К тому же Дайюй чересчур подозрительна, узнать от нее ничего

не удастся, а расстроить очень просто. Поэтому Сижэнь еще немного поболтала и ушла.

У ворот двора Наслаждения пурпуром она увидела двух юношей и в нерешительности остановилась. Один из юношей, заметив Сижэнь, подбежал к ней. Это был Чуяо.

– Ты зачем пришел? – спросила Сижэнь.

– Меня прислал второй господин Цзя Юнь, – отвечал юноша. – Он принес второму господину Баоюю письмо, велел передать и ждать ответа.

– Неужели ты не знаешь, что господин Баоюй в школе? Как он может ответить?

– Я так и сказал господину Цзя Юню, но он надеется получить ответ от вас.

Не успела Сижэнь слово произнести, как к ней вразвалку подошел второй юноша. Сижэнь пригляделась и узнала Цзя Юня.

– Скажи второму господину, – обратилась она к Чуяо, – что ты передал мне его просьбу. Как только господин Баоюй вернется из школы, я вручу ему письмо!

А дело было в том, что Цзя Юню приглянулась Сижэнь, но действовать открыто он боялся и пошел на хитрость с письмом. Он было направился к Сижэнь, но, услышав ее последние слова, остановился в замешательстве. Сижэнь круто повернулась и скрылась за воротами. Цзя Юню ничего не оставалось, как вместе с Чуяо покинуть сад.

Когда Баоюй вернулся из школы, Сижэнь ему сказала:

– Приходил второй господин Цзя Юнь.

– Зачем?

– Не знаю, оставил записку.

– Дай сюда!

В это время в комнату вошла Шэюэ, взяла письмо и протянула Баоюю. Сверху было написано: «Почтительно вручаю дяде».

– Почему он перестал называть меня своим приемным отцом? – удивился Баоюй.

– О чем ты? – спросила Сижэнь.

– Однажды он подарил мне бегонию и признал своим отцом, – объяснил Баоюй. – А сейчас, видно, отказался от меня, раз называет дядей.

– Он такой же бесстыжий, как ты! – ответила Сижэнь. – Совсем взрослый – и вздумал звать тебя отцом? В самом деле, ты даже...

Она осеклась, покраснела и рассмеялась.

Баоюй догадался, что она имеет в виду, и улыбнулся:

– Трудно что-либо сказать, но, как гласит пословица: «У монаха нет

родных сыновей, зато много почтительных детей»! Я согласился называть его своим сыном лишь потому, что он умен и внушает симпатию. А не желает считать меня отцом – я возражать не стану. – Он развернул записку.

– Этот Цзя Юнь дьявольски хитер, – сказала между тем Сижэнь, – то появляется, то прячется! Что-то недоброе у него на уме!

Баоюй, занятый письмом, пропустил слова Сижэнь мимо ушей. Сначала он нахмурился, потом усмехнулся, покачал головой, и на лице его отразилось недовольство. Как только Баоюй прочел, Сижэнь, наблюдавшая за ним, спросила, в чем дело.

Баоюй ничего не ответил и разорвал письмо на мелкие клочки.

Сижэнь не стала допытываться, только спросила, будет ли он сегодня учить уроки.

– Просто забавно! Этот мальчишка Цзя Юнь оказался настоящим наглецом! – заметил Баоюй.

Сижэнь повторила вопрос:

– Скажи, в конце концов, в чем дело?

– Нечего спрашивать! – ответил Баоюй. – Давай лучше поедим и ляжем спать. Что-то тревожно на душе.

Он велел девочке-служанке зажечь лампу и сжег обрывки письма.

Вскоре служанки накрыли на стол, и Баоюй с расстроенным видом сел ужинать. Он едва прикоснулся к еде, и то лишь благодаря уговорам Сижэнь, лег спать и заплакал. Сижэнь и Шэюэ гадали, что могло так его опечалить.

– Что с ним? – недоумевала Шэюэ. – Наверняка Цзя Юнь его расстроил! Как прочел Баоюй его дурацкое письмо, так словно умом тронулся – то плачет, то смеется. Что делать, если так будет продолжаться? Ума не приложу!

У Шэюэ был такой несчастный вид, что, глядя на нее, Сижэнь едва сдержала смех.

– Дорогая сестрица, – принялась она уговаривать Шэюэ, – возьми себя в руки, а то Баоюй еще больше расстроится! А про письмо забудь! Оно совершенно тебя не касается!

– Глупости! – вспыхнула Шэюэ. – При чем тут я? Мало ли какую можно написать пакость? Уж если на то пошло, оно скорее тебя касается!

Тут Баоюй вскочил с постели и, смеясь, закричал:

– Хватит вам! Спать не даете! А мне завтра рано вставать.

Он снова лег и вскоре уснул. О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем.

Утром Баоюй, как обычно, отправился в школу. Но, едва выйдя за ворота, вернулся в дом и позвал Шэюэ.

– Что случилось? – отозвалась Шэюэ, выбегая навстречу.

– Если придет Цзя Юнь, скажи, пусть ведет себя поприличней, – приказал Баоюй, – не то пожалуюсь бабушке и отцу.

Он уже собрался уйти, как вдруг увидел запыхавшегося Цзя Юня. Тот подбежал к Баоюю, приветствовал его и сказал:

– С великой радостью вас, дядюшка!

Баоюй вспомнил о том, что было в письме, и крикнул в сердцах:

– Опять явился меня тревожить?! Ну и нахал!

– Если не верите, дядюшка, поглядите за ворота, сколько там собралось людей!

– Ты о чем? – сердито спросил Баоюй.

В это время за воротами послышался шум, и Баоюй насторожился.

– Теперь видите, что я правду сказал, – произнес Цзя Юнь.

Тут у ворот кто-то крикнул:

– Вы что, порядка не знаете? Не положено здесь шуметь!

Снова раздались возмущенные голоса:

– Старого господина в чине повысили, а нам даже радоваться запрещают!

– Не в каждом доме такое случается!

Наконец Баоюй понял, что отца повысили в чине и люди пришли поздравить его. Нечего и говорить, что радости Баоюя не было предела.

Он продолжал свой путь, когда Цзя Юнь догнал его и спросил:

– Ну что, рады? А впереди у вас еще большая радость – свадьба!

Баоюй густо покраснел и плюнул с досады.

– Бессовестный! Уйди с глаз моих!

– Как это понять? – смутился Цзя Юнь. – А я думал, вы не...

– Что «не»? – оборвал его Баоюй, и Цзя Юнь не посмел сказать больше ни слова.

Учитель встретил Баоюя с улыбкой и промолвил:

– Слышал, твоего отца повысили в чине! Мог бы сегодня не приходить в школу.

– Я скоро уйду поздравлять батюшку, – отвечал Баоюй.

– Иди прямо сейчас, иди же! Отпускаю тебя. Только смотри не озорничай! Ты хоть и взрослый, а должен брать пример со своих старших братьев!

Баоюй поддакнул и ушел. У вторых ворот ему встретился Ли Гуй.

– Хорошо, что вы пришли, второй господин! – сказал Ли Гуй. – Я уже

собирался за вами в школу!

– А кто приказал? – поинтересовался Баоюй.

– Старая госпожа, – ответил слуга. – Она велела искать вас в саду, а барышни сказали, что вы в школе, и просили передать учителю, чтобы отпустил вас на несколько дней – пока будут принимать поздравления. Еще я слышал, что по этому поводу пригласили актеров, и они дадут представление.

Они миновали вторые ворота и вошли во двор. Лица служанок сияли улыбками.

– Что вы так поздно? – сказали Баоюю служанки. – Скорее идите к старой госпоже, поздравьте с радостным событием!

У матушки Цзя собрались почти все. Не было только Баочай, Баоцинъ и Инчунь.

Захлебываясь от радости, Баоюй поздравил матушку Цзя, госпожу Син и госпожу Ван, поздоровался с сестрами и обратился к Дайюй:

– Ты уже выздоровела, сестрица?

– Выздоровела, – слегка улыбнувшись, отвечала Дайюй. – Говорят, и ты прихворнул. Как сейчас себя чувствуешь?

– Как-то ночью вдруг заболело сердце, – сказал Баоюй, – а потом прошло, и я отправился в школу, даже некогда было тебя навестить.

Дайюй, не дослушав, повернулась к Таньчунь и о чем-то с ней заговорила.

– Глядя на вас, не скажешь, что вы целые дни проводите вместе, – засмеялась Фэнцзе, обращаясь к Баоюю и Дайюй. – Обмениваетесь вежливыми фразами, точь-в-точь как хозяин с гостем.

Все рассмеялись. Краска стыда залила лицо Дайюй, она растерялась, но после некоторого молчания воскликнула:

– Ничего вы не понимаете!

Снова раздался взрыв смеха.

Фэнцзе поняла, что сболтнула лишнее, и уже хотела перевести разговор на другую тему, но тут Баоюй вдруг сказал Дайюй:

– Представь, сестрица, какой наглец этот Цзя Юнь...

Сказал – и сразу осекся.

Все еще громче рассмеялись, а потом спросили:

– Что же ты замолчал?

Дайюй не знала, что ей хотел сказать Баоюй, и стала насмехаться над ним вместе со всеми. Ответить Баоюю было нечего, и он, улыбаясь, произнес:

– Я слышал, пригласили актеров. Когда же они приедут?

Все продолжали смеяться, в упор глядя на Баоюя.

– Ты слышал, ты и скажи, – произнесла Фэнцзе. – Зачем у нас спрашивать?

– Сейчас сбегаю расспрошу, – промолвил Баоюй.

– погоди! – остановила его матушка Цзя. – Там люди пришли с поздравлениями, увидят, что ты носишься, – засмеют. Не сердь отца, у него великая радость!

– Слушаюсь, – ответил Баоюй и степенно вышел.

Матушка Цзя обратилась к Фэнцзе:

– Кто говорил, что пригласили актеров?

– Второй дядя. Он и приглашал. Послезавтра счастливый день, и он хочет устроить чествование старой госпожи, господина и госпожи, – отвечала Фэнцзе. – Кроме того, день не только счастливый, но и праздничный! Послезавтра...

Она умолкла, поглядев на Дайюй. Та улыбнулась.

– И правда! – воскликнула госпожа Ван. – Ведь послезавтра день рождения моей племянницы!

Матушка Цзя стала припоминать, потом улыбнулась:

– Совсем я состарилась, все забываю, все путаю. Спасибо моей Фэнцзе! Она у меня вместо советника. Такое совпадение весьма кстати. Семья дядюшки нашей Фэнцзе пусть устроит праздник для всех, а семья Дайюй отпразднует день ее рождения!

– У бабушки все так складно, как в книге! – заявили все в один голос. – Неудивительно, что судьба даровала ей великое счастье!

В это время вошел Баоюй. Он слышал последние слова матушки Цзя и чуть не запрыгал от радости.

Обедали все вместе у матушки Цзя, было шумно и весело. Но рассказывать об этом мы не будем.

После обеда Цзя Чжэн возвратился из императорского дворца, куда ездил благодарить за милость, пошел поклониться в храм предков, а затем явился к матушке Цзя. Он даже не стал садиться и сразу вышел к гостям.

Во дворец Жунго непрерывным потоком шли родственники, у ворот сгрудились кони и коляски, в доме толпились знатные сановники. Поистине:

...Вот уже и распускаются цветы,
Пчел и бабочек шумлива суета.

В полнолуние перед нами вся как есть
Предстает небес и моря широта.

Через два дня состоялась церемония поздравлений. С самого утра приехали актеры. Перед гостиной матушки Цзя соорудили помост.

Мужчины в праздничных одеждах прислуживали снаружи у входа. Для родственников, явившихся с поздравлениями, накрыли столов десять, а то и больше, с угощениями и вином. Матушка Цзя выразила желание посмотреть новую интересную пьесу, и для нее поставили стеклянную ширму, отделявшую женскую половину от мужской. За ширмой тоже накрыли столы.

За главным столом сидели тетушка Сюэ с госпожой Ван и Баоцинъ, за столом напротив – матушка Цзя с госпожой Син и Сюянь.

Два стола оставались свободными, и матушка Цзя приказала позвать девушек.

Вскоре Фэнцзе с целой толпой служанок привела Дайюй.

Одетая во все новое, она была так прелестна и грациозна, что казалось, сама Чан Э спустилась в мир смертных. С лица ее не сходила застенчивая улыбка. Сяньюнь, Ли Ванъ и Ли Ци хотели усадить Дайюй на почетное место, но она никак не соглашалась.

– Садись, садись, сегодня можно, – махнула рукой матушка Цзя.

– Разве у барышни Линь Дайюй сегодня тоже радостный день? – спросила тетушка Сюэ, вставая.

– Да, у нее день рождения, – улыбнулась в ответ матушка Цзя.

– Ай-я! Как же это я забыла! – воскликнула тетушка Сюэ и, подойдя к Дайюй, промолвила: – Прости мне мою рассеянность! Как только вернусь домой, пришлю Баоцинъ пожелать тебе долголетия.

– Что вы, что вы! – воскликнула смущенная Дайюй.

Наконец все расселись.

Дайюй огляделась по сторонам и увидела, что нет Баочай.

– Как чувствует себя сестра Баочай? – спросила она тетушку Сюэ. – Отчего не пришла?

– Некому за домом присматривать, – ответила тетушка.

– Ведь у вас теперь есть невестка, – робко заметила Дайюй. – Можно было ее оставить. Видимо, сестре Баочай не захотелось идти, потому что здесь очень шумно. А я так по ней соскучилась!

– Спасибо тебе за заботу, – ответила тетушка Сюэ. – Она часто вас всех вспоминает. Непременно велю ей в самое ближайшее время навестить тебя

и сестер!

Пока они вели разговор, девочки-служанки наполнили вином кубки, поднесли закуски. А немного спустя начался спектакль.

Первые два акта были поздравительными. Когда же начался третий, на сцене появились золотой отрок и яшмовая дева^[6]. Отрок размахивал флагом, дева – драгоценным бунчуком. Они ввели под руки молодую женщину в одеянии из перьев всех цветов радуги, с черной повязкой на голове. Женщина пропела несколько тактов и ушла. Никто не знал, что это значит, но кто-то громким голосом объяснил:

– Этот акт называется «Ушедшая в мир иной», он из новой пьесы «Дворец Жуйчжу». Содержание пьесы следующее: Чан Э спускается в мир людей, где должна выйти замуж за простого смертного, но, к счастью, этому помешала богиня Гуаньинь, и Чан Э покинула мир, не успев выйти замуж. В этом акте показано, как она вознеслась на луну. Вы ведь слышали, какую она поет арию:

Средь людей мы всегда помышляем
Лишь о ветрах земных вожделений, —
Но не вечны осенние луны
И цветы при расцвете весеннем!
А дворец Гуаньхань в отдаленье
Неподвластен мирскому забвенью.

Четвертый акт назывался «Есть отруби», а пятый «Бодхисаттва с учениками переправляется через реку». Во время этого акта на сцене появились призрачный город и башни, поднялся шум.

В самый разгар веселья из дома Сюэ прибежала запыхавшаяся служанка и сказала Сюэ Кэ:

– Второй господин, поспешите домой! И госпоже надо ехать! Случилось несчастье!

– Какое несчастье? – встревожился Сюэ Кэ.

– Дома все узнаете! – отвечала служанка.

Не успев попрощаться, Сюэ Кэ помчался домой. Тетушка Сюэ в лице переменилась от испуга и вместе с Баоцинь немедленно уехала. Начинался переполох.

– Нужно послать людей следом, пусть разузнают, что там стряслось, – промолвила матушка Цзя. – Может, это и нас касается!

– Вы совершенно правы, – поддакнули остальные.

А теперь оставим на время дворец Жунго и последуем за тетушкой Сюэ.

Возвратившись домой, она увидела у ворот служителей ямыня и приказчиков из лавки. Они закричали:

– Госпожа вернулась!

– Она скажет, что делать!

Увидев почтенных лет женщину в сопровождении целой толпы слуг и служанок, служители ямыня сразу поняли, что это и есть мать Сюэ Паня. Они оробели, встали навтыжку и пропустили тетушку Сюэ в дом.

Войдя в гостиную, тетушка Сюэ услышала вопли и плач Цзиньгуй.

Появилась Баочай со следами слез на лице.

– Мама! – вскричала девушка. – Успокойтесь! Сейчас необходимо действовать!

Вместе с Баочай тетушка Сюэ прошла во внутреннюю комнату. Узнав дорогой от служанки, что с сыном произошло несчастье, она никак не могла унять бившую ее дрожь.

– Ну кого же он?.. – сквозь рыдания спрашивала тетушка Сюэ.

– Ни о чем не спрашивайте, госпожа, – отвечали домашние. – Кого бы он ни убил, наказания ему не избежать! Подумаем лучше, что делать.

– О чем тут думать! – сквозь слезы воскликнула тетушка.

– Первым делом надо собрать деньги, – посоветовали слуги. – Вторым господин Сюэ Кэ повидается со старшим господином Сюэ Панем, а деньги отдаст чиновнику, который ведет дело, и попросит смягчить наказание. Надо также попросить господ из семьи Цзя замолвить за господина словечко перед высшим начальством. Служителям ямыня, которые стоят у ворот, тоже надо дать немного денег и отпустить. А мы тем временем начнем действовать.

– Прежде всего следует щедро вознаградить пострадавших и оплатить расходы на похороны убитого, – сказала тетушка Сюэ. – Если они не подадут в суд, дело можно будет замять.

– Нет, мама, – возразила Баочай. – Швыряться деньгами не нужно. Уж если дать – то немного. Слуги правы.

– И зачем только я родилась на свет? – запричитала тетушка Сюэ. – Хоть бы мне вместе с ним умереть, тогда сразу всему конец!

Баочай принялась ее утешать и, откинув дверную занавеску, крикнула слугам:

– Поезжайте вместе со вторым господином Сюэ Кэ к чиновнику и постарайтесь все уладить! Только живо! Не мешкайте!

Сюэ Кэ собрался уходить, а тетушку Сюэ служанки увели во внутренние покои.

– Непременно сообщай через слуг, как идут дела, – попросила Баочай. – Не обязательно всякий раз ездить домой.

Как только Сюэ Кэ ушел, Баочай вернулась к матери, стараясь хоть как-то ее успокоить.

Между тем Цзиньгуй напустилась на Цюлин:

– Вы вот хвастались, что как-то убили человека и вам с рук сошло, даже в столицу смогли уехать! Что у вас деньги и влиятельная родня. Сюэ Пань наслушался и тоже убил, надеясь на безнаказанность. А сейчас, смотрю, вы трясетесь от страха. Засудят господина Сюэ Паня, вы разбредетесь кто куда, а я страдай...

Она опять заплакала в голос.

Тетушка Сюэ так разгневалась, слыша это, что едва не лишилась рассудка, Баочай от волнения места себе не находила. От госпожи Ван пришла девочка-служанка узнать, что случилось.

Баочай уже считала себя членом семьи Цзя и решила от служанки ничего не скрывать.

– Подробностей мы не знаем, – проговорила она. – Знаем лишь, что брат кого-то убил и его арестовали. Какое будет предъявлено обвинение, сейчас неизвестно. Второй господин Сюэ Кэ поехал разузнать. Мы ждем от него вестей и тогда сообщим вашей госпоже! А пока передай госпоже благодарность за внимание. Может быть, нам придется обратиться к ней за помощью!

После ухода служанки тетушка Сюэ и Баочай не знали, чем заняться, так были растеряны.

Через два дня вернулся слуга, ездивший вместе с Сюэ Кэ, и привез от него письмо, которое девочка-служанка не мешкая передала Баочай.

Вот что писал Сюэ Кэ:

«Старший брат не совершал преднамеренного убийства. Нынче утром я подал прошение, но ответа пока нет. Показания старшего брата не в его пользу. После ответа на мое прошение снова будет суд, и если брату удастся изменить показания, ему, возможно, сохранят жизнь. Пришлите немедленно пятьсот лянов серебра на расходы! Пусть матушка ни о чем не беспокоится! Подробности расскажут слуги».

Баочай прочла письмо вслух тетушке Сюэ.

Утирая катившиеся по щекам слезы, тетушка Сюэ сказала:

– Судя по письму, неизвестно, помилуют его или приговорят к казни!

– Не убивайтесь так, мама! – просила Баочай. – Послушаем, что

скажет слуга, а потом подумаем, что делать.

Тетушка Сюэ послала служанку за слугой, приехавшим от Сюэ Кэ, и, когда тот явился, велела:

– Расскажи подробно, что случилось с Сюэ Панем!

– Вечером, накануне отъезда, старший господин Сюэ Пань сказал второму господину такое, что вспомнить страшно... – начал слуга.

Если хотите узнать, что рассказал слуга, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят шестая

Продажный чиновник, получив взятку, изменяет содержание судебного постановления;

непорочная дева, затаившая нежные чувства, объясняет правила игры на цине

Итак, Баочай прочла матери письмо Сюэ Кэ, после чего тетушка Сюэ вызвала слугу и спросила:

– Можешь ли ты рассказать подробно, как старший господин убил человека?

– Подробностей не знаю, – отвечал слуга. – В день отъезда старший господин сказал второму господину...

Тут слуга огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, продолжал:

– Старший господин сказал, что ему надоели домашние скандалы, и он решил отправиться на юг за товарами с еще одним торговцем, который живет примерно в двухстах ли к югу от нашего города. К этому торговцу и отправился старший господин. По пути он встретил знакомого актера Цзян Юйханя, ехавшего с трупной в тот же город, и они зашли в кабачок выпить вина и закусить. Трактирный слуга все время поглядывал на Цзян Юйханя, что рассердило старшего господина. После отъезда Цзян Юйханя старший господин разыскал нужного ему человека и пригласил в кабачок. Захмелев, старший господин велел трактирному слуге заменить вино, но тот замешкался, и старший господин принялся его ругать. Слуга стал огрызаться; старший господин замахнулся на него чашкой, но тот оказался не робкого десятка и подставил голову, крикнув господину: «Бей!» Старший господин хватил слугу чашкой по голове, хлынула кровь, и слуга упал. Некоторое время он продолжал браниться, а потом умолк.

– Почему же старшего господина никто не удержал?! – вскричала тетушка Сюэ.

– Я не посмел, – отвечал слуга.

– Ладно, иди, – сказала тетушка Сюэ и, когда слуга ушел, отправилась к госпоже Ван попросить ее переговорить с Цзя Чжэном. Цзя Чжэн

расспросил об обстоятельствах дела, но ничего определенного не обещал, сказав, что надо дожидаться ответа на прошение Сюэ Кэ.

Тетушка Сюэ тем временем отвесила в лавке серебро, вручила слуге и велела немедленно доставить Сюэ Кэ.

Через три дня от Сюэ Кэ прибыло письмо, в котором говорилось:

«Деньги получил, раздал служителям ямыня.

Старший брат под стражей, но пыткам не подвергается, поэтому не беспокойтесь.

Здесь люди хитры и коварны, родственники убитого и свидетели никаким уговорам не поддаются, даже друг старшего брата, с которым они вместе ходили в трактир, на их стороне.

В этом незнакомом месте, среди чужих людей нам с Ли Сяном посчастливилось встретить доброго человека, и он дал полезный совет, разумеется за вознаграждение. Необходимо, сказал он, связаться с тем самым У Ляном, с которым старший брат ходил в кабачок, посулить ему денег и попросить взять брата на поруки и уладить дело. Если же тот не согласится, заявить, что Чжан Саня, трактирного слугу, убил он, У Лян, а всю вину свалил на человека, приехавшего из чужих краев. Если он испугается, все будет в порядке.

Я разыскал У Ляна, и он согласился. Подкупил родственников покойного и свидетелей и написал новое прошение. На первое прошение пришел ответ. Привожу его полностью, а также само прошение:

«Сие прошение от такого-то.

Обращаюсь по делу старшего брата, несправедливо обвиненного.

Мой старший брат Сюэ Пань, уроженец Нанкина, временно проживающий в Сицзине, такого-то числа, месяца и года отправился из вышеупомянутого места жительства на юг по торговым делам. Не минуло и нескольких дней после его отъезда, как слуга вернулся домой с письмом, в котором говорилось, будто мой старший брат учинил убийство. Я прибыл на место происшествия и здесь узнал, что брат случайно убил некоего Чжан Саня.

Я побывал в тюрьме, где содержится брат, и тот слезно молил о помощи, уверяя, что никогда не был знаком с семьей Чжанов и не питал к ней вражды.

Но случилось так, что старший брат потребовал у трактирного слуги заменить вино, а тот замешкался, и брат в гневе выплеснул вино из своей чашки на пол. Чашка выскользнула из рук, угодила в голову Чжан Саню, который в это время нагнулся, чтобы поднять что-то с полу, и убила он его насмерть.

Удостоившись великой милости предстать пред глазами начальства для допроса, мой брат, убоявшись пыток, признал себя виновным в убийстве, совершенном во время драки.

К счастью, будучи гуманным и великодушным и зная, что брат мой обвинен несправедливо, Вы не вынесли ему поспешного приговора.

Ныне старший брат содержится под стражей, и я, подавая сие прошение, нарушаю закон. Только любовь к брату заставила меня идти на риск, пренебрегая опасностью. Почтительно кланяюсь, умоляя о милосердии, и прошу снова допросить брата и свидетелей и проявить милость, дабы наша семья, испытав на себе Вашу высочайшую гуманность, была вечно и беспрдельно счастлива!

С чем и обращаюсь к Вам в сем прошении».

Далее следовало решение по делу:

«Тело убитого освидетельствовано, улики не вызывают никаких сомнений. Пытки по отношению к арестованному не применялись. Он сам признался, что во время драки совершил убийство, о чем его собственные показания имеются в деле. Вы прибыли издалека и не присутствовали при убийстве, как же вы можете по выдуманным показаниям обжаловать наше решение?!

В соответствии с законом вас следовало бы наказать. Но, помня о ваших чувствах к брату, прощаю вас. Прощение отклоняется...»

Тут тетушка Сюэ воскликнула:

– Значит, спасти его невозможно?! Как же быть?

– Тут еще что-то написано, – заметила Баочай и прочла: – «Об одном весьма важном обстоятельстве вы узнаете от посланного мной слуги».

Тетушка Сюэ позвала слугу, и тот сказал:

– В уезде, где сейчас находится ваш сын, хорошо известно о богатстве и могуществе вашей семьи. Необходимо добиться покровительства в столице и преподнести богатые подарки начальнику уезда, тогда дело могут пересмотреть и смягчить приговор. Только медлить нельзя, не то будет поздно.

Тетушка Сюэ отпустила слугу, а сама отправилась во дворец Жунго и рассказала о случившемся госпоже Ван, умоляя еще раз поговорить с Цзя Чжэном.

Ходатайствовать через кого-нибудь перед начальником уезда Цзя Чжэн согласился, а о деньгах и подарках слышать не хотел. Видя, что от Цзя Чжэна толку не добиться, тетушка Сюэ обратилась к Фэнцзе и Цзя Ляню. Истратив несколько тысяч лянов серебра, она наконец подкупила начальника уезда, и Сюэ Кэ получил возможность действовать.

Через некоторое время состоялся суд, на который были вызваны свидетели и родственники убитого.

Привели и Сюэ Паня. Чиновник-делопроизводитель проверил по списку имена пришедших. Начальник уезда велел старосте сличить прежние показания свидетелей с нынешними, а затем стал допрашивать Чжан Ван, мать убитого, и Чжан Эра – его дядю.

Вот что рассказала мать:

– Мой муж Чжан Да умер восемнадцать лет назад. Старшего и второго сына тоже нет в живых, оставался лишь младший сын – Чжан Сань, еще не женатый. В нынешнем году ему исполнилось двадцать три года. Средств к существованию у нас не было, и сыну пришлось работать в кабачке семьи Ли. Я была вне себя от горя, узнав, что с ним случилось. О, господин, я чуть не умерла! Побежала туда. Смотрю, сын мой лежит на полу, из головы хлещет кровь, вот-вот скончается. Я бросилась к нему, стала спрашивать, кто его так отделал, но он уже не мог ответить. Не помня себя, я вцепилась в убийцу, этого выродка!..

Служители прикрикнули на женщину, чтобы осторожнее выражалась. Чжан Ван стукнулась лбом об пол и продолжала:

– Умоляю вас, светлейший господин, не оставьте преступника безнаказанным! Ведь он отнял у меня единственного сына!

Начальник уезда приказал увести женщину и стал допрашивать слугу из кабачка.

– Чжан Сань был у вас в лавке в работниках?

– Не в работниках, в половых, – отвечал тот.

– В день убийства ты показал, что Чжан Саня убил Сюэ Пань, ударив чашкой по голове, – продолжал начальник уезда. – Ты сам это видел?

– Я в это время был за прилавком, – отвечал Ли Эр, – только слышал, что кто-то в комнате для гостей требует вина, а потом раздался крик: «Он убит!» Я побежал туда и увидел Чжан Саня. Он лежал на полу и не двигался. Я сообщил старосте стодворки и матери пострадавшего. Как все это произошло, не знаю, почтеннейший господин, поэтому прошу вас допросить тех, кто находился в комнате для гостей.

– На следствии ты показал, что видел все собственными глазами! – закричал начальник уезда. – А сейчас говоришь, «ничего не знаю»!

– Это я с перепугу говорил всякие глупости, – отвечал Ли Эр.

Служители ямы прикрикнули на него, чтобы не болтал лишнего.

Затем начальник вызвал У Ляна:

– Ты был в кабачке вместе с обвиняемым? Каким образом Сюэ Пань ударил пострадавшего? Говори правду!

– В тот день господин Сюэ Пань пригласил меня выпить вина, – стал рассказывать У Лян. – Вино ему не понравилось, и он потребовал его заменить, но Чжан Сань не соглашался. Тогда господин Сюэ Пань рассердился и выплеснул ему вино прямо в лицо, но тут выпустил ненароком чашку, и она угодила Чжан Саню в голову. Все это я видел собственными глазами.

– Ерунда! – вскричал начальник уезда. – Сюэ Пань был пойман с поличным и признал себя виноватым. Первый раз ты говорил по-другому!.. Всыпать ему!

Служители схватили У Ляна.

– Я говорю правду. Сюэ Пань не дрался с Чжан Санем! – вскричал У Лян. – У него чашка выскользнула из рук и угодила Чжан Саню в голову. Явите милость, почтенный господин, спросите у Сюэ Паня. Он скажет!

Начальник велел подвести Сюэ Паня и спросил:

– Почему ты обозлился на Чжан Саня? Как убил его? Говори!

– Будьте милосердны, почтенный господин! – взмолился Сюэ Пань. – Я не хотел бить Чжан Саня, только выплеснул вино на пол, потому что он не хотел его заменить. Но чашка выскользнула у меня из рук и попала ему в голову. Я бросился к Чжан Саню, хотел помочь, но тщетно, вскоре он умер от потери крови. А в убийстве я признался лишь потому, что боялся пыток. Прошу вас, почтенный господин, явить снисхождение!

– Ну и глуп же ты! – крикнул начальник уезда. – То говорил, что в гневе ударил его чашкой по голове, теперь утверждаешь, что чашка выскользнула из рук!

Как ни сердился начальник, грозя пытками и побоями, Сюэ Пань стоял на своем.

Начальник приказал следователю огласить результаты обследования трупа.

– При обследовании на теле убитого ран не обнаружено, – доложил следователь. – На темени – рана длиною в один цунь и семь фэней, от удара тяжелым предметом, и трещина на кости в три фэня шириной, что тоже свидетельствует о нанесении удара.

Начальник уезда знал, что в эту бумагу уже внесены изменения, поэтому прекратил допрос и велел свидетелям подписать новые показания.

– Высокочтимый начальник! – вдруг завопила Чжан Ван. – Я слышала, что на теле моего сына обнаружено еще несколько ран! Почему же о них умолчали?

– Эта женщина болтает всякую чушь! – вскричал начальник. – Вот бумага с результатами обследования трупа! Видишь?

Он вызвал Чжан Эра – дядю убитого и спросил:

– Помнишь, сколько было ран на теле твоего племянника?

– Одна рана, на голове, – отвечал Чжан Эр.

– Подойди-ка сюда! – подозвал начальник уезда Чжан Ван. Он приказал писарю показать женщине акт обследования, а старосте stodворки и дяде убитого – разъяснить ей его содержание. После этого начальник велел всем подписать свои показания, а обвиняемого содержать под стражей до получения указаний высшего начальства. На том суд закончился и все разошлись, а Чжан Ван начальник велел выгнать, поскольку она не уходила и продолжала кричать.

– Зачем понапрасну оговаривать человека, если все получилось случайно? – пытался урезонить женщину Чжан Эр. – Господин начальник уезда уже вынес решение, и нечего скандалить!

Сюэ Кэ, дожидавшийся окончания суда снаружи, очень обрадовался, узнав о решении, и послал нарочного домой сообщить, что, как только решение по делу будет утверждено, Сюэ Пань сможет откупиться от наказания. А он, Сюэ Кэ, пока будет жить здесь и ждать новостей.

Вдруг Сюэ Кэ заметил, что народ на улице перешептывается:

– Умерла какая-то гуйфэй, и государь на три дня отменил всякие аудиенции.

Город, в котором находился Сюэ Кэ, был расположен неподалеку от императорских усыпальниц, поэтому начальник уезда занялся приведением в порядок дорог. Теперь ему не до Сюэ Паня, – решил Сюэ Кэ, отправился в тюрьму и сказал брату:

– Не беспокойся и ожидай решения! Я съезжу на несколько дней домой и вернусь!

Сюэ Пань очень переживал за мать и велел Сюэ Кэ передать ей, что с ним ничего не случится, надо только сделать щедрые подношения начальнику уезда, и он сможет вернуться домой.

С Сюэ Панем остался Ли Сян, а Сюэ Кэ отправился домой и рассказал матери о том, как начальник уезда из корысти вынес решение на основании ложных показаний.

– Придется дать еще денег родственникам убитого, – заключил Сюэ Кэ, – и раскошелиться на подарки для важных чиновников.

Тетушка Сюэ немного успокоилась и сказала:

– Хорошо, что ты приехал! Столько дел накопилось. Прежде всего надо пойти во дворец Жунго поблагодарить за помощь. В связи с кончиной Чжоу-гуйфэй почти все члены рода Цзя ежедневно ездят ко двору, и мне следовало бы переехать к ним присматривать за домом, но я не могла, ведь

и у нас почти никого нет. Так что приехал ты весьма кстати.

– А я приехал только потому, что услышал о кончине Цзя-гуйфэй. Только мне показалось странным, что она ни с того ни с сего умерла.

– В прошлом году она болела, – промолвила тетушка Сюэ, – но потом поправилась и до последнего времени была здорова. Вот только со старой госпожой из дворца Жунго несколько дней назад произошло нечто странное – стоило ей закрыть глаза, как мерещилась Юаньчунь. Что за причина – понять никто не мог. Стали разузнавать, оказалось, с Юаньчунь ничего не случилось. А третьего дня старая госпожа вдруг говорит: «Как это Юаньчунь одна приехала к нам?..» Все подумали, что старая госпожа бредит, и не придали ее словам значения. А она опять говорит: «Вы вот не верите, а не кто иной, как Юаньчунь мне сказала: „О, как быстро минута расцвета прошла! Вы должны бы себя оградить поскорей от житейского зла!“ Все говорили: „Чувствуя приближение смерти, человек всегда вспоминает о прошлом и задумывается о будущем“. А на следующее утро в доме поднялся переполох, прошел слух, будто наша государыня тяжело больна, и женщинам из семьи Цзя велено прибыть во дворец ее навестить. Все принялись собираться в дорогу, но только вышли за порог, как пришла весть о кончине Чжоу-гуйфэй. Не кажется ли тебе странным, что слухи, о которых ты говоришь, совпали с тем, что у нас происходило?»

– Слухи есть слухи! – вмешалась в разговор Баочай. – Даже во дворце Жунго слово «государыня» всех сбilo с толку, поднялся переполох, и успокоились, лишь когда выяснилось, что умерла другая гуйфэй. В последнее время из дворца Жунго приходили и молодые и старые служанки и все в один голос уверяли, будто знали, что умрет не наша государыня. Я их спросила: «Откуда же вы это знали?» Они ответили: «Как-то раз из провинции приехал гадалец, чьи предсказания всегда сбываются. Старая госпожа велела написать гороскоп Юаньчунь, положить между другими гороскопами и отправить гадалцу. Тот заявил: „По-моему, время рождения барышни, явившейся на свет в первый день первого месяца, указано неверно. А если верно, она не может жить в вашем доме, слишком высоко ее положение“. – „Это не важно, – сказали гадалцу, – предскажите судьбу согласно гороскопу“. Тогда гадалец промолвил: „Из циклических знаков „цзя“ и „жэнь“, означающих год рождения, и „бин“ и „инь“, означающих месяц рождения, три знака символизируют „утерю чинов и разорение семьи“. Только знак „шэнь“ толкуют как „достижение высокого положения вдали от дома“; это значит, что барышня в семье проживет недолго и пользы от нее для родных не будет. Что касается дня рождения, то он падает на циклические знаки „и“ и „мао“ и означает дерево в начале весны

– оно расцветает и с каждым днем становится краше, чем больше его полируют, тем изящнее из него получается вещь. Первый циклический знак „син“, означающий час ее рождения, относится к стихии „золота“, что предвещает знатность, второй знак „сы“ предсказывает, что высокого положения добьется лишь тот, кто окажется вдали от дома. Такое сочетание знаков истолковывается как „взлет к небу на крылатом коне“. Еще гадатель говорил, что в один прекрасный день барышне улыбнется счастье и она станет знатной. „Небо и луна будут ей покровительствовать, и она удостоится милости стать обительницей перечных покоев. Если гороскоп этой барышни правилен, быть ей государыней...“ Не значит ли это, что гадатель предсказал все точно? Мы помним, как он сказал: „Жаль, что слава ее и процветание недолговечны! Год со знаком „инь“ и месяц со знаком „мао“ грозят ей гибелью, ибо к тому времени она уподобится дереву с ажурной, очень непрочной резьбой“. Это предсказание, видимо, все забыли и напрасно беспокоились. Мне случайно пришли на память слова гадателя, и я хочу спросить старшую госпожу Ли Вань: разве в обозначение нынешнего года входит циклический знак „инь“, а в обозначение нынешнего месяца – знак «мао»?

Едва Баочай умолкла, как в разговор вмешался Сюэ Кэ.

– Чужие дела нас не касаются, – сказал он. —А вот какая злая звезда принесла старшему брату такое несчастье, хотелось бы знать. Возьму-ка я гороскоп Сюэ Паня, отнесу гадателю, пусть скажет, грозит ли брату опасность.

– Этот гадатель откуда-то приезжал, не знаю, в столице ли он сейчас, – заметила Баочай и принялась помогать тетушке Сюэ собираться во дворец Жунго. Там ее первым делом спросили, как обстоят дела у Сюэ Паня, на что тетушка Сюэ ответила:

– Ожидаем решения высших чиновников. До смертной казни, надеемся, дело не дойдет!

Услышав это, все немного успокоились, а Таньчунь обратилась к тетушке Сюэ:

– В прошлый раз, когда все разъехались, дом оставили на ваше попечение, но сейчас у вас у самих полно забот, и неловко вас просить о таком одолжении. Поэтому госпожа беспокоится.

– Все это время я и в самом деле не могла вам помочь. Сюэ Кэ уехал выручать Сюэ Паня, от нашей невестки проку никакого, а Баочай одной не управится. Но сейчас начальник уезда, где находится Сюэ Пань, занят приготовлениями к похоронам Чжоу-гуйфэй и судебными делами не занимается. Сюэ Кэ вернулся домой, и я смогла навестить вас.

– Поживите у меня несколько дней, тетушка, – попросила Ли Вань. – Я буду рада.

– Мне и самой хочется у вас пожить, – ответила тетушка, – вот только Баочай одной дома тоскливо.

– Взяли бы ее с собой, – произнесла Сичунь.

– Как-то неловко, – ответила тетушка. – Ведь раньше она жила здесь.

– Ничего ты не понимаешь, – вмешалась Ли Вань. – Как она может прийти, если у них в доме такое несчастье?!

Сичунь смутилась и не произнесла больше ни слова.

Пришла матушка Цзя, возвратившаяся из дворца, справилась о здоровье тетушки Сюэ и поинтересовалась, как дела у Сюэ Паня. Тетушка ей все подробно рассказала.

Баоюй, который тоже был здесь, услышав, что тетушка Сюэ упомянула о Цзян Юйхане, подумал: «Если он в столице, почему не навестил меня?» Но расспрашивать не решился.

Заметив, что нет Баочай, Баоюй опечалился, но тут пришла Дайюй, и он сразу повеселел и вместе с сестрами остался ужинать у матушки Цзя.

Тетушка Сюэ согласилась погостить у старой госпожи и расположилась в ее флигеле.

Баоюй, возвратившись домой, едва переоделся, как вдруг вспомнил о поясе, некогда подаренном ему Цзян Юйханом.

– У тебя сохранился красный пояс, который я тебе отдал? – спросил он у Сижэнь.

– Сохранился, – ответила Сижэнь. – Что это ты о нем вспомнил?

– Просто так!

– Говорят, старший господин Сюэ Пань связался с негодьями и совершил убийство! Слышал? – спросила Сижэнь. – Чем думать о всяких глупостях, занимался бы лучше науками! А то беспокоишься о каком-то поясе.

– А я не беспокоюсь, – возразил Баоюй. – Есть он или пропал, мне все равно. Я только спросил, а ты невесть что наговорила!

– Ничего плохого я не сказала, – отвечала Сижэнь. – Кто постигает науки и знает правила поведения, должен неустанно совершенствоваться. Радоваться любимому другу, когда тот приходит, относиться к нему с уважением.

Слова Сижэнь взволновали Баоюя, и он воскликнул:

– Нескладно получилось! Я только что от бабушки, у нее собралось столько народа, что мне не удалось перемолвиться и словечком с сестрицей Дайюй. А она словно не замечала меня и ушла первая. Сейчас сбегая к ней

на минутку!

– Поскорее возвращайся! – крикнула вслед Сижэнь. – Я заговорила о друге, а ты и обрадовался!

Баоюй промолчал и направился к павильону Реки Сяосян. Дайюй он застал за книгой.

– Почему ты так рано домой убежала, сестрица? – с улыбкой спросил Баоюй, подойдя к девушке.

– Ты не обращал на меня внимания, не разговаривал, что же мне оставалось делать? – ответила Дайюй тоже с улыбкой.

– Все так шумели, что я слова не мог сказать, – оправдывался Баоюй. Он старался угадать, что читает Дайюй, но ничего не понимал. Не мог найти ни одного знакомого иероглифа. Все они, правда, что-то напоминали. Один иероглиф, казалось ему, обозначает «гортензию», другой – слово «безбрежный», третий – слово «большой», рядом стоял иероглиф «девять», только с лишней чертой, между иероглифами «большой» и «девять» – иероглиф «пять», затем подряд шли иероглифы «пять», «шесть» и «дерево», а под ними – снова «пять».

Баоюй смотрел и не переставал удивляться. Потом сказал:

– Ты сделала поистине огромные успехи, сестрица. Даже книги по магии выучилась читать!

Дайюй прыснула со смеху.

– Ты что, не видел нот для циня? А еще считаешь себя ученым!

– Это я нот не видел?! – вскричал Баоюй. – Но ведь здесь нет ни одного знакомого иероглифа! А тебе откуда эти знаки известны?

– Не были бы известны – не стала бы читать! – возразила Дайюй.

– Не верю, – произнес Баоюй. – Впервые слышу, что ты умеешь играть на цине. У нас в кабинете их несколько висит. В позапрошлом году к нам приезжал один музыкант, кажется, Цзи Хаогу. Отец попросил его что-нибудь сыграть, но гость, повертев в руках цинь, заявил, что инструмент никуда не годится, и обратился к отцу: «Если вам, почтенный господин, хочется послушать мою игру, я как-нибудь приеду со своим цинем и охотно исполню вашу просьбу». Но он так и не приехал. Видимо, решил, что батюшка не разбирается в музыке. А ты почему вздумала скрывать свои способности?

– Ничего я не скрываю! – воскликнула Дайюй; – Я и в самом деле не умею играть. Просто почувствовала себя лучше и стала просматривать книги. Заметила на полке ноты для циня и заинтересовалась. Объяснения в начале книги к правилам и приемам игры на инструменте оказались понятными. Игрой на цине древние успокаивали душу и воспитывали

характер. Когда я была в Янчжоу, то брала уроки музыки, даже научилась играть, но потом все забросила. Верно говорят: «Три дня не поиграешь – пальцы теряют гибкость». Недавно мне попались ноты, но текстов песен при них не было, только указаны названия, поэтому я уловила мелодию лишь после того, как разыскала слова песен. Хорошо исполнять песни – трудно. В книге говорится, что Ши Куан^[7] игрой на цине мог вызвать ветер и гром, драконов и фениксов. Мудрейший Кун-цзы учился играть на цине у Ши Сяна^[8] и считал, что в игре на этом инструменте его учитель не уступает Вэнь-вану. Когда истинный музыкант встречается человека, способного понять музыку его души...

Ресницы Дайной дрогнули, она опустила голову.

– Милая сестрица, как все это интересно! – воскликнул Баоюй. – Но прошу тебя, объясни мне хоть несколько из тех знаков, которые перед тобой!

– А что тут объяснять, – промолвила Дайной, – ты с одного слова все поймешь!

– Я, видимо, туп. Объясни, что значит иероглиф «большой» с крючком и знак «пять» между ними, – попросил Баоюй.

– Ну ладно, смотри, – засмеялась Дайной. – Иероглиф «большой» со знаком «девять» означает, что во время игры на цине большой палец следует положить на девятый лад. Знак «пять» с крючком – что правой рукой надо ударить по пятой струне; таким образом, это не иероглифы, а условные значки для обозначения определенного музыкального тона. Все очень просто. Что касается слов «протяжно», «мягко», «свободно», «плавно», «бодро», «весело», то они означают, как надо играть, обычно – в каком темпе.

– Милая сестрица, ты так хорошо знаешь правила игры на цине, что можешь научить всех нас играть, – сказал Баоюй.

– Злоупотреблять игрой на цине нельзя, – ответила Дайной. – Древние брали цинь в руки, чтобы успокоить душу и заглушить низменные страсти. Уходили в самую дальнюю комнату внутренних покоев, в лес, в горы либо на берег реки, где тишина, где дует свежий ветерок и светит луна. Там они, бывало, погружаются в благовонные волны, их не тревожат суетные мысли, плоть и дух пребывают в равновесии, и тогда душою они сливаются с божествами и проникают в сущность самого «дао». Вот почему древние говорили: «Трудно встретить того, кто понял бы музыку души твоей». И они играли в одиночестве под свежим ветром и ясной луной, среди голубых сосен и причудливых скал, среди диких обезьян и старых аистов, чтобы не

осквернить цинь. Игра на нем – большое искусство. Прежде чем взять в руки цинь, необходимо привести в порядок одежду, начиная с головного убора, надеть следует плащ из перьев аиста либо широкий халат, подражая предкам, – лишь тогда ты достоин коснуться божественного инструмента. Вымой руки, воскури благовония, сядь на мягкое ложе, положи цинь на столик так, чтобы его пятый лад находился против твоего сердца, и начинай играть обеими руками – лишь тогда тело и душа придут в гармонию. Играть следует торжественно или бодро, в зависимости от настроения...

– Я хотел учиться развлечения ради, – сказал Баоюй. – А так, как ты говоришь, действительно трудно!..

Вошла Цзыцзюань и, взглянув на Баоюя, с улыбкой спросила:

– Чем это второй господин так взволнован?

– Сестрица просвещает меня в моем невежестве! – воскликнул Баоюй. – Так бы и слушал ее без конца.

– Я не об этом, – сказала Цзыцзюань. – Скажите лучше, что привело вас нынче сюда? Почему раньше не приходили?

– Я слышал, сестрица больна, и не хотел ее беспокоить, – ответил Баоюй. – Кроме того, школа отнимает все время.

– Не утруждайте, пожалуйста, барышню, – прервала его Цзыцзюань. – Она лишь недавно поправилась.

– А я заслушался и не подумал, что она устала! – воскликнул Баоюй.

– Я совсем не устала, – возразила Дайюй, – напротив, эта беседа для меня – развлечение. Боюсь только, что не очень хорошо объясняю.

– Не бойся, постепенно я все пойму! – заверил ее Баоюй, вставая, и добавил: – В самом деле, сестрица, тебе нужно отдохнуть! Завтра расскажу о нашем разговоре Таньчунь и Сичунь и пришлю их к тебе, пусть учатся музыке, а я буду вас слушать.

– Выбрал для себя самое легкое, – засмеялась Дайюй. – Но если слушать не понимая... – Она осеклась, подумав о своих чувствах к Баоюю.

– Главное – научитесь играть, я буду с удовольствием слушать, – промолвил Баоюй. – А окажусь «быком»^[9], не обращайтесь внимания.

Дайюй слегка улыбнулась и покраснела, а Цзыцзюань и Сюэянь рассмеялись.

Баоюй собрался уходить, когда вошла Цювэнь, а с ней другая служанка, державшая в руках горшок с орхидеей.

– Госпоже прислали в подарок четыре горшка с орхидеями, – сказала Цювэнь, – но ей некогда заниматься цветами, и она велела один цветок отнести второму господину Баоюю, а другой – барышне Дайюй.

Дайюй заметила два бутона на одной веточке – и сердце ее дрогнуло.

Она не знала, счастливое это предзнаменование или несчастливое. Из задумчивости ее вывел Баоюй. Поглощенный мыслями о цине, он сказал:

– А почему бы тебе, сестрица, не сочинить песню на мотив «Гляжу на орхидею»?

Дайюй стало не по себе. Проводив Баоюя и вернувшись в комнату, она поглядела на цветок и подумала: «Весной все расцветает, на деревьях появляются листья, а я молода, но немощна, словно тростник или ива осенью! Если бы мои мечты сбылись, возможно, я постепенно поправилась бы! Но проходит весна, и ветер и дождь срывают лепестки!»

При этой мысли слезы заструились из глаз Дайюй. «Что это с барышней? – подумала Цзыцзюань. – Только что была веселой, а поглядела на цветы – и расстроилась».

Цзыцзюань всячески старалась развлечь барышню, когда явилась служанка от Баочай.

Если хотите узнать, с чем она пришла, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят седьмая

*Расстроенная печальными стихами и воспоминаниями, девушка
играет на цине;*

*в предающуюся созерцанию молодую монахиню вселяется дух
блуждающего огня*

Итак, Дайюй велела впустить служанку. Та справилась о здоровье Дайюй и отдала письмо. Дайюй предложила служанке чаю, а сама принялась читать письмо:

«Увы, я не смогла провести с тобой день твоего рождения. На нас обрушилось столько неприятностей, а мать уже стара, ей не углядеть за всем. По целым дням у нас грызня и скандалы, а тут еще свалилось несчастье – неотвратимое, как ветер или дождь. Я совершенно не сплю, ночами ворочаюсь с боку на бок, одолевают мрачные мысли! Мы с тобой очень близки по духу, и ты должна меня понять!

Помнишь нашу «Бегонию»? А как мы осенью любовались хризантемами и ели крабов, помнишь? Весело тогда было. Запали в душу такие строки:

Ты родилась в недобрый день, под несчастливою звездой.
Тогда предчувствие невзгод жизнь омрачило всей семье.
Сковала, как сирот, сестер неодолимая печаль,
А матушка в года свои совсем ослабла, одряхла...
Покоя не было у нас весь день, с рассвета до темна
Рычанье тигра, песий лай^[10] не утихали ни на миг,
Потом обрушилась беда... Весь дом несчастье потрясло, —
Неистовой, чем ветра шквал, сильней, чем ливень в непогоду^[11].
Ночь глубока, а я томлюсь. Ворочаюсь, и – не заснуть.
О, бесконечная печаль! Нет ей начала, нет конца!
С тобою мысленно делю раздумья грустные свои,
Лишь у тебя могу искать сочувствие и понимание...
Я вспоминаю, как возник наш круг – «Бегония» – в те дни,
Когда осенняя пора в нас породила свежесть чувств,

Любуясь хризантемой, мы вкушали крабов не спеша,
Был тесен долгий наш союз, и всем казалась жизнь отрадной.

...Я помню фразу из стиха, которую хочу прочесть:
«Одну лишь верхнюю из веток
Не заслоняет тень от мира,

А веток остальных удел
Неторопливо расцветать...»

Никто так горько не вздыхал о быстротечности расцвета,
Как мы с тобою в те часы, когда одни цветам внимали...

...Воспоминанья о былом сейчас растрогали меня,
Я в четырех строфах тебе поведать так хочу об этом.
Нельзя сказать, что нет причин прорваться стону моему;
И все же песню предпочту, в которой растворятся слезы.

Прискорбно: меняется времени счет,
И снова холодная осень подкралась.
Тревожит по-прежнему горе семьи,
Живу одиноко, в разлуке печалюсь...

Мне чудится в северной комнате мать, —
Возможно ль не помнить ее тревоженья?
Печаль ее, нет, не могла я унять,
Поэтому в сердце, как прежде, — смятение...

* * *

Сгущается в небе копна облаков,
И ветер вздыхает и стонет уныло,
Иду к середине двора, где листва
Под инеем белым засохла, застыла.

Куда мне податься? Что делать? Как быть?
Утрачена радость. Приходит усталость.

Лишь горечь да жалость в глубинах души,
Лишь горечь да жалость... Вот все, что осталось!

* * *

Есть омут, где ищет покоя осетр;
Есть балка под крышей – журавль к ней
стремится; Дракон обретает жилье под водой,
А мой где приют, незатейливой птицы?

Я никну от горестных дум головой
И так вопрошаю пространство и дали:
«О, Неба бескрайность! О, толща земли!
А вы б затаенную скорбь угадали?..»

* * *

Серебряный в небе бледнеет поток^[12],
Тепло исчезает, и холодом веет.
Луна искривила под утро лучи,
А чайник затих и вот-вот опустеет...^[13]
Печальное сердце стучит и стучит,
Но вздох мой невольный – увы – не поможет.
И все ж на призывный и жалобный стон
Сочувственно ты отзовешься, быть может?»

Дайюй прочла и сама загрустила.

«Эти стихи, – подумала девушка, – Баочай послала не кому-нибудь, а именно мне, мы и в самом деле очень близки по духу и понимаем друг друга».

В это время снаружи донеслись голоса:

– Сестра Дайюй дома?

– Кто там? – отозвалась Дайюй, поспешно складывая письмо.

В комнату уже входили Таньчунь, Сяньюнь, Ли Вэнь и Ли Ци.

Девушки справились о здоровье Дайюй, выпили чаю и принялись болтать.

Они вспомнили, как сочиняли в минувшем году стихи о хризантеме, и Дайюй сказала:

– Странно! С тех пор как сестра Баочай поселилась у себя дома, она почти перестала бывать у нас. Всего раз или два заглядывала. Не знаю, что будет дальше?

– Придет еще, – улыбнулась Таньчунь. – Почему бы ей не прийти? Дело в том, что жена ее старшего брата оказалась слишком строптивой, тетушка Сюэ в летах, и ей трудно со всем управляться, а тут еще эта беда с Сюэ Панем – весь дом на Баочай. У нее нет свободной минутки.

За окном прошумел ветер, сорвал листья с деревьев, бросил в оконную бумагу, и по комнате разлился какой-то необыкновенный аромат.

– Что это? – изумились девушки. – Какой знакомый запах!

– Похоже на коричные цветы, – промолвила Дайюй.

– Сестра Линь Дайюй все еще думает, что живет на юге, – улыбнулась Таньчунь. – Откуда взяться осенью коричневым цветам?

– Возможно, мне показалось, – проговорила Дайюй. – Я ведь сказала «похоже»!

– Лучше помолчала бы, третья сестра, – обратилась Сяньюнь к Таньчунь. – Разве не помнишь пословицу: «На десять ли струят аромат лотосы, всю осень благоухает коричник»? Сейчас на юге как раз расцветает поздний коричник. Съезди туда и узнаешь.

– Зачем я поеду на юг? – с улыбкой произнесла Таньчунь. – Все, что ты говоришь, мне известно, так что можешь не хвастаться своими познаниями!

Ли Вэнь и Ли Ци рассмеялись.

– К слову сказать, сестрица, ты не то говоришь, – заметила Дайюй. – Здесь уместна другая пословица: «Человек – это небожитель, странствующий по земле». Сегодня он здесь, завтра – там. Взять, к примеру, меня. Я – уроженка юга, а живу в этих краях!

– Молодец Дайюй! – смеясь, захлопала в ладоши Сяньюнь. – Ну, что ты теперь скажешь, третья сестра? Не только сестрица Дайюй из других мест, мы тоже. Есть среди нас коренные северянки. Есть уроженки юга, выросшие на севере. Некоторые выросли на юге, но сейчас живут на севере. Раз все мы вместе, значит, так предопределено судьбой.

Все были согласны с Сяньюнь. Таньчунь ничего не сказала, лишь засмеялась.

Поболтав еще немного, девушки стали расходиться, сказав вышедшей

их проводить Дайюй:

– Иди в комнату, а то как бы не простудиться!

Дайюй постояла у дверей, сказала несколько слов сестрам на прощанье, а потом долго глядела им вслед.

Возвратившись к себе, она подошла к окну, в задумчивости созерцая закатное солнце и птиц, улетающих в горы.

Дайюй вспомнились слова Сяньюнь, и она подумала:

«Были бы живы отец с матерью, я и сейчас наслаждалась бы живописными пейзажами юга, весенними цветами, осенней луной, прекрасными реками и горами, „мостами Двадцати четырех“^[14], памятниками времен Шести династий...^[15] У меня было бы много служанок, роскошные коляски, расписные лодки, богато убранные покои. Не приходилось бы думать над каждым словом, над каждым шагом. Здесь мне хоть и оказывают всяческие знаки внимания, но чужой дом есть чужой дом. В чем провинилась я в одном из прежних рождений, что обречена на одиночество и печаль? Что «с утра до вечера слезами лицо умываю!», как сказал Хоучжу?»^[16]

Мысли Дайюй витали сейчас далеко-далеко.

Взглянув на барышню, Цзыцзюань подумала, что это сестры расстроили ее своими разговорами о юге.

– Барышни вас утомили, – сказала Цзыцзюань. – Я велела Сюэянь распорядиться на кухне, чтобы для вас приготовили суп с капустой, креветками и ростками бамбука, а еще кашу из цзяннаньского риса. Что скажете, барышня?

– Это хорошо, – ответила Дайюй, – только кашу лучше дома сварить.

– Я тоже так думаю, – согласилась Цзыцзюань. – На кухне не очень чисто, но тетушка Лю обещала, что ее дочка, Уэр, все сварит дома.

– Дело не в том, что на кухне не чисто, – возразила Дайюй. – Просто неловко обременять людей. Когда я болела, мы ничего не готовили, брали еду у других.

Глаза у Дайюй покраснели.

– Ах, барышня, – заметила Цзыцзюань, – вы слишком мнительны. Вы – внучка старой госпожи и ее любимица. Служанки всячески стараются угодить вам. Кто же станет выражать недовольство?!

– Ты только что сказала вскользь об Уэр, – перевела Дайюй разговор на другое. – Не подруга ли она Фангуань, той, что прислуживала второму господину Баоюю?

– Она самая, – ответила Цзыцзюань.

– Говорят, ее собираются сделать служанкой. Слыхала?

– Слыхала, – ответила Цзыцзюань. – Она лишь недавно оправилась от болезни, и ее хотели взять служанкой в сад, но пока вопрос этот не решен из-за неприятности с Цинвэнь и другими девушками.

– Мне кажется, она скромная, хорошая девочка, – заметила Дайюй.

Пока они разговаривали, женщина-служанка принесла суп.

– Тетушка Лю велела передать барышне, – сказала она вышедшей навстречу Сюэянь, – что суп этот приготовила у себя дома Уэр, хотела угодить барышне – ведь на кухне не очень чисто.

Сюэянь отнесла суп в комнату и снова вышла, чтобы передать тетушке Лю благодарность за хлопоты.

Вернувшись, Сюэянь накрыла на стол и спросила:

– Не хотите ли, барышня, маринованной капусты с пряностями, конопляным маслом и уксусом, той, что нам привезли с юга?

– Давай, – отозвалась Дайюй, – только немного!

Она поела каши, запила супом и отодвинула чашку. Служанки убрали посуду, вынесли из комнаты стол, а взамен принесли маленький, которым обычно пользовалась Дайюй.

Вымыв руки и прополоскав рот, Дайюй обратилась к Цзыцзюань:

– Благовоний в курильницу добавляла?

– Сейчас добавлю, – ответила та.

– Кашу и суп можете доесть! – продолжала Дайюй. – Приготовлены они чисто и вкусно. А благовоний я добавлю сама.

Цзыцзюань и Сюэянь отправились в прихожую.

Дайюй добавила в курильницу благовоний, села к столу и собралась читать, но в это время в саду зашумел ветер, забренчали железные лошадки под стрехой^[17].

В комнату вошла Сюэянь – она уже успела поесть.

– С каждым днем становится холоднее, – сказала Дайюй. – Вы проветрили теплую одежду, как я вчера приказала?

– Проветрили, – ответила Сюэянь.

– Принеси-ка мне что-нибудь теплое, – попросила Дайюй, – я накину на плечи.

Сюэянь принесла целый узел с одеждой.

Перебирая вещи, Дайюй вдруг заметила небольшой сверточек, перевязанный шелковым платком. В нем оказался платок, подаренный ей Баоюем во время ее болезни; на нем сохранились написанные ею стихи и следы слез. Здесь же лежал изрезанный в клочья мешочек для благовоний, чехол для веера и шнурок, на котором Баоюй прежде носил

чудодейственную яшму.

Все это Цзыцзюань вытащила из сундука и сунула в узел, чтобы не затерялось.

Только сейчас Дайюй вспомнила об этих дорогих ей вещицах и, забыв, что хотела потеплее одеться, принялась перечитывать стихи на платке. Слезы навернулись ей на глаза.

В этот момент вошла Цзыцзюань. Она сразу заметила, что Дайюй, заплаканная, смотрит на столик, где лежат изрезанный мешочек для благовоний, чехол для веера и шнурок с бахромой, а рядом стоит Сюэянь с узлом.

Поистине:

Потеряв человека, к которому сердце влекло,
В жизни все потеряешь, чего ты мечтала добиться.
И тогда на следы прежде пролитых, высохших слез
В непредвиденный час могут новые слезы пролиться.

Цзыцзюань сразу догадалась, что эти вещи напомнили Дайюй прошлое, взволновали ее и расстроили. Утешать девушку было бесполезно, поэтому Цзыцзюань с улыбкой сказала:

– Что это вам, барышня, вздумалось рассматривать эти старые вещи? Вы с господином Баоюем тогда были еще детьми: то ссорились, то мирились. Глядя на вас, можно было только смеяться. Теперь вы совсем по-другому ведете себя и не стали бы ни с того ни с сего портить вещи!

Вместо того чтобы успокоиться после этих слов, Дайюй еще больше расстроилась: она вспомнила, каким был Баоюй, когда она приехала в этот дом, и из глаз ее покатились слезы, как жемчужины с разорвавшейся нитки.

– Оденьтесь потеплее, барышня! – сказала Цзыцзюань, – ведь Сюэянь ждет.

Дайюй бросила платок. Цзыцзюань завернула в него мешочек для благовоний и остальные вещи и поспешила убрать.

Дайюй набросила меховую накидку и, печальная, направилась в прихожую, но тут взгляд ее упал на стихи, присланные Баочай. Она взяла их со столика, дважды перечитала и со вздохом произнесла:

– Положение у нас разное, но мы обе страдаем. Сочиню стихотворение тоже из четырех разделов, переложу на музыку, чтобы можно было петь под аккомпанемент циня, и завтра же отошлю ей.

Она велела Сюэянь принести письменные принадлежности и написала

стихотворение. Затем раскрыла ноты для циня, выбрала два мотива: «С жалостью гляжу на орхидею» и «Думаю о мудреце»^[18], переложила на них стихи и снова переписала. После этого она приказала Сюэянь достать из ящика маленький цинь, привезенный еще из дому, настроила его и попробовала сыграть сочиненные песни.

Надо сказать, что Дайюй и в самом деле была одаренной. Играть она училась давно, еще живя дома, и с тех пор не брала в руки инструмент, но сейчас быстро освоилась и играла до самого вечера, пока не пришло время ложиться спать. О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем.

А сейчас вернемся к Баоюю. В тот день он поднялся рано, как и обычно, быстро привел себя в порядок и собрался в школу, как вдруг прибежал мальчик-слуга и воскликнул:

– Вам повезло, второй господин! Господина учителя нынче нет в школе, и всех отпустили с занятий!

– А ты правду говоришь? – усомнился Баоюй.

– Если не верите, сами глядите! Третий господин Цзя Хуань и ваш племянник Цзя Лань возвращаются из школы!

Баоюй повнимательней присмотрелся – и в самом деле: Цзя Хуань и Цзя Лань в сопровождении мальчиков-слуг приближались к нему, о чем-то весело разговаривая, но, увидев Баоюя, остановились.

– Почему вы не в школе? – спросил Баоюй.

– Нас отпустил господин учитель, – отвечал Цзя Хуань.

Сомнений у Баоюя больше не было, он побежал сообщить отцу и бабушке, что в школу сегодня идти не надо, и вернулся к себе.

Рассказав удивленной Сижэнь, что занятий сегодня не будет, Баоюй посидел немного и собрался уходить.

– Ты куда торопишься? – крикнула вслед ему Сижэнь. – Отдохнул бы, раз отпустили!

– Ты, пожалуй, права, – ответил Баоюй, замедляя шаг. – Но очень хочется погулять. Ведь отпустили всего на день. Когда еще представится такой случай?! Ты должна меня понять.

– Ладно, иди, – улыбнулась Сижэнь – ей вдруг стало жаль Баоюя.

Пока они разговаривали, служанки принесли завтрак, и Баоюю пришлось остаться. Он наскоро поел и помчался к Дайюй. Во дворе Сюэянь сушила платок.

– Барышня позавтракала? – спросил Баоюй.

– Давно, еще когда встала. Выпила полчашки отвара, да и то через силу, – ответила Сюэянь. – Сейчас она отдыхает. Вы погуляйте, а попозже

придете.

Идти Баоюю было некуда, но тут он вспомнил, что давно не навещал Сичунь, и направился к террасе Ветра в зарослях осоки.

Баоюй постоял у окна комнаты Сичунь. Там было тихо. Юноша уже хотел уйти, подумав, что девушка спит, как вдруг услышал шум. Что-то легонько стукнуло, и раздался голос:

– Надо было по-другому пойти!

Баоюй догадался, что в доме играют в облавные шашки, но кому принадлежит голос, не разобрал.

Тут совершенно отчетливо прозвучал голос Сичунь:

– Почему по-другому? Ты так идешь, а я вот так. А если ты пойдешь так, я тоже так пойду и замкну кольцо.

– А если я пойду так? – вновь послышался первый голос.

– Ох! – воскликнула Сичунь. – Значит, вот какой ход был у тебя в запасе! А я не приняла мер предосторожности!

Голос девушки, которая была у Сичунь, не принадлежал ни одной из сестер Баоюя, но показался ему очень знакомым. Решив, что посторонних здесь быть не может, Баоюй осторожно отодвинул занавеску и вошел. «Стоящая за порогом» – вот кто оказался в комнате – монахиня Мяоюй из кумирни Бирюзовой решетки. Юноша не осмелился мешать, а Мяоюй, увлеченная игрой, его не замечала. Баоюй молча стоял в стороне, наблюдая.

– Разве тебе не нужны мои шашки, что стоят в этом углу? – вдруг спросила Мяоюй у Сичунь.

– Почему не нужны? – ответила Сичунь. – Просто мне некуда торопиться! Им все равно не уйти!

– Не хвастайся, – отвечала Мяоюй, – посмотри-ка внимательней!

– Сейчас мне ходить, – заметила Сичунь, – пойду, а потом погляжу, как пойдешь ты.

Мяоюй тихонько рассмеялась и поставила шашку у края доски, заперев в углу все шашки Сичунь.

– Это называется «срезать на ходу подметки», – заметила она.

Не успела Сичунь ответить, как Баоюй не выдержал и расхохотался, да так громко, что девушки испуганно вздрогнули.

– Что же это такое! – возмутилась Сичунь. – Входишь не предупреждая! Так можно насмерть перепугать! Ты давно здесь?

– Давно, – отвечал Баоюй, – с того момента, как вы спорили из-за какого-то угла.

Он приветствовал Мяоюй, а затем с улыбкой промолвил:

– Почтенная Мяоюй редко выходит за ворота святого храма. Как же

случилось, что я повстречал ее здесь?

Мяоюй ничего не ответила, покраснела и не поднимала головы от шашечной доски. Поняв, что сказал лишнее, Баоюй виновато улыбнулся:

– Что и говорить. Кто ушел в монастырь, того нельзя сравнивать с нами, мирянами. Прежде всего, душа монахини обретает покой. А раз так, совершенствуются ум и способности, рождается мудрость...

При этих словах Мяоюй подняла голову, бросила на него взгляд, еще больше покраснела и снова уткнулась в доску. Заметив, что она нарочно не замечает его, Баоюй в замешательстве сел рядом.

Сичунь предложила сыграть еще партию, и Мяоюй после длительной паузы произнесла:

– Ладно, давай!

Она встала, поправила одежду, снова села и как бы между прочим спросила у Баоюя:

– Ты откуда сейчас пришел?

Баоюю очень хотелось, чтобы Мяоюй с ним заговорила, тогда он ей все объяснил бы. Но ее вопрос заставил его насторожиться, неспроста Мяоюй его задала.

Поэтому он отвернулся и ничего не ответил. Мяоюй засмеялась и завела разговор с Сичунь.

– Ты почему не отвечаешь? – спросила Сичунь. – Ведь это самый обычный вопрос: «Ты откуда сейчас пришел?» Стоит ли смущаться?

Тут Мяоюй вспомнила, что надо возвращаться, сердце дрогнуло, и ей стало не по себе.

– Засиделась я, – сказала она, вставая, – мне пора.

Сичунь знала, что удерживать Мяоюй бесполезно, и проводила ее до ворот.

– Я давно не была у тебя, – сказала на прощание Мяоюй, – а дорога все время петляет, как бы не заблудиться.

– Можно, я тебя провожу? – спросил Баоюй.

– Не смею тебя утруждать, – ответила Мяоюй. – Но если хочешь, пожалуйста.

Они попрощались с Сичунь и покинули террасу Ветра в зарослях осоки. Проходя мимо павильона Реки Сяосян, они слышали звуки циня...

– Кто это играет? – с удивлением спросила Мяоюй.

– Наверное, сестрица Дайной, – отвечал юноша.

– Разве она умеет? А я и не знала! – сказала Мяоюй.

Тогда Баоюй рассказал ей о недавней беседе с Дайной и предложил:

– Давай зайдем, посмотрим!

– С древнейших времен цинь только слушают, но чтобы смотрели – такого еще не было, – усмехнулась Мяоюй.

– Давно известно, что я – человек невежественный, – сконфузившись, ответил Баоюй.

Они подошли к павильону Реки Сяосян, сели на камень и стали слушать чистую, трогательную мелодию. Вскоре нежный голос запел:

Дует, воеет ветер холодный.
Воздух осенью напоен,
Но вдали от прекрасной девы,
Одинок ты и удручен...
Где вдали селенье родное?
Край отеческий лик свой скрыл!
И на платье горькие слезы
Лью и лью, склонясь у перил...

Голос умолк, а потом снова зазвучал:

Беспокойны длинные реки,
Вдалеке утесы круты,
Свет луны на мое окошко
Плавно падает с высоты.
Путь Серебряный вижу в небе,
Но и ночью мне не до сна!
Я замерзла в тонкой рубашке,
На ветру роса холодна...

Когда же опять наступила пауза, Мяоюй сказала:

– Первая строфа на одну рифму, вторая – на другую. Послушаем дальше.

Дайюй снова запела:

Мне понятны ваши невзгоды,
Нет свободы – и жизнь не та!
У меня же свои напасти —
Вечно хлопоты, суета...
Если сердце твое горюет,

Горе сердце мое поймет.
Жены древности! Вы могли бы
Мне помочь уйти от забот?^[19]

– Вот и еще строфа, – промолвила Мяюй. – Сколько в ней глубокой печали!

– Я не разбираюсь в музыке, но эта мелодия и в мою душу вселила скорбь, – отозвался Баюй.

Снова зазвенели струны циня.

– Слишком высоко взяла, – заметила Мяюй, – не гармонирует с прежним.

Вновь слышалось пение:

Жизнь людей в этом бренном мире —
Пыль житейская, круговорот.
Все, что в небе, и все, что в мире,
В прошлой жизни исток берет;
Обретя исток в прошлой жизни,
В смерти жизнь не найдет конца,
Но с луною сравнятся разве
Человеческие сердца?^[20]

Мяюй изменилась в лице.

– Почему она перешла на другой тон?! От такой печальной мелодии могут расколоться даже камни! Это уж слишком!

– Что значит «слишком»? – спросил Баюй.

– А то, что она долго не проживет! – отвечала Мяюй.

В это время слышался жалобный звук – будто струна лопнула. Мяюй быстро встала и пошла прочь.

– Что случилось? – окликнул ее Баюй.

– Скоро сам поймешь, – последовал ответ, – не стоит сейчас об этом говорить!

Баюй, полный уныния и дурных предчувствий, направился во двор Наслаждения пурпуром. Но об этом здесь речи не будет.

Даосская монахиня пропустила Мяюй в ворота кумирни и заперла их. Мяюй прошла к себе в келью, прочла сутру, поужинала, воскурила благовония и отпустила монахинь.

Опустив занавески, она села на молитвенный коврик за ширмой, поджала под себя ноги и предалась созерцанию.

В третью стражу Мяоюй вдруг слышала шум на крыше. Подумав, что напали разбойники, она испуганно вскочила и выбежала на террасу. Вокруг не было ни души, только по небу плыли одинокие облака и ярко светила луна.

Было не холодно. Мяоюй постояла, опершись о перила террасы, и вдруг слышала мяуканье кошек на крыше.

Вспомнились слова Баоюя об успокоении души, сердце затрепетало, Мяоюй вся горела, но, овладев собой, вернулась в келью и вновь опустилась на молитвенный коврик. Однако душа никак не могла успокоиться и вдруг рванулась куда-то; Мяоюй почувствовала, как коврик уходит из-под нее, ей почудилось, будто она вне кумирни. Вдруг появилась целая толпа знатных юношей, все они жаждали взять ее в жены, подхватили и потащили к коляске. Потом налетели разбойники и, угрожая ножами и палками, поволокли Мяоюй за собой. Она громко плакала, звала на помощь.

Разбуженные криками, прибежали монахини с факелами и светильниками, столпились вокруг Мяоюй, а она лежала, широко раскинув руки, с пеной на губах. Когда ее попытались привести в чувство, она, с выпученными глазами и проступившими на щеках красными пятнами, закричала:

– Мне покровительствует бодхисаттва! Как вы, насильники, смеее так обращаться со мной?

Перепуганные монахини не знали, что делать.

– Очнитесь, это мы!

– Я хочу домой! – крикнула Мяоюй. – Отвезите меня!

– Ваш дом здесь, – сказала старая даосская монахиня. – Куда же вас везти?

Она велела буддийским монахиням помолиться богине Гуаньинь, а сама решила погадать. Вытащила гадательную бирку, открыла соответствующее место в книге толкований и прочла, что странное поведение Мяоюй можно объяснить ее встречей с духом зла в юго-западном углу.

– Да! – подтвердили остальные монахини. – В юго-западном углу сада Роскошных зрелищ никто никогда не жил. Наверняка там обитает дух зла.

Все переполошились, бегали вокруг Мяоюй.

Монахиня, которую Мяоюй привезла с собой с юга и которая была предана ей больше других, сидела на своем молитвенном коврике у

постели Мяоюй, не отходя ни на шаг.

Вдруг Мяоюй повернулась к ней и спросила:

– Ты кто?

– Ведь это же я, – отвечала монахиня.

– Ах, ты! – произнесла Мяоюй, пристально посмотрела, обняла монахиню и сквозь рыдания проговорила: – Ты моя мать, если ты не спасешь меня, я погибла!

Монахиня ласково гладила ее, утешала. Старуха даоска налила чаю, Мяоюй выпила немного и лишь на рассвете уснула. Послали за доктором и стали гадать, что за болезнь приключилась с монахиней.

Все говорили по-разному: нервное расстройство от чрезмерных забот, горячка, наваждение, простуда.

Пришел доктор и первым делом спросил:

– Она предается созерцанию?

– Постоянно, – последовал ответ.

– Заболела вечером?

– Да.

– Значит, в нее вселился дух блуждающего огня, – определил доктор.

– Это опасно? – с беспокойством спрашивали монахини.

– К счастью, она предавалась созерцанию не очень долго, – ответил доктор, – злой дух не успел глубоко проникнуть, и ее можно спасти.

Он прописал жаропонижающее лекарство, Мяоюй приняла его и постепенно успокоилась.

Между тем слухи об этом происшествии распространились за пределы дворца Жунго, и конечно же нашлись любители посплетничать.

– Разве может молодая женщина вести монашескую жизнь? – говорили люди. – Она хороша собой, вот только характер странный! Интересно, кому попадет такой лакомый кусочек?

Прошло несколько дней. Мяоюй понемногу приходила в себя, но душа ее по-прежнему пребывала в смятении, мысли путались.

Однажды к Сичунь пришла Цайпинь и спросила:

– Слыхали, что случилось с настоятельницей Мяоюй?

– Не слыхала. А что?

– Как я поняла из разговора барышни Син Сюянь со старшей госпожой Ли Вань, – принялась рассказывать Цайпинь, – на Мяоюй нашло наваждение. Как раз в тот вечер, когда вы играли с ней в шашки. Всю ночь она кричала, будто ее хотят похитить разбойники. Она и сейчас еще не совсем здорова. Не кажется ли вам все это странным, барышня?

Сичунь промолчала, а про себя подумала: «Мяоюй непорочна, но

нити, связывающие ее с бренным миром, пока не оборваны. Жаль, что я родилась в знатной семье, а то непременно пошла бы в монахини, порвала бы все связи с суетным миром и не думала бы ни о чем мирском. Тогда никакое наваждение не страшно!»

Тут на Сичунь будто снизошло просветление, и она сочинила гату:

Уж если великая сила миров^[21]
Своих не оставит на свете следов, —
На что уповать остается тому,
Кто видит в Ученье основу основ?

В том суть, что любой, кто на свете живет,
Пришел в эту жизнь из пространства пустот,
А после того, как свой век отживет, —
Назад, в пустоту совершит поворот!^[22]

После этого Сичунь приказала девочке-служанке воскурить благовония, посидела немного, раскрыла книгу по шашкам и отыскала главы, написанные Кун Юном и Ван Цзисинем^[23]. Здесь перечислялись приемы игры «как в лист лотоса завернуть краба», «как иволга сражается с зайцем», но этот раздел Сичунь показался скучным, а раздел «тридцать шесть способов вырваться из угла» — непонятным и путаным, остановилась она на разделе «десять драконов убегают от коня».

Но только было она углубилась в чтение, как во дворе послышались шаги и кто-то крикнул:

— Цайпинь!

Если хотите узнать, кто это был, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят восьмая

Баоюй, к великой радости всей семьи, расхваливает сироту;

Цзя Чжэнь для поддержания порядка в доме наказывает дерзких слуг

Итак, кто-то снаружи позвал Цайпинь. Сичунь показалось, что это Юаньян, и она не ошиблась.

Цайпинь вышла и вскоре вернулась вместе с Юаньян и девочкой-служанкой, которая несла что-то завязанное в желтый платок.

– В будущем году старой госпоже исполняется восемьдесят один год, что соответствует «тайной девятке», – сказала Юаньян. – По этому случаю будут заказаны молебны на девять дней и девять ночей и дан обет переписать три тысячи шестьсот пятьдесят один раз «Алмазную сутру» – «Цзиньганцзин»^[24]. Переписчиков уже наняли. Обычно «Цзиньганцзин» считают оболочкой, а «Книгу сущности» – основой, поэтому при переписке в «Цзиньганцзин» решено включить «Книгу сущности». Старая госпожа высоко ценит эту книгу, а поскольку бодхисаттва Гуаньинь почти всегда является в облике женщины, необходимо, чтобы невестки и внучки старой госпожи переписали эту книгу триста шестьдесят пять раз. Так они проявят уважение к старой госпоже и сами очистятся от грехов. Все барышни грамотны, кроме второй госпожи Фэнцзе, у которой, кстати, и времени нет, и могут переписать каждая понемногу. Да и супруга старшего господина Цзя Чжэня на это согласна, что же говорить о нас?

– Чего-нибудь другого я, может быть, и не смогла бы сделать, а сутры перепишу с большой охотой, – промолвила Сичунь и предложила Юаньян: – Садись, выпей чаю!

Юаньян положила на стол сверток и села рядом с Сичунь.

– А сама ты будешь писать? – с улыбкой спросила Сичунь.

– Шутите, барышня! – укоризненно произнесла Юаньян. – В прежние годы я, правда, этим баловалась, но видели ли вы, чтобы в последнее время я кисть в руки брала?

– А ты возьми! По крайней мере зачтется тебе в заслугу, – отвечала Сичунь.

– Мне другое зачтется, – промолвила Юаньян. – Как уложу старую госпожу спать, так начинаю читать молитвы и после каждой молитвы откладываю по зернышку риса. Вот уже три года, а то и больше. Зернышки я храню, и когда старая госпожа в день своего рождения закажет молебствия, сварю их и поднесу Будде, выразив тем самым свое почтение старой госпоже.

– Ну, тогда старая госпожа наверняка превратится в Гуаньинь, а ты – в ее прислужницу Луньной! – засмеялась Сичунь.

– Разве я достойна такого счастья?.. – покачав головой, отвечала Юаньян. – Я никогда никому не прислуживала, кроме старой госпожи, и не знаю, какими узами нас связала судьба в прежней жизни!

Она поднялась, но прежде, чем уйти, велела девочке-служанке развернуть сверток, вынула содержимое и сказала:

– Здесь пачка тонкой белой бумаги, на нее и следует переписывать «Книгу сущности». А вот тибетские благовония, воскурите их, когда будете переписывать.

На том Юаньян распрощалась и вышла.

Вернувшись в комнаты матушки Цзя, она застала там Ли Вань – они играли со старой госпожой в нарды, и Ли Вань выигрывала.

Глядя на них, Юаньян едва сдерживала смех.

В этот момент вошел Баоюй с двумя бамбуковыми корзиночками в руках. В корзиночках были цикады.

– Я слышал, бабушка, вы по ночам плохо спите, – сказал, он, – вот и принес вам цикад, чтобы по ночам скучно не было.

– Опять балуешься! – засмеялась матушка Цзя. – Пользуешься тем, что отца дома нет.

– Я не балуюсь, – отвечал Баоюй.

– А почему цикад ловишь, вместо того чтобы в школу ходить? – спросила матушка Цзя.

– Я не ловил их, мне Цзя Хуань дал, – оправдывался Баоюй. – Тут как-то учитель велел Цзя Хуаню и Цзя Ланю придумать параллельные фразы, но Цзя Хуань не смог, и я подсказал ему. Учитель похвалил Цзя Хуаня, и он в благодарность купил мне этих цикад. А я вам их принес в знак своего глубокого уважения!

– Ведь Цзя Хуань каждый день ходит в школу, почему же не смог выполнить задания? Надо было учителю его побить хорошенько! Тебе и без того достаётся. Помнишь, как ты перепугался, когда отец заставлял тебя сочинять стихи? А ты еще лезешь с подсказкой? Этот Цзя Хуань просто бессовестный, воспользовался чужим трудом и решил подарком отделаться.

И как только ему не стыдно! Ведь еще маленький, а какой хитрый! Представляю себе, что будет с ним, когда вырастет!

При этих словах все рассмеялись.

– А Цзя Лань сам выполнил задание, – спросила матушка Цзя, – или же ему Цзя Хуань подсказал? Ведь Цзя Лань младше.

– Цзя Лань сам все придумал, – отвечал Баоюй.

– Что-то не верится, – промолвила матушка Цзя. – За нос небось меня водишь! Куда это годится?! Ведь ты старший и должен среди них выделяться, как верблюд в стаде баранов. Ты уже и сочинения умеешь писать!

– Я правду говорю! – стоял на своем Баоюй. – Цзя Ланю никто не помогал, учитель его похвалил, сказал даже, что он сделает карьеру. Не верите – позовите Цзя Ланя и сами проверьте, каковы его знания!

– Если это и в самом деле так, я очень рада, – отвечала матушка Цзя. – Может быть, мальчик чего-то добьется в жизни.

Поглядев на Ли Вань, матушка Цзя вспомнила Цзя Чжу и с грустью сказала:

– Ты не опозорила памяти своего покойного мужа, сумела воспитать сына! Теперь у тебя будет опора в жизни и...

Слезы помешали ей договорить.

Сердце Ли Вань дрогнуло, но, желая утешить матушку Цзя, она улыбнулась:

– Все это благодаря вашим заботам, бабушка! Если Цзя Лань оправдает ваши надежды, мы будем бесконечно счастливы. Радоваться надо, а не печалиться! – И, обратившись к Баоюю, она продолжала: – А вы, дядя Баоюй, в другой раз не захваливайте Цзя Ланя, это ему только во вред – он ведь еще ребенок. Где ему понять, что вы любите его и жалеете? Того и гляди зазнается и перестанет стараться!

– Ли Вань права, – сказала матушка Цзя. – Цзя Лань еще мал, и перехваливать его не нужно, но и чрезмерная строгость ни к чему. Мальчик и без того робкий, может заболеть, и все наши старания пойдут насмарку.

Ли Вань быстро смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы.

Как раз в это время пришли Цзя Хуань и Цзя Лань справиться о здоровье старой госпожи. Цзя Лань поклонился матери и встал возле бабушки, готовый ей услужить.

– Баоюй говорит, что учитель тебя похвалил за успехи в учебе, – сказала матушка Цзя. – Это правда?

Цзя Лань молчал, лишь смущенно улыбался.

– Ужин готов! – объявила Юаньян. – Какие будут распоряжения,

почтенная госпожа?

– Пригласите тетушку Сюэ, – приказала матушка Цзя.

Хупо не мешкая послала за тетушкой Сюэ одну из младших служанок.

Между тем Баоюй с Цзя Хуанем ушли.

– А вы поужинаете со мной, – обратилась матушка Цзя к Ли Вань и Цзя Ланю.

Игру со стола убрали и поставили все для ужина. Вернулась девочка-служанка и доложила матушке Цзя:

– Госпожа велела вам передать, что тетушка Сюэ занята делами и у себя дома, и здесь и не может прийти.

После этого все сели ужинать, но об этом мы рассказывать не будем.

Поужинав, матушка Цзя прилегла и завела разговор о разных пустяках. Вошла девочка-служанка и что-то прошептала на ухо Хупо. Та подошла к матушке Цзя и доложила:

– Старший господин Цзя Чжэнь пришел справиться о вашем здоровье.

– Поблагодарите его за внимание и скажите, пусть идет отдыхать, за целый день он устал, – отвечала матушка Цзя.

Утром Цзя Чжэнь снова занялся делами, принимал слуг, дежуривших у ворот, которые явились к нему с докладами. Потом пришел мальчик-слуга и сообщил:

– Староста из поместья прислал фрукты.

– А список присланного есть? – осведомился Цзя Чжэнь.

Мальчик протянул ему лист бумаги; там значились кроме фруктов несколько сортов овощей и дичи.

– Кто раньше ведал приемом продуктов? – спросил Цзя Чжэнь, пробежав список глазами.

– Чжоу Жуй, – поспешил сообщить привратник.

Цзя Чжэнь распорядился позвать Чжоу Жуя.

– Проверь, все ли есть, что указано, и отправь в кладовые, я сниму копию со списка и потом еще раз проверю, – велел он Чжоу Жую и распорядился: – Передайте на кухню, чтобы дополнительно приготовили несколько блюд и хорошенько угостили людей, которые привезли фрукты. И проследите, чтобы им, как полагается, дали денег.

Чжоу Жуй почтительно поддакнул и удалился.

Распорядившись, чтобы фрукты вместе со списком отвезли во двор к Фэнцзе, он через некоторое время возвратился и спросил Цзя Чжэня:

– А вы, господин, проверили, сколько привезено фруктов?

– У меня на это нет времени! Список у тебя, сам бы и проверил, – сказал Цзя Чжэнь.

– Я проверил, – отвечал Чжоу Жуй. – Все в порядке. Ровно столько, сколько значится в списке. Копия у вас, господин, можете позвать людей старосты и спросить, не ошибся ли я.

– Что ты болтаешь! – произнес Цзя Чжэнь. – Подумаешь – фрукты! Не стану же я подозревать тебя в воровстве!

Пришел Баоэр и с почтительным поклоном обратился к Цзя Чжэню:

– Прошу вас, старший господин, поручите мне какое-нибудь дело вне дворца!

– Это почему?! – удивился Цзя Чжэнь.

– Я здесь слова не смею сказать, – ответил Баоэр.

– А зачем тебе говорить?

– В таком случае, зачем я один сберегаю ваше добро? – возразил Баоэр.

– Я ведаю арендной платой и доходами с поместий, – вмешался тут Чжоу Жуй, – через мои руки ежегодно проходят крупные суммы, и ни разу я от господ не слышал упрека! Стоит ли затевать разговор из-за пустяков? Послушать Баоэра, так можно подумать, мы все доходы от господских земель разворовали!

– Этот Баоэр, видимо, просто склочник. Нечего ему здесь делать, – произнес Цзя Чжэнь и крикнул: – Убирайся! – после чего обратился к Чжоу Жую: Твоих объяснений мне тоже не нужно – занимайся своими делами!

Когда Чжоу Жуй и Баоэр ушли, Цзя Чжэнь прилег было отдохнуть, как вдруг услышал шум у ворот. Он тут же послал слуг разузнать, что случилось.

– Баоэр подрался с приемным сыном Чжоу Жуя, – вернувшись, доложили слуги.

– А кто он, этот приемный сын? – осведомился Цзя Чжэнь.

– Зовут его Хэ Сань, – ответил привратник. – От нечего делать он вечно сидит у ворот, задирает каждого прохожего, пьянствует, скандалит. Узнал, что Баоэр поругался с Чжоу Жуем, и полез в драку.

– Возмутительно! – вскричал Цзя Чжэнь. – Ну-ка, свяжите Баоэра и этого, как его там, Хэ Саня! А Чжоу Жуй где?

– Сбежал! – ответил привратник. – Как только началась драка.

– Приведите его! – распорядился Цзя Чжэнь. – Не хватало еще таких безобразий!

В разгар скандала вернулся домой Цзя Лянь и, узнав от Цзя Чжэня о случившемся, тоже послал людей за Чжоу Жуем.

Видя, что скрыться не удастся, Чжоу Жуй явился, и Цзя Чжэнь велел его связать.

– Наболтали здесь невесть что, – обрушился на него Цзя Лянь, – а старший господин вас одернул! Зачем же было затевать драку? Да еще впутывать какого-то мерзавца Хэ Саня! Вместо того чтобы разнять дерущихся, ты сбежал!

Он несколько раз пнул Чжоу Жуя ногой.

– Что толку бить одного Чжоу Жуя, – остановил его Цзя Чжэнь. Он велел дать Баоэру и Хэ Саню по пятьдесят плетей каждому и выгнать вон, после чего принялся обсуждать с Цзя Лянем дела.

О случившемся люди говорили между собой всякое: одни считали, что Цзя Чжэнь поступил круто, чтобы замазать собственные грешки; другие – что он не умеет улаживать споры между прислугой, третьи – что он просто злой человек.

– Разве не потому второй господин Цзя Лянь взял Баоэра в дом, что тот в свое время помогал ему улаживать дело с сестрами Ю? – говорили слуги. – Жена Баоэра не сумела угодить господину Цзя Ляню, вот он и придрался к Баоэру.

Людей во дворце Жунго было полно, все они любили посплетничать, и слухи ходили самые невероятные.

Но сейчас об этом рассказывать мы не будем, а вернемся к Цзя Чжэню. После того как он получил высокую должность в ведомстве работ, многие в доме разбогатели. Захотел и Цзя Юнь урвать кое-что. Сговорившись с несколькими подрядчиками, он, в расчете на часть прибыли, накупил всевозможных вышивок и отправился к Фэнцзе просить покровительства.

Незадолго перед этим к Фэнцзе пришла девочка-служанка и доложила:

– У ворот произошла драка. Старший господин Цзя Чжэнь и второй господин Цзя Лянь гnevаются.

Фэнцзе хотела было послать служанок разузнать подробности, но тут явился Цзя Лянь и все рассказал.

– Дело пустяковое, – сказала Фэнцзе, – но подобные безобразия следует пресекать сразу. Наша семья процветает, а слуги осмеливаются затевать драки! Что же будет, когда хозяйство перейдет в ведение младшего поколения? Ведь станет совершенно невозможно держать слуг в узде! В позапрошлом году я собственными глазами видела, как Цзяо Да во дворце Нинго напился до потери сознания, лежал у крыльца и поносил всех подряд – и господ и слуг. Пусть даже у него много достоинств, но слуга есть слуга и должен держаться скромнее. Старшая госпожа – супруга Цзя

Чжэня, не в упрек ей будь сказано, распустила свою прислугу сверх всякой меры. А тут еще этот Баоэр! Говорят, и ты, и Цзя Чжэнь прибегали к его услугам! Зачем же приказали высечь его?

Это был удар в самое сердце, но Цзя Лянь постарался отделаться шуткой и, сославшись на дела, ретировался.

Вскоре вошла Сяохун и доложила:

– Второй господин Цзя Юнь просит дозволения войти!

«Зачем он явился?» – подумала Фэнцзе и сказала:

– Проси!

Сяохун вышла, улыбнулась Цзя Юню. Он приблизился и спросил:

– Вы доложили обо мне, барышня?

Вместо ответа Сяохун, краснея, сказала:

– Вы, наверное, очень заняты, второй господин! Почему не приходите?

– Особых дел у меня нет, – ответил Цзя Юнь. – Просто тревожить вас не осмеливался. Еще когда вы были служанкой у Баоюя, я с вами...

– Вы подарили мне тогда платочек, – прервала его Сяохун, опасаясь, как бы их кто-нибудь не услышал. – А мой платочек вы получили?

Цзя Юнь просиял от радости, но не успел слова сказать, как вышла девочка-служанка и пригласила его войти. Сяохун шла рядом, касаясь его плеча.

Цзя Юнь ей шепнул:

– Когда буду уходить, проводи меня, расскажу тебе что-то интересное!

Сяохун снова покраснела и пристально поглядела на Цзя Юня.

В комнату Сяохун вошла одна, потом вернулась, откинула дверную занавеску и, сделав юноше знак войти, нарочито громко сказала:

– Госпожа просит вас, второй господин Цзя Юнь!

Цзя Юнь с улыбкой вошел, справился о здоровье Фэнцзе и передал ей поклон от матери. Фэнцзе в свою очередь осведомилась, как его мать себя чувствует, и спросила:

– Ты зачем пришел?

– Чтобы отблагодарить вас за милости ваши и доброту, – отвечал Цзя Юнь. – Мне очень неловко, что я до сих пор этого не сделал. И вовсе не из корысти явился я к вам с подношениями – ведь близится праздник девятого числа девятого месяца. Все, что я принес, тетушка, у вас есть! Но я должен выразить вам свое уважение. Примите же мои скромные дары, не обижайте!

– Ладно, садись и выкладывай, что принес! – прервала его Фэнцзе.

Цзя Юнь сел с поклоном и положил подарки на столик.

– Ты ведь не живешь в роскоши, – заметила Фэнцзе, – зачем же было

тратиться? Эти вещи мне не нужны. Говори прямо, зачем пришел?

– Я уже сказал, – отвечал Цзя Юнь, – чтобы наконец отблагодарить вас за милость и доброту.

Он снова улыбнулся.

– Хитришь! – воскликнула Фэнцзе. – Ведь денег у тебя нет, что же это ты вдруг раскошелился? Хочешь, чтобы я приняла подарки, – говори начистоту! А не скажешь – ничего не возьму!

– Что вы, что вы! Да разве я осмелюсь таиться от вас? – растерялся Цзя Юнь. – Тут как-то я узнал, что господин Цзя Чжэн назначен главным распорядителем работ на императорском кладбище, а у меня есть друзья, настоящие мастера этого дела, они могли бы оказаться полезными господину. Замолвите за них словечко – никогда не забуду ваших милостей. И готов всячески вам угождать, какое бы дело вы мне не поручили.

– В другом деле я бы еще могла помочь, а в служебном – увольте! Важные дела решают старшие чиновники в ямыне, не очень важные – их подчиненные, всякие там письмоводители. А со стороны чего-нибудь добиться – почти невозможно. Наши ближайшие родственники и те устроились всего лишь помощниками к господину Цзя Чжэну. Даже твоему второму брату Баоюю я не взялась бы помочь. А тебе что поручить, ума не приложу. С домашними делами даже сам господин Цзя Чжэн не в силах управиться, до того они сложные. Где же тебе, молодому? Разве ты сможешь держать в руках наших слуг! К тому же дела, которые поручили нашему господину по служебной линии, почти все закончены, остались всякие мелкие хлопоты. Ты сам найди себе дело и заработай на чашку риса! Говорю тебе чистую правду, подумай – и сам все поймешь. Спасибо тебе за добрые слова и дружеские чувства, но подарки свои возьми обратно и верни тем, кто тебе их дал.

В это время няньки и мамки привели Цяоцзе, в ярком цветастом платье, с игрушками в руках. Девочка подбежала к матери и принялась болтать.

– Это моя сестрица? – улыбнулся Цзя Юнь, подходя к девочке, и спросил у нее: – Хочешь красивую вещицу? Я подарю тебе!

Цяоцзе вдруг заплакала. Смущенный Цзя Юнь отошел в сторону.

– Не бойся, крошка! – стала успокаивать дочку Фэнцзе, подхватив ее на руки. – Ведь это твой старший брат Цзя Юнь!

– Какая хорошенькая у меня сестрица! – воскликнул Цзя Юнь. – Она непременно будет счастливой!

Цяоцзе покосилась на Цзя Юня и снова расплакалась. Так повторялось несколько раз. Цзя Юню стало неловко, и он собрался уходить.

– Не забудь свои вещи! – напомнила Фэнцзе.

– Неужели вы не примете от меня такую мелочь, тетушка? – стоял на своем Цзя Юнь.

– Не заберешь – велю отнести к тебе домой! – решительно заявила Фэнцзе. – Ведь ты нам не чужой. Если придумаешь что-нибудь подходящее, приходи! А в этом деле помочь тебе не могу! И не надо никаких подарков!

Решительность Фэнцзе привела Цзя Юня в замешательство.

– В таком случае, тетушка, – произнес он смущенно, – позвольте поднести то, что вам пригодится!

Фэнцзе ничего не ответила, велела Сяохун взять подарки и проводить Цзя Юня. По дороге Цзя Юнь размышлял:

«Правду говорили, что вторая госпожа Фэнцзе круче мужчины. К ней не подступишься. Неудивительно, что у нее нет сыновей! Странная она какая-то! А о Цяоцзе и говорить нечего! Увидела меня – и плакать стала, испугалась, как будто я врагом ей был в каком-то из рождений. Не повезло мне, только день напрасно потерял!»

Мрачное настроение Цзя Юня передалось Сяохун. Неожиданно Цзя Юнь взял у девушки узел с подарками, выбрал две вещицы и протянул ей.

– Что вы! Не надо! – стала отказываться Сяохун. – А если вторая госпожа Фэнцзе узнает?

– Бери, бери! – уговаривал Цзя Юнь. – Не бойся. Как она может узнать? Бери, не обижай меня!

– Не нужны они мне, – краснея, промолвила девушка, но подарки все же приняла.

– Дело не в том, нужны или не нужны, – улыбнулся Цзя Юнь. – Просто мне хочется сделать тебе подарок.

Когда дошли до вторых ворот, Цзя Юнь вынул вещи из узла и сунул за пазуху.

– Идите скорее, – торопила юношу Сяохун, – а надо будет, еще приходите, я сейчас в услужении у второй госпожи и смогу вам помочь.

– Вторая госпожа чересчур строга, – отвечал Цзя Юнь, – поэтому каждый раз сюда не придешь. А с тобой мы непременно встретимся и обо всем подробно поговорим, как только у меня будет свободное время.

– Ладно! – сказала Сяохун. – А ко второй госпоже, как надумаете, тоже приходите. Зачем от нее отдалаться?

– Возможно, ты и права, – ответил Цзя Юнь и ушел.

Взволнованная Сяохун смотрела юноше вслед, пока он не исчез из виду.

Между тем Фэнцзе приказала подавать ужин и спросила у служанок:

– Рис готов?

Девочки-служанки сбегали на кухню и, возвратившись, доложили:

– Готов.

– Принесите две тарелочки маринованных овощей, которые прислали с юга, – распорядилась Фэнцзе.

В это время появилась Пиньэр.

– Совсем забыла! – воскликнула она. – Нынче в полдень, когда вы были у старой госпожи, приходила монахиня из монастыря Шуйюэ с просьбой прислать им два кувшина маринованных овощей и деньги за несколько месяцев вперед, сказала, что настоятельница вот уже несколько дней болеет. Еще до болезни она постоянно напоминала буддийским и даосским послушницам, чтобы гасили на ночь светильники, но те ее не слушали. Как раз в тот вечер, когда настоятельница заболела, во время третьей стражи она заметила, что у послушниц все еще горит светильник, и крикнула, чтобы его погасили. Но послушницы уже спали и не слышали. Пришлось настоятельнице подняться с постели и самой погасить светильник. Вернувшись, она застала у себя неизвестных мужчину и женщину, окликнула их и тут же почувствовала петлю на шее. Стала звать на помощь. Сбежались все обитательницы монастыря и увидели, что она лежит на полу, а на губах – пена. К счастью, удалось привести ее в чувство!

Сейчас она ничего не может есть, потому и велела попросить у вас маринованных овощей. Вы, госпожа, тогда были у старшей госпожи, и я не могла без вашего разрешения выполнить просьбу монахини. А потом забыла. И только сейчас, когда вы заговорили о маринованных овощах, вспомнила.

После некоторой паузы Фэнцзе сказала:

– Неужели у нас мало маринованных овощей? Пусть отнесут. А что касается денег на содержание монастыря, то через несколько дней их привезет Цзя Цинь.

Вошла Сяохун и сказала:

– Второй господин Цзя Лянь прислал человека вам передать, что допоздна будет занят делами и не вернется домой.

Вскоре вбежала во двор запыхавшаяся девочка-служанка.

Пиньэр и еще несколько служанок окружили ее и долго оживленно беседовали.

– О чем вы там болтаете? – не выдержав, спросила Фэнцзе.

– Девочка боится каких-то привидений, – отвечала Пиньэр. – Трусиха, да и только.

Фэнцзе позвала девочку и спросила:

– Ты видела привидения?

– Я ходила во внутренний двор сказать, чтобы принесли угля, – стала рассказывать служанка, – подошла к дому, где никто не живет, вдруг слышу – шум. Я подумала, что это кошка или крыса, но потом до меня донеслись стоны. И тут я с перепугу бросилась бежать.

– Что ты мелешь! – проворчала Фэнцзе. – Не люблю рассказы о всяких духах и бесах! И не поверю им. Убирайся-ка ты отсюда!

Девочка вышла, а Фэнцзе вместе с Цаймин до второй стражи проверяла расходные счета за день. После этого немного поболтала со служанками, отправила их спать и сама легла. Близилась третья стража, а Фэнцзе никак не могла уснуть. Вдруг ей показалось, что волосы у нее встали дыбом, и, охваченная страхом, она принялась звать Пиньэр и Цютун. Те спросонья никак не могли понять, в чем дело.

Цютун, в отличие от Пиньэр, недолюбливала Фэнцзе и нисколько ее не жалела. А после истории с Ю Эрцзе затаила к ней вражду. Но виду не подавала, поскольку Фэнцзе всячески старалась ее задобрить.

Выпив глоток чаю, который ей подала Цютун, Фэнцзе поблагодарила и сказала:

– Пусть со мной останется Пиньэр.

Цютун тоже хотелось услужить Фэнцзе, и она предложила:

– Мы можем по очереди сидеть возле вас!

В конце концов Фэнцзе уснула. Пиньэр и Цютун легли на рассвете, когда пропел петух, но не успели уснуть, как пришлось встать и помочь Фэнцзе одеться.

Весь день Фэнцзе не покидала тревога, но она крепилась.

– Барышня Пиньэр дома? – донесся голос снаружи.

Пиньэр отозвалась. Вошла служанка госпожи Ван и сказала:

– К господину Цзя Чжэну кто-то пришел по важному делу. Но господина нет дома, и госпожа велела позвать второго господина Цзя Ляня.

Фэнцзе вздрогнула.

Если хотите узнать, что случилось, прочтите следующую главу.

Глава восемьдесят девятая

Случайно попавшаяся на глаза вещь напоминает знатному юноше об умершей служанке;

страдающая чрезмерной мнительностью Чернобровка отказывается принимать пищу

Итак, услышав, что Цзя Ляня вызывают по какому-то делу, Фэнцзе испуганно вздрогнула и спросила:

– По какому делу? Служебному?

– Точно не знаю, – отвечала служанка. – Слуга, дежуривший у ворот, сообщил, что вызывали господина Цзя Чжэна, но господина Цзя Чжэна дома не оказалось, и госпожа просила прийти господина Цзя Ляня.

Тут Фэнцзе поняла, что дело касается ведомства работ, и, успокоившись, сказала:

– Передай госпоже, что второй господин еще накануне уехал. Пусть обратится к старшему господину Цзя Чжэню.

Цзя Чжэнь вышел к нарочному, посланному за Цзя Чжэном, узнал, в чем дело, и отправился с докладом к госпоже Ван:

– Из ведомства сообщили, что по донесению смотрителя защитных береговых сооружений в Хэнани прорвало дамбу и затопило несколько округов и уездов. Кроме того, требуются деньги на починку городских стен. Начальник ведомства занят и хотел поручить это дело господину Цзя Чжэну.

Цзя Чжэн вскоре вернулся, и ему все подробно передали.

До самой зимы у Цзя Чжэна не было ни одной свободной минуты, целые дни проводил он в ямыне. Воспользовавшись этим, Баоюй уже не проявлял в учебе прежнего усердия, но, боясь отцовского гнева, школу посещал аккуратно и не так часто бывал у Дайюй.

Близилась середина десятого месяца. В тот день погода резко изменилась, и когда Баоюй собрался в школу, Сижэнь приготовила теплую одежду и сказала:

– Одевайся потеплее, похолодало!

Она подала юноше теплый халат, а плащ завязала в узел и передала

Бэймину на случай, если понадобится.

Придя в школу, Баоюй выполнил задание и тут вдруг услышал, что бумага на окне зашелестела.

– Опять погода переменялась, – произнес учитель Дайжу и распахнул форточку. С северо-запада медленно плыли на юго-восток клубящиеся черные тучи. В класс вошел Бэймин.

– Второй господин! – окликнул он Баоюя. – Похолодало, наденьте плащ!

Баоюй взял у Бэймина плащ и смутился. Все ученики уставились на него. Не взгляни Баоюй на плащ, все обошлось бы. Но он сразу определил, что это тот самый плащ из павлиньего пуха, который когда-то чинила Цинвэнь.

– Зачем ты взял этот плащ? – спросил Баоюй слугу. – Кто тебе его дал?

– Ваши служанки, – отвечал Бэймин.

– Мне не холодно, – решительно заявил Баоюй. – Спрячь его.

Учитель подумал, что Баоюю жалко такую дорогую одежду, и про себя оценил его бережливость.

– Надевайте, надевайте, второй господин! – уговаривал Бэймин. – Простудитесь – я буду виноват! Хоть меня пожалейте!..

Баоюй накинул плащ и с задумчивым видом склонился над книгой. Дайжу решил, что юноша углубился в чтение, и перестал обращать на него внимание.

После окончания занятий Баоюй, сославшись на недомогание, попросил у учителя разрешения не являться на следующий день в школу.

Дайжу был уже в годах, ничем не занимался и детей учил ради развлечения. Здоровьем похвастаться он не мог и радовался, если кто-нибудь из учеников пропускал занятия – по крайней мере хлопот меньше. Учитель знал, что Цзя Чжэн сейчас занят делами, а бабушка лелеет и балует внука, поэтому не задумываясь разрешил ему не приходить на следующий день в школу.

Возвратившись домой, Баоюй навестил матушку Цзя и госпожу Ван, рассказал, что отпросился на следующий день с занятий из-за плохого самочувствия, немного посидел и ушел в сад. Он не стал, как обычно, шутить и смеяться с Сижэнь и другими служанками и, не раздеваясь, прилег.

– Ужин готов, – сказала Сижэнь. – Сейчас поешь или немного погоды?

– Ешь без меня, – отозвался Баоюй. – Мне не хочется, плохо себя чувствую.

– Не хочешь – не ешь, но переоденься хотя бы, – заметила Сижэнь. –

Не то всю одежду изомнешь. А она недешево стоит!

– И переодеваться не буду, – заявил Баоюй.

– Вещи надо беречь, – наставительно произнесла Сижэнь. – Взгляни, какая тонкая вышивка на плаще! А ты ее портишь!

Слова Сижэнь укололи Баоюя в самое сердце, и он ответил с тяжелым вздохом:

– В таком случае убери плащ подальше! Я больше не стану его надевать!

Он поднялся с кана, сбросил с себя плащ и аккуратно сложил, не дожидаясь, пока Сижэнь возьмет его.

– Что это вы, второй господин, так проворны сегодня? – насмешливо спросила Сижэнь.

– В какой платок завязать? – вместо ответа спросил Баоюй.

Шэюэ подала Баоюю платок, подмигнула Сижэнь и тихонько рассмеялась. Баоюй не обратил на нее никакого внимания и, опечаленный, сел. Из задумчивости его вывел бой часов – стрелки показывали половину шестого.

Служанка зажгла лампу.

– Не хочешь есть – выпей хоть полчашки рисового отвара, – предложила Сижэнь, – зачем морить себя голодом?! И волноваться не надо! Заболеешь – хлопот с тобой не оберешься!

– Я не голоден, – замотал головой Баоюй. – К чему есть через силу!

– Ну, тогда ложись спать пораньше, – предложила Сижэнь.

Они с Шэюэ постелили постель, и Баоюй лег. Всю ночь он ворочался с боку на бок и лишь перед рассветом уснул. Но вскоре снова проснулся. Пришлось встать и Сижэнь и Шэюэ.

– Ты почти до пятой стражи не спал, все ворочался, – сказала Сижэнь, – но я не осмелилась тревожить тебя расспросами. А потом сама уснула и не знаю, спал ли ты.

– Немного поспал, – отвечал Баоюй. – Сам не пойму, отчего так рано проснулся!

– Тебе нездоровится? – спросила Сижэнь.

– Нет, ничего. Только на душе беспокойно.

– В школу пойдешь?

– Меня освободили на день от занятий. Хотел погулять в саду, немного рассеяться, но боюсь, холодно будет. Вели девочкам убрать свободную комнату, поставить там курильницу, положить бумагу, тушь, кисть и тушечницу. И пусть никто меня не тревожит, я буду заниматься.

– Кто же осмелится тебя тревожить! – вмешалась в разговор Шэюэ.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Сижэнь. – И позанимаешься, и успокоишься, и простуду не подхватишь. А как аппетит? Может быть, съешь чего-нибудь? Скажи, чего тебе хочется, я велю приготовить.

– Мне все равно, не хлопочи по пустякам, – ответил Баоюй и добавил: – Пусть поставят в комнату немного фруктов. Они хорошо пахнут.

– А в какую комнату? – спросила Сижэнь. – В свободных комнатах беспорядок, лишь в той, где жила Цинвэнь, более-менее чисто. После ее смерти туда никто не заходил. Но там холодно.

– Ничего, – промолвил Баоюй. – Пусть принесут жаровню.

– Хорошо, – ответила Сижэнь.

Девочка-служанка принесла поднос, на котором стояла чашка и лежали палочки для еды.

– Здесь все, что просила барышня Хуа Сижэнь, – сказала девочка, передавая поднос Шэюэ, – это прислала старуха из кухни.

На подносе стояла чашка супа из ласточкиных гнезд.

– Это ты заказала, сестра? – спросила Шэюэ у Сижэнь.

– Да, я, – ответила Сижэнь. – Пусть Баоюй подкрепитя немного. С вечера он не ел и всю ночь не спал.

Сижэнь велела накрыть на стол, а Шэюэ уговорила Баоюя немного поесть. Вскоре явилась Цювэнь и сказала:

– Комната прибрана! Пусть только рассеется дым от жаровни, и господин может туда идти!

Поглощенный своими думами, Баоюй не ответил, лишь кивнул головой.

– Кисть и тушечница на месте, там, где вы приказали, – сказала девочка-служанка, входя в комнату.

– Ладно, – откликнулся Баоюй.

– Завтрак готов, – доложила другая служанка. – Где будете есть, второй господин?

– Покоя от вас никакого нет, – рассердился Баоюй. – Ну, несите сюда!

Вскоре принесли завтрак, и Баоюй обратился к Шэюэ и Сижэнь:

– Поешьте со мной, одному не хочется, уж очень тоскливо на душе.

– Мы недостойны сидеть с тобой за столом, – возразила Шэюэ. – Твоя просьба – просто каприз.

– Ничего особенного здесь нет, – заметила Сижэнь. – Сколько раз ели и пили вместе! Если это пойдет ему на пользу, можно и нарушить обычай!

И вот Баоюй занял место в центре стола, Сижэнь и Шэюэ по обе стороны от него.

После еды девочки-служанки подали чай для полоскания рта.

Держа в руках чашку, Баоюй сидел молча, словно о чем-то задумавшись, а потом вдруг спросил:

– В комнате все прибрано? Можно идти?

– Ведь вам уже сказали об этом, – ответила Шэюэ, – к чему снова спрашивать?

Посидев немного, Баоюй ушел в приготовленную для него комнату, воскурил благовония, расставил на столе фрукты, велел всем уйти и запер дверь.

После этого он взял листок розовой бумаги, произнес молитву и, обмакнув кисть в тушь, написал:

«Владелец двора Наслаждения пурпуром воскуривает благовония и подносит ароматный чай в надежде, что душа сестры Цинвэнь снизойдет и насладится жертвами». Дальше шли стихи:

Когда мое воображение
Твой светлый образ вдруг займет,
Ко мне приходит озаренье,
Безмерность чувств и дум полет.

Кто может сделать так, чтоб ветер
Вдруг волны вздыбил, мир потряс?
Явилась ты – и незаметно
Я успокоился тотчас.

Кто мог бы так тепло и тихо
Вести беседу, кроме нас?..

Уносит быстрое течение
Речные воды на восток, —
Когда б на запад возвращенья
Навеки избежал поток?^[25]

Тебя узреть храню надежду,
Но нет травы чудесной тут!^[26]
Лишь вижу, как твою одежду
Окутал мягкий изумруд...^[27]

Поэтому меня, как прежде,
Печали всюду стерегут!

Дописав последнюю строку, Баоюй зажег в курильнице благовонную свечу и сжег листок со стихами. Когда же свеча догорела, юноша отпер дверь и вышел из комнаты.

– Что-то ты очень быстро! – произнесла Сижэнь. – Тебе и там скучно стало?

Баоюй лукаво усмехнулся:

– На душе было тревожно, и хотелось побыть одному. А сейчас печаль рассеялась, и я решил прогуляться.

С этими словами он вышел в сад и, дойдя до павильона Реки Сяосян, крикнул:

– Сестрица Дайюй дома?

– Кто это? – послышался в ответ голос Цзыцзюань. Она откинула дверную занавеску, выглянула наружу и, увидев Баоюя, с улыбкой сказала: – Это вы, второй господин? Барышня дома! Пожалуйте!

Баоюй последовал за Цзыцзюань и услышал голос Дайюй:

– Скорее проси второго господина!

Подойдя к комнате Дайюй, Баоюй увидел по обе стороны двери параллельные надписи:

В окошке, украшенном зеленью темной,
Луна, проплывая, сияет.

Создатели древние «книг о бамбуке»^[28]
Давно уж исчезли из мира.

Еще с порога юноша спросил:

– Чем занимаешься, сестрица?

– Сейчас допишу сутру, и поговорим, – ответила Дайюй, подходя к нему. – Посиди! Осталось две строчки.

Она приказала Сюэянь налить Баоюю чаю.

– Не беспокойся, пиши, – махнул рукой Баоюй, и тут взгляд его упал на висевшую на стене полосу шелка с изображением Чан Э и ее прислужницы, а рядом – девы-небожительницы, тоже с прислужницей, которая держала что-то наподобие узла. Обе как бы плыли в клубящихся облаках.

Эта картина, подражание Ли Лунмяню^[29], называлась «Соперничество

в стужу», и надпись к ней была сделана смешанным каллиграфическим почерком.

– Ты, наверное, недавно повесила эту картину, сестрица? – спросил Баоюй.

– Да. Вчера служанки убрали в комнате, я вспомнила о ней, велела разыскать и повесить.

– А на какой сюжет картина? – поинтересовался Баоюй.

– Ты сам прекрасно знаешь! – засмеялась Дайюй. – А еще у меня спрашиваешь!

– Забыл, сестрица, – промолвил Баоюй. – Напомни, если не трудно!

– Неужели забыл изречение: «Луна льет на землю холодный свет, иней блестит, Циннью и Суэ не боятся стужи, они соперничают в красоте».

– Вспомнил! – воскликнул Баоюй. – Сюжет оригинальный! И очень кстати, ведь наступили холода!

Он стал внимательно рассматривать картину.

Сюэянь тем временем подала Баоюю чай. Пока он пил, Дайюй окончила писать и сказала:

– Прости, что была к тебе невнимательна...

– К чему церемонии, сестрица! – прервал ее Баоюй и вдруг заметил, как хороша Дайюй в своей меховой куртке и надетой поверх нее белой безрукавке, подбитой горностаем, в расшитой цветами парчовой юбке, похожей на ту, что некогда носила Ян гуйфэй, с пышными волосами, заколотыми всего одной шпилькой.

Поистине:

Ввысь устремилось древо из нефрита^[30],
Оно стоит наперекор ветрам.
Душистый лотос, томно расцветая,
Едва хранит росу на лепестках.

– Ну что, сестрица, играешь на цине? – неожиданно спросил Баоюй.

– Нет, – отвечала девушка. – С утра до вечера пишу, руки совсем одеревенели. Где уж тут играть?!

– Не огорчайся, – промолвил Баоюй. – Цинь, конечно, инструмент благородный, но привлекательного в нем мало. Никогда не слышал, чтобы игра на цине принесла кому-нибудь богатство и долголетие, она только навеивает печаль и горестные думы. А как трудно разобрать ноты, сколько надо потратить на это сил! У тебя и без того здоровье слабое, так что

избегай лучше лишних хлопот.

Дайюй рассмеялась.

– Это он и есть? – спросил Баоюй, указывая на висевший на стене цинь. – А почему такой маленький?

– Не такой уж он маленький, – с улыбкой возразила Дайюй. – Я в детстве немного училась играть, и этот цинь приспособили нарочно для меня, с большим мне бы не управиться. Сделан он не из сухого тунга, как это бывает обычно, но так искусно, что звук удивительно приятный. Цинь этот старинный. Посмотри, сколько на нем трещинок! Как волосков в бычьем хвосте. Словом, инструмент хороший.

– А новых стихов не сочинила?

– С тех пор как появилось наше поэтическое общество, я почти не занимаюсь стихами, – отвечала Дайюй.

– Не обманывай, – засмеялся Баоюй. – Сам слышал, как ты пробовала положить на музыку вот эти строки:

Не печалься, не унывай!
Разве наши земные сердца
Уподобить возможно луне,
Что плывет в небесах?

Мелодия показалась мне необыкновенно чистой и красивой. Ну что, правду я говорю?

– Как мог ты услышать? – удивилась Дайюй.

– Я как раз возвращался домой с террасы Ветра в зарослях осоки, когда услышал прекрасную мелодию. Постоял немного и ушел – не захотел мешать. Ты мне только скажи: почему мелодия, ровная и спокойная в начале, стала к концу заунывной?

– Мелодия зависит от настроения, – объяснила Дайюй. – Меняется настроение, меняется и мелодия: здесь нет твердо установленных правил.

– Вот как! – произнес Баоюй. – Жаль, что я не разбираюсь в музыке! Выходит, я слушал напрасно!

– С древности и до наших дней редко встречаются люди, способные определить по игре состояние души играющего, – улыбнулась Дайюй.

Баоюй понял, что сказал лишнее, и умолк, не желая огорчать Дайюй. Так хотелось излить душу, но он не в силах был произнести ни слова. Дайюй тоже молчала, жалея о сказанном – слова вырвались сами собой, и Баоюй мог обидеться за чрезмерную холодность.

Баоюй же, опасаясь, что Дайюй истолковала его слова превратно, с улыбкой промолвил:

– Ладно, сестрица, пойду навещу третью сестру Таньчунь.

– Передай ей от меня поклон, – попросила девушка и, проводив Баоюя, задумалась: «Чего-то Баоюй недоговаривает; он то пылок, то холоден. Не пойму, в чем дело!»

Тут пришла Цзыцзюань и спросила:

– Вы больше не будете писать, барышня? Тогда я уберу кисть и тушечницу!

– Убери, – ответила Дайюй, прошла во внутренние покои, легла и снова задумалась.

– Может, выпьете чаю, барышня? – снова послышался голос Цзыцзюань.

– Не хочется. Я полежу, а ты занимайся своими делами!

Цзыцзюань вышла в прихожую и вдруг заметила Сюэянь, та тоже сидела задумавшись.

– И тебя что-то тревожит? – спросила Цзыцзюань.

– Не шуми, сестра, – ответила Сюэянь, вздрогнув от неожиданности. – Я нынче кое-что слышала, сейчас расскажу. Только смотри – никому ни слова!

Поджав губы, она кивнула на дверь, ведущую во внутренние покои, и сделала знак Цзыцзюань выйти.

На террасе Сюэянь тихо спросила:

– Ты слышала, сестра, что Баоюй помолвлен?

– Не может быть! – Цзыцзюань даже вздрогнула.

– Ну что ты говоришь! – вспыхнула Сюэянь. – Все, кроме нас, давно знают!

– Кто тебе сказал?

– Шишу. Говорит, будто невеста и богатая и красивая и способности у нее незаурядные. Дочь какого-то правителя.

В этот момент из комнаты послышался кашель. Опасаясь, как бы Дайюй не вышла и не услышала разговор, Цзыцзюань дернула Сюэянь за рукав, велев замолчать, а сама заглянула в комнату. Там было тихо, и девушка снова обернулась к подруге.

– Как же это Шишу тебе рассказала? – спросила она.

– Неужели не помнишь? Позавчера наша барышня послала меня к третьей барышне Таньчунь, но той дома не оказалось, была только Шишу. Мы с ней разговорились. Я мимоходом сказала, что второй господин Баоюй чересчур избалован, а она отвечает: «Что правда, то правда. Только и умеет,

что играть да дурачиться! Как дитя малое, а ведь уже помолвлен!» Я спросила, было ли обручение, она ответила, что было, что сватом выступал какой-то господин Ван, родственник господ из восточного дворца Нинго, поэтому справок о невесте наводить не стали, сразу и сговорились.

«Странно!» – подумала Цзыцзюань и спросила:

– Почему же у нас в доме никто об этом не говорит?

– Таков наказ старой госпожи. Она боится, как бы Баоюй глупостей не натворил, если узнает... Шишу предупредила меня, чтобы никому ни слова. Если узнают, всем будет ясно, что это я проболталась.

Снова кивнув на дверь, ведущую во внутренние покои, она продолжала:

– Барышне я ничего не сказала, а тебя обманывать не хочу.

– Барышня вернулась! Наливайте чай! – вдруг прокричал попугай в клетке.

Девушки испуганно обернулись и пошли в комнату. Дайюй, тяжело дыша, сидела на стуле. Цзыцзюань принялась с ней болтать, чтобы немного развлечь, но Дайюй сердито сказала:

– Никого не дозовешься! Где вы были?

Она легла на кан и велела опустить полог. Цзыцзюань и Сюэянь вышли из комнаты, так и не узнав, слышала ли их разговор Дайюй.

Дайюй слышала, но не все поняла. Ее словно бросили в бушующее море, она подумала, что сбывается ее недавний сон, что, как говорится, на нее обрушились тысяча печалей и десять тысяч терзаний. Уж лучше умереть, чем стать свидетельницей крушения своей заветной мечты. Да и чего могла ждать она, сирота? Теперь она знает, что делать. День ото дня она будет подтачивать свое здоровье, чтобы через полгода, самое большее через год навсегда покинуть этот бренный мир.

Дайюй легла и притворилась спящей. Она не стала надевать теплую одежду, укрываться одеялом. Служанки то и дело заглядывали в комнату узнать, не нужно ли чего-нибудь, но Дайюй лежала не шевелясь, и девушки не стали ее тревожить. В этот вечер Дайюй не ужинала.

Когда настало время зажигать лампы, Цзыцзюань заглянула за полог, увидела, что одеяло лежит у барышни в ногах, и осторожно ее укрыла. Дайюй продолжала неподвижно лежать, но как только служанка отошла, снова сбросила одеяло.

Цзыцзюань между тем допытывалась у Сюэянь:

– Ты уверена, что все, о чем ты мне рассказывала, правда?

– Еще бы! – отвечала Сюэянь.

– А от кого узнала Шишу?

– От Сяохун.

– Боюсь, барышня слышала наш разговор, – покачала головой Цзыцзюань. – Видишь, какая она грустная! Лучше молчать об этом деле.

Поговорив еще немного, девушки собрались спать. Цзыцзюань снова зашла к Дайюй и снова ее укрыла. О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем.

На следующий день Дайюй проснулась рано, но не стала никого звать и, убитая горем, сидела на постели.

Цзыцзюань встревожилась:

– Что это вы, барышня, так рано проснулись?

– Легла рано, вот и проснулась, – бросила Дайюй.

Цзыцзюань разбудила Сюэянь, и они стали помогать Дайюй приводить себя в порядок. Дайюй невидящими глазами глядела в зеркало, но вдруг по щекам ее покатились слезы-жемчужины, омочив платочек.

Поистине:

Я вижу застывающую тень —
Мое в воде весенней отраженье.

Тебя мне очень жалко, тень моя,
Но ведь и я достоин сожаленья.

Цзыцзюань не посмела утешать барышню, боясь навлечь на себя гнев. Когда утренний туалет был закончен, Дайюй с мокрыми от слез глазами посидела еще немного и приказала Цзыцзюань:

– Зажги тибетские благовония!

– Барышня, вы не спали почти всю ночь! – сказала Цзыцзюань. – Зачем же вам благовония? Неужели снова будете писать?

Дайюй кивнула.

– Вы и так проснулись чуть свет, – произнесла Цзыцзюань. – Смотрите, как бы не переутомиться!

– Ничего! – ответила Дайюй. – Чем раньше я все перепишу, тем лучше! Хоть тоску немного развею. Память о себе оставлю. Увидите мой почерк – и вспомните!

Снова слезы покатились из глаз Дайюй. Цзыцзюань окончательно растерялась и, вместо того чтобы утешить Дайюй, сама расплакалась.

Дайюй теперь не прикасалась ни к чаю, ни к пище и постепенно слабела.

Изредка Баоюй, возвратившись из школы, забегал навестить ее, но Дайюй ничего ему не говорила, все таила в себе, понимая, что они уже не дети и нельзя вести себя так, как когда-то. Баоюю хотелось утешить девушку ласковыми словами, но он боялся ее расстроить – она и без того все время болела.

Теперь при встречах молодые люди обменивались ничего не значащими словами. Как говорится, желая сблизиться, все больше отдалялись друг от друга.

Матушка Цзя и госпожа Ван любили и жалели Дайюй, но забота их проявлялась лишь в том, что они не скупились на докторов. Откуда им было знать, что у нее на душе. Цзыцзюань знала, почему болеет барышня, но не смела об этом никому рассказать. Дайюй между тем таяла на глазах.

Через полмесяца она уже с трудом могла есть даже рисовый отвар. Ей казалось, что все только и говорят о свадьбе Баоюя, что люди со двора Наслаждения пурпуром заняты приготовлениями к предстоящему торжеству.

Иногда Дайюй навещала тетушка Сюэ, Баочай совсем не показывалась, и это усиливало подозрения Дайюй. Она не желала никого видеть, отказывалась от лекарств, единственное, чего ей хотелось, – это скорее умереть. Во сне ей чудилось, что кого-то уже называют второй госпожой, эти мысли зловещей тенью преследовали Дайюй.

Наступил день, когда она уже ничего не могла есть и лежала в полузабытьи, ожидая смерти.

Если хотите узнать, что было дальше с Дайюй, прочтите следующую главу.

Глава девяностая

Бедная девушка, потерявшая кофту, терпит обиды от служанок;

молодой человек, получивший в подарок фрукты, теряется в догадках

Итак, настал день, когда Дайюй совсем перестала есть, решив уморить себя голодом.

Первое время, когда Дайюй навещали, она еще заставляла себя что-то сказать, но в последние дни вообще перестала разговаривать. На душе у нее становилось то смутно, то светло.

Матушка Цзя понимала, что неспроста Дайюй таит день ото дня, и раза два с пристрастием допрашивала Цзыцзюань и Сюэянь. Но те не осмеливались сказать правду.

Цзыцзюань не терпелось узнать, как идут приготовления к свадьбе Баюя, но она не решалась заговорить об этом с Шишу, опасаясь, как бы дело не получило огласки, ведь это убило бы Дайюй.

Сюэянь уже раскаивалась в том, что проболталась, и охотно взяла бы свои слова обратно, но знала, что это невозможно, и помалкивала.

Наконец Цзыцзюань поняла, что надежды на выздоровление нет никакой, поплакала и тихонько сказала Сюэянь:

– Присмотри за барышней, а я пойду к старой госпоже, госпоже Ван и второй госпоже Фэнцзе, спрошу, что делать. Барышне совсем плохо.

Только Цзыцзюань вышла, как Дайюй лишилась сознания. Сюэянь, юная и неопытная, подумала, что Дайюй умерла, и сердце у нее сжалось от страха и жалости, она уже сердилась на Цзыцзюань, что та долго не возвращается.

Наконец снаружи послышались шаги. Девочка с надеждой подбежала к двери, ведущей в прихожую, откинула занавеску, услышала, как зашуршала занавеска на наружной двери. Но вошла не Цзыцзюань, а Шишу. Ее послала Таньчунь справиться о здоровье Дайюй.

– Как чувствует себя барышня? – спросила Шишу.

Вместо ответа Сюэянь сделала ей знак войти. Поглядев на Дайюй, Шишу затрепетала от страха и спросила:

– Где сестра Цзыцзюань?

– У старой госпожи, – отвечала Сюэянь и, пользуясь тем, что Дайюй без сознания, а Цзыцзюань нет, осторожно тронула Шишу за руку и спросила: – Помнишь, ты говорила, что какой-то господин Ван сватал свою дочь за второго господина Баоюя? Это правда?

– Конечно правда!

– А сговор когда?

– Какой сговор? – удивилась Шишу. – Я рассказала тебе лишь то, что слышала от Сяохун. А потом ходила ко второй госпоже Фэнцзе и из ее разговора с сестрой Пиньэр узнала, что это сватовство друзья предлагали господину Цзя Чжэну, чтобы снискать его расположение и добиться покровительства. Между прочим, старшая госпожа плохо отзывалась о семье невесты, но не это главное, потому что с ее мнением никто не считается. Дело в том, что старая госпожа давно присмотрела для Баоюя невесту из девушек, живущих у нас в саду. Но старшая госпожа об этом не знала. А старая госпожа лишь приличия ради решила с ней посоветоваться о сватовстве. Еще госпожа Фэнцзе сказала, что старая госпожа решила просватать Баоюя по своему усмотрению и ни о каком другом сватовстве слышать не хочет.

– Что ты говоришь? – воскликнула Сюэянь, забыв об осторожности. – Выходит, напрасно наша барышня решила себя погубить.

– С чего ты это взяла? – удивилась Шишу.

– Ничего ты не знаешь! – воскликнула Сюэянь. – Недавно я рассказала Цзыцзюань о нашем с тобой разговоре, а барышня услышала и стала себя изводить.

– Тише! – сказала Шишу.

– Да она без сознания! – промолвила Сюэянь. – Сама погляди! И жить ей осталось не больше двух дней!

В это время вернулась Цзыцзюань.

– Неужели нет другого места для разговоров? – возмутилась она. – Уж лучше убейте ее прямо сейчас!

– Не верю, что эти разговоры так сильно подействовали на барышню! – вскричала Шишу.

– Не сердись на меня, сестра! – произнесла Цзыцзюань. – Ничего ты не понимаешь! Иначе не стала бы болтать!

Дайюй вдруг закашлялась. Цзыцзюань бросилась к ней, а Шишу и Сюэянь сразу умолкли.

Цзыцзюань тихо спросила:

– Барышня, пить хотите?

Дайюй кивнула. Сюэянь налила в чашку воды и подала Цзыцзюань.

Шишу тоже подошла к кану. И только было хотела заговорить, как Цзыцзюань знаком велела ей молчать.

Дайюй снова закашлялась.

– Барышня, выпейте воды!

Дайюй попыталась поднять голову, но не могла. Цзыцзюань забралась на кан, взяла чашку, отпила немного воды сама, а потом, поддерживая голову Дайюй, поднесла чашку к ее губам.

Девушка отпила глоток, но когда Цзыцзюань хотела взять чашку, жестом остановила ее и выпила еще глоток, после чего, переведя дух, в изнеможении опустилась на подушку.

Через некоторое время она открыла глаза и спросила:

– Кто здесь только что был? Шишу?

– Да, – ответила Цзыцзюань.

Шишу снова приблизилась к Дайюй и справилась о ее здоровье.

Дайюй поглядела на нее широко открытыми глазами, несколько раз кивнула и сказала:

– Когда вернешься домой, кланяйся от меня своей барышне!

Шишу подумала, что Дайюй устала, и тихонько вышла.

Дайюй между тем слышала почти весь разговор Шишу с Сюэянь, она только делала вид, что потеряла сознание, потому что у нее не было сил говорить. Из слов Шишу она поняла, что Баюя только хотели просватать, но ничего не получилось. Мало того, старая госпожа, оказывается, решила сама женить Баюя и выбрала невесту среди девушек, живущих в саду. Кто же эта девушка, если не она, Дайюй? Чем темнее ночь, тем светлее утро – на душе у Дайюй рассеялся мрак. Она уже собралась подробнее расспросить обо всем Шишу, но в это время пришли матушка Цзя, госпожа Ван, Ли Вань и Фэнцзе.

Дайюй не думала больше о смерти, клубок сомнений был распутан, но ей стоило огромных усилий даже коротко отвечать на вопросы пришедших ее навестить.

Фэнцзе обратилась к Цзыцзюань:

– Ты зачем вздумала нас пугать? Барышне, я смотрю, полегче!

– Она была совсем плоха! – оправдывалась Цзыцзюань. – Иначе я не осмелилась бы вас беспокоить. Я и сама удивляюсь, ей стало гораздо лучше!

– Не надо ее ругать, – остановила Фэнцзе матушка Цзя. – Ей показалось, что Дайюй плохо, она и прибежала к нам. Это ее обязанность. Такое старание достойно похвалы.

Женщины поговорили еще немного и разошлись.

Поистине:

Сердечную болезнь излечишь
Лекарством своего же сердца.
На шею тигра кто подвесил,
Тот сам и снимет колокольчик ^[31].

Мы не будем рассказывать о том, как с этого дня Дайюй постепенно поправлялась, а вернемся к Сюэянь и Цзыцзюань. Глядя на свою барышню, они то и дело благодарили Будду.

– Амитаба! Она выздоравливает! – говорила Сюэянь.

– Все это странно, – отвечала Цзыцзюань. – То вдруг заболела, а теперь сразу выздоровела.

– Что заболела, ничего странного в этом нет! Но так быстро выздороветь? Тут уж действительно есть чему удивляться! – произнесла Цзыцзюань. – Не иначе как судьба нашей барышни связана с судьбой Баоюя. Недаром говорят: «Свадьба – дело хлопотное, но нерасторжимы предначертанные судьбой брачные узы». Так случилось, что желание людей совпало с волей Неба... Помнишь, я как-то в шутку сказала Баоюю, что барышня Дайюй собирается уезжать на родину? Так он от волнения чуть не умер, подняв на ноги весь дом! А сейчас одного неосторожного слова оказалось достаточно, чтобы довести барышню чуть ли не до смерти! Верно говорят, что «судьба связывает людей за пятьсот лет до рождения».

Девушки засмеялись, а Сюэянь сказала:

– Счастье, что она поправилась! Впредь подобных разговоров заводить не будем! Если даже я увижу собственными глазами, что Баоюй женится, все равно не скажу ни слова.

– Так, пожалуй, лучше, – согласилась Цзыцзюань.

Не только Цзыцзюань и Сюэянь, остальные служанки тоже обсуждали случившееся каждая на свой лад, удивляясь странной болезни Дайюй.

Разговоры эти дошли до Фэнцзе, а также госпожи Ван и госпожи Син и очень их встревожили. Да и матушка Цзя догадывалась, в чем дело.

Однажды госпожи Син и Ван пришли вместе с Фэнцзе к матушке Цзя поболтать и завели разговор о Дайюй.

– Я и сама собиралась обсудить это с вами, – подхватила матушка Цзя. – Баоюй и Дайюй вместе росли, и привязанность их я считала детской. Но потом поняла, что Дайюй равнодушна к Баоюю, и нередко именно это является причиной ее болезней. Им нельзя больше быть вместе, иначе это

кончится плохо. Что вы на это скажете?

После некоторого раздумья госпожа Ван ответила:

– Барышня Дайюй себе на уме. А Баоюй простодушен и не умеет скрывать своих чувств. Он как дитя малое. Вряд ли стоит их разлучать, они сразу обо всем догадаются. Еще древние говорили: «Когда юноша становится взрослым, его надо женить. Когда взрослой становится девушка, ее следует выдать замуж». Так не поженить ли нам их?

– Настойчивость Дайюй заслуживает похвалы, – нахмурившись, произнесла матушка Цзя, – но именно поэтому она не пара Баоюю. Да и здоровьем слаба, долго не проживет. Баочай – вот невеста для Баоюя!

– Мы все тоже так думаем, почтенная госпожа, – отозвалась госпожа Ван. – Но в таком случае и барышню Линь Дайюй нужно просватать. Можно ли поручиться, что она не таит к Баоюю любовных чувств? И если узнает, что Баоюй помолвлен с Баочай, ничего хорошего ждать не приходится.

– Согласна, – произнесла матушка Цзя. – Женим Баоюя, а потом и ее выдадим замуж. Прежде всего надо заботиться о своих детях. Главное, чтобы Дайюй до времени ничего не знала.

– Слышали? – обратилась Фэнцзе к служанкам. – Ни слова о том, что второго господина Баоюя собираются женить! Проболтаетесь – спуску не дам!

– Девочка моя, – сказала Фэнцзе матушка Цзя, – из-за болезни ты не следишь за тем, что происходит в саду. Советую тебе быть повнимательнее! Я имею в виду не только нынешний случай, а и все остальное. К примеру, в минувшем году прислуга пьянствовала, играла в азартные игры! Надо поостороже держать людей! Тебя они не смеют послушаться.

С этого дня Фэнцзе часто появлялась в саду. Однажды неподалеку от острова Водяных каштанов она заметила старуху, что-то бубнившую себе под нос.

Фэнцзе неслышно приблизилась к ней. Старуха увидела Фэнцзе, когда та была уже совсем рядом, и поспешила поклониться.

– Ты что бормочешь? – спросила Фэнцзе.

– Госпожи мне велели присматривать за цветами и фруктами, – отвечала старуха. – Уж я так старалась, так старалась, а тут заявила служанка барышни Син Сюянь и меня воровкой обозвала!

– За что же это? – удивилась Фэнцзе.

– Вчера я взяла с собой мою Хэйер, пусть, думаю, здесь поиграет, – стала объяснять старуха, – а девочка забрела ненароком в дом барышни Син Сюянь. Я увела Хэйер оттуда. А нынче утром услышала от служанок,

будто у барышни Син Сюянь что-то пропало. Спрашиваю, что пропало, а они отвечают: тебе, воровке, лучше знать!

– Ну пусть даже они обвинили тебя, стоит ли так сердиться? – проговорила Фэнцзе.

– Ведь сад этот не служанкам принадлежит – господам, – возразила старуха. – С какой же стати эти девчонки нас обзывают? Не они нам велели за садом присматривать, а госпожи!

– Не ворчи! – разозлилась Фэнцзе и плюнула старухе в лицо. – Вам велено здесь присматривать, и если У барышни что-то пропало, с кого же спрашивать, если не с вас?! Ишь разболталась! Позвать сюда жену Линь Чжисяо, пусть прогонит старуху!

Девочка-служанка бросилась было исполнять приказание, но тут появилась Син Сюянь и с улыбкой сказала:

– Ничего особенного не случилось. Да и дело прошлое.

– Не вмешивайся, – возразила Фэнцзе. – Как бы то ни было, нечего позволять этим бабам язык распускать!

Старуха пала на колени, моля о прощении, и Син Сюянь, пожалев ее, пригласила Фэнцзе к себе, чтобы упросить не наказывать женщину.

– Знаю я этих старух, – не унималась Фэнцзе. – Никого не признают, одну меня боятся!

Син Сюянь всячески ее успокаивала, заявила даже, что во всем виновата ее служанка.

– Ладно, – бросила Фэнцзе старухе. – Ради барышни Син прощаю тебя.

Женщина поднялась с колен и низко поклонилась.

– Что же у тебя пропало? – спросила Фэнцзе у Син Сюянь, когда старуха ушла.

– Ничего особенного – старая красная кофта, – отвечала Сюянь. – Я велела служанке поискать, а она не нашла и по глупости пошла спрашивать об этом старуху. Ну та и обиделась. Служанку я отругала, и больше не стоит упоминать о таком пустяке.

Фэнцзе оглядела комнату, окинула взглядом Син Сюянь: на девушке был сильно поношенный ватный халат, вряд ли защищавший от холода. Одежда на кане лежали совсем тонкие, а вещи, подаренные Син Сюянь матушкой Цзя, были аккуратно сложены на столе – Сюянь, видно, ими не пользовалась.

Проникшись к девушке еще большей симпатией и уважением, Фэнцзе сказала:

– Кофта, конечно, не такая уж ценность, но в ней тебе было бы теплее.

Прикажи служанкам ее разыскать! Эти девчонки совсем обнаглели!

Вернувшись к себе, Фэнцзе велела Пиньэр достать телогрейку, крытую красным заморским крепом, дымчато-зеленую шелковую куртку, подбитую мехом, бирюзового цвета юбку, расшитую бисером, синюю курму на беличем меху и отнести все это Син Сюянь.

Несмотря на то что Фэнцзе быстро уняла старуху, на душе у девушки было беспокойно, и она думала: «Никого из сестер прислуга не осмеливается оговаривать, только меня, несчастную. И, как нарочно, это случилось при Фэнцзе!»

Сюянь чуть не плакала, когда появилась Фэнцзе с подарками от Фэнцзе, и ни за что не хотела их принимать.

– Госпожа наказывала все это вам передать, – говорила Фэнцзе, – а покажется вам одежда старой, она пришлет новую.

– Поблагодари госпожу за заботу, – отвечала Сюянь, – и скажи, что я не смею принять столько вещей взамен пропавшей кофты. Унеси все обратно и поблагодари госпожу! Ее внимание мне дороже всяких подарков!

Пришлось Фэнцзе взять узел с одеждой и отнести обратно.

Через некоторое время Фэнцзе снова явилась, но теперь уже вместе с Пиньэр. Сюянь выбежала навстречу, предложила сесть.

– Наша госпожа говорит, – промолвила Пиньэр, – что вы нас чуждаетесь!

– Не чуждаюсь я, просто неловко мне брать подарки, – отвечала Син Сюянь.

– Госпожа просила принять, иначе она подумает, что вы либо сердитесь на нее, либо пренебрегаете ее вниманием. Да и нам достанется.

Сюянь, краснея, улыбнулась:

– В таком случае не смею отказываться.

Она угостила девушек чаем.

Выйдя от Сюянь, служанки встретили по дороге старуху из семьи Сюэ. Старуха им поклонилась.

– Ты куда идешь? – спросила Пиньэр.

– Наша госпожа послала меня справиться о здоровье всех почтенных госпож, их невесток и барышень, – отвечала старуха. – Я только что была у вашей госпожи и справлялась о вас, но госпожа сказала, что вы ушли в сад. Вы сейчас от барышни Син?

– Как ты догадалась? – улыбнулась Пиньэр.

– Слышала, что ваша госпожа и вы совершили доброе дело, поистине достойное благодарности, – ответила женщина.

– Пойдем к нам, посидим, – улыбаясь, предложила Пиньэр.

– В другой раз, – ответила женщина. – Дел много!

Пиньэр, возвратившись домой, рассказала Фэнцзе о своем разговоре с Сюянь. Но речи об этом мы вести не будем.

В доме матушки Сюэ и без того хватало неприятностей из-за Цзиньгуй, а тут еще вернулась из дворца Жунго служанка и рассказала, как тяжело живет Син Сюянь. Тетушка Сюэ и Баочай даже прослезились.

– Чего только не приходится терпеть Сюянь из-за истории со старшим братом, – сказала Баочай. – Мы даже не можем взять ее к себе. Спасибо сестре Фэнцзе за ее доброту. Сюянь принадлежит к нашей семье и нам тоже нельзя ее забывать!

Вошел Сюэ Кэ и сказал:

– С какими же подлецами якшался мой старший брат! Ни одного порядочного человека! Хоть бы кто-нибудь из них проявил беспокойство! Только и знают, что шляться сюда да разносить, как у Сюэ Паня дела, не удастся ли что-нибудь урвать. Мне надоело их гонять, теперь велю привратникам даже не докладывать, если кто-нибудь из этих негодяев явится!

– Что, опять Цзян Юйхань с друзьями? – спросила тетушка Сюэ.

– Нет, другие, Цзян Юйхань не приходил, – отвечал Сюэ Кэ.

Тетушка Сюэ расстроилась.

– Мне кажется, нет у меня больше сына. Пусть даже его помилуют. Ты хоть и племянник, а станешь настоящим человеком, будешь мне всю жизнь опорой. Невеста твоя не из богатых, ее родители на тебя надеются, на твой ум и способности, считают, что ты в состоянии прокормить жену. Но если барышня Син окажется такой же дрянью... – Она указала на комнаты, где жила Цзиньгуй, и продолжала: – Ладно, не надо об этом. Уверена, что невеста твоя скромная и честная девушка, стойко переносит лишения и богатство ее не ослепит. Скорее бы у нас все уладилось и мы могли отпраздновать твою свадьбу!

– Прежде всего вам следовало бы побеспокоиться о сестрице Баоцин, ведь она до сих пор не переехала в дом мужа, – возразил Сюэ Кэ. – А обо мне не думайте, не так уж это важно.

Поговорив еще немного с тетушкой, Сюэ Кэ возвратился к себе и стал думать о том, как тяжело живет Син Сюянь в семье Цзя, как она одинока и обездолена. Он давно был знаком с этой девушкой, и она ему нравилась – не только своей красотой, но и добрым характером. У него было много общего с Сюянь. «Небо не всегда справедливо к людям, – размышлял Сюэ Кэ. – Цзиньгуй и ей подобных наделяет богатством и в то же время

несносным характером, а таким, как Сюянь, посылает страдания. А Яньван, видимо, распоряжается человеческими судьбами по настроению».

Печальные мысли навеяли вдохновение, и Сюэ Кэ захотелось выразить свою грусть в стихах. Но времени было мало, и он наспех набросал такие строки:

И дракон, потерявший воду,
Уподобится рыбе сухой^[32].
Наши чувства разбиты разлукой,
Одинок я в жилище своем.

Оказавшись в грязи невольно,
Я объят гнетущей тоской, —
Где то время, когда довольством
Общий наш наполнится дом?

Прочел стихотворение и хотел наклеить на стену, но постеснялся – вдруг станут смеяться? Затем прочел его вслух и воскликнул:

– А! Пусть видят! Наклею на стену и сам иногда буду от скуки читать.

Сюэ Кэ снова перечел стихи, они показались ему плохими, и он сунул листок в книгу.

«На нашу семью без конца валятся несчастья, – думал он. – Когда же, наконец, я смогу устроить свою жизнь? Ведь из-за меня страдает беззащитная девушка!»

Его размышления были прерваны появлением Баочань. Она вошла, толкнув ногой дверь, и, хихикая, поставила на стол короб. Сюэ Кэ быстро вскочил и предложил девушке сесть.

– Моя госпожа посылает вам фрукты и чайник вина, – сказала Баочань.

– Передай твоей госпоже от меня благодарность, – улыбнулся Сюэ Кэ. – Только зачем она утруждает тебя, вместо того чтобы послать девочку-служанку?

– Это не важно, – ответила Баочань. – Мы люди свои, к чему церемонии? Право же, старший господин Сюэ Пань доставил вам немало хлопот, и госпожа давно хотела вас отблагодарить, но боялась, как бы вы не истолковали это превратно. Сами знаете, в доме у нас все как будто живут в согласии, а в душе ненавидят друг друга. Фрукты и вино – сущие пустяки, но кто знает, не вызовет ли это кривотолков? Поэтому моя госпожа и велела мне отнести их вам собственноручно.

Баочань пристально поглядела на Сюэ Кэ и продолжала с улыбкой:

– Надеюсь, второй господин, вы никому об этом не скажете? Мы, служанки, люди маленькие, и нам все равно, кому прислуживать – старшему господину или вам.

От природы прямодушный и честный, Сюэ Кэ был к тому же молод и простодушен и очень удивился, что Цзиньгуй и Баочань проявили о нем такую заботу. Но упоминание о Сюэ Пане рассеяло возникшее было подозрение, и он произнес:

– Фрукты оставьте, а вино унесите! Я редко пью. Только если заставляют, и то всего один кубок. Неужели вы с госпожой об этом не знаете?

– В другом случае я сделала бы так, как вы говорите, – ответила Баочань, – а сейчас не могу. Вы же знаете мою госпожу! Она не поверит, что вы не пьете, скажет, я не сумела уговорить вас.

Пришлось Сюэ Кэ оставить и фрукты и вино.

Уже у дверей Баочань обернулась и, лукаво улыбнувшись, указала пальцем в сторону внутренних покоев:

– Пожалуй, она и сама придет вас благодарить!..

Не понимая намека, Сюэ Кэ смущенно ответил:

– Лучше вы за меня поблагодарите свою госпожу! Сейчас холодно, простудиться можно. Да и к чему все эти церемонии, ведь она мне золовка.

Баочань, хихикая, выскользнула за дверь.

Сюэ Кэ сначала решил, что Цзиньгуй перед ним в долгу из-за истории с Сюэ Панем, и в благодарность прислала фрукты и вино. Но потом стал сомневаться. На что намекала Баочань? Неужели жена старшего брата способна на бесчестный поступок? Или же Баочань, говоря о госпоже, имела в виду себя? Но ведь она наложница старшего брата... Тут мысли его снова вернулись к Цзиньгуй. Она не желает вести себя как подобает порядочной женщине, не знает удержу в любовных утехах, наряжается, воображая себя красавицей. Вот и сейчас в голове у нее дурные мысли. А может быть, она не поладила с сестрицей Баоцинью и придумала этот коварный план, чтобы ей отомстить?

Молодого человека охватила тревога. В этот момент под окном раздался смешок. Сюэ Кэ испуганно вздрогнул.

Если хотите узнать, кто стоял под окном, прочтите следующую главу.

Глава девяносто первая

Баочань, поощряя разврат, пытается обольстить молодого человека;

*Баоюй, запутавшись в сетях сомнений, рассуждает об истинах
буддийского учения*

Итак, под окном Сюэ Кэ кто-то рассмеялся, молодой человек вздрогнул от неожиданности и в голове мелькнула мысль: «Это Баочань или Цзиньгуй. Не буду откликаться!»

Он долго прислушивался, но стояла тишина.

Не решаясь прикоснуться к вину и фруктам, он запер дверь и собрался лечь спать, как вдруг зашуршала бумага на окне. А надо вам сказать, что Баочань смутила покой Сюэ Кэ, и сердце его неистово заколотилось. Что же делать? Он снова прислушался – нигде ни звука. «Померещилось», – подумал Сюэ Кэ, овладев собой, сел к лампе, протянул руку к блюду с фруктами, взял один и повертел в руке, внимательно разглядывая. Вдруг он заметил, что бумага на окне увлажнилась, и, подойдя ближе, услышал, как кто-то на нее снаружи шумно подул. Сюэ Кэ отпрянул назад, а под окном раздался смешок. Сюэ Кэ быстро погасил лампу и лег в постель, стараясь не дышать.

– Почему вы не отведали вина и фруктов, второй господин? – послышался за окном тихий голос.

Сюэ Кэ показалось, что это Баочань, и он притворился спящим. Наступило молчание, но вскоре снова раздался голос, в нем звучали нотки досады:

– И откуда только берутся в Поднебесной такие жалкие людишки?!

Нет, это не Баочань, скорее Цзиньгуй. Ясно, что они действуют заодно. До пятой стражи не мог Сюэ Кэ уснуть, все ворочался на постели. А едва рассвело, послышался стук в дверь.

– Кто там? – спросил Сюэ Кэ.

Ответа не последовало.

Сюэ Кэ открыл дверь. Перед ним стояла Баочань, неприбранная, в плотно облегающей кофте, перехваченной зеленым поясом, в темно-красных узких штанах и красных туфлях с узорами.

Баочань нарочно не стала приводить себя в порядок и поспешила к Сюэ Кэ пораньше, чтобы незамеченной унести блюдо с фруктами. Стоило Сюэ Кэ увидеть девушку, томную, в живописном наряде, как сердце его дрогнуло, и он улыбнулся:

– Что это вы в такую рань встали?

Баочань залилась румянцем, но ничего не ответила, собрала фрукты, сложила на блюдо и унесла.

Сюэ Кэ понял, что Баочань обижена за вчерашнее, и подумал: «Ну и пусть! По крайней мере приставать больше не будет».

Придя немного в себя, он умылся и решил день-другой посидеть дома. Отдохнуть и не показываться на глаза друзьям Сюэ Паня, которые не давали ему покоя. Пронюхав, что всеми делами теперь ведаёт Сюэ Кэ, человек молодой и неискушенный, они решили извлечь из этого выгоду. То добивались всяких мелких поручений, связанных с делом Сюэ Паня, то составляли бумаги, заводили знакомства с письмоводителями из ямыня, обещая их подкупить. Некоторые советовали Сюэ Кэ воспользоваться деньгами Сюэ Паня, шли на прямое вымогательство, на клевету.

Сюэ Кэ всячески избегал встреч с этими проходимцами, но обострять с ними отношения не решался, предпочёл укрыться дома и ждать решения вышестоящих инстанций. Однако рассказывать об этом подробно мы не будем.

Между тем Цзиньгуй с нетерпением ждала Баочань, которую послала к Сюэ Кэ с вином и фруктами. Баочань вернулась и рассказала все, как было. Цзиньгуй поняла, что затея ее не удалась, и расстроилась. Однако виду не подала – чего доброго, Баочань станет над ней насмехаться – и переменила тему разговора. Но от намерения своего отказываться не собиралась.

Баочань чувствовала, что Сюэ Пань вряд ли вернется домой и надо как-то устроить свою жизнь, но от Цзиньгуй свои планы скрывала. Неспроста вызвалась она пойти к Сюэ Кэ, это был прекрасный случай прибрать его к рукам. Соперничества госпожи Баочань не боялась. Однако завлечь в сети Сюэ Кэ оказалось не так-то легко, и Баочань действовала осторожно, в то же время подзадоривая Цзиньгуй быть настойчивее.

Сюэ Кэ своей робостью несколько разочаровал Баочань, и она решила ничего не предпринимать, пока не выяснит намерений Цзиньгуй.

Когда Баочань поняла, что Цзиньгуй готова отказаться от своей затеи, ей ничего не оставалось, как отправиться спать.

Но сон не шел к ней. Всю ночь она думала и, наконец, нашла выход:

она встанет пораньше, пойдет к Сюэ Кэ неприбранная, в вызывающем наряде, притворится обиженной и совершенно равнодушной. Если Сюэ Кэ пожалеет о случившемся, значит, как говорится, он «повернул лодку к берегу» и теперь у нее в руках.

Однако Сюэ Кэ и не думал раскаиваться и вел себя так же, как накануне вечером, не поддаваясь соблазну. Тут Баочань рассердилась не на шутку, собрала фрукты и ушла, а вино оставила в качестве предлога, чтобы снова зайти.

Едва Баочань вернулась, как Цзиньгуй спросила:

– Ты никого не встретила по пути?

– Нет, не встретила, – отвечала Баочань.

– Второй господин тебя ни о чем не спрашивал?

– Ни о чем.

Цзиньгуй тоже всю ночь не спала, пытаясь что-то придумать, и, когда выслушала Баочань, в голове мелькнула мысль: «Можно обмануть кого угодно, только не Баочань. Придется делить с ней Сюэ Кэ, тогда, по крайней мере, она не будет мешать! Тем более что ходить к нему я не могу, надо прибегать к ее услугам. Уж лучше составить общий план действий».

– Ну, что скажешь? – спросила она служанку. – Какое впечатление производит на тебя второй господин?

– Дурак дураком, – ответила Баочань. – Не оправдал он ваших надежд, госпожа! – Баочань усмехнулась. – Потому я и говорю, что дурак!

– Что значит не оправдал надежд, ну-ка, говори! – вспыхнула Цзиньгуй.

– Не притронулся к угощению, которое вы ему послали! Вот что это значит! Неблагодарный!

Она лукаво глянула на Цзиньгуй.

– Что за глупые намеки! – засмеялась Цзиньгуй. – Я послала ему угощение в знак благодарности за то, что он, сил не щадя, старается выручить нашего господина. Я сама пошла бы, но послала тебя, чтобы не вызывать лишних толков и подозрений. Не понимаю, что значат твои слова!

– Вы чересчур мнительны, госпожа! – воскликнула Баочань. – Я – ваша служанка и не могу думать иначе, чем вы! Главное – все соблюсти в тайне, чтобы не нарваться на неприятности.

Цзиньгуй смутилась и покраснела.

– Дрянная девчонка! Он, видно, самой тебе приглянулся, вот ты и прячешься за мою спину, строишь всякие планы!

– Как вы могли такое подумать! – притворившись возмущенной, вскричала Баочань. – Но от вас я все готова стерпеть. Если он нравится вам,

я скажу, что надо делать. Знаете пословицу: «Крыса не откажется от куска масла»? Второй господин боится, как бы все не раскрылось. Поэтому, госпожа, торопиться не следует. Старайтесь все время быть поближе к нему, расставляйте сети там, где он и не ждет. Оказывайте ему знаки внимания, ничего в этом странного нет. Ведь он вам доводится деверем и к тому же не женат. А когда он захочет отблагодарить вас за доброту, пригласите его на угощение, мы вместе напоим его, и ему некуда будет деваться. А захочет сбежать, вы поднимете шум, скажете, будто он заигрывал с вами. Он, конечно, испугается и будет согласен на все. А откажется – значит, он не мужчина и жалеть не о чем. Что вы на это скажете, госпожа?

– Ах ты дрянь! – презрительно усмехнулась Цзиньгуй. – Не одного мужчину, видно, совратила. То-то, я смотрю, Сюэ Пань прилип к тебе!

– Что вы, госпожа! – обиженно поджав губы, отвечала Баочань. – Для вас же стараюсь, а вы не верите!

С того дня в доме наступила тишина. Цзиньгуй больше не скандалила, все ее помыслы устремлены были к Сюэ Кэ.

Через некоторое время Баочань пришла за чайником, вела себя сдержанно, и в душу Сюэ Кэ снова закралось сомнение, не ошибся ли он в этой девушке и в ее госпоже. Ведь если они против него ничего не замышляют, значит, он оскорбил их в лучших чувствах! Сюэ Кэ уже готов был раскаяться.

Два дня прошли спокойно. При встречах с Сюэ Кэ Баочань проходила, скромно потупившись. Зато Цзиньгуй буквально обжигала его взглядом, жарким, как угли в жаровне, и Сюэ Кэ становилось не по себе.

Между тем Баочай и ее мать не переставали удивляться перемене, происшедшей с Цзиньгуй. Она ни с кем не ссорилась, напротив – была сама любезность.

Не скрывая радости, тетушка Сюэ думала: «Сразу после свадьбы на девушку наверняка нашло наваждение, и это все время портило жизнь. Хорошо еще, что родственники нам помогают в несчастье с Сюэ Панем, да и у нас самих есть деньги. Может быть, удастся его спасти. И добрый знак тому – перемена в характере его жены».

Словом, тетушка Сюэ считала чудом то, что произошло с Цзиньгуй, и однажды, после обеда, пошла ее навестить, взяв с собой служанку Тунгуй.

Но едва они вошли, как услышали доносившийся из комнаты Цзиньгуй мужской голос.

– Госпожа, матушка пришла вас навестить! – громко произнесла

Тунгуй, желая предупредить молодую женщину.

Тетушка Сюэ собралась войти в дом, когда вдруг заметила, что кто-то спрятался за дверь. Тетушка вздрогнула и попятилась назад.

– Входите, пожалуйста, матушка! – пригласила ее Цзиньгуй. – Садитесь, тут посторонних нет. Это мой названный брат. Живет он в деревне и не привык бывать на людях. Он только сегодня приехал и не успел навестить вас и справиться о здоровье.

– Шурина моего сына незачем прятаться! – заметила тетушка Сюэ.

Цзиньгуй позвала молодого человека. Тот робея вошел и поклонился тетушке. Тетушка приветствовала его и пригласила сесть. Завязалась беседа.

– Когда вы приехали? – поинтересовалась тетушка.

Ся Сань, так звали молодого человека, стал объяснять:

– Моя названная мать объявила меня своим сыном в позапрошлом месяце – в доме у нее нет мужчин и некому присматривать за хозяйством. В столицу я приехал третьего дня и нынче утром пришел навестить старшую сестру.

Молодой человек не вызывал никаких подозрений, и тетушка Сюэ, побеседовав с ним, собралась уходить, сказав:

– Вы посидите, а мне пора! Цзиньгуй! Угости брата как следует, ведь он у нас в доме впервые!

Цзиньгуй кивнула, и тетушка Сюэ удалилась.

Тогда Цзиньгуй сказала Ся Саню:

– Не беспокойся, ты мой брат и можешь оставаться здесь совершенно открыто, второму господину не к чему будет придраться! А сейчас сбегай, пожалуйста, в лавку, я скажу тебе, что надо купить. Смотри только, чтобы тебя никто не заметил.

– Не волнуйся, все будет в порядке, – ответил Ся Сань. – Давай деньги, и я куплю все, что захочешь.

– Ладно, не болтай лишнего, – засмеялась Цзиньгуй, – а то поставишь меня в дурацкое положение!

Цзиньгуй пригласила Ся Саня вместе поужинать, потом сказала, что он должен купить, напутствовала на дорогу, и молодой человек ушел.

Теперь Ся Сань почти каждый день появлялся в доме. Даже пожилые и опытные привратники, зная, что он доводится шурином господину Сюэ Паню, пропускали его, не докладывая господам.

С тех пор и начались в доме всякие происшествия, но о них мы расскажем позже.

В один прекрасный день пришло письмо от Сюэ Паня, и Баочай

прочла его тетушке Сюэ.

«В уездной тюрьме, – писал Сюэ Пань, – я не терплю никаких лишений, так что не беспокойтесь обо мне, матушка!

Вчера уездный письмоводитель мне сообщил, что приговор по моему делу уже вынесен в области, и я понял, что наши хлопоты не пропали даром. Разве мог я предполагать, что в округе, куда переслали дело, отменят решение суда?

К счастью, главный уездный письмоводитель оказался хорошим человеком и составил ответную бумагу, опротестовав решение окружного суда. В ответ на это из округа пришло письмо с предостережением начальнику уезда.

В окружных инстанциях заинтересовались моим делом и хотят переслать его высшему начальству. Это может для меня плохо кончиться. Так произошло, видимо, потому, что вы не заручились поддержкой окружного начальства.

Как только получите это письмо, матушка, попросите кого-нибудь походатайствовать за меня перед начальником округа! И пусть брат Сюэ Кэ поскорее приезжает! Иначе меня отправят в округ! Денег не жалейте! Прошу вас, не медлите!»

Слушая письмо, тетушка Сюэ всплакнула. Баочай и Сюэ Кэ стали утешать ее:

– Не беспокойтесь, матушка! Все образуется, не надо только медлить!..

Тетушка Сюэ не знала, как поступить, и велела Сюэ Кэ ехать не мешкая к Сюэ Паню. Она приказала собрать необходимые вещи, отвесить серебро и велела одному из приказчиков сопровождать сына.

Поднялась суматоха. Баочай, опасаясь, что при сборах служанки могут чего-либо недосмотреть, сама помогала им до четвертой стражи и лишь после этого легла спать.

Как и все дети из богатых семей, Баочай была изнеженна, и утром, после бессонной ночи, у нее появился жар.

Взволнованная тетушка Сюэ, услышав об этом от Инъэр, поспешила к дочери и увидела, что та вся горит и даже говорить не в силах.

Тетушка Сюэ и Цюлин, которая была тут же, расплакались. Баоцинь принялась утешать тетушку. Баочай заложило нос, как при насморке. Пришел доктор, прописал лекарство, и девушке стало немного лучше. Успокоилась и тетушка Сюэ.

Все переполошились во дворцах Жунго и Нинго, когда узнали о болезни Баочай. Фэнцзе прислала пилюли, госпожа Ван – эликсир, матушка Цзя, госпожи Ван и Син, а также госпожа Ю через своих служанок

справлялись о здоровье Баочай. Только Баоюй ничего не знал – от него скрывали.

Прошла неделя, а Баочай, сколько ни лечилась, никак не могла поправиться. Потом наконец вспомнила о «пилюлях холодного аромата», три раза их приняла, и все прошло.

Лишь тогда Баоюй узнал о болезни Баочай, но поскольку она уже выздоровела, не пошел ее навещать.

Между тем Сюэ Кэ прислал письмо. Тетушка Сюэ повертела его в руках, но Баочай ничего не сказала, боясь расстроить, и отправилась к госпоже Ван, чтобы та ей прочла письмо, а заодно рассказала о состоянии Баочай.

После ухода тетушки Сюэ госпожа Ван обратилась к Цзя Чжэну с просьбой помочь Сюэ Паню.

– Если бы решение по делу зависело только от высшего начальства, было бы легче, а с низшим начальством без подкупа не обойтись!

Затем госпожа Ван заговорила о Баочай.

– Девочка так страдает, – сказала она. – Надо взять ее к нам, ведь она теперь член нашей семьи! Нельзя допускать, чтобы она напрасно губила свое здоровье.

– Вполне согласен с тобой, – ответил Цзя Чжэн. – Только сейчас не время. И у них полно хлопот с делом Сюэ Паня, и у нас – ведь Новый год на носу. Помолвка была зимой, а брачную церемонию устроим весной, когда именно – определим после дня рождения старой госпожи. Так и скажи тетушке Сюэ!

На следующий день госпожа Ван, к удовольствию тетушки Сюэ, передала ей свой разговор с Цзя Чжэном, и после обеда они вместе отправились к матушке Цзя.

– Вы только сейчас к нам пришли? – спросила тетушку старая госпожа.

– Нет, еще вчера, но было уже поздно, и я не могла вас навестить, – отвечала тетушка.

Госпожа Ван пересказала матушке Цзя свой разговор с Цзя Чжэном, и та осталась очень довольна.

Пока они вели разговор, пришел Баоюй.

– Ты поел? – спросила матушка Цзя.

– Я только из школы, – ответил юноша. – Сейчас поем и снова туда пойду. Я забежал навестить вас, бабушка, и справиться о здоровье тетушки, мне сказали, что она здесь... Сестра Баочай поправилась? – обратился он к тетушке Сюэ.

– Поправилась, – улыбнулась тетушка Сюэ.

От Баоюя не укрылось, что при его появлении тетушка прекратила разговор и вообще встретила его не как обычно, без прежнего тепла и ласки.

«Хоть она и расстроена, – подумал он, – но могла бы не прекращать разговора, когда я вошел...»

Что же случилось? Баоюй терялся в догадках, но пора было возвращаться в школу, и он убежал.

Вечером, вернувшись домой, он первым долгом навестил старших, а затем отправился в павильон Реки Сяосян.

Во внутренних комнатах никого не было.

– А где барышня? – спросил Баоюй.

– Ушла к госпоже, – ответила Цзыцзюань. – Узнала, что там тетушка Сюэ, и захотела с ней повидаться. А вы, господин, разве не были там?

– Я как раз оттуда, но твоей барышни не видел, – ответил удивленный Баоюй.

– Неужели ее там нет?

– Нет, – сказал Баоюй. – Куда же она могла уйти?

– Не знаю, – пожала плечами Цзыцзюань.

Баоюй уже собрался уходить, но в этот момент заметил Дайюй, которая в сопровождении Сюэянь медленно приближалась к дому.

– Сестрица вернулась! – обрадовался Баоюй и вместе с ней вошел в комнату.

Дайюй прошла во внутренние покои и пригласила Баоюя сесть. Затем отдала Цзыцзюань плащ и тоже села.

– Ты был у бабушки? – спросила Дайюй. – А тетушку Сюэ видел?

– Видел, – ответил Баоюй.

– Она обо мне что-нибудь говорила?

– Ничего не говорила, даже меня встретила как-то неласково. Я спросил, как чувствует себя сестра Баочай, а она засмеялась в ответ и ничего не сказала. Может быть, обижена за то, что не навещаю ее?

– А раньше навещал? – улыбнулась Дайюй.

– Я узнал о ее болезни лишь два дня назад, – оправдывался юноша. – Но навестить не успел.

– Значит, так оно и есть! – воскликнула Дайюй.

– Говоря по правде, – продолжал Баоюй, – мне матушка и батюшка запретили туда ходить. А маленькая садовая калитка, через которую хоть десять раз на день пройди, заперта, и попасть к тетушке Сюэ можно лишь через главные ворота, у всех на виду. А это не очень удобно.

– Но откуда ей знать, что ты не приходишь именно по этой причине? – спросила Дайюй.

– Сестра Баочай всегда меня понимала лучше других, – заметил юноша.

– Не обольщайся, – промолвила Дайюй. – Вряд ли она в данном случае тебя понимает. Ведь болела не тетушка, а сама Баочай. Помнишь, как весело было в саду, когда мы все собирались, писали стихи, пили вино и любовались цветами! А теперь сестра Баочай живет у себя дома, в семье у них неприятности, вдобавок она заболела, а ты ее даже не навестил! Будто чужой. Как же ей на тебя не сердиться?

– Неужели Баочай больше не будет со мной дружить? – воскликнул Баоюй.

– Откуда мне знать, – ответила Дайюй. – Факты сами за себя говорят!

Баоюй сидел расстроенный и молчал. Дайюй велела подбросить благовоний в курильницу и, не обращая на Баоюя внимания, углубилась в чтение.

– И зачем только рождаются на свет такие люди, как я! – воскликнул Баоюй, вскочив с места и с досады топнув ногой. – Исчезни я совсем, воздух стал бы чище!

– Когда появляется на свет один человек, появляется и другой, – возразила Дайюй. – А вместе с людьми приходят тревоги, страх, ложь, грезы, всякие неприятности. Я говорила все в шутку. Но хотелось бы знать, почему холодность тетушки Сюэ ты отнес на счет сестры Баочай? Ведь тетушка приходила по делу Сюэ Паня и, само собой, расстроилась. До тебя ли ей было? А ты вообразил невесть что, какую-то глупость!

Баоюя вдруг осенило, и он воскликнул:

– Верно, верно! Ты гораздо умнее меня, сестрица! Помню, в детстве, стоило мне рассердиться, ты вразумляла меня, я терялся и не знал, что тебе возразить! Будь я даже золотой статуей Будды, одним своим словом ты могла бы сломить меня, как травинку...

– В таком случае ответь мне на мои вопросы, воспользовавшись тем, что Баоюй завел речь о Будде, промолвила Дайюй.

Баоюй скрестил ноги, сложил руки, закрыл глаза и, надув губы, произнес:

– Что же! Просвещай меня!

– Что ты станешь делать, если сестра Баочай захочет по-прежнему с тобой дружить? Как ты поступишь, если сестра Баочай не захочет с тобой дружить? Что ты сделаешь, если сестра Баочай через некоторое время разорвет с тобой узы дружбы? Допустим, ты захочешь с ней дружить, а она

будет относиться к тебе с неприязнью? Как ты станешь вести себя, если она захочет с тобой дружить, а ты не захочешь?

Дайюй выпалила все это единым духом.

Баоюй долго думал и вдруг расхохотался:

– Пусть будет хоть три тысячи озер со стоячей водой, мне достаточно одного ковша, чтобы напиться.

– А если тебе встретится проточная вода? – вновь спросила Дайюй.

– Я не стану ее черпать, пусть течет. Вода сама по себе, черпак тоже сам по себе, – ответил Баоюй.

– А как быть, если эта вода вдруг остановится и в ней утонет жемчужина?

– Рассуждения о святой истине у нас превратились в пустую болтовню; не уподобляйся куропатке, которая кричит в лучах весеннего солнца, – ответил Баоюй.

– Первая заповедь буддистов гласит: «Не занимайся словоблудием!» – продолжала Дайюй.

– Святая правда, – заключил Баоюй.

Дайюй опустила голову и умолкла. В это время на крыше закаркала ворона, взмыла в воздух и улетела в юго-восточном направлении.

– К счастью это или к беде? – задумчиво произнес Баоюй.

Дайюй ответила стихами:

Лист ивы, к грязи прилипший, —

Вот мое бездомное сердце!^[33]

Песней о куропатке

Не будите весенний ветер!^[34]

В это время вошла Цювэнь:

– Второй господин, поспешите домой! Батюшка прислал человека узнать, вернулись ли вы из школы! Сестра Сижэнь ответила, что вернулись, так что не мешкайте!

Баоюй вскочил и бросился из комнаты. Дайюй не стала его удерживать.

Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

Глава девяносто вторая

Цяоцзе, слушая жизнеописания выдающихся женщин, выражает свое восхищение;

Цзя Чжэн, играя жемчужиной, рассуждает о возвышениях и падениях

Итак, Баоюй покинул павильон Реки Сяосян и взволнованно спросил у Цювэнь:

– Зачем меня звал батюшка, не знаешь?

– Не звал он вас, – призналась Цювэнь. – Но скажи я вам правду, что вас сестра Сижэнь зовет, вы вряд ли пошли бы!

Баоюй, успокоившись, произнес:

– Ну, если Сижэнь, тогда ладно! Зачем же меня пугать?

– Где ты пропадал? – спросила Сижэнь, едва завидев Баоюя.

– У барышни Дайюй был. Зашел разговор о сестре Баочай, и я засиделся.

– О чем же вы говорили? – поинтересовалась Сижэнь.

Баоюй рассказал, как они вели беседу в подражание буддийским классикам.

– Делать вам нечего! – улыбнулась Сижэнь. – Рассуждали бы лучше о хозяйственных делах или о стихах. А о буддистах зачем? Ты же не монах!

– Ничего ты не понимаешь! – засмеялся Баоюй. – У нас, как и в буддийском учении, есть свои сокровенные тайны, и посторонним в них не проникнуть!

– Постигая эти тайны, вы выворачиваете наизнанку истину и нас ставите в дурацкое положение! – засмеялась Сижэнь.

– Когда мы с барышней Дайюй были детьми, – стал объяснять Баоюй, – она очень сердилась, если я говорил глупости. А сейчас я обдумываю каждое слово и не даю ей повода сердиться. Да и видимся мы с ней не часто: она сюда не приходит, а я занят учебой. Постепенно между нами родилось отчуждение, и мы не можем говорить прямо все, что думаем.

– Вот и хорошо, – сказала Сижэнь. – Вы уже не дети и должны вести себя подобающим образом!

– Я и сам понимаю, – кивнул Баоюй, – и нечего об этом говорить. Скажи, – спросил он, – не присылала старая госпожа сюда служанку с каким-нибудь поручением?

– Нет, не присылала, – ответила Сижэнь.

– Ну, конечно, бабушка забыла! – воскликнул Баоюй. – Ведь завтра первое число одиннадцатого месяца! В этот день бабушка имела обыкновение отмечать день наступления морозов, любила посидеть в компании, выпить вина, посмеяться! Ради этого я и отпросился на день из школы! А теперь не знаю, как поступить. Может быть, пойти в школу, а то батюшка рассердится?

– По-моему, лучше пойти! – промолвила Сижэнь. – Будешь пропускать занятия – успехов не добьешься. На первом месте должна быть учеба, а уж потом развлечения. Вчера госпожа Ли Вань рассказывала, как прилежно учится Цзя Лань. Приходит из школы и сразу садится за уроки, а спать ложится только в четвертую стражу, а то и позднее. Все время сидит над книгами. А ты старше его, дядей ему приходишься. Если не будешь стараться, бабушку огорчишь. Так что вставай завтра пораньше и иди в школу!

– Погода стоит холодная, пусть дома побудет, ведь он отпросился. А явится в школу – все удивятся и пойдут разговоры! – вмешалась Шэюэ. – Скажут, что у него не было причины отпрашиваться и он обманул учителя. А наступление морозов мы можем сами отпраздновать, без старой госпожи.

– Если мы что-то затеем, второй господин останется дома! – воскликнула Сижэнь.

– Вот и хорошо, я тоже денек повеселюсь! – отвечала Шэюэ. – Мне не нужны лишние два ляна серебра в месяц, как тебе!

– Ах ты дрянь! – вскричала Сижэнь. – Тебе говорят серьезно, а ты всякий вздор мелешь!..

– Никакой не вздор, – парировала Шэюэ, – все для себя стараешься!

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Сижэнь.

– Ведь ты сама не любишь, когда второй господин уходит в школу, вечно ворчишь и с нетерпением ждешь его прихода, а едва он появится, у вас начинаются шутки и смех. Зачем же притворяться, будто ты заботишься о его занятиях? Меня не проведешь, я все вижу.

Сижэнь хотела отчитать как следует Шэюэ, но вошла девочка-служанка и сказала:

– Старая госпожа не велела второму господину завтра ходить в школу. Она пригласила тетушку Сюэ и беспокоится, что барышни, разъехавшиеся по домам, не успеют приехать. Праздник, который собирается отмечать

старая госпожа, называется «день наступления морозов».

– Вот, вот! Этого я и ждал! – обрадовался Баоюй, не дослушав до конца. – Бабушка в хорошем настроении! В школу я не пойду и буду делать что вздумается.

Следует сказать, что Баоюй теперь занимался с усердием и мечтал хоть день провести беззаботно, повеселиться. Раз на праздник приедет тетушка Сюэ, значит, и Баочай с собой возьмет, думал Баоюй, радуясь предстоящей встрече.

– Лягу-ка я сейчас спать, – сказал Баоюй, – а завтра встану пораньше.

Ночь прошла без особых происшествий, а утром Баоюй первым делом побегал справиться о здоровье бабушки, матери и отца. Отцу он сказал, что бабушка разрешила ему не ходить в школу, и тот не стал возражать.

Выйдя от отца неторопливыми шагами, как того требовали приличия, Баоюй стремглав помчался к матушке Цзя. Там еще никого не было, только маленькая Цяоцзе, ее привела кормилица, сопровождаемая целой толпой девочек-служанок.

– Мама велела справиться о вашем здоровье и занять вас разговором, – обратилась Цяоцзе к матушке Цзя. – Она скоро сама к вам придет.

– Милая девочка! – улыбнулась матушка Цзя. – Я встала нынче пораньше, в надежде, что кто-нибудь придет, но пришел только второй дядя Баоюй.

– Барышня, справьтесь о здоровье дяди, – напомнила девочке нянька.

Цяоцзе справилась о здоровье Баоюя.

– А ты как себя чувствуешь, малышка? – в свою очередь осведомился Баоюй.

– Вчера вечером мама сказала, что ей надо с вами поговорить, – произнесла Цяоцзе.

– О чем же это? – удивился Баоюй.

– Мама хочет, чтобы вы проверили мои знания, – ответила девочка. – Несколько лет меня учила Ли Вань, но мама не знает, чему я выучилась. Я ей сказала, что все знаю, а она не верит, говорит, что я целыми днями бездельничаю, играю с подружками. Но выучить иероглифы совсем не трудно. Я свободно читаю «Книгу дочернего благочестия». Мама и в это не верит. Поэтому хочет пригласить вас, чтобы вы проверили, когда у вас будет свободное время.

– Милое дитя, – промолвила матушка Цзя. – Твоя мама не знает грамоты и не может тебя проверить. Пусть это сделает второй дядя Баоюй, только при ней. Вот тогда она поверит.

– Сколько иероглифов ты знаешь? – осведомился Баоюй.

– Более трех тысяч, – отвечала Цяоцзе. – Прочла «Книгу дочернего благочестия», а полмесяца назад принялась за «Жизнеописание выдающихся женщин».

– И все тебе там понятно? – поинтересовался Баоюй. – Если нет, я могу объяснить.

– Конечно, – заметила матушка Цзя. – Ведь ты ей дядя, и это твой долг.

– О любимой супруге Вэнь-вана ты, конечно, все знаешь, – начал Баоюй. – А известно ли тебе, что Цзян-хоу^[35], которая распустила волосы и, невзирая на грозящую ей казнь, пыталась образумить своего мужа, а также У Янь^[36], установившая порядок в государстве, – были самыми знаменитыми среди всех княгинь?!

– Да, конечно! – ответила Цяоцзе.

– Если говорить о женщинах, прославившихся своими талантами, то прежде всего следует упомянуть о Цао Дагу^[37], Бань Цзеюй^[38], Цай Вэньцзи^[39] и Се Даюнь^[40].

– А каких женщин можно считать мудрыми и добродетельными? – спросила Цяоцзе.

– Например, Мэн Гуан. Она одевалась в холщовую юбку, а волосы закалывала шпильками из терновника. Или же мать Бао Сюаня^[41], которая носила воду в простом глиняном кувшине, также мать Тао Каня^[42], отрезавшую волосы, чтобы удержать гостя. Этих женщин даже нищета не сломила, как же не назвать их мудрыми и добродетельными?

Цяоцзе радостно закивала головой.

– Но были и другие женщины, которым приходилось терпеть много страданий, – рассказывал Баоюй. – Это прежде всего Лэ Чан^[43], которая носила при себе половинку разбитого зеркала, Су Хуэй^[44], сочинявшая стихи, которые можно читать справа налево, слева направо, сверху вниз и снизу вверх, а смысл останется тот же. К ним же можно причислить женщин, глубоко почитавших родителей, например, Му Лань^[45], и еще Цао Э – когда утонул ее отец, она следом за ним бросилась в реку. Всех и не перечесать.

Цяоцзе сидела молча, задумавшись.

А Баоюй так увлекся, что все говорил, говорил. Рассказал, в частности, о том, как госпожа Цао^[46] поклялась хранить верность погибшему мужу и отрезала себе нос. Цяоцзе слушала с трепетом и прониклась глубоким уважением к этой мужественной женщине.

Чтобы не напугать девочку этими страшными историями, Баоюй

заговорил о красавицах:

– Или взять хотя бы Ван Цян, Си Ши, Фань Су, Сяо Мань^[47], Цзян Сян, Вэньцзюнь, Хун Фу, ведь все они...

Заметив, что Цзяоцзе притихла и сидит задумавшись, матушка Цзя остановила Баоюя:

– Хватит, замолчи! Ты и так наговорил лишнего. Разве она все запомнит?

– Кое-что из того, что рассказывает второй дядя, я читала, – произнесла Цяоцзе, – но не все. А теперь, после объяснений, мне стало намного понятней даже то, что уже прочитано.

– Разумеется, иероглифы, которыми написаны эти сочинения, ты знаешь, – сказал Баоюй, – и проверять тебя незачем!

– Мама говорит, что наша Сяохун была когда-то вашей служанкой, – сказала вдруг Цяоцзе. – Мама взяла ее от вас, а новую служанку вам так и не дали. Теперь мама хочет послать вам какую-то Лю Уэр, но не знает, угодит ли она вам.

– Так мама сказала? – обрадовался Баоюй. – Что же, пусть присылает. Зачем же меня спрашивать? – И, обращаясь к матушке Цзя, он промолвил: – Смотрю я на Цяоцзе и думаю, что она и умнее и грамотнее матери.

– Грамота – это, конечно, хорошо, – улыбнулась матушка Цзя, – но лучше бы ей заняться рукоделием и прочей женской работой.

– Этому меня учит няня Лю, – поспешила объяснить Цяоцзе. – Вышиваю я не очень хорошо, все эти кресты и цветы, но кое-чему научилась.

– При нынешнем положении дел рукоделие нам вряд ли пригодится, но научиться не мешает, на случай, если наступят тяжелые времена.

Цяоцзе поддакнула и хотела попросить Баоюя продолжить толкование «Книги дочернего благочестия», но заметила, что Баоюй задумался, и не стала его тревожить.

О чем же думал Баоюй? Он был огорчен, что до сих пор Уэр не появлялась во дворе Наслаждения пурпуром. Но дело в том, что девочка долго болела, а потом госпожа Ван, после того как прогнала Цинвэнь, приказала не посылать к Баоюю похожих на нее служанок. Баоюй вспомнил, как встретился с Уэр и ее матерью в доме У Гуя, куда они принесли вещи Цинвэнь. Уэр тогда показалась ему необыкновенно привлекательной. И сейчас, узнав, что Фэнцзе собирается прислать ему эту девочку, он очень обрадовался.

Матушка Цзя между тем никак не могла дожждаться своих гостей и послала за ними девочку-служанку. Девочка возвратилась, а следом за ней

появились Ли Вань с младшей сестрой, Таньчунь, Сичунь, Сяньюнь и Дайюй. Девушки справились о здоровье матушки Цзя, а затем поздоровались с остальными.

Тетушка Сюэ так и не пришла, и матушка Цзя, потеряв терпение, послала за нею еще раз.

Наконец тетушка явилась. Ее сопровождала Баоцинъ.

Баочай и Син Сюянь не пришли.

– А где сестра Баочай? – спросила Дайюй.

Тетушка Сюэ солгала, что дочь нездорова. Син Сюянь не пришла, потому что не знала, что здесь тетушка Сюэ, ее будущая свекровь.

Баоюй было опечалился, но скоро успокоился – ведь рядом была Дайюй.

Вскоре пришли госпожи Син и Ван.

Фэнцзе, узнав, что старшие женщины все уже в сборе, прислала Пинъэр с извинением.

– Моя госпожа уже собралась было к вам, – сказала Пинъэр, – но вдруг почувствовала себя плохо, поэтому придет немного позднее.

– Если она нездорова, пусть отдыхает, – промолвила матушка Цзя. – Кстати, пора садиться за стол!

Девочки-служанки убрали жаровню, поставили два столика, все сели и принялись есть. А после еды расположились вокруг жаровни и стали болтать. Но об этом мы рассказывать не будем.

Вы спросите, почему не пришла Фэнцзе?

А вот почему. Во-первых, ей было неловко опаздывать, а кроме того, ее задержала жена Ванъэра, которая сообщила:

– Барышня Инчунь прислала служанку справиться о вашем здоровье; служанка говорит, что пришла к вам, а к старшим господам не пойдет.

Теряясь в догадках, Фэнцзе велела позвать служанку Инчунь и спросила:

– Как живет твоя барышня в новой семье? Хорошо?

– Какое там хорошо! – воскликнула служанка. – Но меня не барышня к вам послала, я пришла передать просьбу матери Сыци.

– Ведь Сыци больше здесь не живет. О чем же может просить меня ее мать? – удивилась Фэнцзе.

– Сыци, когда ушла от вас, все время плакала, – стала рассказывать женщина. – И вдруг в один прекрасный день приезжает ее двоюродный брат. Мать Сыци, увидев его, рассердилась, стала ругать за то, что сгубил ее дочь, даже хотела поколотить. А парень стоит, слова сказать не смеет.

Услышала это Сыци, вышла и говорит: «Меня прогнали из-за него! А он, бесовестный, сбежал! Но сейчас лучше задушите меня, а его не бейте!» – «Бесстыжая девчонка, – обрушилась на нее мать. – Что ты затеяла?» Сыци ответила: «Каждая девушка должна выйти замуж. Пусть я грех совершила, но замуж пойду только за него! Обидно, конечно, что он такой трус, ведь если провинился, сам и отвечай! Зачем же убегать? Но не явись он, я бы век в девушках сидела! Просватаете за другого – покончу с собой! Спросите, зачем он приехал. Если за мной, я с ним уйду, и считайте, что я для вас умерла. Куда угодно пойду, если даже придется жить подаванием!» Мать Сыци рассердилась, заплакала: «Да как ты смеешь?! Ведь ты моя дочь! Не захочу – не отдам тебя ему, что ты сделаешь?» Однако Сыци оказалась упрямой. Услышав слова матери, она стукнулась головой о стену, хлынула кровь, и девушка скончалась. Мать, обезумев, стала требовать, чтобы молодой человек возместил ей потерю дочери, а тот ответил: «Матушка, не волнуйтесь. За то время, что меня здесь не было, я успел разбогатеть. И приехал сюда ради вашей дочери, с самыми искренними намерениями. Не верите – поглядите!» С этими словами он вытащил из-за пазухи коробочку с головными украшениями из золота и жемчуга. Это были подарки к свадьбе. Увидев их, мать сразу смягчилась и спросила: «Что же ты сразу не сказал?» – «Чтобы испытать Сыци. Ведь многие девушки ветрены и легкомысленны, – зарятся только на богатство, – ответил племянник. – Но теперь я понял, что такую, как Сыци, трудно найти! Все свои драгоценности я отдаю вам и распоряжусь насчет похорон». Мать Сыци, вдруг разбогатева, забыла о дочери и предоставила племяннику делать все, что ему вздумается. А племянник велел принести два гроба! Увидав это, мать Сыци перепугалась: «Зачем тебе два гроба?» Племянник с улыбкой ответил: «Два человека в один гроб не улягутся». Он говорил спокойно, и мать Сыци решила, что это он с горя ополоумел. А молодой человек, положив Сыци в гроб, перерезал себе ножом горло! Тут мать Сыци раскаялась, что так жестоко обошлась с дочерью, и заплакала в голос. Соседи обо всем пронюхали и хотят донести властям. Вот мать Сыци и послала меня к вам просить защиты, госпожа. А благодарить придет сама.

– И почему так бывает, что сумасбродным девчонкам попадают такие безумцы! – выслушав ее, воскликнула Фэнцзе. – Теперь понятно, почему Сыци ничуть не смутилась, когда у нее обнаружили вещь, при одном взгляде на которую можно было сквозь землю от стыда провалиться! Кто бы мог подумать, что у нее такая страстная натура? Говоря откровенно, мне некогда заниматься этим делом, но своим рассказом ты разжалобила меня. Скажи матери Сыци, что я поговорю со вторым господином, а затем

велю Баньэру все уладить.

Отослав женщину, Фэнцзе отправилась к матушке Цзя. Но об этом мы рассказывать не будем.

Как-то раз Цзя Чжэн играл в облавные шашки с Чжань Гуаном. Количество окруженных шашек было у обоих почти одинаково, и борьба шла из-за одного угла.

Вдруг вошел мальчик-слуга, дежуривший у вторых ворот, и доложил:

– Вас желает видеть старший господин Фэн Цзыин.

– Проси, – отвечал Цзя Чжэн.

Мальчик вышел, а Цзя Чжэн поднялся навстречу гостю. Фэн Цзыин вошел в кабинет и, поглядев на доску, сказал:

– Играйте, играйте! А я посмотрю!

– На мою игру не стоит смотреть! – заметил Чжань Гуан.

– Не скромничайте, – ответил Фэн Цзыин.

– У вас какое-нибудь дело ко мне? – осведомился Цзя Чжэн.

– Ничего особенного, – сказал Фэн Цзыин. – Продолжайте играть, а я у вас поучусь.

– Господин Фэн Цзыин наш друг, и если у него нет ко мне дела, давай закончим партию, а потом побеседуем с ним, – сказал Цзя Чжэн, обращаясь к Чжань Гуану. – Пусть господин Фэн Цзыин посмотрит, как мы играем!

– Вы на деньги играете? – спросил Фэн Цзыин.

– Да, – отвечал Чжань Гуан.

– Значит, подсказывать ходы нельзя, – заметил Фэн Цзыин.

– Подсказывайте, если хотите, – разрешил Цзя Чжэн. – Все равно он проиграл десять с лишним лянов серебра и ему не отыграться! Угощение за ним!

– Не возражаю! – воскликнул Чжань Гуан.

– А что, почтенный друг, вы играете наравне с господином Чжань Гуаном? – спросил Фэн Цзыин.

– Сначала играли наравне, и он проиграл, – отвечал шутливым тоном Цзя Чжэн, – я уступил ему две шашки, и он опять проиграл. При этом он еще несколько раз брал ходы обратно и сердился, если я не хотел отдавать.

– Ничего подобного не было, – возразил Чжань Гуан.

– Посмотрите и сами убедитесь, – сказал Цзя Чжэн гостю.

Продолжая шутить, они закончили партию. При подсчете очков оказалось, что окруженных шашек у Чжань Гуана было на семь больше, чем у Цзя Чжэна.

– Исход партии решила борьба за последний угол, – сказал Фэн Цзыин.

– Простите, я заигрался, – извинился Цзя Чжэн, – давайте поговорим!

– Мы очень давно не виделись, и я просто пришел навестить вас, – начал Фэн Цзыин. – Кроме того, хотел рассказать, что правитель провинции Гуанси прибыл на аудиенцию к государю и привез с собой четыре прелюбопытных заморских вещи, они могли бы служить отличными подарками. Это, прежде всего, – ширма из двадцати четырех створок, вырезанная из красного дерева; в каждой створке пластины из каменной селитры, а на них выгравированы реки, горы, люди и животные, башни и пагоды, цветы и птицы. На одной из створок изображено чуть ли не шестьдесят девушек в придворных одеяниях, и называется эта картина «Весенний рассвет в Ханьском дворце». Брови, губы, глаза и носы, а также складки одежды вырезаны удивительно тонко и аккуратно. Фон картины и композиция поистине прекрасны. Думаю, этой ширме место в главном зале вашего сада Роскошных зрелищ. Есть еще часы высотой в три чи, с музыкальным боем. Сделаны они в виде мальчика, держащего в руках циферблат и указывающего на стрелки. Вещи эти я не принес – они громоздкие и тяжелые. Те, что полегче, при мне, они особенно интересные.

Он достал небольшую парчовую коробку, завернутую в несколько слоев белого шелка, развернул и вытащил из нее стеклянную коробочку, отделанную внутри золотом. В коробочке, оклеенной темно-красным крепом, лежала ослепительно сверкающая жемчужина величиной с орех.

– Говорят, что это «жемчужина-мать», – пояснил Фэн Цзыин и попросил: – Дайте, пожалуйста, блюдо!

Чжань Гуан подал лаковый чайный поднос и спросил:

– Годится?

– Вполне, – ответил Фэн Цзыин и вытащил из-за пазухи белый шелковый сверток, высыпал из него на поднос несколько маленьких жемчужинок, положил туда «жемчужину-мать» и поставил поднос на столик. Жемчужинки покатались по подносу и окружили большую жемчужину. Фэн Цзыин взял с подноса большую жемчужину, на ней, словно приклеенные, висели маленькие.

– Поразительно! – воскликнул Чжань Гуан.

– Такое бывает, – заметил Цзя Чжэн, – большую жемчужину потому и называют матерью, что маленькие к ней липнут.

– Дай шкатулку! – приказал Фэн Цзыин пришедшему с ним мальчику-слуге.

Мальчик протянул ему узорчатую шкатулку из грушевого дерева, которую Фэн Цзыин не замедлил открыть. Шкатулка была оклеена полосатой парчой, и лежала в ней стопочка тончайшего шелка цвета

индиго.

– Что это? – невольно вырвалось у Чжань Гуана.

– Полог из шелка цзяосяо, – ответил Фэн Цзыин.

Стопочка шелка оказалась не более пяти цуней в длину, а в толщину не достигала и половины цуня.

Фэн Цзыин принялся слой за слоем раскладывать стопку, но когда дошел до десятого, места на столе не осталось.

– Видите, а здесь еще два слоя, – сказал Фэн Цзыин. – Чтобы полностью развернуть полог, надо пойти в высокую комнату, иначе не хватит места. Шелк, из которого соткан полог, выделяют драконы «цзяо». В зной этот полог можно поставить в зале или комнате; он защищает от комаров и от мух, кроме того, под ним светло и прохладно.

– Не разворачивайте до конца, – попросил Цзя Чжэн, – потом трудно будет сложить!

Фэн Цзыин и Чжань Гуан сложили и убрали полог.

– За все четыре вещи просят всего двадцать тысяч лянов серебра. Это не так уж дорого. За «жемчужину-мать» – десять тысяч, за полог – пять.

– Разве я в состоянии покупать подобные вещи?! – вскричал Цзя Чжэн. – Да и зачем они мне?

– Неужели во дворце для них не найдется места? – покачал головой Фэн Цзыин. – Вы же в родстве с государем!

– Вещи, разумеется, подходящие, – согласился Цзя Чжэн, – но где взять деньги? Ладно, велю показать старой госпоже.

– Вот это правильно, – согласился Фэн Цзыин.

Цзя Чжэн велел слуге сказать Цзя Ляню, чтобы он отнес вещи к матушке Цзя, и их могли посмотреть госпожи Ван и Син, а также Фэнцзе.

Цзя Лянь отнес на просмотр полог и жемчужину и добавил:

– Есть еще часы с музыкальным боем и ширма, за все просят двадцать тысяч лянов.

– Вещи, разумеется, хорошие, но где взять столько денег? – промолвила Фэнцзе. – Только правители провинций могут подносить государю такие подарки. Уже который год я думаю о том, что нам следовало бы приобрести недвижимое имущество, например земли, доходы с которых шли бы на жертвоприношения предкам, и просто поместья. По крайней мере, нашим потомкам не будет грозить разорение. Эти же вещи покупать, пожалуй, не стоит. Не знаю, что скажут на это бабушка, господа и госпожи. Может быть, господину Цзя Чжэну они очень понравились, пусть тогда покупает!

– Девочка рассуждает правильно, – заметила матушка Цзя.

– В таком случае их надо вернуть, – сказал Цзя Лянь. – Ведь господин Цзя Чжэн хотел их преподнести государю и потому велел показать вам. А о том, чтобы мы их приобрели, и речи не было. Бабушка еще рта не раскрыла, а ты целую речь произнесла! В тоску можешь вогнать!

Он отнес вещи обратно.

– Старая госпожа не желает их покупать, – сказал он Цзя Чжэну, а потом обратился к Фэн Цзыину: – Вещи хороши, что и говорить, вот только денег у нас таких нет! Я постараюсь найти покупателя и дам вам знать.

Поболтав еще немного о всяких пустяках, Фэн Цзыин стал прощаться.

– Оставайтесь с нами ужинать, – пригласил Цзя Чжэн.

– Спасибо, – ответил тот. – Извините за беспокойство!

– Ну что вы! – воскликнул Цзя Чжэн.

В это время появился мальчик-слуга и доложил:

– Пожаловал старший господин!

В тот же момент на пороге появился Цзя Шэ. После обмена приветствиями все сели за стол, выпили по несколько кубков и завели разговор о заморских вещах.

– Их трудно сбывать, – вздохнул Цзыин. – Мало кто в состоянии купить. Только люди с вашим положением, а так дело безнадежное.

– Да и подобные нам не всегда могут себе это позволить.

– Наше богатство – одна видимость, – поддакнул Цзя Шэ. – Не то что прежде.

– А как поживает старший господин Цзя Чжэнь? – осведомился Фэн Цзыин. – Я встретился с ним недавно, поговорили о домашних делах, он жаловался на вторую жену сына, сетовал, что она хуже покойной госпожи Цинь. Из какой она семьи, я так и не спросил.

– Из местной знати, – отвечал Цзя Чжэн, – она дочь господина Ху, бывшего правителя столичного округа.

– Господина Ху я прекрасно знаю, – промолвил Фэн Цзыин, – но детей в его семье воспитывают не так, как следовало бы. Впрочем, не беда – главное, чтобы сама девушка была хороша.

– Говорят, в государственном совете шел разговор о повышении Цзя Юйцуня, – произнес Цзя Лянь.

– Было бы неплохо, – ответил Цзя Чжэн. – Не знаю только, состоится ли это.

– Полагаю, все будет в порядке, – сказал Цзя Лянь.

– В ведомстве чинов, где я нынче был, тоже говорят об этом, – промолвил Фэн Цзыин. – А что, господин Цзя Юйцунь приходится вам родственником?

– Да, – подтвердил Цзя Чжэн.

– Каким же образом он сделал карьеру? – спросил Фэн Цзыин.

– Это длинная история, – ответил Цзя Чжэн. – Цзя Юйцунь родился в округе Хучжоу, в Чжэцзяне, затем переселился в Сучжоу. Некий Чжэнь Шиинь, его друг, помог ему выдержать экзамен на ученую степень цзиньши, и Цзя Юйцунь получил назначение на должность начальника уезда, взял в наложницы служанку из семьи Чжэнь, а затем сделал ее законной женой. Что же до Чжэнь Шииня, то он разорился и бесследно исчез. Тем временем Цзя Юйцуня сняли с должности. Мы тогда еще не были с ним знакомы. Линь Жухай, муж моей сестры, сборщик соляного налога в Янчжоу, пригласил Юйцуня учителем к своей дочери Дайюй, то есть к моей племяннице. Но потом у Цзя Юйцуня появилась возможность восстановиться в должностях, и он решил ехать в столицу. В это же время моя племянница собралась к нам, и Линь Жухай попросил его присматривать за девочкой в пути. Кроме того, у Цзя Юйцуня было рекомендательное письмо ко мне с просьбой о покровительстве. Он мне понравился, и мы часто встречались. Как выяснилось, он был в курсе всех дел во дворцах Жунго и Нинго со времен Дайшаня и Дайхуа^[48]. Это и сблизило нас. – Цзя Чжэн засмеялся, а затем продолжал: – Но в последние годы я убедился, что Цзя Юйцунь – большой проныра: с должности начальника области он сумел пролезть в цензоры, а еще через несколько лет стал шиланом^[49] в ведомстве чинов! Мало того – вскоре его назначили на должность начальника военного ведомства! Потом он совершил какой-то неблагоприятный поступок, его понизили в звании на три ступени, но сейчас собираются снова повысить.

– Трудно предвидеть взлеты и падения, повышения и понижения по службе, – заметил Фэн Цзыин.

– Все дела в Поднебесной подвластны единому закону, – сказал Цзя Чжэн. – Взять хотя бы эти жемчужины. Большая подобна счастливому человеку, – ведь от нее зависят все остальные! Если бы большой жемчужины вдруг не стало, куда делись бы маленькие? Так и у людей – если умирает глава семьи, дети, родственники и друзья разбредаются в разные стороны. Не успеешь оглянуться, как расцвет сменяется упадком. Все происходит так быстро, как исчезают весной облака, как опадают осенью листья. Вот и подумайте, имеет ли смысл становиться чиновником! Я не имею в виду Цзя Юйцуня. Приведу для примера семью Чжэнь. Прежде они не уступали нам ни в положении, ни в заслугах, и титулы имели, и звания. С этой семьей мы всегда были дружны. Несколько лет

назад они приезжали в столицу и присылали к нам людей справиться о здоровье. И вдруг мы узнаем, что они потеряли имущество, разорились, и после этого ничего больше не слышим. До сих пор нет о них никаких вестей, и я очень тревожусь.

– Кстати, – спросил вдруг Цзя Шэ, – о какой жемчужине идет речь?

Цзя Чжэн и Фэн Цзыин все ему рассказали.

– С нашей семьей ничего подобного не случится, – заявил Цзя Шэ.

– Пожалуй, вы правы, – заметил Фэн Цзыин. – Ведь о вас заботится сама гуйфэй, кроме того, у вас много родственников, да и в семье вашей ни старые, ни молодые не занимаются обманом и вымогательством.

– Что верно, то верно, – согласился Цзя Чжэн, – но талантливых и добродетельных в нашей семье тоже нет. Как можно жить только за счет аренды и налогов?

– Не будем об этом говорить! – сказал Цзя Шэ. – Давайте лучше выпьем!

Все выпили и закусили, когда к Фэн Цзыину подошел слуга и шепнул что-то на ухо. Фэн Цзыин поднялся и стал прощаться.

– Что ты ему сказал? – спросил Цзя Шэ у слуги.

– На улице снег идет, и к тому же стемнело. Уже ударили в доску^[50], – отвечал слуга.

Цзя Чжэн велел слугам посмотреть, что делается снаружи. Во дворе слоем больше цуня лежал снег.

– Вы взяли вещи, которые только что мне показывали? – спросил Цзя Чжэн.

– Взял, – ответил Фэн Цзыин. – Если захотите купить их, цену можно будет сбавить.

– Я учту, – ответил Цзя Чжэн.

– Буду ждать от вас вестей, – сказал Фэн Цзыин. – На улице холодно, так что не провожайте меня!

Однако Цзя Шэ и Цзя Чжэн велели Цзя Ляню проводить гостя.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава девяносто третья

Слуга из семьи Чжэнь находит приют в семье Цзя;

*наклеенный на ворота листок бумаги помогает раскрыть
неблаговидные дела в монастыре Шуйюэ*

Итак, Фэн Цзыин ушел. После его ухода Цзя Чжэн вызвал к себе привратника и спросил:

– Не знаешь, по какому случаю Линьяньский бо ^[51] прислал мне приглашение?

– Не по случаю семейного праздника, я узнавал, – отвечал привратник. – Дело в том, что во дворец Наньяньского вана приехала труппа, очень знаменитая. Господину Линьяньскому бо артисты так понравились, что он пригласил их к себе на два дня и теперь созывает друзей посмотреть спектакли и повеселиться. Подарков, судя по всему, делать не надо!

– Ты поедешь? – спросил Цзя Шэ у Цзя Чжэна.

– Нельзя не поехать, раз господин бо благосклонен ко мне и считает своим другом, – произнес Цзя Чжэн.

Тут снова появился привратник и доложил Цзя Чжэну:

– Пришел письмоводитель из ямыня, просит вас завтра непременно прибыть на службу по особо важному делу.

– Хорошо, – отозвался Цзя Чжэн.

Затем явились управляющие, ведавшие сбором арендной платы в поместьях, справились о здоровье Цзя Чжэна и отошли в сторонку.

– Вы из Хаоцзячжуана? – спросил Цзя Чжэн.

Оба поддакнули. Цзя Чжэн поговорил немного с Цзя Шэ, и тот собрался уходить. Тогда Цзя Лянь позвал управляющих и приказал:

– Докладывайте!

– Провиант в счет арендной платы за десятый месяц я давно вам послал, – доложил первый управляющий, – и завтра он был бы здесь. Но почти у самой столицы повозки отобрали и всю поклажу свалили на землю. Я пытался доказать, что повозки принадлежат не какому-нибудь торговцу, а

в них поклажа для вашей семьи, но меня слушать не стали. Тогда я велел возчикам ехать дальше, однако служащие ямыня возчиков поколотили и две повозки отобрали. Я поспешил сообщить о случившемся. Прошу вас, господин, пошлите людей в ямынь, пусть потребуют назад наше добро. И велите наказать грубиянов, которые не уважают ни законы, ни самое Небо! С нами обошлись еще сносно, господин, а вот на торговцев поистине жалко было смотреть. Все их товары свалили прямо на дорогу, повозки угнали, а возчиков, которые осмелились сопротивляться, избили до крови!

– Безобразие! – возмутился Цзя Лянь.

Быстро набросав письмо, он отдал его одному из слуг и приказал:

– Немедленно поезжай в ямынь и потребуй все сполна вернуть. Все, до последней мелочи, а иначе – берегись!.. Позвать сюда Чжоу Жуя!

Чжоу Жуя дома не оказалось, и вместо него хотели позвать Ванъэра. Но и его не нашли – он ушел в полдень и еще не возвращался.

– Мерзавцы, негодяи! – бушевал Цзя Лянь. – Когда нужно, никого не найдешь! Только и знают, что жрать, а от работы отлынивают! Сейчас же сыщите их, хоть из-под земли достаньте! – крикнул он мальчикам-слугам.

Он ушел к себе и лег спать. Но об этом мы рассказывать не будем.

На следующий день Линьяньский бо снова прислал нарочного с приглашением. Цзя Чжэн сказал Цзя Шэ:

– Я занят в ямыне, Цзя Лянь разбирает дело с повозками. Придется поехать вам с Баоюем.

Цзя Шэ согласился.

Цзя Чжэн послал слугу за сыном и, когда тот явился, сказал:

– Нынче поедешь со старшим господином во дворец Линьяньского бо смотреть спектакль.

Обрадованный Баоюй побежал переодеваться и в сопровождении Бэймина, Сяохуна и Чуяо поспешил к Цзя Шэ.

Они сели в коляску и отправились во дворец Линьяньского бо.

Привратник доложил об их прибытии и тотчас вернулся, сказав:

– Господин бо вас просит войти...

У Линьяньского бо собралось множество гостей. После обмена приветствиями Цзя Шэ и Баоюй заняли свои места.

Беседам, шуткам и смеху не было конца, но тут появился хозяин труппы с дощечкой из слоновой кости и программой в руках и обратился к гостям:

– Почтительно прошу вас, господа, обратить ваше высокое внимание на наше представление!

Выбор актов для постановки был в первую очередь предоставлен почетным гостям. Цзя Шэ назвал один акт. Случайно обернувшись, хозяин труппы увидел Баоюя и, никого уже не замечая, подошел к нему, низко поклонился:

– Прошу вас, второй господин, выберите два акта по своему усмотрению!

Баоюй пристально поглядел на актера: белое, словно напудренное, лицо, яркие, будто от киновари, губы. Он казался свежим, точно лотос, только что поднявшийся над водой, и гибким, словно молодое дерево софора, качающееся на ветру.

Это был не кто иной, как Цзян Юйхань.

Баоюй слышал, что Цзян Юйхань с труппой актеров приехал в столицу, но они еще не виделись. Однако пуститься в расспросы сейчас, при людях, было неловко, и юноша лишь спросил:

– Ты когда приехал?

Цзян Юйхань огляделся и тихо ответил:

– Неужели вы не знаете, второй господин?

Баоюй промолчал и поспешил назвать выбранный им акт.

Едва Цзян Юйхань отошел, посыпались вопросы:

– Кто этот человек?

– Прежде он исполнял роли молодых героинь, – ответил кто-то, – а сейчас не хочет, да и возраст у него уже не тот, поэтому он перешел на роли молодых героев, а также содержит труппу. Бросать этого занятия не хочет, хотя на скопленные деньги открыл не то две, не то три лавки.

– Он, конечно, женат?

– Холост! Считает брак жизненно важным делом и потому ищет достойную себе пару, независимо от того, богата девушка или бедна, благородного или низкого происхождения. Так до сих пор и не женился.

«Девушка, которая за него выйдет, – подумал Баоюй, – наверняка не обманется в своих надеждах».

Начался спектакль. Высокие кунышаньские напевы сменялись ровными ияньскими мелодиями^[52], на сцене было шумно и оживленно.

В полдень накрыли столы, и снова начались возлияния. После этого еще немного посмотрели спектакль, и Цзя Шэ собрался домой.

– Время раннее, – стал удерживать его хозяин. – Оставайтесь. Услышите, как Цигуань исполнит свой коронный номер – акт «Обладание красавицей гетерой».

Баоюю очень не хотелось уходить, и он обрадовался, когда Цзя Шэ остался.

Цзян Юйхань в роли Цинь Сяогуаня превзошел самого себя. С неподражаемым мастерством играл возлюбленного гетеры. Особенно трогательна была сцена, когда они вместе пели и пили вино, исполненные любви и жалости друг к другу.

Взор Баоюя был прикован к Цзян Юйханю. Чистый голос и четкая дикция буквально завораживали, и душа Баоюя, подхваченная вихрем музыки и пения, унеслась в неведомые дали.

Акт окончился. Теперь Баоюй был убежден, что ни один актер не может сравниться с Цзян Юйханем по искренности и глубине исполнения. Юноша вспомнил, что в «Трактате о музыке» говорится: «Чувства, возникающие в груди, выражаются в звуках, а звуки, сливаясь в гармонию, образуют мелодию. Чтобы понимать музыку, надо много учиться. Прежде всего следует познать источник звуков и тонов. С помощью стихов чувства можно выразить лишь в словах, но они не проникнут в душу – надо научиться понимать мелодию...»

Мысли Баоюя витали где-то далеко, когда вдруг он заметил, что Цзя Шэ собирается уходить. Пришлось и ему попрощаться.

Когда они возвратились домой, Цзя Шэ отправился прямо к себе, а Баоюй пошел навестить отца.

Цзя Чжэн как раз вернулся из ямыня и расспрашивал Цзя Ляня, как обстоит дело с повозками.

– Я посылал человека с письмом к начальнику уезда, – рассказывал Цзя Лянь, – но того дома не оказалось. Служитель ямыня сказал нашему слуге: «Моему господину об этом деле ничего не известно, приказа отбирать повозки он не отдавал. Все это дело рук негодяев и вымогателей. Я распоряжусь, чтобы все немедленно разыскали и завтра же доставили вам. О малейшей пропаже можете доложить начальнику уезда, и пусть он назначит мне наказание. Сейчас начальника нет дома, но прошу вас, если можно, устройте так, чтобы он ничего не знал: это лучше».

– Кто же осмелился творить подобные беззакония? – возмутился Цзя Чжэн.

– Скорее всего, это чиновники, которые служат за пределами столицы, – заметил Цзя Лянь, – но я уверен, завтра нам все доставят.

Цзя Чжэн после ухода Цзя Ляня задал сыну несколько вопросов и велел навестить бабушку.

Поскольку накануне вечером Цзя Лянь не мог дозваться никого из слуг, он приказал им явиться сейчас, отругал хорошенько и приказал старшему управляющему.

– Тщательно проверь по списку, все ли слуги на месте, и объяви, что

тех, кто будет самовольно уходить и не являться по первому зову, выпорют и выгонят.

– Слушаюсь, слушаюсь, – почтительно ответил управляющий и поспешил выполнить приказ.

Однажды у ворот дворца Жунго появился человек в синем халате, войлочной шляпе и рваных сандалиях и поздоровался со слугами. Слуги смерили его взглядом и спросили:

– Ты откуда?

– Я слуга из семьи Чжэнь, – ответил человек. – Принес письмо для господина Цзя Чжэна.

Услышав, что человек из семьи Чжэнь, слуги предложили ему сесть.

– Подождите, мы доложим господину!

Один из привратников поспешил к Цзя Чжэну и вручил письмо. Вот что там было написано:

«Мысль опять влечет к старой дружбе^[53],
Чувства верности глубоки.
Я вдали, но как будто вижу
Полог Вашего паланкина
И не смею к Вам подойти,
Потому что я бесталанен,
Провинился пред Государем,
И смертей – пусть их десять тысяч —
Мало, чтоб вину искупить!
Все ж ко мне отнеслись гуманно, —
Жив, опальный, хоть в захолустье...
Ныне дом у меня в упадке,
Кто куда разбежались люди, —
Разлетелись, как звезды в небе...
Лишь один остался мне верным —
Бескорыстный раб Бао Юн.
Он давно мне исправно служит,
Не скажу, чтобы был сноровист,
Но зато и правдив и честен... Если б
Вы его приютили,
Заработать на пищу дали, —
Оправдалась бы поговорка:
«Любишь дом – и ворона на доме

Не останется без вниманья»^[54].
Безгранично Вас уважая,
Посылаю письмо с почтеньем,
После новым его дополню,
А пока на этом кончаю...

Засим низко кланяюсь, ваш младший брат Чжэнь Инцзя».

Прочитав письмо, Цзя Чжэн усмехнулся.

– У нас и так избыток людей, а тут еще одного прислали. И отказать неудобно. – Он приказал привратнику: – Позови этого человека ко мне! Придется найти для него какое-нибудь дело.

Привратник вышел и вскоре привел Бао Юна.

– Мой господин шлет вам привет, – сказал слуга. – И я, Бао Юн, тоже вам кланяюсь. – И он трижды стукнулся лбом об пол.

Цзя Чжэн справился о самочувствии Чжэнь Инцзя и внимательно посмотрел на Бао Юна.

Это был малый ростом более пяти чи, широкоплечий, с густыми бровями, большими глазами навывкате, широким лбом и длинными усами. Вид у него был суровый и мрачный.

– Ты давно служишь в семье Чжэней или только последние годы? – спросил Цзя Чжэн.

– Всю жизнь, – ответил Бао Юн.

– А сейчас почему ушел?

– Я не по своей воле ушел, господин меня упросил. Сказал, что у вас я буду все равно что у него в доме, – объяснил Бао Юн. – Потому я к вам и пришел.

– Твоему господину не следовало заниматься делами, которые до добра не доводят, – укоризненно произнес Цзя Чжэн.

– Не мне судить господина, – ответил Бао Юн. – Одно могу сказать, пострадал он из-за своей чрезмерной порядочности и доброты.

– Это хорошо, что он порядочный, – заметил Цзя Чжэн.

– Но из-за честности его и невзлюбили, – ответил Бао Юн, – и при первой же возможности ввергли в беду.

– В таком случае Небо не отвернется от него! – произнес Цзя Чжэн, – я уверен!

Бао Юн хотел еще что-то сказать, но Цзя Чжэн его снова спросил:

– Это правда, что молодого господина в вашей семье тоже зовут Баоюй?

– Правда!

– Как он? Усерден? Стремится служить? – поинтересовался Цзя Чжэн.

– С нашим молодым господином произошла странная история, – принялся рассказывать Бао Юн. – Характером он в отца. С скромный, честный, но с самого детства любил играть только с сестрами. Сколько его за это ни били, как ни наказывали – ничего не помогало. В тот год, когда наша госпожа ездила в столицу, он заболел и едва не умер. Отец чуть с ума не сошел от горя и, потеряв всякую надежду, стал все готовить к похоронам. Но, к счастью, молодой господин неожиданно выздоровел. Он рассказал, будто ему привиделось во сне, что он проходит под какой-то аркой, там его встречает девушка и ведет в зал, где стоят шкафы с книгами. Потом вдруг он очутился в комнате со множеством девушек; одни на его глазах превращались в бесов, другие становились скелетами. Он перепугался, стал плакать, кричать. Тогда-то отец и понял, что мальчик приходит в себя. Позвали докторов, стали его лечить, и он постепенно поправился. После этого отец разрешил ему играть с сестрами. Но мальчик совершенно изменился: отказался от всяких игр, стал усердно заниматься и не поддавался дурному влиянию. Мало-помалу он приобрел знания и сейчас помогает отцу в хозяйственных делах.

– Ладно, иди, – после некоторого раздумья произнес Цзя Чжэн. – Как только представится возможность, я дам тебе какое-нибудь дело.

Бао Юн почтительно поклонился и вышел. И больше мы о нем пока рассказывать не будем.

Однажды, встав рано утром, Цзя Чжэн собрался в ямынь, как вдруг услышал, что люди у ворот говорят так громко, словно хотят, чтобы он их услышал. Решив, что произошло нечто такое, о чем им неловко докладывать, Цзя Чжэн подозвал привратника и спросил:

– О чем это вы там болтаете?

– Не смею вам рассказать, – промолвил привратник.

– Почему? Что случилось?

– Открываю я утром ворота, а на них листок с непристойными надписями, – ответил привратник.

– Глупости! – не вытерпел Цзя Чжэн. – Что же там написано?

– Всякие грязные выдумки о монастыре Шуйюэ, – ответил привратник.

– Ну-ка, дай взглянуть, – распорядился Цзя Чжэн.

– Я не смог сорвать листок, очень крепко приклеен, – развел руками привратник. – Велел соскоблить, но прежде переписать все, что там

написано. А только что Ли Дэ сорвал такой же листок с других ворот и принес мне. Это чистая правда! Поверьте!

Он протянул Цзя Чжэну листок и тот прочитал:

«Ракушка» и «запад», «травы» и «топор»... [\[55\]](#)

Весьма еще юн по годам,
К монахиням в роли зрителя он
Недаром повадился в храм!
Куда как неплохо бывать одному
Среди монастырских подруг:
Там песни, азартные игры, разврат, —
Поистине сладкий досуг!
Скажите: когда непочтительный сын
Свершает такие дела,
Что скажет об имени добром Жунго,
Раскрыв эту тайну, молва?

Цзя Чжэн задохнулся от возмущения, голова закружилась, в глазах потемнело. Он приказал никому не рассказывать о случившемся, велел тщательно осмотреть все стены дворцов Нинго и Жунго, после чего вызвал Цзя Ляня и спросил:

— Ты проверял, как присматривают за буддийскими и даосскими монахинями, которые живут в монастыре Шуйюэ?

— Нет, — ничего не подозревая ответил Цзя Лянь, — этим занимается Цзя Цинь.

— А под силу ему такое дело? — крикнул Цзя Чжэн.

— Не знаю, — робея, произнес Цзя Лянь, — но, видимо, он что-то натворил!

— Вот, полюбуйся! — вскричал Цзя Чжэн, протягивая Цзя Ляню листок.

— Ну и дела! — воскликнул тот, пробежав глазами написанное.

Вошел Цзя Жун и протянул Цзя Чжэну конверт, на котором значилось: «Второму господину из старших, совершенно секретно».

В конверте оказался листок, точно такой, какой был на воротах.

— Пусть Лай Да возьмет несколько колясок и немедленно привезет сюда всех монашек из монастыря Шуйюэ! — гневно произнес Цзя Чжэн. — Только монашкам ни слова! Скажите, что их вызывают ко двору.

Лай Да ушел выполнять приказание.

Надо сказать, что одно время молодые монашки находились под

неусыпным надзором старой настоятельницы и с утра до вечера читали молитвы и сутры. Но после того как Юаньчунь навестила своих родных, за монашками перестали следить, и они разленились. К тому же повзрослели и уже не были такими наивными. Что же до Цзя Циня, то он прослыл легкомысленным и большим любителем женщин. Он попытался было соблазнить Фангуань, но это ему не удалось, и он устремил свои помыслы к другим монашкам: буддийской Циньсян и даосской Хаосянь. Они были необыкновенно хороши, Цзя Цинь все время вертелся возле них, а в свободное время даже учил музыке и пению.

И вот в середине десятого месяца, получив деньги на содержание монашек, Цзя Цинь решил повеселиться и, приехав в монастырь, нарочно тянул с раздачей денег, а затем сказал:

– Из-за ваших денег я задержался и в город уже не успею. Придется заночевать здесь. Сейчас холодно, и хорошо бы немного согреться. Я привез фруктов и вина, не повеселиться ли нам?

Послушницы обрадовались, накрыли столы, даже пригласили настоятельницу. Одна Фангуань не пришла.

Осушив несколько кубков, Цзя Цинь выразил желание поиграть в застольный приказ.

– Мы не умеем! – закричала Циньсян. – Давайте лучше в угадывание пальцев! Кто проиграет, тому пить штрафной кубок! Это куда интересней!

– Сейчас еще рано, едва миновал полдень, поэтому пить и шуметь непристойно, – заметила настоятельница. – Давайте выпьем еще немного и разойдемся. А вечером будем пить сколько вздумается. Кто хочет составить нам компанию, пусть приходит!

Неожиданно прибежала запыхавшаяся монашка:

– Скорее расходитесь! Приехал господин Лай Да!

Монашки быстро убрали столы и велели Цзя Циню спрятаться.

– Чего испугались, я же вам деньги привез! – крикнул Цзя Цинь, уже успев хватить лишнего. И тут на пороге появился Лай Да. Он сразу смекнул, в чем дело, но волю гневу не дал, памятуя наказ Цзя Чжэна все сохранить в тайне.

– Как, и господин Цзя Цинь здесь? – спросил он, как ни в чем не бывало.

– Что вам угодно, господин Лай Да? – спросил тот, выйдя навстречу управляющему.

– Очень хорошо, что вы здесь, – невозмутимо ответил Лай Да. – Велите монашкам побыстрее собраться и ехать в город – таков указ государыни.

Цзя Цинь приступил было к Лай Да с расспросами, но тот лишь сказал:

– Некогда! Время позднее, надо спешить!

Монахини сели в коляски. Лай Да поехал верхом впереди. Но об этом рассказывать мы не будем.

Узнав о случившемся, Цзя Чжэн был вне себя от гнева. Он даже не поехал в ямынь, а сидел у себя в кабинете и беспрестанно вздыхал. Цзя Лянь стоял у дверей, не осмеливаясь ни войти, ни удалиться.

Неожиданно вошел привратник и доложил:

– Нынешней ночью в ямыне должен был дежурить господин Чжан, но он заболел, и прислали за нашим господином.

Цзя Чжэн еще больше расстроился. Он с нетерпением ждал Цзя Циня, за которым послал Лай Да, а теперь ему придется дежурить в ямыне.

– Лай Да уехал сразу же после завтрака, – сказал Цзя Лянь. – Монастырь Шуйюэ в двадцати ли от города, в оба конца, как бы он ни спешил, потребуется не меньше четырех часов. Поезжайте спокойно в ямынь, господин. Я велю взять монашек под стражу, а завтра вы на сей счет сделаете необходимые распоряжения. Цзя Циню пока ничего объяснять не надо.

Цзя Чжэн поехал в ямынь, а Цзя Лянь пошел к себе. Он досадовал на Фэнцзе, которая в свое время порекомендовала Цзя Циня на должность смотрителя монастыря, но Фэнцзе болела, и Цзя Лянь не мог выместить на ней скопившийся гнев.

Между тем слух о листках, расклеенных на воротах, распространился среди слуг, дошел он и до Пиньэр, а та не замедлила сообщить новость Фэнцзе.

Фэнцзе всю ночь маялась от боли и чувствовала себя совершенно разбитой; кроме того, не давал ей покоя случай с Мяоюй в кумирне Железного порога.

Когда же она услышала о листках на воротах, невольно вздрогнула и спросила:

– А что там было написано?

– Ничего особенного! – ответила Пиньэр. – Что-то о монастыре Пампушек.

Фэнцзе и без того испытывала тревогу, а услышав, что дело касается монастыря Пампушек, пришла в смятение. Кровь бросилась ей в голову, она закашлялась и откинулась на подушку.

– Госпожа, стоит ли так тревожиться? Речь идет о монастыре Шуйюэ!

Я просто оговорилась.

У Фэнцзе отлегло от сердца, и она вскричала:

– Ну и дура же ты! Объясни толком, о каком монастыре речь? Пампушек или Шуйюэ?

– Сначала мне послышалось, будто говорили о монастыре Пампушек, – отвечала Пиньэр, – но потом оказалось, что о монастыре Шуйюэ. А оговорилась я по рассеянности.

– Ну конечно же о монастыре Шуйюэ! – согласилась Фэнцзе. – К монастырю Пампушек я не имею никакого отношения. А в монастырь Шуйюэ назначила смотрителем Цзя Циня. Верно, он присвоил себе часть денег, предназначенных монашкам.

– Речь идет не о деньгах, – возразила Пиньэр, – а о грязных делишках.

– Тут уж я совсем ни при чем, – оборвала ее Фэнцзе. – Куда ушел мой муж?

– Он у господина Цзя Чжэна. Господин Цзя Чжэн очень рассержен, и господин Цзя Лянь не осмеливается уйти домой, – отвечала Пиньэр. – А я велела не поднимать шума, как только услышала, что дело приняло Дурной оборот. Не знаю, известно ли о случившемся госпожам. Господин Цзя Чжэн, говорят, велел доставить к нему монашек. Я послала служанок разузнать, в чем дело. А вы, госпожа, больны, и нечего расстраиваться по пустякам.

Вернулся наконец Цзя Лянь. Лицо его так и пылало гневом, и Фэнцзе не решилась обратиться к нему с расспросами, сделав вид, будто ей ничего не известно.

Не успел Цзя Лянь поест, как за ним прибежал Ваньэр.

– Вас зовут, второй господин, – сообщил он. – Возвратился Лай Да.

– А Цзя Цинь тоже приехал? – осведомился Цзя Лянь.

– Приехал.

– Передай Лай Да, что господин Цзя Чжэн на дежурстве в ямыне, – распорядился Цзя Лянь. – Монашек пусть разместят в саду, а завтра господин повезет их ко двору. Цзя Циню скажи, чтобы ожидал меня во внутреннем кабинете.

Идя в кабинет, Цзя Цинь заметил, что слуги о чем-то возбужденно переговариваются. Ничто не говорило о том, что монашек собираются везти ко двору. Цзя Цинь попытался разузнать, зачем его вызвали, но в ответ не услышал ничего определенного.

Цзя Цинь терялся в догадках, когда из кабинета вышел Цзя Лянь. Цзя Цинь справился о его здоровье и спросил:

– Не скажете ли, зачем государыня требует монашек во дворец? Мы

так торопились! Хорошо, что я как раз нынче возил в монастырь деньги и не успел вернуться, так что мы приехали вместе с Лай Да. Вам, наверное, что-либо известно, дядюшка?

– Мне? – оборвал его Цзя Лянь. – Полагаю, тебе известно больше, чем мне!

Цзя Цинь ничего не понял, но продолжать расспросы не решился.

– Нечего сказать! Хорошенькими делами ты занимаешься! – промолвил Цзя Лянь. – Господин Цзя Чжэн вне себя от гнева!

– Я ничего плохого не сделал, – возразил изумленный Цзя Цинь. – Деньги в монастырь отвожу каждый месяц, монашки исправно читают молитвы.

Поняв, что Цзя Цинь ничего не подозревает, и памятуя их дружбу в детстве, Цзя Лянь покачал головой и сказал:

– Дурень ты! Бить тебя надо! Вот, погляди!

Он вытащил из-за голенища сорванный с ворот листок и сунул Цзя Циню. Тот прочел и позеленел от страха.

– Кто это мог сделать? – вскричал он. – Кто хочет меня погубить? Ведь я никогда никому не причинил зла! В монастырь ездил, чтобы отвезти деньги, раз в месяц, и подобными делами не занимался! Если господин Цзя Чжэн станет меня допрашивать и велит высечь, я умру от обиды! А моя мать! Ведь она убьет меня!

Он бросился на колени перед Цзя Лянем.

– Дорогой дядюшка! Спасите меня! – молил он, колотясь лбом об пол, и слезы катились из его глаз.

«В подобных делах Цзя Чжэн особенно строг, и если узнает, что написанное на листке – правда, не миновать беды, – подумал Цзя Лянь. – А если эта история получит огласку?! Те, кто ее затеял, осмелеют, и неприятностей тогда не оберешься. Пока господин на дежурстве, надо посоветоваться с Лай Да, как быть. Если дело удастся замять, все кончится благополучно. Ведь свидетелей никаких нет».

Приняв наконец решение, Цзя Лянь сказал:

– Нечего меня морочить! Думаешь, я не знаю о твоих проделках?! Наберись решимости, и если тебя будут допрашивать, даже бить, стисни зубы и тверди, что ничего подобного не было! А теперь вставай, бесовская тварь! Нечего ползать на коленях!

Цзя Лянь приказал слугам позвать Лай Да и стал советоваться, что предпринять.

– Господин Цзя Цинь устроил такое, что не знаю, как и рассказать, – промолвил Лай Да. – Приезжаю в монастырь, смотрю, они все там

перепились. Все, что написано на бумажке, сущая правда!

– Слышал?! – крикнул Цзя Лянь, обращаясь к Цзя Циню. – Или скажешь, что Лай Да тоже на тебя клеветает?

Цзя Цинь промолчал, лишь густо покраснел.

Тогда Цзя Лянь тронул Лай Да за руку и промолвил:

– Ладно, не губи его! Скажи, что Цзя Циня в монастыре не было. А сейчас уведи его и считай, что мы с тобой не виделись. Господина умоли не допрашивать монашек. Лучше продадим их, и делу конец. А потом купим других, если государыне вдруг понадобятся.

Лай Да решил, что поднимать шум не стоит, ибо это не принесет господам ничего, кроме худой славы, и согласился.

– Иди вместе с господином Лай Да, – приказал Цзя Лянь, обращаясь к Цзя Циню, – и делай все так, как он прикажет.

Цзя Цинь еще раз низко поклонился и вышел следом за Лай Да. А когда они с Лай Да отошли, еще раз отвесил ему поклон, до самой земли.

– Уж очень непристойно вы ведете себя, молодой господин, – попенял ему Лай Да. – Не знаю, кого вы обидели, кто мог написать этот листок? вспомните, с кем вы не в ладах!

Цзя Цинь стал думать, но никого не мог заподозрить и понуро поплелся за Лай Да.

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава девяносто четвертая

Матушка Цзя устраивает угощение и любит цветы;

Цзя Баоюй теряет драгоценную яшму, и это предвещает несчастье

Итак, Лай Да увел Цзя Циня, и за ночь ничего примечательного не произошло – все ждали возвращения Цзя Чжэна.

Монашки были вне себя от радости, что снова попали в сад Роскошных зрелищ, и надеялись вдоволь там нагуляться, прежде чем их увезут во дворец.

Но по непонятной для них причине Лай Да приказал старым служанкам их накормить и никуда не отпускать. Ничего не подозревая, девушки ждали утра. Служанкам было известно, что монашек собираются везти во дворец, но зачем, никто точно не знал.

Цзя Чжэн задержался в ямыне, из двух провинций прислали отчеты о расходах на ремонт городских стен, и их необходимо было проверить. Поэтому Цзя Чжэн передал с нарочным, чтобы Цзя Лянь его не ждал, сам допросил монашек и принял необходимые меры.

Цзя Лянь обрадовался прежде всего за Цзя Циня и подумал:

«Делать все самому опасно, господин может заподозрить неладное. Надо посоветоваться с госпожой Ван, и тогда мое дело – сторона».

Цзя Лянь отправился к госпоже Ван и стал ей все по порядку рассказывать:

– Вчера второму старшему господину Цзя Чжэну показали листок, который был наклеен на воротах, и господин разгневался. Он велел доставить к нему Цзя Циня, а также монашек, чтобы с пристрастием допросить. Но времени у господина на всякие непристойные дела не хватает, поэтому он велел доложить вам и посоветоваться, как быть. Вот я и пришел попросить у вас указаний, госпожа!

Госпожа Ван возмутилась.

– Ну, что же это такое?! – вскричала она. – Цзя Циня нельзя считать членом нашего рода, если он ведет себя столь недостойно! Но и наклеивший этот листок отъявленный негодяй. Разве можно разглашать подобные вещи! А Цзя Циня ты допросил? Он и в самом деле виноват?

– Допросить-то допросил, – отвечал Цзя Лянь. – Но подумайте сами, госпожа, разве он признается?! И все же я уверен, что ничего подобного он не посмеет сделать. Ведь он знает, что в любой момент государыня может потребовать послушниц к себе, разразится скандал, и тогда ему несдобровать! Выяснить правду не представляет труда, но что вы станете делать, если все подтвердится?

– Где монашки? – спросила госпожа Ван.

– В саду, под присмотром, – ответил Цзя Лянь.

– Барышни знают?

– Знают, что монашек хотят везти ко двору.

– Вот и хорошо, – промолвила госпожа Ван. – Этих распутниц ни на минуту нельзя оставлять без присмотра. Я давно говорила, что от них надо избавиться, но меня не слушали! И вот что из этого получилось! Вели Лай Да расспросить девушек, есть ли у них семьи, и тщательно проверить все бумаги. Пусть потратят несколько лянов серебра, наймут лодку, а надежный человек отвезет их к родителям. Не лишать же всех монашеского сана из-за нескольких дрянных девчонок! Это – тяжкий грех. А передать их казенным свахам без выкупа, так те постараются на них заработать и продадут первому встречному. Цзя Циню нужно сделать выговор и строго-настрога запретить являться сюда, кроме как на большие праздники, молитвы и жертвоприношения. Пусть будет впредь осторожней и не попадается господину Цзя Чжэну под горячую руку, не то не сносить ему головы. В кладовые передай, чтобы не выдавали больше денег на монашек, а в монастырь Шуйюэ пошли человека, пусть объявит волю господина Цзя Чжэна: господ пускать в монастырь только для сожжения жертвенных денег на могилах предков, а так никого не принимать. А снова пойдут сплетни – выгоним и старых монахинь!

Цзя Лянь слушал и поддакивал, а потом все приказания госпожи Ван передал Лай Да.

– Так решила госпожа, – сказал он, – и ты должен исполнить все в точности! О выполнении доложишь мне, а я – госпоже! Когда вернется господин Цзя Чжэн, доложишь ему, как велела госпожа.

– Госпожа наша поистине святая! – воскликнул Лай Да. – Она еще заботится об этих тварях, хочет дать им провожатого! Придется выбрать человека понадежнее, раз она так великодушна! Волю госпожи господину Цзя Циню объявите вы! А вот кто писал листок, выясню я, и он получит по заслугам!

– Согласен! – кивнул Цзя Лянь.

Он не мешкая сделал выговор Цзя Циню, а Лай Да поторопился увезти

монашек и поступил так, как было приказано.

Вечером со службы возвратился Цзя Чжэн, и Цзя Лянь с Лай Да доложили ему о том, как решено дело.

Цзя Чжэн обычно старался избегать лишних хлопот и, выслушав их, только рукой махнул.

Но на свете немало бесстыжих людей. Узнав, что из дома Цзя увезли монашек, они стали распускать всякие сплетни. Неизвестно, вернулись ли девочки домой, о дальнейшей их судьбе никто ничего не знал.

Дайюй постепенно поправилась, и у Цзыцзюань убавилось хлопот. Прослышав, что монашек требуют ко двору, она, ничего не подозревая, пошла в дом матушки Цзя разузнать, в чем дело. Здесь она встретила Юаньян и принялась с ней болтать. Когда речь зашла о монашках, Юаньян удивленно воскликнула:

– Впервые об этом слышу! Придется спросить у второй госпожи Фэнцзе!

Пока они вели разговор, пришли две женщины из семьи Фу Ши справиться о здоровье матушки Цзя. Но та спала, и женщины, поговорив немного с Юаньян, ушли.

– Зачем они приходили, – поинтересовалась Цзыцзюань. – Кто их прислал?

– Надоели они нам! Все лезут со сватовством! – ответила Юаньян. – У них в доме есть девушка, так они носятся с ней, как с сокровищем, на все лады расхваливают старой госпоже: и красива она, и добра, и скромна, и обходительна, к тому же искусная рукодельница, знает грамоту, почтительна к старшим и со слугами хорошо ладит... Каждый раз одно и то же, слушать тошно! Сводницы паршивые! А старая госпожа охотно их слушает, да и Баоюя словно подменили: ведь он терпеть не может старух, а к этим относится терпимо – ну разве это не странно?! Скажи! Еще эти старухи рассказывали, будто у их барышни отбоя от женихов нет, но их господин всем отказывает, хочет дочь выдать в семью, подобную нашей. Своей болтовней они старую госпожу сбили с толку.

Цзыцзюань задумалась, а потом с деланным равнодушием спросила:

– Почему же старая госпожа не хочет сосватать эту барышню Баоюю, раз она ей нравится?

Юаньян хотела ответить, но тут из внутренних комнат послышался голос:

– Старая госпожа проснулась.

Юаньян поспешила к матушке Цзя, а Цзыцзюань пошла в сад,

размышляя дорогой: «Неужто в Поднебесной никого нет, кроме Баоюя?! И одна о нем мечтает, и другая, да и моя барышня с ума сходит! Вся душа ее в Баоюе. И болеет она из-за него. И так нельзя понять, кого сватают за него, а тут еще какая-то барышня Фу объявилась! Ну не напасть ли? Сердце Баоюя, я думаю, принадлежит моей барышне! А послушать Юаньян – так он любую готов полюбить. Если это правда, стоит ли нашей барышне думать о нем!»

Постепенно мысли Цзыцзюань перешли на ее собственную судьбу, и она загрустила. Ведь неизвестно, что ее ждет. Уговаривать барышню забыть Баоюя – она, чего доброго, рассердится; а смотреть на ее мученья невыносимо тяжело.

От всех этих дум Цзыцзюань не на шутку разволновалась и стала себя ругать: «О себе надо беспокоиться, а не о других. Если барышня Линь Дайюй и выйдет за Баоюя, характер у нее все равно не изменится, и мне легче не станет. Сам Баоюй как будто бы добрый, но у него, как говорится, глаза завидующие, а руки загребущие, он и меня не оставит в покое. Других утешаю, а сама не знаю покоя. Отныне буду заботиться только о барышне, остальное меня не касается!»

При этой мысли на душе у девушки полегчало.

Возвратившись в павильон Реки Сяоян, она увидела, что Дайюй сидит за своими стихами и что-то там исправляет.

При появлении Цзыцзюань девушка подняла голову и спросила:

– Ты где была?

– Навещала подруг, – ответила Цзыцзюань.

– К сестре Сижэнь не заходила?

– А что мне там делать?

«Зачем я ее об этом спросила?» – подумала Дайюй, раскаиваясь в своей неосторожности, и, поборов смущение, проговорила:

– Да и мне, собственно, что за дело до этого! Налей лучше чаю!

Цзыцзюань усмехнулась и пошла наливать чай. В этот момент в саду послышался шум. Цзыцзюань послала служанку выяснить, что случилось.

Через некоторое время служанка вернулась и сказала:

– Не так давно во дворе Наслаждения пурпуром засохло несколько яблонек, никто их не поливал. Но вчера на ветках появились бутоны. Так сказал Баоюй. Никто, разумеется, ему не поверил, а сегодня яблоньки расцвели, и все хотят посмотреть на такое чудо. Даже старая госпожа и госпожа Ван. Поэтому старшая госпожа Ли Вань велела служанкам подмести сад.

Услышав, что старая госпожа собирается в сад, Дайюй быстро

переоделась и велела Сюэянь:

– Как только старая госпожа появится, немедленно скажи мне!

Сюэянь вышла, но через мгновение снова вбежала:

– Старая госпожа и госпожа Ван уже в саду, идите скорее, барышня!

Дайюй погляделась в зеркало, поправила волосы и вместе с Цзыцзюань поспешила во двор Наслаждения пурпуром. Матушка Цзя сидела на кровати, где обычно спал Баоюй.

– Как вы себя чувствуете, бабушка? – подойдя к матушке Цзя, осведомилась Дайюй.

Затем она справилась о здоровье госпожи Син и Ван, поздоровалась с остальными. Народу было немного.

Фэнцзе болела.

Ши Сяньюнь уехала домой – ее дядю недавно перевели на службу в столицу. Баоцинъ и Баочай тоже остались дома, сестер Ли Вэнь и Ли Ци тетка увезла к себе из-за множества неприятностей, случившихся в саду за последнее время.

Все пошутили, посмеялись, а затем стали рассуждать, почему вдруг расцвели яблоньки.

– Яблонька цветет в третьем месяце, – говорила матушка Цзя. – А сейчас одиннадцатый, даже десятый, поскольку в нынешнем году сезон задержался; но погода теплая, почти весенняя, вот цветы и распустились. Это бывает.

– Старая госпожа права, она жизнь прожила и все знает, – подтвердила госпожа Ван.

– Но ведь яблоньки засохли почти год назад, – заметила госпожа Син. – Почему же они расцвели, да еще не вовремя? Здесь что-то кроется!..

– Бабушка и госпожа верно говорят, – заметила Ли Вань. – Я хоть и глупа, а думаю, что эти цветы предвещают брату Баоюю великое счастье.

Таньчунъ не промолвила ни слова, а про себя подумала: «Нет, это не счастливое предзнаменование! Ведь „процветает тот, кто повинуется воле Неба, гибнет тот, кто восстает против нее“. Травы и деревья следуют этому закону, и если какое-нибудь растение расцветает в неурочное время, это дурной знак».

Зато Дайюй, услышав о счастливом предзнаменовании, затрепетала от радости и промолвила:

– Я тоже знаю подобный случай. В одной семье во дворе рос терновник, и когда три брата рассорились и разделили имущество, он засох. Потом братья раскаялись, вновь стали жить вместе, и дерево опять расцвело. Судьбы трав и цветов связаны с судьбами людей, это ясно.

Баоюй, например, стал сейчас усердно учиться, и его отец этому рад. Вот деревца и расцвели.

– Какая умница! – обрадовались матушка Цзя и госпожа Ван. – Такой замечательный пример привела.

В это время полюбоваться цветущей яблонькой пришли Цзя Шэ, Цзя Чжэн, Цзя Хуань и Цзя Лань.

– Эти деревца нужно срубить, – решительно заявил Цзя Шэ. – Здесь не обошлось без нечистой силы!

– Если на сверхъестественное смотреть как на естественное, оно теряет свою сверхъестественность, – возразил Цзя Чжэн. – Пусть деревца цветут, незачем их рубить!

– Что за глупости? – недовольным тоном произнесла матушка Цзя. – Какая может быть нечистая сила, если цветы сулят человеку радость? Если это доброе предзнаменование и оно сбудется, будем радоваться все вместе; если же предзнаменование дурное, в ответе буду я одна!

Цзя Чжэн не осмелился больше произнести ни слова и, несколько смущенный, вышел вместе с Цзя Шэ.

Матушка Цзя пришла в прекрасное расположение духа и велела передать на кухню, чтобы готовили вино и закуски. Она хотела любоваться цветами.

– Баоюй, Хуаньэр, Ланьэр! – приказала она. – Пусть каждый из вас сочинит по стихотворению в честь такого радостного события! Дайюй только что поправилась, и ее утруждать не нужно. Но если она пожелает, пусть прочтет и исправит стихотворения!

Затем матушка Цзя обратилась к сидевшей напротив нее Ли Вань:

– А ты и все остальные будут пить со мной вино!

– Слушаюсь, – ответила Ли Вань и прошептала Таньчунь: – Это ты все затеяла!

– Почему я? – удивилась Таньчунь. – Ведь нас не заставили сочинять стихи!

– Не ты ли придумала поэтическое общество?! – напомнила Ли Вань. – Вот и приходится теперь воспевать яблоньки!

Все рассмеялись.

Вскоре накрыли столы, и все принялись за вино. В угоду матушке Цзя девушки говорили только о веселом.

Баоюй подошел к бабушке налить ей вина и, пока шел, сочинил такие стихи:

Да разве может так случиться,

Чтобы упала вдруг айва?
О нет! Вокруг нее спокойно
Цветут цветы. Им счета нет.
У бабушки почтенный возраст,
Но вечно в ней весна жива:
Когда к Ковшу подходит солнце,
Ее, как сливу, ждет расцвет!^[56]

Затем сочинил стихотворение Цзя Хуань:

Травы, деревья, как водится, зазеленели,
Ибо почуяли: снова настала весна.
Если ж случилось: айва до сих пор не раскрылась, —
Значит, ошиблась во времени года она.
В мире людском очень много чудесных явлений,
Но изо всех одному поражаемся мы:
Чудный цветок распускается в нашем семействе,
И не весной и не летом, а в холод зимы.

Цзя Лань, в знак особого почтения, написал стихотворение уставным почерком и преподнес матушке Цзя. Она велела прочесть стихотворение вслух. И Ли Вань стала читать:

Ничего, что бледнеют цветы до весны,
Застывая за дымкой тумана:
Ведь они после зимнего снега цветут
И при ином белом – румяны.
И не надо считать, что у этих цветов
Жажды жизни и радости мало, —
Постоянно к расцвету стремятся они,
Дополняя отраду бокала!

Стихотворение старой госпоже понравилось, и она промолвила:
— Я не очень разбираюсь в стихах, но, по-моему, Цзя Лань сочинил хорошо, а Цзя Хуань – плохо... Ну, теперь давайте есть!
Баоюй был очень доволен, что у матушки Цзя хорошее настроение, и

подумал: «Яблоньки засохли в тот год, когда умерла Цинвэнь, а ныне снова расцвели. Для всех нас это счастливое предзнаменование, и только Цинвэнь не может ожить подобно цветам!»

Радость его сменилась скорбью, но тут он вспомнил, что Фэнцзе обещала ему в служанки Уэр, и в голове мелькнуло: «А может быть, цветы распустились по случаю прихода этой девочки?..»

К нему вернулось хорошее настроение, и он снова принялся шутить и смеяться.

Пробыв в саду довольно долго, матушка Цзя собралась, наконец, домой, а за ней последовали и все остальные.

Навстречу им попала Пиньэр, она, смеясь, проговорила:

– Моя госпожа не смогла прийти и послала меня прислуживать старой госпоже. Она велела передать Баоюю два куска красного шелка, чтобы украсить яблоньки. Пусть это будет поздравлением с радостным событием.

Сижэнь взяла шелк и поднесла матушке Цзя.

– Как хорошо придумала Фэнцзе! – воскликнула старая госпожа. – Поздравление поистине необычное!

– Вернешься домой – поблагодари от имени Баоюя свою госпожу, – сказала Сижэнь, обращаясь к Пиньэр. – Если ее пожелание осуществится, мы все будем рады!

– Ай-я! – вдруг воскликнула матушка Цзя. – Подумайте только – Фэнцзе больна, но обо всем помнит, обо всем беспокоится! Ее подарок как нельзя кстати!

Когда матушка Цзя удалилась, Пиньэр сказала Сижэнь:

– Моя госпожа уверена, что цветы распустились не к добру! Но чтобы в доме не тревожились, она просит тебя украсить яблоньки красным шелком, пусть все думают, что грядет радостное событие, и тогда всякие толки и пересуды прекратятся.

Сижэнь проводила Пиньэр, и мы пока их оставим.

А сейчас вернемся к Баоюю. В это утро, одетый в меховую куртку, он сидел дома, но то и дело выбегал полюбоваться распустившимися цветами и не переставал радоваться, забыв обо всех горестях и печалях. Узнав, что в сад идет матушка Цзя, он надел курму и побежал ей навстречу. А о своей яшме забыл.

– Где яшма? – спросила Сижэнь, когда Баоюй вернулся домой и стал переодеваться.

– Я не надевал ее. Положил на столик, тот, что стоит на кане.

Сижэнь поглядела, но яшмы на столике не было. Она стала искать – не

нашла. От страха Сижэнь вся покрылась холодным потом.

– Не волнуйся, куда она денется, – стал успокаивать ее Баоюй. – Расспроси служанок!

Сижэнь подумала было, что яшму кто-то спрятал из озорства, и напустилась на Шэюэ:

– Вот дрянь! Шути, да знай меру! Куда ты спрятала яшму? Если потеряешь, не жить нам на белом свете!

– Что ты! – став сразу серьезной, воскликнула Шэюэ. – Разве можно с этим шутить?! С ума ты, что ли, сошла. Может, сама ее спрятала?

Сижэнь поняла, что Шэюэ говорит правду, и сказала:

– О всемогущий Будда! Господин мой, ну куда ты ее сунул?!

– Помню, что положил на столик, – ответил Баоюй. – Поищите хорошенько!

Сижэнь и Шэюэ снова бросились искать, но рассказывать о пропаже никому не решались. Перевернули все сундуки и корзины, а после решили, что яшму унес кто-то из посторонних.

– Но ведь все знают, что в этой яшме жизнь Баоюя?! – говорила Сижэнь. – Кто же осмелился ее унести?! Говорить об этом пока никому не следует, надо потихоньку навести справки. Если взяла какая-нибудь барышня шутки ради, попросим, чтобы скорее вернула, если служанка – потребуем, пообещаем дать взамен все, что угодно, только чтобы господа ничего не знали. Ведь пропажа яшмы – не шутка! Потерять ее – все равно что потерять самого Баоюя!

Шэюэ и Цювэнь направились к выходу, но Сижэнь догнала их и предупредила:

– Только не спрашивайте у тех, кто сюда приходил! Еще подумают, что их заподозрили в воровстве!

Девушки ушли. Но у кого бы они ни спрашивались о яшме, все лишь пожимали плечами.

Удрученные, служанки возвратились домой, переглядываясь друг с другом. А уж как был напуган Баоюй, и говорить нечего.

Взволнованная Сижэнь выплакала все слезы. Она не представляла себе, где еще искать яшму, но докладывать об ее исчезновении не осмеливалась.

Все во дворе Наслаждения пурпуром были объаты страхом. Узнавшие о происшествии сбегались сюда со всего дворца.

Таньчунь распорядилась запереть ворота сада и велела двум девочкам-служанкам под присмотром старухи снова тщательно обыскать каждый уголок.

– Кто найдет яшму, будет щедро вознагражден! – обещала она.

Каждый боялся быть заподозренным в краже, а кроме того, надеялся на награду, поэтому искали не жалея сил везде, вплоть до отхожих мест. Но все оказалось тщетным – яшма, словно иголка, исчезла бесследно.

– Дело не шуточное, – проговорила Ли Вань. – И надо пойти на крайнюю меру, не знаю только, удобно ли это.

– Что же именно надо сделать? – наперебой спрашивали ее.

– Раз дело приняло такой оборот, – произнесла Ли Вань, – надо, отбросив щепетильность, раздеть догола и обыскать всех служанок, тем более что, кроме Баюя, в саду живут одни женщины. Если же и тогда яшма не найдется, придется обыскать старух и служанок, выполняющих черную работу. Что вы скажете?

– Ты права, – отозвались все. – Людей у нас сейчас много; не всех мы хорошо знаем, как говорится, «рыбы смешались с драконами». Мы поступим как ты сказала, а служанки только обрадуются – по крайней мере, с них будет снято подозрение.

Одна Таньчунь не произнесла ни слова. Служанки охотно согласились на обыск, и Пиньэр заявила:

– Общайте первым долгом меня!

Следом остальные служанки распахнули халаты, вывернули карманы, и Ли Вань все тщательно осмотрела.

– Сестра, неужели и ты научилась заниматься столь недостойным делом! – вскричала Таньчунь, не в силах сдержать возмущения. – Или ты думаешь, что укравший яшму станет носить ее с собой?! Да и зачем она девушкам? Ведь они знают, что яшму считают сокровищем лишь во дворце, а за его пределами она ничего не стоит! Уверена, что яшму украли со злым умыслом.

Все призадумались. Вспомнили, что накануне Цзя Хуань бегал по комнатам, а сейчас куда-то исчез, но молчали, не решаясь высказать вслух своих подозрений.

– На такую подлость способен только Цзя Хуань, – проговорила, наконец, Таньчунь. – Нужно потихоньку позвать его сюда, уговорить отдать яшму, а затем хорошенько припугнуть, чтобы не болтал.

– Верно, верно! – закивали девушки.

– Это дело придется взять на себя Пиньэр, – сказала Ли Вань, – другим не справиться!

– Слушаюсь, – ответила Пиньэр и вышла.

Вскоре она привела Цзя Хуаня. Все держались так, будто ничего не случилось, велели заварить чаю и подать во внутреннюю комнату, а затем

оставили Пинъэр наедине с Цзя Хуанем.

– Знаешь, потерялась яшма твоего старшего брата Баоюя, – сказала мальчику Пинъэр. – Ты случайно ее не видел?

Цзя Хуань побагровел, вытаращил глаза и закричал:

– У него потерялась яшма, а я при чем? Зачем меня допрашивать? Или, может быть, меня подозревают в краже? Неужели я преступник, злодей?

Такой оборот дела обеспокоил Пинъэр, она не решилась продолжать расспросы и с легкой улыбкой сказала:

– Вы меня не поняли, третий господин! Барышни думали, что вы взяли яшму просто так, чтобы напугать их, потому и решили у вас спросить. Если и в самом деле вы ее взяли, незачем заставлять служанок искать.

– Ведь Баоюй не снимает яшму с шеи, – возразил Цзя Хуань. – У него и спрашивают, а меня с какой стати допрашивать? Вы во всем ему потакаете! Когда находите что-нибудь, у меня не спрашиваете, только когда теряете!..

Он вскочил и бросился вон из комнаты. Никто не решился его задерживать.

– Вечно из-за этой дрянной яшмы неприятности! – воскликнул взволнованный Баоюй. – Не нужна она мне и нечего поднимать шум! Цзя Хуань рассердился и теперь расшумится на весь двор, все узнают о пропаже! Начнется скандал!

– Господин мой! – взмолилась Сижэнь, заливаясь слезами. – Ты думаешь – это пустяк? Но ведь дойдет до господ, нам всем несдобровать!

Девушки еще больше разволновались, понимая, что эту историю скрыть не удастся. Оставалось теперь подумать, как рассказать о случившемся матушке Цзя.

– Незачем ломать голову, – заявил Баоюй, – скажите, что я разбил яшму, и делу конец.

– Эх, господин! Здорово вы придумали! – усмехнулась Пинъэр. – Ну а если спросят, зачем вы ее разбили? Вы думаете, что господа глупы?! А как быть, если потребуют осколки?

– Тогда скажите, что я ее потерял, – предложил Баоюй.

«Так можно было бы сказать, – подумали девушки, – но в последнее время Баоюй в школу не ходил и вообще из дому не отлучался».

– Третьего дня я ездил во дворец Линьяньского бо, – вспомнил Баоюй. – Вот и скажите, что я там ее потерял!

– Нельзя, – возразила Таньчунь. – Могут спросить, почему сразу не доложили.

Пока они советовались между собой, за дверью послышались вопли наложницы Чжао. Вскоре она вбежала в комнату и запричитала:

– С какой стати вы тайком вздумали допрашивать моего сына? Вот он, я привела его, и делайте с ним что хотите! Убейте, четвертуйте, если он того заслужил! – Она подтолкнула Цзя Хуаня. – Разбойник! Признавайся сейчас же!

Цзя Хуань слова не мог вымолвить, только плакал и кричал. Ли Вань хотела его успокоить, но тут вбежала девочка-служанка и сказала:

– Госпожа пришла.

Сижэнь не знала, куда деваться. Баоюй выбежал навстречу матери. Наложница Чжао сразу умолкла и вышла следом за ним.

Волнение и суматоха убедили госпожу Ван, что разговоры об утере яшмы – не пустая болтовня, и она спросила:

– Значит, яшма и в самом деле пропала?

Ответа не последовало.

Госпожа Ван села и позвала Сижэнь. Девушка со слезами подбежала к ней и бросилась на колени.

– Встань, девочка! – ласково сказала госпожа Ван. – Не волнуйся, лучше прикажи еще раз хорошенько поискать!

– Матушка, – вмешался тут Баоюй. – Сижэнь к этому делу непричастна. Я третьего дня ездил во дворец Линьяньского бо и, видимо, по дороге потерял яшму.

– Почему же ты сразу мне не сказал? – спросила госпожа Ван. – И почему в тот же день не начали поиски?

– Я побоялся рассказывать, – проговорил Баоюй. – И велел слугам, которые меня сопровождали, поискать яшму на дороге.

– Глупости! – прервала его госпожа Ван. – Разве Сижэнь не помогала тебе, когда ты сегодня переодевался? Всякий раз, когда ты куда-нибудь едешь, она потом должна проверять, не потерял ли ты кошелек или платок! Ведь исчезла не какая-нибудь мелочь, а твоя яшма! Неужели Сижэнь не заметила и не спросила, куда она девалась?

На это Баоюю нечего было ответить.

Наложница Чжао ехидно усмехнулась и подхватила:

– Вот видите! Яшма где-то потерялась, а сваливают на Цзя Хуаня.

– Тут важное дело, а ты со всякой чепухой лезешь! – обрушилась на нее госпожа Ван.

Наложница прикусила язык.

Ли Вань и Таньчунь ничего не стали скрывать и рассказали госпоже Ван все, что им было известно. Госпожа Ван еще больше разволновалась,

на глаза навернулись слезы; она решила попросить матушку Цзя, чтобы та велела допросить служанок, которые прислуживали госпоже Син и приходили в сад.

Фэнцзе, узнав о пропаже яшмы и о том, что госпожа Ван сама занимается этим делом, подумала, что оставаться в стороне неудобно, и, преодолевая слабость, отправилась в сад. Когда она там появилась, госпожа Ван уже собралась уходить.

– Здравствуйте, госпожа, – вежливо сказала она. – Как себя чувствуете?

Баоюй и сестры поспешили к Фэнцзе справиться о здоровье.

– Значит, ты знаешь о том, что произошло? – спросила госпожа Ван. – Не кажется ли тебе вся эта история странной? Яшма пропала буквально на глазах, и найти ее невозможно! Вот и подумай: может ли какая-нибудь из наших девочек, начиная со служанок старой госпожи и кончая твоей Пиньэр, совершить подобную подлость? Я хочу доложить обо всем старой госпоже, пусть прикажет серьезно заняться поисками, иначе корень жизни Баоюя окажется подрубленным!

– У нас в доме людей много, и все разные, – робко возразила Фэнцзе. – Еще древние говорили: «Можно знать человека в лицо, но не проникнуть в его душу». За кого из служанок можно поручиться? Шум подняли такой, что теперь о пропаже всем известно. Вор понимает, что его ждет, если яшму найдут, и постарается ее уничтожить. Что тогда делать? Пусть я глупа, но все же считаю, что нужно объявить, будто эта яшма не представляет особой ценности и Баоюй ее куда-то задевал. А служанок надо предупредить, чтобы не проболтались старой госпоже. После этого можно будет тайно послать людей на поиски вора. Что вы скажете, госпожа?

Госпожа Ван задумалась и после продолжительной паузы промолвила:

– Доля истины в твоих словах есть. Но как обмануть отца Баоюя?

Она позвала Цзя Хуаня и строго спросила:

– Ты зачем шум поднял? Если вор после этого испугался и уничтожил яшму, не жить тебе на свете!

– Я больше не буду! – заканючил Цзя Хуань.

Наложница Чжао тоже не посмела перечить.

А госпожа Ван продолжала:

– Уверена, что в саду есть места, где еще не искали! Не улетела же, в конце концов, яшма! Смотрите не болтайте больше! Даю Сижэнь три дня сроку! А не отыщется яшма – придется все сказать мужу, и тогда покоя не ждите!

Она велела Фэнцзе вместе с ней идти к госпоже Син подумать вместе, как отыскать яшму. Но об этом мы рассказывать не будем.

Ли Вань между тем, посоветовавшись с барышнями, велела служанкам запереть на замок садовые ворота. Затем позвала жену Линь Чжисяо и рассказала ей о случившемся.

– Передай привратникам, – сказала она напоследок, – чтобы три дня никого из сада не выпускали. Пусть объяснят, что утеряна какая-то вещь и, пока она не найдется, из сада никто не выйдет.

– Слушаюсь, – ответила жена Линь Чжисяо и в свою очередь рассказала: – Недавно я тоже кое-что потеряла, тогда муж пошел к гадателю. Как же его звали? Не то Лю Железный Рот, не то еще как-то. Он точно сказал, где искать. Пришел муж домой и в самом деле нашел пропажу в указанном месте.

– Добрая тетушка Линь! – стала просить Сижэнь. – Пусть ваш муж снова пойдет к гадателю, может, он скажет, где яшма.

Жена Линь Чжисяо пообещала исполнить ее просьбу.

Но тут в разговор вмешалась Син Сюянь:

– Зачем гадателю знать о том, что у нас случилось? Попросим лучше Мяоюй! Когда я жила на юге, то слышала, что она умеет гадать. Яшма хранит небесную тайну, и только монахине под силу ее раскрыть.

– Странно! – удивились девушки. – Никогда не слышали, чтобы Мяоюй умела предсказывать!

– Только вы, барышня, можете ее попросить, иначе она не согласится, – обратилась Шэюэ к Син Сюянь. – Окажите такую милость, век будем вам благодарны!

Она хотела до земли поклониться Син Сюянь, но та ее удержала.

Остальные девушки тоже стали просить Сюянь поскорее идти в кумирню Бирюзовой решетки.

Тут снова появилась жена Линь Чжисяо.

– Барышня, какое счастье! Мой муж только что был у гадателя, и тот сказал: «С яшмой Баюя разлучить невозможно, она непременно возвратится».

Девушки недоверчиво отнеслись к словам жены Линь Чжисяо, только Сижэнь и Шэюэ были вне себя от счастья.

– А на какой иероглиф гадали? – поинтересовалась Таньчунь.

– Не знаю, иероглифов было много, а ведь я неграмотна, – отвечала жена Линь Чжисяо. – Кажется, был иероглиф «наградить». А гадатель сразу заявил, что пропала какая-то вещь.

– Вот это гадатель! – воскликнула Ли Вань.

– Еще он сказал, что, поскольку в заданном иероглифе сверху – знак «маленький», под ним – «рот», а дальше – «драгоценность», это значит, что пропал драгоценный камень, который можно положить в рот.

– Настоящий волшебник, словно дух небесный! – с восхищением воскликнули девушки. – Ну а что еще он сказал?

– Он говорил, что нижняя часть иероглифа – «сокровище», – отвечала жена Линь Чжисяо, – и в измененном написании значит «видеть»! Поэтому верхняя часть знака может иметь значение «отдать под залог», то есть яшму следует искать в закладной лавке. А если к иероглифу «наградить» добавить ключевой знак «человек», то получится иероглиф со значением «возместить». Ясно, что за яшму надо заплатить, и она возвратится к хозяину.

– В таком случае обратимся в ближайшие лавки, – решили все. – Если тщательно искать, найдем непременно! А уж тогда нетрудно будет выяснить, кто яшму украл!

– А мы и не собираемся выяснять, только бы она нашлась! – заметила Ли Вань. – Тетушка Линь, покажи предсказание второй госпоже Фэнцзе, пусть она доложит госпоже Ван, чтобы та успокоилась.

Жена Линь Чжисяо обещала выполнить приказание и ушла.

Все немного успокоились и стали ждать возвращения Син Сюянь, но тут увидели за воротами Бэймина, который махал рукой. Видимо, вызывал служанку. Одна из девушек выбежала, и Бэймин сказал:

– Передай быстрее второму господину Баоюю, его матушке и бабушке радостную весть! – закричал он.

– В чем дело? Говори! – заторопила служанка.

– Я скажу, а ты пойдешь доложишь! – хлопая в ладоши, засмеялся Бэймин. – И мы оба получим награду! Я узнал, где находится яшма второго господина Баоюя!

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава девяносто пятая

Юаньчунь, о чьей смерти ходили ложные слухи, умирает;

Баоюй, о чем безумии распространялись сплетни, сходит с ума

Итак, Бэймин сказал, что знает, где находится яшма, и девочка со всех ног бросилась в дом с этой радостной вестью.

Все стали торопить Баоюя расспросить обо всем подробно Бэймина, а сами вышли на террасу и прислушались к разговору.

– Где ты нашел яшму? – спросил Баоюй, подбежав к воротам. – Давай ее скорее сюда!

– У меня ее нет, – пояснил Бэймин, – за нею нужно послать человека с поручительством.

– Говори, как ты ее нашел! – заволновался Баоюй. – Я сейчас же за ней пошлю.

– Узнав, что господин Линь Чжисяо пошел к гадателю, я последовал за ним, – стал рассказывать Бэймин, – услышал, что яшма заложена, обежал несколько закладных лавок, все расспросил, подробно описал приметы. «Яшма у меня», – сказал хозяин одной из лавок. «Так отдайте ее мне», – попросил я. «Не могу, нужна закладная расписка». Я спросил: «За сколько ее заложили?» Он отвечает: «Одну за триста монет, другую – за пятьсот. У меня их две. Первую принесли третьего дня, вторую – сегодня».

– Так бери деньги и выкупи яшму! – оборвал его Баоюй. – Посмотрим, моя ли это.

– Не слушайте его, второй господин! – Сижэнь с досады даже плюнула. – Еще в детстве я слышала от брата, что некоторые торгуют мелкими кусками яшмы или закладывают ее, когда нет денег. Так что яшму, пожалуй, можно найти в любой закладной лавке.

Ошеломленные поначалу рассказом Бэймина, все теперь стали смеяться:

– Скажи второму господину, чтобы не слушал этого дурака! Это совсем не та яшма.

Баоюй при этих словах тоже рассмеялся, но тут заметил Син Сюань, которая возвращалась из кумирни Бирюзовой решетки.

Надобно вам сказать, что, придя к Мяоюй, девушка без обиняков попросила ее погадать о яшме.

– Я, барышня, охотно принимаю вас только потому, – холодно усмехнулась Мяоюй, – что вам чужды мирские страсти и честолюбие. Как же вы могли, наслушавшись каких-то сплетен, тревожить меня? Само слово «гадать» мне непонятно!

И она отвернулась от девушки. Син Сюянь уже раскаивалась, что поступила столь опрометчиво.

«Ведь знала, какой у нее характер!.. – думала она. – Но теперь уже как-то неловко возвращаться ни с чем... Однако спорить с ней, доказывать, что она умеет гадать, тоже нехорошо...»

Девушка стала уверять монахиню, что обратилась к ней с подобной просьбой потому лишь, что от этого зависит судьба Сижэнь и многих других. Увидев, что Мяоюй заколебалась, она еще настойчивее стала умолять и несколько раз низко поклонилась.

– Стоит ли беспокоиться о других! – вздохнула Мяоюй. – Ведь никому в голову не приходило, что я умею гадать. А теперь все узнали, и не видать мне больше покоя.

– К кому же мне еще было обращаться, если не к вам, – оправдывалась Син Сюянь. – К тому же я знаю вашу доброту. А другим вы можете отказать, если попросят. Кто посмеет вас принуждать?!

Мяоюй улыбнулась и знаком велела старой даосской монахине воскурить благовония. Затем вытащила из сундука блюдо с песком и подставку с гадательной палочкой, написала заклинания, велела Сюянь прочесть молитву и совершить полагающиеся церемонии. После этого они встали по обе стороны блюда, держа над ним гадательную палочку. Вскоре палочка в их руках задрожала и начертила на песке ответ бессмертного.

О, увы и увы!

Заявилась она, не оставив следа,

И бесследно исчезла она, —

У подножья утеса Цингэн

Эту вещь обнаружите там,

Где растет вековая сосна...

Коль решитесь за нею пойти —

Встанут тысячи гор на пути.

А заглянете к нам – и с улыбкой тотчас

Встретят вас...

Палочка остановилась.

– К какому бессмертному мы обращались? – спросила Сюянь.

– К Гуайсяню, – ответила Мяоюй.

Сюянь записала ответ и попросила Мяоюй растолковать.

– Не могу, – решительно заявила Мяоюй, – сама не знаю, что это значит. Забирай предсказание и уходи, у вас там есть умные люди, растолкуют.

Не успела Сюянь появиться во дворе Наслаждения пурпуром, как все бросились к ней с расспросами:

– Ну как? Ну что?

Сюянь молча протянула Ли Вань листок с предсказанием. Девушки и Баоюй прочли и так его растолковали:

– «Найти яшму сразу не удастся, но через некоторое время она отыщется». А где утес Цингэн?

– Здесь все иносказательно, в этих словах кроется тайна бессмертных, – заметила Ли Вань. – Впервые слышу о таком утесе. Возможно, вор испугался, как бы его не поймали, и спрятал яшму где-то под скалой, на которой растет старая сосна. Непонятно, что значит «заглянете к нам». К кому именно?

– А к какому бессмертному была обращена просьба, не знаешь? – спросила Дайюй у Син Сюянь.

– К Гуайсяню, – ответила та.

– Если имеется в виду «войти в обитель бессмертных», то это, пожалуй, трудно! – заметила Таньчунь.

Взволнованная Сижэнь снова бросилась искать яшму, заглядывала под каждый камень в саду – все тщетно. Баоюй ни о чем больше ее не спрашивал и почему-то все время смеялся.

– Господин, ну вспомните, где вы могли потерять яшму! – упрашивала Шэюэ. – Если расскажете, мы хоть будем знать, за что нас наказывают!

– Я же говорил, что потерял ее вне дома, – отвечал Баоюй. – Вы не поверили! Зачем же снова спрашивать? Откуда мне знать?

– С самого утра подняли суматоху, а сейчас уже вечер, – третья стража! – промолвили Ли Вань и Таньчунь.

– Пора расходиться, сестрица Линь Дайюй едва держится на ногах от усталости. Да и остальным надо отдохнуть. А завтра снова займемся поисками.

Все ушли спать. Баоюй тоже лег. Только служанки всю ночь лили слезы.

Но об этом мы рассказывать не будем и вернемся к Дайюй.

Возвратившись к себе, она вдруг вспомнила разговоры о «золоте и яшме», и пропажа яшмы ее обрадовала.

«Право же, всем этим монахам и даосам нельзя верить, – думала она. – Если бы „золото и яшму“ связала судьба, яшма не потерялась бы. А может быть, это из-за меня разрушилась связь?..»

От этой мысли на душе стало спокойнее, она забыла об усталости и всех перипетиях дня и принялась за книгу.

Цзыцзюань, напротив, чувствовала себя разбитой и торопила Дайюй ложиться спать.

Наконец Дайюй легла и мысленно обратилась к зацветшим вдруг райским яблонькам.

«С этой яшмой Баоюй родился, – размышляла Дайюй. – И появление ее должно было собой что-то знаменовать. Так же, как и исчезновение. Если бы цветы на яблоньках предвещали счастье, яшма не потерялась бы. Значит, это не к добру, и Баоюя ждет несчастье».

Девушку вновь охватила печаль. Но тут мелькнула мысль, а не предвещают ли цветы и потеря яшмы счастье ей самой? До пятой стражи она то радовалась, то впадала в уныние и не могла сомкнуть глаз.

На следующий день были разосланы люди по всем закладным лавкам. У Фэнцзе был свой план.

Так, в хлопотах, прошло несколько дней, но яшма не нашлась. Хорошо еще, что матушка Цзя и Цзя Чжэн пребывали в неведении.

Сижэнь трепетала от страха. Баоюй перестал ходить в школу, был задумчив, подавлен и безучастен ко всему. Госпожа Ван не придавала этому особого значения, полагая, что он расстроен из-за яшмы.

Как-то раз, когда госпожа Ван сидела задумавшись у себя в комнате, вошел Цзя Лянь и, справившись о ее здоровье, произнес с улыбкой:

– Нынче мне стало известно от человека, которого Цзя Юйцунь прислал к господину Цзя Чжэну, что дядюшка Ван Цзытэн повышен в чине, о чем есть высочайший указ, и ему послана депеша, которую везут со скоростью триста ли в сутки, – двадцатого числа первого месяца нового года он должен прибыть в столицу. Сейчас, наверное, дядюшка мчится сюда днем и ночью и не позднее чем через полмесяца будет здесь! О чем вам и сообщаю.

При этом известии радость охватила госпожу Ван. Как раз только что она с грустью размышляла о том, что у нее почти не осталось родственников в столице, что семье тетушки Сюэ грозит разорение, братья служат в разных провинциях, и нет у нее никакой поддержки. Поэтому, услышав, что государь оказал милость ее брату, она подумала: если род

Ванов будет процветать, то будущее Баюя обеспечено. Мысль о пропавшей яшме понемногу отошла на второй план, и госпожа Ван с нетерпением стала ожидать приезда брата.

Но однажды к ней вошел Цзя Чжэн со следами слез на лице и прерывающимся от волнения голосом сказал:

– Передай старой госпоже, чтобы немедленно ехала ко двору! Пусть не берет с собой служанок, ты сама ей будешь прислуживать. Заболела наша государыня Юаньчунь. Сообщил об этом придворный евнух, он дожидается сейчас у ворот. У государыни удушье, и вылечить ее невозможно, о чем из лекарского приказа представлен доклад государю.

Госпожа Ван зарыдала.

– Сейчас не время плакать, – промолвил Цзя Чжэн, – поспеши к матушке и сообщи ей эту печальную новость, только осторожно, не напугай!

Цзя Чжэн вышел и отдал распоряжение слугам быть наготове.

Госпожа Ван вытерла слезы, отправилась к матушке Цзя и сказала, что Юаньчунь больна и желает их видеть.

– Что это вдруг она опять заболела? – вскричала матушка Цзя, помянув Будду. – Мы и в прошлый раз напугались, а потом узнали, что все обошлось. Хоть бы и сейчас это было так!

Госпожа Ван поддакнула и приказала Юаньян поскорее собрать одежду и украшения, после чего вернулась к себе, быстро переоделась и снова вышла. Вскоре все было готово, и они в большом паланкине отправились ко двору. Но об этом рассказывать мы не будем.

В свое время Юаньчунь попала во дворец Больших стилистов, пользовалась благосклонностью императора и жила в довольстве и роскоши; постепенно она располнела, с трудом двигалась, быстро уставала, у нее появилась одышка.

Еще два дня назад, во время пира, она прислуживала государю. Но, возвращаясь к себе, схватила простуду, и болезнь обострилась. Особенно тяжел был последний приступ, она задыхалась, руки и ноги похолодели. Об этом доложили государю, и тот прислал лекаря.

Но лекарства Юаньчунь принимать не могла – трудно было глотать. Снадобья для очищения дыхательных путей не помогали. И придворные попросили государя сделать распоряжения насчет похорон. Тогда государь и велел пригласить родственников из семьи Цзя.

Повинуясь высочайшему повелению, матушка Цзя и госпожа Ван прибыли во дворец.

Юаньчунь уже не могла разговаривать: мешала скопившаяся в горле мокрота.

При виде матушки Цзя лицо Юаньчунь приняло страдальческое выражение, но глаза оставались сухими. Матушка Цзя приблизилась к постели, спросила внучку, как она себя чувствует, сказала несколько слов в утешение. В это время дворцовые прислужницы принесли визитную карточку Цзя Чжэна. Однако Юаньчунь была почти без сознания, лицо покрылось мертвенной бледностью.

Евнухи доложили императору, что Юаньчунь умирает, и, полагая, что с ней придут проститься придворные женщины, попросили родственников подождать в приемной.

Нелегко было матушке Цзя и госпоже Ван оставить Юаньчунь, но того требовал этикет, и, охваченные скорбью, они вышли, не осмеливаясь даже заплакать.

У дворцовых ворот евнухи и чиновники ожидали указаний.

Вскоре вышел старший евнух и велел им поспешить в астрологический приказ. Матушка Цзя поняла, что дело идет к концу, но не в силах была двинуться с места. Через мгновение появился еще один евнух и объявил:

– Государыня Цзя скончалась.

В этом году, обозначаемом циклическими знаками «цзя» и «инь», сезон Наступления весны начался в восемнадцатый день двенадцатого месяца. Юаньчунь умерла девятнадцатого числа, в день, когда совершался переход к году, в обозначение которого входил циклический знак «инь», и месяцу, обозначаемому знаком «мао». Таким образом, она прожила тридцать один год.

Матушке Цзя ничего не оставалось, как возвратиться домой.

Здесь собрались Цзя Чжэн и другие родственники, уже знавшие о несчастье. Госпожа Син, Ли Вань, Фэнцзе, Баоюй и другие встречали матушку Цзя в зале, выстроившись двумя рядами – одни у западной, другие у восточной стены. Когда матушка Цзя в сопровождении Цзя Чжэна и госпожи Ван вошла, все по очереди справились об их здоровье, а затем стали оплакивать умершую. Но об этом мы рассказывать не будем.

На следующий день все близкие и дальние родственники гуйфэй, имеющие титулы и звания, собрались во дворце, чтобы снова оплакать умершую.

Цзя Чжэн ведал похоронной церемонией и как отец, и по долгу службы, поэтому он ежедневно являлся в ямынь и отдавал распоряжения

подчиненным.хлопот у него было вдвое больше, чем во время похорон одной из любимых жен императора – Чжоу-гуйфэй. Так как у Юаньчунь не было детей, она получила посмертно лишь титул Мудрейшей и добродетельнейшей гуйфэй. Но об обычаях и порядках, существовавших при дворе, мы рассказывать не будем. Следует только упомянуть, что мужчины и женщины из рода Цзя должны были ежедневно ездить ко двору, и у них не оставалось ни минуты свободного времени. К счастью, в последнее время Фэнцзе чувствовала себя немного лучше и могла присматривать за хозяйством. Ей же было поручено сделать все необходимые приготовления к приезду Ван Цытэна.

Когда Ван Жэнь, родной брат Фэнцзе, узнал, что его дядя получил повышение и переведен на службу в столицу, он приехал со всей семьей. Фэнцзе радовалась приезду родных, сразу забыла обо всех тревожностях и почувствовала себя бодрее.

Госпожа Ван, видя, что Фэнцзе снова взялась за домашние дела, перестала присматривать за хозяйством. Ничто, кроме приезда брата, ее сейчас не интересовало.

Только Баоюй оставался без дела, по-прежнему не ходил в школу. Дайжу, зная о несчастье в семье, не тревожил юношу, а Цзя Чжэну, занятому по горло, было недосуг следить за сыном.

Баоюй мог бы целыми днями предаваться развлечениям, но после пропажи яшмы сделался вялым, ленивым, стал заговариваться. Когда его звали к матушке Цзя справиться о здоровье, он шел, не звали – дома сидел. Служанки его не трогали, боялись сердить. Позовут его к столу – ест, не зовут – ничего не требует.

Сижэнь видела, что это не просто хандра, а болезнь. Как-то она прибежала в павильон Реки Сяосян и сказала Цзыцзюань:

– Со вторым господином Баоюем что-то неладное творится! Хоть бы твоя барышня его развлекала.

Цзыцзюань не замедлила об этом сказать Дайюй, но та, считая себя невестой Баоюя, сочла неудобным идти к нему. Другое дело, если бы он сам пришел.

И она отказалась навестить Баоюя.

Тогда Сижэнь отправилась к Таньчунь и все ей потихоньку рассказала. Однако последние события: неожиданное цветение яблонь, пропажа яшмы и, наконец, неожиданная смерть Юаньчунь – так на нее подействовали, что ей было не до Баоюя – она решила, что семья вступила в полосу несчастий. Да и вообще неприлично часто навещать мужчину. К тому же Баоюй был в таком подавленном состоянии, что у Таньчунь пропала всякая охота с ним

общаться.

Тетушка Сюэ рассказала дочери о том, что дала предварительное согласие на ее брак с Баоюем.

– Твоя тетя, – сказала она, – настойчиво меня уговаривала, но окончательного согласия я не дала, сказала, что буду ждать возвращения твоего старшего брата. А ты-то сама согласна?

– Судьбу дочери должны решать родители, – с серьезным видом промолвила Баочай. – Но отца у меня нет, и решать вам. Можете, конечно, посоветоваться с братом. Но зачем у меня спрашивать?

Тетушка Сюэ была глубоко тронута скромностью и нравственной чистотой дочери. И это несмотря на то, что в детстве девочку баловали. С того дня она больше не заговаривала о Баоюе. А сама Баочай не только не произносила его имени, но даже избегала слов «драгоценная яшма».

Узнав о пропаже, Баочай встревожилась, но виду не подавала, считала непристойным расспрашивать и наводить справки. Поэтому разговоры о случившемся слушала с безучастным видом, будто ее это совершенно не касалось.

Что же до тетушки Сюэ, то она несколько раз посылала служанку во дворец Жунго разузнать, как обстоят дела. Сама же она там редко бывала, хотя и знала о кончине Юаньчунь. Больше всего ее беспокоила судьба сына, и она с нетерпением ждала приезда Ван Цзытэна, который мог помочь ей избавить ее чадо от наказания. К тому же она знала, что Фэнцзе поправилась и присматривает за домом, так что о хозяйстве можно не беспокоиться.

Кто по-настоящему страдал, так это Сижэнь. На все ее ласки и заботы Баоюй отвечал полным равнодушием, и она не знала, чем это объяснить.

Гроб с телом Юаньчунь уже стоял в дворцовом храме несколько дней, и скоро должны были состояться похороны, поэтому матушка Цзя вместе с родственниками и родственницами уехала сопровождать гроб к месту похорон.

Каждый день у Баоюя появлялись новые странности. Не было у него ни жара, ни боли, только ел он без всякого аппетита, спал тревожно, а в разговоре молот всякий вздор.

Фэнцзе знала об этом от Сижэнь и Шэюэ и часто прибегала проведать Баоюя.

Сначала домашние полагали, что он переживает пропажу яшмы, но потом поняли, что не в этом дело, и стали приглашать врачей. Врачи прописывали лекарства, Баоюй послушно их принимал, но улучшения не наступало, напротив, болезнь обострялась. Спрашивали, что у него болит,

но вразумительного ответа не получали.

После похорон Юаньчунь матушка Цзя, все время беспокоившаяся о Баоюе, пришла его навестить. С нею была и госпожа Ван.

Сижэнь вывела Баоюя, велела ему справиться о здоровье.

Баоюй порою вел себя как обычно, хотя признаки болезни были налицо. Он справился о здоровье матушки Цзя и госпожи Ван по подсказке Сижэнь, которая держала его под руку.

– Дитя мое! – воскликнула матушка Цзя. – Я думала, ты серьезно болен, а ты совершенно здоров! Теперь, по крайней мере, я успокоилась.

Госпожа Ван тоже облегченно вздохнула. Однако Баоюй все время молчал и не переставал улыбаться.

Матушка Цзя вошла во внутреннюю комнату, села на стул. Принялась расспрашивать Баоюя о том о сем, он отвечал так, как велела Сижэнь, не понимая, что говорит.

Матушку Цзя все больше охватывали сомнения, и, наконец, не выдержав, она промолвила:

– Вначале мне показалось, что никакой болезни у него нет. Но теперь я вижу, что он тяжело болен. Уж не душевное ли это расстройство? Но какова причина?

Госпожа Ван поняла, что придется открыть старой госпоже правду, и, поглядев на стоявшую с потерянным видом Сижэнь, рассказала, как Баоюй ездил к Линьаньскому бо на спектакль и там потерял яшму. Говорила она очень осторожно, чтобы не взволновать матушку Цзя.

– Мы разослали людей на поиски, обращались к гадалкам и предсказателям; они говорят, что яшма непременно найдется, что она в закладной лавке.

Матушка Цзя от волнения даже привстала, и из глаз ее потекли слезы.

– Как же можно такую вещь утерять! – вскричала она. – И куда только вы смотрите? Отец Баоюя так не оставит этого дела!

Госпожа Ван, видя, что матушка Цзя в гневе, велела служанкам встать перед ней на колени, а сама, опустив голову, упавшим голосом произнесла:

– Матушка, мы не хотели вам ничего рассказывать, боялись расстроить, я уже не говорю о том, как рассердился бы отец Баоюя!

– Ведь в этой яшме жизнь мальчика! – крикнула матушка Цзя и закашлялась. – Теперь понятно, почему у него душевное расстройство! Какое горе! Об этой яшме знают все в городе, и если кто-нибудь ее подберет, просто так не отдаст! Немедленно позовите Цзя Чжэна, я хочу с ним поговорить!

Госпожа Ван и Сижэнь стали молить матушку Цзя:

– Почтенная госпожа, если вы расскажете обо всем господину Цзя Чжэну, беды не миновать! Разрешите нам продолжать поиски яшмы!

– Не бойтесь гнева Цзя Чжэна! Ведь я здесь и не дам вас в обиду! – обещала матушка Цзя.

Она велела послать за Цзя Чжэном, но служанка вернулась и сообщила, что господин уехал с визитом.

– В таком случае без него обойдемся, – промолвила матушка Цзя. – Цзя Чжэну я велю пока не наказывать служанок, а Цзя Ляню на всем пути следования, Баоюя к Линьаньскому бо, на самых видных местах, вывесить объявления: «Нашедшего яшму просим доставить ее туда-то и туда-то, вознаграждение десять тысяч лянов серебра. Знающего о местонахождении яшмы просим сообщить такой-то семье, вознаграждение – пять тысяч лянов серебра». Только бы яшма нашлась, на деньги скупиться не будем! И она найдется. Я уверена. А на слуг рассчитывать нечего. Они сто лет могут искать, и все тщетно!

Госпожа Ван не посмела возразить. Матушка Цзя велела передать Цзя Ляню, чтобы немедля выполнил ее приказание, а служанкам сказала:

– Все вещи Баоюя перенесите в мои покои! Сижэнь и Шэюэ тоже перейдут ко мне! Остальные служанки останутся присматривать за комнатами!

Баоюй все время молчал, только хихикал.

Матушка Цзя взяла его за руку и увела к себе. За ними последовали Сижэнь и остальные служанки.

Внутренние комнаты, где матушка Цзя собиралась поселить Баоюя, она распорядилась привести в порядок, а затем обратилась к госпоже Ван:

– Понимаешь, почему я так поступила? Людей в саду сейчас мало, а во дворе Наслаждения пурпуром деревья то засыхают, то расцветают. Разве это не странно? Прежде яшма отгоняла всякую нечисть, а теперь препятствий для нее нет. Вот почему я и поселила Баоюя у себя. Пусть несколько дней не выходит из дому. Врачи будут сюда приходить.

– Вы правы, почтенная госпожа, – промолвила госпожа Ван. – Вам покровительствует судьба, и с Баоюем ничего не случится дурного, если он будет жить с вами.

– Какая там судьба! – замахала руками матушка Цзя. – Просто у меня в комнатах чище и много священных книг, а они укрепляют дух. Пусть Баоюй скажет, плохо ему здесь?

Услышав свое имя, Баоюй засмеялся.

Сижэнь подтолкнула его, и лишь после этого он ответил, что неплохо.

Глядя на сына, госпожа Ван украдкой уронила слезу.

Видя, как взволнована госпожа Ван, матушка Цзя сказала:

– Иди! Я сама управлюсь. Мужу ничего не рассказывай, пусть нынче не приходит ко мне!

После ухода госпожи Ван матушка Цзя приняла успокаивающее, как и было предписано врачом. И на этом мы ее оставим.

Между тем Цзя Чжэн, возвращаясь в коляске домой, вдруг услышал голоса:

– Стоит пожелать, и можно легко разбогатеть!

– Как же это?

– Во дворце Жунго пропала какая-то яшма. Я видел объявление, там написано, что нашедший яшму получит десять тысяч лянов серебра. Все приметы яшмы указаны. А тот, кто укажет, у кого она, – пять тысяч лянов!

Цзя Чжэн слышал лишь обрывки разговора, но в душу его закралось подозрение, и, возвратившись домой, он стал допрашивать привратников. Те стали рассказывать:

– Только сегодня, после полудня, мы об этом узнали – второй господин Цзя Лянь передал нам приказание старой госпожи расклеить объявления.

«Род наш, видимо, захиреет! – подумал Цзя Чжэн. – Такого сына судьба послала мне в наказание за грехи! Едва он родился, пошли всякие толки и сплетни, лишь через десять лет прекратились! А тут яшма пропала, да еще объявления вывесили! Ну что за напасть!»

Он стал расспрашивать госпожу Ван, и ей пришлось рассказать все без утайки. Когда речь зашла об объявлениях, Цзя Чжэн не посмел выразить недовольства, ведь это был приказ старой госпожи. Он только поворчал на госпожу Ван, а потом велел тайком от старой госпожи сорвать все объявления. Но было поздно. Многие успели их прочесть.

Вскоре к воротам дворца Жунго пришел какой-то человек и заявил, что утерянная яшма у него.

– Вот и хорошо! – обрадовались привратники. – Сейчас доложим господам! Давай яшму!

Человек вытащил из-за пазухи объявление и показал привратникам:

– Ваше? Здесь сказано, что нашедший яшму получит десять тысяч лянов серебра. Не смотрите на меня с таким презрением, ведь я сразу разбогатею!

– Дай-ка взглянуть, что ты принес, – попросил привратник, ошеломленный самоуверенностью незнакомца, – и я тотчас же о тебе доложу.

Человек было заупрямился, но потом все же вытащил яшму, положил на ладонь и спросил:

– Она?

Привратники никогда не бывали во дворце и уж конечно не видели яшмы, знали о ней только понаслышке. Поэтому со всех ног бросились докладывать.

Цзя Чжэна и Цзя Шэ дома не было, и слуги побежали к Цзя Ляню. Выслушав их, Цзя Лянь первым делом осведомился, не фальшивая ли яшма.

– Я видел ее собственными глазами, только в руках не держал, – ответил привратник. – Пришедший сказал, что передаст ее лично кому-нибудь из господ, никак иначе, чтобы получить обещанную награду.

Цзя Лянь, не помня себя от радости, поспешил к госпоже Ван, а та не замедлила сообщить новость матушке Цзя. О том, как счастлива была Сижэнь, и говорить не приходится. Она не переставала благодарить Будду.

Матушка Цзя приказала:

– Пусть Цзя Лянь приведет этого человека в кабинет, возьмет у него яшму и принесет мне! Деньги отдать немедленно!

Цзя Лянь велел привести незнакомца, встретил со всеми положенными церемониями, как самого почетного гостя, поблагодарил и сказал:

– Позвольте показать эту яшму владельцу, если он ее опознает, награду получите сполна! Можете не сомневаться.

Незнакомцу ничего не оставалось, как вытащить завязанный узелком красный шелковый платок и протянуть Цзя Ляню. Тот развернул его и увидел прекрасную молочно-белую яшму.

Прежде Цзя Лянь не обращал особого внимания на яшму Баюя, но сейчас принялся ее тщательно осматривать. Долго вертел в руках, приглядывался, и ему показалось, что на внешней стороне выбиты иероглифы «изгоняет наваждение». Не в силах сдерживать свою радость, Цзя Лянь велел слугам ожидать его, а сам со всех ног бросился к матушке Цзя и госпоже Ван. Там уже собрались все домашние и, как только Цзя Лянь появился в дверях, Фэнцзе выхватила у него яшму, мельком взглянула на нее и отдала матушке Цзя.

– Даже в такой мелочи не позволяешь мне услужить бабушке! – упрекнул ее едва слышно Цзя Лянь.

Матушка Цзя развернула платок, и ей сразу бросилось в глаза, что яшма потускнела. Она ощупала ее, затем велела принести очки и еще раз внимательно осмотрела, после чего промолвила:

– Странно! Яшма как будто та! Но почему-то не блестит!

Осмотрела яшму и госпожа Ван, но не могла сказать, та это или не та, и отдала Фэнцзе.

– Как будто похожа, но цвет не тот, – заявила Фэнцзе. – Давайте покажем Баоюю.

Сижэнь тоже казалось, что это не та яшма, но она не решалась об этом сказать – уж очень ей хотелось, чтобы яшма оказалась настоящей.

Приняв яшму из рук матушки Цзя, Фэнцзе с Сижэнь понесли ее к Баоюю.

Он как раз проснулся.

– Твоя яшма нашлась! – крикнула Фэнцзе.

Глаза у Баоюя были сонные, но все же он протянул руку к яшме. Однако тут же, не глядя, швырнул яшму на пол.

– Вы обманываете меня! – воскликнул он с холодной усмешкой.

– Странно! – вскричала Фэнцзе, подобрав яшму с пола. – Откуда ты знаешь, если даже не поглядел на нее.

Баоюй усмехнулся.

В этот момент в комнату вошла госпожа Ван – она все видела.

– Значит, и говорить не о чем! – решила она. – Он родился с яшмой во рту и лучше нас знает, какая она. Кто-то прочел объявление, в котором были приметы яшмы, и подделал ее.

Против этого трудно было возразить.

Цзя Лянь, находившийся в прихожей, услышав слова госпожи Ван, крикнул:

– Отдайте мне эту яшму, я проучу мошенника! У нас несчастье, а он нас морочит!

– Ляньэр! – прикрикнула матушка Цзя. – Отдай тому человеку яшму, и пусть убирается! Человек он бедный и просто хотел заработать! Он и без того потратился, чтобы подделать яшму. Надо ее вернуть, дать ему несколько лянов и сказать, что яшма не наша. Если же подвергнуть его наказанию и об этом узнают другие, рисковать больше никто не захочет.

Цзя Лянь поклонился и вышел.

Человек все еще ждал в кабинете и уже беспокоился, почему никто не является.

Но тут как раз пришел Цзя Лянь...

Если хотите узнать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава девяносто шестая

Чтобы обмануть Баоюя, Фэнцзе предлагает хитроумный план;

Дайюй, раскрыв тайну, впадает в отчаяние

Итак, разгневанный Цзя Лянь с фальшивой яшмой в руках бросился в кабинет. Человек, его ожидавший, сразу понял, что ничего хорошего вид Цзя Ляня ему не сулит, и поспешно встал.

– Ну и наглец! – зло усмехнулся Цзя Лянь. – Я тебя проучу, негодяй! Ты понимаешь, кого вздумал обманывать?! Эй! Слуги! Связать его! А как только вернется домой господин Цзя Чжэн, мы отправим этого мошенника в ямынь!

– Слушаемся! – хором ответили слуги, но с места не двигались.

Незнакомец не на шутку перепугался, упал на колени и, земно кланяясь, вскричал:

– Не гневайтесь на меня, почтенный господин! Только бедность толкнула меня на бесчестный поступок. Яшму я подделал, но подношу ее молодому господину в подарок! – Он не переставал отбивать поклоны.

– Ах ты, скотина! – бушевал Цзя Лянь. – Только этой дряни нам в доме не хватало!

Тут вошел Лай Да и с улыбкой обратился к Цзя Ляню:

– Этот ничтожный человек недостойн вашего гнева, второй господин! Пощадите его, и пусть убирается на все четыре стороны!

– Безобразие! – кричал Цзя Лянь, а Лай Да ему поддакивал.

– Глупый пес! – вторили слуги. – Вымоли у господ прощение – и вон отсюда! Или ты ждешь, чтобы тебе надавали пинков?!

Человек еще раз поклонился и, схватившись за голову, убежал, словно перепуганная крыса.

И пошли по улицам гулять слухи:

– Цзя Баоюй распознал «цзя баоюй»^[57] – фальшивую яшму.

Цзя Чжэн между тем возвратился после визитов домой.

Праздник фонарей близился к концу, и никто не решался господина

сердить. Поэтому слуги ничего не сказали про фальшивую яшму. Во дворце Жунго по случаю праздника устроили семейное пиршество, но все были подавлены и печальны – недавно умерла Юаньчунь, а теперь заболел Баоюй. Праздник прошел тихо, и рассказывать о нем мы не будем.

Наступил наконец семнадцатый день первого месяца, и госпожа Ван с нетерпением ждала прибытия брата в столицу. Неожиданно вошла Фэнцзе и сказала:

– Второй господин Цзя Лянь от кого-то слышал, что наш старший господин Ван Цзытэн по дороге в столицу неожиданно заболел и умер. Вам известно об этом, госпожа?

– Нет! Мне никто ничего не сказал, – взволнованно ответила госпожа Ван. – А где Цзя Лянь слышал об этом?

– В доме тайного советника Чжана, – ответила Фэнцзе.

Из глаз госпожи Ван хлынули слезы, но она тут же их вытерла и сказала:

– Пусть Цзя Лянь разузнает поподробней и сообщит мне!

После ухода Фэнцзе госпожа Ван тихонько заплакала. Только что умерла Юаньчунь, а теперь вот скончался брат. И за Баоюя тревожно. На семью обрушиваются несчастье за несчастьем. На душе у госпожи Ван было очень тяжело.

Пришел Цзя Лянь и сообщил подробности кончины Ван Цзытэна.

– Дядюшка от чрезмерной спешки в пути сильно устал, – рассказывал Цзя Лянь, – а потом простудился. Прибыв в деревню Шилитунь, послал за врачом, но разве найдешь в этом захолустье хорошего доктора? Деревенский лекарь прописал лекарство, дядя принял его и умер. Где его семья, не знаю. Она ехала следом за ним.

Госпожа Ван впала в отчаяние. Сердце защемило от боли. Она велела Цзя Ляню обо всем рассказать Цзя Чжэну и с помощью Цайюнь легла на кан.

Узнав эту печальную новость, Цзя Чжэн сказал Цзя Ляню:

– Немедля собирайся в дорогу, надо помочь с похоронами. Только смотри не задерживайся, не волнуй жену!

Цзя Лянь попрощался и отправился в путь.

Цзя Чжэн тяжело переживал постигшие семью утраты, к тому же заболел Баоюй, госпожа Ван жаловалась на боли в сердце.

В тот год в столице шла проверка деятельности чиновников, и Ведомство работ аттестовало Цзя Чжэна как одного из лучших, в связи с чем во втором месяце он был вызван на аудиенцию к государю.

Зная Цзя Чжэна как усердного и неподкупного чиновника, государь

назначил его начальником по сбору хлебного налога в провинции Цзянси.

Цзя Чжэн поблагодарил государя за милость и доложил день отбытия к месту службы. К Цзя Чжэну приходили с поздравлениями многочисленные родственники и друзья, но у него не было ни малейшего желания их принимать из-за постигших семью бед. Однако задерживаться с отъездом он не решался.

Цзя Чжэн был погружен в раздумья, когда его позвала матушка Цзя. Пришла к ней и госпожа Ван.

– Ты скоро отправишься к месту службы, и я хочу тебе кое-что сказать. Быть может, до тебя уже дошли слухи об этом.

Матушка Цзя уронила слезу.

– Я слушаю вас, матушка, приказывайте! – проговорил Цзя Чжэн, приподнявшись с места. – Любое ваше слово для меня закон!

– Мне уже за восемьдесят, – прерывающимся голосом произнесла матушка Цзя. – В отставку ты выйти не можешь, сославшись на старость родителей, ибо твой старший брат живет дома. Ты уедешь в провинцию, и самым дорогим для меня из всех родных останется Баоюй. Он тяжело болен. Вчера я велела жене Лай Шэна пойти погадать о его дальнейшей судьбе.

Гадатель сказал, что Баоюя надо женить на девушке, чья судьба связана со стихией металла; только это может его спасти. Иначе ни за что ручаться нельзя. Предсказаниям ты не веришь, я знаю, но все же позвала тебя, чтобы посоветоваться. Кстати и жена твоя здесь. Хотите, чтобы Баоюй выздоровел? Или положимся на судьбу?

– Матушка, вы всегда любили меня, как же я могу не любить сына?! – взволнованно произнес Цзя Чжэн. – Огорчает меня лишь его нерадение в учебе, то, что я не могу, как говорится, железо превратить в сталь. Ваше намерение женить его, матушка, вполне справедливо! Я, как и вы, желаю своему сыну счастья и очень обеспокоен его болезнью. Но вы не разрешаете мне с ним видеться, и я не смею настаивать.

Госпожа Ван, не спуская глаз с мужа, видела, что он с трудом сдерживает слезы. Она поняла, как тяжело у него на душе, и сделала знак Сижэнь привести Баоюя.

Сижэнь пошла за юношей, подвела его к отцу и велела справиться о здоровье. Баоюй, словно заводной, совершил приветственную церемонию.

Осунувшееся лицо, потускневшие глаза и безумный взгляд потрясли Цзя Чжэна, и он сделал знак поскорее увести сына, а сам подумал: «Мне скоро шестьдесят, я должен ехать в далекую провинцию. Вернусь ли домой, не знаю. Если с мальчиком что-нибудь случится, я на старости лет

останусь без прямых потомков – мой внук Цзя Лань не в счет. Между нами целое поколение; к тому же матушка души не чает в Баоюе, и я буду считать себя виновным, если не спасу его».

Скользнув взглядом по заплаканному лицу госпожи Ван, он еще больше обеспокоился – здоровье жены оставляло желать лучшего.

– Матушка, – произнес он, вставая, – как вы скажете, так и будет, – разве я посмею перечить, если вы хотите устроить счастье своего внука? Вы лучше моего знаете жизнь. У вас такой опыт! Не знаю только, договорились ли вы с тетушкой Сюэ!

– Тетушка Сюэ в общем-то согласна, – поспешила ответить госпожа Ван. – А со свадьбой мы не торопимся из-за истории с Сюэ Панем.

– И это правильно, – промолвил Цзя Чжэн. – Как может девушка выходить замуж, если ее старший брат в тюрьме? Смерть гуйфэй хотя и не может помешать заключению брака, но гуйфэй приходилась Баоюю старшей сестрой, и ему полагается девять месяцев носить по ней траур. А раз так, то и ему пока жениться нельзя. К тому же близится день моего отъезда, и если бы даже мы захотели устроить свадьбу, все равно не успели бы. А отложить отъезд невозможно!

«Он прав, – подумала матушка Цзя. – Но ждать так долго нельзя, ведь Цзя Чжэн уедет. А если Баоюю станет хуже? Нет, придется поступиться установленными правилами».

– Если ты согласен на этот брак, – сказала матушка Цзя, – я берусь все устроить сама. Мы с твоей женой прямо сейчас поедem к тетушке Сюэ договариваться. А Сюэ Кэ попросим съездить к Сюэ Паню, все рассказать и объяснить, что от этой свадьбы зависит жизнь Баоюя. Уверена, он возражать не станет. Нехорошо, конечно, устраивать свадьбу во время траура, да и Баоюй тяжело болен. Как его женить? Поэтому устроим брачную церемонию только для вида, чтобы взбодрить Баоюя, вывести его из состояния безразличия. Брак этот – радость для обеих семей, детей наших – золото и яшму – связала судьба, даже гороскоп не потребуется – надо лишь выбрать счастливый день и отправить в дом невесты подарки, приличествующие положению нашей семьи. Затем выбрать день для брачной церемонии и совершить ее по-домашнему, без шума. Невесту доставим в дом в паланкине с восемью носильщиками, впереди слуги понесут двенадцать пар фонарей. По обычаю, существующему на юге, молодые совершат поклоны Небу и Земле, затем сядут под пологом, и мы осыплем их зерном.

Баочай – умница, за нее можно не беспокоиться. И за Сижэнь тоже. Они будут удерживать Баоюя от опрометчивых поступков. Так даже лучше.

Сижэнь с Баочай поладят. Кстати, тетушка Сюэ рассказывала, что один монах увидел у Баочай золотой замок и предсказал, что она непременно выйдет замуж за обладателя яшмы. Как знать, может быть, приезд Баочай предначертан самой судьбой? Тут трудно что-нибудь сказать. Но разве не будет для всех нас счастьем, если Баоюй выздоровеет? А пока нужно обставить как надо комнаты. Ни друзей, ни родственников звать не будем, пиршество устроим, когда пройдет траур по гуйфэй и Баоюй поправится. Если сделать так, как я говорю, то вполне управимся. Да и ты уедешь со спокойной душой, зная, что женил сына.

План матушки Цзя не очень понравился Цзя Чжэну, но перечить он не посмел и, через силу улыбнувшись, произнес:

– Вы замечательно все придумали, матушка! Нужно только строго-настрого запретить прислуге болтать о свадьбе. Одно меня беспокоит – не станет ли возражать тетушка Сюэ. Если не станет, мы сделаем все, как вы предлагаете, матушка!

– С тетушкой я все улажу сама, – оборвала его матушка Цзя, – ты можешь идти!

Цзя Чжэн вышел с чувством смутного беспокойства. Перед отъездом ему надо было получить грамоту в ведомстве, принимать родных и друзей, приходивших с различными просьбами. Как говорится, хлопот полон рот. Поэтому приготовления к свадьбе он, по совету матушки Цзя, поручил госпоже Ван и Фэнцзе. Единственное, что он сделал, это выбрал для новобрачных дом из двадцати комнат, неподалеку от личных покоев госпожи Ван, позади зала Процветания и счастья.

Матушка Цзя ничего не решала без Цзя Чжэна, но он на все соглашался и лишь поддакивал ей.

Однако об этом речь впереди.

Итак, Баоюй повидался с отцом, и Сижэнь увела его во внутренние покои, где усадила на кан. Поскольку Цзя Чжэн все еще находился у матушки Цзя во внешних покоях, никто не осмеливался разговаривать с Баоюем, и он погрузился в дремоту.

Из разговора Цзя Чжэна с матушкой Цзя он не услышал ни слова. Зато слышали Сижэнь и остальные служанки. Они, собственно, уже знали о помолвке Баоюя, но от посторонних людей, верили в это, поскольку Баочай совершенно перестала появляться у них, но уверенности не было. Однако теперь все их сомнения рассеялись. И они обрадовались.

«Поистине старая госпожа сделала замечательный выбор! – подумала Сижэнь. – Баоюй и Баочай прекрасная пара. И мне повезло! По крайней мере станет легче, если она придет в дом. Но ведь сердце его принадлежит

другой. Хорошо, что он не слышал этого разговора, не то учинил бы скандал!»

При этой мысли радость ее померкла, и она продолжала размышлять, но уже о другом: «Как же все-таки быть? Разве знает старая госпожа о сокровенных чувствах Баюя к Дайюй? Она думает, Баюй обрадуется предстоящей свадьбе и сразу выздоровеет! А что, если его чувства к Дайюй не изменились?! Недаром при первой встрече с Дайюй он хотел разбить свою яшму. Потом, это было летом, когда мы с ним повстречались в саду, он принял меня за Дайюй и стал говорить о своей любви. А как он плакал и убивался, когда Цзыцзюань в шутку сказала, будто Дайюй уезжает...

Конечно, если он совсем потерял разум, то отнесется к этой новости безразлично. А если хоть что-то соображает, это может его просто убить. Придется поговорить с госпожой. Это мой долг. Иначе могут оказаться несчастными сразу три человека!»

Как только Цзя Чжэн ушел, Сижэнь оставила Баюя на попечение Цювэнь, а сама отправилась к госпоже Ван и попросила ее пройти во внутренние покои. Матушка Цзя подумала, что Баюю что-либо понадобилось, и приходу девушки не придавала особого значения, поглощенная мыслями о том, какие подарки послать невесте и как устроить свадебный обряд.

Пройдя во внутреннюю комнату, Сижэнь бросилась перед госпожой на колени и заплакала. Теряясь в догадках, госпожа Ван взволнованно спросила:

– Что случилось? Тебя кто-нибудь обидел?

– Я не должна была вам этого говорить, но иного выхода нет! – воскликнула Сижэнь.

– Рассказывай, – ласково произнесла госпожа Ван. – Только не торопись!

– Баюй и Баочай – прекрасная пара! Что и говорить, – начала Сижэнь. – Но к кому Баюя больше влечет – к барышне Баочай или к барышне Дайюй?

– Конечно к Дайюй, – отвечала госпожа Ван. – Ведь они дружны с самого детства!

– Я не об этом, – возразила Сижэнь и принялась рассказывать об отношениях Баюя и Дайюй, а потом промолвила: – Да что это я вам говорю, вам и так все известно, вот только о моем разговоре с Баюем однажды в саду вы не знаете.

– Я и сама кое-что замечала, – проговорила госпожа Ван, коснувшись руки Сижэнь. – А сейчас лишний раз убедилась в этом. Но ведь он,

наверное, слышал сегодняшний разговор? Какое он произвел на него впечатление? Ты не заметила?

– Дело в том, – отвечала Сижэнь, – что Баоюй, когда с ним говорят, хоть и улыбается, но ничего не понимает. А в остальное время дремлет.

– Как же быть? – нерешительно произнесла госпожа Ван.

– Я всего-навсего ваша рабыня, госпожа, – сказала Сижэнь, – и обязана все вам рассказать, а вы можете доложить старой госпоже и посоветоваться, что делать.

– Ладно, иди, – махнула рукой госпожа Ван. – Сейчас у старой госпожи полно людей, неудобно. Но я выберу время и поговорю с ней. Что-нибудь придумаем.

Она вышла из комнаты и отправилась к матушке Цзя.

Матушка Цзя в это время беседовала с Фэнцзе, но, увидев госпожу Ван, прервала разговор и спросила:

– О чем это вы секретничали с Сижэнь?

Воспользовавшись случаем, госпожа Ван не преминула рассказать матушке Цзя все, что ей было известно о чувствах Баоюя к Дайюй. Матушка Цзя выслушала ее, подумала и сказала:

– Бог с ней, с Дайюй, а вот если у Баоюя к ней серьезные чувства, могут возникнуть осложнения.

– Какие еще осложнения, – промолвила Фэнцзе. – Я уже кое-что придумала, не знаю только, согласится ли тетушка.

– Если придумала, расскажи старой госпоже, – вмешалась госпожа Ван, – а потом вместе обсудим!

– Сейчас надо, как говорится, забросить удочку! – сказала Фэнцзе.

– Что это значит? – удивилась матушка Цзя.

– А то, что нужно распустить слух, будто отец решил женить Баоюя на барышне Линь Дайюй. Посмотрим, как Баоюй к этому отнесется. Если останется равнодушным, беспокоиться нечего. А обрадуется – тогда хлопот не миновать!

– Допустим, он обрадуется, – произнесла госпожа Ван. – Что тогда?

Фэнцзе наклонилась к госпоже Ван и что-то прошептала на ухо.

– Да, да, – закивала госпожа Ван. – Неплохо!

– Хватит вам шептаться! – с шутливым укором произнесла матушка Цзя. – Хоть бы мне рассказали, что собираетесь делать!

Опасаясь, что намеков матушка Цзя не поймет, а если сказать прямо, кто-нибудь услышит, Фэнцзе стала шептать ей на ухо. Сначала матушка Цзя ничего не поняла, но когда Фэнцзе ей все разъяснила, расплылась в улыбке.

– План, конечно, хороший, – сказала она, – но ведь Баочай будет страдать! А о Дайной и говорить не приходится!

– Мы скажем только Баюю, – стала успокаивать ее Фэнцзе. – А остальным строго-настрого прикажем молчать.

Вошла девочка-служанка и доложила:

– Вернулся второй господин Цзя Лянь!

Опасаясь, как бы матушка Цзя не узнала от него о кончине Ван Цзытэна, госпожа Ван незаметно сделала знак Фэнцзе. Та поспешила навстречу мужу и предупредила, чтобы ничего не рассказывал бабушке. Они вместе прошли в комнату госпожи Ван и стали ее дожидаться. Госпожа Ван вскоре пришла и сразу заметила, что у Фэнцзе глаза покраснели от слез.

Цзя Лянь приблизился к госпоже Ван и справился о здоровье. Затем рассказал о своей поездке и сообщил:

– Есть высочайшее повеление о пожаловании покойному посмертного титула Ученейшего и Прилежнейшего гуна. Членам семьи покойного приказано сопровождать гроб с телом к месту погребения, а чиновникам из учреждений, находящихся на пути следования, оказывать им всяческое содействие. Они тронулись в путь еще вчера. Жена вашего брата кланяется вам и весьма сожалеет, что из-за неблагоприятного стечения обстоятельств не может приехать в столицу излить вам душу. Кроме того, ей стало известно, что мой шурин Ван Жэнь собирается в столицу, и если она встретит его по пути, непременно велит ему побывать у вас, и он все вам расскажет.

Незачем описывать, какова была скорбь госпожи Ван. Фэнцзе всячески ее утешала.

– Отдохните немного, госпожа! – проговорила она. – А я приду вечером, и мы посоветуемся, как быть с Баюем.

Она оставила госпожу Ван и вместе с Цзя Лянем возвратилась домой. Фэнцзе рассказала мужу о предстоящей свадьбе Баюя и попросила послать людей для обустройства покоев.

Но об этом речь пойдет ниже.

Однажды после завтрака Дайной в сопровождении Цзыцзюань отправилась навестить матушку Цзя. Ей хотелось справиться о здоровье бабушки, а заодно немного рассеяться.

Едва выйдя из павильона Реки Сяосян, она вдруг вспомнила, что забыла платочек, и послала за ним Цзыцзюань, а сама медленно пошла вперед.

Добравшись до моста Струящихся ароматов, Дайюй свернула за горку, где когда-то вместе с Баоюем хоронила опавшие лепестки цветов, и вдруг услышала плач и причитания.

Девушка прислушалась, но ни голоса не узнала, ни слов не разобрала. Движимая любопытством, Дайюй, неслышно ступая, пошла к тому месту, откуда доносился плач, и увидела большеглазую девочку с густыми бровями. Это была служанка.

Дайюй подумала, что ее хотят выдать замуж насильно, и она пришла сюда выплакаться.

«Но какие чувства могут быть у этой глупышки! – Дайюй даже стало смешно. – Ведь это простая служанка для черной работы. Видимо, кто-то из старших служанок ей дал нагоняй...»

Дайюй внимательно оглядела девочку, но не смогла определить, чья она. Девочка же, завидев Дайюй, перестала плакать, вскочила и принялась утирать слезы.

– Ты чего плачешь? – спросила Дайюй.

– Барышня Линь! – воскликнула девочка, готовая снова разразиться слезами. – Посудите сами! Они разговаривали, я не знала, в чем дело, и сказала не то, что следовало, а старшая сестра меня за это поколотила!

Дайюй сначала ничего не поняла и спросила:

– Как зовут твою сестру?

– Чжэньчжу, она служанка старой госпожи, – отвечала девочка.

Только теперь Дайюй стало ясно, что девочка эта из комнат матушки Цзя.

– Как тебя зовут?

– Сестрица Дурочка.

– За что же тебя поколотили? – поинтересовалась Дайюй, не скрывая улыбки. – Что ты такое сказала?

– Ничего особенного! – воскликнула девочка. – Сказала, что наш второй господин Баоюй женится на барышне Баочай.

Словно гром грянул среди ясного неба. У Дайюй все перепуталось в голове. Но она нашла в себе силы сказать:

– Пойдем со мной!

Дайюй отвела девочку в то место, где они с Баоюем хоронили опавшие лепестки. Здесь не было ни души, и Дайюй, забыв об осторожности, выпалила:

– А что за дело твоей сестре до того, женится второй господин Баоюй на барышне Баочай или не женится? За что, собственно, она тебя поколотила?

– Господин Цзя Чжэн скоро уезжает, и вот старая госпожа, госпожа Ван и вторая госпожа Фэнцзе решили обо всем договориться с тетушкой Сюэ и взять барышню Баочай к себе, – принялась объяснять сестрица Дурочка. – Говорят, что это обрадует второго господина, да и... – Тут она захихикала и, наконец, сказала: – А сразу после свадьбы собираются просватать барышню Линь...

Дайюй была ошеломлена. А сестрица Дурочка продолжала трещать без умолку:

– Я и не знала, что служанкам запрещено об этом болтать, чтобы не смущать барышню Баочай. Однажды взяла да сказала Сижэнь, служанке второго господина Баоюя: «Интересно у нас получается: барышню звали Бао, теперь будут звать второй госпожой Бао, а мужа ее зовут второй господин Бао!..» Подумайте, барышня Линь, что обидного я сказала Чжэньчжу? А она ко мне подскочила, надавала пощечин, стала кричать, что я несу всякую чепуху, не уважаю приказания старших и что меня следовало бы выгнать из дома! Откуда мне было знать, что господа запретили об этом вести разговоры?! Хоть бы кто-нибудь из служанок сказал, а то сразу бить!

Слезы снова навернулись на глаза девочки.

Как невозможно определить, что за вкус у смеси масла, острого соевого соуса, сахара и уксуса, так не могла Дайюй разобраться в охвативших ее противоречивых чувствах. Постояв немного в растерянности, она дрожащим голосом сказала:

– Не болтай глупостей. А то услышат, и не миновать тебе порки. Иди!

Дайюй круто повернулась и пошла в сторону павильона Реки Сяосян. Будто груз в тысячу цзиней взвалили ей на плечи; ноги сделались ватными, и Дайюй еле плелась. Неизвестно, сколько времени девушка добиралась до моста Струящихся ароматов. Она сбилась с дороги и прошла лишнее расстояние, равное двум полетам стрелы.

У моста Струящихся ароматов она зачем-то свернула в сторону и побрела вдоль плотины.

Цзыцзюань тем временем сбегала за платочком, но, вернувшись, барышни не нашла. Бросилась искать и вдруг увидела Дайюй, которая брела, шатаясь словно пьяная; лицо было блее снега, глаза блуждали, как у безумной.

Впереди, быстро удаляясь, шла девочка-служанка, но Цзыцзюань издали ее не узнала.

Взволнованная, подбежала Цзыцзюань к своей барышне и спросила:

– Почему вы вернулись? Не пошли к старой госпоже?

– Я пойду к Баоюю, – ответила Дайюй. – Мне надо его кое о чем

спросить.

Цзыцзюань терялась в догадках. Ей пришлось взять девушку под руку и вести к дому матушки Цзя.

Подойдя к дверям, Дайюй словно очнулась от кошмарного сна, повернула голову и, увидев Цзыцзюань, спросила:

– Ты зачем сюда пришла?

– Принесла вам платочек, – ответила Цзыцзюань. – Я вас увидела возле моста, догнала и спросила, куда вы идете, но вы будто не слышали.

– А я-то думаю: как ты сюда попала? – проговорила Дайюй. – Решила, что ты пришла навестить Баюя!

Видя, что творится с Дайюй, Цзыцзюань догадалась, что девчонка, которую она заметила возле моста, что-то ей наболтала.

Больше всего Цзыцзюань боялась, как бы Дайюй вдруг не встретилась с Баюем. Ей казалось, что Дайюй тоже помешалась. «Если они встретятся, – думала она, – беды не миновать».

И все же Цзыцзюань не осмелилась послушаться барышню и, взяв под руку, повела в дом.

И – о чудо! – когда они подошли к дверям и Цзыцзюань хотела отодвинуть дверную занавеску, Дайюй вдруг почувствовала необычайный прилив сил, оттолкнула руку служанки, сама откинула занавеску и вошла.

В комнате царила мертвая тишина. Матушка Цзя спала, а служанки, воспользовавшись этим, разбежались: одни играли, другие решили вздремнуть, третьи в прихожей клевали носом в ожидании, пока старая госпожа проснется.

Сижэнь, услышав шорох занавески, вышла из внутренних покоев.

– Садитесь, барышня! – пригласила она Дайюй.

– Второй господин Баюй дома? – осведомилась девушка.

Только было Сижэнь собралась ответить, как вдруг заметила, что Цзыцзюань из-за спины Дайюй делает ей знаки держать рот на замке.

Сижэнь ничего не поняла, но на всякий случай предпочла молчать. Тогда Дайюй, не обращая на нее внимания, направилась во внутреннюю комнату и увидела Баюя. Он не поднялся ей навстречу, не предложил сесть, а только смотрел на нее вытаращенными глазами и глупо хихикал.

Дайюй села на стул и, сверля Баюя пристальным взглядом, тоже засмеялась.

Они не поздоровались друг с другом, не обмолвились ни словом, не обменялись любезностями. Нет! Они просто глядели друг на друга и кривили рот в улыбке.

Сижэнь растерялась, не зная, что делать.

– Баоюй, почему ты заболел? – вдруг раздался голос Дайюй.

– Из-за барышни Линь Дайюй, – последовал ответ.

Сижэнь и Цзыцзюань побледнели от страха и попытались отвлечь их от разговора. Однако Баоюй и Дайюй по-прежнему глядели друг на друга и смеялись.

Сижэнь догадалась, что с Дайюй происходит то же, что и с Баоюем, поэтому, улучив момент, шепнула Цзыцзюань:

– Твоя барышня недавно болела, и ей нельзя волноваться. Я позову сестру Цювэнь, пусть поможет тебе отвести барышню домой. Цювэнь! – позвала она. – Вы с сестрой Цзыцзюань сейчас проводите барышню Линь домой. Только смотри не болтай глупостей!

Цювэнь подошла к Дайюй, и они вместе с Цзыцзюань взяли ее под руки. Дайюй покорно встала со стула, еще раз бросила пристальный взгляд в сторону Баоюя, усмехнулась и кивнула головой.

– Барышня, идемте домой, – заторопила ее Цзыцзюань.

– Да, конечно! – согласилась Дайюй. – Мне как раз пора уходить.

Она направилась к двери, и так стремительно, что Цзыцзюань и Цювэнь едва за ней поспевали. Дайюй не шла – она летела. И все прямо, прямо.

Цзыцзюань догнала ее, взяла за руку и промолвила:

– Барышня, нам не туда...

Дайюй засмеялась и следом за служанкой пошла в сторону павильона Реки Сяосян.

Недалеко от ворот Цзыцзюань облегченно вздохнула:

– Амиитаба! Наконец-то мы дома!

Но едва она это произнесла, как Дайюй подалась вперед, охнула, и изо рта у нее хлынула кровь.

Если хотите узнать о дальнейшей судьбе Дайюй, прочтите следующую главу.

Глава девяносто седьмая

Распрощавшись со своими мечтами, Линь Дайюй сжигает рукописи стихов;

после совершения брачной церемонии Сюэ Баочай переезжает в дом мужа

Итак, у ворот павильона Реки Сяосян Дайюй стало плохо, в голове помутилось, изо рта хлынула кровь. Не подхвати ее Цзыцзюань и Цювэнь под руки, она упала бы.

Цювэнь вскоре ушла, а Цзыцзюань и Сюэянь стали хлопотать около Дайюй и вскоре заметили, что девушка приходит в себя.

– Вы о чем плачете? – спросила Дайюй.

Служанки обрадовались: раз барышня спрашивает, значит, она в здравом уме и твердой памяти. И они ответили:

– По пути домой вам стало плохо, и мы расстроились. Потому и плачем!

– Неужто вы думаете, что я так сразу умру! – усмехнулась Дайюй, и тут же у нее перехватило дыхание.

Дайюй давно опасалась, что Баоюя женят на Баочай, и когда узнала о предстоящей свадьбе, рассудок ее помутился от гнева. Но после того, как изо рта у девушки хлынула кровь, ей стало легче. Из головы вылетели слова сестрицы Дурочки, и только сейчас, придя в себя, она вспомнила их, и то смутно.

Она больше не скорбела, не убивалась, только хотела поскорее умереть.

Цзыцзюань и Сюэянь заботливо ухаживали за своей барышней, но не решались никому рассказывать о ее болезни, опасаясь, как бы Фэнцзе их снова не отругала за то, что поднимают шум из-за пустяков.

Цювэнь возвратилась к себе как раз когда матушка Цзя проснулась. Заметив, что служанка чем-то встревожена, та спросила:

– Что случилось?

Перепуганная Цювэнь без утайки рассказала обо всем, что произошло.

– Вот беда-то! – переполошилась матушка Цзя.

Служанки позвали госпожу Ван и Фэнцзе, и матушка Цзя передала им рассказ Цювэнь.

– Кто же проговорился? – недоумевала Фэнцзе. – Ведь я всем строго-настрого наказывала молчать! Вот вам и осложнение, о котором я говорила!

– Не стоит раньше времени волноваться, – проговорила матушка Цзя. – Первым делом надо пойти посмотреть, что с девочкой.

Сопровождаемая госпожой Ван и Фэнцзе, она отправилась к Дайюй. Девочка лежала бледная, в лице ни кровинки, и почти не дышала. Потом закашлялась и выплюнула сгусток крови. Всех охватило смятение.

Дайюй приоткрыла глаза, поглядела на матушку Цзя и дрогнувшим голосом проговорила:

– Бабушка! Зря вы меня любили! Не оправдала я ваших надежд!

Слова эти перевернули всю душу матушки Цзя.

– Милое дитя, – сдавленным голосом произнесла она, – выздоравливай поскорее! Все будет хорошо!

Слабая улыбка тронула губы Дайюй, и она вновь закрыла глаза. Вошла девочка-служанка и доложила:

– Пришел доктор.

Женщины и девушки поспешили скрыться. В комнату вошли доктор Ван и Цзя Лянь. Доктор пощупал пульс больной и заявил:

– Ничего страшного нет. Из-за сильного потрясения в печень не поступает кровь, и это влияет на самочувствие. Больной необходимо дать кровоостанавливающее, тогда появится надежда на выздоровление.

Доктор Ван пошел выписывать лекарство, вышла и матушка Цзя, а следом за ней Фэнцзе и остальные.

– Мне кажется, девочку вылечить не удастся! – промолвила старая госпожа. – Вы только не подумайте, что я хочу накликать своими словами несчастье! Но надо приготовить все необходимое на случай похорон! Хорошо, если девочка поправится. У нас и без того полно хлопот. Одна свадьба чего стоит!

Затем матушка Цзя стала расспрашивать Цзыцзюань, кто рассказал обо всем Дайюй.

– Дети с малых лет росли вместе, – печально вздохнула матушка Цзя, – и, конечно, привязаны друг к другу. Я всегда любила Дайюй. Но она уже взрослая и должна понимать, какая ей уготована судьба. А если не понимает, так и жалеть ее нечего! Напрасно я о ней так пеклась! Ваш рассказ меня очень встревожил.

Она возвратилась к себе, позвала Сижэнь и завела с ней разговор о Дайюй. Сижэнь все подробно ей рассказала и повторила то, что уже

говорила об отношениях Баоюя с Дайюй.

– Я только сейчас ее видела, – промолвила матушка Цзя. – Она не производит впечатления помешанной. В нашей семье сердечных болезней не признают! Я не пожалею никаких денег, чтобы вылечить Дайюй! Но если это сердечный недуг – не стану ее жалеть!

– О сестрице Линь можете не беспокоиться, бабушка, – сказала Фэнцзе, – за ней будут присматривать доктор и Цзя Лянь. Сейчас главное – окончательное согласие тетушки. Нынче утром мне сообщили, что покои для новобрачных уже приготовлены. Теперь, бабушка, вам с госпожой Ван надо бы пойти к тетушке Сюэ обо всем договориться. Правда, неловко это делать при Баочай. Может быть, пригласить тетушку к нам? Так будет удобней.

– Ты права, – заметили матушка Цзя и госпожа Ван. – Но сегодня поздно, а завтра непременно ее пригласим.

Матушка Цзя села ужинать, а Фэнцзе и госпожа Ван ушли к себе. Но это к делу не относится.

На следующий день после завтрака Фэнцзе пошла к Баоюю и без обиняков заявила:

– Второй господин, тебя ждет большая радость! Отец решил тебя женить и уже выбрал счастливый день для свадьбы!

Баоюй ничего не говорил, только глядел на Фэнцзе широко раскрытыми глазами, улыбался и еле заметно кивал головой.

– Он решил женить тебя на сестрице Линь Дайюй, – продолжала Фэнцзе. – Ну как, доволен?

Баоюй расхохотался, и, глядя на него, Фэнцзе не могла понять, в здравом ли он уме. Поэтому она повторила:

– Батюшка сказал, что женит тебя на сестрице Линь Дайюй, но лишь в том случае, если ты поправишься. А если и дальше будешь таким же глупым, тебя вообще не женят.

– Не я глуп, а ты! – с серьезным видом заявил Баоюй и, поднявшись, добавил: – Пойду навещу сестрицу Дайюй, надо ее успокоить!

– Сестрица Дайюй уже все знает, – поспешила сказать Фэнцзе, удерживая его за руку. – Она скоро станет твоей женой, и не надо к ней ходить, смущать ее.

– А когда меня женят, мы с нею хоть раз увидимся? – спросил Баоюй.

Фэнцзе стало смешно, но она тут же подумала: «Сижэнь не ошиблась. Стоит упомянуть имя сестрицы Линь – и у него наступает просветление. Но если он в здравом уме и увидит, что его женили не на барышне Линь

Дайюй, то взбесится, как затравленный тигр. Тогда его не унять!»

И, поборов волнение, Фэнцзе сказала:

– Если будешь благоразумным, увидитесь! А не будешь – она не пустит тебя к себе.

– Сердце у меня всего одно, и я давно отдал его сестрице Линь Дайюй, – сказал юноша. – Если она придет, то принесет его и снова вложит в мою грудь.

Слова Баюя показались Фэнцзе бессмысленными, она вышла из комнаты и отправилась к матушке Цзя. Там она слово в слово повторила все, что говорил Баюй. Матушке Цзя было и смешно и больно.

– Я все понимаю, – сказала она. – Не нужно обращать на Баюя внимания. Пусть Сижэнь его успокоит!

Вскоре пришла госпожа Ван, и вместе с матушкой Цзя они отправились к тетушке Сюэ. Сначала приличия ради справились о ее делах, потом сказали, что давно не виделись с ней и пришли навестить.

Растроганная тетушка Сюэ подробнейшим образом рассказала, как обстоят дела с Сюэ Панем.

После чая тетушка Сюэ хотела было послать за Баочай, но Фэнцзе ее удержала:

– Не нужно! Пусть Баочай ничего не знает. Старая госпожа просто хотела вас навестить и кое о чем посоветоваться. Вот и пригласила к себе.

– Да, да, – закивала головой тетушка Сюэ.

Поболтав еще немного, все разошлись.

Вечером тетушка Сюэ пришла к матушке Цзя, поклонилась, а затем отправилась навестить госпожу Ван. Не обошлось без разговора о Ван Цзытэне, и все, конечно, всплакнули.

– Я только что от старой госпожи, – сказала тетушка Сюэ. – Баюй вышел ко мне, справился о здоровье, ничего особенного я не заметила, разве что он похудел. Зачем же говорить, что он плох?

– Это бабушка от волнения, на самом же деле ничего страшного нет, – поспешила вмешаться Фэнцзе. – Дело в том, что господин Цзя Чжэн собирается ехать к новому месту службы, и старая госпожа хочет поскорее женить Баюя, чтобы отцу было спокойнее. Ведь неизвестно, когда он вернется. К тому же женитьба на Баочай пойдет Баюю на пользу, «золотой замок» поможет ему избавиться от наваждений.

Тетушка Сюэ не возражала против этого брака, но, чтобы не вызвать недовольства Баочай, сказала:

– Я согласна, только сначала надо все обсудить и взвесить.

Тогда госпожа Ван рассказала тетушке Сюэ о плане Фэнцзе и

добавила:

– Никакого приданого пока не надо, ведь сейчас мужчин у вас в доме нет. Пусть только Сюэ Кэ сообщит Сюэ Паню о предстоящем замужестве Баочай и скажет, что мы постараемся его выручить.

О чувствах Баоюя госпожа Ван и словом не обмолвилась, лишь сказала:

– Чем раньше мы поженим наших детей, тем меньше будет хлопот!

В это время матушка Цзя прислала Юаньян разузнать новости.

Тетушка Сюэ боялась расстроить Баочай, но слушала и поддакивала, – иного выхода не было.

Вернувшись к себе, Юаньян доложила матушке Цзя обо всем, что ей довелось услышать, и матушка Цзя, очень довольная, попросила Юаньян передать тетушке Сюэ и Баочай, чтобы они ни о чем не тревожились. Тетушка Сюэ в свою очередь была растрогана таким вниманием старой госпожи.

Уговорились, что сватами выступят Фэнцзе и ее муж.

Все наконец разошлись, а госпожа Ван проговорила с сестрой до полуночи.

На следующий день тетушка Сюэ возвратилась домой и обо всем рассказала Баочай.

– Я уже дала согласие, – промолвила она.

Баочай слушала молча, опустив голову, и глаза ее наполнились слезами.

Тетушка Сюэ принялась ласково утешать дочь, объяснила ей, в чем дело. Баочай ушла к себе, а Баоцинь, не желая оставлять сестру в одиночестве, последовала за нею.

После этого тетушка Сюэ сообщила обо всем Сюэ Кэ и наказала:

– Завтра с утра отправляйся в путь! Прежде всего разузнай о решении высшего начальства, а потом сообщи о замужестве Баочай. Только смотри не задерживайся!

Сюэ Кэ вернулся через четыре дня и сказал тетушке:

– Высокие начальники определили убийство, что совершил Сюэ Пань, как непреднамеренное, и теперь надо готовить деньги, чтобы откупиться от наказания. Вскоре нас об этом уведомят. Брак Баочай Сюэ Пань одобряет и так мне сказал: «Мама совершенно права. Чем раньше это произойдет, тем меньшими будут затраты. Пусть не ждет меня и поступает как сочтет нужным».

Это известие обрадовало тетушку Сюэ: теперь, по крайней мере, Сюэ Пань вернется домой, да и Баочай будет пристроена.

И хотя Баочай была не очень довольна, тетушка рассудила по-своему: «Дочь должна повиноваться воле родителей, тем более что я уже дала согласие».

– Немедля напиши гороскоп Баочай, – приказала она Сюэ Кэ, – отнеси второму господину Цзя Ляню и спроси, на какой день назначена свадьба, надо хорошенько подготовиться. Друзей и дальних родственников звать не будем, тем более друзей Сюэ Паня – ведь ты сам говорил, какие они все негодяи. Из близких родственников у нас только семьи Цзя и Ван. Но семья Цзя – семья жениха, а из семьи Ван сейчас никого нет в столице. Семью Ши тоже незачем извещать, на помолвку барышни Ши Сяньюнь они нас не звали. Пригласим только Чжан Дэхуэя и попросим его быть распорядителем свадебной церемонии. Он человек пожилой и прекрасно разбирается в житейских делах.

Сюэ Кэ в точности выполнил все указания тетушки Сюэ.

А на следующий день явился Цзя Лянь. Справившись о здоровье тетушки Сюэ, он сказал:

– Хочу сообщить вам, что свадебный обряд назначен на завтра, это самый счастливый день. Только прошу вас, тетушка, не взыщите, если что не так.

Он преподнес тетушке Сюэ письменное извещение о свадьбе. Тетушка произнесла в ответ несколько вежливых фраз, после чего Цзя Лянь поспешил откланяться и, возвратившись домой, рассказал о своем визите Цзя Чжэну.

– Доложи обо всем старой госпоже! – приказал Цзя Чжэн. – Поскольку мы не приглашаем родственников и друзей, церемония должна пройти тихо, без шума. Подарки, приличествующие случаю, пусть подберет старая госпожа, мне об этом докладывать незачем!

Цзя Лянь почтительно поддакнул и отправился к старой госпоже.

Между тем госпожа Ван велела Фэнцзе приготовить свадебные подарки и показать матушке Цзя, а также распорядилась предупредить Баоюя, чтобы готовился к свадьбе.

– Странно! – захихикал Баоюй. – Сначала отсюда посылали вещи в сад, потом из сада сюда... Свои посылают, свои же и принимают! Зачем – непонятно.

При этих словах матушка Цзя и госпожа Ван не могли скрыть своей радости.

– Все уверяют, будто он поглупел! – говорили они. – Но разве мог бы он в этом случае рассуждать столь разумно?

С трудом сдерживая улыбку, Юаньян принялась показывать матушке

Цзя вещь за вещью.

– Это – золотые ожерелья, – говорила она, – их всего восемьдесят штук. Вот сорок кусков шелка с узорами из драконов, и еще сто двадцать кусков шелка и атласа, все разных цветов. Тут сто двадцать смен одежды для четырех сезонов года и деньги на вино и угощение.

Тщательно осмотрев каждую вещь, матушка Цзя осталась довольна и сказала Фэнцзе:

– Пойди скажи тетушке Сюэ, что эта церемония не в счет. Свадьбу по всем правилам мы устроим после возвращения Сюэ Паня. А сейчас пусть шьют для Баочай платья. Одежда для новобрачных мы сделаем сами.

Фэнцзе вместо себя послала Цзя Ляня к тетушке Сюэ, а сама позвала Чжоу Жуя и Ванъэра и предупредила:

– Через главные ворота ничего не выносите! Только через боковую калитку. Я пойду с вами. Калитка эта далеко от павильона Реки Сяосян, но если даже кто-нибудь увидит, прикажем, чтобы не болтали.

Слуги взяли подарки и вышли.

Баоюй был уверен, что женят его на Дайюй, и, конечно же, радовался. Хандры как не бывало. Только в речах еще угадывалось безумие.

Служанки и слуги носили ему показывать подарки, но ни словом не обмолвились, от кого они и кому предназначаются, хотя все прекрасно знали. Фэнцзе строго-настрого приказала им держать язык за зубами.

Но вернемся к Дайюй. День ото дня ей становилось хуже, никакие лекарства не помогали.

Цзыцзюань всячески ее утешала:

– Раз уж дело приняло такой оборот, я не могу молчать. Мы, барышня, знаем ваше заветное желание. Но вы не волнуйтесь, Баоюй болен, кто же теперь его станет женить? Не слушайте сплетен, успокойтесь, поберегите себя!

В ответ Дайюй лишь тихо смеялась и по-прежнему кашляла кровью.

Цзыцзюань понимала, что Дайюй недолго протянет, что утешать ее бесполезно, но каждый день рассказывала Юаньян о состоянии девушки, надеясь, что та передаст матушке Цзя, но Юаньян не передавала, она видела, что старая госпожа охладела к внучке, и предпочитала молчать. Да и до того ли было матушке Цзя? Она думала лишь о предстоящей свадьбе, а о Дайюй не вспоминала, разве что приглашала врача.

Дайюй всегда посещали во время болезни, и она удивлялась, почему сейчас никто не приходит. Только Цзыцзюань возле нее хлопотала, хотя ни на что не надеялась.

– Сестра, – обратилась как-то Дайюй к служанке, собрав последние силы, – ты моя самая близкая подруга! И хотя служишь мне всего несколько лет, я отношусь к тебе как к родной...

Дайюй задохнулась, у Цзыцзюань комок подступил к горлу, и она заплакала в голос.

Через некоторое время Дайюй снова заговорила:

– Сестрица Цзыцзюань! Подними меня! Что пользы лежать!

– Барышня, ведь вы не одеты, – отвечала девушка. – И можете простудиться.

Дайюй закрыла глаза, попыталась приподняться. Цзыцзюань и Сюэянь помогли ей, подложив под бока и спину подушки, а сами встали по сторонам.

Но, едва сев, Дайюй сразу ощутила резкую боль и судорожно вцепилась в подушки, затем позвала Сюэянь, сказала:

– Моя тетрадь... – и снова стала задыхаться.

Сюэянь догадалась, что Дайюй имеет в виду стихи, которые недавно исправляла. Быстро разыскала тетрадь, подала ее барышне. Дайюй кивнула, затем глазами указала на ящик. Сюэянь не поняла. Дайюй разволновалась, округлила глаза, закашлялась, и ее стало рвать кровью.

Сюэянь дала Дайюй прополоскать рот, а Цзыцзюань осторожно вытерла ей губы платочком. Дайюй взяла платочек и снова указала в направлении ящика. Потом опять стала задыхаться и закрыла глаза.

– Полежите спокойно, барышня, – уговаривала ее Цзыцзюань.

Дайюй покачала головой. Цзыцзюань подумала, что она просит платок, и велела Сюэянь достать его из ящика. Та подала белый шелковый платок, однако Дайюй оттолкнула ее руку и с трудом проговорила:

– На котором написаны иероглифы!..

Только сейчас Цзыцзюань поняла, что барышня просит тот самый старый головной платок, на котором были написаны стихи, и приказала Сюэянь немедленно разыскать его и подать Дайюй.

– Отдохните, барышня, – упрашивала она Дайюй. – Зачем себя изводить? Потом посмотрите стихи, когда поправитесь!

Не обращая на нее внимания, Дайюй хотела разорвать платок, но не хватило сил.

Цзыцзюань догадалась, что барышня сердится на Баюя, но не решилась заводить о нем речь и только произнесла:

– Эх, барышня, опять вы расстроились!

Дайюй опустила голову, сунула платок в рукав, велела зажечь лампу. Пристально на нее посмотрела, отдышалась немного и, наконец,

вымолвила:

– Разожгите жаровню...

Цзыцзюань решила, что Дайюй холодно, и сказала:

– Вы бы лучше легли, барышня, а я вас потеплее укурую. А то дым пойдет, и вам станет хуже.

Дайюй покачала головой. Сюэянь разожгла жаровню, поставила на пол. Дайюй потребовала, чтобы жаровню перенесли на кан. Сюэянь выполнила ее желание.

Дайюй попыталась подвинуться ближе к жаровне, Цзыцзюань помогла ей. Тогда Дайюй вытащила из рукава платок и бросила его на пылающие уголья. Цзыцзюань испугалась, хотела выхватить платок из огня, но руки не слушались.

Сюэянь в это время в комнате не было, – она вышла за подставкой для жаровни.

– Барышня! – с упреком произнесла Цзыцзюань. – Что же вы натворили?!

Дайюй, будто не слыша, взяла тетрадь со стихами и тоже бросила в огонь. Цзыцзюань дважды пыталась отнять ее, но безуспешно. Девушка растерялась, не зная, что делать.

Но тут на пороге появилась Сюэянь, кинулась к жаровне и, обжигая руки, вытащила из огня уже наполовину сгоревшую тетрадь.

Дайюй закрыла глаза, словно не желала больше видеть Цзыцзюань. Тогда Цзыцзюань попросила Сюэянь помочь ей уложить барышню. Сердце ее бешено колотилось. Надо бы позвать кого-нибудь на помощь, но как тревожить людей в столь позднее время? А не позовешь и случится несчастье, придется потом ответ держать. Всю ночь девушки провели в тревоге.

Наутро Дайюй стала еще слабее. После завтрака приступы кашля возобновились, опять появилась тошнота. Цзыцзюань оставила больную на попечение Сюэянь, а сама отправилась к матушке Цзя.

Но там словно все вымерло; девушка не встретила никого, кроме нескольких старых мамок да девочек-служанок для черной работы, которых оставили присматривать за комнатами.

– А старая госпожа где? – осведомилась Цзыцзюань.

– Не знаем, – последовал ответ.

Цзыцзюань удивилась и направилась в комнаты Баюя. Но и там никого не нашла.

Спросила служанок, те сказали, что им ничего не известно. Тут только Цзыцзюань догадалась, в чем дело.

«До чего черствые, безжалостные люди», – с горечью подумала девушка, вспомнив о том, что последние дни никто не навещал Дайюй. Расстроенная, она вышла.

«Надо бы пойти к Баоюю справиться о здоровье, – пришла в голову мысль. – Но как он примет меня?! Когда-то я над ним подшутила, и он заболел от волнения. Что же будет сейчас? Нечего и говорить! Сердца у мужчин холодны как лед».

Занятая своими мыслями, Цзыцзюань брела наугад, пока не очутилась у двора Наслаждения пурпуром. Ворота заперты, во дворе – ни души. Тут девушка вспомнила: «Ведь Баоюй женится, и для новобрачных приготовили новые покои! Но где они?»

Вдруг она заметила Моюя, мальчика-слугу Баоюя, и окликнула его.

– Ты зачем пришла, сестрица? – спросил Моюй.

– Слышала, что второй господин Баоюй женится, и пришла посмотреть на его свадьбу, – отвечала Цзыцзюань. – А она, оказывается, не здесь! Я даже не знаю, когда состоится брачная церемония!

– Я тебе скажу, только смотри ничего не говори сестре Сюэянь! – шепнул Моюй. – Господа не велели вам об этом рассказывать! Брачная церемония нынче вечером. Для этого случая господину Цзя Ляню велено было приготовить отдельный дом. Может быть, у тебя есть ко мне дело, сестра?

– Нет, ничего, – отвечала Цзыцзюань. – Иди!

Моюй убежал.

Цзыцзюань тупо глядела ему вслед, потом вспомнила об умирающей Дайюй и залилась слезами.

– Баоюй, – процедила она сквозь зубы, – она скоро умрет и не будет служить тебе живым укором! Но я-то жива! Как ты будешь смотреть мне в глаза?

Судорожно всхлипывая, она побежала домой и там увидела, что из-за ворот украдкой выглядывают две служанки.

– Сестра Цзыцзюань пришла! – крикнула одна из них.

Цзыцзюань поняла, что дело плохо, сделала девочкам знак не шуметь и вошла в дом.

Лихорадочный румянец пылал на щеках Дайюй. Цзыцзюань велела позвать няньку Дайюй – тетку Ван.

Та глянула на свою воспитанницу и в отчаянии заплакала.

А Цзыцзюань так на нее надеялась! Но тетка Ван оказалась совершенно беспомощной и стояла в полной растерянности. Тут Цзыцзюань осенило: «Вот за кем надо послать!» Как бы вы думали, за кем?

Ну конечно же за Ли Вань. Цзыцзюань знала, что Ли Вань живет затворницей и на свадьбу вряд ли пойдет. Веселье и шум ее не прельщали. К тому же она была главной распорядительницей в саду.

Когда пришла служанка, Ли Вань выправляла стихи, недавно написанные Цзя Ланем.

– Старшая госпожа, барышня Линь совсем плоха! – доложила служанка. – Там все плачут.

Ли Вань, ни о чем не спрашивая, поспешила к Дайюй. Суюнь и Биюэ побежали следом за нею.

Обливаясь слезами, Ли Вань думала: «Дайюй была самой красивой среди сестер и самой талантливой. Не уступала Су Э и Циннью! И вот, совсем юной, ей суждено стать „обитательницей Бэймана“^[58]. А Фэнцзе, будто нарочно, вздумала, как говорится, «украсть балку и подменить колонну». Как же ей после этого являться в павильон Реки Сяосян и утешать девочку! Бедняжка Дайюй, жаль мне ее!»

С этими печальными мыслями Ли Вань подошла к воротам павильона Реки Сяосян. Там царила тишина, и Ли Вань забеспокоилась:

– Наверное, Дайюй умерла и ее уже оплакали. Но приготовили ли саван и погребальные украшения?

Ли Вань поспешила в комнату. Ее увидела девочка-служанка и закричала:

– Старшая госпожа пришла!

Из комнаты выбежала Цзыцзюань и столкнулась с Ли Вань.

– Ну что? – спросила Ли Вань.

Цзыцзюань хотела ответить, но комок подступил к горлу, из глаз покатались крупные слезы-жемчужины, и она молча указала рукой на Дайюй.

Охваченная смятением и скорбью, Ли Вань приблизилась к постели. Дайюй была так слаба, что не могла говорить. Ли Вань дважды окликнула ее. Дайюй приоткрыла глаза, они были сухими, шевельнула губами, но не проронила ни звука.

Ли Вань обернулась и, не увидев Цзыцзюань, спросила, где она.

– В прихожей, – отвечала Сюэянь.

Ли Вань вышла. Цзыцзюань лежала ничком и рыдала. Глаза ее были закрыты. Шелковое одеяло намокло от слез.

Ли Вань окликнула девушку. Она открыла глаза, приподнялась на постели.

– Глупышка! – ласково сказала Ли Вань. – Сейчас не время плакать! Почему не приготовили саван для барышни и не переодели ее? Неужели

она уйдет из нашего мира такой же голой, как явилась сюда?

Цзыцзюань еще громче заплакала. Ли Вань, сдерживая волнение, похлопывала девушку по плечу и, утирая слезы, утешала ее:

– Милое дитя! Своими слезами ты меня еще больше расстраиваешь! Скорее приготовь необходимые вещи! Главное – все сделать вовремя!

Кто-то стремительно вбежал в комнату. От неожиданности Ли Вань вздрогнула и тут увидела, что это Пиньэр. Оглядев всех, девушка не на шутку перепугалась.

– Ты зачем здесь? – спросила Ли Вань. – Почему не с госпожами?

В это время на пороге появилась жена Линь Чжисяо.

– Моя госпожа очень беспокоится о барышне Линь Дайюй, – промолвила Пиньэр, – и велела мне присмотреть за ней. Но раз уж вы здесь, моя госпожа может спокойно заниматься своими делами.

Ли Вань кивнула.

– Я хочу взглянуть на барышню Линь, – сказала Пиньэр и прошла во внутреннюю комнату. Стоило ей увидеть Дайюй, как из глаз полились слезы.

Ли Вань тем временем говорила жене Линь Чжисяо:

– Ты пришла как раз кстати! Вели экономкам все приготовить для похорон барышни Линь Дайюй! А потом мне доложишь, к господам ходить незачем!

Жена Линь Чжисяо поддакнула, но с места не двинулась.

– Хочешь что-то сказать? – спросила Ли Вань.

Женщина замялась, а после произнесла:

– Вторая госпожа Фэнцзе только что разговаривала со старой госпожой, им на некоторое время нужна барышня Цзыцзюань.

– Тетушка Линь! – вскричала Цзыцзюань, не дожидаясь, пока Ли Вань ответит. – Прошу вас, оставьте нас в покое!.. Когда умрет барышня, мы, разумеется, перейдем в ваше распоряжение и тогда все, что нужно...

Цзыцзюань смутилась, умолкла, а потом, как бы извиняясь, договорила:

– А сейчас мы не отходим от барышни. Она все время меня зовет.

– В самом деле! Видимо, в прежней жизни барышня Линь самой судьбой была связана с этой девочкой. Она ее ни на минуту не отпускает, – подтвердила Ли Вань. – А вот к Сюэянь барышня равнодушна, хотя и привезла ее с собой.

Если возражение Цзыцзюань не возымело действия на жену Линь Чжисяо, то слова Ли Вань ее озадачили, и она не знала, что отвечать. Глядя на Цзыцзюань, которая рыдала, как плакальщица на похоронах, жена Линь

Чжисяо с усмешкой промолвила:

– Болтовню барышни Цзыцзюань можно не принимать всерьез, но как я доложу старой госпоже о том, что сказали вы? Да и как заикнуться об этом второй госпоже Фэнцзе?!

В это время из внутренней комнаты, утирая слезы, вышла Пиньэр и, услышав последние слова жены Линь Чжисяо, спросила:

– О чем это вы боитесь заикнуться второй госпоже?

Линь Чжисяо ответила. Пиньэр подумала и сказала:

– Но ведь можно послать Сюэянь.

– Думаешь, можно? – усомнилась Ли Вань.

Пиньэр что-то шепнула Ли Вань на ухо.

Ли Вань кивнула и сказала:

– И в самом деле, пусть идет Сюэянь.

– Барышня Сюэянь? – удивленно спросила жена Линь Чжисяо, оборачиваясь к Пиньэр.

– А почему бы и нет? Не все ли равно, она или Цзыцзюань! – промолвила Пиньэр.

– В таком случае пусть немедленно идет со мной, – сказала жена Линь Чжисяо. – Мне нужно доложить старой госпоже и второй госпоже Фэнцзе, что Цзыцзюань заменили на Сюэянь. А поскольку придумали это старшая госпожа Ли Вань и вы, барышня, надеюсь, вы объясните второй госпоже, что я ни при чем.

– Хороша! – воскликнула Ли Вань. – Жизнь прожила, а боишься взять на себя такой пустяк!

– Да не боюсь я, – улыбнулась жена Линь Чжисяо. – Но это приказ старшей госпожи и второй госпожи Фэнцзе, и тут не поймешь, почему они хотят сделать что-либо так, а не иначе. Поэтому я и вынуждена сослаться на вас и барышню Пиньэр.

Пиньэр между тем позвала Сюэянь.

Надо сказать, что в последнее время Дайюй почти не пользовалась услугами Сюэянь, считая ее нерасторопной и глупой, и Сюэянь охладела к барышне. Поэтому она не возразила ни слова и стала собираться.

Пиньэр велела девочке надеть новое платье и следовать за женой Линь Чжисяо. Сама же она поговорила еще немного с Ли Вань и тоже собралась уходить. Ли Вань велела ей напомнить жене Линь Чжисяо, чтобы та попросила мужа сделать необходимые приготовления к похоронам Дайюй.

Выйдя из дому, Пиньэр за поворотом дорожки увидела жену Линь Чжисяо и Сюэянь и окликнула их.

– Девочку отведу я, – сказала она жене Линь Чжисяо, – а ты передай

мужу, чтобы приготовил все необходимое для похорон барышни Линь. Я сама доложу второй госпоже Фэнцзе.

Жена Линь Чжисяо не возражала и пошла к себе, а Пинъэр отвела Сюэянь в дом, приготовленный для новобрачных, и объяснила, почему вместо Цзыцзюань пришла Сюэянь.

Когда Сюэянь увидела приготовления к свадьбе, она вспомнила о своей барышне и сердце сжалось от боли, но при матушке Цзя и Фэнцзе она не решалась показывать свое горе.

«И зачем только я им понадобилась? – думала Сюэянь. – Впрочем, посмотрим. Прежде Баоюй был неразлучен с моей барышней, но теперь они перестали видеться, и я не знаю, болен он или притворяется. Может быть, чтобы не рассердить барышню, он нарочно сказал, будто утерял свою яшму, и прикидывается сумасшедшим, надеясь, что барышня охладее к нему, и он сможет спокойно жениться на барышне Баочай. Погляжу, что он будет делать при мне! Неужели опять станет строить из себя дурака?»

Сюэянь тихонько пробралась к дверям комнаты, где был Баоюй, и заглянула внутрь.

Надо сказать, что здоровье юноши теперь с каждым днем улучшалось. Блаженство наполнило душу, когда он узнал, что его женят на Дайюй. Разум прояснился, только прежней проницательности не было, и Фэнцзе решила, что его легко обмануть. Баоюй с нетерпением ждал встречи с Дайюй, и когда ему сообщили, что нынче свадьба, радости его не было предела. Хоть временами его речь и казалась бессвязной, в общем он производил впечатление здорового человека. Поэтому Сюэянь рассердилась на Баоюя, ей стало обидно за свою барышню, и она поспешила скрыться. Сюэянь не знала, что творится в душе юноши.

Между тем Баоюй облачился во все новое и пошел в комнату госпожи Ван. Глядя на хлопочущих госпожу Ю и Фэнцзе, он с нетерпением дожидался счастливого часа.

– Сестрица Линь прибудет сюда из сада? – то и дело спрашивал он Сижэнь. – Все давно в хлопотах, а ее до сих пор нет.

– Ждут, когда наступит счастливый час, – отвечала Сижэнь.

Потом он услышал, как Фэнцзе сказала госпоже Ван:

– У нас траур, и приглашать музыкантов нельзя. Но совершить церемонию поклонения Небу и Земле без музыки – значит нарушить обычай. Поэтому я созвала женщин, которые живут у нас в доме и когда-то учились музыке и актерскому искусству, – пусть сыграют. Это оживит праздник.

– Да, да, конечно, – кивнула госпожа Ван.

Вскоре в ворота под нежные звуки музыки внесли большой паланкин. Впереди шли люди, держа в руках двенадцать пар фонарей. Все выглядело необычайно торжественно и красиво.

Распорядитель брачной церемонии попросил невесту выйти из паланкина. Лица ее Баоюй не видел, оно было скрыто покрывалом, и сваха, одетая во все красное, поддерживала ее под руку.

С другой стороны ее держала под руку... Сюэянь!..

«Почему не Цзыцзюань? – мелькнуло в голове Баоюя, но он тут же подумал: – Да ведь Сюэянь сестрица привезла из дома, и потому она должна быть на свадьбе».

В общем, появление Сюэянь обрадовало его не меньше, чем если бы он увидел саму Дайюй.

Началась брачная церемония. Новобрачные поклонились Небу и Земле, затем отвесили четыре поклона матушке Цзя, потом Цзя Чжэну и госпоже Ван. После церемонии новобрачных проводили в отведенные для них покои. О том, как молодых усадили под полог, осыпали зерном, и об остальных обрядах, которые свято чтили в семье Цзя из поколения в поколение, мы рассказывать подробно не будем.

Свадьба была устроена по желанию матушки Цзя, и Цзя Чжэн ни во что не вмешивался – он верил, что женитьба поможет Баоюю выздороветь, и сегодня убедился в том, что надежды его оправдались. Баоюй выглядел совершенно нормальным.

Но вот настал момент, когда жених должен был снять покрывало с невесты. Фэнцзе приняла все меры предосторожности, даже пригласила матушку Цзя и госпожу Ван, чтобы лично наблюдали за церемонией.

Баоюй подошел к невесте, спросил:

– Сестрица, ты выздоровела? Как давно мы с тобой не виделись! Зачем тебя так закутали? – И он протянул руку, собираясь поднять покрывало. От волнения у матушки Цзя выступил холодный пот.

«Нельзя поступать опрометчиво, – подумал тут Баоюй, – сестрица Дайюй может рассердиться...»

Постояв в нерешительности, он все же собрался с духом и приподнял покрывало. Сваха взяла покрывало и удалилась, а на месте Сюэянь появилась Иньэр.

Баоюй был ошеломлен – перед ним сидела Баочай. Он протер глаза, поднял фонарь, пригляделся. Сомнений нет – это Баочай!

В роскошном одеянии, стройная и изящная, с пышной прической, она

сидела потупив глаза и затаив дыхание. Она была хороша, как лотос, поникший под тяжестью росы, прелестна, словно цветок абрикоса в легкой дымке.

Больше всего поразило Баоюя то, что на месте Сюэянь рядом с невестой стояла Инъэр. Все происходящее казалось юноше кошмарным сном. К нему подбежали служанки, усадили, взяли из рук у него фонарь. Баоюй тупо смотрел в одну точку, не произнося ни слова. Матушка Цзя опасалась, как бы юноше не стало хуже, и окликнула его, стараясь отвлечь от мрачных мыслей.

Фэнцзе и госпожа Ю поспешили увести Баоюя во внутренние покои. Баочай, тоже подавленная, все время молчала.

Баоюй, словно очнувшись, тихонько подозвал Сижэнь и спросил:

– Где я? Не сон ли все это?

– У тебя нынче счастливый день, – отвечала девушка. – Какой же это сон? Не болтай глупостей! Отец услышит!

– А что за красавица сидит там в комнате? – с опаской осведомился Баоюй, указывая пальцем на дверь.

Сижэнь зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться, и после длительной паузы ответила:

– Это – твоя жена, теперь ее надо называть второй госпожой.

Служанки отвернулись, стараясь скрыть улыбки.

– Ну и дура же ты! – вспыхнул Баоюй. – Ты мне скажи, кто она, эта «вторая госпожа»?

– Барышня Баочай.

– А барышня Дайюй?

– Отец решил женить тебя на барышне Баочай, – проговорила Сижэнь, – а ты болтаешь о барышне Дайюй.

– Но ведь здесь только что была барышня Дайюй, а с нею – Сюэянь, я видел ее собственными глазами, – не унимался Баоюй. – А ты говоришь, барышни Дайюй здесь нет... Вы что, шутить со мной вздумали?!

– Хватит болтать! Услышит барышня Баочай, обидится, – шепнула на ухо юноше Сижэнь. – И бабушка на тебя будет сердиться!

В голове Баоюя снова все перепуталось, события нынешней ночи повергли его в смятение, и он стал громко требовать, чтобы тотчас же привели Линь Дайюй. Никакие уговоры не помогали. Баоюй ничего не соображал, тем более что говорили все тихо, опасаясь, как бы не услышала Баочай.

Поняв, что у Баоюя новый приступ болезни, матушка Цзя приказала воскурить благовония для успокоения его души, а самого его отвести спать.

В доме наступила мертвая тишина.

Через некоторое время Баоюй забылся тяжелым сном, а матушка Цзя, немного успокоившись, решила посмотреть, что будет утром. Она лишь попросила Фэнцзе убедить Баочай лечь отдохнуть.

Баочай, напустив на себя равнодушный вид, как была, в платье, легла на постель.

Цзя Чжэну не положено было входить в покои новобрачных. Он не представлял себе, что там происходит, и только радовался, что церемония уже позади. Следующий день был счастливым для отъезда, и Цзя Чжэну предстояло отправиться в путь. Поэтому он решил лечь спать – ведь с утра надо было попрощаться со всеми и принять пожелания счастливого пути.

Матушка Цзя, увидев, что Баоюй уснул, возвратилась к себе.

Едва встав наутро с постели, Цзя Чжэн первым долгом совершил поклонение в кумирне предков, после чего пришел прощаться с матушкой Цзя.

– Я уезжаю в дальние края, – сказал он, – и прежде всего хотел бы попросить вас, матушка, заботиться о своем здоровье. Обо мне не беспокойтесь – как только прибуду к месту службы, сразу пришлю письмо и поклон. Баоюя вы женили по своему желанию, так не оставляйте мальчика советами и наставлениями!

Чтобы Цзя Чжэн в пути не беспокоился, матушка Цзя скрыла от него новый приступ болезни Баоюя, только сказала:

– Вообще говоря, Баоюю следовало бы тебя проводить. Однако он еще не оправился от болезни, к тому же накануне утомился, да и вообще может схватить простуду. Вот я и спрашиваю тебя: если хочешь, я велю ему тебя проводить, но если он тебе дорог, пусть просто поклонится тебе на прощание.

– Зачем ему меня провожать? – возразил Цзя Чжэн. – Пусть лучше настоящему примется за учебу, это и будет для меня радостью.

Слова сына успокоили матушку Цзя, она велела Цзя Чжэну сесть, а сама позвала Юаньян и приказала:

– Позови Баоюя, и пусть с ним придет Сижэнь...

Юаньян ушла, и через некоторое время явился Баоюй. Он был ко всему безучастен и поклонился отцу, лишь когда напомнили. Однако все радовались, что ведет он себя как будто нормально и не огорчает Цзя Чжэна.

Цзя Чжэн дал сыну несколько наставлений, после чего велел служанкам увести его, а сам отправился в покои госпожи Ван и настоятельно ей советовал поучать сына.

– Ни в коем случае не позволяй ему своевольничать, – говорил он. – В будущем году состоятся провинциальные экзамены, он непременно должен принять в них участие.

Госпожа Ван внимательно выслушала мужа, ни в чем ему не переча, когда же Цзя Чжэн умолк, приказала привести Баочай, чтобы та поклонилась свекру и совершила церемонии, положенные молодой жене во время проводов родных.

Родственники по женской линии проводили Цзя Чжэна до ворот и возвратились домой. Цзя Чжэнь и другие младшие родственники по мужской линии проводили Цзя Чжэна до первой станции в десяти ли от города и после прощального пира расстались с ним.

О том, как Цзя Чжэн совершал путь к месту службы, мы рассказывать не будем. Что же до Баоюя, то он с этих пор окончательно лишился рассудка и перестал есть.

Если хотите узнать о дальнейшей судьбе юноши, прочтите следующую главу.

Глава девяносто восьмая

*Душа многострадальной Пурпурной жемчужины возвращается на небо
Избавления от печалей;*

*слезы больного душой чудесного камня орошают землю Томления в
разлуке*

После отъезда отца Баоюй ощутил слабость, голова закружилась, и он впал в забытие. Каких только докторов к нему не приглашали, каких лекарств не прописывали – все тщетно. Он никого не узнавал; если его поднимали с постели, послушно садился. И тогда казалось, что он здоров.

На девятый день после брачной церемонии по обычаю полагалось навестить тетушку Сюэ. Не сделать этого – она оскорбится. Но как быть с Баоюем? Рассказать, что его обманули? Но и так уже из-за этого он заболел. А Баочай? Какие слова ей говорить в утешение? Уж лучше бы тетушка Сюэ сама к ним пришла.

Поразмыслив, матушка Цзя решила посоветоваться с госпожой Ван и Фэнцзе.

– По-моему, – сказала она, – Баоюя и Баочай можно отнести в паланкинах к тетушке Сюэ. Вреда Баоюю от этого никакого не будет. А потом тетушку Сюэ пригласить к нам, пусть утешит Баочай, заодно посоветуемся, как вылечить Баоюя.

Госпожа Ван поддакнула и велела приготовить все необходимое.

Баочай не смела ослушаться старших, а Баоюй делал все, что ему велели, как заводной. Баочай хорошо понимала, от чего заболел Баоюй, досадовала на мать за столь опрометчивый шаг, но молчала – теперь уже ничего не изменишь.

Видя, в каком состоянии Баоюй, тетушка Сюэ раскаивалась, что дала согласие на брак.

Родные с ног сбились, приглашая самых знаменитых врачей, но никто не мог определить причину болезни.

Но вот за городом, в старой полуразрушенной кумирне, нашли бедного лекаря по фамилии Би, по прозвищу Чжиань. Он осмотрел больного и заявил, что причина болезни кроется в быстрой смене настроений – от

радости к горю, что усугубляется нерегулярным приемом пищи. Все это и привело к застою крови.

Лекарь приготовил лекарство, под вечер Баоюй принял его, к концу второй стражи понемногу пришел в себя и попросил пить.

Лишь после этого матушка Цзя и госпожа Ван успокоились, и матушка Цзя повела тетушку Сюэ и Баочай к себе отдыхать.

Баоюй был уверен, что долго не проживет, и когда все разошлись, схватил за руку Сижэнь и, еле сдерживая рыдания, проговорил:

– Скажи, каким образом попала сюда сестра Баочай? Я хорошо помню, что батюшка выбрал мне в жены сестрицу Дайюй! Зачем же сестра Баочай ее прогнала? Я сам хотел ее об этом спросить, но побоялся. Слышишь, как плачет сестрица Линь?

– Барышня Линь больна, – заметила Сижэнь, не решаясь сказать Баоюю правду.

– В таком случае я пойду к ней, – заявил юноша, порываясь встать с постели. Но не хватило сил, уже несколько дней он не прикасался к пище. – Я скоро умру! – обливаясь слезами, проговорил Баоюй. – И сестрица Дайюй тоже. Поэтому передай бабушке мое заветное желание: поместить нас в одну комнату, чтобы мы могли умереть вместе. И гробы наши пусть стоят рядом. Если же суждено нам остаться в живых, пусть лечат нас вместе. Ради нашей с тобой многолетней дружбы сделай то, о чем я прошу, не обмани меня!

Эти слова взволновали Сижэнь, причинили ей боль.

В этот момент в комнату вошли Баочай и Инъэр. Баочай слышала последние слова Баоюя и строго сказала:

– Вместо того чтобы печься о своем здоровье, ты занимаешься болтовней! Старая госпожа всю душу в тебя вложила. Сколько страдала, как заботилась о тебе! Ей за восемьдесят. А ты бы хоть раз ее порадовал! Тогда она знала бы, что все это не напрасно. О матушке твоей я уж не говорю! Всю кровь своего сердца она тебе отдала. Воспитывала, растила. Каково будет ей, если ты умрешь в начале жизненного пути, оставив ее на старости лет без всякой опоры?.. Как бы ни была несчастна моя судьба, я сделаю все, чтобы ты выжил! Подумай над моими словами, и ты поймешь, что и Небо этого не допустит. Лежи спокойно, пройдет наваждение, наступит гармония сил света и тьмы, и, я уверена, ты поправишься!

Баоюй молча выслушал Баочай и вдруг засмеялся.

– Мы так давно с тобой не беседовали! Никак не пойму, кому ты это все говоришь?

– Скажу тебе правду, – призналась Баочай. – Сестрица Линь умерла в

один из тех дней, когда ты лежал без сознания!

– Умерла?! – вскричал Баоюй, привстав на постели. – Не может быть!

– Да, умерла! – повторила Баочай. – Неужто я стала бы лгать, желая навлечь на нее несчастье?! Старая госпожа и твоя мать, зная, как вы были дружны, не стали тебе об этом рассказывать, опасаясь, как бы ты не лишил себя жизни!

Из груди Баоюя вырвался горестный вопль, и он ничком упал на кровать. В глазах потемнело, мысли путались...

Неожиданно он увидел, что попал в какое-то незнакомое место. Неподалеку брел человек, и Баоюй ему крикнул:

– Позвольте спросить, где я нахожусь?

– На дороге, ведущей в загробное судилище, – последовал ответ. – Зачем ты сюда явился? Годы твоего земного существования еще не истекли!

– Я узнал о смерти моей близкой подруги и пришел ее навестить, – отвечал Баоюй, – но сбился с дороги.

– Кто она, твоя подруга? – спросил человек.

– Линь Дайюй из Гусу.

– Линь Дайюй при жизни не была такой, как все люди, – с холодной усмешкой проговорил человек, – а после смерти не уподобилась остальным духам. У нее нет душ^[59], как же ты можешь ее навестить? У всякого человека душа разума и душа тела в полной гармонии. Они сливаются перед его рождением и разлучаются после смерти. Простого смертного и то не отыщешь в загробном мире, что же говорить о Линь Дайюй?! Уходи-ка ты отсюда побыстрее!

Эти слова повергли Баоюя в смятение, он долго стоял, озадаченно глядя перед собой, а затем промолвил, набравшись смелости:

– Если вы говорите, что после смерти душа исчезает, зачем тогда загробное судилище?

– Загробное судилище лишь для тех, кто считает, что оно существует, – усмехнулся человек. – Мысль о нем предостерегает людей от грехов. Недаром говорят, что Небо гневается на людей за их глупость: если они нарушают свой долг и правила поведения; если лишают себя жизни до истечения положенного им срока; если предаются разврату, творят зло и губят себя без причины. Вот и ты сейчас губишь себя, разыскивая Дайюй. Она удалась в «область Небесных грез, мира Великой пустоты», и если ты хочешь увидеть ее, сделай все, чтобы излечиться. Лишь в этом случае в назначенное время вы сможете встретиться. Если же ты будешь жить не по правилам и покончишь с собой, попадешь в загробное судилище, где

встретишься только с родными. О Дайюй не мечтай!

Сказав это, человек вынул из рукава камень и с силой бросил в грудь Баоюя.

Баоюй испугался, ему захотелось поскорее вернуться домой, и было досадно, что он сбился с пути. Так он и стоял, переминаясь с ноги на ногу, когда вдруг услышал, что его кто-то зовет. Открыв глаза, Баоюй увидел перед собой матушку Цзя, госпожу Ван, Баочай и Сижэнь. Они звали его, заливаясь слезами.

Баоюй бросил взгляд на красный фонарь на столе, на луну, ярко светившую в окно, и на душе стало легко и спокойно. Он вспомнил случившееся и понял, что это сон. Все его тело покрылось холодным потом, из груди вырвался тяжелый вздох.

Баочай была уверена, что Баоюй болеет из-за Дайюй, а не из-за утерянной яшмы, и, несмотря на все запреты, рассказала юноше о ее кончине. Пусть сразу переживет все несчастья, думала девушка, может быть, тогда к нему возвратится рассудок, и легче будет его лечить.

Матушка Цзя, не догадываясь о намерениях Баочай, считала поступок ее опрометчивым, и лишь когда Баоюй очнулся, перестала волноваться и велела пригласить лекаря, чтобы еще раз осмотрел больного.

Доктор проверил пульс и вскричал:

– Удивительно! Пульс стал глубоким и спокойным, а подавленность прошла. Пусть завтра примет успокаивающее, и, надо надеяться, дело пойдет на поправку.

После ухода доктора все разошлись успокоенные.

Сижэнь считала, что лучше бы Баоюю ни о чем не знать, и сердилась на Баочай, но выражать недовольство вслух не осмеливалась.

– Вы слишком поторопились, барышня! – говорила Инъэр, на что Баочай отвечала:

– Ничего ты не смыслишь! Я знаю, что делаю!

Баочай, как уже говорилось выше, считала, что сильное потрясение пойдет ему лишь на пользу.

И вот настал день, когда Баоюй проснулся совершенно здоровым. Только воспоминания о Дайюй выводили его из состояния равновесия.

Сижэнь как могла утешала его:

– Барышня Баочай ласкова и добра, потому отец и выбрал ее, а не барышню Линь. К тому же барышня Линь тяжело болела и в любой момент могла умереть. Но, зная твой беспокойный характер, бабушка не стала тебе ничего говорить и позвала Сюэянь, чтобы ввести тебя в заблуждение.

Баоюй опять расстроился, даже заплакал. Ему снова захотелось

умереть, но тут на память пришли слова, услышанные во сне, к тому же он боялся огорчить бабушку и мать и подумал: «Все равно, Дайюй нет в живых, а из остальных мне больше всех нравилась Баочай». Баоюй тешил себя мыслью, что брак с Баочай предопределен самой судьбой: у него – яшма, у Баочай – золото.

Баочай видела, что уговоры ее на Баоюя подействовали, и перестала тревожиться. Совершив перед матушкой Цзя и госпожой Ван положенные обряды, Баочай стала думать, как бы развлечь Баоюя, рассеять его печальные мысли.

Баоюй не вставал с постели, и присутствие Баочай лишь нагоняло на него тоску. Баочай же всячески старалась утешить его.

– Для тебя главное – вылечиться, – говорила она. – Ведь мы теперь с тобой муж и жена и век должны прожить вместе.

Баоюю нелегко было с этой мыслью смириться, но приходилось терпеть. Матушка Цзя, госпожа Ван, тетушка Сюэ ни на минуту не оставляли его, сменяя друг друга, а по ночам матушка Цзя присылала служанок, и Баоюю оставалось лишь покориться судьбе и лечиться.

Баочай была добра и ласкова с ним, и постепенно горячую любовь к Дайюй он перенес на молодую жену. Но об этом речь впереди.

В тот день, когда состоялась церемония, Дайюй потеряла сознание, дыхание в груди еле теплилось, и Ли Вань и Цзыцзюань не отходили от девушки и все время плакали. К вечеру Дайюй пришла в себя, глазами дала понять, что ей хочется пить. Цзыцзюань поспешила налить в чашку грушевого отвара с корицей и ложечкой влила в рот больной. Дайюй снова закрыла глаза и некоторое время лежала неподвижно.

Ли Вань знала, что это последний проблеск жизни, и, подумав, что еще полдня девушка протянет, ушла к себе сделать некоторые распоряжения по хозяйству.

Вскоре Дайюй снова открыла глаза, схватила Цзыцзюань за руку и, собравшись с силами, проговорила:

– Я скоро умру!.. А надеялась, что мы всегда будем вместе... Мне и в голову не приходило, что я...

Она умолкла, часто задышала и закрыла глаза, не выпуская руки Цзыцзюань из своей.

У Цзыцзюань мелькнула было надежда, но после долгого молчания Дайюй сказала:

– Сестра! У меня совсем нет родных, я одна в целом свете. Уж ты попроси, чтобы меня похоронили на юге, в родных местах!

От этих слов Цзыцзюань похолодела и велела позвать Ли Вань, но в

это время пришла Таньчунь.

– Третья барышня! – воскликнула Цзыцзюань. – Вы поглядите на барышню Линь!

Из глаз служанки покатались слезы. Таньчунь подошла к постели, пощупала руку Дайюй – она была холодной. Глаза стали тусклыми, неживыми.

Как раз в это время пришла Ли Вань. Никто из троих слова не проронил. Служанки принялись обмывать Дайюй, но та вдруг рванулась и закричала:

– Баоюй! Баоюй! У тебя... – умолкла и покрылась холодным потом.

Цзыцзюань бросилась к девушке, чтобы поддержать, но тело Дайюй обмякло и стало холодеть, глаза закатились.

Таньчунь и Ли Вань приказали причесать и обрядить Дайюй.

По ветру рассеялся
Чистой души аромат.
Печаль в третью стражу
Ушла в дали дальние грез...

Дыхание Дайюй оборвалось в тот момент, когда Баочай в паланкине принесли в дом Баоюя.

Служанки не переставая плакали, но больше всех горевали Ли Вань и Таньчунь – они очень любили девушку.

Надо сказать, что дом, отведенный для молодых, находился далеко от павильона Реки Сяосян, и оттуда ничего не могло быть слышно. Но вдруг откуда-то донеслись звуки музыки. Все смолкли, стали прислушиваться – вокруг стояла тишина.

Таньчунь и Ли Вань, выйдя со двора, снова прислушались. Нигде ни звука, только ветер шелестел в бамбуковых зарослях да луна бросала свои лучи на каменную ограду.

Позвали жену Линь Чжисяо, попросили распорядиться обрядить покойницу, а утром доложить Фэнцзе.

Поначалу Фэнцзе не стала сообщать матушке Цзя о смерти Дайюй, боялась, как бы та от расстройства не заболела. В доме и без того хватало хлопот – Баоюй болел, Цзя Чжэну предстояло отправиться в путь. Да и мало ли было других забот.

Фэнцзе пошла в павильон Реки Сяосян и тоже всплакнула. Затем она поздоровалась с Ли Вань и Таньчунь и, узнав, что все необходимые

приготовления сделаны, сказала:

– Вот и хорошо. Но почему мне сразу не сообщили и заставили волноваться?

– Как же вам сообщить, ведь вы были на проводах старого господина?! – проговорила Таньчунь.

– Нашли бы возможность! – вскричала Фэнцзе. – Впрочем, ладно, мне еще нужно пойти к Баоюю, этому «несчастью» нашего дома! Там хлопот хватит! А старой госпоже придется доложить, хотя смерть девочки, боюсь, будет для нее тяжелым ударом.

– В таком случае действуй по обстоятельствам, – промолвила Ли Вань, – выбери удобный момент и скажи.

Фэнцзе быстро вышла из комнаты. Она пришла к Баоюю как раз в тот момент, когда там был доктор, и услышала, что юноша идет на поправку. Воспользовавшись тем, что матушка Цзя и госпожа Ван немного успокоились, Фэнцзе потихоньку сообщила им о смерти Дайюй. Матушка Цзя едва не подскочила от испуга и запричитала:

– Это я виновата! Я ее сгубила. – Из глаз старой госпожи полились слезы. – Но и девочка натворила глупостей.

Матушка Цзя собралась было пойти оплакать Дайюй, но побоялась оставить Баоюя.

– Незачем вам ходить туда, почтенная госпожа, – стали отговаривать ее госпожа Ван и остальные, преодолевая скорбь. – Думайте о своем здоровье!

Тогда матушка Цзя велела пойти к Дайюй госпоже Ван.

– Иди к ней, – напутствовала она госпожу Ван, – и от моего имени обратись к ее душе с такими словами: «Мне тебя очень жаль, но отлучиться от внука я не могу, он мне роднее тебя. И если с ним случится несчастье, что я скажу его отцу?»

Она снова заплакала, и госпоже Ван пришлось ее утешать:

– Барышня Дайюй была вашей любимицей, почтенная госпожа, но судьба судила ей раннюю смерть. Нам ничего не остается, как устроить похороны, достойные людей нашего звания, и тем самым выразить ей нашу любовь и хоть немного успокоить ее душу и душу ее матери.

Матушка Цзя так убивалась, так плакала, что Фэнцзе пришлось пойти на хитрость и передать через служанку, что ее зовет Баоюй.

Матушка Цзя сразу вытерла слезы и промолвила:

– Опять что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, – поспешила ее успокоить Фэнцзе. – Просто он о вас вспомнил.

Опираясь на руку Чжэньчжу, матушка Цзя торопливыми шагами направилась в комнату Баоюя. За нею последовала Фэнцзе. На полпути им повстречалась госпожа Ван, возвращавшаяся из павильона Реки Сяосян, и ее рассказ снова расстроил матушку Цзя. Но, торопясь к Баоюю, она сдержала слезы, сказав лишь:

– Я надеюсь на вас, а сама туда не пойду. Мне тяжело ее видеть! Сделайте все как полагается.

Госпожа Ван и Фэнцзе обещали, и матушка Цзя пошла дальше. Придя к Баоюю, она спросила:

– Ты зачем меня звал?

– Хотел попросить вас, бабушка, чтобы не отпускали сестрицу Дайюй хотя бы ради меня, вы одна можете это сделать, – с улыбкой произнес Баоюй. – Она вчера мне сказала, что собирается уезжать на юг.

– Хорошо, хорошо, – обещала матушка Цзя, – не волнуйся!

Сижэнь помогла Баоюю лечь.

От него старая госпожа пошла к Баочай. Следует заметить, что со дня свадьбы еще не прошло девяти дней, и Баочай не полагалось появляться на людях, поэтому при встрече с кем-нибудь она смущалась.

Увидев матушку Цзя всю в слезах, она бросилась к ней, распорядилась подать чай, но матушка Цзя знаком велела ей сесть.

– Говорят, сестрица Линь заболела? – спросила Баочай. – Как она себя чувствует? Лучше?

У матушки Цзя из глаз покатались слезы.

– Дитя мое! – воскликнула она. – Сейчас я тебе все расскажу, только Баоюю ни слова. Немало тебе пришлось вынести из-за сестрицы Дайюй. Но сейчас ты жена Баоюя, и я могу рассказать тебе все без утайки. Уже третий день, как сестрицы Дайюй нет в живых; она умерла в тот час, когда тебя в паланкине принесли в наш дом. Баоюй ее очень любил, и в этом причина его болезни. Да ты и сама это знаешь – ведь прежде жила в саду.

Баочай покраснела, но при мысли, что Дайюй умерла, не могла удержаться от слез. Поговорив с ней немного, матушка Цзя удалилась.

Весть о смерти Дайюй не шла у Баочай из головы. Она не знала, как поступить, боясь совершить опрометчивый шаг. Однако на девятый день, побывав у матери, Баочай решилась и открыла Баоюю всю правду. Как она и надеялась, юноше стало легче, и теперь в разговорах с ним не нужна была прежняя осторожность.

И все же рассудок Баоюя все еще был помрачен, и он без конца твердил, что хочет поплакать над гробом Дайюй.

Матушка Цзя уговаривала внука выбросить из головы глупые мысли,

однако горе утраты ухудшило его состояние.

Доктор определил у Баоюя душевное расстройство и заявил, что лекарства помогут в том случае, если как-нибудь развеять его тоску.

Тогда Баоюй потребовал, чтобы его немедленно пустили в павильон Реки Сяосян. Пришлось матушке Цзя согласиться. Она велела служанкам отнести туда Баоюя на плетеном бамбуковом стуле, а сама вместе с госпожой Ван отправилась вперед.

У гроба Дайюй матушка Цзя выплакала все слезы, и Фэнцзе то и дело приходилось ее утешать. Плакала и госпожа Ван.

Ли Вань пригласила матушку Цзя и госпожу Ван во внутренние покои отдохнуть.

Баоюй, едва переступив порог, разразился горестными воплями, подумав о том, что обитательницы павильона уже нет в живых. А сколько раз он бывал здесь! Как близки они были с Дайюй, но смерть разлучила их.

Все принялись утешать Баоюя. Только напрасно. Он так рыдал, что пришлось его увести.

Остальные тоже скорбели, и больше всех – Баочай.

Баоюй требовал, чтобы позвали Цзыцзюань. Он хотел расспросить ее, что барышня говорила перед смертью. Цзыцзюань последнее время не питала к Баоюю никаких добрых чувств, но видя, как он убивается, смягчилась немного. Да и вообще не посмела при господах грубить и все рассказала: как барышня Линь заболела вторично, как сожгла платок и стихи, что говорила перед смертью. Баоюй рыдал до полного иступления, пока не перехватило дыхание.

Воспользовавшись моментом, Таньчунь напомнила, что Дайюй просила похоронить ее на юге. Повздыхав еще и поплавав, все решили, что пора расходиться, только Баоюй не хотел покидать павильон, насилие его уговорили.

Треволнения не прошли даром для матушки Цзя. Вернувшись домой, она ощутила недомогание, все тело горело, голова кружилась. И, несмотря на тревогу о Баоюе, ей пришлось лечь.

У госпожи Ван разболелось сердце. Вернувшись домой, она тотчас же и послала Цайюнь помогать Сижэнь.

– Если Баоюю станет хуже, – наказывала она служанке, – немедленно сообщи нам!

Баочай знала, что не так-то легко будет увести Баоюя из жилища Дайюй, и даже не пыталась его уговаривать, лишь отпускала по его адресу всякие колкости. Опасаясь огорчить ее, Баоюй согласился уйти, а на следующий день почувствовал себя лучше. И хотя был еще очень слаб,

душевная боль прошла. С этих пор дело пошло на поправку.

Матушка Цзя, к счастью, не заболела, только у госпожи Ван никак не проходили сердечные боли.

Что же до тетушки Сюэ, то она радовалась, видя, что Баоюй выздоравливает. Но об этом речь пойдет ниже.

Как-то раз матушка Цзя позвала к себе тетушку Сюэ и сказала:

– Это вы с Баочай спасли Баоюя. Сейчас ему лучше, а вот дочь вашу мы обидели. Срок траура по государыне миновал, поэтому самое время сейчас сыграть настоящую свадьбу. Прошу вас, выберите счастливый день.

– Зачем же я буду его выбирать, почтенная госпожа? – удивилась тетушка Сюэ. – Вы все прекрасно устроили! Дочь моя, разумеется, не красавица, зато умна. И к тому же добра и покладиста. Вы сами это хорошо знаете. Единственное, чего я желаю, чтобы они с Баоюем жили в мире и согласии и больше не заставляли старших волноваться. Так что день для церемонии назначьте сами! Родственников уведомлять не будем?

– Конечно будем, – не раздумывая ответила матушка Цзя. – В жизни наших детей это большое событие, так отчего родственникам не повеселиться несколько дней! Да и мы сами на радостях выпьем вина! Напрасно, что ли, я, старая, хлопотала?

Слушая матушку Цзя, тетушка Сюэ радовалась, однако не преминула напомнить о приданом.

– Ведь мы не чужие, а теперь стали совсем близкими родственниками, – промолвила матушка Цзя, – зачем же так торопиться с приданым? Необходимых вещей у вашей дочери полна комната, а чего не хватает, можете прислать, – скажем, вещи, любимые Баочай с детства. Баочай не так мнительна, как была моя внучка Дайюй. Будь у Дайюй другой характер, она не умерла бы так рано!

На глаза тетушке навернулись слезы. В этот момент вошла Фэнцзе и с улыбкой спросила:

– Бабушка, тетушка, что вас так опечалило?

– Мы только что опять вспомнили сестрицу Дайюй, – ответила тетушка Сюэ.

– А вы не расстраивайтесь, – вновь улыбнулась Фэнцзе. – Сейчас я вам расскажу что-то забавное.

Матушка Цзя вытерла слезы, и на устах ее заиграла улыбка.

– Опять хочешь над кем-нибудь посмеяться! Что ж, говори, мы послушаем! Но если окажется не смешно, берегись!

Еще не раскрыв рта, Фэнцзе развела руками и стала корчиться от

смеха.

Если хотите узнать, что рассказала Фэнцзе, прочтите следующую главу.

Глава девяносто девятая

*Цепляющиеся за чиновничьи должности подлые рабы сговариваются
нарушить закон;*

*читающий правительственный вестник старый господин
испытывает тревогу*

Итак, Фэнцзе пообещала рассказать забавную историю, чтобы отвлечь матушку Цзя и тетушку Сюэ от грустных мыслей, но, не успев рта раскрыть, сама расхохоталась.

– Не догадываетесь, о ком я собираюсь вам рассказать? – спросила она. – О наших молодоженах!

– Что же именно ты хочешь о них рассказать? – удивилась матушка Цзя.

– Один сидит так, другой стоит эдак, – начала Фэнцзе, изображая все в лицах, – этот повернется, другой отвернется, один...

– Говори толком, – одернула ее матушка Цзя, еле сдерживая смех. – Небось придумала все! Захотелось над ними подшутить!

– Рассказывай, нечего изображать, – произнесла тетушка Сюэ.

– Прохожу я мимо комнаты Баоюя, а там кто-то смеется, – продолжала Фэнцзе. – Подкралась я незаметно к окну, проделала дырку в оконной бумаге. Смотрю – сестрица Баочай сидит на кане, а брат Баоюй стоит перед нею, дергает за рукав и говорит: «Сестра Баочай! Почему ты все время молчишь? Хоть слово скажи, и я сразу поправлюсь!» А сестрица Баочай и смотреть на него не хочет, все дальше отодвигается. Взорбался Баоюй на кан, дернул ее за платье, а Баочай его дернула, не удержался Баоюй – ведь пока он еще слабый после болезни – и повалился прямо на сестрицу. Баочай покраснела и говорит: «Ты совсем обнаглел».

Матушка Цзя и тетушка Сюэ покатались со смеху.

– Тогда Баоюй поднялся, – продолжала Фэнцзе, – и сказал: «Вот спасибо! Наконец-то вырвал у тебя слово!»

– Баочай как-то странно себя ведет, – заметила тетушка Сюэ. – Ведь они – супруги, отчего ж не разговаривают, не шутят друг с другом? Неужели Баоюй не видел, как держится с тобой второй старший брат Цзя

Лянь?!

– Зачем вы так говорите? – краснея, промолвила Фэнцзе. – Я рассказала все это в шутку, чтобы развлечь вас, а вы, тетушка, меня же начали высмеивать.

– Вот и хорошо, что они перестали стесняться друг друга, – с улыбкой заметила матушка Цзя. – Муж с женой должны жить в согласии. Баочай – умница, с уважением относится к старшим. Одно огорчает: Баоюй еще не совсем выздоровел. Но судя по тому, что ты рассказываешь, рассудок к нему возвращается. Ну-ка посмеши нас еще!

– Вот когда наша тетушка станет нянчиться с внуком, будет совсем смешно! – улыбнулась Фэнцзе.

– Мартышка ты! – шутливо пожурела ее матушка Цзя. – Мы с тетушкой скорбим о бедняжке Дайюй, а ты лезешь со своими глупыми шутками! Мало того, всякие непристойности рассказываешь! И не стыдно тебе?! Берегись! Лучше в сад одна не ходи! Не очень-то тебя сестрица Линь жаловала, того и гляди – утащит!

– С чего вы взяли? – засмеялась Фэнцзе. – Это она Баоюя ненавидела! Даже зубами скрежетала, вспоминая его.

– Ладно, помолчи! – сказали женщины. – Пойди лучше выбери счастливый день, когда молодых можно будет поселить вместе.

Они поболтали еще немного, и Фэнцзе ушла. О том, как она приказала выбрать счастливый день для церемонии, как занималась приготовлениями к пиру, рассылала приглашения и звала артистов, мы здесь рассказывать не будем.

Баоюй постепенно поправлялся. Баочай пробовала беседовать с ним о прочитанных книгах. Самые простые вещи Баоюй воспринимал, но куда девались его блестящие способности! Баочай понимала, что они исчезли вместе с чудодейственной яшмой.

Сижэнь часто говорила юноше:

– Ты был таким способным. А теперь что? От пороков, правда, ты избавился, однако нрав остался прежним, а когда ты начинаешь рассуждать о принципах морали – слушать тошно.

Баоюй не обижался, не сердился – лишь хихикал. Иногда в силу своего характера начинал скандалить, но под влиянием Баочай постепенно научился сдерживать себя. Теперь по крайней мере Сижэнь не приходилось тратить время на уговоры, как это бывало прежде, и она могла полностью отдаться своим обязанностям служанки. Следует сказать, что Баочай была добра и обходительна и прекрасно ладила с прислугой.

Баоюй, по натуре непоседливый, постоянно рвался в сад. Но выходить

ему еще не разрешали, боялись, как бы он не схватил простуду. К тому же в саду все напоминало Линь Дайюй, и юноша мог от расстройства снова заболеть. Была еще одна причина: сад опустел. Баоцинь переселилась к тетушке Сюэ, Сяньюнь по возвращении Ши-хоу в столицу тоже жила дома и во дворец Жунго редко приезжала. Правда, во время свадьбы Баоюя она здесь пробыла денек-другой, но жила в покоях матушки Цзя. Баоюй теперь был женат, она стала невестой, и ей не полагалось держаться с ним свободно, смеяться и шутить. Поэтому она с одной лишь Баочай вела беседы, у Баоюя же только справлялась о здоровье.

Син Сюянь сразу после свадьбы Инчунь перешла к госпоже Син. Сестры Ли Ци и Ли Вэнь жили с теткой за пределами дворца и наезжали изредка справляться о здоровье сестер и госпожи. Побудут у Ли Вань день-два и отправляются домой.

Таким образом, в саду оставались только Ли Вань, Таньчунь и Сичунь. Ли Вань матушка Цзя собиралась взять к себе, но дело затянулось из-за множества событий, происходивших во дворце.

А тут настало лето, началась жара, и переселение Ли Вань было отложено до осени. Но об этом речь впереди.

Цзя Чжэн между тем вместе с несколькими чиновниками, взятыми им из столицы, направлялся к месту службы. Ехали не торопясь, вечером останавливались на ночлег. И вот наконец Цзя Чжэн прибыл к месту назначения, представился начальству, принял дела и приступил к проверке состояния житниц в подведомственных ему округах и уездах.

Надобно сказать, что Цзя Чжэн прежде служил в столице и круг обязанностей должностных лиц, кроме ланчжуна, ему не был известен. Иногда, правда, ему приходилось выезжать из столицы по делам государственных экзаменов, но это никак не касалось дел управления. Он, конечно, слышал, что в дальних провинциях и округах сборщики хлебного налога берут взятки, но сам честно выполнял свой долг и подчиненным наказывал быть строгими и неподкупными и обо всех неполадках и упущениях докладывать ему.

Вначале мелкие чиновники побаивались Цзя Чжэна, всячески старались выслужиться, но подступиться к нему не могли. Служащие, приехавшие с Цзя Чжэном, в столице никаких доходов не имели и насилу дождались назначения господина на должность в провинции, надеясь там разбогатеть. Перед отъездом они наделали долгов, чтобы приобрести одежду поприличнее, рассчитывая без труда их погасить, едва приехав к месту службы. Цзя Чжэн, однако, нарушил все их планы. Он тщательно производил расследования, за злоупотребления сурово наказывал.

Подношений от начальников округов и уездов не принимал.

«Если так и дальше пойдет, – думали служащие, – через полмесяца придется закладывать одежду. А чтобы с долгами расплатиться, и думать нечего. И это при том, что серебро само, можно сказать, в руки плывет».

Приехавшие с Цзя Чжэном роптали:

– Здешним господам не пришлось тратить своих кровных денежек, мы же оказались в дураках! Ни гроша не получили, а прошло больше месяца! С таким начальником не очень-то разживешься, своего и то не вернешь! Пусть лучше нас отпустит, и дело с концом!

На следующий день служащие явились к Цзя Чжэну и попросили их отпустить. Не догадываясь, в чем дело, Цзя Чжэн только сказал:

– Вы ехали сюда по своей воле, никто вас не принуждал, а теперь просите отпустить. Что же, я не держу вас, поступайте как вам угодно!

Служащие ушли. Осталась челядь – лишь несколько человек, приехавших с Цзя Чжэном из дому. Собрались они и стали советоваться.

– Им-то что, – сказали они про ушедших. – Им можно уйти. А нам как быть? Надо что-то придумать.

Самый смекалистый, Ли Шиэр, напустился на остальных:

– Эх вы, жалкие твари! Чего испугались? Ушли, с позволения сказать, «старшие», и хорошо! Они только мешали. А теперь увидите, как я развернусь! Не будь я Ли Шиэр, если не заставлю господина поступать по-моему! А вы лучше соберите денег и уезжайте. Не будете меня слушать – на себя пеняйте, с вами-то я быстро разделаюсь!

– Любезный господин Шиэр! – воскликнули слуги. – Хозяин тебе верит, и если мы лишимся твоего покровительства, нам останется умереть с голоду!

– Только не вздумайте роптать, – предупредил Ли Шиэр, – что я беру себе большую долю, когда к нам денежки потекут, не то всем нам не поздоровится!

– Не бойся! – заверили его. – Хоть самую малость получим, и то лучше, чем проживать собственные деньги!

В это время пришел писарь из житниц искать второго господина Чжоу. Ли Шиэр надменно вскинул голову, положил ногу на ногу и спросил:

– А зачем он тебе?

Писарь встал навытяжку, руки по швам, и сказал:

– Наш господин только месяц как в должность вступил, а строгость его известна правителям округов и уездов, они не решаются открыть житниц, а ему об этом боятся сообщить. Скажите, господа, что нас ждет, если мы вовремя не соберем хлебный налог и задержим перевозку хлеба?

– Что ты мелешь! – прервал его Ли Шиэр. – Наш господин знает, что делает: как сказал, так и будет. Он недавно хотел отправить указ о доставке хлеба, чтобы поторопить замешкавшихся, но я попросил его повременить. И все же, зачем тебе второй господин Чжоу?

– Мне, признаться, хотелось узнать, послан ли уже этот указ, – ответил писарь. – Вот и все!

– Вздор! – рассердился Ли Шиэр. – Ведь я только что тебе все объяснил про указ, а ты опять за свое! Не вздумай только мошенничать, не то пожалуюсь начальнику, он велит тебя выпороть, а потом выгнать!

– Три поколения нашей семьи служили в этом ямыне, – заявил писарь. – В доме у меня достаток, я пользуюсь уважением и могу бескорыстно служить начальнику, со всем рвением, не то что иные, у которых есть нечего и приходится воровать!.. Честь имею! – насмешливо добавил он и направился к выходу.

– Вы шуток не понимаете, – произнес, вставая, Ли Шиэр, – и потому рассердились.

– Сердиться мне незачем. Но такой разговор может повредить нашему доброму имени, – заметил писарь.

– Как ваша почтенная фамилия? – осведомился Ли Шиэр, беря писаря за руку.

– Фамилия моя Чжань, имя Хуэй, – отвечал тот. – В молодости мне, как и вам, пришлось жить несколько лет в столице.

– Господин Чжань, – произнес Ли Шиэр, – мне ваше имя давно известно. Ведь все мы братья. Если есть у вас какое-нибудь дело, приходите вечером, поговорим!

– Вы деловой человек, господин Ли Шиэр! – воскликнул писарь. – Так меня разыграли, что я растерялся!

Все, смеясь, разошлись. А вечером писарь пришел к Ли Шиэру и до полуночи с ним шептался о чем-то.

На следующий день Ли Шиэр решил испытать Цзя Чжэна, но тот его обругал. Тем дело и кончилось.

Через день Цзя Чжэн собрался с визитами и приказал Ли Шиэру позвать слуг. Время шло, но никто не появлялся. Насилу удалось разыскать слугу, который должен бить в барабан при выезде начальника, расчищая дорогу.

Его-то и увидел Цзя Чжэн, когда вышел из своих покоев, и немало удивился, что никого больше нет. Не допытываясь, в чем дело, Цзя Чжэн спустился с крыльца, сел в паланкин и стал ждать носильщиков. Прошло довольно много времени, прежде чем они явились и вынесли паланкин за

ворота. При выезде начальника раздался всего один выстрел из пушки. А из музыкантов пришли только барабанщик и трубач.

– У нас всегда был порядок, – рассердился Цзя Чжэн, – что же нынче случилось?

Не ускользнуло от Цзя Чжэна и то, что регалии слуги несут кое-как, к тому же многих недостает.

Возвратившись после визитов домой, Цзя Чжэн созвал всех опоздавших и неявившихся с намерением их наказать. Но те стали оправдываться: один уверял, что не мог найти шапку, другой – что закладывал в лавке свою парадную одежду, третий – что ослаб от голода и у него не хватило бы сил поднять паланкин. Цзя Чжэн вышел из себя, двух слуг поколотил, и на том дело кончилось.

Еще через день к Цзя Чжэну пришел старший повар просить денег на покупку провизии, пришлось дать из собственных.

Дальше – хуже, неполадка за неполадкой. Все не так, как во времена службы в столице. Цзя Чжэн вызвал к себе Ли Шиэра и сказал:

– Людей не узнать, что с ними творится? Присмотрись-ка хорошенько! Деньги, которые я привез из столицы, израсходованы, казенное жалованье получать еще не настал срок, придется посылать кого-нибудь домой за деньгами.

– Ведь я то и дело отчитываю их за нерадивость, – сказал в ответ Ли Шиэр. – А им хоть бы что. Сам в толк не возьму, что случилось. Кстати, господин, сколько денег привезти из дому? Тут я недавно узнал, что скоро день рождения правителя области. Начальники из других областей и округов послали ему подношения, кто на тысячу, а кто и на десять тысяч лянов серебра. А вы что пошлете?

– Надо было мне раньше об этом сказать, – заволновался Цзя Чжэн.

– Да мы сами не знали, – развел руками Ли Шиэр. – Люди мы в этих местах новые, связей никаких – кто станет нас извещать?! Можно бы вам, конечно, не ехать, но как бы не было неприятностей! Чего доброго, от должности отстранят!

– Глупости! – возразил Цзя Чжэн. – На эту должность меня сам государь назначил. Кто же посмеет отстранить только за то, что я не пошлю правителю области подношений?!

– Ваша правда, господин, – согласился Ли Шиэр. – Только столица отсюда далеко, и о здешних делах там судят прежде всего по докладом правителя области. Скажет он «хорошо» – значит, хорошо, скажет «плохо» – не миновать беды. Поэтому мешкать не надо. Неужто ваша матушка и супруга не желают, чтобы вы прославились на службе в провинции?!

Цзя Чжэн понял, куда клонит Ли Шиэр, и сказал:

– Вот я и спрашиваю тебя: почему не сказал мне об этом раньше?

– Да потому что не смел, – отвечал Ли Шиэр. – Но раз уж вы, господин, сами затеяли разговор, было бы бессовестно с моей стороны промолчать. Уж тогда вы непременно на меня рассердились бы!

– Ладно, говори, только правду, – махнул рукой Цзя Чжэн.

– Вы же знаете: все мечтают разбогатеть! – начал Ли Шиэр. – Так же и местные чиновники, – ведь они приобрели свои должности за деньги! У каждого есть семья, ее надо кормить. Поэтому ваше бескорыстие объясняют по-своему...

– Как же именно? – поинтересовался Цзя Чжэн.

– Говорят, что чем строже начальник, тем дороже должны быть подношения. Что для этого он строгость свою показывает. А во время сбора хлебного налога в ямыне пошли разговоры, что новый начальник запрещает брать деньги, никак с ним не сладишь. А люди деньги дают охотно, лишь бы побыстрее с налогами рассчитаться. И потому недовольны вами, вы, мол, их интересы не понимаете. Вот вы со здешним правителем дружбу водите, а не знаете, почему за каких-то несколько лет он достиг высокого положения. А все потому, что в делах хорошо разбирается, знает, когда и как поступать, и со старшими ладит, и младших не обижает.

– Вздор! – не выдержав, вскричал Цзя Чжэн. – Это я-то не разбираюсь, когда и как поступать? Да угодить и старшим и младшим по чину так же трудно, как заставить кошку спать с мышью!

– Сейчас я вам все объясню без утайки, – заявил Ли Шиэр. – Делайте как я говорю, господин, тогда успех и слава вам обеспечены. Можете считать меня никудышным слугой и обманщиком, если я вру!

– Что же, по-твоему, я должен делать? – спросил Цзя Чжэн.

– Ничего особенного – просто позаботиться о себе, пока не состарились, пока семья ваша живет в достатке и старая госпожа здорова, – отвечал Ли Шиэр. – А то не пройдет и года, как вы растратите все свое состояние, и тогда все, и начальники и подчиненные, в один голос заявят, что вы присваиваете казенные деньги. И никто вас не выручит. Никто не поможет. Правоты своей вы не докажете, а раскаиваться будет поздно.

– Выходит, я должен сделаться казнокрадом и взяточником? – возмутился Цзя Чжэн. – Мало того что я сам буду рисковать жизнью, так еще сведу на нет заслуги своего деда!

– Господин, – не сдавался Ли Шиэр, – вы человек умный, ученый. Вспомните, как недавно привлекли к суду нескольких знатных господ за злоупотребления! А ведь были среди них ваши друзья и вы их считали

самыми честными, самыми неподкупными! Где же их слава сейчас? О некоторых своих родственниках вы отзываетесь не очень лестно. А ведь одни из них только что получили повышение по службе, иных перевели на службу в другие места, и все они на хорошем счету. Прежде всего вы, господин, должны знать, что и народ и чиновники требуют к себе внимания. Если же, как вы, запретить чиновникам в округах и уездах принимать денежные подношения, разве станут они выполнять приказы начальства?! Пусть вас считают честным, это прекрасно, а остальное я беру на себя и ручаюсь – внакладе вы не останетесь. Ведь я давно вам служу и не подведу, не бойтесь!

Цзя Чжэн заколебался, не зная, что возразить Ли Шиэру, и только произнес:

– Мне еще жить не надоело! Делай что угодно; но смотри меня не впутывай!

С тех пор Ли Шиэр приобрел необыкновенное влияние. Он установил связи с чиновниками, и они вместе обдeldывали свои делишки, без зазрения совести обманывая Цзя Чжэна, но тот ни о чем не догадывался, поскольку дела шли на лад, и во всем верил Ли Шиэру. На Цзя Чжэна поступило несколько доносов, но начальство, зная его долгую и безупречную службу, расследований производить не стало.

Люди дальновидные, служившие в ямыне, видя, какой оборот приняло дело, пытались открыть Цзя Чжэну правду, но тот им не верил. Тогда некоторые просто ушли со службы, те же, кто желал Цзя Чжэну добра, всячески поддерживали его и оправдывали.

Надо сказать, что сбор и перевозка хлеба были закончены в срок.

Однажды, когда дел не было и Цзя Чжэн читал у себя в кабинете, слугитель принес письмо с казенной печатью, на конверте было написано:

«Градоначальник Хаймэня и других мест приказывает незамедлительно доставить сию бумагу в ямынь начальника по сбору хлебного налога провинции Цзянси».

Вскрыв письмо, Цзя Чжэн стал читать:

«Помню, с Вами меня узы дружбы сроднили в Цзиньлине,
Как у тута с катальной, были чувства у нас глубоки.

А в минувшем году я по службе явился в столицу

И тогда очень рад был общению с Вами...

Покорили меня Ваша вежливость и теплота,

А потом согласились мы следовать старой традиции Чэнов и

Чжу^[60], —

Добродетель такую поныне забыть не могу!
И по той лишь причине, что служба меня занесла
В те края, где граница проходит по морю,
Я, боясь быть назойливо-грубым, Вам свои пожеланья не смел
излагать
И досаду в душе подавлял, беспричинно вздыхая...
К счастью, ныне узнал, что в иные места призывает Вас долг, —
Значит, сбудется скоро надежда всей жизни моей!
А пока, вторя ласточкам, Вас поздравляю с обителью новой!^[61]
И хочу, оказавшись вблизи,
Получать наставленья от Вас, умудренного жизнью,
Ибо даже соседство шатра боевого вселяет отраду^[62] и радует
душу!
И хотя между нами бездонный лежит океан,
Все еще уповаю на то, что в жару
Удостоюсь от Вас я принять благодатную тень...^[63]

Полагаю, что Вы на меня не обрушите холод презренья
И со мною, чужим человеком, решитесь сродниться...
Отрок мой, удостоенный Вашего доброго взгляда,
С неизменной надеждой взирает
На чистый и благоуханный цветок...
Если Вы не забыли былой уговор,
Присылайте того человека, кто может свершить сватовство.
Пусть невесте весьма продолжительный путь предстоит,
Надо, как говорится, «реку перейти»...
Встретить ста экипажами не обещаю, конечно,
Но сумею достойный найти для нее паланкин.
Настоящим письмом выражаю почтение и счастья желаю
И прошу снисхожденья, если что-то не так написал.
...Жду ответного слова с застывшею кистью в руке...
С нижайшим поклоном Ваш младший брат Чжоу Чун».

Прочитав письмо, Цзя Чжэн предался размышлениям.

«Поистине браки заключаются на небесах. В год приезда моего друга в столицу я как-то встретился с его сыном, и юноша мне очень понравился. Я как бы между прочим сказал, что охотно выдал бы за него Таньчунь. Но окончательного уговора о сватовстве не было, и я никому об этом не

говорил. Потом меня назначили на должность в приморскую провинцию, и к этому разговору мы больше не возвращались. Не ожидал, что, как только буду повышен в чине, получу от него такое письмо! По положению семьи наши примерно равны, и его сын – прекрасная пара для Таньчунь. Жаль, что жена далеко. Надо ей написать, посоветоваться».

В это время появился привратник с письмом, Цзя Чжэна срочно вызывали в провинциальное управление к генерал-губернатору по каким-то делам. Цзя Чжэн не стал мешкать и тотчас отправился в путь.

На казенном подворье для приезжих чиновников, ожидая приема у генерал-губернатора, Цзя Чжэн увидел на столе целую стопу правительственных вестников. Стал их просматривать, и в вестнике ведомства наказаний ему бросилась в глаза фраза: «...доводится до всеобщего сведения дело уроженца Цзиньлина торговца Сюэ Паня...»

– Вот так дела! – взволнованно воскликнул Цзя Чжэн. – В правительственный вестник попал!

В сообщении говорилось о том, как Сюэ Пань убил Чжан Саня, а потом подкупил свидетелей, и те показали, будто убийство совершено преднамеренно.

– Все кончено! – вскричал Цзя Чжэн и даже хлопнул рукой по столу.

Дальше говорилось:

«На основании сообщения генерал-губернатора столичного округа стало известно, что Сюэ Пань, уроженец Цзиньлина, проезжая через уезд Тайпин, остановился на ночь на постоялом дворе семьи Ли. С трактирным слугой Чжан Санем знаком не был. В такой-то день такого-то месяца такого-то года Сюэ Пань велел хозяину приготовить для него угощение и пригласил жителя уезда Тайпин некоего У Ляна вместе выпить вина. Вино показалось Сюэ Паню разбавленным, и он велел Чжан Саню его заменить. Чжан Сань отказался. Сюэ Пань в гнев хотел выплеснуть вино в лицо слуге, но чашка выскользнула из руки и угодила Чжан Саню в самое темя – он как раз наклонился, накрывая стол. Из раны хлынула кровь.

Хозяин бросился было на помощь, но поздно, пострадавший скончался.

Мать Чжан Саня, урожденная Чжан Ван, сообщила об убийстве сельскому старосте и подала жалобу начальнику уезда. Из уездного управления прибыл следователь; он обнаружил на черепе убитого трещину в один вершок и три доли, а также рану на пояснице, о чем и был составлен соответствующий протокол, после чего дело передали в областной суд. Суд признал, что Сюэ Пань нечаянно выронил чашку из рук, и определил убийство как непреднамеренное.

Тщательно проверив материалы дела, мы обратили внимание на показания родственников убитого и свидетелей, данные в начале следствия. Они не совпадают с последующими. Мы сверились с соответствующей статьей свода законов, где сказано: «Смертельный исход борьбы или драки определяется как убийство. Лишь в том случае, если действие не подходит под определение борьбы или драки, но результатом все равно является смерть одного из участников, его следует рассматривать как непреднамеренное убийство».

Посему поручено вышеуказанному генерал-губернатору выяснить подлинные обстоятельства дела и представить соответствующее донесение.

Ныне, основываясь на донесении генерал-губернатора, сообщаем: когда Чжан Сань отказался заменить вино, Сюэ Пань в состоянии опьянения схватил его за правую руку и нанес удар кулаком по пояснице. Чжан Сань ответил бранью, тогда Сюэ Пань швырнул в него чашкой, чашка попала в темя, в темени появилась трещина, и Чжан Сань скончался от потери крови. Сюэ Пань тотчас же заключен был под стражу по обвинению в убийстве, а У Лян взят на заметку как соучастник.

Начальников уезда и области за искажение фактов считаем необходимым...» В конце стояла приписка: «Настоящее дело еще не закончено».

Цзя Чжэн, который по просьбе тетушки Сюэ в свое время обращался к начальнику уезда с ходатайством по этому делу, заволновался: ведь если дойдет до государя и он окажется втянутым в эту историю, неприятностей не миновать.

Следующий номер вестника с перечислением различных мелких провинностей чиновников Цзя Чжэн лишь полистал и отложил в сторону. Читать больше не хотелось, тревога росла.

В таком состоянии Цзя Чжэна и застал Ли Шиэр.

– Прощу вас, господин, выйти в главный зал, – сказал он, – в ямыне правителя уже дважды ударили в барабан.

Цзя Чжэн от расстройства пропустил слова Ли Шиэра мимо ушей, и тот вынужден был повторить.

– Какой может быть теперь приговор? – вырвалось у Цзя Чжэна.

– Чем вы обеспокоены, господин? – удивился Ли Шиэр.

Цзя Чжэн рассказал ему о сообщении в правительственном вестнике.

– Не волнуйтесь, господин, такое решение высоких инстанций лишь на пользу господину Сюэ Паню! – заверил его Ли Шиэр. – Еще в столице я слышал, как старший господин Сюэ Пань привел в кабак каких-то баб, напоил, а потом ни с того ни с сего чуть не до смерти избил слугу. Дело

приняло такой оборот, что пришлось вмешаться не только начальнику уезда, но и начальнику повыше. Даже второй господин Цзя Лянь раскошелился, чтобы замять дело. Удивляюсь, как об этом не стало известно в ведомстве! Хотя дело получило огласку, все равно чиновник чиновника покрывает. Допустим, они признаются, что вели дело неправильно – в худшем случае за это могут уволить со службы, но разве кто-нибудь скажет, что ему за это платили?! Не беспокойтесь, господин, как-нибудь обойдется. Я все подробно разузнаю, а вы идите в зал, не задерживайтесь!

– Да что ты понимаешь! – воскликнул Цзя Чжэн. – Мне жаль того начальника уезда, который из-за жадности потеряет должность, а то и понесет наказание!

– Сейчас не время об этом думать, – возразил Ли Шиэр. – Вас заждались, идите, господин!

Если хотите знать, по какому делу генерал-губернатор вызвал Цзя Чжэна, прочтите следующую главу.

Глава сотая

Случайно помешавшая неблаговидному делу Сянлин навлекает на себя ненависть;

неотступно думающий об уезжающей сестре Баоюй осознает горечь разлуки

Итак, Цзя Чжэн отправился к генерал-губернатору, долго не возвращался, и ожидавшие его люди терялись в догадках.

Ли Шиэр попытался навести справки, но ничего толком узнать не мог; потом вспомнил про сообщение в вестнике и забеспокоился.

Не успел Цзя Чжэн появиться, как Ли Шиэр бросился навстречу, и они вместе отправились домой. Улучив момент, когда поблизости никого не было, Ли Шиэр спросил:

– Что-нибудь важное, господин? Почему вы так задержались?

– Ничего особенного, – отвечал Цзя Чжэн. – Начальник уездного города Чжэньхай, родственник его превосходительства, попросил в письме переговорить со мной, хочет женить сына на моей дочери. Мы заговорились, и на прощание генерал-губернатор сказал: «Теперь мы с вами породнимся».

Известие не только обрадовало Ли Шиэра, но и придало ему уверенности, и он всячески старался склонить Цзя Чжэна к согласию на сватовство. Однако Цзя Чжэну было не до того. Опасаясь неприятностей из-за истории с Сюэ Панем, он решил послать одного из слуг в столицу разузнать, как обстоят дела, а заодно сообщить матушке Цзя, что начальник уезда сватает Таньчунь за своего сына, и если матушка Цзя согласна, пусть отправит девушку к нему, Цзя Чжэну.

Получив повеление, слуга поспешил в столицу, передал госпоже Ван письмо, а затем навел справки в ведомстве чинов и выяснил, что начальник уезда Тайпин снят с должности, а за Цзя Чжэном никаких провинностей не числится. Он поспешил письмом успокоить своего господина, а сам остался в столице в ожидании дальнейших указаний.

А сейчас вернемся к тетушке Сюэ. Не счесть, сколько денег потратила

она на подношения чиновникам из разных ямыней, добиваясь решения о непреднамеренном убийстве. Она уже готовилась продать лавку, чтобы на вырученную сумму откупить сына от наказания, но неожиданно ведомство отменило решение суда, и ей снова пришлось тратиться на подношения. Однако ничего не помогло, высшие инстанции сочли убийство преднамеренным, и Сюэ Паню грозила смертная казнь. Он по-прежнему находился в тюрьме в ожидании осеннего заседания большого суда, когда ему должны были объявить приговор.

Тетушка Сюэ плакала дни и ночи.

Баочай часто ее навещала, старалась утешить.

– Старшему брату судьба поистине не благоприятствует, – говорила она. – Получил такое большое наследство от предков и не сумел сберечь. Вспомните историю с Сянлин, когда мы жили на юге! Благо еще, помогли влиятельные родственники и убийство обошлось нам в незначительную сумму. Брату, казалось бы, следовало образумиться, подумать о том, как стать опорой для матери, а он, приехав в столицу, взялся за старое! Уж столько вы из-за него горя вытерпели, столько слез выплакали! Женили его, думали, остепенится, но судьба послала ему непутевую жену, и старший брат бежал от нее без оглядки! Есть мудрая пословица: «Люди, связанные судьбой, непременно встретятся на узкой дорожке». Не прошло и нескольких дней, как он лишил человека жизни! Вы и брат Сюэ Кэ не жалели сил, чтобы его выручить: и подношения посылали чиновникам, и о заступничестве молили. Но суждено ему, видно, возмездие за грехи! Родители вправе рассчитывать на поддержку детей в старости. Даже в семьях низкого происхождения сын старается заработать на чашку риса для матери. А у нас сын промотал все наследство и заставляет старую мать обливаться слезами! Простите мне, мама, мою непочтительность, но старший брат поступает не как сын, а как враг! Вы не хотите этого понять, целые дни плачете, да еще от невестки терпите! А я!.. У меня нет возможности часто приходить утешать вас! Хотя Баоюй не в себе, а отпускать меня не желает. И я потеряла покой, зная, как вы убиваетесь! Недавно от отца Баоюя пришло письмо, он что-то прочел в правительственном вестнике и так испугался, что послал в столицу слугу разузнать поточнее, в чем дело, и, если возможно, как-то уладить его. Да, брат много доставил хлопот. Хорошо еще, что я с вами рядом! А живи я в чужих краях, при подобном известии покончила бы с собой! Прошу вас, мама, берегите себя! Пока жив брат, приведите в порядок наши торговые дела! Позовите приказчика, велите выяснить, сколько мы должны и сколько нам должны, и подсчитайте, останутся ли у нас какие-то деньги.

Тетушка Сюэ, не переставая плакать, говорила дочери:

– Ты всегда утешаешь меня, а не знаешь того, что нас исключили из числа поставщиков императорского двора, обе лавки проданы и деньги полностью израсходованы! Осталась только закладная лавка, да и то приказчик сбежал, растратив несколько тысяч лянов серебра, и теперь на нас подали в суд, требуя возмещения убытков. Сюэ Кэ собирает долги с должников в провинции – вот все, на что мы можем рассчитывать. Я намеревалась взять деньги из тех лавок, что на юге, и, кроме того, выручить какую-то сумму от продажи домов. Но третьего дня мне сообщили, будто наша закладная лавка на юге прогорела и закрылась! Если это правда, твоей матери остается лишь покончить с собой.

Тут тетушка Сюэ в голос заплакала.

– Не беспокойтесь о деньгах, мама, – промолвила Баочай, – ведь финансовыми делами занимается брат Сюэ Кэ. Досадно только, что приказчики все сбежали, как только поняли, что мы разорились. Мало того, я слышала, они помогают кое-кому вымогать у нас деньги! Мой брат, видимо, не разбирался в людях, с кем попало водился! Дружки вечно старались выпить да поесть за его счет, а в тяжелую минуту скрылись! Если вы меня любите, мама, послушайте, что я вам скажу: вы уже в летах и должны прежде всего заботиться о своем здоровье. Не бойтесь, вам никогда не придется жить в нужде. Оставшуюся в доме утварь и одежду отдадим жене старшего брата – ничего не поделаешь! Я вижу, слуги не хотят больше оставаться у нас, что же, пусть уходят! Жаль только Сянлин, она столько выстрадала, хорошо бы ей остаться с вами. Если что-нибудь понадобится, я охотно с вами поделюсь, и, надеюсь, муж мой не станет возражать. Барышня Сижэнь так отзывчива и добра, так сочувствует нам! Даже плачет. Что же до Баоюя, то он считает, что с моим братом ничего не случится, и поэтому не волнуется. Знай он всю правду, пожалуй, перепугался бы до смерти!

– Милая доченька! – сказала тетушка Сюэ. – Ты лучше ничего ему не рассказывай! Не надо его волновать. И так он из-за барышни Линь чуть не умер. И если опять заболит, не только тебе придется страдать, но и я останусь на старости лет без опоры!

– И я так думаю, – кивнула Баочай. – Поэтому стараюсь ему ничего не рассказывать.

Разговор их внезапно был прерван истошными криками Цзиньгуй:

– Мне больше жизнь не дорога! Все равно мой муж не вернется! Пойдем в суд! Нечего прятаться!

Страшная, со всклокоченными волосами, Цзиньгуй стала биться

головой о дощатую перегородку.

У тетушки Сюэ от ужаса глаза полезли на лоб, она не могла вымолвить ни слова.

Хорошо, что Баочай была здесь и кое-как сумела утихомирить Цзиньгуй.

– Сестра! – кричала Цзиньгуй. – Ты вышла замуж! Вы живете в мире и согласии, а я одна-одинешенька, зачем мне беречь свое доброе имя?

Она вскочила и хотела бежать к своей матери, но служанки уговорили ее возвратиться. Частые припадки буйства Цзиньгуй так напугали Баоцин, что та не решалась появляться ей на глаза.

Когда Сюэ Кэ был дома, Цзиньгуй пудрилась, румянилась, подводила брови, наряжалась, а проходя мимо комнат, в которых жил Сюэ Кэ, нарочито громко кашляла и спрашивала, кто дома. С Сюэ Кэ она жеманничала, болтала о разных пустяках, то сердилась, то смеялась. Служанки, завидев ее, разбегались, но она ничего не замечала и по совету Баочань думала лишь о том, как соблазнить Сюэ Кэ.

Сюэ Кэ же всячески ее избегал, но при встрече старался держаться любезно, опасаясь, как бы она не сыграла с ним злую шутку.

В своей слепой страсти Цзиньгуй терзалась сомнениями, искренна ли любезность Сюэ Кэ или он притворяется. Не давало покоя и еще одно обстоятельство: Сюэ Кэ частенько прибегал к услугам Сянлин – отдавал на хранение вещи, в стирку белье. Стоило Цзиньгуй застать их за разговором, как они тотчас умолкали и расходились. Цзиньгуй мучила жгучая ревность. Она хотела возненавидеть Сюэ Кэ, но не могла и всю свою ненависть перенесла на Сянлин. Однако боялась причинить девушке какой-либо вред. Это могло оттолкнуть от нее Сюэ Кэ. Поэтому приходилось Цзиньгуй таить свою злобу в себе.

Однажды Баочань, хихикая, спросила у Цзиньгуй:

– Вы видели сейчас второго господина Сюэ Кэ?

– Не видела.

– Поистине он не заслуживает доверия, – продолжала Баочань. – Говорил, что не пьет, когда вы посылали ему вино, а тут смотрю, идет в покои вашей свекрови пьяненький, с красным лицом. Не верите – подождите его у ворот! Когда он будет возвращаться, перемолвитесь с ним словечком и сами убедитесь!

– Да он не скоро оттуда выйдет! – произнесла раздосадованная Цзиньгуй. – И о чем говорить с ним, если он не питает ко мне никаких чувств?

– Вы не правы, госпожа, – возразила Баочань. – Если он будет с вами

любезен, мы будем отвечать тем же, а начнет грубить – подумаем, что делать!

Цзиньгуй послушалась Баочань и приказала ей доложить, когда появится Сюэ Кэ.

Баочань ушла, а Цзиньгуй села к зеркалу, подкрасила губы, накинула пестрый платок и нерешительно направилась к выходу, припоминая, все ли она сделала.

– Вы сегодня так веселы, второй господин! – услышала она голос Баочань. – Где же это вы пили вино?

Баочань говорила нарочито громко, чтобы Цзиньгуй слышала, и та не замедлила появиться.

Сюэ Кэ в это время говорил Баочань:

– Нынче у господина Чжана радостный день, и меня заставили выпить полчарки. Лицо до сих пор горит!

– Конечно, у чужих пить интереснее, чем у своих, – подхватила Цзиньгуй, появляясь в дверях.

Сюэ Кэ смутился и, приблизившись к ней, с улыбкой спросил:

– Как понимать ваши слова?

Баочань между тем незаметно скрылась в комнате.

Цзиньгуй хотела поддеть Сюэ Кэ, но, видя, как он растерянно заморгал глазами, отказалась от своего намерения. Надменность сменилась жалостью.

– Вы говорите, вас заставили выпить? – произнесла она.

– Ну конечно же, – отвечал Сюэ Кэ. – Да я и пить не умею.

– Это хорошо, что вы не пьете, – откликнулась Цзиньгуй, – а то напивались бы и скандалили, как ваш старший брат Сюэ Пань. Каково было бы вашей будущей жене? Жила бы она вдовой при живом муже! Как я!

Она исподтишка глянула на Сюэ Кэ и почувствовала, что краснеет.

Молодой человек догадался, к чему клонит Цзиньгуй, и решил ретироваться. Но Цзиньгуй схватила его за руку.

– Сестра! – вскричал Сюэ Кэ. – Вам следовало бы держаться поскромнее! – Он весь дрожал, а Цзиньгуй, отбросив всякий стыд, сказала:

– Прощу вас, зайдите ко мне, я хочу с вами поговорить по важному делу!

– Госпожа! Сянлин идет!

Цзиньгуй вздрогнула, обернулась к Баочань. Та заметила приближавшуюся Сянлин и поспешила предупредить госпожу.

Цзиньгуй испугалась, выпустила руку Сюэ Кэ, а тот не преминул

поспешно скрыться.

Однако Сянлин, которой не могло и в голову подобное прийти, успела заметить, что Цзиньгуй тащит Сюэ Кэ к себе в комнату. С сильно бьющимся сердцем она повернула обратно, так и не навестив Баочань, к которой шла.

Цзиньгуй, напуганная и рассерженная, поглядела вслед удалявшемуся Сюэ Кэ и, бранясь, ушла в дом.

С этих пор она еще больше возненавидела Сянлин.

Баочай в это время была в комнатах матушки Цзя и там услышала от госпожи Ван, что Таньчунь собираются выдать замуж.

– Это сын нашего земляка, – сказала матушка Цзя. – Кстати, он бывал у нас в доме! И как это твой муж мне раньше ничего об этом не сказал!

– Так ведь и я не знала! – заметила госпожа Ван.

– Все это, конечно, хорошо, – проговорила матушка Цзя, – только дорога туда дальняя. И если Цзя Чжэна переведут в другое место, наша девочка окажется в одиночестве.

– Вряд ли его переведут. Ведь наши семьи служилые, – произнесла госпожа Ван. – Возможно, их переведут сюда или же мы туда переедем! Недаром говорят, листья падают ближе к корню! Начальство сватает, как ему откажешь?! Муж наверняка все решил, а к нам человека прислал совета спросить только приличия ради.

– Если вы оба согласны, тем лучше, – промолвила матушка Цзя. – Не знаю только, увижусь ли я когда-нибудь с Таньчунь. Вряд ли она сумеет побывать дома раньше, чем через два-три года.

У матушки Цзя по щекам покатались слезы.

– Девочки выросли, им пора замуж, – заметила госпожа Ван. – Выдашь дочь за местного чиновника, а кто поручится, что его не переведут в другое место?! Главное, чтобы дети счастливы были! Взять, к примеру, Инчунь! Живет совсем близко, а что толку! Вечно ссорится с мужем, дело доходит до того, что ее не кормят. А пошлем что-нибудь, – не передают. От мужа одни упреки. Будто мы у них деньги взяли и не возвращаем. Родных навестить – и то не разрешают. Не видать нашей девочке счастья! Я соскучилась и недавно послала женщин навестить ее, но Инчунь к ним даже не вышла. Тогда они сами пошли к ней. Смотрят, девочка наша в легком старом платьишке, а день был холодный. Заплакала она, умолять стала: «Не рассказывайте дома, как я тут мучаюсь. Это мне наказание за грехи! И присылать ничего не надо, ни из одежды, ни из съестного, – все равно не передадут да еще поколотят за то, что я будто бы жалуюсь». Подумать только, что все происходит почти у нас на глазах. От этого еще

тяжелее! А отец с матерью равнодушны к страданиям дочери! Поистине девочке живется хуже, чем нашей самой последней служанке! Но у Таньчунь, я думаю, муж будет хороший, раз мой супруг согласился на сватовство. Хочу попросить вас, почтенная госпожа, назначить несколько слуг и выбрать счастливый день, когда можно будет отправить Таньчунь к месту службы отца. Дело важное, и подготовиться надо тщательно, чтобы муж мой остался доволен.

– Твой муж решил, ты и распорядись! – приказала матушка Цзя. – Выбери счастливый день и отправь девочку!

– Слушаюсь, – отозвалась госпожа Ван.

Баочай, слышавшая разговор госпожи Ван с матушкой Цзя, не осмеливалась произнести ни слова и лишь с горечью думала: «Таньчунь – самая умная из барышень нашей семьи, а сейчас ее отдают замуж в дальнюю местность. Поистине все меньше и меньше остается в доме достойных людей».

Вскоре госпожа Ван попрощалась с матушкой Цзя и вышла из комнаты, Баочай последовала за ней и возвратилась к себе, но ни словом не обмолвилась Баоюю о том, что слышала. Заметив сидевшую в одиночестве Сижэнь с вышиванием в руках, Баочай рассказала ей о предстоящем замужестве Таньчунь, чем очень огорчила девушку.

Между тем наложница Чжао, прослышав, что Таньчунь выдают замуж, обрадовалась.

«Эта девчонка больше всех презирует меня! – думала она. – Даже матерью не считает. Я для нее хуже служанки! А вот о других заботится! Когда в доме распоряжалась она, Цзя Хуань шагу ступить не смел. Уедет – нам станет свободнее! Уважения от нее не дождешься, и я со спокойной совестью могу пожелать ей такой доли, как Инчунь».

Чжао побежала к Таньчунь сообщить новость.

– Барышня, – не без злорадства произнесла она, – вы теперь будете занимать высокое положение. Разумеется, у мужа вам будет лучше, чем дома, и вам надо поскорее переехать к нему! Я хоть вас и растила, но благодарности за это не видела. Всегда плохой была для вас. И все же я надеюсь, что вы обо мне не забудете!

Слушая ее болтовню, Таньчунь не отрывалась от вышиванья и не произносила ни слова.

Так и ушла наложница Чжао, сдерживая негодование.

Оставшись одна, Таньчунь рассердилась, затем рассмеялась, потом ей стало обидно до слез, и, чтобы рассеять печаль, она отправилась навестить

Баоюя.

– Сестрица, я слышал, ты была возле сестрицы Линь до самой ее кончины, – произнес Баоюй, как только Таньчунь вошла. – Говорят, в момент ее смерти откуда-то донеслись звуки музыки. Это, наверное, неспроста!

– Ты думаешь? – улыбнулась Таньчунь. – Впрочем, та ночь действительно была странной и музыка необычная, так что, возможно, ты прав!

Слова девушки лишь подкрепили догадки Баоюя. Ему припомнилось, как недавно, когда его собственная душа носилась где-то далеко, ей повстречался человек, который сказал, что Дайюй при жизни была не такой, как все люди, и после смерти не превратилась в обычного духа. Конечно, размышлял он, Дайюй была небожительницей, сошедшей в мир людей по случаю какого-то выдающегося события! И тут он подумал о Чан Э, которую когда-то видел на сцене в одной из пьес.

Вскоре Таньчунь ушла. Баоюй упросил матушку Цзя прислать к нему Цзыцзюань.

Та ни за что не хотела идти, но матушка Цзя и госпожа Ван приказали. Цзыцзюань все время вздыхала и хмурилась, а когда Баоюй начинал спрашивать ее о Дайюй, отвечала грубо и резко. Но Баочай не сердилась – ее восхищала преданность Цзыцзюань покойной барышне.

Сюэянь хотя и показала себя старательной в день свадьбы Баоюя, но была не слишком смышленной, поэтому Баочай попросила матушку Цзя и госпожу Ван забрать девушку и выдать замуж за одного из слуг; теперь Сюэянь жила в доме мужа. Мамке Ван, кормилице Дайюй, вскоре предстояло сопровождать на юг гроб с телом умершей. Иньэр и другие служанки перешли в услужение к матушке Цзя.

Люди, находившиеся в услужении у Дайюй, постепенно уходили, и это не могло не печалить Баоюя. Единственным утешением была мысль о том, что Дайюй небожительница, сошедшая на землю и затем возвратившаяся в мир бессмертных.

Рассказывая Сижэнь о замужестве Таньчунь, Баочай старалась говорить как можно тише, но Баоюй все равно услышал, охнул и с рыданиями повалился на кан.

– Что с тобой? – воскликнули перепуганные девушки, бросаясь к нему.

Баоюя душили рыдания, и он не мог вымолвить ни слова. Наконец, овладев собой, он воскликнул:

– Жить стало невозможно! Сестры уходят одна за другой! Сестрица Линь сделалась небожительницей. Старшая сестра Юаньчунь умерла.

Второй сестре Инчунь достался в мужья негодяй. Третья сестрица Таньчунь выходит замуж в дальние края, и мы с нею больше никогда не увидимся! Сестрица Сяньюнь тоже уезжает неизвестно куда; сестрица Сюэ Баоцинь помолвлена... Неужели ни одна из сестриц не останется дома? Как мне жить одному!

Сижэнь пыталась его утешить, но Баочай только рукой махнула:

– Не надо, я сама с ним поговорю. – И обратилась к Баоюю: – Ты, значит, хочешь, чтобы сестры весь век жили рядом с тобой и не выполнили главного своего предназначения в жизни? Шла бы речь о посторонних девушках, тебя еще можно было бы понять, мужчина есть мужчина. Но сестры?! Кстати, пока еще ни одну из них не выдали замуж в чужие края. Но даже случись такое, тебе пришлось бы смириться. Все решает отец! Неужели ты думаешь, что во всей Поднебесной ты один любишь своих сестер? Рассуждай и остальные как ты, я так и осталась бы в девицах. Учатся для того, чтобы стать мудрыми и просвещенными, а ты наоборот, – чем больше учишься, тем глупее становишься. По-твоему, нам с Сижэнь надо разъехаться по домам, а ты соберешь всех сестер, и они будут о тебе заботиться.

Баоюй схватил за руки Баочай и Сижэнь и закричал:

– Я все понимаю! Но зачем так спешить? Могли бы это сделать, когда я превращусь в прах!

– Опять мелешь вздор! – Сижэнь торопливо зажала ему рот. – Только два дня, как ты почувствовал себя лучше, а у второй госпожи Баочай появился аппетит! Если она снова расстроится, пеняй на себя!

– Все это верно, – произнес Баоюй, – только на душе у меня тяжело.

Баочай промолчала и знаком велела Сижэнь дать юноше успокаивающее.

Сижэнь решила попросить Таньчунь, чтобы, уезжая, она попрощалась с Баоюем, и поделилась этой мыслью с Баочай.

– Нечего бояться! – возразила Баочай. – Через несколько дней он успокоится и все поймет. Я думаю, надо дать им возможность подольше поговорить. Третья барышня умна, сумеет убедить его не болтать всякий вздор.

Разговор был прерван приходом Юаньян. Ее прислала матушка Цзя передать Сижэнь, чтобы та уговорила Баоюя выбросить из головы всякие глупые мысли. Юаньян посидела немного и ушла.

Пора было готовить Таньчунь в дорогу. Приданое с ней не отправляли, но хлопот все равно было много. Матушка Цзя объявила Фэнцзе решение Цзя Чжэна и велела ей заняться сборами.

Если хотите знать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сто первая

В саду Роскошных зрелищ бродит одинокая беспокойная душа;

*в кумирне Осыпающей цветами гадательная пластинка
предупреждает о необыкновенном событии*

Итак, Фэнцзе возвратилась домой, позвала служанок и приказала немедленно приготовить все, что может понадобится Таньчунь в дороге.

Вечером Фэнцзе взяла с собой Фэнъэр и двух девочек-служанок, третьей велела нести фонарь и пошла навестить Таньчунь. Но едва вышли за ворота, Фэнцзе велела служанке с фонарем вернуться – в небе ярко светила луна.

Проходя мимо чайной, они слышали доносившиеся из окна странные звуки: не то бормотание, не то плач. Фэнцзе подумала, что это ропщут кем-то обиженные старые служанки, и велела Сяохун зайти в чайную и как бы невзначай справиться, в чем дело.

Сама же Фэнцзе вместе с Фэнъэр подошла к воротам. Они не были закрыты, лишь прикрыты, и двое слуг впустили их. Тени деревьев четко вырисовывались при ярком свете луны. Вокруг было пусто и безмолвно.

Но только Фэнцзе с Фэнъэр свернули на дорожку, ведущую к кабинету Осенней свежести, как налетел ветер, на землю посыпались листья. Сад наполнился шумом и шорохами, устроившиеся было на ночлег испуганные птицы с криками взмыли вверх.

Фэнцзе недавно выпила вина и разгорячилась, но сейчас ее стало знобить. Фэнъэр тоже поежилась:

– Ну и холод!

– Принеси мне безрукавку на беличьем меху! – приказала Фэнцзе. – Я буду ждать тебя у третьей барышни!

Фэнъэр обрадовалась, что и сама сможет одеться потеплее, и убежала.

Продолжая путь, Фэнцзе вдруг услышала за спиной шипение, словно кто-то с шумом втягивал носом воздух, и обернулась. Волосы у нее встали дыбом: какое-то черное существо тянулось к ней мордой со сверкающими, как фонари, глазами. От страха у Фэнцзе душа ушла в пятки, и она громко вскрикнула.

Но это оказалась всего-навсего большая собака, которая, вильнув хвостом, взбежала на горку и уселась на задние лапы, словно приветствуя Фэнцзе.

У Фэнцзе от ужаса поджилки затряслись, и она со всех ног бросилась к кабинету Осенней свежести. Но едва обогнула горку, как ей померещилась чья-то тень.

Наверное, какая-нибудь из здешних служанок, – подумала Фэнцзе и крикнула:

– Кто это?

Ответа не последовало. Фэнцзе снова окликнула, тень не отозвалась, метнулась прочь и скрылась.

Вдруг Фэнцзе почудился за спиной чей-то голос:

– Тетушка, неужели вы меня не узнали?

Фэнцзе стремительно обернулась и увидела красивую, изящно одетую женщину. Женщина показалась Фэнцзе знакомой, но она не могла вспомнить, где ее видела.

– Тетушка, вы, как и прежде, наслаждаетесь богатством и роскошью, – продолжала женщина. – Забыли мой наказ заботиться об укреплении благосостояния нашей семьи на многие годы!

Фэнцзе слушала ее, опустив голову.

– Ведь вы когда-то меня любили, – продолжала женщина. – Как же могли забыть?

Наконец Фэнцзе вспомнила, что это – первая жена Цзя Жуна – госпожа Цинь Кэцин.

– Ай-я-я! – воскликнула она. – Ведь ты давно умерла! Как же ты здесь очутилась?!

Фэнцзе плюнула, чтобы отогнать наваждение, и собралась уходить. Но, ступив шаг, споткнулась о камень и упала. И тут она словно очнулась от сна и почувствовала, что вся покрыта холодным потом.

В это время подросли служанки, и Фэнцзе, не желая давать пищу для сплетен, быстро поднялась и как ни в чем не бывало проговорила:

– Почему вы так долго? Дайте скорее одежду!

Фэнъэр подала одежду, а Сяохун подхватила Фэнцзе под руку, собираясь идти дальше.

– Давайте вернемся, – заторопилась Фэнцзе, – там все спят.

Цзя Лянь уже был дома, когда Фэнцзе пришла. Она заметила, что муж бледнее обычного, но, зная его характер, расспрашивать ни о чем не стала, разделась и легла спать.

Цзя Лянь поднялся во время пятой стражи и собрался к главному

цензору Цю Шианю по служебным делам, но время было раннее, и он решил просмотреть вестник, присланный накануне.

Ведомство чинов сообщало, что государь распорядился найти на должность чжунлана достойного человека. Ведомство наказаний опубликовало сообщение генерал-губернатора Юньнани Ван Чжуна о том, что поймано восемнадцать контрабандистов, провозивших через границу ружья и огневое зелье. Во главе шайки стоял Бао Инь – слуга гуна, Умиротворителя государства Цзя Хуа.

Задумавшись было, Цзя Лянь стал читать дальше.

Цыши^[64] Ли Сяо из округа Сучжоу сообщал, что господа покровительствуют слугам, а те, пользуясь безнаказанностью, чинят беззакония, дело дошло до того, что один из них, некто Ши Фу, убил целомудренную женщину. На допросе он показал, что принадлежит к слугам господина Цзя Фаня.

Сообщение это вывело Цзя Ляня из состояния равновесия. Он стал читать дальше, но тут спохватился, что опоздает на свидание с Цю Шианем, и, даже не позавтракав, стал одеваться.

Пиньэр принесла чай. Цзя Лянь выпил два глотка, выбежал во двор, вскочил на коня и уехал.

Пиньэр стала убирать оставленную Цзя Лянем одежду; Фэнцзе поднялась было, но Пиньэр ей сказала:

– Госпожа, вы ночью почти не спали. Полежите немного! Я разотру вам спину.

Пиньэр взобралась на кан и принялась растирать Фэнцзе спину. Та задремала было, но ее разбудил плач Цяоцзе.

– Мамка Ли, ты что там делаешь? – окликнула няньку Пиньэр. – Успокой девочку. Тебе бы все дрыхнуть!

Нянька Ли проснулась и, ворча, отшлепала девочку.

– Чтоб ты подохла, чертовка! Орешь да орешь, словно мать хоронишь!

Старуха даже зубами скрипнула, но тут же спохватилась и начала ласково гладить девочку. Однако та еще громче расплакалась.

– Дрянь! – вскричала Фэнцзе. – Опять бьет ребенка! Пиньэр, поддай ей хорошенько, а Цяоцзе принеси сюда!

– Не сердитесь, госпожа, старуха не посмеет бить девочку! – произнесла Пиньэр. – Может, ненароком ее задела? Поколотить няньку можно, но ведь завтра пойдут сплетни, будто мы жестоко обращаемся с людьми!

Фэнцзе вздохнула и, помолчав, сказала:

– Погляди, на кого я похожа! Ведь если умру, некому будет

позаботиться о девочке!

– Зачем так говорить, госпожа, – упрекнула ее Пиньэр. – С самого утра расстраиваете себя мыслями о смерти!

– Что ты понимаешь? – горько улыбнулась Фэнцзе. – Я давно знаю, что долго не протяну! За свои двадцать пять лет я столько всего натерпелась, что другому и во сне не приснится. Зато никогда ни в чем не знала отказа! Так что бог с ним, с долголетием.

Пиньэр чуть не расплакалась.

– Нечего притворяться! – усмехнулась Фэнцзе. – Вам моя смерть будет в радость. Вы все заодно! Я мешаю всем жить в мире и согласии! Зачем же вам такая колючка в глазу – а я жизнью не дорожу! Дочь жалко!

Пиньэр разрыдалась.

– Ладно, не реви! – оборвала ее Фэнцзе. – Не умерла же я пока! Сама первая подохнешь от слез!

– Вы так расстроили меня, госпожа! – воскликнула Пиньэр.

Вскоре Фэнцзе уснула. Но тут снаружи слышались шаги. Это вернулся Цзя Лянь. Он так и не повидался с Цю Шианем – тот уже отправился ко двору – и, раздосадованный, вернулся домой.

– Еще не вставали? – спросил Цзя Лянь прямо с порога.

– Нет, – отозвалась Пиньэр.

Цзя Лянь откинул дверную занавеску, вошел во внутреннюю комнату и воскликнул:

– Надо же! До сих пор дрыхнут!

Он потребовал чаю. Пиньэр налила. Чай оказался чуть теплым. Девочки-служанки, как только Цзя Лянь уехал, снова улеглись спать и не успели ничего приготовить. Цзя Лянь в сердцах швырнул чашку на пол.

Фэнцзе проснулась вся в холодном поту и охнула, глядя округлившимися от ужаса глазами на рассвирепевшего Цзя Ляня и Пиньэр, подбиравшую с пола осколки чашки.

– Почему ты вернулся? – спросила Фэнцзе и, не получив ответа, повторила вопрос.

– А ты хотела, чтоб я не вернулся и околел где-нибудь на дороге? – крикнул Цзя Лянь.

– Ну зачем так? – улыбнулась Фэнцзе. – Просто я удивилась, вот и спросила. Сердиться незачем!

– Не застал его, вот и вернулся, – проворчал Цзя Лянь.

– Наберись терпения! Завтра поедешь пораньше и застанешь.

– Что, у меня ноги казенные? – вскричал Цзя Лянь. – Мало своих хлопот, так еще чужие прибавились! И так вздохнуть некогда, минуты

свободной нет! Тот, кому это нужно, знать ничего не знает, дома сидит. Пир собирается устроить в день своего рождения! Актеров пригласить! А я бегай за него!

Цзя Лянь плюнул с досады и напустился на Пиньэр.

От волнения у Фэнцзе пересохло в горле; она хотела возразить мужу, но почла за лучшее сдержаться и с улыбкой произнесла:

– Не надо кипятиться! С самого утра на меня накричал. Никто не велел тебе стараться ради чужих! Но раз уж взялся, терпи! Не понимаю, как можно думать о развлечениях, когда грозят неприятности!..

– Что зря болтать! – крикнул Цзя Лянь. – Сама у него и спроси!

– У кого? – изумилась Фэнцзе.

– У кого? У своего старшего братца!

– Так это ты о нем?

– А о ком же?

– Ну и что у него случилось, у моего братца? – спросила Фэнцзе.

– Будто слепая, сама не видишь!

– Право же, мне ничего не известно! Я человек неученый!

– Разумеется, неизвестно! – усмехнулся Цзя Лянь. – Не только тебе, но и госпоже, и тетушке тоже! Я постарался дело замять, чтобы дома не волновались, ты и так все время болееешь! Но история возмутительная! Не спроси ты, я не стал бы ничего говорить. Хороший у тебя брат, нечего сказать! Знаешь, как его прозвали?

– Откуда мне знать?

– Не знаешь? – вскричал Цзя Лянь. – Ван Жэнем его прозвали!

Фэнцзе прыснула со смеху.

– Так ведь он же Ван Жэнь и есть!

– Верно – Ван Жэнь! Только прозвище его пишут иероглифами «ван» – «забывать» и «жэнь» – «гуманность». Он и в самом деле забыл гуманность, долг и вообще все приличия!..

– Кто посмел так бессовестно очернить человека? – рассердилась Фэнцзе.

– Никто его не чернит, – возразил Цзя Лянь. – Сейчас я тебе расскажу кое-что, тогда узнаешь, что собой представляет твой братец! Он, видите ли, задумал справить день рождения своему второму дяде Ван Цзытэну!

– Ай-я! – воскликнула Фэнцзе. – В самом деле? А я все хотела спросить, не зимой ли день рождения второго дяди? Помню, Баоюй из года в год ездил к нему. Когда господина Цзя Чжэна повысили в чине, второй дядя Ван Цзытэн прислал труппу актеров. Я тогда сказала, что второй дядя скуп, не чета старшему, Ван Цзытэну, и живут они как кошка с собакой. А

живи они дружно, разве отказался бы он помочь в устройстве похорон Ван Цзытэна?! Поэтому я и предложила в день его рождения послать труппу актеров, чтобы не остаться перед ним в долгу. Не могу понять, почему Ван Жэнь решил раньше времени устроить день рождения дяди.

– Ты, видно, все еще спишь и видишь сны! – ответил Цзя Лянь. – В первый же день по приезде в столицу твой брат Ван Жэнь под предлогом устройства похорон постарался захватить все состояние своего дяди Ван Цзытэна. Потому ничего и не сообщил нам. Боялся, как бы мы не помешали. Присвоил немало – несколько тысяч лянов серебра. Твой второй дядя заявил, что поступил он незаконно. Поняв тогда, что часть присвоенного придется вернуть, Ван Жэнь пошел на хитрость – решил устроить день рождения дяди, рассудив, что это обойдется куда дешевле. Бессовестный! Ему все равно, что подумают о нем родные и друзья!.. Но не из-за этого я хлопочу. Дело в том, что цензор сообщил мне, будто у старшего дяди Ван Цзытэна остались долги. Это обнаружилось после его смерти. Их должны погасить младший брат Ван Цзышэн и племянник Ван Жэнь. Вот они и переполошились, попросили меня похлопотать. Я согласился, и то лишь потому, что они приходятся родственниками тебе и нашей госпоже. Встал нынче чуть свет и собрался к цензору, надеясь на его помощь, и на тебе – не застал. Бегаю, бегаю, а они веселятся! Ну как тут не рассердиться!

Наконец Фэнцзе поняла, что натворил Ван Жэнь, но не удержалась от упрека:

– Как бы то ни было, он сын твоего дяди. Кроме того, покойному дяде Ван Цзытэну и второму дяде Ван Цзытэну ты многим обязан. Что ни говори, а речь идет о нашей семье, поэтому я смиренно прошу тебя о помощи, не к чужим же мне обращаться, чтобы злорадствовали и за глаза поносили меня.

Слезы потекли из глаз Фэнцзе. Она сбросила одеяло, села на постели и начала одеваться.

– Зря ты так говоришь, – сразу смягчился Цзя Лянь. – Тебя я ни в чем не виню, но твой брат человек нехороший. А рассердился я из-за того, что порядка нет в доме. Мне надо ехать, тебе нездоровится, а служанки спят! Не думаю, что у старших членов нашего рода хозяева встают раньше прислуги! А ты все служанкам спускаешь! Стоило мне слово сказать, как ты сразу вскочила! Уж не собираешься ли вместо этих лентяек сама мне прислуживать?! На что это похоже?

Фэнцзе успокоилась, перестала плакать.

– Все равно надо вставать, уже поздно, – проговорила она, – очень

любезно с твоей стороны, что ты так стараешься помочь родственникам. Если что-то удастся сделать, не только я – впрочем, я не в счет, – но и госпожа Ван обрадуется.

– Без тебя знаю! – буркнул Цзя Лянь. – Не учи!

– Госпожа, зачем вам так рано вставать? – вмешалась Пиньэр. – И вы, господин, хороши! Кто-то вас рассердил, а вы на нас злость срываете! Разве госпожа для вас мало сделала? Разве когда-нибудь отказала вам в помощи в трудный момент? Сколько раз приходили вы на готовенькое! А сейчас сделали какую-то мелочь и расшумелись. Не стыдно?.. К тому же дело, о котором вы говорили, касается не только госпожи, но и всех родственников. Сердиться надо на нас за то, что поздно встаем, мы ваши служанки! А госпожа и так сил не жалеет, надрывается, от этого и заболела.

На глаза Пиньэр навернулись слезы.

Цзя Лянь, и без того расстроенный, не мог вынести всех этих упреков и сказал:

– Довольно! Госпожа сама за себя постоит, без тебя обойдется! Чужой я вам! Лучше бы мне умереть!

– Не говори так! – оборвала его Фэнцзе. – Неизвестно, что кого ждет! Скорее я умру, а не ты! И чем раньше, тем быстрее душа моя обретет покой.

Фэнцзе заплакала в голос, и Пиньэр снова пришлось ее утешать.

Уже совсем рассвело, и в комнату проникли солнечные лучи. Цзя Ляню надоело препираться, и он вышел.

Фэнцзе поднялась с постели и занялась утренним туалетом, как вдруг вошла девочка-служанка госпожи Ван.

– Госпожа послала меня узнать, поедете ли вы сегодня к дядюшке. Если поедете, она просит взять с собой вторую госпожу Баочай.

Фэнцзе была расстроена разговором с мужем и очень досадовала, что некому заступиться за ее родных; кроме того, накануне в саду она натерпелась страху и сейчас чувствовала себя подавленной.

– Передай госпоже, – сказала она, – что я не могу поехать, дел много. Да и у дядюшки ничего интересного не будет. Пусть вторая госпожа Баочай, если хочет, едет одна!

После ухода служанки Фэнцзе закончила причесываться и вдруг подумала, что нужно дяде передать поклон, раз уж она сама к нему не едет. Кроме того, следовало позаботиться, чтобы Баочай хорошенько подготовилась к визиту, ведь она совсем еще молода. Фэнцзе повидалась с госпожой Ван, извинилась, что не может поехать, а затем отправилась к Баоюю.

Баоюй одетый лежал на кане и с безразличным видом наблюдал, как Баочай причесывается.

Фэнцзе остановилась в дверях, но Баочай, случайно повернув голову, заметила ее, торопливо вскочила и пригласила сесть. Баоюй тоже приподнялся и повторил приглашение.

Баочай строго сказала Шэюэ:

– Ты что, не видела, как вошла вторая госпожа? Почему не предупредила?

– Вторая госпожа сделала мне знак молчать, – улыбаясь, ответила Шэюэ.

– Ты почему не собираешься? – спросила Фэнцзе у Баоюя. – Не хочешь ехать? Взрослый, а ведешь себя как ребенок! Не видал, как причесываются? Целыми днями вы вместе, неужели еще не нагляделся? И как ты не боишься, что служанки станут над тобой смеяться?

Она хихикнула и, в упор глядя на Баоюя, причмокнула губами. Баоюю стало неудобно, но особого значения намекам Фэнцзе он не придал. Зато Баочай смутилась и покраснела.

Сижэнь, которая в это время принесла чай, сделала вид, будто ничего не слышала.

– Не обращай на нас внимания, вторая сестрица, – сказала Фэнцзе, подымаясь с места и принимая чай, – скорее одевайся!

Баоюй бросился помогать жене.

– Шел бы ты лучше вперед, – сказала юноше Фэнцзе. – Разве мужья ожидают жен?

– Мне не очень нравится мой халат, – проговорил Баоюй, – он куда хуже, чем плащ из павлиньего пуха, который бабушка подарила мне в позапрошлом году.

– Почему же ты его не наденешь? – решила поддразнить юношу Фэнцзе.

– Рано еще.

Тут Фэнцзе вспомнила историю с плащом и пожалела, что завела о нем разговор. Баочай принадлежала к семье Ван и приходилась ей родственницей, так что ее можно было не стесняться, но здесь находились служанки, и Фэнцзе стало неловко.

– Вы ничего не знаете, вторая госпожа, – вмешалась в разговор Сижэнь. – Он этот плащ никогда не наденет!

– Почему? – удивилась Фэнцзе.

– Скажу вам прямо, вторая госпожа: у нашего господина какие-то странности, – отвечала Сижэнь. – Когда-то старая госпожа подарила Баоюю

плащ, это было в день рождения его второго дяди, но он прожег его в первый же раз, как надел. Я в то время уехала домой ухаживать за больной матерью, но слышала, что Цинвэнь, хоть и расхворалась, за ночь починила плащ, и старая госпожа ничего не заметила. Как-то, еще в прошлом году, господин Баоюй шел в школу, день выдался холодный, и я велела Бэймину взять с собой плащ. Но Баоюй заявил, что больше никогда его не наденет, и приказал убрать подальше.

– Бедная девочка! – вскричала тут Фэнцзе. – Как мне ее жаль! Она была так красива, и руки золотые, только уж слишком остра на язык! И надо же было, чтобы наша госпожа, наслушавшись сплетен, так жестоко с ней обошлась! Кстати, я давно хотела сказать. Однажды на кухне я видела дочку тетушку Лю – зовут ее, кажется, Уэр, – вылитая Цинвэнь! Я сразу подумала, что хорошо бы отдать ее в услужение Баоюю, на место Сяохун, которую я взяла к себе. Поговорила с ее матерью. Та дала согласие. А тут Пиньэр мне говорит, что госпожа распорядилась не определять к Баоюю служанок, хоть чем-то похожих на Цинвэнь. Пришлось мне отказаться от своего намерения. Но сейчас, когда второй господин Баоюй женат, бояться нечего! Я непременно ее пришлю... Не знаю только, что скажет на это сам второй господин! Если он до сих пор тоскует по Цинвэнь, пусть смотрит на Уэр, ему будет легче...

Баоюй собрался было уходить, но, услышав о Цинвэнь, стал сам не свой.

– А что он может сказать? – вмешалась Сижэнь. – Он давно взял бы ее, если бы матушка разрешила.

– В таком случае завтра же пришлю сюда Уэр, – заявила Фэнцзе. – Если госпожа будет недовольна, все возьму на себя.

Баоюй не мог скрыть своей радости и тут же побежал к матушке Цзя. Между тем Баочай уже оделась. Глядя, с какой любовью относится Баочай к мужу, Фэнцзе невольно вспомнила, что произошло нынче между нею и Цзя Лянем, и обида вспыхнула с новой силой.

– Пойдем к госпоже, – сказала она Баочай, стараясь ничем не выдать своих страданий.

Войдя к матушке Цзя, они услышали, как Баоюй сказал, что собирается ехать к дяде.

– Вот и хорошо, – сказала матушка Цзя, – только смотри не пей лишнего и поскорее возвращайся! Ты ведь еще не совсем здоров!

Едва Баоюй вышел во двор, как вдруг снова вернулся и что-то шепнул на ухо Баочай.

– Ладно, идите скорее, – с улыбкой сказала Баочай и продолжала

болтать с матушкой Цзя и Фэнцзе. Вдруг вошла Цювэнь и доложила:

– Второй господин Баоюй через Бэймина велел передать, что просит вторую госпожу Баочай выйти.

– Баоюй что-то забыл? – спросила девушку Баочай.

– Бэймин сказал девочке-служанке, что второй господин Баоюй просит госпожу Баочай скорее выйти, если же она раздумала ехать, пусть не стоит на ветру, не то простудится.

Матушка Цзя, а за ней и все остальные рассмеялись.

Баочай густо покраснела и, повернувшись к Цювэнь, тихонько произнесла:

– Ну и дура! Стоило из-за этого бежать сломя голову!

Цювэнь, давась от смеха, вышла и велела девочке-служанке хорошенько отругать Бэймина. Однако Бэймин отмахнулся от нее и убежал, крикнув на ходу:

– Ради этого я сошел с коня и вернулся. Ведь если бы не передал, досталось бы мне от второго господина. Передал – меня все равно ругают!

Девочка-служанка, смеясь, убежала в дом и передала эти слова матушке Цзя.

– Иди, – сказала матушка Цзя, обращаясь к Баочай, – не волнуй его!

У Баочай не проходило чувство неловкости, а тут еще Фэнцзе стала ее поддразнивать, и ей ничего не оставалось, как уйти.

Пришла монахиня Даляо из кумирни Осыпающей цветами^[65]. Она справилась о здоровье матушки Цзя, поклонилась Фэнцзе и села пить чай.

– Почему ты так долго не приходила? – спросила матушка Цзя.

– Много дел было, – отвечала монахиня. – Нас навещали знатные женщины. Завтра снова приедут. Хотят совершить доброе дело. Может, и вы заглянете? Развлечетесь немного.

– А что за доброе дело, о котором вы упомянули? – осведомилась матушка Цзя.

– В позапрошлом месяце в доме вдовы его превосходительства господина Ван Цзытэна появились оборотни, – отвечала Даляо, – а однажды ночью госпоже привиделся покойный супруг. После этого она приехала к нам и сказала, что собирается воскурить благовония перед статуей бодхисаттвы, Осыпающего цветами, а также устроить обед и заказать сорокадевятидневные молебствия, дабы испросить спокойствия для всех членов семьи, помочь умершим вознестись на Небо, а живым – обрести счастье. Теперь вы понимаете, почему я никак не могла прийти справиться о вашем здоровье, почтенная госпожа!

Надо сказать, что до вчерашнего вечера Фэнцзе, пока не увидела

привидение, не была суеверной. Но сейчас ее душу охватили сомнения, и она обратилась к монахине:

– Кто этот бодхисаттва, Осыпающий цветами? Каким образом он избавляет людей от наваждений и изгоняет нечистую силу?

Даляо поняла, что молодая женщина все приняла всерьез, и сказала:

– Раз уж вы задали мне такой вопрос, госпожа, я вам объясню. Бодхисаттва, Осыпающий цветами, творит чудеса. Он родился в стране великого дерева бодхи под западным небом Индии. Отец с матерью рубили хворост, продавали, тем и кормились. Бодхисаттва появился на свет с тремя рогами, четырьмя глазами, руками чуть ли не до земли и восьмью чиростом. Родители подумали, что это оборотень, отнесли его за ледяные горы и там бросили. Подобрала бодхисаттву старая обезьяна, познавшая великую истину. Выйдя как-то на поиски пищи, она заметила младенца, а над ним облако пара. Все тигры и волки в страхе попрятались. И поняла обезьяна, что младенец этот необыкновенный. Унесла обезьяна младенца к себе в пещеру, вскармливать стала. Мудрым оказался бодхисаттва, умел рассуждать о прозрении, и они с обезьяной изо дня в день беседовали о таинствах буддийской веры. Через тысячу лет на гору посыпались сверху цветы, и бодхисаттва вознесся на Небо. До сих пор на той горе сохранилось место, где велись святые беседы и сыпались с неба цветы. Если обратиться к бодхисаттве с мольбой, он явит мудрость и избавит от страданий. За это люди построили в честь бодхисаттвы храм и делают ему подношения.

– А где доказательства, что бодхисаттва и в самом деле может помочь? – спросила Фэнцзе.

– Опять вы сомневаетесь, – промолвила Даляо. – А где доказательства, что бодхисаттва вообще существует? Одного-двух обмануть можно, но ведь в бодхисаттву верят мудрецы с древности и поныне. Сами подумайте, госпожа: из века в век бодхисаттва воскуривает благовония, хранит государство и оберегает народ, творит чудеса, как же в него не верить?

Слова монахини показались Фэнцзе справедливыми и разумными.

– В таком случае, – заявила она, – я завтра же приеду и попробую помолиться. Есть у нас в храме гадательные пластинки? Вытащу наугад любую и, если сомнения мои развеются, навсегда уверую в могущество бодхисаттвы.

– Гадательные пластинки у нас чудодейственные! – заверила ее Даляо. – Приходите, госпожа, погадаете и убедитесь!

– А по-моему, надо дожидаться первого дня нового месяца, – произнесла матушка Цзя. – Тогда гадать лучше.

Выпив чай, Даляо пошла к госпоже Ван справиться о здоровье, а затем

удалилась. Но об этом мы рассказывать не будем.

Между тем Фэнцзе насилу дождалась первого дня нового месяца. С самого утра велела подать коляску и в сопровождении Пиньэр, нескольких слуг и служанок отправилась в кумирню Осыпающей цветами.

Монашки встретили ее и провели в келью. Выпив чаю, Фэнцзе вымыла руки, прошла в храм и воскурила благовония.

Желания молиться у Фэнцзе не было, она лишь отвесила земной поклон перед изображением бодхисаттвы, взяла стакан с гадательными пластинками, мысленно попросила ниспослать ей здоровье и избавить от наваждения и трижды встряхнула стакан. Из стакана на пол упала пластинка. Фэнцзе еще раз поклонилась, подняла пластинку и прочла надпись на ней: «Пластинка тридцать третья предвещает великое счастье».

Даляо раскрыла гадательную книгу и нашла место с толкованием тридцать третьей пластинки, где говорилось: «Ван Сифэн в парчовых одеждах возвратится в родные места».

Фэнцзе была ошеломлена и спросила у монахини:

– Неужели в древности жил кто-то, носивший имя Ван Сифэн?

– Госпожа, вы же сведущи в событиях древности и современности, – отвечала монахиня, – неужели не слышали о рассказе «Ван Сифэн домогается чиновничьей должности»?

– В позапрошлом году рассказчица Ли упоминала о нем, – сказала стоявшая рядом жена Чжоу Жуя. – Но мы запретили ей пересказывать эту историю из уважения к вашему имени.

– Ах да! – воскликнула Фэнцзе. – Совсем забыла. – И она принялась читать дальше:

Двадцать лет миновало,
Как рассталась с родной стороной^[66].
А теперь ты в парчовой одежде,
Может быть, и вернешься домой?

Сто расцветших цветов облетает,
Трудный мед добывает пчела, —
Для кого она сил не жалеет
И кому она сладость дала?

Дальний путник придет,
Поздно весть принесет.

Распри сменит согласие.
Будут свадьба и счастье!^[67]

Фэнцзе не до конца поняла смысл строк, и Даляо ей пояснила:

– Вам предстоит великая радость, госпожа, недаром выпала эта пластинка. Вам до сих пор не приходилось бывать в Нанкине! Но может быть, господин Цзя Чжэн захочет взять семью к себе, и тогда по пути вы сможете заехать на родину. Вот как следует толковать «в парчовых одеждах возвратится в родные места».

Монахиня написала предсказание на листке и отдала девочке-служанке. Фэнцзе и верила и не верила.

Даляо накрыла на стол. Мясных блюд, разумеется, не было, и Фэнцзе, едва прикоснувшись к еде, отставила чашку, дала монахине денег на благоволия и собралась уходить. Даляо не стала ее удерживать.

Возвратившись домой, Фэнцзе первым долгом навестила матушку Цзя и госпожу Ван и рассказала им о гадании. Женщины в один голос воскликнули:

– Может быть, у Цзя Чжэна и в самом деле есть такое намерение?! Это было бы замечательно!

Фэнцзе наконец уверовала в предсказание, но это уже к делу не относится.

А сейчас вернемся к Баоюю. Встав после полуденного сна, он не увидел рядом Баочай, но только было хотел спросить о ней у служанок, как Баочай сама появилась на пороге.

– Где ты была? – спросил юноша. – Я заждался.

– Ходила узнавать о гадании сестры Фэнцзе, – отвечала Баочай и пересказала ему то, что было написано на пластинке, заметив при этом: – Предсказание все считают счастливым, но мне кажется, выражение «в парчовых одеждах возвратится в родные места» таит в себе еще какой-то смысл. Поживем – увидим!

– Вечно ты сомневаешься! – вскричал Баоюй. – В предсказаниях святых ищешь зловещий смысл! Ведь все знают, что фраза «в парчовых одеждах возвратится в родные места» благопожелательная. С чего же ты взяла, что в ней кроется еще и другой смысл?

Баочай не успела ответить – за ней пришла служанка госпожи Ван.

Если хотите узнать, в чем было дело, прочтите следующую главу.

Глава сто вторая

На дворец Нинго обрушиваются болезни и беды;

*из сада Роскошных зрелищ с помощью заклинаний изгоняют нечистую
силу*

Итак, госпожа Ван послала служанку за Баочай и, когда та явилась, сказала:

– Скоро свадьба Таньчунь, и ты должна наставить сестру. К тому же ты еще и жена ее брата. Таньчунь умница и поймет тебя с полуслова. Я слышала, Баоюя до слез расстроило замужество Таньчунь. Постарайся его утешить. Увы! Я все время хвораю, да и Фэнцзе нездорова. Ты должна понимать, что в доме необходим порядок. Жалость жалостью, а давать поблажки прислуге нельзя. Недалек тот час, когда все хозяйственные дела в доме лягут на твои плечи.

Баочай слушала и почтительно поддакивала.

– Есть у меня еще одно дело, – продолжала госпожа Ван. – Вчера Фэнцзе привела ко мне дочку старухи Лю и сказала, что хочет определить ее к вам служанкой.

– Да, Пиньэр привела ее нынче к нам. Сказала, что это Фэнцзе распорядилась, – быстро проговорила Баочай.

– Я знаю, – кивнула госпожа Ван, – и решила, что причин отказывать ей никаких нет. Правда, девочка показалась мне не слишком скромной. Когда-то я прогнала подобных ей служанок из комнат Баоюя, своим коварством они не уступали лисицам-оборотням. Ты хорошо об этом знала и переехала из сада жить к себе домой. Но сейчас, благодаря тебе, я уверена, ничего подобного не случится. Только прошу тебя быть повнимательней! Из всех служанок лишь на одну Сижэнь можно положиться.

Баочай пообещала, произнесла несколько вежливых фраз и ушла. А после обеда навестила Таньчунь и напутствовала ее на прощанье теплыми, ласковыми словами. Но об этом мы рассказывать не будем.

На следующий день Таньчунь должна была уехать и пришла попрощаться с Баоюем. С тоскливым чувством слушал юноша речи

Таньчунь о предназначении и высоком долге, тяжело было расставаться с девушкой. Но потом вдруг печаль его сменилась радостью, словно он избавился от заблуждений и прозрел.

Попрощавшись и с остальными родственниками, Таньчунь села в паланкин и отправилась в далекий путь.

После кончины Юаньчунь сад Роскошных зрелищ постепенно приходил в запустение. Баоюй женился, Дайюй умерла, Ши Сяньюнь уехала, Ли Вань, Таньчунь и Сичунь переселились в свои комнаты. Только в ясные дни и лунные вечера они, как и прежде, встречались в саду, смеялись, шутили.

Потом уехала Таньчунь, Баоюй, равнодушный ко всему, вообще не выходил из дому. И в саду стало пустынно и безлюдно. Заглядывали сюда лишь те, кто присматривал за садом.

Проводив Таньчунь, госпожа Ю довольно поздно возвращалась домой. Она не стала дожидаться, пока подадут коляску, и решила пройти пешком через садовую калитку, служившую в прошлые годы ближайшим проходом из дворца Нинго во дворец Жунго. Все как будто было на месте – и террасы и беседки, но госпожа Ю испытывала безотчетный страх. Дома оказалось, что у нее жар. Два дня госпожа Ю крепилась, но потом слегла. Днем ей бывало легче, а по ночам все тело горело и она бредила.

Врач определил у больной простуду и на ее почве боли в желудке и бред^[68]. Заверил, что ничего опасного нет и госпожа Ю скоро поправится.

Однако лекарства не помогали, а вскоре у больной начались приступы безумия.

Цзя Чжэнь позвал сына и приказал:

– Разузнай, есть ли поблизости хорошие доктора, и пригласи сразу нескольких!

– Врач, который к нам приходил, считается самым лучшим, – отвечал Цзя Жун. – Мне кажется, болезнь матери лекарствами не вылечишь.

– Вздор! – рассердился Цзя Чжэнь. – Может быть, по-твоему, ее вовсе лечить не нужно?

– Речь не о том, что не надо лечить, – возразил Цзя Жун. – Но должен вам сказать, что недавно матушка возвращалась из дворца Жунго через сад. А как только пришла домой, у нее появился жар – не иначе, как там она повстречалась с оборотнем. За городом, я слышал, живет человек по имени Мао Баньсянь, уроженец юга, прекрасный гадатель. Надо, пожалуй, его пригласить. Если нагадает что-нибудь путное, сделаем все, как он скажет; если же и это не поможет – пригласим доктора.

Цзя Чжэнь тотчас велел привезти гадателя.

Цзя Жун принял Мао Баньсяня в кабинете и угостил чаем.

– Значит, это вы меня пригласили?! – сказал тот. – Позвольте тогда спросить, о чем я должен гадать?

– Мать тяжело заболела, – отвечал Цзя Жун, – просим вас погадать о ее дальнейшей судьбе.

– В таком случае дайте мне чистой воды вымыть руки, – приказал гадатель, – и принесите столик с курильницей – я вытащу из стакана гадательную пластинку.

Когда все необходимые приготовления были сделаны, Мао Баньсянь вытащил из-за пазухи стакан с гадательными пластинками, подошел к столу, совершил низкий поклон и, встряхнув стакан, произнес:

– Почтительно кланяюсь Небу и Земле, зываю к сокрытым силам природы, дабы они помогли сделать правильное предсказание, а добрые духи его исполнили. Настоящим верующий из рода Цзя, по причине болезни своей матери, почтительно обращается с просьбой к четырем мудрецам – Фуси, Вэнь-вану, Чжоу-гуну и Кун-цзы, чтобы они обратили к нему свои милостивые взоры. Прошу вас, великие мудрецы, пошлите мне силу проникнуть в глубокие тайны судьбы, узнать, что ждет больную – счастье или несчастье. Но прежде пошлите триграммы, кои позволят сделать верное предсказание.

Он вытряхнул из стакана на блюдо пластинку.

– Первая триграмма – «цзяо»!

Он снова потряхнул стакан и объявил, что выпала триграмма «дань». Третьей триграммой снова оказалась «цзяо».

Собрав гадательные пластинки, Мао Баньсянь произнес:

– Итак, триграммы, говорящие о превращениях, объявлены, теперь прошу послать мне триграммы, по коим возможно предсказывать счастье и несчастье и составить гексаграмму.

Он снова вытащил три пластинки, и на всех оказались триграммы «дань».

Собрав пластинки, Мао Баньсянь сказал:

– Садитесь, садитесь, пожалуйста! Позвольте мне подумать, что в конце концов получилось. В целом гексаграмма указывает, что «счастье еще не пришло». Триграмма, относящаяся к человеку, который гадает, то есть к вам, выпала третьей, и предвещает она, что вы, брат, лишитесь богатства. Но сейчас вы гадаете о судьбе матери, поэтому нужно обращаться к первой триграмме. А она показывает, что ваши родители повстречали какого-то злого духа. Пятая триграмма тоже связана со злым

духом, а это значит, что у вашей матушки серьезная болезнь. Нет-нет! Ничего дурного не случится, так как стихия воды под первым циклическим знаком «цзы» и двенадцатым циклическим знаком «хай» скована, в действие вступила стихия дерева под третьим циклическим знаком «инь», и под ее влиянием возник огонь. Триграмму, относящуюся к человеку, на которого гадают, можно истолковать в том смысле, что сын или внук все же победят злого духа. Через два дня злой дух из стихии воды под циклическим знаком «цзы» будет изгнан, и в день, обозначаемый одиннадцатым циклическим знаком «суй», ваша матушка поправится. Только в триграмме, относящейся к отцу, есть измененное изображение злого духа, а это значит, что вашему батюшке грозит неприятность. Триграмма же, относящаяся к вам, предвещает несчастье, страшнее ограбления. Оно случится в день, когда будет процветать стихия воды, а стихия земли придет в упадок.

Мао Баньсянь умолк и принялся теребить бородку.

Сначала рассуждения гадателя показались Цзя Жуну нелепыми до смешного. Но уверенный тон предсказателя его смутил. Испугавшись за судьбу отца, Цзя Жун с тревогой спросил гадателя:

– О том, что произошло, вы сказали совершенно точно, но все же, чем больна моя мать?

– Судя по гексаграмме, болезнь вашей матушки вызвана борьбой стихии воды со стихией огня, а это значит, что в ее теле соединились жар и холод. Если же хотите знать поточнее, чем она больна, придется погадать по книге «Взаимодействие стихий», – гадание на стеблях травы ничего не даст.

– И вы знакомы со всеми этими видами гаданий? – поинтересовался Цзя Жун.

– Немного знаком.

Цзя Жун попросил предсказателя погадать и сообщил ему гороскоп матери.

Мао Баньсянь нарисовал круг, расставил символы духов и начал гадать. Оказалось, что на циклический знак «суй» приходится дух белого тигра, и тогда гадатель сказал:

– Гадание говорит о «рассеянии души разума». Белый тигр – злой дух, но в периоды общего процветания творить зла не может. Когда же властвовать начинает дух смерти, белый тигр насылет на людей ужасные беды. При встрече с ним душа разума в страхе бежит и стремится рассеяться. Получившееся у нас сочетание символов указывает, что душа разума улетела прочь из тела, остались печаль и сомнения. Если речь идет о

болезни, то здесь можно предсказать смертельный исход, в отношении же судебной тяжбы – проигрыш дела. Обычно тигр появляется на закате солнца, из этого можно заключить, что болезнь возникла незадолго до наступления вечера. В толкованиях на подобное сочетание знаков сказано: «У всякого, кому при гадании выпало такое сочетание знаков, в жилище водится оборотень тигра или же его подобие». Гадай вы о своем батюшке, я опять-таки сказал бы, что и ему грозит опасность. Об этом говорит сочетание знаков «тигр» и «солнце», ибо тигр при солнце причиняет зло мужчинам, а при луне – женщинам. Одним словом, гадание предвещает несчастье.

Не дослушав гадателя до конца, Цзя Жун побледнел от страха.

– Вы все верно сказали, учитель, – промолвил он, – только мне кажется, что это гадание не очень согласуется с первым. Хотелось бы все же знать, грозит нам опасность?

– Не торопитесь, – остановил его Мао Баньсянь, – позвольте мне еще раз внимательно посмотреть!

Гадатель опустил голову, долго бормотал что-то себе под нос и вдруг воскликнул:

– Все кончится благополучно, есть спасительная звезда! Гадание показывает, что добрый дух, которого вы видите над циклическим знаком «сы», принесет вам спасение. О таком сочетании знаков сказано: «Душа разума рассеивается, а душа тела возвращается». Горе у вас сменится радостью. Ничего опасного не случится, надо только быть начеку!

Цзя Жун уплатил гадателю, проводил его, а затем обо всем подробно рассказал отцу. В частности и о том, что болезнь госпожи Ю, согласно гаданию, началась под вечер после встречи с духом белого тигра.

– Ты как раз и говорил, что третьего дня вечером мать возвращалась домой через сад, – произнес Цзя Чжэнь. – Тогда, видимо, она и столкнулась с тигром? То же самое произошло и со второй тетушкой Фэнцзе – она заболела, возвратившись из сада! Сама она ничего не видела, но служанки, бывшие с нею, утверждали, будто видели на горке лохматое чудовище с огромными, как фонари, глазами, оно даже разговаривало с Фэнцзе и сильно ее напугало.

– Как же, помню! – воскликнул Цзя Жун. – Еще я слышал, как Бэймин рассказывал, будто Цинвэнь после смерти стала духом-хранителем лотосов, растущих в саду, а когда умирала барышня Линь Дайюй, откуда-то доносилась музыка. Дайюй наверняка стала духом-покровителем цветов. Плохо дело, если в нашем саду завелось столько привидений! Прежде, когда там было много людей и преобладала сила «света», они не могли

причинить вреда; но сейчас сад обезлюдел, и, видимо, матушка, проходя по саду, растоптала какой-нибудь цветок, чем вызвала недовольство его духа-хранителя, или же повстречалась с нечистой силой. Предсказание, надобно сказать, точное.

– А не говорил гадатель, грозит нам какая-нибудь опасность? – спросил Цзя Чжэнь.

– Судя по его словам, матушка должна выздороветь в день, обозначаемый циклическим знаком «суй», – ответил Цзя Жун. – Но он предупредил, что выздоровление может наступить и на два дня раньше, и на два дня позже.

– А что за причина? – спросил Цзя Чжэнь.

– Думаю, никакой, но абсолютно точное определение срока обычно вызывает недоверие, и гадатель решил сказать приблизительно.

На этом разговор прервался, так как из внутренней комнаты послышался голос:

– Госпожа рвется в сад, служанки не могут с ней справиться.

Цзя Чжэнь и Цзя Жун бросились во внутреннюю комнату, чтобы успокоить госпожу Ю, но та металась в бреду и кричала:

– Та, что в красном, зовет меня! Та, что в зеленом, – прогоняет!

Было и смешно и страшно слушать эти вопли.

Цзя Чжэнь приказал служанкам купить жертвенных денег и сжечь в саду. Ночью госпожа Ю пропотела, и ей стало легче. Когда же наступил день под циклическим знаком «суй», она почувствовала себя почти здоровой.

Молва о случившемся быстро распространилась: она передавалась из уст в уста, и в конце концов не только во дворцах Нинго и Жунго, но и далеко за их пределами узнали, что в саду Роскошных зрелищ появилась нечистая сила. Напуганные слухами, люди, которые присматривали за садом, перестали ухаживать за цветами и деревьями, поливать их и собирать плоды. Боялись выходить вечером в сад, и теперь в нем хозяйничали одичавшие звери и птицы. Даже днем люди боялись появляться в саду в одиночку, ходили группами, да еще с оружием.

Спустя некоторое время заболел Цзя Чжэнь. Он не приглашал врачей, но когда ему становилось легче, сжигал в саду жертвенные бумажные деньги и давал обеты; если же состояние ухудшалось, молился звездам и кланялся Ковшу.

Поправился Цзя Чжэнь – заболел Цзя Жун.

Целых несколько месяцев обитатели дворцов жили в страхе и тревоге; распространилась молва, будто все травы и деревья в саду – оборотни.

Доходы от сада больше не поступали, и жалованье слугам пришлось выплачивать из общей казны, а это в еще большей мере подрывало и без того пошатнувшееся благосостояние владельцев дворца Жунго. Присматривавшие за садом уже не мечтали ни о каких выгодах, единственным их желанием было поскорее оттуда уйти. Они сами распускали слухи о страшных оборотнях, чтобы оправдать свой уход. Ворота сада были накрепко заперты. В величественных башнях и высоких покоях, в украшенных рубинами павильонах и на отделанных яшмой террасах поселились птицы и животные.

А сейчас расскажем о двоюродном брате Цинвэнь, которого звали У Гуй. Он жил прямо у входа в сад Роскошных зрелищ.

После смерти Цинвэнь жена У Гуя, прослышав о том, что девушка стала духом-покровителем цветов, по вечерам не отваживалась выходить из дому.

Однажды У Гуй отправился за покупками и долго не возвращался. Жена в это время болела. Пока мужа не было дома, женщина по ошибке приняла не то лекарство, и, придя домой, У Гуй нашел ее мертвой. Соседи недолюбливали жену У Гуя за распущенность и стали говорить, что это оборотень утащил ее душу.

Слухи достигли ушей матушки Цзя и очень ее взволновали. Она велела еще нескольким служанкам поселиться в доме у Баоюя, а слугам приказала по ночам ходить дозором по дворцу и отбивать стражи. Одни рассказывали Баоюю, будто видели краснолицего оборотня, другие уверяли, что им повстречалась красавица девушка, и юноша, слушая их, дрожал от страха.

К счастью, Баочай была не из робких и пригрозила поколотить служанок, если будут болтать всякий вздор. Разговоры прекратились, но обитателям дворца по-прежнему мерещились духи. Число сторожей было увеличено, а следовательно, возросли расходы.

Один лишь Цзя Шэ ничему не верил.

– Такой прекрасный сад! Откуда там взяться духам? – говорил он.

И однажды в ясный солнечный день отправился туда в сопровождении нескольких вооруженных слуг. Его пытались отговорить от опасной затеи, но он и слушать не хотел.

Запущенный и мрачный, сад производил гнетущее впечатление. Но Цзя Шэ упорно шел вперед, и слуги, дрожа от страха, следовали за ним. Больше всех трусил один, совсем юный. Его била дрожь. Вдруг он услышал шорох в кустах, оглянулся, заметил что-то пестрое и яркое и, вопя от ужаса, повалился на землю.

Когда же Цзя Шэ осведомился, в чем дело, слуга рассказал:

– Я только что видел оборотня с желтым лицом и красной бородой, в зеленой одежде, он побежал в грот за рощицей!

– Кто еще видел? – спросил Цзя Шэ, сам струсив порядком.

Нашлись слуги, не желавшие, как говорится, плыть против течения.

– Мы видели! – воскликнули они в один голос – Только не осмелились вас тревожить.

Цзя Шэ не решился идти дальше. На обратном пути он строго-настрого наказал слугам ничего не рассказывать домашним, если будут спрашивать. Сам поверил в то, что в саду водится нечистая сила, и, чтобы избавиться от нее, решил пригласить даосов, состоявших на государственной службе.

Слуги же, видя, как Цзя Шэ струсил, вопреки его приказу молчать, принялись рассказывать всякие небылицы, так что те, кто их слушал, лишь диву давались.

Цзя Шэ между тем пригласил даосов для изгнания из сада нечистой силы. И в счастливый для совершения церемонии день в зале Свидания с родными был воздвигнут алтарь. На возвышении поставили статуи владык трех высших миров, рядом с ними – изображения двадцати восьми небесных созвездий и четырех великих полководцев – Ма, Чжао, Вэня и Чжоу, а пониже развесили портреты тридцати шести небесных полководцев. По обе стороны стояли даосские ритуальные сосуды и курильницы с благовониями, над алтарем высились знамена и знаки пяти стран света.

Сорок девять монахов из даосского ведомства весь день совершали церемонию очищения алтаря. После чего три старших даоса-наставника воскурили благовония и ударили в барабаны. Даосские наставники в шапках с изображением семи звезд, облаченные в одеяния девяти небесных духов и восьми гадательных триграмм, обутые в туфли, в каких бессмертные возносились к облакам, держа в руках таблички из слоновой кости, совершили поклоны и вознесли молитвы божествам. До самого вечера длилось чтение «Канона познания первоначальной истины», дабы оградить людей от несчастий, изгнать наваждения и привлечь в дом счастье, а напоследок вывесили обращение к духам, на котором крупными иероглифами было написано:

«Просим великих владык Тай-и, Хунь-юаня и Шан-цина^[69], творящих чудеса, наставляющих и поучающих, повелеть духам подвластных им миров снизойти к нашему алтарю и выслушать обращенную к ним смиренную просьбу».

Все обитатели дворцов собрались в саду, поглядеть на торжественную церемонию, и с восхищением говорили:

– Поистине неодолима магическая сила! Оборотням не устоять против таких духов и полководцев!

Все сгрудились перед алтарем, когда даосские послушники подняли флаги и расставили их соответственно пяти сторонам света, ожидая, пока наставники произнесут заклинание. Три даосских наставника – один из которых держал в руках драгоценный меч и сосуд с наговорной водой, другой – черный флаг с изображением семи звезд, а третий – плеть с рукояткой из персикового дерева^[70], – встали перед алтарем. На алтарь водрузили ритуальный даосский сосуд, в котором лежали три пластинки с написанными на них повелениями духам; наставники прочитали повеления, и знамена раздвинулись. Тогда наставники спустились с возвышения и приказали людям из дворца Жунго провести их по всем башням, покоям, залам, беседкам, домам и террасам, павильонам и дворцам, по склонам гор и берегам ручьев, и всюду они кропили наговорной водой и чертили знаки мечом. Затем даосы снова собрались У алтаря. Старший даосский наставник несколько раз взмахнул плетью, разрезая воздух.

Обитатели дворцов решили, что он поймал беса, и бросились к нему, надеясь увидеть нечистую силу собственными глазами, но, как ни вглядывались, увидеть ничего не смогли.

Наставник тем временем велел подать кувшин, загнал в него нечистую силу и запечатал печатью. Красной тушью он написал на кувшине заклинание, велел отнести кувшин в храм, а сам спустился с алтаря и возблагодарил полководцев.

Цзя Шэ почтительно поклонился даосскому наставнику. А Цзя Жун, посмеиваясь, тихонько говорил своим сверстникам:

– Церемония, конечно, торжественная! Только нечистой силы не видно – неизвестно, изловили ее или нет.

Эти слова случайно услышал Цзя Чжэнь и сказал:

– Как же ты, дурак, можешь увидеть нечистую силу, если здесь собралось столько грозных полководцев. Оборотни и прочая нечисть становятся видимыми, лишь когда собираются вместе. А стоит им рассеяться – превращаются в пар. Главное – всю эту мерзость загнать в кувшин, чтобы не причиняла зла.

Поверить в это было трудно, но возражать никто не стал.

Слуги же, как только узнали, что оборотни пойманы, успокоились и перестали нагонять страх на других. Цзя Чжэнь окончательно выздоровел и

больше всех восхвалял даосских наставников.

А один из слуг, сопровождавших Цзя Шэ, когда тот ночью отправился в сад, во всеуслышанье рассказывал:

– Не знаю, из-за чего поднялся переполох! Когда мы со старшим господином ходили в сад, я увидел пролетевшего мимо большого фазана, а Шуаньэр с перепугу повалился на землю и стал уверять старшего господина, будто видел оборотня! Мы нарочно сказали, что тоже видели, и старший господин поверил. Зато теперь нам удалось поглядеть веселую церемонию!

Слуги не очень верили, но не возражали.

Однажды, когда Цзя Шэ собирался распорядиться, чтобы назначили нескольких слуг для присмотра за садом, где всякие мошенники и воры могли найти себе прибежище, вошел Цзя Лянь. Он справился о здоровье отца и сказал:

– Сегодня я слышал нелепую весть, будто генерал-губернатор провинции, где служит дядюшка Цзя Чжэн, прислал на него государю жалобу за то якобы, что дядюшка перепоручил сбор хлебного налога подчиненным, а те, злоупотребляя властью, взимали налог в двойном размере. И ныне генерал-губернатор просит о снятии дядюшки с должности.

Цзя Шэ не на шутку встревожился, но все же с надеждой спросил:

– Может быть, это просто слухи? Ведь только недавно Цзя Чжэн прислал нам письмо, писал о свадьбе Таньчунь, просил ни о чем не беспокоиться. Сообщал, что генерал-губернатор лично поздравил его и устроил в его честь угощение. Где же это видано, чтобы жаловаться на своего будущего родственника?! Ты пока никому не рассказывай, а постарайся обо всем разузнать в ведомстве чинов.

Цзя Лянь так и сделал и, вернувшись, рассказал:

– В ведомстве чинов мне удалось узнать, что на дядю Цзя Чжэна действительно подана жалоба государю. Но государь оказался столь милостивым, что не велел передавать дело на рассмотрение ведомства, а издал указ, в котором говорится: «Чиновник, который не следит за своими подчиненными и позволяет им в нарушение закона взимать двойной налог, должен быть уволен со службы. Но, принимая во внимание, что вышеупомянутый чиновник служит в провинции недавно и был обманут своими подчиненными, повелеваем понизить его в звании на три ступени и милостиво разрешаем возвратиться в столицу, дабы снова приступить к выполнению обязанностей в ведомстве работ». Сведения эти вполне достоверны. Как раз когда в ведомстве чинов происходил этот разговор,

начальник одного из уездов приехал просить аудиенции у государя и рассказал, что дядя очень волнуется. Он отзывался о дяде как о хорошем начальнике, только сказал, что дядя не разбирается в людях, поэтому они стали мошенничать, чем нанесли ущерб доброму имени дяди. Генерал-губернатору все было известно, но он всячески выгораживал дядю, считая его порядочным человеком, а потом вдруг, непонятно почему, вздумал пожаловаться государю. Возможно, он это сделал с умыслом, чтобы предотвратить скандал и добиться для дяди более легкого наказания.

– Пойди обо всем расскажи тете, только чтобы старая госпожа не слышала, – обратился Цзя Шэ к Цзя Ляню.

Если хотите узнать, о чем разговаривал Цзя Лянь с госпожой Ван, прочтите следующую главу.

Глава сто третья

Цзиньгуй замышляет отравить соперницу, но по воле судьбы погибает сама;

ослепленный Цзя Юйцунь встречается со старым другом, но это не приносит ему прозрения

Итак, Цзя Лянь явился к госпоже Ван и рассказал все, что ему было велено.

На следующий день он снова побывал в ведомстве чинов, узнал, как обстоит дело, и опять явился к госпоже Ван.

– Ты точно все разузнал? – спросила госпожа Ван. – Если дело обстоит так, как ты говоришь, то лучшего и желать нечего. По крайней мере все мы будем спокойны. Ведь господин никогда не служил в провинции, и если бы не жалоба генерал-губернатора, негодяи могли погубить его!

– Почему вы так думаете, госпожа? – удивился Цзя Лянь.

– Потому что твой второй дядя за все это время не прислал домой ни гроша, – ответила госпожа Ван. – Мало того. Приходилось слать ему из дому! А посмотри на тех, кто уехал с господином! За короткое время их жены нарядились в золото и серебро! Наверняка они тайком от твоего дяди вымогали у людей деньги! Из-за них он и пострадал. Хорошо еще, что удалось предотвратить скандал, а то, чего доброго, не только с должности сняли бы, но и наследственный титул отобрали!

– Вы правы, госпожа, – согласился Цзя Лянь. – Но вначале, когда я узнал о жалобе, меня, признаться, обуял страх. А вообще лучше бы дядя служил в столице! Ни забот, ни хлопот, и старой госпоже спокойно. Ведь все равно придется ей рассказать!

– Я сама это сделаю, – проговорила госпожа Ван. – А ты еще раз все хорошенько разузнай!

Цзя Лянь уже собрался уходить, как вдруг вбежала перепуганная служанка тетюшки Сюэ. Она даже не поздоровалась с госпожой Ван, а сразу вскричала:

– Наша госпожа велела вам передать: у нас опять случилась беда!

– Какая беда? – спросила госпожа Ван.

– Беда, беда! – только и могла вымолвить служанка.
– Глупая! – рассердилась госпожа Ван. – Чем кричать, объяснила бы толком!

– Господин Сюэ Кэ отлучился из дома, а тут случилось несчастье! Моя госпожа просит вас прислать кого-нибудь из господ ей помочь.

Госпожа Ван разволновалась:

– Говори же, в конце концов, зачем вам господа? В чем надо помочь?

– Умерла наша невестка Цзиньгуй! – выпалила служанка.

Госпожа Ван даже плюнула с досады и сказала в сердцах:

– Туда ей и дорога! Стоило из-за этого поднимать шум!

– Умри она как все люди – еще бы ничего! – проговорила служанка. –

А то ведь опять невесть что натворила! Прошу вас, госпожа, пошлите людей, пусть помогут распорядиться!

Госпожа Ван сердилась, и в то же время ей было смешно.

– Служанка совсем свихнулась! – произнесла она. – Братец Цзя Лянь, не слушай ты эту дуру, пойди сам погляди, что там случилось!

Служанка услышала, что ее обозвали дурой, и, рассердившись, убежала.

Между тем тетушка Сюэ пребывала в смятении и, как только служанка вернулась, спросила:

– Ну что, пришлет кого-нибудь госпожа Ван?

– Да разве дождешься от родственников помощи? Мало того что госпожа никого не послала, так еще дурой меня обозвала, – ответила служанка.

– Это моя сестра, а что сказала жена ее сына?

– Уж если ваша сестра знать вас не хочет, что говорить о дочери? – воскликнула служанка. – Я даже не стала к ней обращаться.

– Сестра – это сестра, а дочь роднее! Неужели она отказала бы мне в помощи?!

– Да, да! Вы правы! – спохватилась служанка. – Я сейчас к ней пойду!

В это время вошел Цзя Лянь, справился о здоровье тетушки Сюэ, выразил ей соболезнование и сказал:

– Я только что от тети и там узнал, что умерла жена вашего сына. От служанки мы толку не добились, тетя взволновалась, послала меня разузнать, в чем дело, и, если нужно, помочь. Скажите, чем я могу быть вам полезен?

У тетушки Сюэ от волнения слезы высохли, и она сказала:

– Извините, второй господин, за беспокойство. Я же говорила, сестра у меня очень добрая. Старая карга – моя служанка – не смогла толком ничего

объяснить, и чуть не получилось недоразумения. Садитесь, пожалуйста, второй господин, я сейчас все расскажу! – И, немного помолчав, добавила: – Я к вам послала служанку только потому, что невестка моя умерла дурной смертью.

– Может быть, она покончила с собой из-за мужа? – высказал предположение Цзя Лянь.

– Это было бы прекрасно, – воскликнула тетушка Сюэ. – Она так все время скандалила, что мы не знали, куда деваться! Узнав, что Сюэ Паню грозит смертная казнь, Цзиньгуй немного поплакала а затем как ни в чем не бывало стала наряжаться да прихорашиваться. Я пыталась поговорить с ней, но она меня обругала. Однажды, не знаю почему, невестка потребовала, чтобы Сянлин жила с ней. Я ей говорю: «Зачем тебе Сянлин, если ты отказалась от Баочань? К чему терзать девочку, раз ты ее не любишь?» Но она и слушать не стала, и пришлось мне переселить Сянлин к ней. Сянлин как раз болела, но слова не сказала, бедняжка, безропотно покорилась. А невестка переменялась вдруг к девочке, стала с ней ласкова и добра. Я только радовалась. А Баочай говорит: «Боюсь, неспроста это». Я тогда не придавала значения ее словам. Пока Сянлин болела, невестка сама все готовила и кормила ее. Но, видимо, несчастная судьба у Сянлин. Однажды, когда Цзиньгуй подавала ей отвар, Сянлин ненароком опрокинула чашку и обварила ей руки. Я думала, уж теперь-то девушке не поздоровится. Ничуть не бывало. Цзиньгуй слова бранного не сказала, даже не рассердилась, подмела осколки, вытерла пол, и все между ними осталось по-прежнему. Вчера вечером Цзиньгуй позвала Баочань и велела ей приготовить две чашки супа, сказав, что будет есть вместе с Сянлин. Спустя некоторое время слышу, поднялся шум; закричала Баочань, а потом, пошатываясь, вышла Сянлин, призывая на помощь. Я поспешила туда и вижу: у невестки кровь из носа идет, а сама она, схватившись руками за грудь, бьет ногами и катается по полу. Я до смерти напугалась! Зову ее – не отвечает, подергалась немного и скончалась. Я сразу поняла, что она отравилась.

Баочань, рыдая, набросилась на Сянлин с кулаками, обвиняя девочку в том, что она отравила свою госпожу. Но я-то была уверена, что Сянлин не виновата. Да и как она могла отравить Цзиньгуй, если не вставала с постели?! Однако Баочань продолжала твердить свое. Ах, второй господин! Что мне оставалось делать? Я вынуждена была приказать старухам связать Сянлин и передать под присмотр Баочань, а слугам велела запереть ворота. Едва дождались мы с Баоцин утр, и, как только открыли ворота в вашем дворце, я сразу послала служанку сообщить о случившемся сестре. Второй

господин! Вы человек умный, скажите, как быть?

– В семье Ся уже знают об этом? – спросил Цзя Лянь.

– Пока нет, – ответила тетушка Сюэ, – прежде чем сообщать, я хотела выяснить обстоятельства дела!

– По-моему, первым долгом следует известить власти, – сказал Цзя Лянь. – Разумеется, все мы подозреваем Баочань, но ведь никто не поймет, почему вдруг она отравила свою хозяйку. Обвинять Сянлин значит выгораживать преступницу.

Тут появились женщины-служанки из дворца Жунго, и разговор прервался.

– Пришла вторая госпожа Баочай, – доложили служанки.

Цзя Лянь не стал избегать встречи, как полагалось по этикету, ибо много раз видел Баочай в детстве.

Баочай поздоровалась с матерью, поклонилась Цзя Ляню, а затем направилась во внутренние комнаты, где жила Баоцинь. Тетушка Сюэ вошла следом за нею и рассказала о случившемся.

– Зачем вы, матушка, приказали связать Сянлин? Ведь это значит, что вы считаете ее виновной! – сказала, выслушав мать, Баочай. – Если суп, как вы говорите, готовила Баочань, то связать следовало ее. А потом допросить. Кроме того, необходимо сообщить о случившемся властям и семье Ся.

Рассуждения дочери показались тетушке Сюэ вполне разумными, и она поделилась ими с Цзя Лянем.

– Вторая сестрица права, – согласился Цзя Лянь. – Я сообщу в ведомство наказаний, пусть расследуют дело. Но если отпустить Сянлин и связать Баочань, не избежать неприятностей.

– Я, собственно, приказала связать Сянлин не потому, что считаю ее виновной. Но она могла покончить с собой оттого, что ее несправедливо подозревают, и я почла за лучшее связать ее и передать под присмотр Баочань.

– И все же этим вы сыграли на руку Баочань, – заметил Цзя Лянь.

– В таком случае освободите Сянлин и свяжите Баочань. Ведь только они знают, что в действительности произошло. А своим людям прикажите успокоить Сянлин!

Тетушка Сюэ приказала отпустить Сянлин, а Баочай послала женщин помочь служанкам связать Баочань. Когда они вошли, Сянлин горько плакала, а Баочань посмеивалась. Но, узнав, что ее собираются связать, подняла страшный шум. Однако служанки из дворца Жунго, не обращая внимания на ее вопли, крепко ее связали.

Тем временем в семью Ся послан был человек сообщить о

случившемся.

Семья Ся переехала в столицу недавно. Положение их пошатнулось, и мать желала быть поближе к дочери. В семье кроме Цзиньгуй был еще непутевый приемыш, который промотал все свое наследство и постоянно ездил за подачками в семью Сюэ.

Цзиньгуй была легкомысленной и дня не могла обойтись без плотских утех. Поэтому, потерпев неудачу с Сюэ Кэ, она стала подумывать о своем названом брате. Он был еще невинным юнцом, и Цзиньгуй решила его соблазнить. Всякий раз, приезжая домой, с ним заигрывала, задабривала его. Вот и сейчас, когда приехал слуга из семьи Сюэ, молодой человек подумал: «Интересно, что он привез?» Но, узнав, что барышня отравилась, стал метаться и причитать. Мать Цзиньгуй разразилась рыданиями.

– Почему, попав в их семью, моя девочка вдруг отравилась?

Она хотела ехать к дочери вместе с сыном, но никак не могла дожидаться, пока подадут коляску.

Семья Ся принадлежала к купеческому сословию, но сейчас, когда они разорились, где уж было думать о соблюдении приличий и этикета.

Таким образом, приемный сын пошел вперед, а мать в сопровождении старухи служанки последовала за ним.

Добравшись до места, где стояли наемные коляски, старуха Ся влезла в одну из них и приказала ехать как можно скорее.

Едва коляска остановилась у дверей дома Сюэ, старуха, ни с кем не поздоровавшись, бросилась в комнаты и запричитала: «Дитя мое родное!»

Цзя Лянь в это время уехал в ведомство наказаний, и дома оставались тетушка Сюэ, Баочай и Баоцин. Ошарашенные, смотрели они на ворвавшуюся в дом женщину и слова не могли вымолвить.

Придя понемногу в себя, они стали было объяснять матери Цзиньгуй, что произошло, но та слушать ничего не хотела и во все горло вопила:

– Что хорошего видела у вас моя девочка? Вы ей жить не давали, ругались и скандалили так, что муж из дому сбежал. А потом вы упрятали его в тюрьму, чтобы Цзиньгуй его никогда не видела! Вы возненавидели мою дочь! И при поддержке своих влиятельных родственников творите бесчинства! Это вы велели ее отравить! Зачем бы она стала лишать себя жизни?!

С этими словами она бросилась на тетушку Сюэ, и та невольно попятилась назад.

– Лучше бы поглядели на дочь, а потом спросили, как было дело, у вашей Баочань! – воскликнула тетушка Сюэ. – А то ничего не выяснили и оскорбляете!

Со старухой Ся пришел ее приемный сын, и поэтому Баочай и Баоцинь находились во внутренней комнате и не могли вступить за тетушку Сюэ. Им оставалось лишь волноваться.

К счастью, в это время появилась жена Чжоу Жуя, ее прислала госпожа Ван. Увидев какую-то старуху, которая, тыча пальцем прямо в лицо тетушке Сюэ, бранила ее, жена Чжоу Жуя сразу догадалась, что это мать Цзиньгуй.

– Вы – мать Цзиньгуй, не так ли? – спросила она. – Ваша дочка отравилась сама. Госпожа Сюэ никакого отношения к этому не имеет, и зря вы на нее нападаете!

Но мать Цзиньгуй схватила тетушку Сюэ за руку и продолжала кричать:

– Говорите, как вы убили мою дочь? Дайте мне посмотреть на нее!

– Смотрите сколько хотите, только руки в ход не пускайте! – сказала жена Чжоу Жуя, оттаскивая мать Цзиньгуй в сторону. Но тут к ней подскочил приемный сын старухи и заорал:

– Не смей бить мать! Думаешь, семье Цзя все позволено?!

Он схватил стул и замахнулся на жену Чжоу Жуя.

На выручку прибежали служанки, находившиеся во внутренней комнате, и подняли невообразимый галдеж. Мать Цзиньгуй с приемным сыном разошлись вовсю и кричали:

– Знаем мы, что вы надеетесь на родственников! Только не запугаете! Нашей Цзиньгуй нет в живых и нам теперь все равно!

И старуха опять бросилась на тетушку Сюэ – служанки ничего не могли поделать. Недаром говорят: «Кто решился биться насмерть, тому и десять тысяч храбрецов не страшны».

Но в тот момент, когда скандал принял угрожающие размеры, вошел Цзя Лянь, сопровождаемый восьмью слугами. Он распорядился выставить за дверь сына старухи Ся, а затем сказал:

– Прекратите скандал! Если у вас есть претензии, говорите толком... Надо прибрать помещение, сейчас придут из ведомства наказаний производить расследование!

При виде мужчины, который на нее прикрикнул, и нескольких слуг мать Цзиньгуй сразу притихла. Она не знала, какое положение Цзя Лянь занимает во дворце Жунго, и испугалась, когда сына схватили слуги. Услышав, что должны прийти из ведомства наказаний, она попросила показать ей умершую дочь. Подняв скандал, она и не подозревала, что властям все известно.

Тетушка Сюэ обезумела от страха, а жена Чжоу Жуя сказала:

– Она даже не взглянула на дочь, а сразу начала оскорблять госпожу!

Мы стали ее успокаивать, но тут вбежал какой-то нахал и стал при молодых женщинах говорить всякие непотребные слова. Неужто на него не найдется управы?!

– Нечего с ним церемониться! – закричал Цзя Лянь. – Он мужчина и должен знать свое место. Зачем было лезть туда, где находятся женщины?! Может быть, думал, что мать без него не сможет осмотреть тело умершей?! Наверняка хотел что-нибудь стащить! Всыпьте-ка ему как следует!

Слуги бросились выполнять приказание.

А жена Чжоу Жуя, пользуясь тем, что в комнате много народу, говорила:

– Госпожа Ся, вы ничего не знаете! Спросили бы сначала, как все произошло. Ваша дочь либо сама отравилась, либо Баочань ее отравила. На всякий случай Баочань мы связали. Надо было раньше взглянуть на тело дочери, расспросить людей, а потом уже клеветать на невинных! Разве мы допустили бы, чтобы молодая женщина ни с того ни с сего отравилась?! Вашей дочери в последнее время нездоровилось, и она поселила у себя Сянлин. Потому-то мы и велели посадить Сянлин под стражу. Ждали, чтобы вы приехали и сами увидели, как ведомство наказаний будет вести дознание!

Видя, что поддержки здесь не найти, мать Цзиньгуй последовала за женой Чжоу Жуя в комнату дочери и, поглядев на нее, разрыдалась. Покойная, вытянувшись, лежала на кане. Все тело ее было покрыто пятнами.

Баочань, увидев мать своей госпожи, стала причитать:

– Наша барышня относилась к Сянлин как к подруге, у себя поселила. А та взяла и отравила ее!

Тут подросли все господа и слуги из дома Сюэ.

– Врешь! – закричали они. – Не ты ли готовила суп, которым и отравилась твоя госпожа?

– Суп готовила я, – подтвердила Баочань, – даже по чашкам его разлила. А потом ненадолго отлучилась. В это время Сянлин и могла подсыпать туда отравы.

Услышав это, мать Цзиньгуй бросилась было на Сянлин, но ей загородили дорогу.

– Скорее всего, – сказала тетушка Сюэ, – Цзиньгуй отравлена мышьяком. Но в доме у нас его не было. Значит, кто-то принес. Чиновники из ведомства наказаний выяснят кто. А сейчас положим покойную как полагается – ведь будет идти дознание.

Баочай предупредила служанок:

– Сейчас сюда придут мужчины! Уберите все женские вещи!

При уборке под матрацем на кане была обнаружена сложенная пакетиком бумажка. Мать Цзиньгуй подняла ее, осмотрела и бросила на пол.

– Вот вам доказательство! – воскликнула Баочань. – Этот пакетик я видела! Нам докучали крысы, и моя госпожа в последний раз, когда ездила домой, попросила брата купить яду. Вернувшись, она положила отраву в шкатулку с украшениями. А Сянлин утащила отраву и подсыпала госпоже. Загляните в шкатулку. Там наверняка лежит мышьяк.

Мать Цзиньгуй открыла ящик, но мышьяка не увидела; лишь несколько серебряных шпилек.

– Куда же девались остальные украшения? – удивилась тетушка Сюэ.

Баочай велела осмотреть сундуки и шкаф, но и они оказались пустыми.

– Кто же мог взять вещи? – воскликнула Баочай. – Придется допросить Баочань!

– Откуда знать служанке, где вещи госпожи! – сказала, смутившись, мать Цзиньгуй.

– Как же ей не знать, – возразила жена Чжоу Жуя, – если она постоянно находилась при госпоже?

Баочань понимала, что отвертеться ей вряд ли удастся, но все же попыталась:

– Я и в самом деле не имела понятия, что берет с собой госпожа, когда ездит домой.

– Уважаемая госпожа! – вскричали хором служанки, обращаясь к матери Цзиньгуй. – Это Баочань отравила вашу дочь, украла все вещи, а вину хочет свалить на нас! Так мы и заявим чиновникам на допросе.

Баочай между тем велела служанкам передать Цзя Ляню, чтобы распорядился не выпускать из дому никого, кто приехал из семьи Ся.

Тут уж мать Цзиньгуй обрушилась на Баочань:

– Стерва! Не распускай язык! Когда это было, чтобы моя дочь привозила домой какие-нибудь вещи?

– Вещи – мелочь, – возразила Баочань, – главное – кто отравил мою госпожу!

– У кого найдут ее вещи, тот и отравил! – заявила Баоцинь. – Пусть второй господин Цзя Лянь допросит молодого господина Ся и узнает, откуда тот взял мышьяк. Об этом тоже надо сообщить в ведомство наказаний!

– Баочань спятила! – вне себя от волнения воскликнула мать

Цзиньгуй. – Зачем моей дочери понадобился мышьяк? Теперь ясно, что Баочань ее отравила!

Тут Баочань раскричалась:

– Пусть другие сваливают вину на меня! Ну а вы с какой стати? Не вы ли подучивали мою госпожу скандалить, разорить семью мужа, а потом забрать все свои вещи, уйти и выйти замуж за достойного человека?! Ну, что, было такое? Говорите же!

Не успела мать Цзиньгуй рта раскрыть, как в разговор вмешалась жена Чжоу Жуя.

– Это ведь ваша служанка! – сказала она. – Или вы ей не верите?

– Я всегда к ней хорошо относилась! – скрежеща зубами от злости, заорала старуха и обернулась к Баочань: – Ты что, хочешь меня в могилу свести? погоди! Я всю правду скажу на дознании!

Баочань выпучила глаза и завопила:

– Пусть сейчас же отпустят Сянлин! Незачем губить невинную девочку! Уж я-то знаю, что сказать на суде.

Баочай велела освободить Баочань и сказала:

– Ты ведь девушка правдивая! Говори все начистоту, без утайки! Лучше сразу все выяснить!

Баочань боялась суда и стала рассказывать:

– Моя госпожа без конца твердила: «И зачем только матушка выдала меня за этого негодяя и дурака Сюэ Паня, а не за второго господина Сюэ Кэ? Ведь это надо же слепой быть! Жизни не пожалела бы, чтобы хоть денек побыть со вторым господином!» Сянлин она люто ненавидела. А потом вдруг подружилась с ней. Я сразу поняла, что ничего хорошего это Сянлин не сулит. Но что госпожа может пойти на преступление, такое мне и в голову не приходило.

– Что ты плетешь! – вскричала тут мать Цзиньгуй. – Если Цзиньгуй хотела отравить Сянлин, каким же образом сама отравилась?

– Сянлин, ты ела все, что тебе давала госпожа? – спросила Баочай.

– Вначале я даже не могла поднять головы с подушки, до того плохо себя чувствовала, – отвечала Сянлин, – но когда госпожа поила меня отварами и супами, не смела отказываться. И вот однажды она поднесла мне суп, я хотела подняться, но случайно выбила чашку из ее рук, и суп расплескался по полу. Мне было очень стыдно, что госпоже из-за меня приходится подтирать пол. Вчера госпожа велела мне съесть супу. Я через силу приподнялась, но есть не могла – очень кружилась голова. К счастью, сестра Баочань убрала чашку. Только я закрыла глаза, как госпожа стала есть свой суп и мне велела. Я заставила себя сделать глоток-другой.

– Все так и было! Я правду говорю! – перебила девушку Баочань. – Вчера госпожа велела мне приготовить две чашки супа и сказала, что будет есть вместе с Сянлин. «Не хватало мне еще для Сянлин готовить», – подумала я и со злости высыпала в одну чашку целую пригоршню соли. А на чашке метку сделала, чтобы дать ее Сянлин. Но тут меня позвала госпожа, сказала, что собирается домой, и велела нанять коляску. Я поспешила выполнить приказание, а когда вернулась, то увидела, что чашка с пересоленным супом стоит перед госпожой. В этот момент госпожа отлучилась куда-то, и я поменяла чашки местами. Так, видно, судьбе было угодно. Разве я могла подумать, что в чашку Сянлин госпожа отраву подсыплет? Вскоре госпожа вернулась, и они с Сянлин стали есть. Я про себя смеялась, представляя, какую мину состроит Сянлин, когда попробует суп. Но она ничего не заметила. Вот как все было. А теперь, выходит, я самой же себе навредила!

Наступило молчание. Все было так ясно, что Сянлин тут же освободили и уложили в постель. Но о ней мы пока рассказывать не будем.

Между тем мать Цзиньгуй продолжала шуметь. Некоторые, в том числе и тетушка Сюэ, считали, что в смерти Цзиньгуй повинен приемный сын старухи Ся.

– Не спорьте зря, – послышался из-за двери голос Цзя Ляня, – лучше наведите в доме порядок! Сейчас придут чиновники из ведомства наказаний.

Старуха Ся и ее сын не на шутку перепугались и стали молить тетушку Сюэ:

– Теперь мы поняли, что во всем виновата сама Цзиньгуй. Рыла для других яму и сама в нее угодила! Замните, госпожа, это дело! Умоляем вас! Ведь и вы в случае дознания окажетесь в неловком положении!

– Нет! – заявила Баочай. – В ведомство наказаний уже сообщили и сделать ничего нельзя!

– Пусть госпожа Ся сама поговорит с чиновниками, – предложила жена Чжоу Жуя. – Мы мешать не станем.

Цзя Лянь припугнул сына старухи Ся, и тот согласился выйти навстречу чиновникам, чтобы предотвратить дознание. О том, как тетушка Сюэ приказала купить гроб и похоронить умершую, мы рассказывать не будем.

А теперь вернемся к Цзя Юйцуню. Недавно он был повышен в звании, получил должность правителя округа Цзинчжао и ведал сборами налогов.

Однажды он выехал из столицы для проверки вновь распаханых земель и, добравшись до переправы Стремительного потока в уезде Чжиши, где ему предстояло переправиться через реку, в ожидании паромщиков приказал остановить паланкин.

Неподалеку высился небольшой полуразрушенный храм, а за ним росло несколько древних сосен и кипарисов.

Цзя Юйцунь вышел из паланкина и направился к храму. Весь он как-то покосился. Позолота на статуях богов облупилась. Возле главного строения стояла плита со следами иероглифов, но написанное разобрать было невозможно. Цзя Юйцунь уже хотел пройти в глубь храма, но тут заметил камышовую хижину под сенью кипариса, а в хижине – монаха, сидевшего на циновке. Прикрыв глаза, он предавался созерцанию.

Цзя Юйцунь вошел в хижину, пригляделся к монаху, и ему показалось, будто он его уже видел, но где, не мог вспомнить. Слуги хотели окликнуть монаха, но Юйцунь знаком велел им молчать, приблизился к монаху и произнес:

– Почтенный отец!

Монах приоткрыл глаза, беззвучно рассмеялся и спросил:

– Вы по какому делу ко мне, уважаемый начальник?

– Проезжая здесь по делам службы, я, невежественный, узнал, что вы в совершенстве постигли святое учение, – отвечал Цзя Юйцунь, – и жажду послушать ваши наставления.

– Само собой разумеется, что прийти можно лишь из какого-то места, – с усмешкой отвечал монах, – а уйти – только в каком-нибудь направлении.

Цзя Юйцунь сразу понял, что монах этот необычный, и, низко поклонившись, произнес:

– Позвольте вас спросить, святой отец, в каких местах вы начали праведную жизнь и почему построили себе хижину здесь? Как называется этот храм? Сколько в нем людей? Неужели для вас не нашлось священных гор, где вы могли бы познать истину и заниматься самоусовершенствованием? Зачем было останавливаться на перекрестке дорог?

– Ведь и в «Хулумяо» – «Тыкве-горлянке» можно обрести покой! – отвечал монах. – Необязательно в знаменитых горах! Можно забыть название храма, но плита с надписью будет вечно существовать. Стоит ли искать попутчиков, если тень следует за тобой? Или же вы из тех, кто смысл жизни видит в строках:

Ждет нефрит – пока еще в шкатулке, —
чтобы цену красную назвали;
А в ларце плененная заколка
ждет момента, чтобы взвиться ввысь!

Цзя Юйцуню нельзя было отказать в проницательности. Услышав упоминание о «Хулумяо», а затем – параллельные фразы о заколке и нефрите, он сразу вспомнил встречу с Чжэнь Шиинем. Еще раз внимательно пригляделся к монаху:

– Вы, если я не ошибаюсь, господин Чжэнь?

– Что есть истинное и что есть ложное? – опять усмехнулся монах. – Пора бы вам знать, что все истинное ложно; все ложное – истинно.

Услышав слово «цзя» – «ложный», Цзя Юйцунь отбросил всякие сомнения и, низко поклонившись, произнес:

– Благодаря вашей милости, учитель, я смог добраться до столицы, сдать экзамен и получить должность у вас на родине. Но, прибыв туда, я узнал, что вы убедились в тщетности земного существования и отправились искать обитель бессмертных. Я, ваш ученик, не раз мысленно обращался к вам среди жизненных треволнений, но мне не удавалось встретиться с вами, и я решил, что недостойн лицезреть вас! Какое счастье, что мы все же встретились! Умоляю вас, святой отец, просветить меня в моем невежестве. Осчастливьте мое убогое жилище своим присутствием, дабы я с утра до вечера мог слушать ваши наставления! Живу я неподалеку от этих мест!

Монах встал, приветствовал Цзя Юйцуня и произнес:

– Изю дня в день сижу я на этой циновке и не ведаю, что творится между небом и землей за пределами моей хижины. Я ни слова не понимаю из того, о чем вы говорите, почтенный начальник!

Сказав так, монах снова опустился на циновку.

Цзя Юйцуня охватили сомнения: «Если монах этот не Чжэнь Шиинь, то почему так похож на него? Мы с Чжэнь Шиинем расстались девятнадцать лет назад, но он ничуть не изменился. Уверен, что это Чжэнь Шиинь – только он не хочет вспоминать о прошлом. И мое высокое положение ему безразлично. Так стоит ли заводить разговор о его жене и дочери?»

Подумав так, Цзя Юйцунь сказал:

– Вы не желаете вспоминать о прошлом, святой отец, и я могу только сожалеть.

Он уже хотел распрощаться с монахом, но в этот момент вошел слуга.

– Господин, вечереет – надо торопиться!

Цзя Юйцунь замешкался, но тут вдруг монах заговорил:

– Поспешите с переправой, почтенный начальник! Скоро на реке подымутся волны! В назначенное время мы встретимся, я буду ждать вас на переправе и тогда сделаю вам наставления!

С этими словами монах снова погрузился в созерцание.

Цзя Юйцуню ничего не оставалось, как поклониться и выйти. Но только было он собрался переправляться через реку, как увидел, что к нему со всех ног бежит человек.

Если хотите узнать, что произошло, прочтите следующую главу.

Глава сто четвертая

Мелкая рыбешка Ни Эр – Пьяный алмаз поднимает великую бурю;

*воспоминания о прошлом бережат еще не зажившие душевные раны
одержимого юноши*

Итак, когда Цзя Юйцунь собрался переправляться через реку, он вдруг увидел, что к нему бежит слуга и кричит:

– Господин! Горит храм, где вы только что были!

Цзя Юйцунь быстро обернулся и увидел взметнувшееся к небу яркое пламя, дым и гарь заслонили солнце.

«Странно! – подумал Цзя Юйцунь. – Ведь я только что оттуда! В чем же дело? Может быть, с Чжэнь Шиинем случилось несчастье?»

Цзя Юйцунь хотел вернуться, но боялся опоздать с переправой. В то же время он думал, что, если не вернется, душа его не успокоится.

Поразмыслив немного, Цзя Юйцунь обратился к прибежавшему слуге:

– Не знаешь, успел тот монах выйти из храма?

– Я вышел следом за вами, господин, – отвечал слуга. – Потом у меня схватило живот, я отбежал в сторонку, а когда оглянулся на храм, там уже полыхало пламя. Я не видел, чтобы кто-нибудь вышел оттуда.

Охваченный сомнениями, Цзя Юйцунь все же собственные интересы ставил превыше всего, поэтому он не вернулся, а слуге приказал:

– Ты останься! А когда огонь утихнет, пойдешь посмотреть, жив ли монах! Потом доложишь мне!

Слуге ничего не оставалось, как повиноваться.

Цзя Юйцунь отправился дальше по своим делам. Произвел проверку в нескольких местах и остановился отдыхать в первом повстречавшемся казенном подворье для приезжих чиновников.

А через день собрался в обратный путь, в столицу.

Служители ямыня шли впереди и позади паланкина и разгоняли прохожих, освобождая дорогу.

Вдруг Цзя Юйцунь услышал шум. Спросил, в чем дело, и вскоре увидел человека, которого притащили и поставили перед паланкином на колени.

– Взгляните на него, господин, – сказали служители. – Напился и не желает уступать дорогу. Лезет напролом. Мы на него прикрикнули, а он разлегся посреди улицы и стал вопить, что мы его побили!

– Известно тебе, что я здешний правитель и ты должен мне подчиняться? – грозно спросил Цзя Юйцунь. – А ты напился да еще буянишь!

– Деньги, на которые я пью, мои! – дерзко отвечал человек. – Земля, на которой валяюсь, принадлежит государю! А вас я знать не знаю! Пусть даже вы самый высокий начальник!

– Наглец! Ему нипочем никакие законы! – гневно вскричал Цзя Юйцунь. – Спросите-ка его имя!

– Ни Эром я прозываюсь, – отвечал человек, – а прозвище – Пьяный алмаз!

Цзя Юйцунь рассердился, приказал хорошенько выпороть провинившегося и проверить, действительно ли он такой крепкий, как алмаз.

Слуги повалили Ни Эра на землю, дали ему несколько плетей. От боли Ни Эр сразу протрезвел и начал молить о пощаде.

– Вот так алмаз! – вскричал Цзя Юйцунь. – Ладно, бить тебя не буду. Посидишь под стражей, а потом я тебя допрошу!

Ни Эра связали и, несмотря на мольбы, взяли под стражу.

Возвратившись в ямынь, Цзя Юйцунь прошел во внутренние покои и занялся составлением донесения в ведомство о выполнении высочайшего повеления. А о Ни Эре, разумеется, забыл.

Между тем видевшие это происшествие говорили друг другу.

– Стоит Ни Эру напиться, как он начинает поносить всех и вся! Силой своей бахвалится. Но теперь ему легко не отделаться! С господином Цзя Юйцуном шутки плохи.

Эти разговоры дошли до ушей жены и дочери Ни Эра.

Надо сказать, что в ту ночь, когда Ни Эр не вернулся домой, дочь искала его по игорным домам. Но везде ей рассказывали одну и ту же историю, и девочка, обеспокоившись, заплакала.

– Не тревожься, – утешали ее. – Господин Цзя Юйцунь приходится родственником семье Цзя. А во дворце Жунго есть какой-то второй господин Цзя, друг твоего отца. Надо хорошенько попросить, и он заступится.

Тут девочка подумала: «Отец не раз упоминал какого-то второго господина Цзя, говорил, что они дружны и господин Цзя живет по соседству. Отчего бы в самом деле не сходить к нему?»

Девочка поговорила с матерью, и они вместе отправились к Цзя Юню.

В тот день Цзя Юнь как раз был дома. Жену и дочь Ни Эра приняли радушно, усадили, угостили чаем, после чего те стали умолять:

– Второй господин Цзя Юнь! Вызовите нашего кормильца!

– Хорошо, я поговорю с господами из дворца Жунго! – с готовностью пообещал Цзя Юнь. – Ведь это с их помощью господин Цзя Юйцунь добился такой высокой должности, и, если кто-либо из тамошних господ замолвит за Ни Эра словечко, Цзя Юйцунь его тотчас отпустит.

Обрадованные жена и дочь Ни Эра не мешкая отправились в ямынь и успокоили Ни Эра, сказав, что господин Цзя Юнь обещал за него похлопотать.

Надобно сказать, что Цзя Юнь теперь почти не появлялся во дворце Жунго. Он помнил, как Фэнцзе у него не приняла подарки, и чувствовал себя неловко. А привратники, как говорится, всегда держали нос по ветру. К кому господа относились с уважением, тех почитали и немедленно о них докладывали. В противном случае могли вообще не доложить.

Так случилось и с Цзя Юнем. Придя во дворец, он сказал привратникам:

– Я хотел бы справиться о здоровье второго господина Цзя Ляня.

– Его нет дома, – отвечали привратники, – как только вернется, доложим, что вы приходили.

Сказать, что в таком случае он навестит госпожу Фэнцзе, Цзя Юнь не решился и ни с чем вернулся домой.

Но вскоре жена и дочь Ни Эра пришли снова.

– Второй господин, – умоляли они, – вы же сами сказали, что стоит господам из вашего дворца замолвить слово, и никто в ямыне не осмелится им отказать. Мы просим о такой мелочи, а вы родственник господ! Вся надежда на вас, второй господин! Помогите!

Цзя Юню неудобно было признаться, что его не пустили, и он стал оправдываться:

– Вчера у них в доме дел было много, видно, не успели послать человека в ямынь. Придется сегодня еще раз напомнить. Дело-то пустяковое! Ни Эра сразу отпустят!

Несколько дней подряд Цзя Юню не удавалось попасть во дворец Жунго через главные ворота, и он решил пробраться в сад и разыскать Баоюя. Но, против ожиданий, ворота, ведущие в сад, оказались запертыми. Цзя Юнь совершенно пал духом и, возвращаясь домой, размышлял: «Благодаря Ни Эру меня тогда назначили присматривать за посадкой деревьев в саду. Это он одолжил мне денег на подарок для Фэнцзе. А

сейчас со мной разговаривать не желают. Кто я для них? Бедняк! Ну, а что эта Фэнцзе собой представляет? Живет на подачки старших господ, а деньги, которые получает, отдает в рост, под двойные проценты! Думает, всю жизнь проживет безбедно! Не знает, какая слава о ней идет! Сказала бы мне спасибо, что я ни разу ее не выдал, не рассказал о ее делишках. А то не миновать бы ей тюрьмы».

Думая так, он добрался до дому, где его уже дожидались жена и дочь Ни Эра.

Цзя Юнь ничем не мог их обрадовать и решил солгать:

– К господину Цзя Юйцуню уже посылали людей, но он отказался отпустить Ни Эра. Вы попросили бы Лэн Цзысина, родственника слуги Чжоу Жуя – он скорее что-нибудь сделает!

– Раз уж такой уважаемый господин, как вы, не смог ничего сделать, чего ждать от слуги, – заметили жена и дочь Ни Эра.

Цзя Юню стало не по себе, и он произнес с досадой:

– Ничего вы не смыслите! Зачастую слуги могут больше хозяев!

Видя, что толку от Цзя Юня не добиться, жена Ни Эра сказала с усмешкой:

– Простите, что потревожили вас и заставили понапрасну бегать, второй господин! Как только мужа выпустят на свободу, он непременно придет благодарить вас за хлопоты!

Ни Эра удалось выручить с помощью совершенно посторонних людей. Вины за ним никакой не признали, и он отделался всего несколькими палочными ударами.

Возвратившись домой, Ни Эр выпил изрядно и, узнав, что Цзя Юнь ему ничем не помог, стал его вовсю поносить.

– Ублюдок! Бессовестный! Негодяй! – в бешенстве кричал он. – Когда ему нечего было жрать, я помог ему получить хорошую должность у них во дворце! А меня из беды он не выручил! Ну, ладно! Уж если я подниму скандал, камня на камне от обоих дворцов не оставлю!

Жена и дочь стали его урезонивать:

– Опять наглотался желтого зелья! Да ты, видать, совсем спятил! Забыл, как нарвался на неприятность? И все из-за пьянства! Мало тебя били, раз опять собираешься затеять скандал!

– Ну и пусть побили, – не унимался Ни Эр. – Я все равно никого не боюсь! Засажу Цзя Юня в тюрьму – и дело с концом. Думаешь, не найду за что? В тюрьме я успел завести благородных друзей. Они мне и рассказали, что не только в нашем городе, но и в разных провинциях живут люди с фамилией Цзя. Всякие среди них бывают! Я стал доказывать, что, в

отличие от младших господ и их слуг, все старшие члены рода Цзя люди порядочные и не могли оказаться преступниками. Однако выяснилось, что преступники принадлежат к той же ветви рода, что и здешние Цзя, только жили в провинции. Совершенное ими преступление было раскрыто, их арестовали и привезли сюда для наказания. У меня сразу отлегло от сердца. Я рассказал о Цзя Юне, который, позабыв о милостях, нарушил долг, и о том, как господа из семьи Цзя обманывают людей, отдают деньги в рост под невиданные проценты, как отбирают жен у мужей! Представьте себе, что будет, если слух об этом дойдет до правителя! Вспомнят они тогда Ни Эра!

– Да ты совсем пьян, иди спать! – крикнула жена. – Кто у кого отнял жену? Ничего подобного не было, и незачем молоть вздор.

– Откуда вы, сидя дома, можете знать, что творится на свете? – рассердился Ни Эр. – В позапрошлом году мне повстречался как-то в игорном доме некий Чжан. Он-то и жаловался, что эти Цзя отняли у него жену, и спрашивал, как ему быть. Я же еще и уговаривал его не поднимать шума. Не знаю, куда этот Чжан подевался – с тех пор я его не видел. А если бы встретил, знал бы, что делать! Посмотрел бы я тогда, как будет подыхать этот подлец Цзя Юнь! Погодите, придется вам еще не раз поклониться в ножки господину Ни Эру!

Поворчав, Ни Эр улегся и захрапел. Жена и дочь сочли его речи за пьяную болтовню и не придали им никакого значения.

На следующее утро Ни Эр, едва проснувшись, отправился в игорный дом. Но об этом мы рассказывать не будем.

Цзя Юйцунь между тем возвратился домой, спокойно проспал всю ночь, а наутро рассказал жене о своей встрече с Чжэнь Шиинем.

– Почему же ты не вернулся и не разыскал его? – стала упрекать Цзя Юйцуна жена. – А если он сгорел? разве не бессовестно покинуть друга в беде?!

Из глаз женщины покатались слезы.

– Он не от мира сего, – оправдывался Цзя Юйцунь, – сам ведь не захотел с нами жить.

– Господин! – донеслось в это время из-за дверей. – Вернулся слуга, которого вы посылали к сгоревшему храму.

Цзя Юйцунь вышел из комнаты.

Слуга почтительно справился о его здоровье и доложил:

– Господин, получив ваше повеление, я возвратился к храму и, не дожидаясь, пока утихнет огонь, бросился искать монаха, но хижина его

сгорела дотла. Я обошел пепелище, но нашел только молитвенный коврик да чашку. Даже останков монаха обнаружить не удалось. Боясь, что вы не поверите мне, я хотел в доказательство привезти коврик и чашку, но они рассыпались в прах, едва я к ним прикоснулся.

Выслушав слугу, Цзя Юйцунь подумал, что Чжэнь Шиинь отошел к бессмертным, и сделал знак слуге удалиться.

Жене Цзя Юйцунь ни словом не обмолвился о том, что Чжэнь Шиинь сгорел, лишь сказал:

– Никаких следов обнаружить не удалось. Видимо, Чжэнь Шиинь успел уйти.

После этого Цзя Юйцунь прошел в кабинет, желая наедине с самим собой поразмыслить над словами Чжэнь Шииня, как вдруг слуга доложил:

– За вами прислали из императорского дворца. Цзя Юйцунь сел в паланкин и отправился ко двору.

В приемной он услышал разговоры:

– Начальник по сбору хлебного налога провинции Цзянси господин Цзя Чжэн провинился по службе и прибыл на аудиенцию поблагодарить государя за оказанное ему снисхождение.

Цзя Юйцунь повидался с несколькими высшими сановниками, прочел указ о злоупотреблениях чиновников из приморских провинций и поспешил разыскать Цзя Чжэна. Выразив ему свое сочувствие, Цзя Юйцунь поздравил Цзя Чжэна с государевой милостью и осведомился, благополучно ли тот доехал. Цзя Чжэн в свою очередь подробно рассказал, за что был снят с должности.

– Вашу благодарность государю уже передали? – спросил Цзя Юйцунь.

– Передали, – отвечал Цзя Чжэн. – Надеюсь, после обеда государь меня примет.

Пока они разговаривали, из внутреннего дворцового зала передали повеление Цзя Чжэну войти. Цзя Чжэн торопливо направился в зал. Преданные ему сановники остались ждать у дверей.

Через некоторое время Цзя Чжэн появился весь в поту. Сановники бросились к нему, забросали вопросами.

– Напугался до смерти, ох и напугался! – твердил Цзя Чжэн. – К счастью, благодаря вашей дружбе ничего плохого со мной не случилось!

– О чем вас спрашивал государь?

– Государь спрашивал о тайном провозе оружия через границу провинции Юньнань, – отвечал Цзя Чжэн. – Оказывается, в этом деле замешан один из близких людей тайши Цзя Хуа, и государь сразу вспомнил

одного из наших предков. Я сказал государю, что нашего предка звали не Цзя Хуа, а Цзя Дайхуа. Тогда государь улыбнулся и говорит: «А разве чиновника, который прежде занимал должность начальника военного ведомства, а затем был понижен в чине до правителя области, не зовут Цзя Хуа?»

Цзя Юйцунь испуганно вздрогнул. Он догадался, что речь шла о нем, так как имя его было Хуа, и спросил:

– Что же вы ответили государю?

– Я объяснил ему: «Тайши Цзя Хуа действительно родом из провинции Юньнань, а нынешний правитель области, который тоже принадлежит к роду Цзя, уроженец провинции Чжэцзян». Государь спросил: «Цзя Фань, о котором нам доносил правитель округа Сучжоу, одного с тобой рода?» Я поклонился и ответил: «Да». Государь внезапно побледнел от гнева. «На что же это похоже, если он позволяет своим рабам силой отбирать жен и дочерей у честных людей?» Я растерялся и не знал, что ответить. Тогда государь снова спросил меня: «Кем тебе приходится Цзя Фань?» Я ответил: «Родственником из дальней ветви нашего рода». Государь усмехнулся и отпустил меня. Ну разве это не удивительно?

– Странно! – воскликнули все. – Как могли произойти сразу два дела, в которых замешаны Цзя?

– Ничего удивительного в этом нет, – заметил Цзя Чжэн, – нехорошо только, что в обоих случаях упоминается фамилия Цзя. Наш род древний и многочисленный и расселился по всему государству. Если даже удастся избежать неприятностей, ничего хорошего мне ждать не приходится, ведь государь запомнил фамилию «Цзя»!

– Вам-то чего бояться? Государь знает, где истина, а где ложь.

– Охотно ушел бы со службы, – признался Цзя Чжэн, – только повода нет отставку просить. Да и что тогда будет с нашими наследственными титулами?

– Вам снова предстоит служить в ведомстве работ, – заметил Цзя Юйцунь, – а насколько мне известно, у столичных чиновников провинностей по службе не бывает.

– Пусть так, – возразил Цзя Чжэн, – но я дважды служил в провинции, и оба раза неудачно, сейчас пострадало мое доброе имя.

– Перед вашими способностями можно лишь преклоняться, – воскликнули сановники. – Ваш старший сын тоже человек достойный. А вот с племянником советуем вам быть построже.

– Я не слежу за племянником, поскольку редко бываю дома, – отвечал Цзя Чжэн, – но, признаться, очень за него беспокоюсь. Спасибо, что по-

дружески мне об этом напомнили! А не слышали, мой племянник из дворца Нинго тоже занимается неблагоприятными делами?

– Ничего особенного о нем мы не слышали, просто кое-кто из чиновников да придворных его недолюбливает, – последовал ответ. – Прикажите племяннику быть постарательнее в делах!

Поговорив еще немного, все обменялись поклонами и разошлись.

Вернувшись домой, Цзя Чжэн первым делом спросил, как чувствует себя матушка Цзя, а дети и племянники в свою очередь справились о его здоровье. Потом Цзя Чжэн направился в зал Процветания и счастья, где его встретила госпожа Ван.

Цзя Чжэн поклонился матушке Цзя и рассказал, что ему пришлось пережить после того, как они расстались. Матушка Цзя принялась расспрашивать о Таньчунь, о том, как прошла ее свадьба.

– Я так торопился, отправляясь в путь, – промолвил Цзя Чжэн, – что не успел повидаться с Таньчунь. Однако люди из семьи ее мужа говорили, что живется ей хорошо. Свекор и свекровь шлют вам поклон. Нынешней зимой или будущей весной они собираются переехать в столицу. Это было бы очень неплохо. Боюсь только, что из-за всяких неприятностей в приморских провинциях отъезд их задержится.

Узнав, что у Цзя Чжэна все кончилось благополучно, а Таньчунь в семье мужа живет хорошо, матушка Цзя перестала печалиться и заулыбалась.

От старой госпожи Цзя Чжэн пошел к старшему брату, повидался с младшими родственниками и назначил на следующий день церемонию в храме предков по случаю благополучного возвращения.

Едва Цзя Чжэн вернулся в свои покои и повидался с госпожой Ван, как на поклон к нему пришли Баоюй и Цзя Лань.

Все время тревожившийся о сыне Цзя Чжэн, заметив, что вид у Баоюя здоровый, успокоился. Он не знал, что сын лишился разума, и, увидев его, забыл обо всех своих злоключениях и преисполнился благодарностью к матушке Цзя за то, что сумела сделать Баоюя счастливым. Баочай расцвела, Цзя Лань сделал большие успехи в учебе. Только Цзя Хуань ничуть не изменился, и это немного омрачило радость Цзя Чжэна.

Вдруг он промолвил:

– В доме будто кого-то не хватает!

Госпожа Ван сразу догадалась, что он имеет в виду Дайюй.

Она не писала мужу о смерти девушки и теперь не хотела расстраивать этим печальным событием, поэтому сказала, что Дайюй больна.

Зато Баоюю, когда он это услышал, показалось, будто ему в сердце

вонзили нож. Но он тоже не хотел огорчать отца и, преодолевая скорбь, принялся помогать матери в подготовке к празднеству по случаю возвращения отца, поднес ему вина.

Наравне с Баочай и другими поднесла вино Цзя Чжэну и Фэнцзе, хотя была всего лишь женой его племянника: она ведала всем хозяйством дворца и пользовалась всеобщим уважением.

Приняв от родных поздравления с благополучным возвращением, Цзя Чжэн сказал:

– Теперь можно и отдохнуть!

Всем чадам и домочадцам он объявил, что их услуги ему не потребуются, и приказал подготовиться утром к церемонии жертвоприношения предкам в родовой кумирне.

Госпожа Ван сообщила мужу только домашние новости. Однако Цзя Чжэн ей напомнил о Ван Цзытэне. У госпожи Ван сразу стало тяжело на душе, но она виду не подала. Когда же Цзя Чжэн завел речь о Сюэ Пане, госпожа Ван сказала, что он сам во всем виноват и должен понести наказание. Улучив момент, госпожа Ван рассказала наконец мужу о смерти Дайюй. Это известие потрясло Цзя Чжэна; он стал вздыхать, на глаза навернулись слезы. Госпожа Ван не выдержала и тоже заплакала. Цайюнь незаметно дернула ее за платье, госпожа Ван спохватилась, вытерла слезы и стала рассказывать мужу о всяких радостных событиях. Вскоре они попрощались и госпожа Ван ушла спать.

На следующее утро Цзя Чжэн в сопровождении детей и племянников отправился в кумирню предков совершить положенные церемонии, после чего позвал Цзя Чжэня и Цзя Ляня и стал расспрашивать их о домашних делах. Цзя Чжэнь рассказал не все, кое-что утаил.

Цзя Чжэн между тем говорил:

– Я только приехал, и мне неудобно вникать во всякие мелочи, но прошу тебя быть повнимательнее. Когда я был при дворе, то слышал, что в доме у вас не все в порядке. Ты уже не мальчик, сам должен присматривать за детьми, поучать их. Будь построже с Цзя Лянем. Не думай, что я придираюсь. Я слышал о вас весьма нелестные отзывы. А сейчас вам надо быть особенно осторожными!

– Слушаюсь! – краснея, пробормотал Цзя Чжэнь, не решаясь возражать.

Цзя Чжэн возвратился во дворец Жунго и, после того как все домашние ему поклонились, удалился во внутренние покои, где его приветствовали служанки. Но об этом мы рассказывать не будем.

По дороге домой Баоюй не выдержал и заплакал. Его расстроил разговор родителей о Дайюй.

Когда он пришел, Баочай и Сижэнь во внутренней комнате о чем-то беседовали. Баоюй не стал им мешать, уселся в прихожей и предался грустным размышлениям. Баочай подумала, что он боится, как бы отец не вздумал проверять его успехи в учебе, велела Сижэнь напоить его чаем, а сама принялась успокаивать.

Видя, что жена не подозревает, в чем истинная причина его расстройства, Баоюй сказал:

– Ложитесь пораньше, я хочу посидеть один и собраться с мыслями! Я почти все забыл, память никуда не годится, и если отец это обнаружит, то будет огорчен. Впрочем, ты иди спать, а Сижэнь пусть со мной посидит.

Баочай не стала возражать и ушла.

Баоюй потихоньку шепнул Сижэнь:

– Умоляю тебя, позови Цзыцзюань – я хочу кое-что у нее спросить. Она хоть и сердится на меня, но постарайся ее уговорить!

– Ты же хотел побыть один, собраться с мыслями, и я очень обрадовалась. Что же тебе вдруг взбрело в голову звать Цзыцзюань? Успеешь завтра у нее спросить что хотел!

– Завтра батюшка, может быть, прикажет что-нибудь делать, и мне будет некогда, – ответил Баоюй. – Милая сестра, позови ее!

– Она не придет, если ее не позовет вторая госпожа Баочай.

– Поэтому я и прошу, чтобы ты ей все объяснила!

– Что объяснила?

– Разве тебе не известно, что и у меня, и у нее на душе? – проговорил Баоюй. – Ради барышни Линь Дайюй... Скажи, что я не был неблагодарным... Меня сделали таким!

Он бросил взгляд на дверь, ведущую во внутреннюю комнату, указал на нее пальцем и произнес:

– Я вовсе не хотел на ней жениться – это бабушка и остальные подстроили. Зря погубили сестрицу Дайюй. Надо было меня позвать, я бы ей все объяснил, и она не покинула бы этот мир, затаив на меня обиду! И третья барышня, и другие говорили, что перед смертью сестрица Линь не могла без ненависти обо мне вспоминать. Ведь ты сама это слышала. А теперь Цзыцзюань меня ненавидит! Ну скажи, разве у меня нет сердца? Цинвэнь – простая служанка, особыми достоинствами не обладала, но скажу тебе откровенно, когда она умерла, я принес ей жертвы и даже сочинил в память о ней жертвенное поминание. Барышня Линь Дайюй видела это собственными глазами. Сейчас барышня Линь умерла, так

неужели я не могу почтить ее память?! А я до сих пор не принес ее душе жертв. Узнай она о подобном пренебрежении, стала бы еще сильнее роптать на меня!

– Кто же тебе мешает? – удивилась Сижэнь. – Хочешь устроить жертвоприношение – устраивай!

– С того самого момента, как я поправился, мне хочется сочинить поминание, но я не пойму, куда девались мои способности. Если бы жертвоприношение предназначалось для кого-то другого, поминание можно было бы сочинить кое-как, а для нее все должно быть сделано как следует, без малейших упущений. Вот я и хочу расспросить Цзыцзюань о барышне, она знала ее лучше других. Не более я, кое-что смог бы вспомнить, но после болезни начисто лишился памяти. Не ты ли все время твердила, что барышня Линь выздоровела? Почему же вдруг она умерла? Что говорила, когда выздоровела? Ведь я не бывал у нее! Что говорила в то время, когда я болел и мы не виделись?! И почему Баочай не хочет отдать вещи, которые мне удалось тайком принести от сестрицы Линь?

– Вторая госпожа Баочай боится, что ты снова начнешь убиваться, – ответила Сижэнь. – Какая же еще может быть причина?

– Я этому не верю, – заявил Баоюй. – Если бы барышня Линь Дайюй думала обо мне, не сожгла бы стихов, а оставила бы их мне на память! Говорят, когда она умирала, доносилась музыка с неба. Не означает ли это, что она стала божеством либо вошла в сонм бессмертных?! Я видел ее гроб, но не уверен, что она в нем лежала.

– Опять мелешь вздор! – воскликнула Сижэнь. – Если человек не умер, как можно его положить в гроб?

– Что ты понимаешь! – вздохнул Баоюй. – Всякий, кто становится бессмертным, либо уходит на Небо вместе со своей телесной оболочкой, либо оболочка его остается на земле, а улетает только душа... Дорогая сестра, позови Цзыцзюань!

– Послушай меня, – сказала Сижэнь, – Хорошо, если Цзыцзюань согласится прийти, ну а если откажется и надо будет ее уговаривать? И потом, если даже она согласится, как только увидит тебя – ничего не станет рассказывать. Лучше завтра, когда госпожа Баочай уйдет, я сама поговорю с Цзыцзюань, постараюсь кое-что узнать, а потом расскажу тебе!

– Пожалуй, это разумно, – согласился Баоюй. – Но ты и представить себе не можешь, как я терзаюсь!

Из внутренней комнаты вышла Шэюэ.

– Вторая госпожа велела передать второму господину, что уже четвертая стража и пора спать, – сказала она. – Сестра Сижэнь так

увлеклась разговором, что позабыла о времени!

– А ведь и в самом деле пора спать! – заметила Сижэнь. – Завтра успеем наговориться.

Пришлось Баоюю повиноваться, но все же он успел шепнуть на ухо Сижэнь:

– Смотри не забудь!

– Ладно, – улыбнулась Сижэнь.

– Опять вздумали нас за нос водить! – засмеялась Шэюэ. – Проще было бы прямо сказать второй госпоже Баочай, что второй господин хочет спать сегодня с Сижэнь. Тогда и разговаривали бы хоть целую ночь, никто не стал бы мешать.

– Не о чем нам говорить, – махнул рукой Баоюй.

– Что ты болтаешь, негодница! – рассердилась Сижэнь. – Смотри, получишь от меня по губам! – И она обратилась к Баоюю: – Все из-за тебя! Надо же, до четвертой стражи проболтали! – Она проводила Баоюя до его комнаты и тоже отправилась спать.

Всю ночь Баоюй не смыкал глаз. А на рассвете из передней донесся голос:

– Родственники и друзья устраивают угощение по случаю благополучного возвращения господина Цзя Чжэна. Спектакля не будет, господин не желает! Велено предупредить вас, что празднество состоится послезавтра. Соберутся все родственники и друзья.

Если хотите знать, как прошел праздник, прочтите следующую главу.

Глава сто пятая

Служители из приказа Парчовых одежд конфискуют имущество во дворце Нинго;

государев цензор обвиняет правителя округа Пинъань в злоупотреблении властью

Итак, в зале Процветания и счастья был устроен пир. В разгар веселья вошел Лай Да и доложил:

– Прибыл с визитом начальник приказа Парчовых одежд почтенный господин Чжао в сопровождении чиновников. Я попросил у него визитную карточку, но господин Чжао сказал: «Мы в дружеских отношениях с твоим господином, и это излишне». Господин Чжао вышел из коляски и направляется к воротам. Прошу вас, господин, его встретить!

«Никогда мы не были в дружбе с этим Чжао, – мелькнуло в голове Цзя Чжэна. – Зачем он приехал? Пригласить его к столу неудобно, а не принять нельзя».

– Идите же, дядя, – стал торопить Цзя Лянь. – Пока вы будете размышлять, он со своими людьми нагрянет сюда.

Как раз в это время прибежали слуги, дежурившие у вторых ворот, и доложили:

– Господин Чжао!

Цзя Чжэн, а за ним и остальные вышли навстречу прибывшим. Чжао, расплывшись в улыбке, прошел прямо в зал. Некоторые из его помощников, отчасти знакомые Цзя Чжэну, молча проследовали за начальником.

Цзя Чжэн терялся в догадках, не понимая, что все это значит. Он тоже прошел в зал и предложил прибывшим сесть.

Некоторые из родственников и друзей были знакомы начальнику приказа, но он прошел мимо, словно не замечая их. Все с той же слащавой улыбкой он приблизился к Цзя Чжэну, взял его за руку и сказал несколько любезных, ничего не значащих слов. Поняв, что хорошего ждать нечего, кое-кто из гостей скрылся во внутренних комнатах, другие отошли в сторонку.

Только было Цзя Чжэн собрался заговорить, как вбежал запыхавшийся слуга и доложил:

– Господин Сипи некий ван!

Цзя Чжэн бросился к дверям – ван уже входил в зал.

Чжао подошел к Сипинскому вану, справился о здоровье и сказал:

– Поскольку вы прибыли, пусть ваши люди вместе с моими встанут на стражу у всех ворот.

Чиновники почтительно поддакнули и вышли.

Цзя Чжэн, а за ним и остальные пали на колени перед Сипинским ваном, а тот, усмехаясь, поднял Цзя Чжэна и произнес:

– Извините, что побеспокоили вас, но дело слишком серьезное: государь велел объявить господину Цзя Шэ высочайшее повеление. Ныне у вас полон зал гостей, среди которых, я полагаю, есть родственники и друзья. Я попросил бы их разойтись – пусть останутся только обитатели дворца.

– Хотя вы и добры, почтенный ван, – заметил Чжао, – но людей из восточного дворца Нинго отпускать, пожалуй, не стоит, поскольку дворец скорее всего уже опечатали.

Многие, поняв, что дело касается обоих дворцов, очень досадовали, что не могут уйти. Но в этот момент ван сказал:

– Передайте чиновникам из приказа Парчовых одежд, что я отпускаю родственников и друзей семьи Цзя, пусть их не обыскивают и не задерживают.

Услышав это, гости бросились вон из дворца Жунго и исчезли как дым. Остались только Цзя Шэ, Цзя Чжэн и близкие родственники. Они побледили и трепетали от страха.

Через некоторое время во дворце появились стражники; они взяли под охрану все входы и выходы, после чего начальник Чжао обратился к вану:

– Прошу вас, господин, объявите высочайшее повеление, и приступим к делу.

Стражники только и ждали приказа: они стояли наготове с закатанными рукавами.

Сипинский ван объявил:

– Я получил высочайшее повеление вместе с начальником приказа Парчовых одежд Чжао Цюанем проверить и описать имущество Цзя Шэ.

Перепуганный Цзя Шэ пал на колени. Сипинский ван спокойно произнес:

– Высочайший считает, что поскольку Цзя Шэ вступил в связь с провинциальными чиновниками и, опираясь на свою власть, притеснял

слабых, чем не оправдал проявленную по отношению к нему милость, его следует лишить наследственной должности. В чем и состоит указ.

Начальник Чжао крикнул стражникам, чтобы связали Цзя Шэ, а остальных охраняли.

В зале присутствовали Цзя Шэ, Цзя Чжэн, Цзя Лянь, Цзя Чжэнь, Цзя Жун, Цзя Цян, Цзя Чжи и Цзя Лань. Не было только Баюя, он не пришел, сославшись на болезнь, и оставался все время в комнатах матушки Цзя, и еще Цзя Хуаня, вообще не любившего появляться на людях.

Чжао приказал чиновникам вместе со слугами обойти жилые помещения и составить подробную опись вещей. Члены рода Цзя испуганно переглянулись, а стражники в предвкушении поживы потирали руки.

– Я слышал, что Цзя Шэ и Цзя Чжэн живут отдельными семьями, – сказал Сипинский ван, – поэтому описано должно быть только имущество Цзя Шэ, а остальные помещения следует запереть на замок и опечатать до особого распоряжения государя.

– Осмелюсь доложить, что семьи Цзя Шэ и Цзя Чжэна живут вместе, – возразил начальник приказа Чжао. – Племянник Цзя Чжэна – Цзя Лянь ведает всем хозяйством, поэтому описать следует все имущество.

Сипинский ван промолчал, а начальник Чжао заявил:

– Имущество в домах Цзя Шэ и Цзя Ляня я буду описывать самолично!

– Не торопитесь, – остановил его Сипинский ван. – Надо сначала предупредить женщин во внутренних покоях, чтобы успели уйти, а уж потом приступить к описи имущества.

Не успел он произнести эти слова, как слуги и стражники начальника приказа потащили за собой здешних слуг, чтобы те показывали дорогу.

– Не шуметь, я сам буду наблюдать за обыском! – крикнул ван и, поднявшись, приказал: – Прибывшим со мной оставаться на месте! Вернусь – всех пересчитаю! Кто отлучится, пусть пеняет на себя!

Вошел чиновник приказа Парчовых одежд и, опустившись на колени перед ваном, доложил:

– Во внутренних покоях обнаружены императорские одеяния и некоторые другие вещи, которыми запрещено пользоваться не принадлежащим к императорской фамилии. Мы не осмелились их тронуть без ваших указаний.

Через некоторое время явился с докладом еще один чиновник и обратился к Сипинскому вану:

– В восточных комнатах обнаружены два ларца с накладными на землю и один – с долговыми расписками. Судя по бумагам, хозяева вносили

с должников не предусмотренные законом проценты.

– Вот и вымогательство налицо! – воскликнул Чжао Цюань. – Почтенный ван, я сейчас все опишу, а затем испросим у государя указ о полной конфискации имущества.

В это время вошел письмоводитель из дворца вана и доложил:

– Стражники, охраняющие ворота, сообщили: «Государь прислал Бэйцзинского вана объявить высочайшее повеление».

«Не повезло! – подумал Чжао. – Надо же было явиться этому заносчивому вану! Теперь не удастся в полной мере проявить строгость».

Он направился встречать Бэйцзинского вана, но тот уже приблизился к залу и промолвил:

– Государь повелевает начальнику приказа. Парчовых одежд Чжао Цюаню выслушать высочайший указ. Он гласит: «Повелеваем чиновникам приказа Парчовых одежд привлечь к суду Цзя Шэ; контроль за выполнением настоящего повеления всецело возлагается на Сипинского вана. В чем и составлен настоящий указ».

Сипинский ван принял повеление с нескрываемой радостью. Он сел рядом с Бэйцзинским ваном и тут же приказал Чжао арестовать Цзя Шэ и доставить в ямынь.

Производившие опись имущества, услышав о прибытии Бэйцзинского вана, вышли. А когда узнали, что начальник Чжао уехал, сразу почувствовали себя неловко и стояли навтыжку, ожидая приказаний.

Бэйцзинский ван выбрал двух наиболее честных чиновников и с десяток пожилых стражников, а остальных велел выгнать.

– Я рассердился на Чжао! – воскликнул Сипинский ван. – Вы привезли указ весьма кстати, иначе пострадали бы все обитатели дома!

– Когда, будучи при дворе, я услышал, что вы получили указ описать имущество семьи Цзя, то был совершенно спокоен, – отвечал Бэйцзинский ван, – ибо знал, что никто из невинных не пострадает. Кто мог подумать, что этот Чжао отъявленный негодяй? Где Цзя Чжэн и Баоюй? Они наверняка вне себя от волнения!

– Цзя Чжэн под стражей, – доложили ему, – а вещи описывают все подряд, без разбору.

– Немедленно приведите Цзя Чжэна, – распорядился Бэйцзинский ван. – Я хочу у него кое-что спросить.

Цзя Чжэн пал на колени и, чуть не плача, молил о пощаде.

– Успокойтесь, дорогой Чжэн, – сказал Бэйцзинский ван, дотронувшись до руки Цзя Чжэна, и сообщил ему о высочайшем повелении.

Цзя Чжэн был растроган до слез. Он обратился лицом к северу, туда, где находился дворец государя, и, вознеся благодарность, подошел к Бэйцзинскому вану, ожидая приказаний.

– Дорогой Чжэн, – продолжал Бэйцзинский ван, – о вещах, которыми пользоваться запрещено, и о расписках, где значатся двойные проценты, умолчать не удастся, ибо стражники уже доложили о них Чжао Цюаню. Вещи могли быть приготовлены для вашей гуйфэй, так что вашей вины в этом нет. Но как быть с долговыми расписками? Покажите чиновникам имущество, которым владел Цзя Шэ, на том и закончим. Только ничего не утаивайте, ибо станете соучастником преступления.

– Я и так провинился! – вскричал Цзя Чжэн. – Так разве посмею усугублять свою вину?! Оставленное дедом наследство мы не делили, поэтому личной собственностью могут считаться лишь вещи, которые имеются у каждого из нас в доме.

– Ну, это ничего! – воскликнули ваны. – Передадим в казну только то, чем владел сам Цзя Шэ.

Ваны наказали чиновникам действовать строго в соответствии с высочайшим повелением и не своевольничать, после чего чиновники удалились выполнять приказ.

В тот день в комнатах матушки Цзя тоже накрыли столы для семейного пира. Госпожа Ван говорила:

– Если Баоюй не выйдет к гостям, отец может рассердиться.

– Я думаю, Баоюй вовсе не боится бывать на людях, – со вздохом произнесла Фэнцзе. – Просто он знает, что гостей у отца будет много, обойдутся и без его услуг, и решил остаться прислуживать бабушке. Пока не позовут, ходить туда Баоюю нечего!

– Ох эта Фэнцзе! – смеясь, воскликнула матушка Цзя. – Больная, больная, а на язык здоровая!

Тут с криком вбежала перепуганная служанка:

– Старая госпожа, госпожа! Беда... Разбойники... тьма-тьмущая! Все в шапках и сапогах. Перерыли все корзины и сундуки, уносят вещи!

Матушка Цзя остолбенела.

Следом примчалась Пиньэр, с непокрытой головой, растрепанная. Она прижимала к груди Цяоцзе и сквозь рыдания восклицала:

– Все пропало! Я как раз кормила Цяоцзе, когда привели связанного Лай Вана. Он успел крикнуть: «Барышня, беги предупреди женщин, чтобы поскорее спрятались! Приехал господин ван, будут описывать имущество!» Я со страху чуть не умерла! Бросилась в дом, чтобы спасти самые ценные

вещи, но меня вытолкали оттуда. Скорее прячьте украшения и одежду!

Госпожи Син и Ван едва не упали в обморок и никак не могли сообразить, что делать. У Фэнцзе глаза округлились от ужаса, она поднялась было, но тут же, словно подкошенная, рухнула на пол. Матушка Цзя лишилась дара речи, и из глаз у нее потекли слезы.

Служанки без разбору хватали вещи и прятали их куда попало. Поднялась невообразимая суматоха. Вдруг снаружи послышался голос:

– Всем женщинам велено удалиться! Сюда направляется почтенный господин ван!

Баочай и Баоюй в растерянности смотрели, как мечутся служанки, хватают и тащат вещи. Но тут прибежал запыхавшийся Цзя Лянь.

– Все в порядке, не волнуйтесь! – еще издали закричал он. – Господин Бэйцзинский ван выручил нас!

Все бросились к Цзя Ляню, желая поподробнее его расспросить, но Цзя Лянь, увидев, что Фэнцзе в беспмятстве лежит на полу, бросился к ней и разразился безудержными рыданиями. Матушка Цзя еще больше разволновалась.

К счастью, Пиньэр не растерялась, быстро привела Фэнцзе в чувство и приказала служанкам уложить ее в постель. Матушка Цзя постепенно тоже пришла в себя, но продолжала плакать, и Ли Вань ее утешала.

Наконец, Цзя Лянь рассказал о том, что произошло, какими добрыми оказались Бэйцзинский и Сипинский ваны. Умолчал лишь об аресте Цзя Шэ, чтобы не расстраивать госпожу Син, и поспешил к себе в дом. Там уже похозяйничали чиновники. Сундуки все были открыты, шкафы взломаны, вещи наполовину растащены.

Цзя Лянь, обезумев от ужаса, смотрел на представившуюся ему картину, и по щекам его катились слезы. В этот момент его окликнули. Цзя Лянь обернулся и увидел, что Цзя Чжэн вместе с сопровождающим его чиновником составляет опись вещей. Чиновник перечислял:

– Статуя бодхисаттвы из кедрового дерева – одна. Статуя богини Гуаньинь из кедрового дерева – одна. Подставка для статуй Будды – одна. Четок из кедрового дерева – две связки. Золотая статуя Будды – одна. Зеркал в позолоченной оправе – девять. Статуй Будды из яшмы – три. Один набор фигурок, состоящих из бога счастья и восьми бессмертных. Жезлов «жуй» из яшмы, золота и кедра – по два. Ваз из древнего фарфора – семнадцать. Старинных безделушек и украшений – четырнадцать сундуков. Старинный яшмовый кувшин – один. Малых яшмовых кувшинов – два. Яшмовых чашек – две пары. Стекланных ширм – две. Ширм для кана – две. Стекланных блюд – четыре. Яшмовых блюд – шесть пар. Чашек с

облупившейся позолотой – восемь. Золотых ложек – сорок. Больших серебряных блюд и чашек по шестьдесят штук. Палочек для еды из слоновой кости, оправленных в золото, – четыре пары. Больших позолоченных чайников – двенадцать. Чайных подносов – два. Серебряных блюд и кубков – сто шестнадцать. Шкурок чернобурой лисицы – восемнадцать. Соболиных шкурок – пятьдесят шесть. Лисьих и песцовых шкурок – по сорок четыре штуки. Шкурок рыси – двенадцать. Беличьих шкурок, снятых чулком, – двадцать пять. Бобровых шкурок – двадцать шесть. Шкурок морской собаки – три. Тигровых шкур – шесть. Шкурок выдры – двадцать восемь. Бараньих шкурок, выделанных, окрашенных в коричневый цвет, – сорок. Каракулевых шкурок черных – шестьдесят три. Шкурок мускусной крысы – двадцать. Шкурок пятнистых крыс – двадцать четыре. Бархата – четыре куска. Беличьих шкурок – двести шестьдесят три. Атласа – тридцать два куска. Сукна – тридцать кусков. Сатина – сто тридцать кусков. Флера – сто восемьдесят кусков. Крепа – тридцать два куска. Вееров из шелка и из перьев – двадцать два. Узорчатого шелка – восемнадцать кусков. Других тканей разных цветов – тридцать кусков. меховых одежд разных – сто тридцать две штуки. Одежд меховых на матерчатой подкладке и одинарных – триста сорок. Часов – восемнадцать. Поясов – девять. Прочих вещей из бронзы и олова – более пятисот. Жемчуга – девять связок. Головных украшений из червонного золота – сто двадцать три. Драгоценности мелкие разные – не подсчитывались. Подушек из желтого шелка, употребляемых при императорском дворе, – три. Украшений, платьев и юбок, разрешенных к ношению только в императорском дворце, – восемь наборов. Яшмовых поясов – два. Желтого атласа – два куска. Серебра – семь тысяч лянов, золота – сто пятьдесят два ляна. Медных монет – семь тысяч пятьсот связок.

Затем шло перечисление утвари и вещей, которые присылали во дворец Жунго в качестве подарков. Бумаги на право владения землей и строениями и вся деловая переписка членов семьи Цзя были опечатаны.

Цзя Лянь, стоя в отдалении, слушал чтение описи и недоумевал, почему в списке нет вещей, изъятых у него. Но когда чтение основного списка закончилось, он вдруг услышал:

– Среди изъятых вещей имеются долговые расписки, по которым взимались недозволенные проценты, что уже само по себе является вымогательством. Если Цзя Чжэн укажет их владельца, это смягчит его вину.

Цзя Чжэн, стоявший на коленях, ударил челом и воскликнул:

– Ведь я не занимался домашними делами и ничего об этом не знаю.

Спросите у моего племянника Цзя Лянь!

– Сундук с этими бумагами найден в моей комнате, – воскликнул Цзя Лянь, – так посмею ли я от него отказаться?! Только прошу вас, смилуйтесь, господин! Мой дядя и в самом деле ничего об этом не знает.

– Твой отец провинился перед государем, и тебе придется отвечать вместе с ним, – заявили ваны. – Ты сейчас признался, и это хорошо... Охраняйте его, – обратились они к своим людям. – Всех остальных пусть освободят! Дорогой Чжэн, вам придется ожидать дальнейших повелений государя, а мы поедem во дворец. Чиновники и стражники останутся здесь до нашего возвращения!

Они сели в паланкины и уехали. Цзя Чжэн полз на коленях, провожая их до вторых ворот.

– Можете не беспокоиться, – сказал ему на прощание Бэйцзинский ван, протягивая руку, и на лице его отразилось сочувствие. Видно было, что все происходящее вану неприятно.

Слова вана несколько приободрили Цзя Чжэна. В это время к нему обратился Цзя Лянь:

– Почтенный господин, навестите старую госпожу!

Цзя Чжэн торопливо поднялся с колен и поспешил во внутренние покои. У женщин-привратниц был растерянный вид, но Цзя Чжэн не имел желания ни о чем их расспрашивать. Он вбежал в дом матушки Цзя и застал всех в слезах. Госпожа Ван и Баоюй молча стояли возле матушки Цзя и плакали. Госпожа Син содрогалась от рыданий.

– Господин пришел! – закричали женщины, увидев Цзя Чжэна, и обратились к матушке Цзя: – Почтенная госпожа, успокойтесь, с господином Цзя Чжэном ничего не случилось, он здесь!

Матушка Цзя с трудом открыла глаза.

– Сын мой, – проговорила она. – Я уже не чаяла тебя увидеть! – И она зарыдала. Вслед за нею заплакали в голос все остальные.

Опасаясь, как бы матушка Цзя от расстройства не захворала, Цзя Чжэн постарался взять себя в руки и произнес:

– Не убивайтесь так, матушка! Дело, конечно, серьезное, но государь не оставил нас своей святой милостью, и оба вана оказались добрыми. Правда, старший брат пока взят под стражу, но когда все выяснится, надеюсь, государь и к нему проявит милосердие. А пока всем велено сидеть дома и никуда не отлучаться!

Никто не решался уйти от матушки Цзя, лишь госпожа Син поспешила к себе, но на дверях ее дома были замки и печати; девочки и старухи-служанки сидели под стражей.

Госпожа Син, громко рыдая, пошла к Фэнцзе. Вторые ворота тоже оказались опечатанными, открыта была лишь одна из комнат, и оттуда доносились всхлипы.

Лицо Фэнцзе приняло серый оттенок, глаза были закрыты. Рядом стояла Пиньэр и плакала. Госпожа Син решила, что Фэнцзе умерла, и снова разразилась воплями.

– Не плачьте, госпожа! – бросилась к ней Пиньэр. – Она жива. А была совсем как мертвая. Потом отлежалась, пришла в себя, поплакала, и сейчас ей лучше. Не падайте духом! Вы не знаете, как чувствует себя старая госпожа?

Госпожа Син ничего не ответила и вернулась к матушке Цзя.

Там она увидела только родню Цзя Чжэна и почувствовала себя бесконечно одинокой. Муж и сын арестованы, невестка тяжело больна, дочь терпит страдания, а самой ей некуда деваться.

Все как могли утешали госпожу Син. Ли Вань приказала служанкам убрать комнату в своем доме и пригласила госпожу Син пожить пока у нее. Госпожа Ван послала к ней нескольких служанок.

Цзя Чжэн, нервно теребя усы, с затаенным страхом ждал решения императора. Вдруг за воротами зашумели стражники, слышались крики:

– Ты откуда? Сейчас мы тебя внесем в список, свяжем и передадим господам из приказа Парчовых одежд.

Цзя Чжэн выглянул наружу и увидел Цзяо Да.

– Ты зачем здесь? – строго спросил он.

Цзяо Да, топая ногами и взывая к небу, запричитал:

– Я постоянно увещевал своих непутевых господ, а они считали меня врагом! Сами знаете, сколько мне пришлось вытерпеть лишений, когда я служил вашему деду! И вот сейчас я попал в оборот: старший господин Цзя Шэ и братец Цзя Жун арестованы, их увез какой-то ван; служители ямыня опозорили наших женщин, загнали их в пустой зал и заперли. Совести у этих сволочей не больше, чем у свиней и собак! Все имущество описали, а вещи увезли, не оставив даже обломков деревянной посуды и осколков от фарфоровых чашек! А теперь, видите ли, меня грозятся связать! Мне без малого девяносто, когда-то я сам вязал людей по приказу вашего деда! А теперь меня хотят связать! Да кто они такие? Я сказал, что я из западного дворца, и убежал. Те люди слушать ничего не хотели, потащили меня сюда, а здесь, оказывается, то же самое! Мне не дорога жизнь, буду биться насмерть!

И он начал головой наносить удары.

Помня наказ ванов, служители ямыня не осмелились проявить

жестокость и стали урезонивать старика:

– Успокойся, почтенный! Все делается по указу государя, так что не шуми!

Цзя Чжэн не обратил особого внимания на Цзяо Да, но слова старого слуги как острый нож ранили его сердце.

– Конеч, всему конец! – горестно вскричал он. – Не ожидал я, что все пойдеш прахом!

В то время, когда Цзя Чжэн с волнением дожидался известий из дворца, прибежал запыхавшийся Сюэ Кэ.

– Ух, насилу пробрался! Где дядя?

– Хорошо, что ты пришел! – обрадовался Цзя Чжэн. – Как тебя пропустили?

– Я пообещал стражникам денег, – объяснил Сюэ Кэ, – и теперь могу идти куда хочу!

Цзя Чжэн рассказал, какое несчастье случилось в доме, и попросил разузнать новости.

– Все родственники и друзья в трудный момент поспешили скрыться, – произнес он, – один ты не покинул нас.

– Я и предположить не мог, что здесь у вас творится, – сказал Сюэ Кэ. – Знал лишь про дворец Нинго.

– Но кто же совершил преступление и какое? – спросил Цзя Чжэн.

– Сегодня я был в ямыне по делу моего брата Сюэ Паня, – рассказал Сюэ Кэ, – и там от двух цензоров слышал, будто старший брат Цзя Чжэнь вовлекал знатных молодых людей в азартные игры. Это бы еще ничего. Говорят еще, что он хотел отбить чужую жену, чтобы сделать своей наложницей, и довел ее до самоубийства. Подозревая, что слухи недостоверны, цензор решил собрать доказательства, арестовал нашего Баоэра и разыскал какого-то Чжана. Боюсь, как бы в деле старшего брата Цзя Чжэня не оказались замешаны чиновники из цензорского приказа, так как они в свое время не дали хода делу, несмотря на то что этот Чжан подавал жалобу на Цзя Чжэня.

Не дослушав, Цзя Чжэн тяжело вздохнул:

– Это уж совсем плохо!..

Сюэ Кэ попытался его утешить, а потом отправился разузнавать новости. Прошло довольно много времени, прежде чем он вернулся и рассказал:

– В ведомстве наказаний пока не известно окончательное решение государя. Я только сейчас оттуда. Известно лишь, что утром на аудиенции у государя цензор Ли обвинил правителя округа Пинъань в том, что в угоду

кое-кому из столичных чиновников он жестоко обращался с народом и совершал злоупотребления.

– Нас это не касается! – перебил его Цзя Чжэн. – Ты скажи лучше, что о нас говорят?

– Говорят, что нас это касается, – возразил Сюэ Кэ. – Дело в том, что столичный чиновник, связанный с правителем округа Пинъань, не кто иной, как наш старший господин Цзя Шэ. Его обвиняют в том, что он подкупил суд. Это обвинение подлило масла в огонь. Сослуживцы и друзья старшего господина с перепугу попрятались и не подают никаких вестей. А ваши родственники и друзья пытаются окольными путями пронюхать, что вас ожидает. Досаднее же всего то, что они трубят на всех перекрестках: «Надо беспокоиться прежде всего о себе, неизвестно еще, на чью голову обрушатся неприятности из-за всей этой истории».

Цзя Чжэн пожал плечами и сказал:

– Всему виной глупость моего старшего брата! Во дворце Нинго тоже творили невесть что! Старая госпожа и жена Цзя Ляня напуганы до смерти! Пойди еще что-нибудь разузнай, а я погляжу, как там старая госпожа. Если будет что-либо важное, поскорей сообщи.

Неожиданно из внутренних покоев с криком выбежали служанки:

– Старой госпоже плохо!

Цзя Чжэн со всех ног бросился в покои матушки Цзя.

Если хотите знать, что было дальше, прочтите следующую главу.

Глава сто шестая

Ван Сифэн страдает от сознания своей виновности в бедах семьи;

матушка Цзя молится Небу об отвращении несчастий от детей и внуков

Итак, услышав, что матушке Цзя плохо, Цзя Чжэн бросился в ее покои и увидел, что старая госпожа задыхается. Насилу госпожа Ван и Юаньнян привели ее в чувство, дали успокоительное. Матушке Цзя стало лучше, но она по-прежнему плакала.

– Ваши сыновья, матушка, – сказал Цзя Чжэн, – оказались ни на что не годными, накликali на себя беду, а вам причинили горе! Успокойтесь, матушка, мы постараемся все уладить! Каково будет нам, если вы заболеее!

– Я прожила на свете больше восьмидесяти лет, – ответила старая госпожа. – И с тех пор, как девочкой вошла в этот дом, став женой твоего отца, благодаря счастью наших предков, никогда не слышала о подобных делах! А сейчас дожила до того, что сыновьям моим грозит наказание?! Разве в силах я это вынести?! Лучше навеки сомкнуть глаза, живите как хотите!

Она еще громче зарыдала.

Совершенно убитый, Цзя Чжэн вдруг услышал голос за дверью:

– Господин, получены вести из дворца!

Цзя Чжэн поспешил выйти и увидел старшего письмоводителя из дворца Бэйцзинского вана.

– Поздравляю вас с великой радостью! – воскликнул письмоводитель.

Цзя Чжэн поблагодарил его, пригласил сесть и спросил:

– Какое повеление получил ван от государя?

– Мой господин вместе с Сипинским ваном прибыл во дворец и доложил государю о выполнении его повеления, не преминув сообщить, как вы были напуганы и как вас тронула высочайшая милость. Государь сочувственно отнесся к вашему несчастью и в память о гуйфэй решил снять с вас обвинение и милостиво разрешил продолжать службу в ведомстве работ. Из всего описанного и опечатанного имущества в казну

отходит лишь часть, принадлежавшая Цзя Шэ. Остальное государь велел возвратить вам, но при этом предупредил, чтобы впредь вы были старательны по службе. Кроме того, он приказал моему господину произвести тщательное расследование в связи с обнаруженными долговыми расписками. Все расписки, в которых значатся не дозволенные законом проценты, отойдут в казну, а расписки, в которых сумма процентов не превышает дозволенную, будут возвращены вам. Цзя Ляня государь снял с должности, но велел отпустить без всякого наказания.

Выслушав письмоводителя, Цзя Чжэн стал низко кланяться и возносить хвалу государю за небесную милость. А письмоводителя попросил передать глубокую благодарность вану за его доброту и сказал:

– Завтра я съезжу поблагодарю государя и приеду лично поклониться вану!

Вскоре был официально объявлен императорский указ. В нем говорилось, что чиновники, выполняющие высочайшее повеление, должны тщательно проверить и описать имущество семьи Цзя: все, что подлежит передаче в казну, переходит в казну; все, что подлежит возвращению, возвращается владельцам; Цзя Лянь отпускается на свободу; слуги и служанки, принадлежавшие Цзя Шэ, переходят в собственность государства.

К несчастью, у Цзя Ляня, кроме бумаг, которые ему возвратили, и кое-какой утвари, ничего не осталось, ибо чиновники, производившие опись, растащили все более или менее ценные вещи.

Цзя Лянь, разумеется, радовался, что удалось избежать наказания, и в то же время ему было обидно: в одно мгновение он лишился всех вещей и личных сбережений Фэнцзе, накопленных за многие годы, всего на сумму пятьдесят – семьдесят тысяч лянов. Отец его сидел под стражей в приказе Парчовых одежд, Фэнцзе болела, и все это усугубляло его горе. А тут еще Цзя Чжэн вызвал его к себе и набросился с упреками:

– Я был занят по службе и не вникал в хозяйственные дела, поручив их тебе и твоей жене. За отца, разумеется, ты не в ответе, но кто, скажи мне на милость, отдавал деньги в рост, кому принадлежат долговые расписки с двойными процентами? Ведь не приличествует таким людям, как мы, заниматься ростовщичеством. Не так уж важно, что расписки конфискованы и мы потеряли деньги, хуже, что о нас может пойти дурная слава!

– Я не посмел бы злоупотреблять своим положением, – оправдывался Цзя Лянь, опустившись перед Цзя Чжэном на колени, – надо допросить Лай Да, У Синьдэна, Дай Ляна и прочих, тех, что вели запись приходов и

расходов. Расходов за последние годы из общей семейной казны было куда больше, чем доходов, поэтому и пришлось залезть в долги. Госпоже об этом известно, можете справиться у нее! А что за деньги отдавались в рост, я понятия не имею, нужно спросить Чжоу Жуя и Ваньэра.

– Где уж тебе знать, что творилось в доме, если, судя по твоим же словам, тебе неизвестно, что делалось в твоих собственных комнатах! – воскликнул Цзя Чжэн. – Нет, толку от тебя не добьешься! Ведь ты сейчас не занят никакими делами, а даже не удосужился разузнать, что с отцом и со старшим братом!

Слова Цзя Чжэна до глубины души обидели Цзя Ляня, но он не осмелился перечить и, едва сдерживая слезы, покинул комнату.

«Наши деды с усердием служили и благодаря этому снискали славу, – с горечью думал Цзя Чжэн, – а мой брат и племянник преступили закон и лишились наследственных титулов и званий. Среди потомков не оказалось ни одного достойного! О Небо, великое Небо! Как могло ты допустить такой позор семьи Цзя?! Милостью государя мне возвращено все мое достояние, но разве смогу я один содержать обе наши семьи?! Как утверждает Цзя Лянь, в семейной казне не только нет денег, но мы еще влезли в долги. Значит, мы разорены уже несколько лет, только слава одна, что богачи! А я, глупец, ничего не видел! Не умри сын мой Цзя Чжу, у меня была бы какая-то опора. А Баоюй хоть и вырос, но так и остался никчемным».

Из глаз Цзя Чжэна полились слезы, омочив полы халата.

«Матушка уже стара, а я по-настоящему о ней не заботился, доставлял ей одни огорчения, – продолжал размышлять Цзя Чжэн. – Нет мне за это прощения! И винить некого, кроме себя самого!»

Эти печальные раздумья были прерваны приходом слуги, который доложил:

– К вам пожаловали друзья!

Цзя Чжэн выразил признательность всем, кто пришел, не покинул его в несчастье, и промолвил:

– Беда обрушилась на нас потому, что я не сумел должным образом воспитать детей и племянников, как следует наставлять их.

– Мы давно знаем, что ваш старший брат Цзя Шэ вел дела не по закону, – заметил один из друзей, – что Цзя Чжэнь распутничал и самовольничал, а ведь это позор! Куда хуже, чем провиниться по службе! Мало того, что они сами попали в беду, так еще и на вас навлекли неприятности!

– Люди часто преступают закон, но ведь не всякий раз цензоры

докладывают о них государю! – проговорил кто-то. – Наверняка господин Цзя Чжэнь кого-то обидел, вот и решили ему отомстить!

– Цензоры тут ни при чем, – сказал один из друзей. – Все дело, говорят, заварили ваши слуги, связались с какими-то негодьями и своей болтовней помогали им распространять слухи! Без доказательств цензор не стал бы докладывать государю; а получил он их от ваших же слуг. Но как могли слуги на такое пойти? Оказаться столь неблагодарными!

– Этих негодяев зря кормят, – сказал тут кто-то. – Здесь все свои, и я могу говорить без утайки... Когда вы служили в провинции, о вас шла такая дурная молва, что даже я готов был поверить в вашу корысть. И виной тому опять-таки слуги! Вам следовало поостеречься! Сейчас вашу семью не тронули, но если случится еще что-нибудь, государь не простит, и дело может кончиться плохо!

– Что же именно обо мне говорили? – спросил взволнованный Цзя Чжэнь.

– Точно сказать не могу, – отвечал друг, – но толковали, будто вы заставляли подчиненных вымогать деньги у населения.

– Могу поклясться самым Небом, что у меня и мысли подобной не было, – вскричал Цзя Чжэнь. – Это все слуги мои безобразничали, из-за них и вышел скандал! А отвечать приходится мне.

– Сейчас вам бояться нечего, – возразил кто-то. – Проверьте управляющих и слуг, и если кто-нибудь творит беззакония – накажите!

В это время вошел привратник и доложил:

– Господин Сунь прислал человека и требует вернуть деньги, которые ему задолжал старший господин Цзя Шэ.

– Ладно, знаю, – ответил Цзя Чжэнь, окончательно расстроившись.

– Мы давно слышали, что ваш зять Сунь Шаоцзу – негодяй, – заметили друзья. – Оказывается, так и есть! У тестя беда, а он вместо того, чтобы навестить, посочувствовать, еще осмелился требовать деньги! Право же, возмутительно!

– Что о нем говорить? – с горечью произнес Цзя Чжэнь. – Мой старший брат сам виноват, что выдал за него дочь. Мало от него племянница терпит, так теперь он за меня взялся.

Вошел Сюэ Кэ и обратился к Цзя Чжэню:

– Мне только что стало известно, что начальник приказа Парчовых одежд Чжао Цюань собирается действовать в соответствии с докладом цензора, и тогда господам Цзя Шэ и Цзя Чжэню несдобровать.

– Придется вам, господин Цзя Чжэнь, поехать попросить вана, чтобы уломал этого Чжао! – посоветовали друзья. – Иначе ваши семьи будут

окончательно разорены.

Цзя Чжэн поблагодарил за совет, и все друзья удалились.

Уже в сумерки Цзя Чжэн справился о здоровье матушки Цзя и, убедившись, что ей лучше, вернулся к себе. Мысль о том, что Цзя Лянь и его жена занимались ростовщичеством, не покидала Цзя Чжэна, и возмущению его не было предела. Однако Фэнцзе и так лишилась всего имущества, да к тому же была больна, поэтому Цзя Чжэн счел неудобным с ней объясняться.

За ночь не произошло ничего, достойного упоминания.

А на следующее утро Цзя Чжэн отправился во дворец отблагодарить государя за милость, после чего побывал во дворцах Бэйцзинского и Сипинского ванов с просьбой помочь старшему брату и племяннику.

Сановники обещали сделать все, что в их силах. Съездил также Цзя Чжэн к некоторым сослуживцам, просил покровительства.

А сейчас вернемся к Цзя Ляню. Разузнав, что отцу и старшему брату помочь нельзя – дело зашло слишком далеко, Цзя Лянь возвратился домой. Пиньэр, плача, хлопотала около Фэнцзе. Увидев, что жена еле дышит, Цзя Лянь не решился обрушиться на нее с упреками.

– О вещах говорить не стоит, их все равно не вернешь, – промолвила со слезами Пиньэр. – А вот доктора к госпоже пригласить надо!

Цзя Лянь плюнул с досады и бросил в сердцах:

– Я за свою судьбу не могу поручиться, а тут еще с ней возись!

Глазами, полными слез, Фэнцзе с укором взглянула на мужа, а как только он вышел, сказала Пиньэр:

– Ты что, маленькая? Неужели не понимаешь нашего положения? Раз уж дело приняло такой оборот, незачем обо мне заботиться! Лучше бы я умерла! Об одном молю, в память обо мне вырасти и воспитай Цяоцзе! Тогда и в загробном мире я с благодарностью буду вспоминать о твоей доброте!

Пиньэр разрыдалась.

– Не будь глупой, – прикрикнула на нее Фэнцзе. – Все меня осуждают, только прямо об этом не говорят. Не отдавай я денег в рост, виноватыми считали бы слуг, распускавших сплетни, а вовсе не меня! Я так старалась снискать уважение, пеклась о своем добром имени, а оказалась хуже всех! Говорят, старший брат Цзя Чжэнь пытался чью-то жену сделать своей наложницей, а она взяла и с собой покончила. В этом деле замешан Чжан. Понимаешь, о ком речь? Ведь если это дело раскроется, моему мужу не отвертеться. Да и как мне тогда смотреть в глаза людям? Я так хочу

умереть, но покончить с собой не хватает решимости. А ты еще хочешь доктора приглашать?! Заботиться сейчас о моем здоровье может лишь мой враг, а не друг!

Слушая все это, Пинъэр совсем приуныла и, опасаясь, как бы Фэнцзе что-нибудь с собой не сделала, ни на минуту не оставляла ее одну.

К счастью, матушка Цзя не знала всех подробностей дела, и самочувствие ее немного улучшилось: убедившись, что Цзя Чжэну ничто не грозит, глядя на Баоюя и Баочай, которые ни на минуту не оставляли ее, старая госпожа постепенно успокоилась. Она очень жалела свою любимицу Фэнцзе и приказала Юаньян:

– Возьми кое-что из моих вещей и отнеси Фэнцзе! Дай немного денег Пинъэр, прикажи, чтобы хорошенько заботилась о своей госпоже, а я чем смогу буду им помогать!

Еще матушка Цзя приказала госпоже Ван заботиться о госпоже Син. Вскоре все строения дворца Нинго перешли в казну, имущество, поместья и прислуга были переписаны и конфискованы. Матушка Цзя распорядилась послать коляску за госпожой Ю и ее невесткой.

Из обитателей некогда пышного дворца Нинго сейчас остались только эти две женщины, если не считать наложниц Пэйфэн и Селуань. У госпожи Ю и ее невестки не было ни одной служанки. Матушка Цзя выделила для них дом, по соседству с тем, где жила Сичунь, и дала четырех пожилых женщин и двух девочек в услужение. Пищу и все необходимое им приносили с главной кухни дворца Жунго. Одежду и другие вещи посылала матушка Цзя. Деньги на мелкие расходы они получали из общей семейной казны наравне со всеми обитателями дворца Жунго.

Цзя Шэ, Цзя Чжэню и Цзя Жуну, которые находились под стражей в приказе Парчовых одежд, из дому ничего послать не могли, так как семейная казна была пуста, у Фэнцзе тоже ничего не было, а Цзя Лянь оказался в долгах. Цзя Чжэн в хозяйственные дела не вникал и заявил, что надеется на помощь друзей. Цзя Лянь подумал было о родственниках, но не нашел ни одного, кто мог бы ему помочь, так как матушка Сюэ разорилась, а остальные и вовсе не шли в счет. Тогда он тайком заложил поместья и землю за несколько тысяч лянов серебра, чтобы хоть как-нибудь помочь отцу и брату.

Слуги все это видели и без зазрения совести под разными предлогами присваивали немалые суммы денег, поступавших из поместий.

Но об этом мы рассказывать не будем.

Итак, род Цзя лишился наследственных должностей, Цзя Шэ, Цзя

Чжэнь и Цзя Жун сидели в тюрьме, ожидая конца следствия, госпожа Ю целыми днями плакала, а Фэнцзе находилась при смерти. Баоюй и Баочай не покидали матушку Цзя, старались утешить, но разделить ее печаль не могли. Ни днем, ни ночью старую госпожу не покидали тревожные думы. Она вспоминала о прошлом, пыталась представить себе будущее, и слезы на ее лице не высыхали.

Однажды вечером, отослав Баоюя, матушка Цзя собралась с силами, села на постели и приказала на всех алтарях Будды в доме воскурить благовония, а также возжечь благовония у нее во дворе, в большой курильнице, и, опираясь на палку, вышла во двор. Поняв, что старая госпожа будет молиться, Хупо разостлала перед курильницей красный молитвенный коврик.

Как только зажгли курения, матушка Цзя опустилась на колени, положила несколько поклонов, прочла сутру и, едва сдерживая слезы, обратилась к Небу и Земле:

– Небесный владыка, бодхисаттва! Я – урожденная Ши, старшая в семье Цзя, искренне и чистосердечно обращаюсь с молитвой к тебе и прошу явить милосердие! Наш род Цзя в течение нескольких поколений не причинял никому зла. Я сама помогала своему мужу и поддерживала детей и, хотя не умела творить добро, никогда не делала людям ничего дурного. Но сыновья и внуки оказались надменными и расточительными, распутными и праздными, не дорожили дарованными им Небом благами и в результате лишились всего, чем владели. Сейчас дети мои в тюрьме, это большая беда, а во всем виновата я, грешная, ибо не поучала должным образом сыновей и внуков. Владыка Небо, молю тебя помочь моим детям вновь обрести счастье, а больным – ниспослать здоровье! Пусть я одна понесу кару, а детей моих пощади! Владыка Небо, услышь мою искреннюю мольбу, даруй мне скорее смерть, дабы я тем самым могла искупить грехи моих детей!

Окончив молитву, матушка Цзя в голос заплакала.

Юаньян и Чжэньчу под руки увели ее в дом, где находились госпожа Ван, Баоюй и Баочай, которые, как полагалось, вечером пришли справиться о ее здоровье. Глядя на матушку Цзя, они тоже заплакали.

Баочай была вне себя от горя: неизвестно, какая участь ждет ее старшего брата, не будет ли он казнен. Свекру и свекрови хотя и не грозит наказание, в семье все сильнее ощущается упадок. Баоюй по-прежнему болен и равнодушен ко всему. Подумав о том, что ждет ее в будущем, Баочай зарыдала еще горше, чем матушка Цзя и госпожа Ван.

Баоюя тоже одолели грустные мысли: бабушка даже на старости лет не

имеет покоя, а отец и мать, глядя на нее, страдают; сестры рассеиваются по свету, словно облака по небу. Он вспоминал, как многолюдно было у них в то время, когда они создали «Бегонию» и читали друг другу стихи в саду Роскошных зрелищ. «Я тоскую по Дайюй, – размышлял он, – хотя не подаю вида, чтобы не огорчать Баочай. Ей и без того несладко: брат в тюрьме, мать страдает. Баочай даже перестала улыбаться». От всех этих дум Баоюй заплакал.

Загрустили и служанки, глядя на хозяев. Стали потихоньку всхлипывать. Комнату матушки Цзя сотрясали стенания, казалось, дрожат небо и земля. Женщины-служанки, находившиеся снаружи, переполошились и бросились к Цзя Чжэну.

Цзя Чжэн в это время сидел у себя в кабинете, предавшись печальным размышлениям. Выслушав служанок, он со всех ног помчался во внутренние покои. Еще издали услышав доносившиеся оттуда вопли и плач, он решил, что матушке Цзя плохо, и очень разволновался.

Но когда вошел, от сердца отлегло. Матушка Цзя была в полном здравии, лишь громко плакала.

– Если матушка скорбит, – строго сказал Цзя Чжэн, – вы должны утешить ее, а не реветь!

Плач тотчас прекратился, все переглянулись, не понимая, как могло случиться, что все вместе плачут. Цзя Чжэн успокоил мать, а остальным прочел нравоучение. Все подумали: «Как же так? Мы пришли утешить старую госпожу, и сами расплакались!»

В это время вошла служанка с двумя женщинами из семьи Ши-хоу. Они справились о здоровье матушки Цзя, поклонились ей и сказали:

– Наш старый господин, госпожа и барышня слышали о ваших бедах. Они верят, что все окончится благополучно, и просят господина Цзя Чжэна ни о чем не беспокоиться! Наша барышня сама хотела к вам приехать, но не смогла, через несколько дней у нее свадьба.

Матушка Цзя поблагодарила женщин и сказала:

– Передайте своим господам от меня поклон! Самой судьбой, видно, нам посланы эти несчастья. Поблагодарите господина и госпожу за заботу и скажите, что я как-нибудь заеду лично поблагодарить. Надеюсь, у вашей барышни будет хороший муж. Не знаете, из какой он семьи?

– Жених не из богатых! Зато собой хорош и обходительный, – отвечали женщины. – Мы видели его не раз. Уж очень он похож на вашего второго господина Баоюя! Еще мы слышали, что он ученый и талантливый.

– Это хорошо, – обрадовалась матушка Цзя, – вашей барышне повезло. Жаль, что в ее семье придерживаются порядков, принятых на юге, и мы так

и не видели жениха! Я очень люблю Сяньюнь, и надо сказать, что из трехсот шестидесяти дней в году она жила в нашем доме более двухсот. Признаться, я сама хотела выбрать ей мужа, но без ее дяди не могла, а он все время был в разъездах. Но раз Сяньюнь повезло, я спокойна. Так хотелось бы побывать на ее свадьбе, осушить кубок вина, но, увы, у нас случилось несчастье, и теперь это невозможно. Как я поеду, если сердце мое обливается кровью?! Так что передайте своим господам от меня и всех наших поклон! И непременно скажите барышне, чтобы не беспокоилась обо мне. Я уже стара, и если даже умру – не беда, я прожила много и счастливо. Желаю и вашей барышне жить с мужем в мире и согласии до глубокой старости! – При этих словах на глаза старой госпожи навернулись слезы.

– Не печальтесь, почтенная госпожа, – успокаивали ее женщины. – Через девять дней после свадьбы барышня с мужем приедет домой, а заодно навестит и вас. Тогда вы с нею увидите и, надемся, порадуетесь ее судьбе.

Матушка Цзя слушала и кивала головой.

Женщины распрощались и ушли. Все тотчас о них забыли, а Баоюй подумал: «Почему так устроено, что девочка как только вырастет, ее сразу выдают замуж! После этого она становится совсем не той, что была. Вот и сестрица Сяньюнь! Замечательная девушка! А дядя принуждает ее выйти замуж! Теперь она на меня и не взглянет при встрече. Как подумаешь об этом, жить не хочется!»

Баоюй опечалился, но плакать не стал. Ведь матушка Цзя успокоилась при вести о замужестве Сяньюнь. И он сидел молча, погруженный в раздумья.

Обеспокоенный здоровьем матушки Цзя, Цзя Чжэн вновь пришел ее навестить. Увидев, что ей лучше, Цзя Чжэн приказал позвать Лай Да, принести список слуг и служанок и стал внимательно его просматривать. Кроме слуг и служанок Цзя Шэ, сейчас отошедших к казне, во дворце Жунго оставалось двести двенадцать человек. Из них мужчин более сорока. Цзя Чжэн приказал их позвать и стал расспрашивать, что им известно о доходах и расходах дворца Жунго за последние годы. Главный управляющий принес приходо-расходные книги.

Цзя Чжэн проверил книги и убедился, что доходы не могли покрыть расходов. Таким образом, приходилось делать долги, что и значилось в книгах. Он проверил также доходы, поступавшие из поместий, находившихся в восточных провинциях, но и они оказались наполовину меньше, чем во времена его деда, а расходы увеличились почти в десять

раз.

Цзя Чжэн не стал смотреть книги до конца и с досадой воскликнул:

– Безобразие! Я думал, на Цзя Ляня можно надеяться! А мы, оказывается, уже несколько лет живем за счет будущих доходов! С виду же все хорошо! Надо было бережно относиться к казенному жалованью, не делать долгов, тогда не дошли бы до разорения! Но сейчас поздно об этом говорить!

Заложив руки за спину, Цзя Чжэн в раздумье расхаживал по комнате.

Слуги, видя, что в делах он не разбирается, только зря горячится, говорили:

– Не волнуйтесь, господин, не вы один в таком положении. Даже ванам не всегда хватает денег! Они только делают вид, будто богаты, и кичатся своей роскошью, пока вконец не разорятся. Вы хоть благодаря милости государя не лишились своего имущества! А если бы оно перешло в казну?!

– Глупости! – раздраженно бросил Цзя Чжэн. – Совести у вас нет! Пока ваши господа жили в довольстве, вы тратили сколько хотели и все промотали, когда же хозяевам пришлось туго, одни из вас сбежали, другие просят их отпустить! А подумал кто-нибудь из вас о хозяевах?! Вот вы говорите, что мне оставили имущество, но не понимаете, что никакими богатствами не вернуть нашего доброго имени! Бахвальством ничего не добьешься! Раз уж пришла беда, валите все на хозяев! 'Все считают, что Баоэр был заодно с Цзя Шэ и Цзя Чжэнем, а я этого Баоэра в списках не вижу! Как это объяснить?

– Откуда же ему взяться в наших списках, – отвечали слуги. – Сначала Баоэр значился в списках слуг дворца Нинго. Потом второй господин Цзя Лянь взял его к себе вместе с женой, как слугу честного и радивого. Потом у Баоэра умерла жена, и он возвратился во дворец Нинго. Когда вы, господин, еще служили в ямыне, а старая госпожа и госпожи уехали сопровождать гроб гуйфэй, хозяйственными делами в доме ведал господин Цзя Чжэнь, и он опять привел Баоэра к нам. А через некоторое время Баоэр ушел. Разве вы можете об этом знать, господин, если не занимаетесь домашними делами?! Неужели вы думаете, что в списках всегда все точно указано? У каждого человека есть родственники, у каждого слуги свои слуги! Но не всех же заносят в списки!

– Вот это и плохо! – заметил Цзя Чжэн и выгнал слуг, понимая, что не так легко разобраться в этих списках. Он уже знал, как поступить со слугами, но решил подождать, пока освободят Цзя Шэ.

Однажды, когда Цзя Чжэн сидел у себя в кабинете, к нему вбежал человек:

– Господин, вас срочно требуют ко двору!

Цзя Чжэн встревожился и стал собираться в путь.

Если хотите узнать, зачем его вызвали ко двору, прочтите следующую главу.

Глава сто седьмая

*Матушка Цзя, выполняя свой последний долг, раздает имущество
детям и внукам;*

*государь, проявив небесную милость, возвращает Цзя Чжэну
наследственную должность*

Итак, Цзя Чжэн прибыл во дворец, повидался с сановниками из Высшей тайной палаты, поклонился ванам.

Бэйцзинский ван сказал:

– Мы послали за вами потому лишь, что государь желает вас кое о чем расспросить.

Цзя Чжэн опустился на колени.

– Известно ли вам, что ваш брат якшался с провинциальными чиновниками и притеснял народ, а племянник был главным зачинщиком в азартных играх и принуждал просватанную девушку стать его наложницей, чем довел ее до самоубийства?

– После того как государь оказал мне милость, назначив уполномоченным по приему экзаменов в провинции, я проверял, как идет оказание помощи пострадавшим от наводнения, и вернулся домой лишь в конце зимы прошлого года. Потом я имел честь быть начальником по сбору хлебного налога в провинции Цзянси, затем снова стал служить в ведомстве работ, ни днем ни ночью не щадя сил, дабы не оказаться нерадивым. На домашние дела времени не оставалось, я не поучал младших членов рода, не присматривал за ними и таким образом не оправдал милостей, оказанных мне государем, за что готов понести строгую кару. И чем скорее, тем лучше.

Бэйцзинский ван передал государю ответ Цзя Чжэна, и государь объявил свою волю. Бэйцзинский ван вышел и обратился к Цзя Чжэну:

– Как явствует из доклада цензора государю, Цзя Шэ вошел в сговор с провинциальными чиновниками, помогал им притеснять слабых и беззащитных. Прежде всего цензор указал на правителя округа Пинъань, подкупленного Цзя Шэ, и государь повелел с пристрастием допросить правителя округа. Но тот показал, что Цзя Шэ состоял с ним только в

родственных отношениях, а в служебные дела не вмешивался. Цзя Шэ также обвинялся в том, что в свое время силой отнял веера у какого-то Ши. Но это нельзя считать притеснением человека, а потому и преступлением. Вскоре после этого происшествия Ши покончил с собой. Но поскольку он был умалишенным, никто не может утверждать, что именно Цзя Шэ довел его до смерти. Поэтому государь явил милость и повелел Цзя Шэ отправиться на северную границу, дабы ревностной службой он мог искупить свою вину. Что же до Цзя Чжэня, то обвинение его в том, что он хотел взять в наложницы чужую жену, не подтвердилось. Расследование проводила палата цензоров, и вот к какому выводу они пришли. Поскольку Ю Эрцзе, помолвленная с Чжан Хуа, не была выдана за него замуж и ее мать пожелала расторгнуть брачный договор вследствие бедности жениха, предпочитая отдать свою дочь в наложницы младшему брату Цзя Чжэня, здесь и речи не может быть о принуждении или насилии. Затем покончила с собой Ю Саньцзе, ее похоронили, не сообщив ничего властям. Расследование показало, что Ю Саньцзе решила выбрать себе мужа сама, и о ней пошли сплетни; не вынеся позора, девушка покончила с собой. Цзя Чжэнь к этому никакого отношения не имеет. Но за то, что тайком похоронил покойную, его следовало бы наказать вдвойне, ибо он владеет наследственным титулом и ему полагалось ревностнее других блюсти законы. Однако, памятуя о том, что он потомок сановника, имеющего большие заслуги, государь сделал ему снисхождение, ограничившись ссылкой в приморские области, дабы он мог искупить вину, а также лишением наследственной должности. Цзя Жуна, поскольку он не имеет никакого отношения к делу, а также по молодости лет, государь повелевает освободить. Цзя Чжэна, долгое время занимавшего должность в провинции, и с усердием служившего там, от наказания освободить и вынести порицание за то, что плохо следил за своей семьей.

Цзя Чжэн был растроган и взволнован, без конца кланялся Бэйцзинскому вану и просил заверить государя в своей преданности.

– Достаточно, что вы поблагодарили за милость, – сказал Бэйцзинский ван.

– Меня обвинили в тяжком преступлении, но милостью государя не только не наказали, но и возвратили имущество, – отвечал Цзя Чжэн. – В благодарность я хочу передать в казну полученное мною наследство и отказаться от жалованья.

– Государь гуманно обращается со своими подданными, – заметил Бэйцзинский ван, – он весьма осмотрителен как в наказаниях, так и в наградах. Высочайшей милостью вам возвращено имущество, и нет нужды

еще раз докладывать о вас государю!

Бывшие здесь чиновники поддержали Бэйцзинского вана.

Цзя Чжэну ничего не оставалось, как еще раз поблагодарить вана и удалиться. Зная, что матушка Цзя беспокоится, он поспешил домой.

Все домочадцы, мужчины и женщины, молодые и старые, жаждали узнать, чем закончился визит Цзя Чжэна во дворец, однако не стали ни о чем расспрашивать, сдерживая любопытство.

Цзя Чжэн быстро прошел в комнату к матушке Цзя и рассказал, что удостоен высочайшей милости и получил прощение.

Это немного успокоило матушку Цзя, и все же она была огорчена – Цзя Шэ предстояло отправиться служить на северные границы, Цзя Чжэну – в приморские провинции, к тому же семья лишилась двух наследственных должностей.

– Успокойтесь, матушка, – произнес Цзя Чжэн. – Старший брат, хотя и уедет на север, будет служить государству и страданий ему терпеть не придется. А проявит усердие – восстановят в должности. О Цзя Чжэне и говорить не приходится. Он еще молод, пусть заслужит прощение. Если оба они оправдают доверие государя, мы сохраним наследие наших предков.

Говоря по правде, матушка Цзя с давних пор недолюбливала Цзя Шэ, хотя он и был ее сыном, а Цзя Чжэня – тем более, он ей приходился родней в третьем поколении. Зато у госпожи Син и госпожи Ю слезы не просыхали.

«Мы лишились всего, чем владели, – думала госпожа Син. – Муж уже в летах, а должен ехать в далекие края. Цзя Лянь и его жена всячески стараются угодить Цзя Чжэну, во всем его слушаются. А я остаюсь в одиночестве».

Госпожа Ю была полновластной хозяйкой во дворце Нинго, над ней стоял только Цзя Чжэнь. А теперь Цзя Чжэня отправляют на чужбину, ей же придется жить на иждивении родственников. Вдобавок на ее попечении остаются Пэйфэн, Селуань и жена Цзя Жуна, который так и не сумел сделаться самостоятельным и отделиться.

«Двух моих младших сестер погубил Цзя Лянь, – продолжала размышлять госпожа Ю, – а живет спокойно и без забот, будто ничего не случилось, и жена рядом с ним. А что делать нам, покинутым всеми близкими?»

Слезы снова полились из глаз госпожи Ю.

Однажды матушка Цзя не вытерпела и сказала Цзя Чжэну:

– Ведь решение по делу Цзя Шэ и Цзя Чжэня вынесено, сможет ли Цзя

Шэ побывать дома? А Цзя Жун? Если он не виновен, его тоже должны отпустить!

– Судя по всему, брата пока не отпустят домой, – сказал Цзя Чжэн. – Может быть, потом. Я попросил кое-кого из друзей добиться разрешения для брата и племянника побывать дома, прежде чем отправиться в дорогу. В ямыне дали на это согласие. Тогда же освободят и Цзя Жуна. Не беспокойтесь, матушка, я все сделал!

– Одряхла я, – отвечала матушка Цзя, – не занимаюсь хозяйственными делами. Дворец Нинго конфискован, Цзя Шэ и Цзя Лянь лишились имущества! Неизвестно, сколько осталось серебра у нас в семейной казне и сколько земли в восточных провинциях. Сколько денег мы сможем дать на дорогу Цзя Шэ и Цзя Чжэню?

Цзя Чжэн не знал, что ответить матушке Цзя, но, поразмыслив, решил рассказать все как есть.

– Если бы вы не спросили, матушка, – проговорил он наконец, – я не осмелился бы вам открыть правду. Вчера я проверял, как ведет хозяйство Цзя Лянь, и обнаружил, что наша семейная казна опустела: мы не только израсходовали всю наличность, но и залезли в долги. А без денег не добиться покровительства брату и Цзя Чжэню, несмотря на все милости государя. А где же взять эти деньги? С земель, которые находятся в восточных провинциях, арендная плата собрана и израсходована за год вперед. Остается лишь продать одежду и головные украшения, оставленные нам высочайшей милостью, и вырученные деньги отдать Цзя Шэ и Цзя Чжэню. А вот как нам жить, тут придется подумать.

Матушка Цзя снова заволновалась, глаза ее увлажнились.

– Как же так! – вскричала она. – Неужели мы дошли до столь бедственного состояния?! Помню, семья отца была гораздо могущественнее нашей, а потом разорилась, и приходилось создавать видимость богатства. Однако неприятностей никаких не было и упадок обнаружился лишь много лет спустя! Мы же, судя по твоим словам, не сможем продержаться и двух лет.

– Если бы нас не лишили наследственного жалованья, можно было бы взять денег в долг и как-нибудь вывернуться, – ответил Цзя Чжэн. – Но мы не можем гарантировать, что вернем долг, кто же согласится нам помочь?! – По щекам Цзя Чжэна покатались слезы. – Родственники, которым мы когда-то помогали, сейчас сами в стесненном положении, а те, что от нас помощи не получали, не захотят с нами связываться. Проверив все и даже не вдаваясь в подробности, я понял, что нам не под силу содержать не только высокооплачиваемых слуг, но даже низшую прислугу.

Матушка Цзя предавалась печали, когда неожиданно вошли Цзя Шэ, Цзя Чжэнь и Цзя Жун справиться о ее здоровье. Матушка Цзя схватила за руки Цзя Шэ и Цзя Чжэня и опять расплакалась. Те, и без того пристыженные, бросились перед ней на колени и стали молить о прощении.

– Мы виноваты, мы шли несправедливым путем и растеряли все заслуги предков! – восклицали они. – За причиненное вам горе мы достойны казни и не заслуживаем погребения!

Тут все разразились горестными воплями, и Цзя Чжэню опять пришлось говорить слова утешения.

– Прежде всего следует подсчитать, сколько денег потребуется на дорожные расходы, – промолвил Цзя Чжэн. – Дома им разрешат пожить, пожалуй, день или два, не больше.

Сдерживая скорбь, матушка Цзя обратилась к Цзя Шэ и Цзя Чжэню:

– Пойдите повидайтесь с женами! – А Цзя Чжэню сказала: – Тянуть с этим делом нельзя! Достать деньги невозможно! А они должны уехать в назначенный государем срок! Придется мне самой об этом подумать. Пусть у нас в доме беспорядки, но вечно так продолжаться не может!

Матушка Цзя приказала позвать Юаньян, чтобы отдать ей необходимые распоряжения.

Цзя Шэ и Цзя Чжэнь признались Цзя Чжэню, что очень раскаиваются в содеянном, быстро с ним распрощались, поскольку времени до отъезда оставалось мало, и поспешили к женам.

Цзя Шэ был в преклонном возрасте, и расставаться с женой ему было не так тяжело, как Цзя Чжэню, который очень страдал из-за предстоящей разлуки с госпожой Ю.

Цзя Лянь и Цзя Жун, прощаясь со своими отцами, держали их за руки и громко плакали. Они чувствовали, что расстаются надолго, хотя их отцы, как говорится, не на войну собирались.

Между тем матушка Цзя велела господам Син и Ван вместе с Юаньян открыть сундуки и корзины, выбрать наиболее ценные вещи, которые она привезла из дому, когда выходила замуж, и разделить между Цзя Шэ, Цзя Чжэнем и Цзя Чжэнем.

Вручив Цзя Шэ три тысячи лянов серебра, матушка Цзя сказала:

– Две тысячи возьми себе на дорожные расходы, а остальные отдай жене. Цзя Чжэню я тоже дам три тысячи лянов, тысячу пусть возьмет себе, а две отдаст жене – ей не на что жить. Ведь питаемся мы отдельно. Свадьбу Сичунь я беру на себя. Мне очень жаль Фэнцзе, она так старалась для нас, а у самой ничего не осталось. Поэтому ей я тоже дарю три тысячи, пусть

хранит их у себя и не позволяет Цзя Ляню расходовать. Поскольку сама Фэнцзе болеет, деньги я отдаю Пинъэр. Осталась у нас одежда от деда, мои платья и головные украшения, сейчас они мне уже не нужны. Мужские вещи пусть разделят между собой Цзя Чжэнь, Цзя Лянь и Цзя Жун, а женские – жены Цзя Шэ, Цзя Чжэня и Фэнцзе. Оставшиеся у меня пятьсот лянов серебра я отдаю Цзя Ляню – это на дорожные расходы, когда в будущем году он повезет на юг гроб с останками Линь Дайюй.

Покончив с распределением денег и вещей, матушка Цзя сказала Цзя Чжэну:

– Ты говорил, что мы залезли в долги. Поэтому придется продать мои золотые вещи. Вот до чего я дожила! Но если я дала деньги другим, то как откажу тебе? Ведь ты тоже мой сын! После этого у меня останется золотых и серебряных вещей примерно на несколько тысяч лянов серебра, их я отдаю Баюю. Жене твоего покойного сына Цзя Чжу и твоему внуку Цзя Ланю я тоже кое-что выделяю... Они ко мне очень почтительны! Вот и все.

Цзя Чжэн опустил перед матерью на колени и промолвил:

– Мне очень стыдно, матушка! Вы в столь преклонном возрасте, а я не проявил о вас заботы, не оказал должного уважения, только пользуюсь вашими милостями!

– Не болтай зря! – прикрикнула на него матушка Цзя. – Не случись всей этой истории, я так и не узнала бы, что делается в доме. Слишком много у нас людей, но служишь по-настоящему ты один. Нашей семье нужно всего несколько слуг. Остальных прикажи управляющим отправить. А если бы у нас отобрали все имущество? Ведь тогда у нас вовсе не было бы слуг! Служанок следует выдать замуж или просто отпустить. Сад Роскошных зрелищ пусть заберут в казну, земли надо отдать в распоряжение Цзя Ляня, пусть наведет там порядок. Часть земель можно оставить, а остальные – продать, хватит строить из себя богачей. Есть у нас немного серебра семьи Чжэнь из Цзяннани, оно хранится у старшей госпожи Син, пусть отошлет его обратно, и чем скорее, тем лучше. Ведь если опять случится неприятность, они, как говорится, «скрываясь от ветра, попадут под дождь».

Цзя Чжэн ничего не смыслил в хозяйственных делах и рассуждения матушки Цзя воспринял как приказ.

«Матушка, – думал он, – прекрасно во всем разбирается, а мы – просто никчемные люди!»

Заметив, что матушка Цзя устала, Цзя Чжэн попросил ее прилечь отдохнуть.

– Вещей у меня осталось немного, – сказала матушка Цзя. – Когда я

умру, продайте их и устройте похороны! Остальное раздайте моим служанкам!

Слушая матушку, Цзя Чжэн еще больше расстроился. Все, кто был в комнате, опустились на колени и стали умолять:

– Почтенная госпожа, успокойтесь! Мы надеемся, что ваше счастье поможет нам пережить трудное время, искупить грехи перед государем и вы будете жить безбедно до ста лет.

– Это – моя заветная мечта, потому что мне хочется после смерти со спокойной совестью встретиться с вашими предками! – воскликнула матушка Цзя. – Не думайте, что, проживя жизнь в почете и богатстве, я не знала, что такое бедность! Но, глядя на вас, я обо всем забыла, вместе с вами беззаботно веселилась, только и думала об удовольствиях! Я и не представляла себе, что наша семья вконец разорена! Что наше благополучие чисто внешнее. Иначе не допустила бы никаких излишеств, спасла семью от разорения! Но раз уж так случилось, придется жить поскромнее, а главное – беречь доброе имя. Напрасно ты думаешь, сын мой, что узнай я раньше о нашем разорении, умерла бы от горя! Ведь я хорошо понимаю, что с вашими дедами вам по могуществу не сравниться, и все время думала, как поддержать наш род. Кто же мог представить себе, что мои сыновья окажутся замешанными в столь неблагоприятных делах?!

Рассуждения матушки Цзя были прерваны появлением служанки, которая обратилась к госпоже Ван:

– Моя госпожа все утро плакала и от слез обессилела. Пиньэр послала меня сообщить об этом вам, госпожа!

Матушка Цзя не расслышала слов служанки и спросила:

– Что там случилось?

– Говорят, Фэнцзе не очень хорошо себя чувствует, – ответила за служанку госпожа Ван.

– Ох уж эти мне грешники! – сокрушенно вздохнула матушка Цзя. – Они до смерти меня доведут! – И она велела служанкам отвести ее к Фэнцзе.

– Вы столько пережили сегодня, – начал отговаривать ее Цзя Чжэн. – Кроме того, занимались делами. Вам нужно отдохнуть. Моя жена посмотрит, что там случилось, а вам не надо ходить! Не то снова расстроитесь и заболеете, каково тогда будет мне?!

– Ладно, иди по своим делам, – приказала матушка Цзя. – Потом придешь, мне надо с тобой поговорить.

Цзя Чжэн не осмелился возражать и решил заняться сборами в дорогу Цзя Шэ и Цзя Чжэня, приказав Цзя Ляню дать им сопровождающих.

Между тем матушка Цзя приказала отнести Фэнцзе предназначенные ей вещи и сама отправилась к ней.

Фэнцзе страдала от удушья. Пиньэр сидела вся красная от слез, с припухшими глазами. Услышав, что пришли матушка Цзя и госпожа Ван, она поспешила им навстречу.

– Как твоя госпожа себя чувствует? – осведомилась матушка Цзя.

Не желая расстраивать старую госпожу, Пиньэр торопливо ответила:

– Получше.

Следом за матушкой Цзя она прошла в комнату Фэнцзе и, забежав вперед, торопливо откинула висевший над кроватью полог.

Фэнцзе лежала, широко раскрыв глаза, и, когда увидела матушку Цзя, ощутила стыд. Ведь она считала, что матушка Цзя на нее разгневалась, больше не любит и бросила ее на произвол судьбы. И сейчас, когда матушка Цзя вдруг пришла ее навестить, она от нахлынувших чувств почувствовала облегчение и попыталась подняться.

Матушка Цзя сделала знак Пиньэр, чтобы не давала ей двигаться.

– Тебе лучше?

– Лучше, – сдерживая слезы, ответила Фэнцзе. – С самого детства я окружена вашей заботой и заботой госпожи! Кто бы знал, что мне, несчастной, не суждено до конца проявить перед вами свою дочернюю почтительность? Вы благоволили ко мне, поручили вести хозяйство, а я что натворила?! Как же мне после этого смотреть вам в глаза?! Вы так заботитесь обо мне, даже пришли навестить! И мне остается лишь умереть от стыда!

Фэнцзе всхлипнула.

– Наши неприятности произошли за пределами дома, – сказала матушка Цзя. – А ты здесь при чем? Забрали у тебя вещи – не важно! Я принесла кое-что из своих! Вот, погляди!

Матушка Цзя приказала служанке показать Фэнцзе вещи. Жадная по натуре, Фэнцзе никак не могла примириться с тем, что лишилась имущества и сбережений, к тому же боялась навлечь на себя гнев родных. И из-за всего этого утратила всякий интерес к жизни. Но сейчас воспрянула духом. Никто на нее не сердился, даже пришли навестить. С Цзя Лянем, Фэнцзе надеялась, тоже ничего не случится. Одним словом, у нее отлегло от сердца. Поднявшись с подушки, она поклонилась матушке Цзя и промолвила:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, бабушка! Если, благодаря вашему счастью, я оправлюсь от болезни, то охотно буду выполнять самую грубую, черную работу и не жалея сил прислуживать вам и госпоже!

В голосе Фэнцзе звучала такая неподдельная скорбь, что матушка Цзя невольно расплакалась.

Что касается Баюя, то он в жизни знал одни удовольствия, не испытывал настоящего горя и плакал лишь потому, что плакали остальные.

Печаль близких заставила Фэнцзе собраться с силами; она даже сказала матушке Цзя несколько слов в утешение.

– Бабушка, госпожа, идите! – просила она. – Как только мне станет лучше, я приду вам поклониться.

– Хорошенько ухаживай за своей госпожой, – наказала Пиньэр матушка Цзя. – Что-нибудь понадобится – приходи прямо ко мне!

Когда, сопровождаемая госпожой Ван и остальными, матушка Цзя подходила к своему дому, до нее со всех сторон донеслись рыдания. Не в силах более видеть горестных сцен, старая госпожа отпустила госпожу Ван и приказала Баюю:

– Пойди проводи дядю и двоюродного брата и поскорее возвращайся!

Матушка Цзя прилегла и опять заплакала. С трудом удалось служанкам ее успокоить, и вскоре старая госпожа уснула. Но об этом мы рассказывать не будем.

Отъезжающие не скрывали своего горя, прощаясь с родным домом. Сопровождавшие их слуги ехали не по своей воле, считали себя обиженными и жаловались на судьбу.

Поистине разлука порой бывает тяжелее, чем прощание с покойником, поэтому провожающие были опечалены больше, чем уезжавшие. Дворец Жунго огласили горестные вопли и стенания.

Цзя Чжэн, больше других заботившийся о соблюдении обычаев и приличий, на прощанье крепко сжал руки брата и племянника, вскочил на коня и помчался за город, чтобы на первой почтовой станции устроить прощальный пир. Здесь он снова и снова напутствовал их, говоря, что государь не забывает своих верных сановников, и просил служить не щадя сил.

Утирая слезы, Цзя Шэ и Цзя Чжэнь попрощались с провожавшими.

Сопровождаемый Баюем, Цзя Чжэн возвращался домой. Еще издали он вдруг заметил толпу о чем-то споривших людей. Слышались отдельные возгласы:

– Государь велел передать наследственную должность Жунго-гуна господину Цзя Чжэну!

Оказывается, люди собрались в надежде получить денежные подачки, раздаваемые обычно в богатых домах в связи с различными радостными

событиями, но привратник не хотел их впускать, кричал и доказывал:

– Какое же тут радостное событие? Наши господа давно занимают эту должность, она досталась им по наследству.

– Наследственная должность – большой почет! – возражали люди. – Вашего старшего господина Цзя Шэ ее лишили, но зато возвратили семье! Милостью своей государь пожаловал эту должность господину Цзя Чжэну. Такое бывает раз в тысячу лет! Как же без денежных наград?

Едва Цзя Чжэн подъехал к воротам, как привратник поспешил ему доложить о случившемся. Цзя Чжэн было обрадовался, но тут же комок подступил к горлу, ведь подобное счастье досталось ему лишь из-за преступления старшего брата. Тем не менее Цзя Чжэн поспешил с этой вестью к матушке Цзя.

Матушка, разумеется, очень обрадовалась и завела речь о том, что только особым старанием можно отблагодарить государя за оказанную милость. Была счастлива и госпожа Ван. Только у госпожи Син и госпожи Ю было тяжело на душе, но они не решались показывать свое горе.

Как мы помним, друзья и дальние родственники семьи Цзя, обычно державшие сторону влиятельных и богатых, попрятались, когда во дворцах Нинго и Жунго произошли неприятности. Но стоило им услышать, что государь по-прежнему милостиво относится к Цзя Чжэну и даже передал ему наследственную должность, как они поспешили во дворец Жунго принести свои поздравления.

Цзя Чжэн, человек честный и благородный, получив должность, по праву принадлежавшую его старшему брату, был удручен, и милость государя казалась ему незаслуженной. Отправившись на следующий день ко двору благодарить государя, он объявил, что желает передать в казну сад Роскошных зрелищ со всеми строениями, дабы искупить вину. Государь не принял этого дара, и Цзя Чжэн вернулся домой успокоенный. Отныне он с особым рвением исполнял свои служебные обязанности. И все же в доме чувствовались упадок и запустение, доходы не покрывали расходов. Цзя Чжэн уже не мог поддерживать широких связей и знакомств, как прежде.

Все видели, что Фэнцзе не справляется с хозяйством, Цзя Лянь все больше запутывается в долгах и для уплаты их приходится закладывать дома и продавать земли. Надобно сказать, что некоторым управляющим за долгие годы службы удалось сколотить солидное состояние, и они, опасаясь, как бы Цзя Лянь не стал им докучать просьбами о деньгах, либо притворялись неимущими и отлынивали от дел, либо брали отпуск, уезжали и больше не возвращались.

Только Бао Юн, хотя он и недавно попал во дворец Жунго, да и то в тяжелое для семьи Цзя время, честно выполнял свои обязанности и возмущался, когда видел, как слуги обманывают хозяев. Но поскольку Бао Юн был в доме человеком новым, с ним мало считались, и он, рассердившись, перестал интересоваться делами, а заботился лишь о том, как бы поесть да поспать. Недовольные тем, что Бао Юн с ними не заодно, слуги стали наговаривать Цзя Чжэну, будто Бао Юн пьянствует, скандалит, не выполняет своих обязанностей.

– Пусть делает что хочет, – отвечал на это Цзя Чжэн. – Мне Бао Юна прислали из семьи Чжэнь, и наказывать его неудобно! А что прибавился лишний рот – ничего! Как-нибудь прокормим.

И он не разрешил прогонять Бао Юна.

Тогда злые языки стали наговаривать на Бао Юна Цзя Ляню, однако и тот махнул рукой.

Однажды Бао Юн напился и стал слоняться по улице перед дворцом Жунго. Навстречу ему попались двое мужчин, разговаривавших между собой.

– Подумай только! – воскликнул один. – В этом огромном дворце жила такая влиятельная семья, а у них конфисковали имущество. Представляю, каково им теперь!

– Да разве такая семья может разориться?! – возразил другой.

– Я слышал, что одна из государынь была когда-то здешней барышней, и хотя ее нет в живых, опора все же осталась. К тому же я хорошо знаю, что они водят знакомство с ванами и гунами, так неужели те им не покровительствуют?! Даже нынешний начальник нашего округа, прежде служивший в военном ведомстве, приходится им родственником.

– Эх ты! Живешь здесь, а ничего не знаешь! – воскликнул первый. – О других говорить не будем, но этот Юйцунь – негодяй! Ведь он был своим человеком в обоих дворцах, мало того, доводился родственником их обитателям, но как только узнал, что им грозят неприятности, порвал с ними всякие отношения. А сколько благодеяний ему там оказывали! Кончилось тем, что имущество в обоих дворцах было конфисковано! Вот какие дела случаются в нынешнем мире!

Прохожие болтали, не подозревая, что их подслушивают. Их слова заставили Бао Юна призадуматься: «Бывают же в Поднебесной такие подлецы! В каких же отношениях этот Цзя Юйцунь состоит с нашим господином Цзя Чжэном? Клянусь, доведись мне его встретить, убил бы на месте! Будь что будет! Всю вину возьму на себя!»

Вот какие безумные мысли приходят в голову человеку нетрезвому!

Как раз в это время в конце улицы появилась толпа людей и послышались крики:

– Дорогу, дорогу!

Бао Юн услышал, как один из прохожих сказал:

– Стоило о нем заговорить, а он тут как тут собственной персоной!

Охваченный ненавистью, Бао Юн заорал:

– Бессовестный! Как ты мог забыть о милостях, которые тебе оказывала семья Цзя?

Цзя Юйцунь выглянул из паланкина, но, увидев перед собой пьяного, не обратил на него никакого внимания.

Бао Юн же, очень довольный собой, возвратился во дворец Жунго и стал расспрашивать слуг, известно ли им, что проезжавший только что в паланкине по улице начальник округа и есть тот самый Цзя Юйцунь, который возвысился благодаря покровительству семьи Цзя.

– Он забыл о прежних милостях и позорит наших господ! – шумел Бао Юн. – Я его обругал, а он даже не посмел мне ответить!

Слуги, не любившие Бао Юна, молчали, пока к нему не за что было придаться, но сейчас, когда Бао Юн затеял скандал, побежали к Цзя Чжэну и рассказали, что натворил Бао Юн.

Цзя Чжэн, очень боявшийся сейчас каких бы то ни было происшествий, рассердился, велел позвать Бао Юна, отругал его и отправил присматривать за садом Роскошных зрелищ, строго-настрого запретив выходить за пределы дворца.

Обладая простым и открытым характером, Бао Юн был искренне предан новому хозяину, он собрал свои вещи и отправился в сад, как ему было приказано.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сто восьмая

Притворяясь веселой, царевна Душистых трав принимает поздравления с днем рождения;

преследуемый воспоминаниями о прошлом юноша слышит рыдания души Феи реки Сяоян

Итак, государь не принял в казну ни строения дворца Жунго, ни сад Роскошных зрелищ. А поскольку жить в саду теперь было некому, его постоянно держали закрытым. Правда, там до сих пор оставались госпожа Ю и Сичунь, и, чтобы им не было страшно, Цзя Чжэн велел Бао Юну присматривать за садом, а заодно и переселиться туда. Цзя Чжэн теперь занимался хозяйственными делами и, следуя строгому приказанию матушки Цзя, старался на всем экономить, но сводить концы с концами все равно не удавалось.

К счастью, Фэнцзе поправилась, и матушка Цзя, к великому неудовольствию госпожи Ван и других, снова поручила ей заботы по дому. Но теперь это оказалось не так просто: имущество конфисковали, денег не было, прислуги поубавилось, а в доме привыкли жить на широкую ногу. Всем угодить Фэнцзе, разумеется, не могла, и это вызывало порой недовольство. Однако Фэнцзе не смела отказываться от поручений и из кожи вон лезла, лишь бы услужить матушке Цзя.

Цзя Шэ и Цзя Чжэнь уже добрались до места, деньги на расходы у них пока были, и никаких лишений они не испытывали. Вскоре пришли от них письма. Они писали, что все благополучно, и просили родственников не беспокоиться. У матушки Цзя отлегло от сердца, госпожи Син и Ю тоже вздохнули с облегчением.

Однажды навестить матушку Цзя приехала Ши Сяньюнь. Она рассказала, что живет ей хорошо, и просила бабушку не тревожиться. Само собой, зашла речь о Дайюй, и никто не мог удержаться от слез. А тут еще матушка Цзя вспомнила, как страдает Инчунь, и совсем расстроилась.

Сяньюнь, как могла, ее утешила, потом навестила своих родственниц и возвратилась немного отдохнуть.

Зашел разговор о семье Сюэ, о том, что Сюэ Пань довел ее до

разорения; смертная казнь пока отложена, но неизвестно, что ждет его в будущем году.

– Ты ведь еще не все знаешь! – воскликнула матушка Цзя. – Недавно загадочным образом умерла жена Сюэ Паня, из-за этого тоже мог разыгаться скандал. Счастье, что великий Будда проявил милосердие и заставил служанку жены Сюэ Паня рассказать правду о проделках ее госпожи. Иначе старуха Ся стала бы требовать расследования этого дела. Тетушке Сюэ сейчас всячески помогает Сюэ Кэ. Очень честный, порядочный человек! Он заявил, что не женится до тех пор, пока его брат не выйдет на волю! Твоя сестрица Син Сюянь живет у старшей госпожи Син, и, надо признаться, туго ей приходится. Барышня Баоцинъ еще не переехала в семью Мэй, там сейчас траур по случаю смерти ее свекра. Поистине несчастная судьба у всех наших родственников. О семье Сюэ я тебе рассказала. А у моей невестки Ван недавно умер брат Ван Цзытэн; старший брат Фэнцзе оказался непутевым, ее второй дядя – недалеким: нажил себе неприятности из-за казенных денег и сейчас живет в бедности; от семьи Чжэнь, после того как у них конфисковали имущество, никаких вестей нет.

– А третья сестра Таньчунъ пишет вам? – вдруг спросила Сяньюнь.

– Нет, – ответила матушка Цзя, – но отец говорил, что у Таньчунъ все хорошо. И все же ее молчание меня беспокоит. У нас неприятность за неприятностью, только сейчас вспомнила, что четвертая барышня Сичунъ до сих пор не просватана! А кто позаботится о Цзя Хуане? Жить нам сейчас тяжелее, чем прежде, когда ты у нас бывала. В замужестве твоя сестра Баочай не знала ни одного светлого дня! Да и как могло быть иначе? Ведь твой второй двоюродный брат Баоюй помешался!

– Я здесь выросла и знаю по характеру всех сестриц, – сказала Сяньюнь. – Но сейчас у вас все изменилось. Появись я здесь немного позднее, меня встретили бы словно чужую. Как это неприятно! Поглядела я на своих подружек и вижу, что они охотно побаловались бы со мной, пошутили, как в прежние времена, но стоит об этом завести разговор, как они сразу грустнеют. Я даже расстроилась и поспешила вернуться к вам.

– Мне теперь все равно – мои дни сочтены, – промолвила матушка Цзя, – молодых жалко! Так хотелось бы дать им повеселиться денек, только не знаю, как это сделать.

– А я знаю! – вскричала Сяньюнь. – Разве вы забыли, что послезавтра день рождения сестры Баочай? Вот вам и повод повеселиться. И мне это на руку, лишний денек у вас поживу и лично поздравлю сестрицу! Что вы на это скажете, бабушка?

– Ох, я совсем поглупела! – воскликнула матушка Цзя. – Мне бы это и в голову не пришло! Неужто послезавтра день рождения Баочай? Непременно дам деньги, чтобы устроили празднество! Ведь она несколько раз приглашала нас, еще когда не была замужем, а мы после свадьбы ее ни разу не угостили. Баоюй так любил прежде повеселиться, а сейчас, после всех этих несчастий, стал странным, рассеянным, слова от него не добьешься. Одна Ли Вань, как всегда, не сетует на судьбу, спокойно живет со своим сыном Цзя Ланем. Редко встретишь такую женщину!

– Зато Фэнцзе изменилась до неузнаваемости! – заметила Сяньюнь. – Даже острить перестала. Надо завтра же к ней сходить, посмотреть, как они там живут. Боюсь только, что они на меня в обиде, небось говорят, что, как только я вышла...

Сяньюнь умолкла и покраснела.

– А ты не бойся! – проговорила матушка Цзя, понимая, что смутило девушку. – Ведь вы – сестры, привыкли шутить и веселиться вместе. Стоит ли обращать внимание на всякие мелочи? Каждый, конечно, стремится к богатству, но надо научиться терпеть и бедность. Твоя сестра Баочай жила в довольстве, но никогда не была надменной, заносчивой; потому и теперь весела и спокойна, даже когда семья разорилась. Баоюй ей грубит, а она хоть бы рассердилась! Уверена, этой девочке самой судьбой даровано счастье! Твоя сестрица Дайюй всегда была слишком мнительной – вот и умерла рано! Что же до Фэнцзе, то ей немало пришлось пережить, потому она и изменилась. А день рождения Баочай мы непременно устроим! Повеселимся как следует! Порадуем девочку.

– Вы правы, бабушка! – проговорила Сяньюнь. – Пригласим сестер.

– Разумеется, – ответила матушка Цзя, позвала Юаньян и приказала: – Возьми сто лянов серебра из моих денег, и пусть устроят угощение на два дня.

Юаньян отдала деньги служанкам и распорядилась, чтобы все было устроено, как велела матушка Цзя.

Ночью не произошло ничего, достойного упоминания.

На следующий день послали за Инчунь. Пригласили также тетю Сюэ и Баоцинь вместе с Сянлин. Позвали и тетю Ли, которая не замедлила приехать. Ее сопровождали Ли Вэнь и Ли Ци.

Баочай не знала, что собираются устраивать день ее рождения, и для нее было неожиданностью, когда пришли девочки-служанки матушки Цзя и сказали:

– Молодая госпожа, просим вас! Ваша матушка приехала.

Баочай так обрадовалась, что, даже не переодевшись, последовала за

служанками. Ей не терпелось повидаться с матерью. У матушки Цзя Баочай увидела Сянлин, Баоцин, тетушку Ли и прочих и подумала, что они явились поздравить матушку Цзя с благополучным исходом после всех неприятностей.

Баочай справилась о здоровье тетушки Ли, поклонилась матушке Цзя, поговорила с матерью, а затем поздоровалась с Ли Вэнь и Ли Ци.

Сяньюнь, наконец, не выдержала и воскликнула:

– Госпожи, садитесь, пожалуйста, и позвольте нам поздравить нашу сестру с днем рождения!

Баочай сначала не сообразила, в чем дело, но потом вспомнила, что завтра день ее рождения, и сказала:

– Если вы приехали навестить бабушку, то это в порядке вещей, а если поздравить меня, то, право же, мне неловко!

Тут в комнату вошел Баоюй справиться о здоровье тетушки Сюэ и тетушки Ли. Услышав последние слова Баочай, он догадался, что решено отметить день ее рождения, и очень обрадовался. Он и сам об этом мечтал, но не смел заикнуться, последнее время все в доме ходили такие грустные! И сейчас, увидев Сяньюнь, приехавшую поздравить Баочай, он, очень довольный, произнес:

– Я как раз собирался напомнить об этом бабушке!

– Бабушка только и ждала твоих напоминаний! – рассмеялась Сяньюнь. – Как ты думаешь, почему все приехали? Потому что бабушка пригласила!

Баочай еще не верилось, что это ради нее все собрались, но тут матушка Цзя обратилась к ее матери:

– Баочай целый год замужем, но за это время довелось испытать столько горя, что я совсем забыла о дне ее рождения. К счастью, мне напомнили. По этому случаю я и решила вас всех пригласить!

– Почтенная госпожа, вы еще не совсем успокоились после пережитого, а так заботитесь о моей девочке! Ведь она даже не успела выказать вам свою дочернюю почтительность! – заметила растроганная тетушка Сюэ.

– Если бабушка больше всех любит моего второго брата Баоюя, как же ей не любить его жену? – возразила Сяньюнь. – К тому же сестра Баочай вполне заслуживает, чтобы бабушка устроила угощение по случаю дня ее рождения.

Баочай, опустив голову, молчала.

«Мне казалось, – подумал Баоюй, – что сестрица Сяньюнь, выйдя замуж, забудет нас. А теперь вижу, что она ничуть не изменилась. Почему

же другие сестры после замужества становятся надменными и даже разговаривать не хотят?»

В это время вошла девочка-служанка и доложила:

– Пожаловали госпожи!

В комнату вошли Ли Вань и Фэнцзе, поздоровались со всеми. Инчунь, вспомнив об отце, сказала:

– Мне так хотелось проститься с ним, но муж не разрешил, опасаясь, как бы несчастья отца не коснулись и его. Я не осмелилась перечить и не приехала, а потом несколько дней плакала.

– Как же он сегодня отпустил тебя? – спросила Фэнцзе.

– Сказал, что, раз мой второй дядя получил наследственную должность, можно съездить, – ответила Инчунь, заплакав.

– С ума сойдешь от тоски, – промолвила матушка Цзя. – Надеюсь повеселиться хоть немножко, а вы своими разговорами только расстраиваете меня!

Все сразу замолчали.

Фэнцзе попробовала было пошутить, но заслужила лишь насмешки – ничего у нее не получилось. Однако матушка Цзя продолжала вызывать ее на остроты, желая развеселить Баочай. И Фэнцзе изо всех сил старалась угодить старой госпоже.

– Бабушка нынче веселая! Сколько времени мы не могли собраться, а сейчас все в сборе! – сказала Фэнцзе, но тут же осеклась. Ее свекрови и госпожи Ю здесь не было.

Слова «все в сборе» напомнили матушке Цзя о госпоже Син и других, и она велела их пригласить.

Госпожи Син и Ю, а также Сичунь не посмели отказаться, но пришли неохотно, полагая, что матушка Цзя нарочно решила показать свое расположение к Баочай и вздумала праздновать день ее рождения в то время, как они живут без своих семей и вынуждены терпеть горе и страдания.

На вопрос матушки Цзя, где Син Сюянь, госпожа Син ответила, что девушке нездоровится, хотя это была неправда. Матушка Цзя догадалась, что Сюянь вовсе не больна, а просто ей неловко встречаться со своей будущей свекровью – тетушкой Сюэ, и поспешила переменить тему разговора.

Подали фрукты и вино.

– Никаких угощений мы никому посылать не будем, – заявила матушка Цзя. – Кто здесь, тот и повеселится!

Баоюй, хоть и был женат, пользуясь расположением матушки Цзя, по-

прежнему проводил время в женских покоях. Теперь он сидел рядом с бабушкой и по очереди с Баочай угощал старших вином.

– Давайте сядем все вместе и выпьем, – распорядилась матушка Цзя. – А церемонии отложим на вечер, чтобы хоть сейчас чувствовать себя свободно.

Баочай послушно заняла свое место.

– Пусть каждая оставит по одной или по две служанки для услуг, – предложила матушка Цзя. – А Юаньян ответит Цайюнь, Инъэр, Сижэнь и Пинъэр во внутреннюю комнату и угостит вином.

– Разве можем мы пить, не поздравив вторую госпожу Баочай? – возразила Юаньян.

– Раз я сказала, идите, – велела матушка Цзя. – Когда нужно будет, вернетесь!

Юаньян увела девушек, после чего матушка Цзя предложила выпить вина. Заметив, что всем как-то не по себе, не то что в былые времена, матушка Цзя взволнованно воскликнула:

– Да что это с вами?! Давайте же веселиться!

– Мы едим, пьем, чего же еще? – за всех ответила Сяньюнь.

– Детьми они чувствовали себя свободнее, – вмешалась Фэнцзе, – а сейчас смущаются, боятся сказать лишнее, вот вам и кажется, бабушка, что они чувствуют себя стесненно.

– И говорить не о чем, – шепнул Баоюй матушке Цзя, – все время одни неприятности. Хорошо бы сыграть в застольный приказ!

– В таком случае придется позвать Юаньян, – отозвалась матушка Цзя. Баоюй мигом вскочил и побежал во внутреннюю комнату.

– Сестра! Госпожа хочет играть в застольный приказ и велела позвать тебя, – сказал он Юаньян.

– Второй господин, дайте спокойно выпить вина, – проворчала Юаньян. – Зачем вы пришли? Почему нас тревожите?

– Я не шучу, старая госпожа в самом деле тебя зовет, – отвечал Баоюй. – При чем здесь я?

– Ну ладно! Сейчас приду, – промолвила Юаньян и вскоре появилась в комнате.

– Пришла? – обратилась к ней матушка Цзя. – Мы хотим поиграть в застольный приказ.

– Второй господин передал, что вы меня звали, – проговорила Юаньян. – На какую тему вы хотели бы устроить игру?

– На литературную скучно, пожалуй, на военную тоже, – произнесла матушка Цзя. – Придумай что-нибудь поинтересней!

– Тетушка Сюэ в свои годы не захочет напрягать ум, так что лучше принести игральные кости и пластинки с названиями арий из пьес, – немного подумав, предложила Юаньян. – Каждый будет бросать кости и в соответствии с очками отгадывать пьесы по номерам пластинок. Кто проиграет, пьет вино!

– Неплохо, – одобрила матушка Цзя и приказала подать поднос и игральные кости.

– Будем бросать по четыре кости, – продолжала Юаньян. – Если число очков не совпадет с номером пластинки, на которой написано название известной арии или пьесы, бросавший кости выпивает кубок вина; если же совпадает, кости надо бросить еще раз, сколько будет очков, столько кубков осушит каждый из сидящих за столом.

– Это легко, мы согласны, – отвечали все.

Юаньян бросила кости, но неудачно. Ее заставили выпить кубок, а затем отсчитали по числу выпавших очков, кто следующий бросает кости – оказалось, тетушка Сюэ.

Тетушка Сюэ бросила кости, и на каждой из четырех оказалось по одному очку.

– Четырем очкам соответствует знаменитая пьеса, – объявила Юаньян, – под названием «Четыре седовласых старца с гор Шаншань»^[71]. Все пожилые пьют по одному кубку вина.

Таким образом, приходилось пить матушке Цзя, тетушке Ли, господам Син и Ван.

Матушка Цзя первая подняла кубок и собиралась его осушить, но Юаньян ее остановила:

– Поскольку кости метала тетушка, она сама должна назвать арию, соответствующую числу очков, а сидящий рядом процитирует строку из «Собрания стихов тысячи поэтов». Не выполнивший приказа тоже будет пить кубок.

– Опять строите против меня козни, – вскричала тетушка Сюэ. – Да разве могу я назвать какую-нибудь арию?

– Если все станут отказываться, будет скучно, – возразила матушка Цзя, – лучше скажите что-нибудь! Ведь рядом с вами сижу я, и, если не процитирую строку из стихотворения, мне с вами вместе придется пить.

– Хорошо, – согласилась тетушка Сюэ и произнесла: – «Приблизилась старость – в цветущие заросли скроюсь».

– «Может быть, скажут: минуту урвав, я молодым подражаю», – ответила матушка Цзя, кивнув головой.

Затем поднос с костями перешел к Ли Вэнь. Она бросила кости:

выпали две четверки и две двойки.

– Этому числу очков тоже соответствует известная ария, – объявила Юаньян. – И называется она «Лю и Юань уходят к вершинам Тяньтай»^[72].

– «В источнике Персиков оба они оказались», – тотчас же произнесла Ли Вэнь.

– «К источнику Персиков кто доберется, укрыться сумеет от Цинь»^[73], – проговорила сидевшая рядом с ней Ли Вань.

Все отпили по глотку вина. Затем поднос с костями поставили перед матушкой Цзя. Она бросила кости – выпали две двойки и две тройки.

– Мне пить? – спросила она.

– Нет, число очков соответствует известной арии «Речная ласточка ведет за собою птенцов», – заметила Юаньян. – Все должны выпить по кубку вина.

– А птенцы-то многие улетели, – заметила Фэнцзе. Все уставились на нее, и она тотчас умолкла.

– Что бы мне такое сказать? – задумалась матушка Цзя. – Ну, ладно! «Дед ведет за собою внука».

– «Беспечно смотрю, как ребенок играет, как ловит он ивовый пух», – тотчас добавила сидящая рядом с нею Ли Ци.

Все выразили одобрение.

Баюю не терпелось принять участие в игре, однако его очередь не наступила. Но только он погрузился в задумчивость, как поднос оказался перед ним. Он бросил кости, выпали одна двойка, две тройки и единица.

– Что бы это могло значить? – спросил он.

– Что ты сел в лужу! – засмеялась Юаньян. – Придется тебе выпить кубок, а потом снова бросать!

Баюй выпил и бросил кости. Теперь выпали две тройки и две четверки.

– Этому соответствует ария «Чжан Чан^[74] подкрашивает брови», – произнесла Юаньян.

Баюй понял, что над ним шутят. Лицо Баочай залилось краской, а Фэнцзе, не сообразив, в чем дело, сказала:

– Что ж, второй братец, говори скорее, не задерживай следующего!

Но Баюй не смог ничего сказать и произнес лишь:

– Штрафуйте меня!

Поднос передали Ли Вань, и та бросила кости.

– Этому числу очков соответствует ария «Двенадцать шпилек золотых», – объявила Юаньян.

Баоюй придвинулся к Ли Вань и, увидев на костях расположенные парами красные и зеленые точки, воскликнул:

– Как красиво!

Тут он вспомнил свой сон о «двенадцати шпильках», отодвинулся от Ли Вань и погрузился в задумчивость.

«Мне говорили, – размышлял он, – что все „двенадцать шпилек“ из Цзиньлина, – почему же у нас дома их осталось так мало?»

Он обвел взглядом сидящих за столом. Сяньюнь и Баочай были здесь, не хватало только Дайюй. Сердце Баоюя сжалось от боли, он с трудом сдержал слезы, и, не желая выказывать слабости, заявил, что ему жарко, сбросил халат, и, положив на свое место бирку^[75], вышел из-за стола.

Сяньюнь первая заметила, что Баоюй расстроен, но подумала, что это он из-за того, может быть, что неудачно метнул кости или же сама игра показалась ему неинтересной, и потому он решил уйти.

– Я тоже ничего не могу сказать, – заявила Ли Вань. – К тому же за столом кое-кого нет, так что лучше оштрафуйте меня!

– Раз всем скучно, – сказала матушка Цзя, – не будем больше играть. Пусть только Юаньян метнет кости, посмотрим, что ей выпадет!

Девочка-служанка поставила перед Юаньян поднос. Юаньян взяла кости, метнула. Три кости сразу же легли, показав две двойки и одну пятерку, а четвертая – все еще вертелась на подносе.

– Только бы не пятерка! – вскричала Юаньян.

Но в это мгновение кость остановилась, обращенная пятеркой кверху.

– Плохо дело! – воскликнула Юаньян. – Проиграла!

– Разве этому числу очков не соответствует никакая ария? – спросила матушка Цзя.

– Соответствует, только назвать ее я не могу, – ответила Юаньян.

– Тогда скажи, как называются комбинации выпавших очков, – попросила матушка Цзя, – а я попробую назвать арию.

– «Волны уносят плывущую ряску», – произнесла Юаньян.

– Ну, это проще простого! – воскликнула матушка Цзя, – На это надо ответить: «Под лилии корни скрываются осенью рыбы».

Сяньюнь, сидевшая рядом с Юаньян, подхватила:

– «О ряске седой я стихи напеваю в осенние дни под Чуцзяном».

– Фраза вполне подходящая, – отозвались все.

– На этом кончаем игру! Выпьем еще по два кубка, а потом за еду примемся! – сказала матушка Цзя и, заметив, что Баоюй так и не вернулся, спросила: – Куда ушел Баоюй?

– Он переодевается, – ответила Юаньян.

– Кто с ним пошел?

– Я велела Сижэнь его проводить, – почтительно доложила Инъэр, приближаясь к матушке Цзя.

Матушка Цзя и госпожа Ван успокоились. Однако через некоторое время госпожа Ван послала служанок за сыном. Одна из девочек-служанок, войдя в дом, где жил Баоюй, увидела, что Уэр зажигает свечи, и спросила:

– Где второй господин Баоюй?

– Он пьет вино у старой госпожи, – ответила Уэр.

– А я как раз оттуда, – проговорила девочка. – Меня за ним послала госпожа Ван. Будь он там, мне не велели бы его искать!

– Ничего не знаю, – сказала Уэр, – ищи в другом месте! – Девочка вышла и, повстречав Цювэнь, спросила:

– Ты не видела второго господина Баоюя?

– Сама его ищу, – ответила Цювэнь. – Госпожи его ждут, стол накрыт, куда он мог деваться? Пойди к старой госпоже и скажи, что он выпил лишнего, почувствовал себя плохо и решил полежать. Передай, что он скоро придет и просит бабушку и мать есть без него!

Слова Уэр девочка-служанка передала Чжэньчжу, а та в свою очередь – матушке Цзя.

– Собственно говоря, он вообще ест немного, – заметила матушка Цзя. – Раз не хочет, пусть отдыхает. Скажите ему, что может больше не приходить, – жена его здесь, и ладно!

– Слышала, что сказала старая госпожа? – спросила Чжэньчжу девочку-служанку.

Та поддакнула, но поскольку не знала, где Баоюй, повертевшись во дворе, снова вошла в дом и сказала:

– Господину все передали, как было велено.

Покончив с едой, гости уселись где кому вздумается. О том, какие велись разговоры, мы рассказывать не будем.

А сейчас вернемся к Баоюю. Когда, опечаленный, он выходил из дома матушки Цзя, его догнала Сижэнь и спросила, что случилось.

– Ничего особенного, просто на душе как-то тревожно, – ответил Баоюй. – Пока все пьют и веселятся, давай пойдем туда, где живет супруга Цзя Чжэня, и погуляем немного!

– К кому же мы пойдем? – удивилась Сижэнь. – Ведь супруга господина Цзя Чжэня здесь.

– Мне никто не нужен, – ответил Баоюй. – Просто пройдемся, посмотрим дом, где она живет.

Когда они подходили к дому госпожи Ю, Баоюй заметил, что калитка, ведущая в сад, приоткрыта. В дом Баоюй не стал заходить, а направился к калитке, где увидел двух женщин-привратниц.

– Разве эта калитка не закрыта? – приблизившись к женщинам, спросил Баоюй.

– Закрыта, – отвечала одна из женщин. – Открыли только сегодня, велено приготовить фруктов для старой госпожи. Вот мы и ждем, пока их соберут. А потом запрем.

Баоюй хотел пройти в сад, но Сижэнь его удержала:

– В саду завелась нечистая сила, никто туда не ходит, боятся.

– А я не боюсь! – заявил Баоюй, выпитое вино придало ему смелости.

Тут подошли другие женщины.

– С тех пор как даосы изгнали нечистую силу, в саду спокойно, мы ходим туда даже в одиночку, рвем цветы, собираем фрукты. Можем проводить второго господина, если он хочет. Ведь нас много, так что бояться нечего!

Баоюй обрадовался, и Сижэнь ничего не оставалось, как последовать за ним.

В саду было пустынно. То и дело попадались увядшие цветы, засохшие деревья. Краска на беседках и павильонах облупилась. Только бамбуковая роща, видневшаяся вдали, оставалась красивой и пышной.

Баоюй по дороге размышлял: «С тех пор, как я поселился у бабушки, ни разу не был в саду. В какое же запустение он пришел за эти несколько месяцев!»

– Посмотри, как ярко зеленеет бамбук! – сказал он Сижэнь. – Это, кажется, у павильона Реки Сяосян?

– Ты уже успел позабыть, что где находится, – промолвила Сижэнь. – За разговором мы не заметили, как попали во двор Наслаждения пурпуром. А павильон Реки Сяосян вон там! – Она указала рукой в противоположном направлении.

– А ведь и в самом деле! – воскликнул Баоюй, оглядевшись. – Мы прошли мимо! Давай вернемся!

– Поздно уже. Пора возвращаться, старая госпожа ждет тебя ужинать.

Баоюй ничего не ответил, повернулся и зашагал вперед.

О читатель, неужели вы поверили, что за год Баоюй успел все забыть? Конечно же нет! Просто Сижэнь хотела его отвлечь, опасаясь, что один только вид павильона Реки Сяосян заставит его страдать. И когда Баоюй направился к павильону, Сижэнь, испугавшись, сказала, что он остался позади. Она и представить себе не могла, что все помыслы Баоюя были

сосредоточены на павильоне Реки Сяосян, что он всем сердцем стремился туда!

Баоюй так спешил, что Сижэнь едва поспевала за ним. Вдруг он остановился, прислушался.

– Ты что? – спросила Сижэнь.

– В павильоне кто-то живет? – спросил Баоюй.

– По-моему, никто!

– Но я отчетливо слышал доносившийся оттуда плач!

– Тебе померещилось. Ты часто слышал, как плачет барышня Линь Дайюй, и в ушах у тебя до сих пор стоит ее плач.

Баоюй снова прислушался.

– Второй господин, пора уходить, время позднее, – раздались голоса, это приближались служанки. – Вообще в саду мы бываем, но сюда ходить боимся, дорога темная, глухая. Говорят, после смерти барышни Линь Дайюй в павильоне часто слышится плач.

– Как же сестрице не плакать! – произнес Баоюй со слезами в голосе. – Сестрица, сестрица, я, сам того не желая, тебя погубил. Но не гневайся, на то была воля отца с матерью, я не мог им противиться!

Баоюя душили рыдания.

Сижэнь растерялась, но тут подросла Цювэнь с несколькими служанками.

– Ну и смельчаки! – произнесла она. – Как вы решились сюда прийти? Старая госпожа и госпожа волнуются, уже послали людей на поиски Баоюя. У калитки нам сказали, что вы со вторым господином отправились в сад, и когда об этом узнали старая госпожа и госпожа, они чуть с ума не сошли от страха, обругали меня, приказали взять людей и поспешить за вами вдогонку! Скорее возвращайтесь и успокойте их!

Баоюй не слышал ни слова из того, что ему говорили, он в голос плакал, и пришлось Сижэнь и Цювэнь подхватить его под руки и потащить к выходу. Вытирая Баоюю на ходу слезы, они уговаривали его не сердить матушку Цзя и вернуться. Баоюю ничего не оставалось, как следовать за ними.

Зная, как матушка Цзя беспокоится, Сижэнь отвела Баоюя прямо к ней, там все его ждали, не смея расходиться.

– Сижэнь! – вскричала матушка Цзя, – Ведь ты умница, и я отдала Баоюя на твое попечение! Зачем же ты повела его в сад? Ведь он едва оправился от болезни. А если опять на него найдет наваждение?!

Сижэнь молчала, опустив голову. Баочай была не на шутку встревожена видом Баоюя. Он же вступился за Сижэнь.

– Не беспокойтесь! – сказал Баоюй. – Я давно не был в саду, а сегодня выпил и захотел погулять. Ничего со мной не случилось.

Фэнцзе хорошо помнила, как напугалась недавно в саду, и волосы у нее встали дыбом.

– Какой же братец смелый! – только и могла она воскликнуть.

– Дело не в смелости, просто у него преданная душа! – проговорила Сяньюнь. – Не знаю только, кого он там искал – духа Лотоса или другого небожителя?

Баоюй промолчал. Госпожа Ван от волнения не могла произнести ни слова.

– А тебе не было страшно? – спросила матушка Цзя. – Впрочем, не стоит об этом говорить, только прошу тебя, если снова вздумаешь идти в сад, бери с собой побольше людей. А то видишь, какой поднялся переполох! Никто домой не ушел, все тебя дожидались... Ладно, идите спать, а завтра снова придете, – промолвила матушка Цзя. – Еще денек повеселимся! Но чтобы ничего подобного не было!

Все попрощались с матушкой Цзя и начали потихоньку расходиться. Тетюшка Сюэ пошла ночевать к госпоже Ван, Ши Сяньюнь осталась у матушки Цзя, Инчунь ушла к Сичунь. Что же до остальных, то они разошлись по разным покоям, и о них мы упоминать не будем.

Вернувшись к себе, Баоюй все время вздыхал. Баочай знала, чем он расстроен, но виду не подавала, опасаясь, как бы Баоюй снова не заболел. Она прошла во внутреннюю комнату, позвала Сижэнь и стала расспрашивать, как вел себя Баоюй в саду.

Если хотите знать, что ответила Сижэнь, прочтите следующую главу.

Глава сто девятая

*Ожидая явления благоуханной души, Уэр принимает незаслуженные
знаки благосклонности;*

*рассчитавшись с долгами в брэнном мире, Инчунь возвращается в мир
истинного начала*

Итак, Баочай позвала Сижэнь и стала расспрашивать о Баоюе. Опасаясь, как бы Баоюй снова не заболел, она нарочно завела разговор о последних минутах Дайюй.

– У каждого есть желания и чувства, но после смерти они исчезают, – говорила Баочай, – после смерти человек уже совсем не такой, каким был при жизни. К тому же барышня Линь вступила в сонм бессмертных; разве захочет она вновь явиться в наш мир, зная, что люди хуже тварей?! О ней много думают, тревожат ее душу, вот она и беспокоит людей.

Баочай говорила громко, чтобы слышал Баоюй.

Сижэнь это поняла и тоже громко ответила:

– Вы правы! Если бы дух барышни Линь Дайюй обитал в саду, он хоть раз явился бы нам во сне! Ведь мы с ней дружили.

Баоюй слышал их разговор и задумался: «И в самом деле странно! Ведь не проходит дня, чтобы я не вспомнил о ней. Почему же она ни разу мне не приснилась? Она, наверное, вознеслась на Небо и поняла, что я невежда и недостойн общаться с небожителями. Буду нынче спать в передней, может быть, она явится, – ведь я побывал в саду, и она должна понять мои чувства! Непременно спрошу, где она обитает, и буду приносить ей жертвы! А если опять не явится мне во сне, значит, считает, что я хуже твари. Придется тогда ее забыть!»

Решив так, Баоюй заявил:

– Я буду спать сегодня в передней, пусть мне никто не мешает.

Баочай согласилась, но при этом сказала:

– Только выбрось из головы всякие глупости. Видел, как матушка твоя волновалась? Дара речи лишилась, когда узнала, что ты ходил в сад! Ты совершенно не бережешь свое здоровье, а бабушка нас винит, будто мы плохо о тебе заботимся!

– Зачем так говорить! – отозвался Баоюй. – Ладно, ты устала, иди спать! А я посижу немного и приду!

Баочай поверила и нарочно сказала:

– Я ложусь спать, пусть тебе прислуживает барышня Сижэнь!

Дождавшись, когда Баочай улеглась, он приказал Сижэнь и Шэюэ постелить ему и посмотреть, уснула ли жена. Баочай притворилась спящей.

Тогда Баоюй сказал Сижэнь:

– И ты иди спать, я больше не буду расстраиваться. Помоги только лечь и не тревожь меня.

Сижэнь помогла ему лечь, поставила рядом с постелью чай и ушла во внутреннюю комнату, притворив дверь. Там она долго возилась, будто собираясь ложиться, а сама чутко прислушивалась к тому, что делает Баоюй, чтобы, если понадобится, выйти к нему.

Как только Сижэнь ушла, Баоюй попросил удалиться двух служанок, которых оставили бодрствовать возле него, сел на постели, помолился и лег.

Он долго не спал, но в конце концов сон сморил его. Проснулся он на рассвете и, протирая глаза, с грустью подумал, что так и не увидел Дайюй во сне.

– Поистине, – со вздохом проговорил он, —

Долго тянется год в разлуке,
Ты ушла, а я все живу,
И ни разу твоя душа
Не являлась ко мне во сне.

Баочай всю ночь не сомкнула глаз и, услышав, что сказал Баоюй, не удержалась, чтобы не заметить:

– До чего же ты неосторожен в выборе выражений. Будь жива сестрица Линь, непременно рассердилась бы на тебя!

Баоюй стало неловко, он пошел к жене и стал оправдываться:

– Я хотел к тебе прийти, но не заметил, как уснул.

– А мне все равно, – пожала плечами Баочай.

Сижэнь тоже всю ночь не спала и теперь, услышав, что молодые разговаривают, поспешила налить им чаю.

Вскоре пришла служанка от матушки Цзя.

– Как спал второй господин Баоюй? – осведомилась она и сказала: – Старая госпожа просит его жену поскорее одеться и прийти к ней.

– Передай старой госпоже, что Баоюй спал спокойно, а жена его сейчас придет, – ответила Сижэнь.

После ухода служанки Баочай поспешно привела себя в порядок и в сопровождении Инъэр и Сижэнь отправилась к матушке Цзя. Совершив приветственную церемонию, она навестила старших, начиная от госпожи Ван и кончая Фэнцзе, а затем возвратилась к матушке Цзя, где застала свою мать. Баочай стали расспрашивать, как вел себя Баоюй накануне вечером.

– Очень спокойно, – отвечала Баочай. – Как только мы вернулись, сразу лег спать.

Все успокоились и стали болтать о том о сем.

– Вторая молодая госпожа Инчунь собирается уезжать, – доложила девочка-служанка. – Я слышала, от господина Суня приехал какой-то человек, он прошел прямо к старшей госпоже Син, о чем-то с нею поговорил, и она тотчас послала передать четвертой барышне Сичунь, чтобы та не задерживала вторую молодую госпожу Инчунь. Сейчас вторая молодая госпожа Инчунь у старшей госпожи Син. Она плачет. Скоро придет с вами прощаться.

Матушке Цзя стало не по себе, и она сказала:

– Инчунь хорошая девочка, почему же судьба послала ей такого мужа! Ведь теперь ей всю жизнь придется страдать!

В это время как раз вошла Инчунь. Лицо ее было заплакано, но, не желая омрачать день рождения Баочай, она не дала на людях воли слезам, попрощалась и собралась уходить.

Понимая, как тяжело у Инчунь на душе, матушка Цзя не стала ни удерживать ее, ни выражать сочувствие, лишь сказала:

– Поезжай! И не нужно так убиваться! Раз уж попался тебе такой муж, придется терпеть! Через несколько дней я пришлю за тобой!

– Вы всегда любили меня, бабушка, – отвечала Инчунь, – и я так вам благодарна за это! Но – увы! – приехать мне больше к вам не удастся!

Тут она не выдержала, и из глаз покатились слезы.

– Ты еще приедешь! – утешали ее. – Ведь от тебя до нас совсем близко, не то что до третьей сестры Таньчунь. Если бы она и захотела, то все равно не смогла бы приехать. Уж очень далекий путь!

Вспомнив о Таньчунь, матушка Цзя, а за нею и остальные невольно взгрустнули.

– Впрочем, и в этом нет ничего невозможного, – произнесла матушка Цзя, подумав о том, что нехорошо грустить в такой радостный день. – Если в приморских провинциях все будет спокойно, мужа Таньчунь могут перевести в столицу, и мы увидимся!

– Так, пожалуй, и будет, – поддакнули остальные.

Проводив Инчунь, все возвратились к матушке Цзя, где веселились до позднего вечера, пока матушка Цзя не устала.

От матушки Цзя тетушка Сюэ пришла к Баочай.

– В этом году твоего брата не казнят, – сказала она дочери. – Теперь нужно ждать великого помилования, и тогда он сможет откупиться от наказания. Но сколько времени еще пройдет? И как мне жить одной? Хорошо бы Сюэ Кэ женился. Что ты об этом думаешь?

– Мама, вы напуганы неудачной женитьбой старшего брата и теперь боитесь женить Сюэ Кэ, – заметила Баочай. – По-моему, не следует тянуть с женитьбой. Ведь вы знаете барышню Син Сюянь и понимаете, как тяжело ей живется. Мы хоть и бедны, но в нашем доме ей будет легче, хотя бы потому, что у нее появится семья.

– Как только представится случай, намекни об этом старой госпоже, – проговорила тетушка Сюэ. – Скажи, что у нас в доме никого не осталось, пусть выберет счастливый день и отправит барышню к нам.

– Вы, мама, лучше посоветовались бы сперва с братом и сами выбрали счастливый день, – промолвила Баочай, – а потом можно поговорить со старой госпожой и со старшей госпожой Син. Я знаю, госпожа Син никак не дождется, когда наконец Сюянь выйдет замуж.

– Говорят, барышня Ши Сяньюнь уже собралась уезжать, – сказала тетушка Сюэ, – но старая госпожа решила оставить ее еще на несколько дней. Так что пользуйся случаем и проводи с ней оставшееся время!

– Вы правы, – заметила Баочай.

Тетушка Сюэ еще немного посидела, потом распрощалась и уехала домой.

А сейчас расскажем о Баоюе. Размышляя о том, почему Дайной не явилась ему во сне, он решил, что она стала небожительницей и не желает с ним встречаться, а может быть, он просто слишком нетерпелив?

Составив план действий, Баоюй сказал Баочай:

– Вчера я случайно уснул в передней и, когда нынче утром проснулся, почувствовал себя свежим и бодрым. Я охотно поспал бы там еще ночь-другую, не знаю только, позволишь ли ты мне?

Баочай больше не сомневалась, что стихи, которые он накануне прочел, относятся к Дайной, и решила, что его все равно не отговорить. Поэтому решила позволить ему проспать две ночи в передней, тем более что прошлую ночь он спал совершенно спокойно.

– Делай как знаешь, – произнесла Баочай. – С какой стати я стану тебе мешать? Только не думай о всяких глупостях, не то опять найдет

наваждение.

– А знаешь, о чем я буду думать? – засмеялся Баоюй.

– По-моему, второй господин, вам лучше было бы лечь в спальне, – вмешалась Сижэнь. – В передней за вами не углядишь, можете простудиться!

Не успел Баоюй ответить, как Баочай бросила на Сижэнь выразительный взгляд, та поняла и после некоторой паузы сказала:

– Можешь спать где угодно, только пусть кто-нибудь будет рядом на случай, если тебе захочется чаю или воды.

– Вот ты и побудь со мной, – с улыбкой проговорил Баоюй.

Сижэнь стало неловко, она покраснела и не произнесла в ответ ни слова.

Зная скромность Сижэнь, Баочай решила ее выручить и сказала:

– Сижэнь привыкла ко мне, и я велела ей неотлучно быть в моей комнате. Позови, если хочешь, Уэр или Шэюэ! К тому же Сижэнь сегодня устала, пусть отдохнет!

Баоюй улыбнулся и вышел. Баочай велела передать Шэюэ и Уэр, чтобы постелили Баоюю в передней, и предупредила:

– Если он проснется, попросит чаю или воды, пусть будут внимательны!

Придя к Баоюю, служанки увидели, что он сидит на постели, закрыв глаза, со сложенными как у монаха руками.

Служанки уставились на него и тихонько посмеивались.

В это время вошла Сижэнь. Увидев, в какой позе сидит Баоюй, она тоже было усмехнулась, но сдержалась и промолвила:

– Ведь ты сказал, что собираешься спать! А сам почему-то сидишь!

– Посижу немного и лягу! – ответил Баоюй.

– Из-за тебя вторая госпожа всю ночь глаз не сомкнула, – с укором сказала Сижэнь. – А если это опять повторится?

Зная, что, пока он не уснет, спать никто не ляжет, Баоюй стал раздеваться. Сижэнь сделала несколько наставлений Шэюэ и ушла во внутреннюю комнату.

Шэюэ и Уэр между тем постелили Баоюю и, когда он улегся, тоже легли спать.

Как ни старался Баоюй, уснуть не мог. Его одолели воспоминания. На память пришел случай с Цинвэнь, когда она хотела напугать Шэюэ, выбежала из дому раздетая, простудилась и заболела, а потом умерла. Фэнцзе сказала, что Уэр – это копия Цинвэнь, и мысли Баоюя переключились на Уэр. Притворившись спящим, он стал украдкой

наблюдать за девушкой, и Уэр все больше напоминала ему покойную Цинвэнь. Глубокая печаль охватила юношу. Во внутренней комнате было тихо. Надеясь, что Шэюэ уже уснула, Баоюй нарочно дважды ее окликнул. Та не отзывалась.

– Что вам угодно, второй господин? – спросила Уэр.

– Прополоскать рот, – ответил Баоюй.

Уэр встала, сняла нагар со свечи, налила чашку чая и подала Баоюю полоскательницу. Она очень торопилась и не успела привести себя в порядок: на ней была персикового цвета кофточка, волосы распущены. Баоюю на мгновение показалось, что к нему приближается Цинвэнь, и он вспомнил ее слова: «Знай я раньше, я бы...»

Позабыв о чае, Баоюй задумчиво глядел на девушку.

Надо сказать, что вначале у Уэр не было ни малейшего желания занять место Фангуань, но когда Фэнцзе все же решила определить ее служанкой к Баоюю, девушке не терпелось поскорее туда попасть. С первых же дней Уэр прониклась уважением к Баочай и Сижэнь за их скромность. Она заметила, что Баоюй очень изменился, стал каким-то странным, к тому же слышала, что госпожа Ван выгнала всех служанок, которые осмеливались заигрывать с Баоюем. Все это заставило Уэр призадуматься и отбросить в сторону детские мечты. И вот сейчас господин принял ее за Цинвэнь и оказывает ей знаки внимания и расположения!

Уэр была смущена, щеки ее залились румянцем, и она шепотом, чтобы никто не слышал, произнесла:

– Полощите рот, второй господин!

Баоюй взял у нее чашку, засмеялся и вдруг спросил:

– Вы дружны были с сестрой Цинвэнь?

– Все мы служанки, – отозвалась ничего не подозревавшая Уэр, – почему нам не дружить?

– Не ты ли приходила к Цинвэнь, когда я был у нее во время ее болезни? – снова спросил Баоюй.

Уэр еле заметно кивнула и улыбнулась.

– А ты слышала, что она тогда сказала? – продолжал Баоюй.

Уэр покачала головой.

– Нет.

Не в силах справиться с волнением, Баоюй схватил Уэр за руку. Девушка еще больше покраснела, сердце ее учащенно забилося.

– Второй господин! – тихо сказала она. – Если хотите что-либо сказать, говорите, только отпустите меня!

– Она сказала, – отпуская руку девушки, произнес Баоюй, – «Знай я

раньше, я бы...» Неужели ты не слышала?

Уэр поняла, на что намекает Баоюй, но виду не подала, только сказала:

– Она была бесстыжая. Разве можно девушке такое говорить?

– И ты проповедница морали! – вскричал Баоюй. – Я рассказал тебе об этом лишь потому, что вы с Цинвэнь очень похожи, а ты воспользовалась моей откровенностью и очернила память ни в чем не повинной девушки.

Уэр не понимала состояния души Баоюя, поэтому сказала:

– Второй господин, уже поздно, ложитесь скорее, не то простудитесь! Разве вы забыли, что наказали вам ваша супруга и сестра Сижэнь!

– Мне не холодно, – заявил Баоюй, но тут заметил, что Уэр без халата, и, боясь, как бы она сама не простудилась, подобно Цинвэнь, спросил: – Ты почему не в халате?

– Не успела надеть. Вы позвали меня, – ответила Уэр. – Знай я, что наш разговор окажется таким длинным, непременно надела бы!

Баоюй схватил стеганный халат на белом шелку, которым был укрыт, и протянул девушке.

– Не нужно, господин, я не замерзла! – произнесла Уэр, не решаясь принять халат. – А станет холодно, могу надеть свой.

Она взяла со своей постели халат и накинула на плечи. Потом бросила взгляд на Шэюэ и, убедившись, что та крепко спит, спросила у Баоюя:

– Не собираетесь ли вы бодрствовать всю ночь, второй господин?

– Скажу по правде: разве мне можно бодрствовать? Я ведь хочу встретиться с небожительницей.

– С какой небожительницей? – удивилась Уэр.

– Это длинная история, – ответил Баоюй. – Сядь, я тебе расскажу!

– Как я могу сесть, если вы лежите? – смущенно улыбнулась Уэр.

– А что тут такого? – возразил Баоюй. – Помню, однажды Цинвэнь играла с Шэюэ и озябла, так я взял ее к себе под одеяло. Зачем упрямиться и напускать на себя строгий вид?!

Уэр думала, что Баоюй шутит, ей и в голову не приходило, что он говорит серьезно. Она была не прочь уйти, но не осмеливалась, а сестра рядом с Баоюем сочла неудобным.

– Не болтайте глупостей, – сказала Уэр, прикрыв рот рукой, чтобы скрыть улыбку. – Вдруг кто-нибудь услышит. Неподаром про вас болтают, что очень уж вы любите девочек! А вашей женой и Сижэнь, поистине небожительницами, пренебрегаете. Только и думаете, как бы с кем-нибудь повозиться! Вот расскажу вашей жене, что вы мне говорили!

В это мгновение послышался шум, и оба испуганно вздрогнули. Из внутренней комнаты донесся кашель Баочай. Баоюй сразу умолк, а Уэр

погасила лампу и нырнула в постель.

Дело в том, что бессонная ночь, проведенная накануне, сильно утомила Баочай и Сижэнь, вдобавок им немало пришлось потрудиться днем, поэтому они спали сейчас как убитые и не слышали разговора Баоюя с Уэр. Однако шум во дворе разбудил их, и они стали прислушиваться, но все стихло.

Баоюй терзался сомнениями: «Может быть, пришла сестрица Линь, услышала, что я разговариваю с Уэр, и решила нас напугать?..»

Он долго ворочался с боку на бок и забылся сном лишь ко времени пятой стражи.

Уэр между тем встревожилась: уж не слышала ли Баочай ее разговора с Баоюем, не заподозрила ли ее в коварстве? От волнения девушка всю ночь не могла сомкнуть глаз. Утром встала пораньше, пока Баоюй еще спал, потихоньку прибрала комнату.

– Ты что так рано? – удивленно спросила Шэюэ, только сейчас проснувшись. – Или вообще не ложилась?

Уэр ничего не ответила. Она решила, что Шэюэ слышала ночной разговор и ей хочется позлословить.

Вскоре проснулись Баочай и Сижэнь. Открыли дверь и, увидев, что Баоюй еще спит, удивились: почему две ночи кряду ему так хорошо спится в передней?

Наконец Баоюй проснулся, увидел, что все на ногах, сел на постели, протер глаза и тут вспомнил, что ночью ему опять ничего не приснилось. «Видно, у небожителей своя дорога, а у простых смертных – своя! – подумал он. – Уэр считает Баочай и Сижэнь небожительницами. Может быть, она и права?» Баоюй внимательно посмотрел на жену. Баочай стало не по себе под пристальным взглядом мужа, и она поняла, что его снова смутили воспоминания о Дайюй, но что Дайюй не явилась Баоюю во сне и это его беспокоит, такое ей и в голову не могло прийти. Поэтому она как ни в чем не бывало спросила:

– Ну что? Приснилась тебе небожительница?

– О чем это ты? – через силу улыбнулся Баоюй, полагая, что Баочай слышала его ночной разговор с Уэр.

Уэр тоже сконфузилась, но промолчала, ожидая, что будет дальше. Тут Баочай ее спросила:

– Не разговаривал ли второй господин во сне?

Баоюй выбежал из комнаты, а смущенная Уэр пробормотала:

– В первую половину ночи он что-то говорил, но я не разобрала, что

именно. Мне слышались только слова «создадут дурную славу», «постаралась бы оправдать ее», что-то в этом роде. Я стала говорить второму господину, что надо спать, и он в конце концов уснул. Я тоже уснула и ничего больше не слышала.

«Эти слова, конечно, относятся к Дайюй, – опустив голову, решила Баочай. – Если и дальше позволять ему спать в передней, на него, пожалуй, снова найдет наваждение. Ведь любовь к сестрам – старая болезнь Баоюя. Надо отвлечь его, не то не избежать новых неприятностей».

От этих мыслей Баочай вся вспыхнула и, чтобы никто не заметил, поспешила во внутреннюю комнату, будто бы для того, чтобы заняться туалетом.

А сейчас вернемся к матушке Цзя. Два дня она веселилась, много ела и наутро почувствовала себя не совсем хорошо – ныло под ложечкой.

Однако Цзя Чжэну матушка Цзя не велела ничего говорить.

– Я переела, – сказала она. – Не надо поднимать шума, – поголодаю, и все пройдет!

Вернувшись вечером домой и увидев Баочай, которая ходила справляться о здоровье матушки Цзя и госпожи Ван, Баоюй вспомнил о том, что произошло утром, и покраснел. Это не ускользнуло от Баочай, и, зная, что Баоюй – натура увлекающаяся, Баочай решила: пусть поступает как ему хочется.

– Ты и сегодня собираешься спать в передней? – спросила она.

– Мне все равно, – отвечал Баоюй.

Баочай хотела еще что-то сказать, но вдруг смутилась и потупилась.

– Пустой разговор! – вмешалась Сижэнь. – Не верю, чтобы второму господину в передней спалось спокойно.

– Не беда, что второй господин спит в передней, – подхватила Уэр. – Хуже то, что он во сне разговаривает и невозможно понять, что ему нужно.

– Сегодня в передней спать буду я, – заявила Сижэнь. – Может, и я начну во сне разговаривать? А второму господину постелите в спальне!

Баочай ничего не сказала, а Баоюй так смутился, что у него и в мыслях не было возражать, и его постель перенесли в спальню.

Баоюй позволил это сделать потому, что чувствовал себя виноватым и хотел успокоить Баочай, а Баочай, со своей стороны, боялась, как бы Баоюй не заболел от тревожных дум, и решила, что лучше всего его приласкать. Словом, оба пошли на уступки.

Вечером Сижэнь приказала перенести свою постель в переднюю.

Баоюй давно хотел попросить у жены прощения, и Баочай не стала его

отталкивать. Вот так впервые со дня своего замужества она познала благоуханное «чувство облака и дождя». Отныне «силы двойки и пятерки»^[76] слились воедино и застыли.

Но об этом речь пойдет ниже.

На следующее утро Баоюй и Баочай встали вместе, привели себя в порядок и пошли справиться о здоровье матушки Цзя.

Матушка Цзя любила Баоюя, в Баочай ей нравились покорность и послушание, поэтому она позвала Юаньян, велела достать из сундука яшмовые подвески времен династии Хань, чтобы отдать внуку. Конечно, они уступали чудодейственной яшме Баоюя, но все же могли считаться редкостным украшением.

– Мне кажется, я никогда не видела эту вещь, – сказала Юаньян, передавая подвески матушке Цзя. – Какая у вас ясная память, почтенная госпожа! Вы помните, в каком сундуке что лежит! Даже не пришлось их искать – открыла сундук и сразу взяла! Но зачем они вам понадобились?

– Что ты знаешь об этих подвесках? – промолвила матушка Цзя. – Их оставил моему деду его отец, а так как дед меня очень любил, то и подарил их мне перед свадьбой и сказал: «Эта яшма – истинное сокровище, она времен династии Хань. Так что держи ее всегда при себе, чтобы меня не забывать». Но я тогда была чересчур молода, ничего не смыслила и положила подвески в сундук. А после переезда в этот дом совсем о них позабыла! Здесь украшений было хоть отбавляй. Так и пролежали они в сундуке более шестидесяти лет. Я их ни разу не надевала. Теперь же, видя почтение, с которым относится ко мне Баоюй, я захотела подарить эти подвески ему взамен утерянной яшмы, как их когда-то подарил мне мой дед.

После того как Баоюй справился о ее здоровье, матушка Цзя подозвала его к себе и, ласково улыбаясь, промолвила:

– Сейчас я тебе покажу одну вещицу!

Баоюй приблизился, и она протянула ему ханьскую яшму. Баоюй принял ее и внимательно осмотрел. Красноватого цвета яшма была прекрасно отшлифована и по форме напоминала дыню. Восхищенный Баоюй не мог удержаться от радостного возгласа.

– Нравится? – спросила матушка Цзя. – Это подарок моего деда. Дарю ее тебе!

Баоюй поблагодарил, взял яшму и хотел показать матери.

– Не надо, – остановила его матушка Цзя. – Мать расскажет отцу, а тот снова будет ворчать, что я люблю его меньше тебя. Я ведь никогда им не показывала этих подвесок.

Баоюй ушел. Следом за ним попрощалась с матушкой Цзя и Баочай.

Через два дня матушка Цзя заболела: не могла ни пить, ни есть, грудь сдавило, появилось головокружение, рябило в глазах, не проходил кашель.

Госпожа Син, госпожа Ван, Фэнцзе да и остальные то и дело приходили справляться о ее здоровье. Матушка Цзя бодрилась, и они не особенно беспокоились, только велели сообщить о ее болезни Цзя Чжэну. Навестив мать, Цзя Чжэн распорядился пригласить врача.

Врач исследовал пульс и прописал лекарство, заявив, что ничего опасного нет, просто застой пищи – что нередко бывает у пожилых – и небольшая простуда.

Цзя Чжэн просмотрел рецепт, там значились самые обычные снадобья, велел приготовить лекарство, а потом каждый раз приходил навещать матушку. Но прошло три дня, а улучшения не наступало.

Цзя Чжэн велел Цзя Ляню найти врача поопытнее.

– Отыщи во что бы то ни стало, – наказывал он, – пусть как следует осмотрит матушку. Сдается мне, что врачи, которые до сих пор приходили, никуда не годятся!

После некоторого раздумья Цзя Лянь ответил:

– Когда был болен брат Баоюй, я позвал врача, который лечит только безнадежных больных. Самое лучшее его пригласить.

– Лекарское искусство – вещь непростая, – согласился Цзя Чжэн, – бывает, что неизвестный врач обладает незаурядными талантами. Надо непременно того врача разыскать!

Цзя Лянь кивнул, вышел, но вскоре вернулся и сообщил:

– Доктора, о котором я говорил, зовут Лю, он уехал к своим ученикам, а в городе бывает всего раз в десять дней. Ждать его мы не можем, и я пригласил другого врача. Сейчас он приедет!

Цзя Чжэну не оставалось ничего иного, как ждать. Но об этом мы рассказывать не будем.

Итак, матушка Цзя захворала, и все обитательницы дома приходили каждый день ее навещать. Однажды, когда все собрались у постели матушки Цзя, пришла женщина, дежурившая у калитки в сад, и доложила:

– Пожаловала настоятельница Мяоюй из кумирни Бирюзовой решетки, хочет справиться о здоровье старой госпожи.

– Она так редко бывает у нас! – удивленно воскликнули все. – Непременно надо ее принять!

Фэнцзе подошла к кровати и сообщила матушке Цзя о приходе Мяоюй.

Син Сюянь, давнишняя подруга монахини, первой вышла ее встречать.

На голове Мяоюй была точно такая же шапочка, какую когда-то носила знаменитая монахиня Мяочан, ослепительно белая атласная кофточка, поверх – муслиновая безрукавка с синей атласной каймой, подвязанная желтым поясом, белая с черными узорами сатиновая юбка. В руках – мухогонка из лосяного хвоста и четки.

Син Сюянь подошла к монахине, справилась о здоровье.

– Когда мы жили в саду, мне удавалось часто тебя навещать, – сказала она, – но теперь мы почти не видимся, – в саду никто не живет, а одна я туда боюсь ходить. Да и калитка все время заперта. Как я рада, что мы наконец встретились!

– Прежде в саду было слишком шумно, и я неохотно туда ходила, – ответила Мяоюй. – Но сейчас узнала о ваших несчастьях и о том, что старая госпожа болеет, потому и пришла. Что мне за дело, заперта калитка или не заперта. Когда хочу, тогда и прихожу, а заставлять меня бесполезно!

– Такой уж у тебя характер! – проговорила Сюянь.

Мяоюй прошла в комнату, поздоровалась со всеми, приблизилась к постели больной, справилась о ее самочувствии.

– Ты ведь умеешь предсказывать, – сказала ей матушка Цзя, – посмотри на меня и скажи, выздоровею я или нет?

– Вы добрая, и судьбой вам назначено долголетие, – отвечала Мяоюй. – Вы простужены, пейте лекарства, и я уверена, скоро поправитесь! Для старого человека важнее всего – покой!

– А я как раз люблю шум и веселье, – возразила матушка Цзя. – Не знаю, чем я больна, но все время ноет под ложечкой. Доктор говорит, что кто-то меня рассердил. Кто же это посмел бы меня сердить?! Ничего этот лекарь не понимает в болезнях! Я велела Цзя Ляню пригласить того, что был первый раз. Он и определил у меня простуду и застой пищи.

Матушка Цзя позвала Юаньян, приказала передать на кухню, чтобы приготовили обед из одних овощей, и пригласила Мяоюй вместе с ней пообедать.

– Спасибо, я обедала, – поблагодарила Мяоюй. – Мне совсем не хочется есть.

– Не хотите – заставлять не будем, – вмешалась госпожа Ван, – давайте просто посидим, побеседуем!

– А я для этого и пришла, – отозвалась Мяоюй. – Давно всех вас не видела.

Поболтав немного, Мяоюй собралась уходить, когда вдруг заметила Сичунь и спросила:

– Четвертая барышня, что это вы так похудели? От рисования

утомились?

– Я теперь не рисую, – ответила Сичунь. – Всякая охота пропала. В комнатах, где я живу, темно. Не то что было в саду.

– А где вы сейчас живете? – поинтересовалась Мяоюй.

– В домике у восточных ворот, вы только что через них прошли, – отвечала Сичунь. – Заглянули бы как-нибудь. Ведь это совсем близко!

– Будет настроение – непременно вас навещу, – обещала Мяоюй.

Вскоре Мяоюй проводили, а когда вернулись к матушке Цзя, пришел доктор, и все поспешили разойтись.

Никто и не подозревал, что болезнь матушки Цзя с этого дня начнет обостряться. Лечение не помогало. К общему недомоганию прибавился понос.

Цзя Чжэн места себе не находил от волнения. Понимая, что вылечить мать вряд ли удастся, он подал в ямынь прошение об отпуске, а сам вместе с госпожой Ван неотлучно проводил все время у постели матушки Цзя, ухаживал за ней, подавал лекарства.

Однажды матушка Цзя с охотой поела, выпила отвара, и Цзя Чжэн немного успокоился. Взглянув случайно в окно, он заметил старуху, которая о чем-то говорила с привратником.

Госпожа Ван велела Цайюнь осведомиться, что за старуха. Цайюнь сразу узнала женщину, некогда прислуживавшую Инчунь, а затем переехавшую вместе с нею в дом ее мужа.

– Ты зачем пришла? – спросила Цайюнь.

– Я давно здесь, – сказала старуха, – но не нашла ни одной из знакомых служанок, а сама не посмела лезть в дом. Мы все очень беспокоимся...

– А что случилось? – встревожилась Цайюнь. – Опять госпожу Инчунь обижают?

– Госпоже очень плохо! – воскликнула женщина. – Тут у них с мужем скандал вышел, и госпожа всю ночь проплакала, а на следующий день у нее заложило грудь, начался кашель. Доктора они звать не хотят, а госпоже все хуже и хуже.

– Ты только не поднимай шум, – сказала Цайюнь, – старая госпожа сама болеет!

Госпожа Ван, сидевшая около двери, слышала весь разговор и, опасаясь, как бы матушка Цзя не расстроилась, если узнает, знаком велела Цайюнь увести женщину. Она и не подозревала, что у матушки Цзя во время болезни обострился слух.

– Инчунь умирает? – неожиданно спросила матушка Цзя.

– Нет, нет, – поспешила ее успокоить госпожа Ван. – Старуха пришла спросить, не знаем ли мы хорошего врача, уже второй день Инчунь больна.

– Доктор, который ко мне приходил, очень хороший, – засуетилась матушка Цзя, – скорее позовите его!

Госпожа Ван велела Цайюнь отвести старуху к госпоже Син.

– Из трех моих внучек, – говорила между тем матушка Цзя, – первая умерла, исчерпав все счастье, предназначенное ей судьбою. Третью внучку я больше никогда не увижу, она живет в дальних краях. О страданиях Инчунь я знала, но не думала, что она умрет молодая! Зачем же тогда жить на свете такой старухе, как я?

Госпоже Ван и Юаньян долго пришлось успокаивать матушку Цзя.

Опасаясь, что матушке Цзя станет хуже, госпожа Ван послала за Баочай, Ли Вань и Фэнцзе, а сама позвала Цайюнь и других служанок и принялась их отчитывать:

– Зачем вы впустили эту старуху? Она ведь ничего не смыслит! Отныне, если я буду у старой госпожи, не являйтесь больше ко мне с дурными вестями!

Служанки молча слушали госпожу Ван. Откуда им было знать, что не успела старуха дойти до покоев госпожи Син, как по всему дворцу прошел слух:

– Вторая барышня умерла.

Услышав эту новость, госпожа Син разразилась рыданиями. Муж ее был в отъезде, и она велела Цзя Ляню поехать и помочь с устройством похорон. Только матушке Цзя об этом не осмелились доложить.

Еще года не прошло с того дня, как юная девушка, прекрасная словно цветок, завязала пояс замужней женщины, а семья Сунь загубила ее.

Из-за болезни матушки Цзя никто, кроме Цзя Ляня, не смог поехать на похороны, и Инчунь похоронили кое-как.

Матушке Цзя между тем становилось все хуже и хуже, однако мысли о близких не покидали ее.

Прежде всего она вспомнила о Сяньюнь и послала людей ее навестить. Возвратившись, люди стали искать Юаньян. Но Юаньян находилась возле матушки Цзя, тут же была и госпожа Ван. Поэтому они потихоньку разыскали Хупо и сказали:

– Старая госпожа велела нам навестить Ши Сяньюнь. Мы застали ее безутешно рыдавшей. Муж ее заболел чахоткой и, по словам врачей, проживет всего несколько лет. Поэтому Сяньюнь не может приехать навестить бабушку. Она велела ей ничего не рассказывать, чтобы не расстроить.

Хупо ахнула, но тотчас спохватилась и сказала:

– Ладно, идите!

Хупо решила ни о чем не докладывать матушке Цзя. Она хотела сначала все рассказать Юаньян, надеясь, что та сможет лучше соврать старой госпоже. Но когда вошла в комнату, увидела, что все перешептываются. Речь шла о том, что матушку Цзя спасти невозможно, и девушка решила промолчать.

Цзя Чжэн подозвал Цзя Лянь и что-то шепнул ему на ухо. Цзя Лянь вышел и сказал слугам:

– Старая госпожа кончается. Готовьте все необходимое! Прежде всего гроб и траурные одежды! На кухню пошлите несколько человек в помощь поварам!

– Не беспокойтесь, второй господин, – отвечал Лай Да, – мы обо всем подумали. Вот только денег где взять?

– Одалживать не придется, старая госпожа оставила деньги, – ответил Цзя Лянь. – Господин Цзя Чжэн велел устроить похороны как полагается, так что вы уж постарайтесь!

Лай Да тотчас распорядился насчет похорон, а Цзя Лянь возвратился к себе и спросил Пиньэр:

– Как чувствует себя госпожа?

– Пойдите да посмотрите, – буркнула в ответ Пиньэр.

Войдя во внутреннюю комнату, Цзя Лянь увидел Фэнцзе, которая сидела на краю кана и как будто собиралась одеваться.

– Старая госпожа умирает! – промолвил Цзя Лянь. – Прикажи служанкам отвести тебя к ней. И пусть комнату приберут...

– А что прибирать? – возразила Фэнцзе. – В комнате пусто, ничего не осталось! Поспеши лучше к старой госпоже, господин Цзя Чжэн тебя будет искать. Я переоденусь и тоже приду!

Цзя Лянь снова отправился к матушке Цзя.

– Ваши распоряжения переданы, – сообщил он Цзя Чжэну.

– Прибыл придворный доктор, – доложил слуга.

Прослушав пульс матушки Цзя, доктор вышел в переднюю и шепнул Цзя Ляню:

– Пульс плохой! Приготовьтесь к худшему!

Цзя Лянь передал слова доктора госпоже Ван и другим.

Госпожа Ван подозвала Юаньян и велела приготовить платье на случай смерти матушки Цзя.

Между тем матушка Цзя широко раскрыла глаза и попросила чаю. Госпожа Син поднесла ей чашку с настоем женишеня.

– Я не это просила, – прикоснувшись к чашке, сказала матушка Цзя, – я чаю хочу.

Никто не осмелился ей перечить, и чай тотчас был подан. Матушка Цзя отпила глоток, отдышалась, еще глоток отпила и сказала:

– Хочу сесть!

– Если вам что-либо нужно, матушка, скажите, – произнес Цзя Чжэн, – только не вставайте, прошу вас!

– Я выпила глоток чаю, и мне стало лучше, – отвечала матушка Цзя. – А теперь я буду с вами говорить.

Чжэньчжу поддержала ей голову, и матушка Цзя вдруг почувствовала облегчение.

Если хотите узнать, что произошло дальше, прочтите следующую главу.

Глава сто десятая

*Исчерпавшая свое долголетие матушка Цзя возвращается в
потусторонний мир;*

истощившая свои силы Фэнцзе утрачивает благорасположение людей

Итак, матушка Цзя, приподнявшись на постели, сказала:

– Прошло более шестидесяти лет с того дня, как я пришла в вашу семью. И все это время я была неизменно окружена почетом. До самой старости. Все в доме, начиная с моего сына Цзя Чжэна и кончая внуками, выросли хорошими людьми. Баоюя я больше всех любила...

Она огляделась. Госпожа Ван подтолкнула Баоюя к постели. Матушка Цзя привлекла к себе внука и продолжала:

– Мальчик мой, ты должен быть решительным, энергичным!

Баоюй поддакнул, сердце его сжалось от боли, но плакать он не смел и стоял в растерянности, не зная, что делать.

– Теперь я хочу увидеть правнука, и тогда на душе у меня будет спокойно, – произнесла матушка Цзя. – Где мой Ланьэр?

Ли Вань подвела к ней Цзя Ланя. Матушка Цзя отпустила Баоюя, прижала к себе Цзя Ланя и сказала:

– Слушайся и почитай свою мать. Я уверена, когда станешь взрослым, непременно ее прославишь... А Фэнцзе где?

– Я здесь, – отозвалась Фэнцзе, подходя к постели.

– Дитя мое, – промолвила матушка Цзя, – ты умница и должна быть счастливой! Я никогда не думала о собственном счастье и теперь за это расплачиваюсь. Никогда не молилась с усердием Будде, не соблюдала посты, не удосужилась даже проверить, исполнено ли мое приказание переписать «Алмазную сутру» – «Цзиньганцзин» и разослать людям.

– Пока не исполнено, – ответила Фэнцзе.

– Тогда распорядись, чтобы поскорее исполнили, – промолвила матушка Цзя. – Цзя Шэ и Цзя Чжэнь далеко, приехать не могут, но почему ни разу не приехала Сяньюнь?

Все знали, почему Сяньюнь не приехала, но не сказали ни слова.

Матушка Цзя взглянула на Баочай, вздохнула, на щеках проступил

румянец. Цзя Чжэн понял, что это последние проблески жизни, и поспешно подал матери настой женьшеня.

Матушка Цзя стиснула зубы, закрыла глаза, снова открыла, обвела пристальным взглядом комнату и всех, кто в ней был. Госпожа Ван и Баочай приблизились к постели, приподняли матушку Цзя, а госпожа Син и Фэнцзе ее переодели. Женщины-служанки надлежащим образом заправили постель, расстелили одеяло и матрац. Губы матушки Цзя тронула улыбка, она захрипела и отошла. Ее тотчас положили, как надлежит класть покойников.

Матушка Цзя скончалась на восемьдесят третьем году жизни. Все опустились на колени, раздались горестные вопли.

В доме заранее были сделаны все необходимые приготовления, и, как только весть о смерти старой госпожи распространилась по дворцу Жунго, на всех дверях и воротах появились белые траурные листки бумаги, а у главных ворот был воздвигнут траурный навес. Все члены семьи, начиная от старших и кончая младшими, облачились в траур.

Цзя Чжэн немедленно сообщил о смерти матушки Цзя в ведомство церемоний, а оттуда представили доклад государю. Помня о заслугах рода Цзя, а также о том, что матушка Цзя приходилась бабушкой Юаньчунь, государь подарил на похороны тысячу лянов серебра и велел ведомству церемоний устроить жертвоприношения. Родственники получили извещения о смерти матушки Цзя.

Родные и друзья знали, что семья Цзя разорена, но на похороны пришли, видя, как милостив к ней государь.

Был избран счастливый день, покойницу положили в гроб и поставили во внутреннем помещении храма предков.

Сейчас, когда Цзя Шэ не было, старшим в доме считался Цзя Чжэн. Баоюй, Цзя Хуань и Цзя Лань приходились покойнице внуками и, несмотря на свою молодость, охраняли гроб. Цзя Лянь тоже был внуком матушки Цзя, как и Цзя Жун, но ему пришлось заниматься хозяйственными делами. Для этого же пригласили нескольких дальних родственников. У гроба покойную оплакивали только госпожи Ван и Син, Ли Вань, Фэнцзе и Баочай. Госпожа Ю могла бы оказать посильную помощь, но так как муж ее находился в ссылке, избегала вмешиваться в дела, тем более что не очень в них разбиралась. Также и жена Цзя Жуна. Сичунь была слишком молода и неопытна. Таким образом, даже на членов семьи положиться было невозможно. Делами в доме могла распоряжаться только Фэнцзе, а вне дома – Цзя Лянь.

Фэнцзе надеялась после смерти старой госпожи стать в доме

полновластной хозяйкой. Вот и сейчас ей поручили ведать похоронами матушки Цзя, как в свое время похоронами госпожи Цинь Кэцин. Тогда она с этим делом успешно справилась.

«Раз поручили – займусь, – размышляла Фэнцзе. – Все слуги будут в моем распоряжении. Людям госпожи Ван и супруги Цзя Чжэня доверять нельзя; к тому же многие из них от нас ушли. Плохо, конечно, что у меня нет верительных бирок на получение денег из общей семейной казны, но бабушка, к счастью, оставила серебро на свои похороны. Остальными делами займется Цзя Лянь. Здоровье у меня неважное, но похороны устрою не хуже, чем когда-то во дворце Нинго».

Подумав об этом, Фэнцзе успокоилась. На следующий день она отдала необходимые распоряжения, а затем велела жене Чжоу Жуя представить ей списки прислуги. В них значились двадцать один слуга и девятнадцать служанок. Это не считая девочек-служанок, не способных выполнять серьезные поручения.

Прочитав список, Фэнцзе подумала: «Сейчас у нас не так много людей, как было во дворце Нинго, когда хоронили Кэцин».

Она выбрала несколько человек, но этого было мало для выполнения всех поручений.

Пока Фэнцзе размышляла, вошла девочка-служанка и доложила:

– Сестра Юаньян хочет вас видеть, госпожа!

Фэнцзе вошла к Юаньян, девушка рыдала, как настоящая плакальщица.

– Садитесь, пожалуйста, вторая госпожа! – воскликнула Юаньян, хватая Фэнцзе за руку. – Хотя и говорят, что во время траура никаких церемоний не положено, все же я должна вам поклониться!

Она опустилась на колени.

– Ну что ты! – вскричала Фэнцзе, стараясь ее удержать. – Если хочешь что-то сказать, говори!

Фэнцзе подняла девушку.

– Похоронами старой госпожи занимаетесь вы и ваш муж, – произнесла Юаньян. – Деньги на похороны старая госпожа оставила. Их вполне хватит. Она никогда не тратила лишнего. Тут господин Цзя Чжэн привел выражение из какого-то канона: «В трауре лучше глубокая скорбь, чем мелочная забота о соблюдении приличий», и еще что-то, только я не поняла. Вторая госпожа Баочай мне объяснила. Господин Цзя Чжэн хотел сказать, что истинное почтение выражается в глубокой скорби, а не в пышных похоронах. Но старую госпожу, я полагаю, нельзя кое-как хоронить. Я всего-навсего рабыня и ничего не решаю, но старая госпожа

так любила и вас и меня, и вы, конечно, помните, что она наказывала нам перед смертью. Уверена, вы сумеете все устроить как следует, и потому прошу вас распорядиться! Всю жизнь я служила старой госпоже и теперь последую за ней! Если вы не исполните просьбу старой госпожи и не устроите все так, как она наказывала, мне на том свете будет перед ней стыдно.

– Успокойся, я все сделаю как нужно, для меня это не составит труда, – ответила Фэнцзе. Речи Юаньян показались ей странными. – Господин Цзя Чжэн только говорит, что надо быть экономнее, а в глубине души не возражает, чтобы похороны были как можно пышнее, даже если на это уйдут все наши деньги.

– Старая госпожа завещала вещи, оставшиеся после нее, нам, – продолжала Юаньян, – но если денег не хватит, эти вещи придется продать. Пусть господин Цзя Чжэн говорит что угодно, волю старой госпожи нарушать нельзя! Ведь господин сам хорошо слышал, как старая госпожа объявила свою последнюю волю.

– Ты всегда была умной и рассудительной, почему вдруг переполошилась? – все больше удивлялась Фэнцзе.

– Я не переполошилась, – возразила Юаньян. – Только вижу, что старшая госпожа Син не желает помочь и очень боится вызвать недовольство господина Цзя Чжэна. Слишком роскошные похороны устраивать, конечно, не нужно, это может вызвать толки и пересуды. Откуда, скажут, у нас взялись деньги, если недавно было конфисковано имущество. Чего доброго, последнее отберут. Я хоть служанка, а доброе имя семьи мне очень дорого.

– Я все поняла, – промолвила Фэнцзе. – Но прошу тебя, успокойся! Ведь я еще жива!

Юаньян слушала и без конца благодарила.

Фэнцзе вышла, думая про себя: «Странная эта Юаньян! Что она задумала? Будто я не знаю, как надо устроить похороны старой госпожи... Нечего обращать внимание на эту девчонку. Сделаю все так, как принято в нашей семье».

Она позвала жену Ванъэра, отдала кое-какие распоряжения и велела найти Цзя Ляня.

– Зачем ты звала меня? – уже с порога напустился он на жену. – Занималась бы своими делами! Все решают господин Цзя Чжэн и госпожи – как они скажут, так и сделаем.

– И ты о том же! – воскликнула Фэнцзе. – Неужели опасения Юаньян не напрасны?

– Что ты имеешь в виду? – удивился Цзя Лянь.

Фэнцзе ему рассказала.

– Да что ее слушать! – вскричал Цзя Лянь. – Я только сейчас говорил с господином Цзя Чжэном. Он сказал: «На похороны старой госпожи не надо скупиться. Конечно, пойдут разговоры. Те, кто нас знает, наверняка поймут, что деньги на похороны оставила сама матушка Цзя. Иные же могут подумать, что при обыске часть денег мы утаили и по-прежнему роскошествуем. Допустим, мы не израсходуем все, что оставила старая госпожа, кто потом осмелится к этим деньгам прикоснуться?! Но я уверен, что деньги будут полностью израсходованы. Старая госпожа – уроженка юга, там у нее семейное кладбище, но могильного склепа нет. Придется гроб с телом везти на юг. Построим там склеп, купим несколько цинов земли. На доходы с этой земли мы и будем устраивать жертвоприношения. Если самим не удастся переехать на юг, поселим там обедневших родственников, пусть в положенное время приносят жертвы на могиле». Теперь подумай, что означает решение господина. Можно ли тратить все деньги?

– Кстати, деньги на похороны уже выданы? – спросила Фэнцзе.

– Кто их видел? – произнес Цзя Лянь. – Как только моя мать услышала слова господина Цзя Чжэна, сразу стала подбивать госпожу Ван сказать ему, что он очень хорошо все придумал! А мне что делать?! Нужно уплатить несколько сот лянов серебра носильщикам паланкинов и плакальщицам, а денег не выдают. Пошел просить – заявили, что рассчитаются после похорон. Тут еще, как назло, все слуги, у которых были кое-какие деньги, постарались улизнуть! Начал вызывать их по списку – оказалось, одни болеют, другие в деревню уехали. Осталось всего несколько человек, а что проку?! Если они почуют, что можно заработать, – кое-что сделают, а свои монеты ни за что не истратят.

– Как же быть? – растерянно проговорила Фэнцзе.

Тут вошла девочка-служанка.

– Вторая госпожа! – сказала она. – Меня прислала госпожа Син. Она спрашивает, когда накормят родственников, и говорит, что со дня смерти старой госпожи пошел уже третий день, а в доме нет порядка! Слуг не дозовешься, делают все кое-как.

Фэнцзе поспешила отдать распоряжение слугам подавать завтрак. Людей в этот день съехалось много, и слуги совсем с ног сбились. Фэнцзе сама наблюдала, как кормят гостей, но вдруг вспомнила, что еще не дала задания служанкам. Она позвала жену Ванъэра и велела передать служанкам поручения. Все поддакнули, но никто не двинулся с места.

– Который час? – нетерпеливо спросила Фэнцзе. – Почему не накрывают на стол? Ведь скоро обед!

– Накрыть нетрудно, – отвечали ей. – Только посуды нет!

– Вздор! – вспыхнула Фэнцзе. – Раз я приказала, все должно быть выдано!

Служанки только головами покачивали.

Фэнцзе сама отправилась в комнаты матушки Цзя за посудой, даже не спросив дозволения у госпожи Син и госпожи Ван. Возле них толпилось много народу, а время было позднее. Поэтому Фэнцзе позвала Юаньян и приказала выдать служанкам посуду, которой прежде пользовалась матушка Цзя.

– О какой посуде вы говорите! – удивилась Юаньян. – Неужели не помните, что ваш муж давным-давно ее заложил? Или вы думаете, что ее выкупили?

– Я не прошу золотую и серебряную посуду, – возразила Фэнцзе. – Поддай ту, которой старая госпожа пользовалась повседневно.

– А какой посудой пользуются старшая госпожа Син и госпожа Ю? – спросила Юаньян. – Ведь старая госпожа все им отдала.

Фэнцзе отправилась к госпоже Ван, где с помощью Юйчуань и Цайюнь нашла кое-какую посуду, приказала Цаймин составить точную опись и выдать посуду под ответственность служанок.

Фэнцзе была очень растеряна, и Юаньян про себя подумала: «Как ловко она прежде управлялась с людьми и делами! А теперь стала нерасторопной! Не напрасно ли старая госпожа ее так хвалила?»

Услышав, что Цзя Чжэн не собирается устраивать пышные похороны, госпожа Син обрадовалась. Она подумала, что под этим предлогом сможет кое-что для себя сэкономить на черный день.

По обычаю устройство похорон входило в обязанности старшего сына покойной и его семьи. Но поскольку Цзя Шэ уехал в дальние края и посоветоваться с ним было невозможно, Цзя Чжэн, сам не очень разбираясь в подобного рода делах, если возникало затруднение, отсылал всех к госпоже Син, говоря при этом:

– Делайте, как скажет старшая госпожа.

А госпожа Син, зная, что Фэнцзе жадна, а Цзя Лянь нечист на руку, решила не выпускать бразды правления из своих рук.

Юаньян же, полагая, что деньги на похороны матушки Цзя уже выданы, и глядя на нерешительность Фэнцзе, думала, что та не хочет стараться. Это усиливало горе девушки, и она безутешно рыдала у гроба. Однако госпоже Син и в голову не приходило, что это из-за нее Фэнцзе не

может распоряжаться, и она во всеуслышание заявляла:

– До чего же нерадивой стала Фэнцзе!

Вечером госпожа Ван позвала Фэнцзе и сказала:

– Мы, разумеется, в стесненном положении, но все должно выглядеть прилично. Родственников и друзей у нас много – одни уезжают, другие приезжают. А слуги совсем разболтались. Ты, наверное, за ними плохо присматриваешь! Постарайся поддержать честь семьи!

Фэнцзе опустила голову. Не расскажешь ведь госпоже Ван, что ей не дают денег, бесполезно, деньгами госпожа Ван не распоряжается. И Фэнцзе почла за лучшее промолчать.

– Конечно, о похоронах следовало бы позаботиться мне, как жене старшего сына покойной, – заметила госпожа Син, она была здесь же, – ведь ты всего лишь жена ее внука и подобными делами не должна заниматься. Но я уже стара и не так проворна, как ты. Вот и решила часть забот возложить на тебя. Как же ты можешь быть такой нерадивой?!

Фэнцзе покраснела и, набравшись духу, хотела возразить, но тут послышались удары в барабан – наступили сумерки, когда обычно совершают церемонию сожжения бумажных денег во время похорон, и весь дом огласился стенаниями.

Она хотела продолжить разговор с госпожой Ван после церемонии, но та сказала:

– Мы сами все устроим, а ты распорядись насчет завтрашнего дня!

Фэнцзе не решилась ей перечить, проглотила обиду и удалилась. Она собрала прислугу, отдала необходимые распоряжения, а затем стала вызывать к престарелым служанкам:

– Тетушки, пожалейте меня! Госпожи меня обижают! И все потому, что вы не хотите стараться. Надо мной все смеются! Прошу вас хоть завтра проявить радение!

– Вы не первый день занимаетесь хозяйственными делами, госпожа! – воскликнули женщины. – Разве посмели мы вас когда-нибудь послушаться! Нас просто задержали! К примеру, вы приказали накрыть столы, но одни хотят есть здесь, другие – дома. Пока мы мечемся, выясняется, что одна госпожа ушла, другая пришла. Как же тут управиться? И еще просим вас уговорить барышень, чтобы не привередничали!

– Они прислуживали старой госпоже и привыкли своевольничать, – проговорила Фэнцзе. – Если сами госпожи с ними не справляются, что говорить обо мне?

– Неужели нет на них управы? – сокрушались служанки. – Вспомните, как вы распоряжались похоронами госпожи Цинь в восточном дворце

Нинго? Каждого, кто нарушал ваше приказание, строго наказывали! Кто осмелился бы тогда проявить неповиновение?!

– Во дворце Нинго все решала я сама, мне дали власть, – со вздохом произнесла Фэнцзе. – Госпоже Ван тогда неловко было делать мне замечания. А сейчас все происходит у нас в доме, похороны бабушки касаются всего нашего рода, поэтому каждый кому не лень меня поучает. А денег не дают. Велели устроить траурный навес! А как это сделать?

– Это забота второго господина Цзя Ляня! – ответили служанки. – Неужто он не управится?

– Тоже скажете! – усмехнулась Фэнцзе. – Он сам в затруднительном положении! Деньгами не распоряжается и ничего не может купить.

– Неужели? – удивились служанки.

– Не верите – спросите управляющих, – бросила в ответ Фэнцзе.

– Вот оно что! – вскричали служанки. – А мы никак не могли понять, почему люди возмущаются, что все делается не так, как надо! Разве будет после этого охота стараться?

– Не стоит об этом говорить, – прервала их Фэнцзе. – Прошу вас только выполнять все поручения. И тогда пусть попробуют ругать вас за нерадивость.

– Приказывайте, госпожа, мы не будем роптать! – отвечали служанки. – Только учтите, старшие господа тоже отдают приказания, как тут на всех угодишь?

– Дорогие тетушки! – не унималась Фэнцзе, не зная, что делать. – Хоть завтра мне помогите! Вашу просьбу я передам барышням и постараюсь им все объяснить.

После ухода служанок Фэнцзе никак не могла успокоиться, вспоминала нанесенную ей госпожой Ван обиду и все больше сердилась. А едва забрезжил рассвет, снова начала заниматься делами.

Фэнцзе не прочь была навести в доме порядок, но боялась, что это не понравится госпоже Син. Она собралась было пожаловаться госпоже Ван, но не сделала этого опять-таки из опасения рассердить госпожу Син.

Девочки-служанки давно заметили, что госпожа Син не жалуется Фэнцзе, и перестали ее слушаться. Пиньэр, стараясь помочь хозяйке, им говорила:

– Госпожа Фэнцзе изо всех сил старается, но господин Цзя Чжэн и старшая госпожа Син не дают ей лишнюю монету истратить, как же ей быть?

Пиньэр не раз приходилось подобным образом увещевать служанок.

Хотя на похоронах непрерывно читали буддийские сутры и совершали

жертвоприношения, денег на все это выдавалось слишком мало, и во время церемоний никто не проявлял рвения. Все делалось кое-как.

За несколько дней, прошедших со смерти матушки Цзя, во дворец Жунго то и дело приезжали жены высокопоставленных сановников. Фэнцзе сама не могла о них позаботиться и посылала служанок, но те всячески увиливали от поручений и являлись не вовремя. Юаньян не могла спокойно смотреть на происходящее в доме. Фэнцзе тоже расстраивалась.

Зато госпожа Син на все смотрела сквозь пальцы, ибо думала, что почтение к умершим родителям прежде всего выражается в строгом соблюдении траура. Что же до госпожи Ван, то она не была старшей в доме, как госпожа Син, и считала, что ее дело – сторона.

Только Ли Вань понимала, как трудно приходится Фэнцзе, но вступить за нее не смела, лишь говорила:

– Пословица гласит: «Пион красив, когда вокруг зеленые листочки». Ну разве станут служанки помогать Фэнцзе, если госпожи к ней неблагосклонны? Ах, если бы третья барышня Таньчунь была сейчас дома! Все шло бы по-иному! У госпожи Фэнцзе всего несколько служанок, да и те нерадивы, злословят у нее за спиной, ропщут, будто Фэнцзе нерасторопна, не может раздобыть денег на похороны, словно совести у нее нет! Господина Цзя Чжэна винить нельзя, он в домашних делах не разбирается, хотя всей душой стремится выполнить свой сыновний долг. Непонятно, о чем все думают! Разве можно во время похорон обойтись без расходов?! Столько лет Фэнцзе распоряжалась в доме! Жаль, если она осрамится!

Улучив момент, Ли Вань украдкой позвала своих служанок и принялась их отчитывать:

– Выходит, глядя на других служанок, вы тоже не слушаетесь госпожу Фэнцзе?! От работы отлыниваете? Похороны – дело нелегкое, на него нельзя жалеть сил!

Служанки, с почтением относившиеся к Ли Вань, только поддакивали:

– Вы совершенно правы, госпожа! Но мы не отлыниваем от работы! Сама барышня Юаньян говорит, что госпожа Фэнцзе стала какой-то странной! Разве вы не слышали?

– Я поговорю с Юаньян, спрошу, почему она так говорит! Поверьте, госпожа Фэнцзе старается изо всех сил, но ведь деньгами не она распоряжается! А кто может сварить кашу без риса?! Знай Юаньян, каково сейчас приходится Фэнцзе, она не стала бы ее оговаривать. Сама Юаньян, кстати, тоже не такая, как прежде! Вот это действительно странно! Когда жива была старая госпожа, Юаньян держалась скромно, а сейчас ропщет и

ропщет. Счастье ее, что старшего господина Цзя Шэ нет дома. Будь он здесь, неизвестно, как обернулось бы дело.

В это время появился Цзя Лань.

– Мама, пора отдыхать! – сказал он. – Ты устала от приема гостей! А я совсем забросил учение и очень обрадовался, что дедушка разрешил мне сегодня спать дома. Займусь повторением пройденного, а то все позабуду!

– Милый мой мальчик! – воскликнула Ли Вань. – Ученье дело хорошее, но и отдыхать нужно! Науками займешься после похорон!

– Ложись спать, тогда и я лягу, – ответил Цзя Лань.

– Какой хороший у вас сын! – стали тут говорить служанки. – Только и думает что о занятиях. Не чета Баоюю. Ведь женат, а ведет себя как малый ребенок! Стояли они с отцом на коленях у гроба, так Баоюй то и дело старался улизнуть. Отлучится отец на минутку, а Баоюй сразу к жене бежит, что-то шепчет ей на ухо. Потом к барышням Баоцинь и Син Сюянь. Никто не хочет с ним разговаривать, кроме одной барышни. Зовут ее не то Син, не то Сы. У Баоюя одно на уме: баловаться с женой да барышнями! Неизвестно, за что его так любила старая госпожа? Куда ему до вашего сына! Цзя Лань никогда вас не огорчит!

– Сын у меня хороший, но совсем еще маленький, – сказала на это Ли Вань. – А пока вырастет, неизвестно, что с нашей семьей будет! Ну а что вы скажете о Цзя Хуане?

– Ничего хорошего! Глаза вороватые, так и бегают: один на восток, другой – на запад. Оплакивает покойную, а сам на какую-нибудь барышню или молодую госпожу пялится!

– Что ж, он уже взрослый, – проговорила Ли Вань. – Слышала я, женить его собираются, но сейчас, видно, придется с этим повременить... Да, вот что я хотела сказать! Ведь послезавтра вынос гроба, хватит ли всем колясок?

– Не слышали мы, чтобы госпожа Фэнцзе распорядилась насчет колясок, не до того, видно, ей, ходит как в воду опущенная. Второй господин Цзя Лань что-то говорил вчера о колясках второму господину Цзя Цяну, только ведь колясок у нас мало, да и кучеров тоже придется занимать у родственников!

– Не хватало еще коляски брать взаймы! – грустно усмехнулась Ли Вань.

– Вы вот смеетесь, госпожа, – ответили женщины, – а что делать? Хуже, если коляски вдруг понадобятся самим родственникам, и они не смогут их нам одолжить. Придется тогда внаем брать.

– Для слуг еще можно, – согласилась Ли Вань. – Ну а с господами как

быть?

– Кстати, у старшей госпожи Син, у госпожи Ю и жены господина Цзя Жуна вообще нет колясок.

– Прежде мы смеялись над нашими госпожами и невестками, если они ездили в наемных колясках, – вздохнула Ли Вань. – А теперь вот самим придется! Скажите своим мужьям, чтобы в день выноса гроба они наши коляски заложили пораньше, не то попадем в толкотню.

А теперь расскажем о Ши Сяньюнь. Из-за болезни мужа ей после свадьбы всего раз удалось побывать во дворце Жунго. Однако на похороны старой госпожи Ши Сяньюнь решила приехать во что бы то ни стало. К счастью, мужу стало полегче, и она смогла это сделать даже на день раньше.

Сидя у гроба, Сяньюнь вспоминала, как любила ее матушка Цзя, как жестоко обошлась с ней самой судьба, послав тяжело больного мужа, и рыдала до самой полуночи. Никто не мог успокоить ее.

Баоюй с болью смотрел на Сяньюнь, но подойти сказать несколько слов в утешение не решался. В простом платье, без украшений, румян и пудры она казалась еще прекраснее, чем до замужества. Да и остальным девушкам очень шли простые платья. Но красивее всех была Баочай, с головы до ног облаченная в траур.

«Древние говорили, – подумал Баоюй, – что „тысячи красных и десятки тысяч пурпурных цветов не сравнятся по красоте с цветами сливы“. Они не только распускаются раньше других, но еще обладают „удивительной белизной и тончайшим запахом“. Как прекрасна была бы сестрица Дайюй в таком облачении!»

Комок подступил к горлу, слезы жемчужинами покатались по щекам. Их не надо было скрывать, ведь на похоронах положено плакать.

Все были уверены, что Баоюй и Сяньюнь оплакивают матушку Цзя, горячо их любившую. Никому и в голову не могло прийти, что они оплакивают собственную судьбу.

Глядя на них, пуще прежнего заплакали и все остальные.

Во время ночного бдения в доме было очень оживленно. Фэнцзе с ног сбилась и даже охрипла, отдавая приказания. До полудня она еще кое-как управлялась, но потом родственников наехало столько, что при всем старании невозможно было за всем уследить. Тут как раз прибежала девочка-служанка.

– Наконец-то я вас нашла, вторая госпожа! – сказала девочка. – Старшая госпожа Син гневается, говорит, в доме беспорядок, а вы

прячетесь!

От этих слов у Фэнцзе перехватило дыхание, из глаз полились слезы. Во рту появился сладковатый вкус крови, в голове помутилось, и она стала медленно опускаться на пол. К счастью, Пиньэр успела ее подхватить. Прибежали другие служанки и увидели, что у Фэнцзе пошла кровь горлом.

Кто хочет узнать о дальнейшей судьбе Фэнцзе, пусть прочтет следующую главу.

Глава сто одиннадцатая

Непорочная дева, преданная своей госпоже, уходит из жизни;

подлый слуга, позабывший о милостях хозяев, приводит в дом грабителей

Итак, Пиньэр подхватила Фэнцзе и приказала служанкам отвести ее домой, уложить в постель и дать воды. Фэнцзе отпила глоток и впала в забытие.

– Доложи господам, что Фэнцзе заболела, – обратилась Пиньэр к служанке.

Услышав, что у Фэнцзе горлом идет кровь, госпожа Син не поверила, она подумала, что Фэнцзе просто сказала, что больно, чтобы избавиться от хлопот. Однако сомнений своих не высказала, поскольку в комнате было полно родственников, и лишь сказала:

– Ладно, пусть отдыхает!

В тот вечер родные и друзья приезжали непрерывным потоком, и из-за болезни Фэнцзе принимать их и следить за порядком в доме приходилось другим родственницам покойной. Слуги совсем отбились от рук, ничего не делали, только галдели.

Во вторую стражу гости разъехались, и начался обряд прощания с покойницей. Громко плакали родственники. Юаньян так рыдала, что в конце концов упала без памяти. Насилу привели ее в чувство, после чего она стала твердить, что желает последовать за своей госпожой. Однако никто не обратил на эти ее слова внимания.

К моменту прощания в зале собралось человек сто – сами господа, вся их родня и слуги. Никто не заметил, что Юаньян куда-то исчезла. Ее хватились, лишь когда настало время служанок плакать у гроба и совершать жертвоприношения. Все подумали, что она отдыхает после пережитого потрясения, и шума не поднимали.

После прощания Цзя Чжэн позвал к себе Цзя Ляня и стал с ним советоваться, как устроить обряд выноса гроба и кого оставить присматривать за домом, пока их не будет.

– Надо оставить Цзя Юня, – сказал Цзя Лянь, – ему не обязательно

сопровождать гроб, а из слуг – Линь Чжисяо со всей семьей. Вот только не знаю, кого из женщин оставить!

– Твоя мать говорила, что Фэнцзе больна и поехать не сможет, – заметил Цзя Чжэн, – пусть она и останется. Правда, жена Цзя Чжэня уверяет, что Фэнцзе чувствует себя совсем плохо, и предлагает оставить Сичунь и еще нескольких женщин.

«Жена Цзя Чжэня не ладит с Сичунь и хочет, чтобы та осталась, – подумал Цзя Лянь. – Но Сичунь ничего нельзя поручать, а Фэнцзе больна». И он сказал Цзя Чжэню:

– Дайте мне еще немного подумать, господин, а потом окончательно решим, кого оставлять.

На том разговор и закончился.

Между тем Юаньян, придя в себя, стала размышлять:

«Всю жизнь я служила старой госпоже, а теперь куда денусь? Ведь госпожа Син никогда не простит мне, что я не захотела стать наложницей ее мужа. А господин Цзя Чжэн не вмешивается ни в какие дела, словно правитель в смутное время, знает, что никто ему не повинуется. Что же будет с нами со всеми?.. Одних сделают наложницами, других выдадут замуж... Чем терпеть мучения, не лучше ли умереть?! Но как?..»

Она вошла в комнату старой госпожи и с порога заметила в самой глубине тускло горевший светильник, а чуть дальше какую-то женщину, петлей затянувшую полотенце на шее.

Юаньян нисколько не испугалась, только подумала: «Кто бы это мог быть? Не иначе, как она тоже хочет повеситься, затем и пришла сюда».

– Кто ты? – спросила Юаньян. – Если хочешь, давай умрем вместе!

Женщина не отвечала.

Юаньян подошла ближе, повнимательней пригляделась. И тут по спине у нее побежали мурашки. В тот же миг женщина исчезла.

Ошеломленная Юаньян отпрянула назад, опустилась на кан и вдруг вспомнила: «Да ведь это жена Цзя Жуна – госпожа Цинь Кэцин. Но она давно умерла! Как же попала сюда? Это она за мной пришла! Потому что вешаться ей ни к чему! Теперь я знаю, как покончить с собой».

Юаньян задрожала, со слезами на глазах вынула из шкатулки для украшений спрятанную там когда-то прядь своих волос и сунула за пазуху. Затем сняла полотенце, которым была подпоясана, привязала в том месте, где ей явилась госпожа Цинь, заплакала и тут услышала, что гости начинают расходиться. Опасаясь, как бы кто-нибудь не вошел, Юань заперла дверь, стала на скамеечку, сделала петлю на полотенце, накинула на шею и выбила скамеечку из-под ног.

Дыхание девушки навеки оборвалось, и благоуханная душа рассталась с телом. Плывя по небу, душа Юаньян вдруг заметила вдали госпожу Цинь, догнала ее и попросила:

– Госпожа, подождите меня... Вы ведь жена господина Цзя Жуна...

– Я не жена Цзя Жуна, – отвечала женщина. – Я – Кэцин, младшая сестра феи Цзинхуань.

– Да разве я не вижу, что вы жена господина Цзя Жуна, – настаивала Юаньян. – Отчего же не признаетесь?

– Есть на то своя причина, – ответила женщина, – ты ведь тоже распутница, как и я, и фея Цзинхуань повелела тебе ведать «чувствами ветра и луны» и послала в бренный мир сеять распутство и уносить на небеса души страстно влюбленных девушек. Ты свой долг выполнила и можешь веселиться. Сейчас в приказе «влюбленных безумцев» нет управителя, некому мне помочь, и фея Цзинхуань решила призвать тебя.

– О каких чувствах вы говорите? – промолвила душа Юаньян. – Никаких чувств я никогда не испытывала!

– Ничего ты не смыслишь. В бренном мире слово «чувство» толкуют лишь как распутство и похоть, как плотскую любовь. Им неведомо, что радость и гнев, печаль и блаженство – тоже чувства, присущие людям. Мои же чувства к тебе еще не проявились, они скрыты в цветке, в завязи плода. Если же изольются, станут видимы всем.

Душа Юаньян все поняла и последовала за Кэцин. Между тем Хупо, попрощавшись с покойницей и услышав, что госпожа Син и госпожа Ван собираются отбирать людей для присмотра за домом, решила спросить Юаньян, собирается ли та на следующий день сопровождать гроб, и отправилась ее искать. В покоях матушки Цзя ее не оказалось, боковая комната была заперта.

Девушка заглянула в щель и при свете мерцающего светильника увидела какие-то тени. Ей стало страшно, и она убежала, недоумевая: «Куда девалась эта плутовка?»

Столкнувшись с Чжэньчжу, она спросила:

– Ты случайно не видела сестру Юаньян?

– Сама ее ищу, – ответила девушка, – ее госпожа зовет. Наверное, спит в боковой комнате.

– Я только что оттуда, – сказала Хупо. – Правда, в комнату не входила – там темно и страшно, еле горит светильник – нагар ведь снять некому. Давай вместе посмотрим – может быть, она и в самом деле там!

Девушки вошли в боковую комнату, сняли нагар со светильника, стало светлее, и Чжэньчжу воскликнула:

– Кто-то бросил скамейку! Я чуть не упала! – Тут она подняла глаза и в ужасе отпрянула назад, едва не сбив с ног Хупо. Хупо, увидев повесившуюся Юаньян, закричала и хотела бежать, однако ноги ей не повиновались. Сбежались люди, поднялась суматоха. О случившемся поспешили сообщить господам Син и Ван.

– Не думала я, что Юаньян такая решительная! – сокрушалась госпожа Син. – Скорее велите доложить господину Цзя Чжэну!

Баоюй, услышав эту страшную новость, ничего не сказал, лишь глаза его округлились от ужаса.

Сижэнь стала его тормошить:

– Поплачь, легче станет!

И Баоюй разразился рыданиями.

«Как прекрасна была Юаньян! – думал он. – И надо же было ей умереть такой смертью! Поистине чудеса творятся с нашими девушками! И все же уходят они в мир блаженства. А мы, мужчины? Можем ли мы с ними сравниться, хотя тоже приходимся сыновьями и внуками старой госпоже?»

Неожиданно печаль у Баоюя сменилась радостью, и он бросился вон из комнаты. Баочай выскользнула следом за ним, но тут, к своему удивлению, увидела, что муж смеется.

– Плохо дело! – стали говорить ей служанки.

– Ничего! – успокаивала их Баочай. – Ему просто пришла в голову какая-то мысль.

Баоюю приятно было услышать слова жены и он подумал: «Она одна знает, что у меня на душе! Понимает меня!»

Пришел Цзя Чжэн. Он был искренне опечален случившимся и без конца вздыхал, говоря:

– Милое дитя! Не напрасно любила тебя старая госпожа!

Он приказал Цзя Ляню нынешней же ночью раздобыть гроб, чтобы похоронить Юаньян вместе с матушкой Цзя, ведь это была последняя воля девушки.

Вскоре пришла Пиньэр вместе с другими служанками оплакать подругу.

Надо сказать, что Цзыцзюань очень раскаивалась. Надо было и ей поступить так же, как Юаньян, когда умерла барышня Линь Дайюй – по крайней мере она исполнила бы свой долг перед госпожой и отблагодарила ее за милости. Она прислуживала теперь в комнатах Баоюя, и хотя он обращался с ней ласково, легче ей не становилось. Думая обо всем этом, Цзыцзюань безутешно рыдала.

Госпожа Ван вызвала жену старшего брата Юаньян, приказала ей распорядиться церемонией положения в гроб тела покойной, а затем подарила сто лянов серебра и вещи, принадлежавшие Юаньян.

Женщина без конца кланялась госпоже Ван, а затем стала превозносить до небес Юаньян:

– Какой решительной оказалась моя невестка! Вот это удача! И прославилась, и похоронят с почестями!

– И не стыдно тебе, а еще родственница! – возмутилась одна из женщин. – Продала мертвую невестку за сто лянов серебра и радуешься! Представляю, как бы ты радовалась, если бы тебе удалось продать ее при жизни старшему господину Цзя Шэ! Ведь тогда ты получила бы больше!

Уязвленная, жена брата Юаньян смутилась, покраснела и поспешила удалиться.

Дойдя до ворот, она столкнулась с Линь Чжисяо, за ним следовали слуги, несущие гроб для Юаньян. Вместе с ними женщина возвратилась в дом помочь положить покойницу в гроб и стала лить крокодиловы слезы.

Цзя Чжэн потребовал курительных свечей, зажег три из них перед гробом и, совершив полагающиеся поклоны, произнес:

– Юаньян жизнью пожертвовала ради своей госпожи, и теперь она для нас не просто служанка. Пусть младшие родственники ей поклонятся!

Баоюй, обрадованный словами отца, подошел к гробу и несколько раз низко поклонился. Цзя Лянь, искренне уважавший Юаньян, хотел последовать примеру Баоюя, но госпожа Син его остановила.

– Чрезмерные почести могут ей повредить в ином мире.

Цзя Ляню ничего не оставалось, как повиноваться.

Баочай не могла согласиться с госпожой Син и, выступив вперед, сказала:

– Мне, собственно, не полагается кланяться служанке, но поскольку мы так и не выполнили своего долга перед старой госпожой при ее жизни, считаться не приходится. Юаньян подала нам пример преданности и благочестия, и мы должны умолять ее прислуживать старой госпоже и в ином мире, чтобы хоть немного искупить свою вину перед старой госпожой!

С этими словами Баочай, опираясь на руку Инъэр, подошла к гробу, совершила возлияние вина, поплакала, после чего несколько раз поклонилась.

Одни служанки говорили, что жена Баоюя так же глупа, как он сам, другие считали, что у молодых доброе сердце, что они хорошо знают приличия и порадовали Цзя Чжэна.

Снова зашел разговор о том, кого оставить присматривать за домом, в который уже раз остановились на Фэнцзе и Сичунь, все остальные должны были сопровождать гроб.

В эту ночь никто не спал.

Едва настало время пятой стражи, все собрались, а как только забрезжил рассвет, Цзя Чжэн, теперь старший в роде, облачился в траурную простую одежду и вновь стал оплакивать матушку Цзя, как и полагалось почтительному сыну.

Как только гроб с телом матушки Цзя был вынесен за ворота дворца Жунго, стали совершать жертвоприношения друзья и знакомые. Но об этом мы рассказывать не будем.

Гроб принесли в кумирню Железного порога и там установили. По обычаю, мужчинам надлежало провести здесь ночь. Однако мы и об этом умолчим.

Линь Чжисяо тем временем велел убрать траурный навес у входа во дворец, закрыть все окна и двери, подмести двор, после чего отобрал людей и поручил им ходить ночью по дворцу и отбивать стражи.

В конце второй стражи все ворота, ведущие во внутреннюю часть дворца, наглухо запирались, мужчинам ходить туда ночью не полагалось, только женщинам разрешалось устраивать обходы.

Фэнцзе в день похорон матушки Цзя чувствовала себя бодрее, но ходить еще не могла, поэтому с вечера Пиньэр и Сичунь обошли дворец, отдали необходимые распоряжения ночным сторожам, после чего разошлись по своим комнатам.

А теперь вернемся к истории, о которой мы вкратце рассказали выше.

Хэ Сань, приемный сын Чжоу Жуя, еще в то время, когда хозяйственными делами ведал Цзя Чжэнь, затеял драку с Баоэром, за что был бит, изгнан из дворца, и сейчас целые дни проводил в игорных домах. Теперь, после смерти матушки Цзя, у него зародилась надежда, что его услуги вновь могут понадобиться.

Несколько дней кряду ходил он во дворец Жунго, но все без толку, и разочарованный поплелся в игорный дом, где незадолго до этого изрядно проигрался.

– Попробовал бы отыгаться! – говорили дружки.

– С великим удовольствием, – отвечал Хэ Сань, – только денег нет!

– Так мы тебе и поверили! – ухмылялись дружки. – Зря ты, что ли, к своему папаше Чжоу Жую ходил, неужто так ничего и не выклянчил? Он-то уж наверняка немало денег у своих хозяев вытянул, а ты все

прибедняешься.

– Да замолчите вы! – закричал Хэ Сань. – Золота и серебра у господ наших хоть отбавляй, так ведь они на нем сидят! Дождутся, все грабители унесут!

– Хватит тебе врать, – возразили дружки. – Ведь все имущество у них в казну отошло!

– Ничего вы не знаете! – вскричал тут Хэ Сань. – Все, да не все! Старая госпожа оставила в своих покоях немало золота и серебра. После похорон его будут делить!

Один из игроков, метнув кости, вдруг сказал:

– Я проиграл, но отыгрываться не буду. Спать пойду! – и подтолкнул Хэ Саня: – Пойдем, дело есть!..

Хэ Сань вышел.

– Ты вот не дурак, а сидишь без денег, – сказал игрок Хэ Саню.

– Что поделаешь – такая судьба! – ответил Хэ Сань.

– Ведь сам говоришь, что во дворце Жунго денег хватает! Пошел бы да раздобыл немного на расходы.

– Братец мой! – воскликнул Хэ Сань. – Да разве выпросишь у них хоть грош?!

– А ты сам возьми! – улыбнулся приятель, и Хэ Сань уловил в его словах намек.

– Сам?

– Ну да. Не понимаешь? Я бы сумел!

– Как?

– Хочешь разбогатеть? Проведи нас во дворец! – шепнул игрок. – Мои друзья все сделают ловко, без шума. Мужчин сейчас во дворце почти нет, одни женщины. А если и остался один – не беда! Главное – не бойся!

– А кого мне бояться? – разозлился Хэ Сань. – Приемного отца? Так я и отцом его не считаю, разве что ради матери! Только ничего у нас не получится. Неприятности наживем – и все. У наших господ везде связи, в каждом ямыне. Если и возьмем что-нибудь, сразу поднимется шум.

– Ты и не знаешь, как тебе повезло, – уговаривал игрок. – Мои друзья – с морского побережья. Если состряпаем это дельце, все вместе туда и отправимся. Соглашайся! Захочешь – возьмем с собой и твою названую мать, будете жить в свое удовольствие.

– Уж не пьян ли ты, братец? – испуганно спросил Хэ Сань. – Разве можно об этом говорить вслух?

Он отвел нового знакомого в укромное место, они обо всем договорились и разошлись.

Но об этом речь пойдет ниже.

Мы уже рассказывали о том, что Бао Юн в наказание был послан присматривать за садом, и из-за похорон о нем забыли – слишком много было хлопот. Но Бао Юн это не печалило. Он делал что хотел, гулял по саду, вволю спал, не затруднял себя работой, то забавлялся ножом, то упражнялся на дубинках.

В то утро, когда состоялась церемония выноса гроба с телом покойницы, Бао Юн, как обычно, отправился бродить по саду и вдруг приметил молодую буддийскую монахиню, а рядом с ней даосскую монахиню-старуху. Они подошли к внутренней калитке сада и постучались.

– Куда направляется почтенная настоятельница? – приблизившись к монахиням, спросил Бао Юн.

– Мы узнали, – отвечала даосская монахиня, – что нынче утром состоялась церемония выноса гроба с телом старой госпожи, а четвертая барышня Сичунь осталась присматривать за домом. Чтобы она одна не скучала, наша настоятельница и решила ее навестить.

– За всеми воротами сада присматриваю я, – заметил Бао Юн, – и попросил бы вас вернуться! Приходите, когда пожалуют господа!

– Откуда ты взялся, черномазый? – рассердилась монахиня. – И что тебе за дело, куда мы ходим?

– Терпеть не могу монашек! – рассердился Бао Юн. – Не пущу, и баста! Что вы мне сделаете?

– Возмутительно! – вышла из себя старуха. – При жизни старой госпожи никто не мешал нам ходить через сад! А ты, разбойник, никого не признаешь. Все равно пройду!

Она схватилась рукой за кольцо калитки и несколько раз изо всех сил его дернула.

Мяоюй, стоявшая рядом, слова не могла произнести от гнева и уже хотела уйти, но тут на шум прибежали женщины, присматривавшие за вторыми воротами. Взглянув на рассерженную Мяоюй, они сразу поняли, что Бао Юн ее обидел.

Все служанки, надобно сказать, знали, что Мяоюй очень жалуют старшие госпожи, что она дружна с барышней Сичунь и боялись, как бы Мяоюй не пожаловалась хозяевам.

Поэтому одна из женщин подбежала к Мяоюй и стала оправдываться.

– Простите, мы вас не ждали и не успели открыть. Четвертая барышня дома, она как раз вспоминала о вас. А этот малый – новичок, он присматривает за садом и не знает наших порядков. Мы попросим госпожу,

когда вернется, наказать его и выгнать вон!

Мяоюй, будто не слыша, пошла к выходу. Женщина умоляла ее вернуться, готова была встать на колени, говорила, что в случившемся могут обвинить ее. Мяоюй пожалела ее и вернулась, к великому неудовольствию Бао Юна, которому ничего не оставалось, как, смирив гнев, уйти прочь.

А Мяоюй с монахиней пришли к Сичунь, выразили ей соболезнование по поводу кончины старой госпожи и стали болтать о разных пустяках.

– Теперь несколько ночей не придется спать, – пожаловалась Сичунь. – Мне велено присматривать за домом. Вторая госпожа Фэнцзе болеет, а одной по ночам скучно, да и страшновато. Будь здесь хоть один мужчина, тогда дело другое. Но мужчинам запрещено появляться на женской половине дворца. Раз уж вы удостоили меня своим посещением, хочу попросить вас провести эту ночь у меня. Поиграем в шахматы, поболтаем.

Мяоюй, говоря по правде, не очень хотелось оставаться ночевать, но Сичунь так просила! К тому же весьма заманчивым было предложение сыграть в шахматы. Поэтому Мяоюй согласилась и послала монахиню передать послушнице, чтобы та принесла ей чайные принадлежности и постель.

Сичунь была вне себя от радости. Она приказала Цайпин вскипятить собранную еще в прошлом году дождевую воду и собственноручно заварила самый лучший чай.

Вскоре послушница принесла чайный прибор Мяоюй, девушки сели и завели беседу.

Когда наступило время начала страж, Цайпин поставила на столик шахматы. Сичунь сперва проиграла две партии, и лишь когда Мяоюй уступила ей четыре фигуры, наполовину отыгралась.

Незаметно наступила четвертая стража. В доме все было тихо.

– В начале пятой стражи пойдешь спать, – сказала Мяоюй, – обо мне не беспокойся, послушница будет мне прислуживать.

Сичунь не хотелось уходить, но она чувствовала, что Мяоюй желает побыть одна, и оставаться было неудобно. Едва Сичунь собралась уходить, как подняли крик служанки, присматривавшие по ночам за восточными комнатами, а следом прибежали служанки Сичунь.

– Караул! Воры! – кричали они. К ним присоединились Сичунь и Цайпин.

– О Небо! – воскликнула Мяоюй. – Не иначе как грабители забрались в дом.

Она быстро заперла дверь, погасила светильник и через глазок в окне

посмотрела наружу. По двору шныряли здоровенные парни, и Мяоюй в страхе шептала:

– Беда!

Тут же послышались крики ночных сторожей:

– Ловите злодеев!

– Из верхней комнаты утащили вещи! – кричал кто-то. – В восточные комнаты уже побежали люди, а мы бежим в западные!

Служанки Сичунь, услышав, что подоспела помощь, закричали:

– Воры залезли на крышу!

– Да, да, они там! – откликнулись сторожа и в нерешительности остановились: с крыши полетела вниз черепица.

Но тут раздался пронзительный крик, распахнулась калитка, и из нее выскочил здоровенный детина с толстой дубиной в руках. Люди бросились за ним.

– Ловите воров! – крикнул детина. – За мной!

Слуги и сторожа от испуга словно приросли к месту, а детина продолжал кричать. Наконец одному из слуг удалось его разглядеть. Это оказался не кто иной, как Бао Юн. Тот самый, что приехал во дворец Жунго с рекомендательным письмом из семьи Чжэнь.

Тут слуги приободрились и крикнули:

– Один разбойник сбежал! Остальные на крыше!

Бао Юн стукнул дубиной о землю и полез на крышу.

Надо сказать, что грабители, когда лезли в дом, были уверены, что во дворце одни женщины, и совсем забыли об осторожности. Они пробрались во двор, где жила Сичунь, заглянули в окно и, увидев монахиню редкой красоты, решили с ней позабавиться. Они уже собирались взломать дверь и проникнуть в комнату, как вдруг услышали крики и, поняв, что за ними гонятся, полезли на крышу. Однако преследователей было немного, и грабители решили оказать сопротивление. Тут появился Бао Юн, и грабители вступили с ним в рукопашную. Одного разбойника Бао Юн сильным ударом дубинки сбил с крыши, остальные попрыгали вниз и бросились наутек. Добежав до садовой стены, они перемахнули через нее и скрылись.

Бао Юн погнался за ними. Он не знал, что в саду прячутся еще несколько разбойников, те, что должны были принимать награбленное. Увидев, что дружки их бегут, они схватились за оружие и приготовились защищаться. Но преследователь оказался один, и грабители ринулись на него.

Бао Юн в ярости закричал:

– Эй, подлые воришки! Кто отважится сразиться со мной?

– Они там пристукнули одного нашего! – переговаривались между тем разбойники. – Жив ли он? Выручить бы его надо!

Бандиты окружили Бао Юна, и он едва успевал отбиваться.

В это время подоспели сторожа из дворца Жунго. Поняв, что силы неравны, грабители обратились в бегство. Бао Юн устремился за ними, но споткнулся о сундук и растянулся на земле. Поднявшись на ноги, он прежде всего подумал о вещах – грабители были уже далеко, и преследовать их не имело смысла. Он велел принести фонарь и при его свете увидел, что в сундуке пусто. Приказав убрать сундук, Бао Юн снова бросился в погоню, но заблудился и попал на дорогу, ведущую к дому Фэнцзе. В окне ярко горел свет.

– Грабители у вас? – крикнул Бао Юн.

– Нет, у нас все двери на замке! – донесся дрожащий голос Пиньэр. – Беги в главный господский дом – они там!

Бао Юн побежал не разбирая дороги. Наткнулся на ночных сторожей, крикнул, чтобы следовали за ним, и помчался дальше. В господском доме все двери были распахнуты настежь, служанки кричали и плакали.

Вскоре появились взволнованные Цзя Юнь и Линь Чжисяо и, посветив фонарем, увидели, что дверь дома, где жила старая госпожа, тоже распахнута, с нее сорван замок, а шкафы и сундуки открыты.

– Вы что, подошли? – напустились Цзя Юнь и Линь Чжисяо на женщин, дежуривших ночью. – Воры в дом забрались, а вам хоть бы что!

– Мы дежурили только во вторую и третью стражу, – плача, оправдывались женщины, – и за это время ни разу не присели, обшарили каждый уголок. В четвертую и пятую стражу сторожили другие. Как только они нас сменили, мы слышали крики. Прибежали узнать, в чем дело, смотрим, вещи исчезли. Лучше всего, почтенные господа, спросить у тех, кто дежурил в четвертую и пятую стражу!

– Убить всех вас мало! – гремел Линь Чжисяо. – Мы еще поговорим! А сейчас осмотрите весь дом! Живо!

Сторожа повели их на ту сторону, где жила госпожа Ю, но там все ворота оказались запертыми.

– Мы до смерти напугались! – слышались голоса изнутри дома.

– Вещи целы? – осведомился Линь Чжисяо.

– Целы, – последовал ответ, и ворота открылись.

Линь Чжисяо и сопровождавшие его вошли во двор, где жила Сичунь, и тут слышали разговоры:

– Ах, беда! Барышня от испуга упала в обморок! Очнитесь же!

Линь Чжисяо спросил, в чем дело.

– Злодеи до смерти перепугали барышню, – сообщила женщина, открывая дверь. – Настоятельница Мяоюй и Цайпин насилу привели ее в чувство. Вещи все пропали.

– С кем дрались разбойники? – удивился Линь Чжисяо.

– С господином Бао Юном, он вовремя подоспел и выгнал разбойников, – ответил сторож. – А одного, говорят, даже убил.

– Да, да, это у ворот сада, – поддакнул Бао Юн, – пойдёмте посмотрим, там ли он!

Все поспешили вслед за Бао Юном и увидели, что у ворот и в самом деле кто-то лежит. Пригляделись, а покойник как две капли воды похож на приемного сына Чжоу Жуя. Оставив возле убитого сторожа, Цзя Юнь послал двух других осмотреть ворота. Они были крепко заперты.

Линь Чжисяо велел отпереть ворота и отправился в ямынь донести о случившемся.

Тотчас прибыли чиновники и приступили к расследованию. Было установлено, что воры из узенького переулочка позади дворца Жунго забрались на крышу дома, спустились в западный двор, а оттуда проникли в сад.

Люди, дежурившие ночью, в один голос показывали:

– Это были не просто воры, а разбойники и грабители!..

– Какие там грабители, если не пустили в ход оружия и действовали без факелов?! – раздраженно заметил один из чиновников.

– Но они забрались на крышу и швыряли в нас черепицей, – оправдывались сторожа, – попробуй подойди к ним! Спасибо, Бао Юн залез на крышу и согнал их оттуда! Да и тех разбойников, что спрятались в саду, тоже обратил в бегство. •

– Опять вы за свое! – рассердился чиновник. – Да будь это разбойники, разве не справились бы они с вами?! Рассуждать тут нечего: проверьте, что пропало, составьте список, а я доложу начальству.

Цзя Юнь и все остальные вновь направились в покои матушки Цзя. Там уже были Сичунь и Фэнцзе.

Цзя Юнь справился о самочувствии Фэнцзе, поздоровался с Сичунь, после чего все приступили к проверке вещей.

Юаньян не было в живых, остальные служанки уехали сопровождать гроб, и никто не знал, какие вещи принадлежали старой госпоже. Она постоянно держала их под замком, и описи на них не существовало. Поэтому установить что-либо оказалось делом нелегким.

– Мы знаем лишь, что сундуки и шкафы были набиты вещами, а

сейчас там пусто, – говорили служанки. – Чтобы все их перетаскать, потребовалось немало времени! Куда смотрели сторожа? К тому же убитый – приемный сын Чжоу Жуя! Конечно, он действовал заодно с разбойниками!

Услышав это, Фэнцзе вспыхнула от гнева и приказала:

– Всех женщин, дежуривших ночью, связать и передать властям! Пусть учинят им допрос с пристрастием!

Раздались вопли, причитания – все провинившиеся запросили пощады.

Если хотите узнать, удалось ли женщинам избежать наказания и куда девались пропавшие вещи, прочтите следующую главу.

Глава сто двенадцатая

*Красавицу монахиню Мяоюй постигает жестокое возмездие за
прежние грехи;*

*обезумевшая от лютой ненависти наложница Чжао готовится
отойти в мир мрака*

Итак, Фэнцзе приказала связать женщин, дежуривших ночью, и передать властям. Женщины пали на колени, моля о прощении.

– Замолчите! – прикрикнули на них Цзя Юнь и Линь Чжисяо. – Господин Цзя Чжэн наказывал хорошенько смотреть за домом. Провинились – извольте отвечать! Никто за вас не станет заступаться! Свалить вину на сына Чжоу Жуя неловко. Чжоу Жуй старый слуга госпожи Ван. В этом случае и на остальных ее слуг падет подозрение!

– Да что с ними разговаривать?! – воскликнула Фэнцзе, задыхаясь от гнева. – Пусть уведут! Властям заявите, что пропали вещи старой госпожи, а какие именно, знают старшие господа. Опись их будет составлена и послана в ямынь, когда господа вернутся. В ямынь по гражданским делам мы тоже сообщим о случившемся.

Сичунь не осмеливалась вступать в разговор. Она только плакала и приговаривала:

– Ничего подобного со мной не случилось! И надо же было, чтобы именно на меня и на Фэнцзе свалилось такое несчастье! Как я теперь покажусь на глаза господину и госпоже?! Ведь они оставили дом на меня, а я не смогла углядеть! Какой позор!

– А что мы могли сделать? – возразила Фэнцзе. – Виноваты в первую очередь сторожа!

– Хорошо тебе говорить! – вскричала Сичунь. – Ты больна, а с больной какой спрос? Ну а мне как быть? Это моя золовка подговорила старшую госпожу оставить меня присматривать за домом! Теперь пропало мое доброе имя! – И Сичунь заплакала в голос.

– Не только твое, – промолвила Фэнцзе. – У всех пострадало доброе имя! А слушаешь тебя – тошно становится!

В это время во дворе послышался шум.

– Говорил я, что эти монашки приносят одни несчастья! – кричал кто-то. – У нас в семье Чжэнь их на порог не пускали! А здесь – пожалуйста! Вчера, только вынесли гроб с телом старой госпожи, пришла монашка. Я не пускаю ее, а старухи, что присматривают за воротами, давай меня ругать. Открыли калитку, пригласили монашку войти. До самой четвертой стражи я не спал, все думал, закрыли потом за нею калитку или нет. Вдруг поднялся шум. Я бросился во двор, ворота заперты, стал стучаться – меня не впускают. А крики все громче. Я выломал ворота и увидел во дворе каких-то людей. Одного стукнул дубиной, и он тут же дух испустил. Огляделся – а это двор четвертой барышни Сичунь, в комнате у нее монашка! Только стало светать, монашка улизнула! Не иначе как она привела разбойников!

– Кто там болтает, позабыв о всяких приличиях? – вскричали служанки. – Барышня здесь, а он орет!

– Вы разве не знаете, что он из семьи Чжэнь? – удивилась Фэнцзе. – Ведь его к нам Чжэни прислали!

Сичунь слова Бао Юна смутили. Тут Фэнцзе ее спросила:

– Что за монашка, о ком он болтает? Ты что, взяла к себе жить монашку?

Пришлось Сичунь рассказать, что ее навестила Мяоюй и она, чтобы скоротать ночь, оставила монашку играть в шахматы.

– Так это была она? – удивленно воскликнула Фэнцзе. – Неужели Мяоюй согласилась остаться? В таком случае не о чем говорить! Пусть этот крикун держится потише и не болтает лишнего, не то господин Цзя Чжэн хорошенько его проучит!

Сичунь вдруг стало так страшно, что захотелось убежать. Фэнцзе забеспокоилась и стала уговаривать девушку остаться, хотя и у самой на душе было тревожно.

– Пусть соберут уцелевшие вещи, – приказала Фэнцзе. – И кто-нибудь их постережет.

– Лучше дождаться конца расследования, – сказала Пиньэр, – а потом уж собирать вещи. Послали кого-нибудь сообщить господину о происшествии?

– Спроси у старых служанок! – отозвалась Фэнцзе.

Вскоре посланная к старухам служанка возвратилась и сообщила:

– Господин Линь Чжисяо ехать не может, слугам, пока идет дознание, тоже отлучаться нельзя, пришлось послать второго господина Цзя Юня.

Фэнцзе ничего не ответила, лишь кивнула, села рядом с Сичунь и погрузилась в размышления.

Вы, конечно, уже догадались, что шайку разбойников привел Хэ Сань. Разбойники похитили золото, серебро, драгоценности, а затем, уверенные, что никто им не помешает, собрались обворовать жилые комнаты на западной стороне. И вдруг в одном из освещенных окон увидели двух красивых девушек: барышню и монахиню. Разбойники жизнью не дорожат – они хотели тут же вломиться в дом и овладеть девушками. Но в этот момент на них бросился Бао Юн, и они, прихватив награбленное, обратились в бегство, даже не заметив, что Хэ Сань куда-то исчез.

Выбравшись из дворца, они спрятались у скупщика краденого. А на следующий день навели справки и узнали, что Хэ Сань убит, а о грабеже сообщено в военный и гражданский ямыни. Посоветовавшись между собой, разбойники решили присоединиться к морским пиратам, пока не вышел указ об их аресте и они могли беспрепятственно проезжать через заставы и переправы.

Но главарь разбойников ничего не боялся.

– Уехать успеем, – сказал он, – я должен похитить ту монахиню. До чего же красива! Из какого только монастыря вырвалась эта пташечка?

– Ай-я! Вспомнил! – закричал один из разбойников. – Это настоятельница из кумирни Бирюзовой решетки, принадлежащей семье Цзя! Помнишь, у них заболел какой-то Баоюй? Никто не мог его вылечить, а потом вдруг нашелся врач. И знаешь кто? Та монахиня!..

– Сегодня отсидитесь здесь, – заявил главарь разбойников, – а утром нарядитесь купцами и проскочите через заставу. Будете ждать меня на склоне Двадцати ли!

Уговорившись обо всем, разбойники стали делить добычу.

Тем временем Цзя Чжэн и остальные, сопровождавшие гроб с телом покойной, прибыли в кумирню и совершили положенные церемонии. Затем гости и родственники стали разъезжаться.

Цзя Чжэн, согласно обычаю, остался в кумирне и устроился во внешнем флигеле, а госпожи Син и Ван – во внутреннем. Всю ночь они оплакивали покойницу.

На следующий день снова начались жертвоприношения. Как раз когда подносили жертвенный рис, вошел Цзя Юнь. Он поклонился гробу матушки Цзя и, опустившись на колени перед Цзя Чжэном, справился о его здоровье. Затем рассказал о происшествии во дворце, о том, как были украдены вещи старой госпожи, как Бао Юн выгнал разбойников и убил одного из них и как подали донесение о грабеже военным и гражданским

властям. Выслушав его, Цзя Чжэн разволновался.

Госпожи Син и Ван, услышав дурную весть, испугались и заплакали.

– Список пропавших вещей составили? – спросил Цзя Чжэн.

– Нет, – ответил Цзя Юнь. – Никто не знает, что пропало.

– Это хорошо, – произнес Цзя Чжэн. – У нас недавно описали имущество, и объяви мы сейчас, что пропали ценности, нас, пожалуй, обвинили бы в утайке... Позовите скорее Цзя Лянь!

Цзя Лянь в это время сопровождал членов семьи на церемонию жертвоприношения, и Цзя Чжэн распорядился немедленно вызвать его.

Узнав о случившемся, Цзя Лянь, не стесняясь Цзя Чжэна, обрушился на Цзя Юня с бранью:

– Мерзавец! Ничтожество! Ему доверили такое важное дело, а он, вместо того чтобы проверять ночных сторожей, наверняка спал как убитый. Спасибо еще, что хватило совести приехать сообщить!

И разъяренный Цзя Лянь плюнул Цзя Юню в лицо. Тот стоял вытянувшись, не смея произнести ни слова.

– Сейчас бесполезно его ругать, – сказал Цзя Чжэн.

– Что же делать? – вскричал Цзя Лянь, пав на колени.

– Обратиться с просьбой к властям разыскать воров. Только вот затруднение: мы не знаем, какие именно вещи оставила старая госпожа. К деньгам же ее никто не посмел прикоснуться! Этими деньгами решено было покрыть долги, а что останется, истратить на постройку могильного склепа на юге, куда и перевезти покойницу. Но сказать точно, сколько у старой госпожи было денег и вещей, мы не можем. Власти потребуют список пропавшего, и если указать ценные вещи, не миновать беды! Дать заведомо ложные сведения, будто у нас пропало столько-то золота, серебра, украшений и других вещей, тоже нельзя... Просто обидно! Не успел я уехать из дома, как все пошло кувырком! Ну, чего ты стоишь на коленях?

Цзя Лянь молча поднялся и направился к выходу.

– Ты куда? – крикнул Цзя Чжэн.

– Поеду домой и все выясню, – обернувшись, ответил Цзя Лянь.

Цзя Чжэн презрительно хмыкнул. И Цзя Лянь виновато опустил голову.

– Скажи матери, – приказал Цзя Чжэн, – чтобы отпустила с тобой одну или двух служанок старой госпожи. Пусть просмотрят все ее вещи, а ты сделай опись!

Цзя Лянь призадумался: у кого спрашивать про вещи госпожи? Ведь ими ведала Юаньян. Можно бы, конечно, спросить у Чжэньчжу, но вряд ли она знает что-либо точно. Однако возражать Цзя Чжэну он не осмелился и

только поддакивал.

Выслушав Цзя Ляня, госпожи Син и Ван стали торопить его с возвращением домой, наказывая тщательно допросить всех, кто присматривал за домом.

– Как только они будут смотреть нам в глаза, когда мы вернемся? – возмущались женщины.

Цзя Лянь велел заложить коляски и передать служанкам, чтобы собирались домой. Через некоторое время он верхом на муле в сопровождении нескольких слуг отправился в путь.

Цзя Юнь ничего больше не сказал Цзя Чжэну, потихоньку выскользнул из комнаты, вскочил на коня и помчался следом за Цзя Лянем. В пути не случилось ничего, достойного внимания.

Вернувшись домой, Цзя Лянь прошел прямо в комнаты матушки Цзя. Увидев Фэнцзе и Сичунь, он ничего не сказал, хотя едва сдержал гнев, лишь спросил у Линь Чжисяо:

– Из ямыня приходили?

Линь Чжисяо с виноватым видом опустил на колени и отвечал:

– Приходили. И из военного и из гражданского, провели расследование, освидетельствовали труп убитого.

– Какой труп? – встревожился Цзя Лянь.

Линь Чжисяо рассказал, что Бао Юн убил одного грабителя, очень похожего на приемного сына Чжоу Жуя.

– Позвать сюда Цзя Юня! – приказал Цзя Лянь.

Цзя Юнь вошел, опустил на колени.

– Ты почему не сказал господину Цзя Чжэну, что приемный сын Чжоу Жуя был вместе с грабителями и Бао Юн его убил? – обрушился на него Цзя Лянь.

– Это сторожа говорят, что убитый похож на сына Чжоу Жуя, а сам я ничего точно не знаю, потому и не сказал, – стал оправдываться Цзя Юнь.

– Дурень! – вскричал в сердцах Цзя Лянь. – Скажи ты об этом раньше, я привез бы Чжоу Жуя для опознания убитого, и все было бы ясно!

– Чиновники из ямыня приказали выставить убитого на базарной площади для опознания, – сообщил Линь Чжисяо.

– Глупее ничего не придумаешь! – вскричал Цзя Лянь. – Кто скажет, что знает убитого? Ведь таким образом можно на себя самого навлечь подозрение!

– Это вообще никому не нужно, – заявил Линь Чжисяо. – Достаточно, что я его знаю.

Цзя Лянь задумался.

– Кажется, вспомнил! – воскликнул он. – Ведь это приемного сына Чжоу Жуя старший господин Цзя Чжэнь велел в прошлом году высечь?

– Совершенно верно, – подтвердил Линь Чжисяо. – Все видели, как он тогда драку с Баоэром затеял!

Цзя Лянь еще больше рассердился и хотел распорядиться, чтобы высекли ночных сторожей.

– Не гневайтесь, второй господин, – принялся умолять его Линь Чжисяо. – Они ведь не виноваты! Согласно заведенному в доме порядку, мужчинам после третьей стражи запрещено появляться на женской половине. Даже управляющие не смеют там показываться, если их не позовут! Мы с братом Цзя Юнем снаружи все проверили еще с вечера. Ворота накрепко заперли, и пройти через них никто не мог! Воры проникли в дом через стену, которая выходит в переулок.

– А что делали женщины, сторожившие на женской половине? – возмутился Цзя Лянь. – Где они?

Линь Чжисяо рассказал, что всех этих женщин Фэнцзе приказала связать и отправить на допрос в ямынь.

– А Бао Юн где? – поинтересовался Цзя Лянь.

– В саду.

– Позовите его!

Слуги побежали за Бао Юном и, провожая его к Цзя Ляню, говорили:

– Спасибо, вы оказались поблизости. Не то разбойники разграбили бы весь дом!

Сичунь боялась, как бы Бао Юн не рассказал о приходе Мяоюй. Фэнцзе молчала, не осмеливаясь слово сказать.

В это время послышались возгласы:

– Пришла сестра Хупо!

Все сразу вспомнили о матушке Цзя и заплакали.

Хупо сказала, что нет денег, чтобы расплатиться с людьми, занятыми на похоронах, и Цзя Лянь еще больше разволновался.

Хупо между тем, увидев взломанные сундуки и шкафы, так расстроилась, что толком не могла вспомнить, какие вещи остались после матушки Цзя, однако спросить больше было не у кого, и на основании ее слов составили список пропавших вещей, который и отправили в военный и гражданский ямыни.

Фэнцзе и Сичунь разошлись по своим комнатам, а Цзя Лянь назначил сторожей на ночь. Он даже не стал, как обычно, ворчать на Фэнцзе, а сел на коня и уехал в кумирню.

Фэнцзе тем временем послала Фэнъэр успокоить Сичунь, опасаясь,

как бы та не покончила с собой с горя.

Ко времени второй стражи разбойники уже успели миновать заставу. Но во дворце Жунго никто не спал.

Главарь разбойников, замысливший похитить Мяоюй, понимал, что соблазнить монахиню ему не удастся, поэтому взял с собой кинжал, прихватил одурманивающие благовония и в третью стражу пробрался в сад. Там он увидел, что в кумирне Бирюзовой решетки горит свет, подкрался поближе и спрятался. Постепенно огни в окнах погасли, освещенным осталось только одно.

Мяоюй сидела на молитвенном коврике, погруженная в размышления:

«Я приехала в столицу из Юаньму, желая прославиться подвижнической жизнью. Но была приглашена в этот дом и не смогла осуществить свое намерение. Вчера я с самыми добрыми чувствами отправилась навестить четвертую барышню Сичунь, а какой-то негодяй меня оскорбил, да еще пришлось натерпеться страху».

Вернувшись от Сичунь, Мяоюй никак не могла унять дрожь, сердце ее трепетало. Обычно она предавалась созерцанию в одиночестве и поэтому звать никого не стала.

Во время пятой стражи Мяоюй почувствовала сильный озноб, хотела позвать людей, но тут услышала за окном шорох. Вспомнив о грабителях, Мяоюй стала звать на помощь, но никто не откликнулся.

Вдруг голова у Мяоюй стала тяжелой, руки-ноги онемели, язык отнялся. В комнату вошел человек со сверкающим мечом в руке. Мяоюй не могла двинуться с места. Вот и настал ее смертный час. Сердце девушки бешено колотилось, но страха она не испытывала.

Вошедший спрятал меч, осторожно взял Мяоюй, положил себе на спину. Мяоюй, словно пьяная, не соображала, что с ней происходит.

Увы, эта непорочная девушка была одурманена, и негодяй смог похитить ее...

Разбойник с Мяоюй на спине подошел к задней стене сада, поднялся на нее по веревочной лестнице и спустился с наружной стороны, где его ожидали несколько человек с коляской. Посадив Мяоюй в коляску, злодей нарядился чиновником и велел как можно быстрее ехать к городским воротам. Добрались они туда, как раз когда ворота открыли.

Стражники, увидев коляску, решили, что едет какой-то чиновник, и даже не стали проверять.

Благополучно выбравшись из города, разбойники подстегнули коней и во весь дух помчались на склон Двадцати ли, где встретились с остальными грабителями, разделились на группы и поспешили к Наньхаю.

Не будем строить догадок, смирилась ли Мяоюй со своим позором или же покончила с собой – следы молодой монахини затерялись.

А теперь вернемся в кумирню Бирюзовой решетки.

Одна из буддийских монахинь, которая прислуживала Мяоюй и жила в келье, находившейся в самой глубине кумирни, спокойно проспав до пятой стражи, была разбужена звуками, доносившимися из переднего помещения. Зная, что Мяоюй сидит там на своем коврике, предаваясь созерцанию, монахиня подумала, что девушка сама с собой разговаривает. Вдруг послышались тяжелые мужские шаги, скрипнула дверь. Монахиня хотела встать, но все тело охватила истома, даже рот лень было раскрыть. Она не слышала голоса Мяоюй и, лежа с широко раскрытыми глазами, продолжала прислушиваться.

Лишь на рассвете монахиня смогла подняться. Она оделась и приказала старой даосской монахине вскипятить чай для Мяоюй, а сама отправилась посмотреть, что та делает. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что Мяоюй нет, а окна и двери распахнуты настежь! Тут она вспомнила шум, послышавшийся ей ночью, встревожилась и подумала: «Куда это она могла так рано уйти?»

Монахиня вышла во двор, огляделась и тут заметила веревочную лестницу, свисавшую со стены, а рядом, на земле, ножны от меча и пояс.

«Беда, – подумала женщина. – Ночью пробрался в сад какой-то злодей и одурманил нас курениями!»

Она крикнула монахиням, чтобы внимательно осмотрели кумирню, но ворота кумирни оказались запертыми.

– Ты зачем подняла нас в такую рань? – ворчали монахини. – Вчера в кумирне воскуривали дурмящие благовония, и мы никак не можем прийти в себя!

– А где настоятельница, не знаете? – спросила прислужница.

– В зале богини Гуаньинь! – отвечали монахини.

– Вы, видно, все еще спите! – закричала прислужница. – Пойдите посмотрите, там ли она?

Ничего не подозревавшие монахини бросились в зал богини Гуаньинь. Обыскав сад и не найдя Мяоюй, они подумали, что она у Сичунь. Побежали во дворец Жунго, стали стучаться в садовую калитку, но Бао Юн обрушился на них с бранью.

– Мы ищем нашу настоятельница Мяоюй, – стали говорить монахини. – Откройте, может быть, она у четвертой барышни? Мы спросим.

– Ваша настоятельница привела к нам грабителей! – крикнул Бао

Юн. – Они обобрали весь дом, а ваша настоятельница с ними убежала!

– О всемогущий Будда! – переполошились монахини. – Смотри, за такие слова попадешь в ад, там тебе укоротят язык!

– Хватит болтать! – орал Бао Юн. – Не то я вас отколочу!

Монахини, стараясь задобрить его, заулыбались и стали просить:

– Откройте нам, пожалуйста, господин! Мы поглядим, здесь ли наша настоятельница. И больше не посмеем вас тревожить.

– Не верите – идите смотрите! – произнес Бао Юн. – Но берегитесь, попадет вам от меня, если ее там нет!

Бао Юн впустил монахинь, которые со всех ног побежали к Сичунь.

Сичунь в это время сидела у себя в комнате и думала: «Мяоюй ушла от меня вчера утром. Слышала ли она, что говорил о ней этот Бао Юн? Если слышала, то наверняка обиделась и больше не придет. А мне так тяжело: я – сирота, жена брата меня ненавидит. Старая госпожа по-доброму ко мне относилась, а сейчас я осталась совсем одна».

Сичунь вспомнила, что невыносимые страдания довели до смерти Инчунь; Ши Сяньюнь ни на минуту не может оставить больного мужа; третья сестра Таньчунь в дальних краях. Одна Мяоюй свободна, как облако или дикий аист.

«Быть такой, как она, – это счастье, – продолжала размышлять девушка. – Но, увы, я из знатной семьи, где господствуют свои порядки, и не могу собой распоряжаться! Мне поручили присматривать за домом, а я не справилась! Господи не понимают, что творится у меня на душе, и никогда не поймут».

Сичунь захотелось сейчас же порвать нити, связывающие ее с суетным миром, и уйти в монастырь. Служанки стали ее отговаривать, но Сичунь схватила ножницы и отрезала клоч волос.

– Ну на что это похоже? – с упреком произнесла Цайпин. – Не успели уладить одну неприятность, как вы хотите накликать другую!

В это время прибежали монахини.

Цайпин вышла их расспросить, в чем дело, и, узнав об исчезновении Мяоюй, испуганно воскликнула:

– Она ушла от нас еще вчера утром!..

– Где же она? – донесся из внутренней комнаты голос Сичунь.

Даосская монахиня ей рассказала, как ночью слышала шум, как их всех одурманили курениями, а утром они обнаружили на стене веревочную лестницу и рядом ножны от меча.

Тут Сичунь вспомнила, как Бао Юн рассказывал о приходе разбойников, и решила, что злодеи, прельстившись красотой Мяоюй,

похитили ее. Конечно же, Мяоюй, хранившая чистоту и целомудрие, не вынесла позора и покончила с собой.

– Неужели вы ничего не слышали? – спрашивала Сичунь у монахинь.

– Как не слышали?! – вскричали монахини. – Слышали, и глаза у нас были открыты, только слова произнести не могли и пошевелиться! Это злодей напустил дурману. Может быть, он и сестру Мяоюй одурманил, или разбойники ей ножом пригрозили?

В это время раздался голос Бао Юна:

– Эй, монашки, убирайтесь! Пора запирайте калитку!

Цайпин, боявшаяся, как бы ей не попало от хозяев, заторопила монахинь. После их ухода Сичунь еще больше расстроилась. Как ни старалась Цайпин ее успокоить, все было тщетно. Сичунь снова схватила ножницы и остригла себе волосы до конца.

Служанки посоветовались и решили не поднимать шума.

– Если даже Мяоюй похитили, – говорили они, – нужно сделать вид, будто нам ничего не известно. А вернутся господин и госпожа, все им расскажем...

С этой поры Сичунь окончательно утвердилась в мысли уйти в монастырь. Но об этом речь пойдет ниже.

Между тем Цзя Лянь, возвратившись в кумирню Железного порога, сказал Цзя Чжэну, что учинил допрос ночным сторожам и со слов Хупо сделал опись пропавших вещей.

– Первым делом мы выяснили, – сказал он, —какие вещи присылала нам Юаньчунь, а затем приступили к описи наиболее редких вещей. Обычные вещи, которые есть у многих, мы в список не внесли. Думаю, по окончании траура все найдется.

Цзя Чжэн молча выслушал Цзя Ляня, после чего тот отправился во внутренние покои и сказал господам Син и Ван:

– Хорошо бы уговорить господина Цзя Чжэна пораньше возвратиться домой. А то как бы там опять чего-нибудь не случилось.

– Это верно, – отозвалась госпожа Син. – Мы тоже тревожимся!

– Поговорите с ним, – попросил Цзя Лянь. – Как вы скажете, так он и сделает!

Женщины уговорились между собой, как действовать.

Утром Цзя Чжэн послал Баоюя к господам Син и Ван передать:

– Пусть господа съездят домой, там нужны их указания, а дня через два-три вернутся!

Госпожа Син оставила возле гроба служанок, жене Чжоу Жуя велела следить за порядком, а сама стала собираться домой.

В это время Цзя Чжэн и остальные родственники продолжали оплакивать матушку Цзя.

Когда церемония окончилась и все собрались уходить, наложница Чжао вдруг упала в обморок. Стоявшая рядом наложница Чжоу бросилась ее поднимать. Наложница Чжао пронзительно закричала, язык ее высунулся, на губах выступила пена. Цзя Хуань подбежал к матери. Наконец женщина пришла в себя и заявила:

– Я не поеду домой! Хочу сопровождать на юг старую госпожу!

– Зачем? – спрашивали ее.

– Я ей служила всю жизнь! Старший господин строил против меня козни, и я с помощью монахини Ма пыталась отомстить, сколько денег истратила – все напрасно – никого не удалось извести! И если я останусь в живых, меня снова начнут терзать!

Сперва все подумали, что устами наложницы говорит Юаньян, но при упоминании о монахине Ма поняли, что ошиблись.

Госпожи Син и Ван молчали, только Цайюнь стала молиться.

– Сестра Юаньян, ты сама пожелала умереть! Отпусти же тетушку Чжао! Не мучай!

Она сказала бы больше, но не осмелилась при госпоже Син.

– Я не Юаньян! – кричала наложница Чжао. – Янь-ван прислал за мной своих посланцев и спрашивает, зачем мы с монахиней Ма занимаемся колдовством. – И она запричитала: – Вторая госпожа Фэнцзе, дорогая моя! Не проклинай меня! Пусть из тысячи дней я всего один была хорошей! Добрая вторая госпожа! Дорогая вторая госпожа! Я не хотела тебя губить, та баба дрянная меня подговаривала!

В это время за Цзя Хуанем прибежал слуга Цзя Чжэна.

– На тетушку Чжао нашло наваждение, – передали служанки, – и третий господин Цзя Хуань не может от нее отойти.

– Ерунда! – ответил Цзя Чжэн. – Надо ехать домой!

По его распоряжению все мужчины тотчас же собрались в путь.

А наложница Чжао все безумствовала, и никто не мог ее успокоить.

Госпожа Син, опасавшаяся, как бы наложница не наговорила лишнего, приказала:

– Пошлите к ней еще служанок, а мы уезжаем! Как только прибудем на место, сразу пришьлем врача!

Госпожа Ван, не любившая наложницу Чжао, ни во что не вмешивалась. Однако Баочай, чуткая и добрая, несмотря на то что наложница Чжао когда-то пыталась погубить Баоюя, наказала наложнице Чжоу хорошенько о ней заботиться. Наложницу Чжоу тронула просьба

Баочай, потому что она и сама была доброй.

– Я тоже останусь, не поеду домой, – заявила Ли Вань.

– Пожалуй, не стоит, – возразила госпожа Ван.

Все стали собираться в путь.

– А мне можно уехать? – спросил Цзя Хуань.

– Дурак! – обругала его госпожа Ван, – Неужели не понимаешь, что тебе уезжать нельзя? А если с матерью что-нибудь случится?

Цзя Хуань промолчал.

– Дорогой брат! – обратился к нему Баоюй. – Тебе никак нельзя уезжать! Как только прибудем в город, я сразу пришлю в помощь слуг!

Наконец все сели в коляски и тронулись в путь. В кумирне остались только наложница Чжао, Цзя Хуань, Ингэ и несколько служанок.

Цзя Чжэн и госпожа Син первыми возвратились домой и еще раз оплакали покойную. После этого Линь Чжисяо привел слуг, и они пали перед господами на колени.

– Убирайтесь! – закричал Цзя Чжэн. – С вами я завтра поговорю!

В этот день Фэнцзе чувствовала себя особенно плохо, несколько раз теряла сознание и не выходила из дому. Встречала Цзя Чжэна только Сичунь; увидев, как гневается Цзя Чжэн, она покраснела и снова расстроилась.

Госпожа Син даже не удостоила Сичунь взглядом, госпожа Ван с Баочай и Ли Вань ушли во внутренние покои. А госпожа Ю не выдержала и с издевкой произнесла:

– Спасибо тебе, девочка! Хорошо ты присматривала за домом!

Сичунь ничего не ответила и еще сильнее покраснела.

Баочай бросила на госпожу Ю выразительный взгляд, и та замолчала. Вскоре все разошлись по своим комнатам.

Цзя Чжэн поглядел вслед ушедшим и вздохнул. Вернувшись к себе в кабинет, он опустился на циновку, позвал Цзя Ляня, Цзя Жуна и Цзя Юня, они выслушали его указания и ушли.

– И ты иди, – сказал Цзя Чжэн Баоюю, который зашел навестить отца.

Ночь прошла без особых происшествий.

На следующее утро Линь Чжисяо явился к Цзя Чжэну и опустился на колени. На вопрос Цзя Чжэна, что ему известно о грабителях, Линь Чжисяо ответил, что в грабеже замешан сын Чжоу Жуя, которого нашли убитым.

– Арестован Баоэр, – продолжал докладывать Линь Чжисяо. – У него найдены вещи, которые значатся в списке пропавших. Дознание проводят под пыткой, чтобы выяснить, куда скрылись разбойники.

– Какой же неблагодарный этот раб! – вне себя от гнева воскликнул Цзя Чжэн. – Забыл о милостях и вздумал обворовывать хозяев!

Он велел слугам немедля ехать в кумирню, связать Чжоу Жуя и доставить в ямынь для дознания.

Линь Чжисяо все еще смиренно стоял на коленях.

– Что тебе нужно? – спросил Цзя Чжэн.

– Я заслуживаю смерти! – вскричал Линь Чжисяо. – Но прошу вас, господин, пощадите меня!

В это время появился Лай Да еще с несколькими управляющими; они вручили Цзя Чжэну счета, в которых значились расходы на похороны матушки Цзя.

– Передайте эти счета Цзя Ляню, – распорядился Цзя Чжэн, – пусть проверит и мне доложит!

После этого он велел Линь Чжисяо убраться прочь.

Вошел Цзя Лянь, опустился на одно колено перед Цзя Чжэном и что-то зашептал ему на ухо.

– Глупости! – вытаращив глаза, вскричал Цзя Чжэн. – Если деньги украли воры, с какой стати слуги должны возмещать потери?

Цзя Лянь ничего не ответил, лишь покраснел. Однако уходить не решался.

– Как чувствует себя Фэнцзе? – спросил Цзя Чжэн.

– По-моему, она безнадежна, – ответил Цзя Лянь, снова опускаясь на колени.

– Кто мог подумать, что на нашу семью обрушится столько несчастий?! – со вздохом произнес Цзя Чжэн. – Мать Цзя Хуаня тоже больна, и неизвестно, что у нее за болезнь! Прикажи послать к ней врача!

Цзя Лянь ушел выполнять приказание.

Если хотите узнать о дальнейшей судьбе наложницы Чжао, прочтите следующую главу.

Глава сто тринадцатая

Раскаявшаяся в своих грехах Фэнцзе всецело доверяется деревенской старухе;

избавившись от неприязни, верная служанка проявляет жалость к странному юноше

Итак, вы уже знаете, что наложница Чжао заболела, осталась в кумирне и ей становилось все хуже и хуже. Служанки не на шутку перепугались. Две женщины держали ее под руки, а она то становилась на колени, кричала и плакала, то ползала по полу и молила:

– Убейте меня! Краснобородый повелитель, я больше никогда никому не причиню зла!

Потом, сложив руки, она вдруг принималась жаловаться, что ей больно, изо рта шла кровь, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Растрепанные волосы торчали во все стороны. В такие минуты никто из служанок не решался приблизиться к ней.

Вечером голос наложницы Чжао звучал особенно зловеще, напоминая вой демонов. Женщины в ужасе от нее шарахались – пришлось звать на помощь мужчин. Чжао потеряла сознание, но вскоре пришла в себя. Всю ночь она буйствовала, а на следующий день умолкла. Лицо исказила гримаса, платье на груди было порвано. Она не произносила ни единого слова, но все понимали, как она мучается.

Наконец появился врач. Он даже не стал осматривать больную, только взглянул и сказал:

– Готовьте все для похорон!

– Господин, вы бы хоть пульс проверили! – стали просить служанки. – А то мы не знаем, что доложить госпоже!

Доктор взял руку больной, но пульса уже не было. Цзя Хуань зарыдал, и все принялись его утешать, забыв о самой Чжао, – босая, со всклокоченными волосами, она лежала бездыханная. Наложница Чжоу, глядя на нее, думала: «Таков конец всех наложниц! Хорошо, у нее сын есть! А обо мне кто позаботится, когда я умру? !»

Тем временем ездивший за доктором слуга возвратился домой и

сообщил Цзя Чжэну о смерти наложницы Чжао. Цзя Чжэн распорядился устроить похороны. Вместе с Цзя Хуанем они три дня провели у гроба, после чего вернулись домой.

Вначале поползли слухи, а вскоре все стали говорить в открытую, что наложницу Чжао постигло возмездие за совершенное зло.

– Теперь, пожалуй, и вторая госпожа – супруга Цзя Ляня – обречена, – говорили другие. – Иначе зачем было наложнице Чжао упоминать о ней перед смертью?!

Услышав это, Пиньэр разволновалась и стала приглядываться к Фэнцзе – вид ее и в самом деле не вселял надежды. А Цзя Лянь, будто нарочно, относился к жене последнее время как к чужой. Пиньэр не отходила от своей госпожи и без конца ее утешала.

Госпожи Син и Ван уже несколько дней как возвратились домой, но ни разу не пришли навестить Фэнцзе, лишь присылали слуг справиться о ее самочувствии. И это заставляло Фэнцзе страдать. Но еще обиднее было равнодушие мужа! Со времени своего возвращения домой он не сказал ей ни одного доброго слова.

И вот однажды, когда Фэнцзе жаждала смерти, как избавления, ей показалось, что из внутренней комнаты вышла Ю Эрцзе, приблизилась к ней и промолвила:

– Как давно мы не виделись, сестра! Я не забывала тебя, мечтала о встрече. И вот наконец мечта моя осуществилась. Ум и находчивость твои истощились. Ты сама видишь. Наш второй господин глуп и не понимает твоего доброго к нему отношения. Считает, что ты разрушила все его надежды, и теперь ему стыдно перед людьми! Нет предела моему возмущению!

– Прости, что зло тебе причинила! – чуть слышно пробормотала Фэнцзе. – Не будем вспоминать старое. Приходи еще раз меня навестить!

– О чем это вы, госпожа? – удивилась Пиньэр.

Фэнцзе очнулась, вспомнила, что Эрцзе давно нет в живых, и решила, что та приходила за нею.

– Не знаю, что со мной! – ответила Фэнцзе. – Наверное, разговаривала во сне. Разотри меня!

Но только Пиньэр собралась исполнить просьбу Фэнцзе, как появилась девочка-служанка и доложила, что пришла бабушка Лю справиться о здоровье второй госпожи.

– Где она? – осведомилась Пиньэр.

– Ждет разрешения второй госпожи, – ответила девочка.

Пиньэр кивнула, но, подумав, что, может быть, Фэнцзе не хочет никого

видеть, сказала:

– Передай бабушке, что госпожа отдыхает и тревожить ее нельзя, пусть в другой раз придет. А заодно спроси, что ей нужно.

– Ее уже спрашивали, – ответила служанка. – Она говорит, что пришла просто так, и просит прощения за то, что не была на похоронах старой госпожи. Никто не сказал ей, что старая госпожа умерла.

Тут Фэнцзе подала голос.

– Пиньэр, – сказала она, – бабушка пришла с добрыми намерениями, а ты ее не пускаешь. Пусть войдет, я хочу с ней поговорить!

Пиньэр пошла за старухой Лю, а Фэнцзе снова погрузилась в забытие. И тут ей пригрезилось, что какие-то мужчина и женщина подошли к кану и хотят влезть на него.

– Откуда здесь мужчина? – закричала Фэнцзе и позвала Пиньэр. – Что ему нужно?!

К ней подбежали Фэнхэр и Сяохун.

– Чего вам, госпожа?

Фэнцзе обвела комнату взглядом и, убедившись, что никого из посторонних нет, умолчала о том, что ей привиделось, только спросила Фэнхэр:

– Куда девалась эта негодница Пиньэр?

– Пошла за бабушкой Лю, вы ей сами велели, – удивленно ответила девушка.

Вскоре вошла бабушка Лю, ведя за руку девочку, и, озираясь по сторонам, спросила:

– Где же госпожа?

Пиньэр подвела старуху к кану, и та осведомилась:

– Как вы себя чувствуете, госпожа?

Фэнцзе открыла глаза, печально взглянула на бабушку и в свою очередь спросила:

– А ты как себя чувствуешь, бабушка? Что это вдруг вздумала нас навестить? Какая у тебя большая внучка!

Глядя на исхудавшую, тонкую как хворостинка Фэнцзе, бабушка Лю расстроилась.

– Ах, госпожа моя! Как же вы изменились! А я, старая дура, ни разу не навестила вас!

И она велела своей внучке, Циньэр, подойти к Фэнцзе и справиться о здоровье. Циньэр засмеялась, но к Фэнцзе не подошла. Девочка очень понравилась Фэнцзе, и она велела Сяохун хорошенько ее угостить.

– У нас в деревне люди редко болеют, – рассказывала бабушка. – А уж

если заболеют, лекарств не пьют, молятся духам, дают обеты. Сдается мне, вторая госпожа, болезнь ваша от какого-нибудь наваждения.

Опасаясь, как бы Фэнцзе не расстроилась, Пиньэр незаметно подтолкнула старуху, и та, смекнув, в чем дело, сразу умолкла. Ей и в голову не могло прийти, что Фэнцзе тоже так думала.

– Бабушка! – собравшись с силами, проговорила Фэнцзе. – Ты жизнь прожила, много на своем веку повидала, мудрости набралась. Известно ли тебе, что умерла наложница Чжао?

– О господи! – воскликнула Лю. – Как же это она ни с того ни с сего умерла! Хорошо помню ее сынишку. Что теперь с ним будет?

– Беспокоиться нечего! – ответила Пиньэр. – Господа о нем позаботятся!

– Ах, барышня! – воскликнула бабушка Лю. – Родную мать никто не заменит!

Услышав это, Фэнцзе окончательно расстроилась, даже заплакала. Все стали ее утешать, а Цяоцзе бросилась к кану, схватила мать за руку и тоже заплакала.

– Ты поздоровалась с бабушкой? – сдержав слезы, спросила Фэнцзе.

– Нет, – ответила девочка.

– Ведь это твоя названная мать, она дала тебе имя, – сказала Фэнцзе. – Скорее справься о ее здоровье!

Цяоцзе подошла к старухе Лю.

– Амиитаба! Как она выросла! – воскликнула старуха. – Барышня Цяоцзе, давно я тебя не видела. Ты узнала меня?

– Узнала! – отвечала Цяоцзе. – Хотя в тот год была совсем еще маленькой. Помню, вы гуляли по саду. Потом я вас видела в позапрошлом году, просила цикаду мне принести, но вы, наверное, забыли о своем обещании.

– Милая барышня! Совсем не стало у меня памяти. В деревне цикад сколько хочешь! Но ты ни разу у нас не была! Приезжай, соберем тебе этих цикад хоть целую телегу!

– Возьми мою дочку с собой, – попросила Фэнцзе.

– Как же я могу взять к себе барышню из знатной семьи, – с улыбкой возразила бабушка Лю, – она ходит в шелках, ест только изысканные кушанья. Чем я буду ее в деревне угощать да развлекать? А вдруг не угожу? – Она засмеялась. – Впрочем, я могла бы сосватать барышню! В деревне много богатых людей, хоть и не знатных, у каждого по несколько тысяч цинов земли, по несколько сот голов скота, да и денег немало. Вы, госпожа, таких наверняка презираете? А у нас в деревне их как святых

почитают!

– В таком случае я охотно отдам дочь в семью одного из них, – отозвалась Фэнцзе.

– Шутите, госпожа! – смеясь, ответила бабушка Лю. – Если вы до сих пор не отдали дочь даже в знатную чиновничью семью, так разве согласитесь отдать ее простому мужику? А если бы и согласились, старшие госпожи воспротивятся.

Цяоцзе было неприлично слушать подобные разговоры, и она убежала вместе с Циньэр. Девочки сразу подружились.

Пиньэр между тем, опасаясь, как бы старуха Лю своими разговорами не растревожила Фэнцзе, дернула ее за рукав:

– Ты вот упомянула о госпоже, а сама не идешь к ней! Я велю тебя проводить. По крайней мере будешь знать, что приходила не зря!

Старуха собралась уходить.

– погоди! – остановила ее Фэнцзе. – Посиди еще немного, расскажи, как вы живете?

Бабушка Лю принялась благодарить за милости, оказанные ей во дворце Жунго, а затем сказала:

– Если бы не вы, госпожа, родители моей Циньэр давно умерли бы с голоду. Мы и сейчас живем небогато, но у нас все же есть несколько му земли, недавно вырыли колодец, выращиваем овощи, зелень, тыквы, фрукты. Продаем на базаре. Одним словом, на пропитание хватает. К тому же за последние два года вы подарили нам столько одежды, что мы в деревне прослыли богачами. Остается лишь благодарить Будду!.. Отец Циньэр недавно побывал в городе и слышал, будто у вас описали имущество. Я как узнала, от страха чуть не умерла! Но потом выяснилось, что это не у вас, и я успокоилась. Потом мне сказали, что господин Цзя Чжэн повышен в чине. Хотела прийти поздравить, но все никак не могла выбраться, пришла пора сеять. О смерти старой госпожи мне сказали только вчера. Я как раз собирала бобы. Тут уж я все бросила, села на землю, заплакала, а потом сказала зятю, что пойду в город и узнаю, правду говорят или врут. Дочка и зять – люди совестливые – как узнали про старую госпожу – тоже заплакали. И вот нынче, еще не рассвело, я поспешила в город. Пришла, а спросить не у кого, знакомых нет. Подошла к задним воротам дворца, а на них изображения духов наклеены. Я сразу поняла, что в доме траур, сердце замерло. Вошла в ворота, хотела найти тетушку Чжоу, а тут навстречу молоденькая барышня. От нее я узнала, что тетушку Чжоу выгнали за какую-то провинность. Пришлось долго ждать, пока я случайно не заметила знакомого человека, он и впустил меня. Не

ожидала я, что вы так больны, госпожа!

Из глаз старухи полились слезы.

– Бабушка, ты столько говоришь, что у тебя, наверное, во рту пересохло, – перебила ее взволнованная Пинъэр, – пойдем, я тебя чаем напою.

Она увела старуху в прихожую, усадила, а Цинъэр осталась с Цяоцзе.

– Не надо чаю, дорогая барышня, – сказала бабушка Лю. – Велите отвести меня к госпоже Ван, я там оплачу старую госпожу!

– Не торопись, – ответила Пинъэр, – все равно не успеешь до закрытия городских ворот. А увела я тебя потому, что боялась, как бы ты своими речами госпожу не расстроила. Прости меня.

– Амиитаба! – воскликнула бабушка Лю. – Вполне понятно, что вы беспокоитесь. Но скажите мне, она опасно больна?

– А ты что, сама не видишь? – спросила Пинъэр.

– Не взыщите за дерзость, но, по-моему, госпожа на ладан дышит, – ответила старуха.

В это время Фэнцзе позвала Пинъэр. Девушка подошла к ней. Фэнцзе молчала. Не успела Пинъэр спросить, зачем госпожа ее звала, как неожиданно вошел Цзя Лянь. Он был чем-то раздражен, покосился на Фэнцзе и скрылся во внутренних покоях. Следом за ним туда проскочила Цютун, налила Цзя Ляню чаю, и они долго о чем-то говорили. Потом Цзя Лянь позвал Пинъэр и спросил:

– Ты давала госпоже лекарство?

– Не все ли вам равно? – ответила Пинъэр.

– Впрочем, ладно! Меня это не касается! Принеси ключи от шкафа.

Видя, что Цзя Лянь рассержен, Пинъэр не осмеливалась ему перечить, пошла к Фэнцзе и что-то прошептала ей на ухо. Фэнцзе ничего не сказала. Тогда Пинъэр взяла шкатулку, отнесла Цзя Ляню и собралась уходить.

– Куда тебя черт понес? – выругался Цзя Лянь. – Зачем мне шкатулка? Ключи давай!

Сдерживая гнев, Пинъэр вынула из шкатулки ключи и отперла шкаф.

– Что подать? – спросила она.

– А что у нас есть? – в свою очередь спросил Цзя Лянь.

– Говорите прямо, что нужно! – вскричала Пинъэр, едва не плача от злости. – Вы, я вижу, пришли издеваться!

– Ну ладно, ладно! – проворчал Цзя Лянь. – Помолчала бы лучше! Ведь наше имущество из-за вас описали! На похороны старой госпожи не хватило четырех-пяти тысяч лянов серебра, и господин Цзя Чжэн приказал взять эти деньги из общей семейной казны. Думаешь, они есть там? Да и

долги мы не заплатили! И за что только мне приходится терпеть такой позор?! Хорошо, что в свое время старая госпожа дала мне немного своих вещей, я продал их и с частью долгов рассчитался. Ну, чего стоишь?

Пиньэр молча вытащила из шкафа все содержимое.

– Сестра Пиньэр, идите скорее! – крикнула, вбегая в комнату, Сяохун. – Госпоже плохо!

Девушка поспешила к Фэнцзе. Та задыхалась, хватала руками воздух. Пиньэр подбежала к ней, обняла и заплакала в голос.

Вошел Цзя Лянь.

– Ох, совсем меня хотят извести! – крикнул он в сердцах, не сдержав слез, но тут появилась Фэнцзе и сказала:

– Второй господин, вас зовут!

Цзя Лянь вышел.

Между тем Фэнцзе становилось все хуже и хуже, служанки рыдали. Прибежала Цяоцзе.

Старуха Лю подошла к постели больной, помянула Будду, произнесла заговор. Фэнцзе почувствовала некоторое облегчение.

Вскоре пришла госпожа Ван, от девочки-служанки она узнала, что Фэнцзе плохо. Заметив старуху Лю, госпожа Ван спросила:

– Как поживаешь, бабушка? Давно пришла?

Старуха справилась о ее здоровье и завела речь о болезни Фэнцзе. Казалось, разговорам не будет конца.

В это время вошла Цайюнь.

– Госпожа, вас зовет господин Цзя Чжэн!

Госпожа Ван отдала Пиньэр несколько распоряжений и удалилась.

Почувствовав себя лучше, Фэнцзе подумала, что это старуха Лю помогла ей своим заговором, отпустила служанок, велела старухе сесть рядом и стала жаловаться, что на душе у нее тревожно и все время чудятся привидения.

– У нас в деревне в таких случаях молятся бодхисаттвам, – сказала старуха Лю.

– Помолись за меня, – попросила Фэнцзе. – Если нужно, я дам денег на жертвоприношения!

Она сняла с руки золотой браслет и протянула старухе.

– Не надо, не надо, госпожа! – запротестовала старуха. – В деревне, например, дают обет, а если человек поправится, тратят на жертвоприношения несколько сот медных монет, и все. Зачем такие дорогие вещи? Вот дам я обет, а вы, когда поправитесь, сами придете и устроите жертвоприношение!

Фэнцзе понимала, что старуха Лю говорит от чистого сердца, и не стала настаивать.

– Бабушка! – сказала она, убирая браслет. – Все мои надежды на тебя. Моя Цяоцзе тоже несчастна, и я отдаю ее на твое попечение.

– В таком случае не стану мешкать и пойду молиться, – заявила старуха. – Время раннее, и я думаю, что успею выйти из города до закрытия ворот. А поправитесь – приду просить вас оплатить обет, который я дам!

Напуганная привидениями, Фэнцзе горячо желала, чтобы старуха Лю поскорее выполнила обещанное.

– Если ты для меня постараться и я спокойно усну, – говорила Фэнцзе, – то в долгу перед тобой не останусь. А твоя внучка пусть пока поживет у нас!

– Она девочка деревенская, – возразила бабушка Лю, – неотесанная! Лучше я уведу ее!

– Какая же ты мнительная! – с укором произнесла Фэнцзе. – Чего боишься – ведь мы родственники! И хоть обеднели, но прокормить человека можем!

Неподдельная искренность Фэнцзе тронула старуху Лю, и она с радостью согласилась, подумав, что несколько дней можно будет на Циньэр не тратиться. Неизвестно только, захочет ли внучка остаться. Цяоцзе принялась упрашивать свою новую подружку погостить, и девочка охотно согласилась. Наставив внучку, старуха попрощалась с Пиньэр и поспешила домой.

А теперь расскажем о кумирне Бирюзовой решетки. Когда сад Роскошных зрелищ готовили к приезду гуйфэй, кумирня оказалась в его пределах, но денег на содержание монахинь семья Цзя не давала. Монахини заявили властям о похищении Мяоюй, а сами из кумирни не уходили, ожидали ответа властей, да и как уйти? Ведь кумирня являлась собственностью Мяоюй.

Во дворце Жунго похищению Мяоюй не придали никакого значения, даже не стали докладывать Цзя Чжэну, у того после похорон матушки Цзя хватало хлопот. Одна Сичунь, вспоминая о Мяоюй, ни днем ни ночью не знала покоя.

Слух о ее похищении дошел и до Баоюя.

– Сердце – не камень, – толковали люди, – вот Мяоюй и сбежала с любовником.

Баоюй расстроился.

«Мяоюй наверняка похитили, – думал он. – Но она скорее умрет, чем

стерпит позор!»

Особенно тревожило Баоюя то обстоятельство, что Мяоюй исчезла бесследно. До сих пор о ней не было никаких вестей.

– Она называла себя «стоящей за порогом» мирской суеты! Как же могло случиться, что ее постигла такая злая судьба?! – вздыхал он.

«Весело и шумно бывало у нас в саду! – вспоминал Баоюй. – Но со временем никого не осталось. Одних сестер выдали замуж, другие умерли. А теперь вот Мяоюй исчезла. Но она чиста, и никакая грязь ее не коснется! Поистине печальна ее судьба. Еще печальней, чем у сестрицы Линь Дайюй».

Одна мысль влекла за собой другую, и Баоюй в конце концов вспомнил изречение Чжуан-цзы: «Небытие – беспредельно, жизнь – скоротечна, промчится как ветер, улетит словно облако!»

На глаза Баоюя навернулись слезы, и он стал громко плакать. Служанки подумали, что это приступ болезни, и принялись ласково его успокаивать.

Баочай не могла понять, что творится с Баоюем, пыталась его вразумить, но тщетно. Он был по-прежнему мрачен, и душа его пребывала в смятении.

После долгих расспросов Баочай наконец удалось выяснить, что всему виной похищение Мяоюй, и она попыталась отвлечь мужа от грустных мыслей.

– Цзя Лань хоть и не ходит в школу, – говорила она, – но с каким усердием занимается! А ведь он всего лишь правнук старой госпожи! Все надежды она возлагала на тебя, и отец твой дни и ночи о тебе беспокоится, а ты погубить себя хочешь! Стоит ли после этого заботиться о тебе?

Баоюй сразу не нашелся что возразить, долго думал и наконец сказал:

– Что мне за дело до того, кто чем занимается?! Невыносимо тяжело при мысли, что счастье нашего рода иссякло!

– Опять ты за свое! – воскликнула Баочай. – Отец с матерью только и мечтают, чтобы ты добился высокого положения и поддержал славу своих предков, а ты упорствуешь в своих заблуждениях! Ну что с тобой делать?

Баоюй, словно не слыша, облокотился о стол и погрузился в размышления. Оставив возле него Шэюэ, Баочай ушла спать.

Баоюй же снова погрузился в раздумья:

«Цзыцзюань давно у меня в услужении, но мы с ней еще ни разу не поговорили по душам. Когда я болел, она не отходила от меня. Я же оказался неблагодарным, и теперь на душе у меня невыносимо тяжело! Она строга, не то что Шэюэ или Цювэнь, не терпит свободного обращения. До

сих пор я храню зеркальце, которое она мне дала! Почему же сейчас она так холодна со мной? Может быть, из-за Баочай? Но ведь Баочай дружила с сестрицей Линь и к Цзыцзюань относится по-доброму! Пока меня нет, Цзыцзюань разговаривает с Баочай и шутит, но стоит мне появиться, сразу уходит. Наверняка не может простить, что сестрица Линь умерла, а я женился! Ах, Цзыцзюань, Цзыцзюань! Знала бы ты, как я страдаю! Пока все спят, надо пойти обо всем ее расспросить. Если обидел, попросить прощения...»

Решив так, Баоюй потихоньку вышел из дома и отправился к Цзыцзюань.

Девушка жила в западном флигеле. Подкравшись к окну, Баоюй заметил в комнате свет. Он языком продавил оконную бумагу и заглянул внутрь. Цзыцзюань сидела возле свечи, облокотившись о стол, погруженная в размышления.

– Сестра, – тихо позвал Баоюй, – ты не спишь?

Цзыцзюань вздрогнула, огляделась, спросила испуганно:

– Кто это?

– Я, – отозвался Баоюй.

– Второй господин? – удивилась девушка.

– Да, я, – ответил Баоюй.

– Зачем вы пришли?

– Поговорить с тобой! Впусти меня!

– Время позднее, идите отдыхать, – немного подумав, ответила Цзыцзюань. – Завтра скажете, что хотели!

Баоюй не знал, как поступить. Откроет Цзыцзюань или не откроет? Гордость не позволяла Баоюю уйти, и он стоял в нерешительности.

– Я хочу задать тебе только один вопрос, – произнес наконец Баоюй.

– Ладно, говорите, – отозвалась Цзыцзюань.

Но Баоюй молчал, не зная, с чего начать.

Цзыцзюань, зная странности Баоюя, испугалась. Уж не обидела ли она его? Как бы не начался приступ болезни. Девушка прислушалась и подала голос:

– Вы все еще стоите здесь, как дурачок? Хотели что-то сказать, а сами молчите! Даже зло берет! Одну извели, теперь за меня взялись? Что вам здесь нужно?

Она поглядела в отверстие, проделанное Баоюем в оконной бумаге, и увидела, что Баоюй все еще стоит. Девушка отошла от окна, сняла нагар со свечи.

– Сестра Цзыцзюань! – выдохнул Баоюй. – Прежде ты не была столь

бесчувственной! Даже слова ласкового не скажешь! Конечно, я недостойн твоего внимания, но объясни, в чем я перед тобой провинился? А потом хоть всю жизнь не гляди на меня. Я тогда спокойно умру!

Цзыцзюань усмехнулась:

– Так вот вы зачем пришли, второй господин! А что еще вам хотелось бы знать? Не волнуйтесь, барышня все вам простила. Если же я в чем-то виновата, пожалуйста матушке, это она отдала меня вам в услужение! Разве считаются с нами, служанками?!

Цзыцзюань всхлипнула.

– Ты почему плачешь? – обиженно проговорил Баоюй. – Неужели не видишь, что со мной творится! Ведь живешь у нас несколько месяцев! Я просил все тебе объяснить, но никто не захотел. Позволь же мне это сделать! Ведь не допустишь же ты, чтобы я до самой смерти терзался?

Голос Баоюя дрогнул от слез.

Вдруг за его спиной раздался голос:

– Ты с кем тут разговариваешь? Чего добиваешься? Обидел человека – проси прощения. Простят тебя – хорошо. Не простят – не надо!

Баоюй и Цзыцзюань вздрогнули от неожиданности. Как вы думаете, кто это был? Ну конечно же Шэюэ! Баоюю стало неловко.

– Как же так? – продолжала Шэюэ. – Ты стараешься загладить свою вину, молишь о прощении, а ей хоть бы что! Ай-я, сестра Цзыцзюань! Нельзя быть такой жестокой! Заставляешь человека стоять на холоде. – И она снова обратилась к Баоюю: – Ты тут под окном стоишь, а жена беспокоится, не знает, куда ты пропал. Ведь поздно уже!

– Не понимаю, зачем он тут стоит, – слышался из комнаты голос Цзыцзюань. – Давно уговариваю его уйти! Если надо, пусть завтра приходит!

При Шэюэ продолжать разговор было неудобно, и Баоюй, перед тем как уйти, сказал:

– Ладно! В этом мире, видно, никто меня не поймет! Одному Небу ведомо, что творится в моей душе!

Из глаз Баоюя хлынули слезы.

– Второй господин, – промолвила Шэюэ, – выбросьте из головы глупые мысли, не проливайте зря слез!

Баоюй ничего не ответил и пошел следом за Шэюэ. Баочай лежала в постели с закрытыми глазами, но Баоюй знал, что она не спит.

– Если тебе надо было уйти, мог об этом сказать! – упрекнула его Сижэнь. – Из-за тебя поднялся такой шум, что...

Она умолкла и после продолжительной паузы спросила:

– Как ты себя чувствуешь?

Баоюй не ответил, лишь покачал головой. Всю ночь он не сомкнул глаз.

Цзыцзюань тоже до рассвета проплакала, вспоминая о прошлом.

«Баоюя обманом женили, он был болен и плохо соображал, – думала девушка. – А потом обезумел от горя, все время плакал и тосковал. Он не из тех, кто забывает о прежних чувствах и на добро отвечает черной неблагодарностью. Перед его нежностью трудно устоять! Как жаль, что барышне Линь Дайюй не суждено было это испытать! И вправду, судьба человека predetermined! Дайюй с Баоюем предавались несбыточным мечтам; когда же случилось непоправимое, этот глупец, казалось, смирился, а барышня никак не могла забыть о своих глубоких чувствах к нему, слезы лила и грустила. Как обидно, что она никогда не узнает о страданиях Баоюя! Лучше быть деревом или камнем, они по крайней мере ничего не чувствуют и могут оставаться спокойными».

Эти мысли немного успокоили Цзыцзюань. Она уже почти засыпала, когда вдруг во дворе послышался шум.

Если хотите узнать, что случилось, прочтите следующую главу.

Глава сто четырнадцатая

Пройдя все назначенные судьбой испытания, Фэнцзе возвращается в Цзиньлин;

*удостоенный высочайшей милости государя, Чжэнь Инцзя
восстанавливается в должности*

Итак, во дворе послышался шум, Баоюй и Баочай проснулись, узнали, что Фэнцзе плохо, и, быстро одевшись, вышли из дома.

Во дворе они столкнулись со служанкой госпожи Ван, и та рассказала:

– Второй госпоже Фэнцзе совсем худо, но она еще дышит, так что не торопитесь, успеете! Непонятно, что с госпожой. Начиная с третьей стражи и до самой четвертой госпожа бредила: то требовала лодку, то паланкин, чтобы ехать в Цзиньлин записаться в какие-то списки. И при этом плакала и кричала. Второй господин Цзя Лянь растерялся. Сделал вид, будто идет нанимать лодку и паланкин, и теперь не может вернуться домой – она же его ждет! Госпожа задыхается, и до ее кончины матушка не велит вам туда ходить.

– Странно! – произнес Баоюй. – Зачем ей понадобилось в Цзиньлин?

– Неужели ты забыл сон, который когда-то тебе приснился? – тихонько сказала Сижэнь. – Помню, ты говорил, что видел множество каких-то списков. Вот и второй госпоже Фэнцзе привиделось то же самое.

– Верно, верно! – закивал головой Баоюй. – Жаль, я тогда не запомнил, что было написано в этих списках. У каждого, видно, своя судьба. Только сейчас, когда ты о них напомнила, я стал догадываться, куда ушла сестрица Линь Дайюй. Если сон этот мне еще раз приснится, постараюсь запомнить, что в списках тех написано, и тогда не надо будет обращаться к гадалкам, чтобы предсказали судьбу.

– Ну что ты болтаешь? – с укором произнесла Сижэнь. – Ведь я пошутила! Да знай ты даже заранее нашу судьбу, все равно не смог бы ее изменить!

– Знать заранее судьбу мне, увы, не дано, – ответил Баоюй, – а если бы и было дано, о вас беспокоиться я бы не стал!

– О ком это вы? – спросила, подходя, Баочай.

– О сестре Фэнцзе, – поспешно ответил Баоюй, не желая вовлекать в разговор жену.

– Человек при смерти, а вы вздумали судачить о нем, – заметила Баочай. – Помнишь, ты говорил, будто я своими предсказаниями могу накликать на Фэнцзе беду, а выходит, я не ошиблась.

– Верно, верно! – изумился Баоюй. – Ты, пожалуй, и вправду ясновидящая! Может, скажешь, что ожидает меня?

– Опять глупости говоришь, – засмеялась Баочай. – Ведь я тогда просто шутила. Право, ты суеверен, как жена моего брата Сюэ Кэ! Когда ты потерял свою яшму, она побежала к Мяоюй гадать и потом на все лады ее расхваливала за ясновидение и мудрость. Но почему же тогда Мяоюй не предвидела обрушившейся на нее страшной беды? Куда девалось ее ясновидение? Что же до судьбы второй госпожи Фэнцзе, то это получилось случайно. Неужели ты думаешь, что я все знала заранее? Я и о себе-то ничего не знаю. Все эти предсказания – пустые слова, можно ли им верить?!

– Ладно, не будем говорить о Фэнцзе, – сказал Баоюй. – Расскажи, как поживает сестрица Син Сюянь, а то из-за своих неприятностей мы совсем о ней забыли. Почему не сыграли ее свадьбу, как полагается, не пригласили родных и друзей?

– Ничего ты не понимаешь, – возразила Баочай. – Семья Ван и ваша семья – вот наши родственники. Но в семье Ван никого из достойных людей не осталось, а у ваших траур. Как же их приглашать? Приезжали дальние родственники из других семей, ты просто не знаешь, потому что не был на свадьбе. В сущности судьба Син Сюянь почти ничем не отличается от моей. Мама очень хотела устроить свадьбу как полагается, но Сюэ Кэ отказался. Ведь старший наш брат в тюрьме, да и много других неурядиц. К тому же свадьбу устроили наспех, мама хотела забрать поскорее Сюянь, в доме старшей госпожи Син ей нелегко приходилось, особенно после конфискации имущества. Я сама торопила маму со свадьбой, потому и пришлось поступиться некоторыми обрядами. Сюянь у нас хорошо и спокойно, к маме она внимательна, куда внимательней меня, брату предана. С Сянлин они живут дружно, не ссорятся, даже когда Сюэ Кэ не бывает дома. Теперь мы не так богаты, как прежде, зато мама довольна и ни о чем не тревожится, только о Сюэ Пане. Он то и дело присылает людей с просьбой прислать денег на расходы. Спасибо Сюэ Кэ – брата он не забывает, достает деньги, помогает ему. Все наши дома в городе, я слышала, отданы под залог, остался один, в него Сюэ Кэ и собирается переселиться со своей женой.

– Зачем ему переселяться? – удивился Баоюй. – Жили бы здесь, ты могла бы их чаще навещать. А переедут – придется тратить на это целый день.

– Отдельно жить спокойнее, – возразила Баочай. – С какой стати они должны постоянно жить у родных?

Вдруг прибежала служанка госпожи Ван и доложила:

– Скончалась супруга господина Цзя Ляня! Там уже все собрались и просят вас, второй господин, с супругой прийти!

Слезы навернулись на глаза Баоюю. Баочай, чтобы еще больше не расстраивать мужа, ничем не выдала охватившей ее печали и сказала:

– Пойдем скорее, там и поплачешь!

Когда они пришли в дом Фэнцзе, родственники стояли вокруг покойной и громко плакали. Зарыдали и Баоюй с Баочай. Пиньэр ничего не оставалось, как всех утешать, однако ее никто не слушал.

Цзя Лянь уже распорядился насчет похорон, известил Цзя Чжэна о случившемся и отправился по делам. Но все валилось из рук, даже самые простые дела не спорились, и Цзя Лянь с горечью вспоминал, как легко управлялась со всем Фэнцзе. Особенно тяжело было смотреть на безутешно рыдавшую дочку.

До рассвета проплакав, Цзя Лянь послал за Ван Жэнем. Тем самым Ван Жэнем, который после смерти Ван Цзытэна воспользовался нерасторопностью Ван Цзышэна и прибрал к рукам все семейное достояние. За короткое время он успел перессорить всех родственников. Узнав о смерти сестры, он не замедлил явиться, чтобы оплакать ее, и сразу выразил недовольство:

– Моя сестра, не щадя сил, управляла вашим хозяйством и заслужила, чтобы вы достойно проводили ее в последний путь. А у вас до сих пор ничего не готово.

Цзя Лянь, недолголюбивавший Ван Жэня, пропустил его слова мимо ушей.

Ван Жэнь, однако, не унимался, позвал Цяоцзе и стал наговаривать ей:

– Твоя мать не так вела хозяйство, как следовало. Только и знала, что угождать старой госпоже, а о своих родственниках забыла. Ты уже большая! Скажи по совести, помнишь ли ты, чтобы я у вас что-нибудь требовал? Сейчас твоя мать умерла, и ты должна меня слушаться! Из родственников по материнской линии у тебя остались только я да второй дядя! Я давно понял, что за человек твой отец: он уважает только чужих, а до своих ему и дела нет! Когда у него умерла наложница Ю Эрцзе, он не пожалел денег на похороны. Так пусть теперь твою родную мать похоронят

достойно! Уговори его!

– Мой отец охотно устроил бы пышные похороны, – возразила Цяоцзе, – но денег у нас нет, поэтому приходится экономить.

– А у тебя самой разве мало вещей? – не унимался Ван Жэнь.

– В прошлом году у нас все отобрали в казну, – отвечала девочка. – Откуда же взяться вещам?

– И ты так говоришь? – сокрушался Ван Жэнь. – Ведь старая госпожа отдала вам немало добра! Все это надо продать.

Цяоцзе не решилась сказать, что все давно продано, а деньги ушли на расходы, поэтому она ответила, что ничего об этих вещах не знает.

– О! Все понятно! – воскликнул Ван Жэнь. – Ты хочешь вещи оставить себе на приданое!

Цяоцзе стало обидно, она даже всхлипнула.

– Вы лучше дождитесь нашего господина, с ним и поговорите, – рассердилась Пиньэр. – Барышня еще мала: что она смыслит?

– Вы, я вижу, все ждали смерти Фэнцзе, чтобы стать в доме полновластными хозяевами! – раскричался Ван Жэнь. – Мне ничего не надо! Но устроить приличные похороны – ваш долг!

Цяоцзе между тем думала: «Зачем он так говорит об отце? Ведь сам сколько раз брал деньги у мамы!»

Недоброе чувство шевельнулось в сердце девочки.

Ван Жэнь тем временем старался в уме прикинуть, сколько денег могла накопить сестра. Он знал, что имущество Фэнцзе тоже было изъято, но ведь в доме и без того хватало добра! Это они нарочно говорят, что ничего не осталось, и эта маленькая тварь заодно с ними!

И Ван Жэнь возненавидел Цяоцзе.

Цзя Лянь ничего об этих разговорах не знал, все дела он перепоручил Лай Да и думал только о том, где раздобыть денег. Тем более что и в доме было много расходов. Пиньэр, видя, как мается господин, сказала ему:

– Не нужно так убиваться! Поберегите здоровье!

– Какое там здоровье! – вскричал Цзя Лянь. – У нас нет денег даже на текущие расходы, не то что на похороны! А тут еще этот дурак привязывается! Ну скажи, что мне делать?

– И все же не надо волноваться, – произнесла Пиньэр. – У меня остались кое-какие вещи, которые, к счастью, не описали. Можете их заложить!

Цзя Лянь был очень тронут и с улыбкой сказал:

– Спасибо! У меня хоть хлопот поубавится! Я долг непременно верну!

– Что за счеты! Я ведь служанка вашей жены! – возразила Пиньэр. –

Главное – похороны госпожи устроить как полагается!

Цзя Лянь больше не отказывался, взял вещи и заложил. С этих пор он во всех делах советовался с Пиньэр, к неудовольствию Цютун, которая каждый раз говорила:

– После смерти госпожи эта Пиньэр вздумала возвыситься. Меня подарил Цзя Ляню его отец, а он мною пренебрегает!

Пиньэр не обращала на Цютун внимания, а Цзя Лянь возненавидел ее и не упускал случая выместить на девушке свой гнев.

Госпожа Син за это ругала Цзя Ляня, но он отмалчивался.

Похороны Фэнцзе состоялись через десять дней. Цзя Чжэн, соблюдавший траур по матушке Цзя, жил в это время в своем внешнем кабинете. Друзья постепенно отошли от него, остался только один, Чэн Жисин, с которым Цзя Чжэн часто беседовал.

– Не везет нашей семье, – говорил Цзя Чжэн. – Скольких смерть унесла! Старшего брата и племянника отправили в ссылку. Доходы от поместий мизерные, не знаю, как будем дальше сводить концы с концами.

– Я вас знаю не первый год, – отвечал Чэн Жисин, – и вижу, что все члены вашей семьи стараются жить в свое удовольствие, вытянуть из семейной казны побольше денег, вот и приходится залезать в долги! А сколько вы израсходовали на старшего брата и господина Цзя Чжэня! Сколько дали денег чиновникам, чтобы разыскали ограбивших вас разбойников! Если хотите, почтенный друг, чтобы в доме был порядок, отдайте его под надзор доверенному человеку. Всех нечестных прогоните: только честных оставьте! Вам прежде всего необходимо рассчитаться с долгами. На это надо изыскать средства. Ведь даже с вашего сада можно получить немалый доход. Только надо за ним присматривать! За несколько лет, что вы служили в провинции, распустили столько нелепых слухов, что теперь люди боятся в сад нос показать! Одним словом, единственный выход – выгнать всех нерадивых, нечестных слуг!

– Эх, друг, ты многого не понимаешь! – вздохнул Цзя Чжэн. – Я не только на слуг, на собственного племянника не могу положиться! Разве можно за всем уследить! А тут еще траур! У меня совершенно нет времени, да и вообще я плохо разбираюсь в домашних делах.

– Друг мой, вы слишком добры, – заметил Чэн Жисин. – Первым долгом спросили бы с управляющих, как это делают в других семьях. И уверен, через пять – десять лет все пошло бы на лад, тем более что начальник одного из уездов ваш родственник и может помочь.

– Неудобно просить деньги у родственников, – заметил Цзя Чжэн, – уж лучше быть самым бережливей! Боюсь, многого, что числится в описи,

давно уже нет.

– Об этом я и говорю, – отозвался Чэн Жисин. – Все нужно проверить!

– Тебе что-нибудь известно?

– Возможно, но сказать ничего не могу, – отвечал Чэн Жисин. – Управляющие ваши хитры, знают, как выкрутиться.

Цзя Чжэн уловил в словах Чэн Жисина скрытый намек и со вздохом проговорил:

– В нашем роду, начиная с деда, не принято притеснять слуг. Но времена нынче другие, люди на глазах портятся! Видно, слуги заметили, что я только изображаю из себя опытного хозяина, и насмеются надо мной!

Пока они разговаривали, вошел привратник и доложил:

– Господин Чжэнь из Цзяннани.

– Что это вдруг господин Чжэнь приехал в столицу? – удивился Цзя Чжэн.

– Говорит, удостоился высочайшей милости и восстановлен в должности.

– Ладно, – сказал Цзя Чжэн, – проси!

Господин Чжэнь, или Чжэнь Инцзя, по прозвищу Ючжун, был потомком заслуженного сановника, уроженца Цзиньлина. Некогда он поддерживал родственные отношения с семьей Цзя, но потом провинился по службе и был лишен имущества. Памятуя, однако, о заслугах Чжэнь Инцзя, государь приказал вернуть ему наследственную должность, а самого его потребовал в столицу на аудиенцию. И вот сейчас господин Чжэнь, зная о смерти матушки Цзя, приехал совершить жертвоприношения.

Соблюдавшему траур Цзя Чжэну не положено было встречать гостя за воротами, поэтому он ожидал его у входа в свой кабинет.

Печаль при встрече сменилась радостью, но поскольку во время траура нельзя было совершать приветственных церемоний, Цзя Чжэн лишь взял друга за руку, рассказал о невзгодах, которые ему пришлось испытать, после чего оба уселись, как полагается гостю и хозяину.

Подали чай, и беседа продолжалась.

– Когда же тебе посчастливилось лицезреть государя, дружище? – спросил Цзя Чжэн.

– Третьего дня, – отвечал Чжэнь Инцзя.

– Уверен, что владыка был щедр на милости и ты получил от него хороший указ, – продолжал Цзя Чжэн.

– Да, милость владыки поистине безгранична, – промолвил Чжэнь Инцзя.

– Что же он повелел тебе? – поинтересовался Цзя Чжэн.

– Отправиться на борьбу с разбойниками в Юэ, – отвечал Чжэнь Инцзя. – В последнее время они распоясались и не дают покоя людям в приморских краях. Государь приказал разбойников усмирить Аньго-гуну, а меня ему в помощь посылает, поскольку я хорошо знаю те места. Сюда же я заехал возжечь благовония у гроба вашей матушки, так как узнал вчера, что она отошла к бессмертным.

Цзя Чжэн с поклоном ответил:

– Дорогой друг, твой приезд меня тронул до глубины души! Спасибо тебе за искренность! Только теперь я убедился, сколь высоки твои достоинства, и уверен, тебя ожидает счастье! Чжэньхаем правит мой родственник, и я надеюсь на его благосклонность.

– В каком же ты состоишь родстве с тамошним правителем? – спросил Чжэнь Инцзя.

– Я выдал за его сына свою дочь, – отвечал Цзя Чжэн. – В тот год, когда служил начальником по сбору хлебного налога в провинции Цзянси. С тех пор прошло три года. Но из-за бесчинств разбойников в приморских провинциях вести от дочери не приходят. Судьба девочки меня беспокоит, и если ты, друг мой, покончив с делами, поедешь в те места, я попрошу тебя передать ей весточку. Прямо сейчас и напишу, и если передашь, буду бесконечно признателен!

– Любовь родителей к детям свойственна всем, – отвечал на это Чжэнь Инцзя. – И я хотел просить тебя кое о чем! Недавно я удостоился милости государя и был вызван в столицу; я решил взять с собой сына, поскольку дома за ним присматривать некому. Государь требовал меня срочно, и пришлось ехать безостановочно; а семья доберется до столицы лишь через несколько дней. Сразу же по получении высочайшего указа я должен буду выехать и прошу тебя принять мою семью на время, больше ей не у кого остановиться. Сын мой непременно придет поклониться тебе. Надеюсь, ты не оставишь его без внимания и, если возможно, подберешь ему подходящую невесту. Буду тебе за это весьма признателен!

Цзя Чжэн обещал исполнить все просьбы.

Поговорив еще немного, Чжэнь Инцзя собрался уходить и на прощание сказал:

– Завтра за городом увидимся!

Зная, что у Чжэнь Инцзя много дел, Цзя Чжэн не стал его задерживать и проводил из кабинета, где его ждали Цзя Лянь и Баоюй, чтобы проводить дальше.

Они справились о здоровье гостя, а тот, глянув на Баоюя, подумал с

удивлением: «Как же он похож на нашего Баоюя. Если бы не траурная одежда, не отличить».

– Я так давно у вас не был, что не могу припомнить господ, – произнес Чжэнь Инцзя.

Цзя Чжэн тотчас сказал, указывая на Цзя Ляня:

– Это сын моего старшего брата Цзя Шэ, племянник мой Цзя Лянь. А это мой недостойный щенок Баоюй.

– Удивительно! – всплеснул руками Чжэнь Инцзя. – Я слышал, что твой сын родился с драгоценной яшмой во рту и зовут его Баоюй. Моего сына зовут точно так же, и я подумал, что это редкое совпадение, но, поразмыслив, пришел к выводу, что люди с одинаковыми именами встречаются довольно часто. Но у них не только имена – внешность и манеры одинаковые! Поразительно! Не правда ли?

Баоюй, как узнал Чжэнь Инцзя от Цзя Чжэна, был примерно на год старше его сына.

Цзя Чжэн напомнил гостю о Бао Юне, которого в свое время Чжэнь Инцзя ему рекомендовал, но мысли Чжэнь Инцзя были всецело заняты Баоюем, и он пропустил слова Цзя Чжэна мимо ушей, не переставая удивляться:

– Какое совпадение!

Он взял Баоюя за руку, ласково привлек к себе, но тут же заторопился: Аньго-гун должен был скоро выехать и Чжэнь Инцзя надо было готовиться в дальний путь. Поэтому он не стал больше задерживаться, распрощался и ушел. Цзя Лянь и Баоюй пошли его провожать и по дороге все время беседовали. Усадив гостя в коляску, оба возвратились к Цзя Чжэну, рассказали, о чем шел разговор с Чжэнь Инцзя, и Цзя Чжэн их отпустил. Цзя Лянь пошел отдать распоряжения насчет похорон Фэнцзе, а Баоюй отправился к себе и принялся рассказывать Баочай:

– Сегодня я познакомился с отцом того самого Чжэнь Баоюя, о котором у нас часто говорят. Признаюсь, не думал я, что нам когда-нибудь придется свидеться. На днях сам Баоюй будет в столице и придет на поклон к моему отцу. Господин Чжэнь Инцзя сказал, что сын его точная моя копия, но я не верю. Вот приедет он, постарайтесь непременно на него поглядеть!

Баочай даже плюнула с досады и сказала:

– С каждым днем ты все больше глупеешь! Болтаешь о каком-то молодом человеке, похожем на тебя, да еще велишь нам на него смотреть!

Баоюй смутился и стал объяснять, в чем дело.

Если хотите узнать, что он сказал, прочтите следующую главу.

Глава сто пятнадцатая

*Преисполнившись непреклонной решимостью, Сичунь клянется
исполнить свое заветное желание;*

*встретившись со своим двойником, Цзя Баоюй испытывает чувство
разочарования*

Итак, Баоюй допустил оплошность и хотел объяснить, в чем дело, но тут появилась Цювэнь и сказала:

– Второго господина Баоюя зовет отец!

Баоюй так удивился, что едва не вскрикнул: зачем он снова понадобился отцу? Но делать нечего, пришлось пойти.

– Я позвал тебя по важному делу, – промолвил Цзя Чжэн. – Во время траура ходить в школу не полагается, но дома повторять пройденное необходимо. Пока я свободен, будешь каждые два-три дня писать сочинения и отдавать мне на просмотр. Хочу проверить, каковы твои успехи.

Баоюй лишь поддакивал.

– Цзя Хуаню и Цзя Ланю я тоже велел повторять пройденное, – продолжал Цзя Чжэн. – И если твои сочинения окажутся хуже, я окончательно в тебе разуверюсь.

– Я буду стараться! – произнес Баоюй.

– А теперь иди!

Баоюй вышел и столкнулся с Лай Да, которого сопровождали несколько человек. С книгами в руках они направлялись к Цзя Чжэну.

Едва Баоюй прибежал домой, как Баочай бросилась к нему с расспросами и очень обрадовалась, узнав, что отец велел ему писать сочинения, чего нельзя было сказать о Баоюе. Однако нарушить повеление отца он не решался. Только он сел, чтобы собраться с мыслями, как пришли две монахини из монастыря Дицзан-вана.

– Как поживаете, вторая госпожа? – спросили они Баочай.

– А вы как? – не отвечая на вопрос, осведомилась Баочай и приказала служанкам угостить монахинь чаем.

Баоюю очень хотелось поговорить с монахинями, но он знал, что

Баочай это не понравится. А монахини, встретив холодный прием со стороны Баочай, вскоре стали прощаться.

– Посидели бы еще, – из вежливости предложила Баочай.

– Простите нас, – ответила одна из монахинь. – В последние дни нам все время приходилось молиться и устраивать жертвоприношения в кумирне Железного порога, поэтому мы и не приходили справиться о здоровье госпожи и ее невесток. Но сегодня нам наконец удалось навестить госпожу, а сейчас мы торопимся к четвертой барышне Сичунь.

Баочай кивнула, предоставив монашкам поступать как им угодно.

Направляясь к Сичунь, монахини повстречали Цайпин.

– Твоя барышня дома? – спросили они.

– Ох, лучше не говорите о ней! – воскликнула Цайпин. – Вот уже несколько дней, как она не притрагивается к еде.

– А что случилось? – удивились монахини.

– Это длинная история. Пойдете к ней, и она сама вам все охотно расскажет.

Сичунь вышла монашкам навстречу.

– Здравствуйте! – сказала она. – А я-то думала, вы совсем нас забыли, потому что дела наши плохи!

– Амитаба! – вскричали монахини. – Можете нам ничего не давать, мы все равно будем вас считать нашими благодетелями – ведь монастырь наш все время находился на содержании у вашей семьи, сколько мы от старой госпожи получали милостей! Но старая госпожа, увы, умерла, и мы пришли повидаться с госпожами и их невестками. Всех обошли, а теперь вот к вам решили зайти.

Сичунь спросила, что случилось с монахинями из монастыря Шуйюэ.

– Там какая-то неприятность, – отвечали монахини, – их настоятельница никого в монастырь не пускает. А известно вам, что настоятельница Мяоюй из кумирни Бирюзовой решетки сбежала с мужчиной?

– Откуда пошли эти сплетни? – возмутилась Сичунь. – Язык надо отрезать тому, кто их распускает! Ее похитили разбойники, а на нее же еще и клеветают.

– Настоятельница Мяоюй всегда вела себя очень странно. Только напускала на себя вид праведницы, – заметила одна из монахинь. – Мы не хотели вам говорить, барышня. Но разве была она похожа на нас? Ведь мы всецело посвятили себя молитвам, самоусовершенствованию и поискам путей к спасению!

– А в чем можно найти спасение? – спросила Сичунь.

– О таких, как мы, говорить не приходится, – отвечали монахини, – а вот знатные барышни вроде вас вряд ли всегда будут жить в роскоши. Но когда обрушится несчастье, думать о спасении будет поздно! Одна лишь добрая и скорбящая бодхисаттва Гуаньинь может посочувствовать вам в ваших страданиях и указать путь к спасению. Вот почему и говорят: «Добрая, милосердная, спасающая от мук и несчастий бодхисаттва Гуаньинь». Мы отреклись от мира, и хотя страданий нам приходится претерпевать больше, чем господам и барышням из знатных семей, зато не подстерегают нас на каждом шагу опасности. Мы никогда не станем бодхисаттвами, но благодаря самоусовершенствованию можем когда-нибудь возродиться в мужской оболочке, а это для нас великое счастье. Мы не похожи на нынешних женщин, которым некому пожаловаться на свои горести и обиды.

– Ах, барышня! Если вы выйдете замуж, вам придется всю жизнь следовать за мужем и выполнять свой супружеский долг, где уж тут предаваться самоусовершенствованию? Ведь этому надо посвятить всю жизнь. Настоятельница Мяоюй ставила себя выше нас, простых монахинь, относилась к нам с неприязнью, считая невеждами. Ей неведомо было, что судьба иногда посылает счастье простым людям, а таких, как она, обрекает на страдания!

Слова монахинь затронули самые сокровенные чувства Сичунь, и, не стесняясь служанки, она рассказала им, как к ней относится госпожа Ю, как тяжело ей пришлось, когда она присматривала за домом, а затем показала монахиням остриженные волосы.

– Неужели вы думаете, что у меня не хватит решимости порвать с этим погрязшим в скверне миром? – сказала она. – Мысль стать монахиней у меня созрела давно, я только не знаю, как это сделать!

– Замолчите, барышня! – вскричала монашка, притворяясь встревоженной. – Услышит супруга господина Цзя Чжэня, подумает, будто это мы вас подбиваем стать монахиней, отругает, да еще, чего доброго, из монастыря выгонит. Вы, барышня, с вашим нравом, можете выйти замуж за человека достойного и всю жизнь наслаждаться довольством и счастьем.

– Думаете, только супруга Цзя Чжэня может вас выгнать, – оборвала ее Сичунь. – А я не могу?

Видя, что Сичунь не на шутку рассердилась, монахиня стала оправдываться:

– Не судите нас, барышня, строго за то, что мы о вас так подумали. Но все равно вам не позволят уйти в монастырь. Ведь мы говорим так для вашей же пользы!

– Ладно, что будет, то будет! – отвечала Сичунь.

Видя, что разговор принял нежелательный оборот, служанки стали делать монашкам знаки поскорее убраться. Монашки и сами поняли, что пора уходить, к тому же еще испугались, и, не сказав больше ни слова, попрощались с Сичунь. Девушка не стала их удерживать и холодно сказала:

– Не думайте, что в Поднебесной больше нет монастырей, кроме вашего!

Монахини не посмели возразить и вышли. Цайпин чувствовала себя виноватой. Ведь это она подслала монашек к Сичунь, и, чтобы оправдаться, Цайпин поспешила к госпоже Ю.

– Наша барышня, – сказала она, – не оставила мысли уйти в монахини, потому и остригла волосы. Она не больна, но все время ропщет на судьбу, так что не спускайте с нее глаз, госпожа, а то случится что-нибудь, нас же и обвинят!

– Неужели она и в самом деле собралась в монастырь? Что-то не верится, – промолвила госпожа Ю. – Просто ей захотелось меня позлить, вот она и отрезала волосы. После отъезда Цзя Чжэня все делает мне назло. Ладно, пусть поступает как ей угодно!

Как ни уговаривала Цайпин девушку отказаться от своего намерения, Сичунь слышать ничего не хотела, по-прежнему не прикасалась к еде и твердила, что уйдет в монастырь. Тогда Цайпин пожаловалась господам Син и Ван, но и они не смогли переубедить Сичунь и отправились за советом к Цзя Чжэну. Однако в это время вошел слуга и доложил:

– Прибыли госпожа Чжэнь с сыном Баоюем!

Госпожу Чжэнь проводили в покои госпожи Ван, а та распорядилась пригласить и Чжэнь Баоюя.

Ей было интересно посмотреть на юношу, как две капли воды похожего на ее сына. Однако служанка вернулась и сказала:

– Господин Чжэнь Баоюй не может прийти. Он у господина Цзя Чжэна. А сейчас туда придут наш Баоюй, Цзя Хуань и Цзя Лань.

Цзя Чжэну, надо сказать, очень понравился Чжэнь Баоюй, он без запинки и очень складно отвечал на вопросы, и Цзя Чжэн решил позвать своего Баоюя, а также Цзя Хуаня и Цзя Ланя, чтобы поставить Чжэнь Баоюя им в пример. Он предложил гостю стул, но тот, будучи младшим, не посмел занять место выше хозяина, положил на пол подушку и сел рядом с ним.

Баоюй между тем облачился в траурную одежду и вместе с Цзя Хуанем и Цзя Ланем пошел к отцу. С Чжэнь Баоюем он повел себя как со старым знакомым, да и Чжэнь Баоюй держался так, словно они встречаются не

впервые.

После того как молодые люди обменялись приветствиями, Чжэнь Баоюй не мог снова сесть рядом с Цзя Чжэном, в то время как Цзя Баоюй, который был старше, оставался стоять.

Цзя Чжэн догадался, в чем дело, поднялся с циновки, приказал накрывать на стол и сказал:

– Я вас покину. Мой сын вам составит компанию. Побеседуйте, пусть младшие слушают вас да ума набираются.

– Извините, уважаемый дядюшка, – почтительно возразил Чжэнь Баоюй. – Я сам жажду выслушать наставления старшего брата Баоюя.

Цзя Чжэн произнес в ответ несколько вежливых фраз и направился во внутренний кабинет. Чжэнь Баоюй хотел его проводить, но Цзя Чжэн жестом остановил его.

Между тем Цзя Баоюй побежал к кабинету и там дожидался отца. Как только Цзя Чжэн скрылся за дверью, Цзя Баоюй вернулся, предложил Чжэнь Баоюю сесть, и они завели разговор о том, что давно слышали друг о друге и мечтали встретиться.

Но это неинтересно, лучше расскажем о том, как Баоюй, встретившись со своим двойником, вспомнил, что за сон ему снился. О Чжэнь Баоюе он много слышал, знал, что тот придерживается одних с ним взглядов, и был уверен, что они подружатся. Но с первой же встречи пускаться в пространные рассуждения Цзя Баоюй счел неудобным, особенно при Цзя Хуане и Цзя Лане, поэтому ему лишь оставалось превозносить своего двойника и восхищаться им.

– Мне давно знакомо ваше благоуханное имя, – говорил он. – Как жаль, что мы до сих пор не могли подружиться с вами! Вы поистине небожитель, сошедший на землю!

Чжэнь Баоюй тоже немало слышал о Цзя Баоюе и нынче понял, что не ошибся в своих предположениях. Вместе учиться они могли бы, но пути у них в жизни разные.

«И имя, и внешность у нас одинаковые, – думал Чжэнь Баоюй. – Души наши связаны в прежних рождениях. Я кое-что смыслю в жизни и мог бы высказать ему свои суждения! Но вряд ли это удобно при первой встрече. К тому же его взгляды мне неизвестны. Пожалуй, с откровенной беседой лучше повременить». И он сказал:

– Я давно наслышан о ваших талантах, брат мой. Вряд ли на десять тысяч найдется еще один такой безупречный и одаренный, как вы. Я же неотесан и глуп, а потому недостойн носить имя «Драгоценная яшма».

«А он и в самом деле точная моя копия, – размышлял Цзя Баоюй, – и

мыслим мы одинаково. Не понимаю только, почему он относится ко мне с таким восхищением, будто я девушка. Ведь не бывает мужчин чистых, как девушки».

– Дорогой брат, – промолвил Цзя Баоюй, – я не заслуживаю ваших похвал. Я грязен и туп, мне не яшмой надо бы называться, а булыжником! Разве посмею я с вами сравниться?

– В детстве я был очень самонадеян, – ответил Чжэнь Баоюй, – и считал себя достойным драгоценного камня. Но когда семью нашу постигли несчастья и долгое время я был обречен на лишения, понял, что я ничуть не лучше обломка черепицы. Не берусь утверждать, что до конца испытал счастье и горе, но разбираться в жизни немного научился. Вы же, старший брат, живете в роскоши и довольстве, любое ваше желание исполняется, и уж конечно в искусстве писать сочинения вы превосходите многих, недаром мой уважаемый дядя Цзя Чжэн дорожит вами, словно жемчужиной. Так что вы вполне достойны своего драгоценного имени.

Баоюй решил, что Чжэнь Баоюй намекает на чиновничью карьеру, и искал подходящий ответ.

Цзя Хуань в разговоре не принимал участия и чувствовал себя неловко. Зато Цзя Лань, услышав последние слова Чжэнь Баоюя, созвучные его мыслям, не вытерпел и вмешался:

– Вы скромничаете, дядя! Только талант и упорный труд помогают писать сочинения. Это я понял с годами. И еще понял, какое наслаждение их писать! Во сто раз дороже богатства и роскоши слава и доброе имя.

Не успел Чжэнь Баоюй ответить, как Баоюй подумал: «С какой стати этот мальчишка суется со своими рассуждениями?»

– Я слышал, вы, как и я, не признаете общепринятых правил и придерживаетесь собственных взглядов, – обратился Баоюй к гостю. – Ныне мне посчастливилось встретиться с вами, и я хотел бы услышать ваши суждения о вещах возвышенных, дабы избавиться от собственной слепоты и просветиться в своем невежестве! Не ожидал я, что вы, сочтя меня тупицей, заведете разговор всего-навсего о чиновничьей карьере!

«Он не знает, что я сейчас совсем не такой, каким был в детстве, – подумал Чжэнь Баоюй, – и полагает, я с ним хитрю. Так лучше уж быть до конца откровенным! Может быть, тогда мы подружимся!»

– Вы мудро рассуждаете, брат мой, – сказал Чжэнь Баоюй. – В детстве я тоже терпеть не мог разговоры на эту банальную тему. Но к тому времени, как я вырос, батюшка мой оставил службу, жил на покое дома и не имел желания принимать гостей и делать ответные визиты. Это дело он поручил мне. Я получил возможность встречаться с высокопоставленными

сановниками и понял, что своими личными заслугами они приумножают славу предков. К тому же через многие книги проходит мысль, что во времена правления мудрого государя достоин жить лишь тот, кто славится своими добродетелями и может написать что-либо полезное, никогда не позволит себе отплатить черной неблагодарностью ни родителям, его возрадившим, ни учителям, которые его наставляли. Так я постепенно избавился от ложных представлений и глупых увлечений детства. Ныне мое единственное желание – найти достойных учителей и друзей, которые просвещали бы меня. Я счастлив, брат мой, что встретился с вами. Надеюсь, вы не оставите меня своими наставлениями. И то, что я вам сказал о сочинениях, не пустые слова.

Баоюй слушал его, и на душе становилось все тяжелее. Вместе с тем он понимал всю справедливость слов Чжэнь Баоюя, и лихорадочно думал, что ответить.

К счастью, пришла служанка и сказала, что господина Чжэнь Баоюя просят пожаловать во внутренние покои.

Баоюй обрадовался и стал торопить Чжэнь Баоюя. Вместе они прошли в комнату госпожи Ван. Цзя Баоюй, Цзя Хуань и Цзя Лань поздоровались с госпожой Чжэнь, а Чжэнь Баоюй справился о здоровье госпожи Ван. Госпожа Чжэнь не удержалась, чтобы не приласкать Баоюя, так похожего на ее сына, хотя он был уже совсем взрослый, даже женатый.

Госпоже Ван очень понравился молодой Чжэнь, она привлекла его к себе, завела с ним разговор и сразу поняла, что он умнее и опытнее ее сына. Цзя Ланя тоже нельзя было назвать заурядным, хотя внешне он уступал обоим Баоюям. И только Цзя Хуань выглядел неотесанным и грубым.

Посмотреть на Чжэнь Баоюя сбегались все слуги. Стали между собой переговариваться:

– Что имена одинаковые, это ладно. Но рост и внешность! Ведь если бы наш Баоюй не носил траур, их не отличить.

Цзыцзюань, глядя на них, думала: «Как жаль, что барышня Линь Дайюй умерла! Она охотно пошла бы замуж за Чжэнь Баоюя!»

Тут как раз госпожа Чжэнь сказала:

– Наш Баоюй стал уже совсем взрослым, и отец просил господина Цзя Чжэна подыскать ему невесту.

Госпоже Ван, как вы уже знаете, Чжэнь Баоюй пришелся по душе, и она сказала:

– Мне так хочется позаботиться о вашем сыне! У нас в доме были четыре девушки, но две умерли, а третья замужем. Есть, правда, младшая

сестра Цзя Чжэня, но она совсем юная и не подойдет вашему сыну. У моей старшей невестки Ли Вань две сестры. Одна уже просватана, а вторая, Ли Ци, как раз хорошая пара вашему сыну. Вот я не мешкая их и сосватаю. Одно плохо: семья у нее не очень состоятельная.

– Стоит ли об этом говорить! – отвечала госпожа Чжэнь. – Ведь мы сами бедны. Как бы нам не отказали!

– Но вашего супруга восстановили в должности, – заметила госпожа Ван, – и теперь дела у вас поправятся.

– Хорошо бы ваше предсказание сбылось! – воскликнула госпожа Чжэнь. – Значит, будете свахой?

Как только зашла речь о сватовстве, Чжэнь Баоюй пошел в кабинет Цзя Чжэна, чтобы продолжить разговор с Баоюем. Но там был Цзя Чжэн, и между гостем и хозяином снова завязалась беседа.

Вскоре из-за дверей донесся голос слуги:

– Господин, матушка собирается уезжать!

Чжэнь Баоюй попрощался и вышел.

Баоюй так долго мечтал о встрече с Чжэнь Баоюем, надеялся обрести друга, но на деле после короткого разговора выяснилось, что они не сходятся во взглядах.

После отъезда гостя Баоюй вернулся к себе угрюмый и молчаливый. Все сразу заметили, что он не в духе.

– Чжэнь Баоюй в самом деле похож на тебя? – спросила Баочай.

– Только внешностью, – отвечал Баоюй. – А вообще-то он чересчур ограничен.

– Зачем порочить людей! – возмутилась Баочай. – Ведь ты видел его всего раз!

– Мы с ним беседовали, – отвечал Баоюй, – и он ушел от прямого и откровенного разговора. Только и знает, что рассуждать о «служебных делах» да о «преданности и почтении». Как же его после этого не назвать ограниченным?! И надо же было ему уродиться похожим на меня! Я думал найти в нем свой идеал, а теперь готов отказаться от собственной внешности!

– Смешно тебя слушать! – промолвила Баочай. – Ну как можно отказаться от внешности? К тому же рассуждает господин Чжэнь вполне здраво, каждый мужчина должен стремиться возвыситься и прославить свое имя. Разве подобает мужчине думать только об удовольствиях?! Мало того что сам не обладаешь достоинствами настоящего мужчины, так еще обвиняешь других в ограниченности!

Баоюй и так был расстроен, а слова Баочай подлили масла в огонь. Он

помрачнел еще больше, но промолчал, лишь усмехнулся. Баочай не придавала этому никакого значения. Видно, сказала что-то не так, и муж над ней насмехается. Ей и в голову не могло прийти, что у него начинается приступ безумия.

Напрасно старались служанки вывести его из этого состояния.

Утром все признаки безумия были налицо.

Между тем госпожа Ван решила поговорить с Цзя Чжэном о Сичунь. Ведь если не отпустить ее в монастырь, она покончит с собой, хоть день и ночь за ней следят.

Очень недовольный, Цзя Чжэн сказал:

– Как могла наша семья дойти до такого позора!

Он позвал Цзя Жуна, сделал ему выговор и велел передать матери:

– Пусть поговорит с Сичунь. Если та будет настаивать на своем, мы перестанем считать ее членом нашей семьи!

Цзя Чжэн и не подозревал, что если бы не госпожа Ю, все, может быть, и обошлось бы, но она донимала девушку, и та решила покончить с собой.

– Девушка не может вечно жить дома, – говорила Сичунь госпоже Ю. – Если со мной случится то же, что со второй старшей сестрой Инчунь, я все равно умру, только доставлю огорчение старшему господину и господам. Отпустите меня и считайте, что я умерла. Тогда я всю жизнь проживу праведно, а вы докажете мне свою любовь! К тому же я не собираюсь выходить замуж. Буду жить в кумирне Бирюзовой решетки. Все мои вещи возьмите себе! Давайте это решим, пока монахини еще здесь. Вы сохраните мне жизнь. А не отпустите – останется лишь покончить с собой. Старшему брату, когда он вернется, я скажу, что это моя добрая воля. Если же я умру, он сразу поймет, что в этом повинны вы.

Госпожа Ю давно не ладила с Сичунь. Она не стала спорить с девушкой и отправилась к госпоже Ван.

Но госпожа Ван в это время была у сына и, очень расстроенная, отчитывала служанок:

– Почему сразу не доложили, что второй господин заболел?!

– Трудно понять, что происходит со вторым господином, – сказала Сижэнь. – Ведь еще утром приходил к вам справляться о здоровье, а потом началось. Вторая госпожа Баочай не хотела расстраивать вас, потому и не доложила.

Баоюй слышал, как мать ругает служанок, и пришел им на помощь:

– Матушка, успокойтесь, я совершенно здоров! Только на душе немного тоскливо!

– Надо было раньше сказать, – промолвила госпожа Ван, – пришел бы доктор, прописал лекарство, ты выпил бы раза два и поправился! Помнишь, как ты болел, когда пропала яшма? А что будет, если такое опять повторится?

– Раз вы, матушка, так беспокоитесь, пригласите врача, пусть пропишет лекарство.

И госпожа Ван распорядилась пригласить врача. Ей было сейчас не до Сичунь, она думала только о Баюе. дождалась, пока пришел врач, прописал лекарство, и лишь после этого вернулась к себе.

После того Баюю день ото дня становилось все хуже. Он совсем перестал есть.

А тут еще пришло время снятия траура, все уехали и обязанность приглашать врачей возложили на Цзя Юня. Дома у Цзя Ляня никого не было, поэтому пришлось пригласить Ван Жэня, тем более что Цяоцзе, которая дни и ночи оплакивала мать, тоже заболела. Вновь наступили для обитателей дворца Жунго тяжелые дни.

Окончилась церемония снятия траура, все возвратились домой, и госпожа Ван первым делом пошла навестить Баюя. Он лежал без сознания. Госпожа Ван заплакала и, не зная, что делать, поспешила к Цзя Чжэну.

– Врач говорит, что Баюю уже не помогут никакие лекарства, – сказала она. – Надо готовиться к похоронам!

Цзя Чжэн тяжело вздохнул, пошел поглядеть на сына и, убедившись, что госпожа Ван ничуть не преувеличивает, приказал Цзя Ляню сделать соответствующие распоряжения.

И Цзя Лянь снова стал думать о том, где раздобыть денег.

В это время в комнату с криком вбежал мальчик-слуга:

– Второй господин! Беда!

– В чем дело? – тараща глаза на слугу, спросил перепуганный Цзя Лянь.

– У ворот стоит какой-то монах, – стал рассказывать мальчик, – в руках у него яшма, которую когда-то потерял второй господин Баюй, он требует за нее десять тысяч лянов серебра!

Цзя Лянь плюнул в лицо слуге.

– Я думал, важное дело, а ты лезешь со всякими пустяками! Неужто не помнишь, как нам однажды пытались подсунуть какую-то яшму?! А сейчас никакая не нужна. Ведь Баюй умирает!

– И я так сказал монаху, – возразил мальчик. – Но он уверяет, что если ему заплатят, второй господин Баюй тотчас выздоровеет!

Во дворе послышался шум, прибежали слуги.

– Монах ворвался в дом! Мы не могли его задержать!

– Да что же это творится? – вскричал Цзя Лянь. – И вы не вышвырнули его вон?

Вышел Цзя Чжэн.

В это время из внутренних покоев донеслись вопли:

– Второй господин умирает!

И тут убитый горем Цзя Чжэн услышал голос монаха:

– Если хотите, чтобы он жил, платите деньги!

«Когда-то Баоюя вылечил точно такой же монах, – вспомнил Цзя Чжэн, – может быть, и этот его спасет? Надо заплатить! А вдруг это не та яшма?»

И Цзя Чжэн решил прежде убедиться, что монах и в самом деле может сотворить чудо. Он велел пропустить монаха, и тот, даже без приветственных церемоний, со всех ног бросился во внутренние покои.

– Ты куда? – пытался удержать монаха Цзя Лянь, схватив его за руку. – Ведь там женщины!

– Но я могу не успеть, – отвечал монах на ходу. Цзя Лянь едва поспевал за ним, крича:

– Все прячьтесь! Монах идет! Потом будете плакать!

Но госпожа Ван и остальные женщины так рыдали, что ничего не слышали. И лишь когда Цзя Лянь, продолжая кричать, вбежал в комнату, они обернулись, увидели рослого монаха, заволновались, но спрятаться не успели.

Монах между тем устремился прямо к Баоюю. Баочай поспешила скрыться, а Сижэнь, глядя на госпожу Ван, продолжала стоять.

– Благодетель мой, я принес твою яшму! – объявил монах, перекинув яшму с ладони на ладонь. – Скорее несите деньги, и я спасу его!

От испуга все словно приросли к месту. Никому и в голову не приходило, что монах может их обмануть.

– Спасите его, тогда получите деньги, – промолвила госпожа Ван.

– Нет, давайте деньги сейчас! – настаивал монах.

– Не беспокойтесь, мы вам заплатим, только обменяем серебро, – заверила госпожа Ван.

Монах раскатисто захохотал, повертел в руке яшму и, наклонившись к уху Баоюя, тихо произнес:

– Баоюй! Баоюй! Твоя яшма вернулась!

Баоюй приоткрыл глаза.

– Он приходит в себя! – радостно закричала Сижэнь.

– Где моя яшма? – спросил Баоюй.

Монах положил яшму на ладонь Баоюю. Тот крепко сжал ее, поднес к глазам, полюбовался и сказал:

– Как долго я тебя не видел!

Все вне себя от счастья стали поминать Будду, особенно Баочай, совершенно забывшая о монахе. Цзя Лянь, убедившись, что Баоюй и в самом деле пришел в себя, заспешил по делам, но монах схватил его за руку и вышел вместе с ним. Цзя Ляню ничего не оставалось, как отвести монаха к Цзя Чжэну и рассказать все как есть.

Цзя Чжэн бросился к монаху, стал низко ему кланяться, благодарить. Монах в свою очередь совершил приветственную церемонию и сел на стул.

Цзя Лянь с беспокойством подумал: «Он, конечно, не уйдет, пока не получит денег...»

Приглядевшись к монаху, Цзя Чжэн понял, что никогда его не видел, и стал задавать вопрос за вопросом:

– Как очутилась у вас эта яшма? Как ваше драгоценное имя? Почему сын мой ожил, как только вы к нему приблизились?

– Не знаю, – с легкой улыбкой отвечал монах. – Дайте мне десять тысяч лянов серебра, и покончим с этим делом!

– Деньги сейчас принесут, – коротко ответил Цзя Чжэн, возмущенный бесцеремонностью монаха.

– Скорее! – требовал монах. – Мне пора уходить!

– Прошу вас, почтеннейший, погодите немного, – попросил Цзя Чжэн, – позвольте мне сперва взглянуть на сына!

– Хорошо, идите! Только не задерживайтесь! – согласился монах.

Цзя Чжэн прошел во внутренние покои и молча приблизился к кану. При появлении отца Баоюй хотел встать, но мешала слабость.

– Лежи! – бросившись к сыну, приказала госпожа Ван.

– Яшма ко мне вернулась, – с улыбкой произнес Баоюй, протягивая яшму отцу.

Цзя Чжэн с первого взгляда понял, что это пропавшая яшма, не стал ее разглядывать, только сказал госпоже Ван:

– Баоюй спасен. Но как мы будем расплачиваться?

– Я отдам все, что у меня есть, лишь бы отблагодарить монаха! – заявила госпожа Ван.

– Боюсь, деньги ему не нужны! – заметил Баоюй.

– Этот монах какой-то странный, – согласился Цзя Чжэн. – Он нарочно сказал про деньги.

– А вы попросили бы его остаться, – посоветовала госпожа Ван. –

Возможно, удалось бы узнать, что ему на самом деле нужно.

После ухода Цзя Чжэна Баоюй попросил есть, выпил чашку рисового отвара, а затем потребовал каши. Однако каши госпожа Ван не решилась ему дать.

– Так ведь я совсем здоров! – уверял Баоюй.

Он приподнялся на постели, съел кашу. Затем потребовал, чтобы ему помогли сесть.

Шэюэ приподняла его и негромко сказала:

– Поистине эта яшма – сокровище! При одном взгляде на нее Баоюй выздоровел! Какое счастье, что она уцелела!

При этих словах Баоюй побледнел, отшвырнул яшму и упал на подушки...

Если хотите знать о дальнейшей судьбе Баоюя, прочтите следующую главу.

Глава сто шестнадцатая

*Попад в область Небесных грез, Цзя Баоюй читает книгу судеб
небожительниц;*

*сопровождая на родину гроб с телом матери, Цзя Чжэн выполняет
сыновний долг*

Итак, услышав слова Шэюэ, Баоюй потерял сознание. Снова комнату огласили рыдания.

Шэюэ упрекала себя за то, что сболтнула лишнее, но госпожа Ван, убитая горем, и не думала ругать девушку.

«Если Баоюй умрет, – плача, думала Шэюэ, – я покончу с собой, чтобы быть всегда рядом с ним!»

Сколько ни звала госпожа Ван сына, он не откликался. Тогда она приказала служанкам отыскать поскорее монаха, но того и след простыл.

Цзя Чжэн тем временем возвратился к себе и был очень удивлен, не найдя монаха в комнате. В это время из внутренних покоев донесся шум, и Цзя Чжэн поспешил туда. Баоюй лежал без сознания, стиснув зубы, пульс не прощупывался, грудь похолодела.

Цзя Чжэн приказал немедленно позвать врача.

Он ведь не знал, что душа Баоюя покинула тело.

Но если вы думаете, читатель, что Баоюй умер, то ошибаетесь!

Дело в том, что душа его перелетела в главный зал дворца Жунго, увидела там монаха и церемонно его приветствовала. А монах взял ее и увлек за собой.

Следуя за монахом, Баоюй вдруг почувствовал, что тело его стало легким, словно пушинка, и поднялось в воздух. Баоюй не помнил, чтобы они вышли из дворца, но вдруг обнаружил, что находится в незнакомом месте, пустынном и диком. Только арка, маячившая вдали, Баоюю показалась знакомой. Он было собрался расспросить монаха, где они, как вдруг увидел впереди женщину.

«Откуда в пустыне такая красавица? – удивился Баоюй. – Не иначе как бессмертная фея спустилась на землю».

Кого-то она Баоюю напомнила. Но кого? Он хотел повнимательней

рассмотреть женщину, но та, поклонившись монаху, исчезла.

«Уж не Ю Саньцзе ли это? – мелькнула мысль. – Но как она могла здесь очутиться?»

Не успел он спросить об этом монаха, как тот увлек его под арку, где на дощечке было написано: «Обетованная земля бессмертных праведников». По обе стороны арки висели вертикальные парные надписи:

На смену лжи всегда приходит правда,
Поскольку возвышается над ложью.

Пускай небытие во всем преобладает —
Ему же не сравниться с бытием!

Сразу за аркой появились ворота дворца. Над ними красовалась горизонтальная надпись из четырех крупных иероглифов: «Счастье – добро, чувство – зло», а по обе стороны вертикальные парные надписи:

Не надо полагать, что мудрый различит
Грядущего и прошлого границы.

Всевидающий – и тот порою не узрит, —
Первопричина мира где таится?

Тут Баоюя осенило: «Вот оно что! А я собрался спрашивать о причинах и следствиях, о прошедшем и грядущем».

Вдруг он увидел впереди Юаньян, она манила его рукой.

«Шел, шел, а оказывается, даже за пределы сада не вышел, – удивился Баоюй, – но как сильно изменил сад свой облик!»

Баоюй устремился к Юаньян, собираясь с нею поговорить, но в тот же миг она исчезла. Охваченный смятением, Баоюй направился к тому месту, где только что стояла Юаньян, и увидел высокие палаты, а вокруг плиты с надписями. Читать их у Баоюя не было ни малейшего желания, и он побежал в том направлении, куда скрылась Юаньян. Дверь в палаты была притворенной, и юноша не посмел войти. Хотел спросить разрешения у монаха, но тот тоже исчез.

Палаты были высокими, словно гора, в саду Роскошных зрелищ даже похожих на них не увидишь. Баоюй поднял голову и прочел надпись над

входом: «Прозрение ведет к избавлению от страстей». По обеим сторонам от входа висели парные вертикальные надписи:

Веселый смех, унынья горечь —
Что это, как не заблужденья?

Корыстолюбие и зависть
Суть порождения порока.

Надписи Баоюю понравились, он невольно кивнул в знак одобрения и вздохнул. Затем решил войти внутрь, разыскать Юаньян и спросить, что это за место. Баоюю показалось, что он уже здесь бывал. Набравшись смелости, он толкнул дверь и сразу очутился во мраке. Юаньян нигде не было. Баоюя охватил страх. Он уже хотел выйти, но вдруг заметил около десятка больших шкафов с приоткрытыми дверцами.

«Ведь в детстве мне это место снилось! – вспомнил Баоюй. – Какое счастье, что я снова здесь!»

Мысль о Юаньян сразу вылетела из головы. Он подошел к первому шкафу, распахнул дверцы, увидел несколько книг и еще больше обрадовался.

«Те, кто не верит снам, даже не предполагают, что сны сбываются! Я давно желал, чтобы сон мой сбылся, и вдруг сегодня желание мое исполнилось! Интересно, те ли это списки, которые я видел когда-то?»

Баоюй снял с верхней полки одну из книг и прочел: «Главная книга судеб двенадцати головных шпилек из Цзиньлина».

«Кажется, я читал тогда именно эту книгу. Жаль, что не помню точно!» – огорчился Баоюй.

На первой странице сверху рисунок, такой расплывчатый, что ничего нельзя разобрать. На обороте страницы – несколько строк, тоже неясных, но прочесть можно. Баоюй присмотрелся и увидел иероглиф «линь» – «лес», а ниже иероглифы «яшмовый пояс». «Не иначе как здесь говорится о сестрице Линь!» – решил Баоюй и стал читать дальше. Дошел до слов «шпилька золотая в снегу под сугробом лежит»^[77], очень удивился и пробормотал: «Как будто опять зашифровано имя!..»

После этого Баоюй сложил прочитанные фразы с последующими и прочел их все вместе.

«Никак не могу уловить смысла, – сокрушался Баоюй. – Видимо, в этих словах только зашифрованы имена. Досадно, что встречаются такие

слова, как „жалеть“ и „вздыхать“. Что бы они могли здесь значить?»

Баоюй расстроился, и тут в голове мелькнула мысль: «Я читаю украдкой, как вор! Чтобы никто не увидел! А вдруг не успею прочитать до конца! Не буду терять времени зря!»

И Баоюй, даже не взглянув на рисунок, принялся снова читать. Дойдя до слов: «Вот заяц тигра повстречал – сна-жизни больше нет», Баоюй словно прозрел: «Ну конечно! Предопределение совершенно точное! Оно касается моей сестры Юаньчунь! Ведь она умерла в год зайца и тигра! Надо все записать и выучить. Тайны я разглашать не стану, зато узнаю судьбу всех сестриц, и не придется мучиться неизвестностью и звать гадалщиков».

Баоюй огляделся, но ни кисти, ни тушечницы, разумеется, не нашел. Опасаясь, как бы кто не помешал, он решил поскорее прочесть до конца. На следующей странице нарисован был человек, запускающий змея, а под ним – двенадцать стихотворений. Одни он понял сразу, другие – по некотором размышлении, третьи – вообще не понял, но постарался запомнить.

Затем он снял с полки «Дополнительная книга к судьбам двенадцати головных шпилек из Цзиньлина» и опять принялся за чтение.

Дойдя до слов «Ревность несносна – только актеру достанется счастье; кто бы подумал: обижен судьбой этот юноша знатный», он сначала ничего не понял. Но как только взглянул на рисунок и увидел циновку с цветами, которую обычно называют «хуаси», сразу догадался, что речь идет о Хуа Сижэнь. Баоюй сначала изумился, а потом горько заплакал.

Овладев наконец собой, он хотел читать дальше, но в этот момент раздался голос:

– Не безумствуй! Сестрица Линь тебя зовет!

Баоюю показалось, что это голос Юаньян. Он быстро обернулся, но поблизости никого не было.

Баоюй продолжал озиаться, когда в дверях вдруг появилась Юаньян и поманила его к себе.

Баоюй выбежал, но Юаньян стала удаляться.

– Дорогая сестра! – вскричал юноша. – Подожди!

Юаньян даже не оглянулась. Баоюй попытался ее догнать, и тут его взору открылся величественный дворец: повсюду высились башни и пагоды с ажурной резьбой, храмы и палаты, а возле них, словно окутанные дымкой, девушки-служанки. Эта картина так захватила Баоюя, что он забыл о Юаньян.

Легкими, неслышными шагами Баоюй вошел в ворота. Во дворце

росли диковинные цветы и редкостные травы, но внимание его привлекла тоненькая травка с пурпурными листиками, которая вилась по мраморной решетке.

«Интересно, что это за травка? – подумал Баоюй. – Такая гордая и благородная!»

Налетел легкий порыв ветра, травка закачалась и затрепетала. Она была так изящна и нежна, что у Баоюя сердце замерло и сладостная истома разлилась по телу.

Баоюй залюбовался травкой, но тут услышал голос:

– Безумец, откуда ты явился? Как смеешь смотреть на траву бессмертия?!

Баоюй испуганно обернулся и, увидев перед собой фею, поспешно совершил приветственную церемонию и сказал:

– Я искал сестру Юаньян и вот забрел в обитель бессмертных. Простите мне мое невежество, святая сестра, и позвольте спросить, что это за место? Почему здесь оказалась сестра Юаньян и сказала, что меня желает видеть сестрица Линь? Умоляю вас, объясните, что это значит!

– Да кто тут знает твоих сестер? – недовольным тоном проговорила фея. – Я присматриваю за травой бессмертия и не позволю простым смертным на нее смотреть!

Баоюй хотел уйти, но никак не мог оторваться от травки и стал упрашивать фею:

– Святая сестра! Присматривать за травкой бессмертия может только покровительница цветов. Скажите же мне, какими достоинствами обладает эта травка?

– Ты сам должен знать. Рассказывать об этом слишком долго, – отвечала фея. – Эта травка когда-то росла на берегу реки Душ – Линхэ, и называют ее «Пурпурной жемчужиной». Как-то она стала засыхать от недостатка влаги, но, на ее счастье, явился Хрустальноблещущий служитель, который изо дня в день окроплял ее сладкой росой и помог вырасти. Потом она спустилась в мир людей, отблагодарила благодетеля своими слезами за оказанные милости и снова ушла в страну праведников и бессмертных. Вот почему фея Цзинхуань приставила меня к ней и велела отгонять от нее пчел и мотыльков.

Баоюй ничего не понял из того, что сказала фея, но, боясь оплошать перед покровительницей цветов, лишь спросил:

– Святая сестра, а кто присматривает за другими цветами? Их ведь много! Не посмею вам докучать, но умоляю, скажите, кто присматривает за лотосами?

– Не знаю, – отвечала фея. – Это ведомо лишь моей повелительнице.

– А кто ваша повелительница?

– Фея реки Сяосян.

– Неужели?! – воскликнул Баоюй. – Так ведь это моя двоюродная сестра Линь Дайюй! Разве вы не знаете?

– Глупости! – произнесла фея. – Здесь обитель бессмертных, и пусть даже ты звал свою сестрицу Феей реки Сяосян, ей далеко до небесных фей Ахуан и Нюйин! Разве могут феи состоять в родстве с простыми смертными?! Будешь болтать – позову служителя и он тебя выгонит!

Баоюй расстроился – родилось ощущение, будто он мерзкий и грязный. Он хотел поскорее уйти, но в этот момент послышался голос:

– Меня посылали за Хрустальноблещущим служителем!

– Мне тоже велено его привести, – ответила фея. – Где же он?

– А разве не его ты только что прогнала?

Фея помчалась за Баоюем, крича:

– Хрустальноблещущий служитель, вернитесь!

Но Баоюй, опасаясь преследования, бросился бежать со всех ног. Вдруг появился некто с драгоценным мечом в руке и загородил дорогу:

– Куда бежишь?

Баоюй застыл на месте, однако набрался смелости, поднял глаза и увидел перед собой... Ю Саньцзе.

– Сестра, и ты пришла угрожать мне? – немного успокоившись, произнес он.

– Среди твоих братьев нет ни одного порядочного, – отвечала та. – Они бесчестят девушек, разбивают им жизнь. Раз уж ты попал сюда, не жди пощады!

Баоюй растерялся.

– Сестра, держи его! – послышался в этот момент голос за спиной Баоюя. – А то уйдет!

– Я давно по велению феи жду его здесь, – ответила Саньцзе. – И перережу сейчас нити, связывающие его с бренным миром!

Баоюй не понял смысла этих слов, но еще больше испугался. Он хотел бежать, но тут лицом к лицу столкнулся с Цинвэнь. Скорбь и радость смешались в его Душе.

– Я сбился с дороги, – принялся объяснять он. – Хотел бежать от опасности, но не знаю куда. К счастью, встретил тебя! Отведи меня домой, сестра Цинвэнь!

– Почтенный служитель, вы заблуждаетесь, – ответила дева. – Я не Цинвэнь. Фея велела мне вас пригласить к ней, и зла причинять вам я не

собираюсь.

Охваченный сомнениями, Баоюй спросил:

– Какая же фея велела меня пригласить?

– Об этом пока не спрашивайте; увидите ее – сами поймете!

Не мешкая больше, Баоюй последовал за девушкой, так похожей на Цинвэнь, по дороге размышляя: «Ошибки быть не может: и голос и внешность – все в точности как у нее. Но почему она не признается? Ладно, пойду к фее: если в чем-нибудь провинился, попрошу прощения! Женщины по натуре мягкие и добрые. Надо только хорошенько попросить, все простят».

Тем временем они приблизились к роскошному дворцу, сверкающему всеми цветами радуги. Перед дворцом зеленел бамбук, позади высились голубые сосны. На террасе стояли служанки, наряженные точно так же, как служанки в императорском дворце.

При виде Баоюя они стали тихонько переговариваться между собой:

– Так это и есть Хрустальноблещущий служитель?

– Он самый, – ответила дева, сопровождавшая Баоюя, – скорее доложите о нем!

Одна из прислужниц улыбнулась и, поманив юношу рукой, направилась к дверям, ведущим во дворец. Баоюй последовал за нею.

Они миновали несколько залов и покоев и остановились у входа в главный зал, затянутого длинными жемчужными занавесками.

– Ждите, вас позовут, – сказала Баоюю прислужница.

Баоюй ни слова не произнес в ответ и застыл на месте. Прислужница прошла в зал, но вскоре снова появилась и обратилась к Баоюю:

– Проходите, пожалуйста, Хрустальноблещущий служитель!..

Другая прислужница тотчас же отдернула занавес, и Баоюй увидел прелестную девушку с венком на голове, в расшитом причудливыми узорами платье. Она гордо восседала посередине зала.

Баоюй внимательно пригляделся, и девушка показалась ему очень похожей на Дайюй.

– Сестрица! – не мог он удержаться от возгласа. – Оказывается, ты здесь! Я ни на минуту не забывал о тебе!

– До чего же неотесан этот служитель! – гневно вскричала служанка. – Пусть убирается вон!

В то же мгновение другая прислужница опустила жемчужный занавес, и Баоюй не посмел войти в зал. Он даже не успел спросить, кто эта дева, – прислужницы выгнали его из дворца. С Цинвэнь он тоже больше не встретился.

Обуреваемый самыми противоречивыми чувствами, Баоюй покинул дворец и стал искать дорогу, как вдруг увидел под навесом Фэнцзе, – она манила его к себе.

«Вот хорошо! – обрадовался Баоюй. – Оказывается, я уже дома! Как же я мог заблудиться?!»

Он побежал к Фэнцзе:

– Сестра, как же ты позволила всем этим людям надо мной насмехаться? А сестрица Линь вообще не пожелала видеть меня! Что же это все значит?

Он подошел поближе и тут увидел, что это вовсе не Фэнцзе, а госпожа Цинь Кэцин, первая жена Цзя Жуна.

Баоюй спросил, где же Фэнцзе, но госпожа Цинь отвернулась от него и ушла в дом.

Баоюй не посмел войти следом за ней, стоял в растерянности на месте и сокрушенно вздыхал.

«В чем же я провинился? Почему все от меня отворачиваются? »

Он горько заплакал, но тут появилось несколько рослых молодцов с плетями в руках.

– Почему тут мужчина? – закричали они. – Кто посмел вторгнуться в нашу страну бессмертных? Убирайся вон!..

Баоюй молча пустился наутек, стремясь найти выход, но вдруг увидел вдали толпу девушек, шедших ему навстречу. Одна из них показалась ему похожей на Инчунь.

– Я заблудился! – крикнул девушкам Баоюй. – Помогите мне!

В то же мгновение его настигли здоровяки, а девушки, обратившись в злых духов, исчезли.

Баоюй был в отчаянии, но вдруг увидел перед собой того самого монаха, который принес утерянную яшму. Монах поднес к лицу Баоюя зеркало, которое держал в руках, и проговорил:

– По высочайшему повелению государыни Юаньчунь я пришел спасти тебя!

Видения мгновенно исчезли, и Баоюй с монахом оказались одни среди пустынной равнины.

– Это же вы привели меня сюда, а сами исчезли! – воскликнул Баоюй, схватив монаха за руку. – Я повстречал здесь близких мне людей, но они не захотели со мной разговаривать, а потом превратились в демонов! Скажите, во сне это все было или наяву?

– Ты читал здесь украдкой какие-нибудь надписи? – спросил Баоюя монах.

«Раз он привел меня в страну бессмертных, значит, и сам бессмертный, – решил Баоюй. – Так что лучше ему правду сказать. Да и расспросить его кое о чем не мешает».

И Баоюй признался:

– Я списки читал.

– Выходит, ни в чем ты не изменился! – со вздохом произнес монах. – Неужели из тех книг ты не понял, что мирские страсти – не что иное, как наваждение! Запомни это хорошенько, если же не все понял, я объясню! А сейчас иди домой!

Он толкнул Баоюя, и тот с криком «Ай-я-я» упал...

...Тут все, кто был в комнате, поняли, что Баоюй приходит в себя, и стали его окликать. Баоюй открыл глаза – он по-прежнему лежал на кане, а рядом стояли госпожа Ван, Баочай и остальные родственники с покрасневшими от слез глазами.

«Я вырвался из объятий смерти!..» – подумал Баоюй, вспоминая пережитое. Все до мельчайших подробностей сохранилось в памяти, и он расхохотался:

– Да, да! Так и есть!..

Госпожа Ван решила, что у сына снова начинается приступ безумия, распорядилась позвать врача, а к Цзя Чжэну послала девочку-служанку, наказав передать:

– Баоюй ожил, и готовиться к похоронам не надо.

Цзя Чжэн пришел поглядеть на сына и воскликнул:

– Несчастный! Как ты нас напугал!

Из глаз Цзя Чжэна покатались слезы, и, тяжело вздыхая, он вышел.

Шэюэ успокоилась и перестала думать о смерти. Госпожа Ван приказала подать коричный отвар, напоила им Баоюя, и к нему стали постепенно возвращаться силы. Госпожа Ван на радостях простила Шэюэ, а затем распорядилась драгоценную яшму передать Баочай, наказав ей следить за тем, чтобы Баоюй не снимал яшму с шеи.

«Интересно, где монах нашел яшму? – размышляла госпожа Ван. – И почему он потребовал деньги, а потом вдруг исчез? Может быть, он святой?»

– Судя по словам монаха, он яшму не нашел, а, улучив удобный момент, потихоньку унес, – сказала Баочай.

– Как же это он сделал, если яшма была в доме? – удивилась госпожа Ван.

– Как принес, так и унес, – уверенно ответила Баочай.

– В тот год, когда пропала яшма, старший господин Линь Чжисяо

ходил гадать, – вмешались в разговор Сижэнь и Шэюэ, – уже после свадьбы мы сказали второй госпоже Баочай, что в предсказании было слово «шан» – «вознаграждать», и нам показалось, что речь идет о деньгах. Помните, вторая госпожа?

– Да, вы говорили, что в предсказании написано, будто яшму нужно искать в закладных лавках, – подумав, подтвердила Баочай. – Но только сейчас я поняла, что знак «шан», о котором вы слышали, означает вовсе не «вознаграждение» и не деньги, а часть слова «хэшан» – «монах». Теперь, надеюсь, вам ясно, что яшму унес не кто иной, как хэшан?!

– Монах этот странный какой-то! – промолвила госпожа Ван. – Когда Баоюй заболел, он сказал, что в доме у нас есть драгоценность, с помощью которой можно излечить Баоюя, и указал при этом на яшму. Выходит, он знал, что твой муж родился с яшмой во рту. С древнейших времен и поныне ничего подобного не случалось, и мы до сих пор не знаем, что это за яшма. Болеет Баоюй – из-за яшмы, выздоравливает – благодаря яшме, даже родился с яшмой...

Госпожа Ван умолкла и заплакала.

Все, о чем говорила мать, Баоюю было известно, но он никому об этом не говорил, вспоминал только, что видела его душа во время странствий на небесах. Тут в разговор вмешалась Сичунь.

– В тот год, когда была потеряна яшма, – сказала она, – Мяоюй обратилась к духам, и они сказали, что яшма находится «у подножия утеса Цингэн... где растет вековая сосна». Далее шли слова, которых я не запомнила, а под конец говорилось: «А заглянете к нам – и с улыбкой тотчас встретят вас...» Суть кроется в словах «к нам». Уверена, что в стихах подразумевалась обитель, где процветает учение Будды, но вряд ли брат Баоюй мог войти в нее.

Баоюй усмехнулся, а Баочай нахмурила брови.

– Опять ты о Будде! – рассердилась госпожа Ю. – Неужели до сих пор не оставила мысли уйти в монастырь?!

– Не оставила! – подтвердила Сичунь. – И, признаюсь вам откровенно, давно перестала есть мясное!

– Опомнись, дитя мое! – воскликнула госпожа Ван. – И перестань думать об этом!

Сичунь замолчала. Зато Баоюю слова девушки напомнили строки из стихов в книге судеб: «Вдруг оказалась возле Будды во мгле мерцающих лампад...», и он вздохнул. Потом он вспомнил стихи, где говорилось о циновке «си» и цветке «хуа», бросил взгляд на Сижэнь и заплакал.

Баоюй то печалился, то смеялся, и все подумали, что у него снова

приступ безумия. Они ведь не знали, что Баоюй прочел книги судеб и знает теперь будущее всех обитателей дворца Жунго.

Несколько дней подряд Баоюй принимал лекарство и постепенно окреп.

Цзя Чжэн успокоился, и теперь мысли его обратились к Цзя Шэ, которому долго еще предстояло находиться в изгнании. Да и гроб с телом матушки Цзя все еще стоял в кумирне. И вот однажды Цзя Чжэн позвал Цзя Ляня и сказал, что собирается отвезти гроб с телом матушки Цзя на юг и там захоронить.

– Вы совершенно правы, господин, – выслушав его, сказал Цзя Лянь. – Надо сделать это, пока вы в отпуске по случаю траура – потом будет некогда. Только я без отца не смею вам ничего советовать. Ваш план хорош, но для его осуществления потребуется несколько тысяч лянов серебра. И хотя власти объявили розыск воров, боюсь, украденного нам не вернуть!

– Я, говоря откровенно, все решил, – признался Цзя Чжэн, – и хочу тебе вот что сказать. Тебе никуда нельзя отлучаться, поскольку мужчин дома нет. Не знаю, как управлюсь один, – ведь придется везти несколько гробов! Возьму с собой, пожалуй, Цзя Жуна – гроб с телом его жены тоже надо отвезти. И гроб Линь Дайной. Старая госпожа завещала непременно отвезти останки девочки на родину. Не знаю только, удастся ли нам занять столько денег?

– А у кого их займешь? – промолвил Цзя Лянь. – Вы сейчас в трауре, мой отец – в дальних краях. Много денег я сразу раздобыть не смогу – придется заложить дома и землю.

– Но дома построены на казенные средства, – возразил Цзя Чжэн. – Как же их закладывать?

– Дома, в которых мы живем, закладывать, разумеется, нельзя. А остальные на время заложить можно. А вернется отец и восстановят его в должности, тогда выкупим! Но меня беспокоит, что на вас свалилось столько хлопот!

– Главное – похоронить как полагается старую госпожу, – сказал Цзя Чжэн. – А ты здесь хорошенько присматривай за домом!

– Об этом не тревожьтесь, господин! Я хоть и глуп, но постараюсь оправдать ваше доверие! Тех, кто не поедет с вами, прокормить сумею... Если же в дороге вам понадобятся деньги, наемните правителю Лай Шанжуну, когда будете проезжать через его уезд, что вы в стесненных обстоятельствах, и он вас выручит!

– Неудобно просить чужих, – возразил Цзя Чжэн, – ведь речь идет о похоронах матери! Надо как-то самим выходить из положения!

– Пожалуй, вы правы, – согласился Цзя Лянь и вышел. Теперь ему предстояло раздобыть деньги на дорогу Цзя Чжэну.

Цзя Чжэн рассказал, что собирается в путь, госпоже Ван велел, пока его не будет, следить за порядком в доме и выбрал счастливый день для отъезда. Помех больше не было.

Баоюй полностью выздоровел, а Цзя Хуань и Цзя Лань усердно учились.

Перед отъездом Цзя Чжэн позвал Цзя Ляня к себе и сказал:

– В нынешнем году состоятся большие экзамены! Цзя Хуань не сможет принять в них участие. Он мой сын, и ему положено носить траур. Цзя Лань же мне доводится внуком, и траур его не касается. Пусть экзаменуется вместе с Баоюем. Если кто-либо из них получит звание цзюйжэня, это пойдет на пользу семье.

Итак, наставив родных и совершив жертвоприношения в кумирне предков, Цзя Чжэн в сопровождении Линь Чжисяо и других слуг отправился в путь. Провожали его только близкие родственники, и то лишь до первой станции.

После отъезда Цзя Чжэна Баоюй стал готовиться к государственным экзаменам. Госпожа Ван строго следила, чтобы он не ленился, проверяла его, а о Баочай и Сижэнь говорить не приходится!

Надо сказать, что по мере того, как к Баоюю возвращалось здоровье, сам он все больше и больше менялся. Равнодушие к чиновничьей карьере перешло в отвращение, к тому же пропал всякий интерес к девушкам. Однако Баоюй об этом молчал.

Цзыцзюань, проводив гроб с телом Дайюй на родину, сидела у себя в комнате и плакала.

«Какой же Баоюй бесчувственный! – думала она. – Видел, что гроб Дайюй увозят, и ни одной слезинки не уронил! И меня не пришел утешить. Мало того, смеется как ни в чем не бывало, неблагодарный! Только морочит всех своими сладкими речами. Хорошо, что я тогда ночью его непустила. К Сижэнь он тоже охладел, а на жену вообще не обращает внимания! Шэюэ и других служанок вовсе не замечает. Зря, видно, девушки расточали ему свои ласки!»

Пришла Уэр, поглядела на Цзыцзюань и сказала:

– Опять оплакиваешь барышню Линь Дайюй, сестра? Верно говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Уж как только не расхваливали второго господина Баоюя! И ласковый он, и добрый. Вот моя мать меня к нему и устроила. Однажды он заболел, и я ходила за ним. Так потом он доброго слова мне не сказал, а сейчас вообще не глядит в мою

сторону!

– Тьфу, негодница! – фыркнула Цзыцзюань, сдерживая смех. – И не стыдно тебе? Да кто ты такая, чтобы Баоюй на тебя внимание обращал? Он на своих наложниц и то смотреть не желает!.. Не пристало девушке так говорить!

Уэр покраснела. Она хотела сказать, что ничего ей от Баоюя не нужно, что ее возмущает лишь его равнодушие к служанкам, но тут за воротами послышался шум. Кто-то сказал:

– Опять пришел монах и требует десять тысяч лянов серебра! Госпожа Ван волнуется. Некому поговорить с монахом, господина Цзя Ляня, как нарочно, нет дома! И госпожа велела позвать вторую госпожу Баочай, чтобы с ней посоветоваться.

Если хотите узнать, как удалось выпроводить хэшана, прочтите следующую главу.

Глава сто семнадцатая

Две прелестные девушки самоотверженно защищают чудесную яшму;

компания непутевых молодых людей берется за управление домом

Итак, госпожа Ван послала за Баочай служанку, а Баоюй, услышав, что явился монах, бросился с криком к дверям:

– Где мой учитель?

Баоюй долго кричал, потом выбежал во двор и увидел, что Ли Гуй не дает монаху войти.

– Госпожа велела пригласить учителя в дом! – крикнул Баоюй.

Ли Гуй почтительно вытянулся, и монах вразвалку пошел к дому.

Баоюй сразу его узнал. Ведь это был тот самый монах, которого он видел во сне! Тут юноша словно прозрел, подошел к монаху, совершил приветственную церемонию и промолвил:

– Простите, учитель, что не успел встретить вас!..

– А зачем меня встречать? – возразил монах. – Дайте мне деньги, и я уйду!

«Не пристало монаху требовать деньги! – подумал Баоюй и только сейчас заметил, что монах грязный, оборванный, на голове парша. – Еще древние говорили: „Праведник не показывает своего истинного облика, а если показывает – он не праведник“. Надо быть осторожным, чтобы не оплошать. Лучше всего пообещать ему деньги, а потом вывести, что он, собственно, собирается делать».

– Не торопитесь, учитель, – произнес Баоюй. – Присядьте, пожалуйста, сейчас матушка распорядится, деньги вам принесут. А пока позвольте спросить: вы пришли из страны Небесных грез?

– Каких еще грез? – удивился монах. – Пришел я оттуда, откуда явился, уйду туда, куда скроюсь. Ведь это я принес тебе яшму! А знаешь, откуда она взялась?

Баоюй ничего не мог ответить.

– Не знаешь, откуда сам появился, – усмехнулся монах, – а еще других спрашиваешь!

Баоюй был умен от природы, кроме того, побывал в стране Небесных

грез, узнал судьбы близких, постиг тайну мирской суеты, но о самом себе ничего не знал. Поэтому слова монаха больно его хлестнули, и он сказал:

– Я знаю, деньги вам не нужны! Возьмите яшму обратно!

– Вот это справедливо, – улыбнулся монах. – Яшма должна вернуться ко мне!

Не промолвив ни слова, Баоюй бросился к себе в комнату, схватил яшму и помчался обратно. Но в дверях столкнулся с Сижэнь. Та отпрянула от неожиданности, а потом промолвила:

– Матушка думает, что ты мирно беседуешь с монахом, и собирает для него деньги. А ты убежал!

– Скажи матушке, что никаких денег не надо, – взволнованно ответил Баоюй, – я отдам ему яшму, и делу конец.

– Еще чего выдумал! – закричала Сижэнь. – В этой яшме – твоя жизнь! Если монах ее унесет, ты опять заболеешь!

– Не заболею! – усмехнулся Баоюй. – Зачем мне яшма, если я прозрел? И, отстранив Сижэнь, он направился во двор.

– Вернись! – закричала Сижэнь, бросаясь за ним вдогонку. – Я тебе что-то скажу!

– Что ты мне можешь сказать? – на ходу обернувшись, бросил Баоюй.

Сижэнь схватила юношу за рукав и запричитала:

– Когда исчезла яшма, меня едва не лишили жизни! Если отдашь ее, не жить ни тебе, ни мне! Я скорее умру, чем позволю тебе это сделать!

Она вцепилась в Баоюя и не отпускала его.

– Не знаю, умрешь ли ты, а яшму придется отдать! – рассердился Баоюй и оттолкнул Сижэнь. Но она снова вцепилась в него и в голос заплакала.

На шум выбежала девочка-служанка.

– Беги скорее к госпоже! – закричала Сижэнь. – Баоюй хочет отдать свою яшму монаху!

Девочка помчалась к госпоже Ван.

Баоюй еще больше рассердился и попробовал вырваться от Сижэнь, но та еще крепче в него вцепилась, до боли сжав пальцы.

Больше всех волновалась Цзыцзюань: забыв о своих обидах, она выбежала из комнаты и тоже стала удерживать юношу.

Девушки вцепились в Баоюя мертвой хваткой, и освободиться не было никакой возможности. Тогда Баоюй со вздохом произнес:

– Вы держите меня из-за куска какой-то яшмы, а ведь я могу уйти без нее! Что вы тогда будете делать?

Сижэнь и Цзыцзюань разразились горестными воплями. Тут, к

счастью, прибежали госпожа Ван и Баочай.

– Баоюй! – закричала госпожа Ван. – Опомнись!

– В чем дело? – спросил Баоюй. – Я опять причиняю вам неприятности? Вечно эти служанки поднимают шум из-за пустяков! Монах требовал десять тысяч лянов серебра, и я решил отдать ему яшму, сказав, что она фальшивая. Видя, что мы не дорожим яшмой, он, возможно, сбавил бы цену.

– Так бы и сказал! – с облегчением промолвила госпожа Ван. – Зачем было пугать служанок?

– И все же, – сказала Баочай, – монах этот не простой! Не обрушатся ли на нас несчастья, если отдать ему яшму? А деньги можно найти, заложить, например, мои украшения!

– Так, пожалуй, и сделаем, – согласилась госпожа Ван.

Баоюй молчал. Тогда Баочай взяла у него яшму из рук и сказала:

– Тебе незачем больше встречаться с монахом, мы сами с госпожой отдадим ему деньги!

– Можно не возвращать ему яшму, – покорно произнес Баоюй, – но увидеться с ним еще раз мне просто необходимо!

Сижэнь все не отпускала Баоюя. Баочай подумала и сказала:

– Отпусти его, пусть идет, если хочет!

– Эх вы! – укоризненно покачал головой Баоюй. – Яшма вам дороже меня. Вот возьму и уйду с монахом! Что вы станете тогда делать с этим куском камня?

Сижэнь снова хотела вцепиться в Баоюя, но постеснялась госпожи Ван и Баочай. Воспользовавшись случаем, Баоюй выбежал из комнаты.

Сижэнь, подумав, что у Баоюя снова приступ безумия, велела девочке-служанке передать Бэймину, чтобы наказал слугам у всех трех ворот дворца хорошенько следить за вторым господином.

Девочка вышла, а госпожа Ван и Баочай стали расспрашивать Сижэнь, как все было.

Сижэнь рассказала.

Обеспокоенные госпожа Ван и Баочай велели служанке предупредить слуг, чтобы глаз не спускали с монаха и запомнили каждое его слово. Служанка вернулась и доложила:

– Второй господин и в самом деле не в себе. Он попросил монаха взять его с собой.

– Этого еще не хватало! – воскликнула госпожа Ван. – А что ответил монах?

– Сказал, что ему нужна яшма, а не Баоюй.

– И не требует денег? – удивилась Баочай.

– О деньгах разговора не было, – ответила служанка. – Затем монах и второй господин стали беседовать и смеяться, но никто из слуг их разговора не понял.

– Дураки! – рассердилась госпожа Ван. – Не могли понять всего, так хотя бы запомнили, о чем вообще шла речь. Позови слугу, который слышал их разговор!

Явился слуга, поднялся на террасу, приблизился к окну и почтительно справился о здоровье госпожи Ван.

– Неужели вы не могли хоть что-то запомнить из разговора? – напустилась на слугу госпожа Ван.

– Некоторые слова я помню, – отвечал слуга. – Речь шла о какой-то горе Дахуаншань, утесе Цингэн, стране Небесных грез, нитях, связывающих с суетным миром.

Госпожа Ван тоже не поняла. Зато Баочай испуганно округлила глаза и не могла вымолвить ни слова. Она хотела приказать слугам немедленно позвать Баоюя, но тут он явился сам и, хихикая, сказал:

– Все в порядке! Все в порядке!..

– Что означают твои безумные речи? – спросила госпожа Ван.

– Почему безумные? – удивился Баоюй. – Я давно знаю этого монаха. Он приходил со мной повидаться. Неужели вы думаете, что ему нужны были деньги? Он совершил доброе дело, все объяснил и ушел. Вот я и говорю: все в порядке!

Госпожа Ван не поверила и велела слуге все разузнать у привратников. Вскоре слуга вернулся и доложил:

– Монах и в самом деле ушел и сказал на прощанье: «Передайте госпоже, чтобы не беспокоилась – деньги мне не нужны. Пусть только разрешит второму господину почаще меня навещать. Все свершится, как предопределено судьбой – таков непреложный закон».

– Оказывается, это добрый монах! – воскликнула госпожа Ван. – Где же он живет?

– Привратник его спросил, а он говорит, что второй господин Баоюй знает, – ответил слуга.

– Ты знаешь, где живет монах? – спросила госпожа Ван, немало удивившись.

– Трудно сказать, – ответил Баоюй. – И далеко и близко.

– Что ты болтаешь! – вскричала Баочай. – Сейчас же прекрати! Ведь батюшка и матушка тебя любят, и батюшка велел тебе во что бы то ни стало добиться славы и высокого положения!

– А разве я говорю не о том же? – возразил Баоюй. – Неужели вам не ведома истина: «Если один сын уйдет в монахи, семь поколений его предков вознесутся на небеса»?

– Что за несчастная у нас судьба! – вздохнула госпожа Ван. – Сичунь твердит, что уйдет в монастырь, а теперь еще ты! Зачем мне после этого жить?!

И госпожа Ван громко заплакала.

– Я пошутил, – с улыбкой произнес Баоюй.

– И все остальное было шуткой? – спросила госпожа Ван, перестав плакать.

– Вернулся второй господин Цзя Лянь! – сообщила вбежавшая в комнату девочка-служанка. – На нем лица нет, и он просит вас, госпожа, выйти к нему!

Взволнованная госпожа Ван распорядилась:

– Позови его сюда! Баочай может остаться, Цзя Лянь давно ее знает!

После обмена приветствиями Цзя Лянь стал рассказывать:

– Только что пришло письмо от отца. Он тяжело болен и велит мне немедленно приехать. А то не застаю его живым.

Из глаз Цзя Ляня покатались слезы.

– Он не пишет, чем болен? – спросила госпожа Ван.

– Сначала простудился, а потом признали чахотку, – ответил Цзя Лянь. – Человек, передавший письмо, тоже советует поспешить с приездом, и я пришел доложить вам, госпожа, что немедленно отправляюсь в путь. Цзя Цян и Цзя Юнь хоть и глупы, но все же мужчины, и если случится что-нибудь, доложат госпоже. Домашние дела я привел в полный порядок. Цютун не пожелала у нас оставаться, и я велел отправить ее к матери. Думаю, так лучше, да и Пиньэр спокойнее. Вот только Цяоцзе остается без присмотра, но Пиньэр добра и не даст ее в обиду. Дочка у меня умная, но характером в мать, еще круче, так что прошу вас, госпожа, не оставлять ее своими поучениями!

Он вынул платок и смахнул набежавшие слезы.

– У твоей дочки есть родная бабушка, вот и оставь девочку на ее попечение, – возразила госпожа Ван.

– Вы убиваете меня, госпожа, своими словами! – воскликнул Цзя Лянь. – Я ведь от вас ничего не требую, только прошу меня пожалеть!

Цзя Лянь опустил перед госпожой Ван на колени.

– Встань! Ведь тут женщины! – промолвила госпожа Ван и спросила: – Если удержишься у отца, а в это время кто-нибудь посватается к твоей дочери? Ждать твоего возвращения или поступать так, как решит твоя

мать?

– Не дожидайтесь меня! Решайте с матушкой по своему усмотрению!

– Перед отъездом напиши дяде Цзя Чжэну, пусть знает, что дома не осталось мужчин, – сказала госпожа Ван, – и попроси его поскорее возвращаться. Ведь неизвестно, когда ты приедешь!

– Слушаюсь! – ответил Цзя Лянь и собрался уходить, но потом вдруг повернулся и добавил: – В доме у нас достаточно слуг, а вот в саду никого нет! Бао Юн уехал вместе с господином. Второй господин Сюэ Кэ, живший в доме тетушки Сюэ по соседству с садом, переехал в другое место. Все строения в саду пустуют, а присматривать за ними некому, так что велите, госпожа, слугам каждый день обходить сад! Земля, на которой стоит кумирня Бирюзовой решетки, принадлежит нам. Мяоюй исчезла неизвестно куда, и монахини просят прислать к ним кого-нибудь из нашего дома, чтобы распоряжался имуществом кумирни.

– Мы не знаем, как со своими делами управиться, а ты говоришь о какой-то кумирне! – рассердилась госпожа Ван. – Лучше бы помолчал! Если об этом узнает Сичунь, снова начнет грозить, что уйдет в монахини. А это позор для нашей семьи!

– Подумайте, госпожа, и о том, – сказал Цзя Лянь, – что у четвертой барышни родителей нет, старший брат уехал, а жена его плохо обращается с девушкой. Я даже слышал, что Сичунь несколько раз пыталась покончить с собой. Так пусть лучше уйдет в монастырь. Зачем ее отговаривать?

– Сама не знаю, что делать! – воскликнула госпожа Ван. – Пусть жена Цзя Чжэня поступает, как сочтет нужным.

Выйдя от госпожи Ван, Цзя Лянь созвал слуг, распределил между ними обязанности, написал письмо Цзя Чжэну и собрался в путь. Пиньэр и другие, как обычно, сказали ему на дорогу несколько напутственных слов. Цяоцзе горько плакала, прощаясь с отцом. Остаться на попечении Ван Жэня она отказалась. А когда узнала, что все дела отец поручил Цзя Цяну и Цзя Юню, расстроилась, но виду не подала. Проводив отца, девочка стала жить вместе с Пиньэр.

Фэнцзе и Сяохун сразу же после смерти Фэнцзе пожелали уйти. Первая попросила отпуск, а вторая сослалась на болезнь. Пиньэр хотела взять в дом какую-нибудь девочку, чтобы была подружкой Цяоцзе, а заодно помогала по хозяйству. Кроме Селуань и Сыцзе, бывших любимиц матушки Цзя, подходящих не было. Но Сыцзе, как оказалось, вышла замуж и уехала, а Селуань была просватана и со дня на день должна была переехать в дом мужа. Поэтому пришлось Пиньэр отказаться от своего намерения.

Между тем Цзя Юнь и Цзя Цян, проводив Цзя Ляня, пришли к господам Син и Ван.

Почувствовав себя хозяевами, юноши стали жить во внешнем кабинете, постоянно скандалили со слугами, водили дружков и устраивали попойки. Дошло даже до азартных игр, но женщины, не выходившие из внутренних покоев, ничего об этом не знали.

Пришли однажды Ван Жэнь и старший дядя Син. Им пришлось по душе веселая, бесшабашная жизнь Цзя Юня и Цзя Цяна. Они зачастили во дворец, якобы для того, чтобы присматривать за домом, а сами играли на деньги и пьянствовали.

Наиболее старательных слуг взял с собой Цзя Чжэн, другие уехали с Цзя Лянем, и дома остались лишь сыновья и племянники из семей лай и линь. Привыкшие жить за счет родителей, они совершенно не разбирались в хозяйстве и сейчас, оставшись без старших, словно лошади без узды, делали что хотели, тем более что Цзя Цян и Цзя Юнь всячески им потакали. И во дворце Жунго теперь творилось что-то невообразимое.

Цзя Цян хотел было вовлечь в свою компанию Баоюя, но Цзя Юнь ему отсоветовал.

– Баоюю не суждена такая жизнь, – сказал он. – Когда-то я нашел ему девушку, красивее небесной феи. Отец ее сборщик налогов, владеет закладными лавками. Я написал ему об этом письмо. Но, видно, не суждено ему счастье. – Цзя Юнь огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, продолжал: – Ведь он давно связан с Баочай! Неужели не знаешь? А Линь Дайюй! Кому не известно, что она умерла с тоски по Баоюю? У каждого своя судьба! А из-за того письма Баоюй возненавидел меня. Он думал, меня подкупили, чтобы его сосватать!

Выслушав Цзя Юня, Цзя Цян отказался от своего намерения. Ни тот ни другой не знали, что после встречи с монахом Баоюй захотел порвать узы, связывающие его с бранным миром. Заявить об этом госпоже Ван он не посмел, но стал чуждаться Сижэнь и Баочай, а на молодых служанок, которые с ним заигрывали, не обращал никакого внимания. Да и домашние дела перестали его интересовать. Чтобы госпожа Ван и Баочай его не корили, он делал вид, будто старательно занимается, а сам не мог дожждаться, когда наконец придет монах и уведет его в страну бессмертных. Окружающие казались ему людьми серыми, заурядными. Ему было тяжело находиться дома, и каждую свободную минуту он проводил с Сичунь. Они понимали друг друга, и желание Баоюя уйти в монахи с каждым днем крепло. Он даже перестал замечать Цзя Хуаня и Цзя Ланя.

Отец Цзя Хуаня был в отъезде, мать умерла, госпожа Ван уделяла ему

мало внимания, и он пошел по пути Цзя Цяна. Цайюнь ничего не могла сделать. На все попытки удержать его Цзя Хуань отвечал грубостью и оскорблениями.

Юйчуань считала Баюя совсем ненормальным и попросила мать взять ее домой.

Итак, Цзя Хуань и Баюй, обладая совершенно различными склонностями, занимались чем вздумается, но никто этого не подозревал. Только Цзя Лань, за которым неусыпно следила мать, продолжал усердно учиться, писал сочинения и показывал их Цзя Дайжу. Но Дайжу стал болеть, часто лежал в постели, и Цзя Ланю самому приходилось трудиться.

Ли Вань жила замкнуто, выходила из дому затем лишь, чтобы справиться о здоровье госпожи Ван или повидаться с Баочай. Все свое время она посвящала сыну.

Таким образом, каждый из обитателей дворца Жунго заботился только о себе.

Пользуясь случаем, Цзя Хуань, Цзя Цян и вся их компания совсем распоясались. Воровали и продавали вещи, а Цзя Хуань дошел до того, что оставался на ночь у веселых девиц и предавался азартным играм.

Однажды во время попойки Ван Жэнь и дядюшка Син по прозвищу Дурак разошлись вовсю, позвали еще нескольких собутыльников и стали горланить песни.

– Не умеете вы развлекаться! – кричал Цзя Цян. – Сейчас я объявлю застольный приказ!

– Объявляй! – зашумели остальные.

– Давайте играть на слово «луна»! – предложил Цзя Цян. – Я буду читать стихи, и как только произнесу слово «луна», посчитаем, каким будет оно по порядку от начала стихотворения. Затем начнем считать всех подряд от меня, и на кого падет это число, тот выпьет кубок вина! Распорядитель игры определит, что говорить перед тем, как пить вино, и что после. Кто нарушит приказ, будет пить три больших кубка!

Все согласились. Цзя Цян первым осушил кубок и произнес:

...Пусть взлетают крылатые кубки, ^[78]

Чтоб луну напоить допьяна... ^[79]

Слово «луна» выпало на Цзя Хуаня. Цзя Цян велел ему прочесть строку со словом «корица», и Цзя Хуань прочел:

...И в безмолвье холодной росой
Увлажнились цветы на корице... [\[80\]](#)

– Что дальше? – спросил Цзя Хуань.
– А теперь прочти стихи со словом «аромат», – потребовал Цзя Цян.
Цзя Хуань прочел:

...И в тот же миг небесный аромат,
Струясь, вознесся выше облаков... [\[81\]](#)

– Да не игра это, а скука! – вскричал дядюшка Син. – Изображаешь из себя ученого, а в стихах ничего не смыслишь! Издевательство, вот что это такое! Сыграем лучше в угадывание пальцев! Кто не отгадает, будет пить штрафной кубок и петь. А не умеет петь – расскажет что-нибудь смешное.

– Годится! – закричали все.

Стали играть. Ван Жэнь проиграл и спел песню.

– Великолепно! – орали дружки.

Затем еще кто-то спел.

Но дядюшка Син, когда проиграл, петь отказался и предложил рассказать смешную историю.

– Рассказывай, так и быть, – согласился Цзя Цян, – но если не будет смешно, оштрафуем.

Дядюшка Син выпил вина и стал рассказывать:

– В одной деревне был храм императора Юань-ди, а рядом – кумирня духа-хранителя деревни. Юань-ди часто приглашал в гости духа и беседовал с ним. Однажды храм ограбили, и Юань-ди велел духу-хранителю произвести расследование. «В наших местах грабителей нет, – сказал дух. – Это из-за нерадения ваших небесных полководцев к нам проникли грабители из других мест», – «Глупости! – возмутился Юань-ди. – Ты дух-хранитель нашей деревни, и я спрошу с тебя за грабеж! Вместо того чтобы изловить разбойников, ты обвиняешь в нерадении моих полководцев!»

Дух тогда и говорит:

«Пожалуй, вы правы, стражи ни при чем, это храм ваш не так построен, как надо».

«Что же в нем плохого?» – спрашивает Юань-ди.

«Сейчас скажу», – отвечает дух.

Осмотрел он все и говорит:

«Дверь, владыка, находится позади вас, и вам не видно, кто входит в храм. А у меня за спиной – каменная стена. Надо и у вас соорудить стену, тогда грабежи прекратятся». Юань-ди послушался духа и приказал полководцам соорудить стену. Небесные полководцы вздохнули и говорят: «Чтобы соорудить стену, надо людей нанять. А чем им платить? Нынче никто не покупает курительных свечей». Так и не смогли полководцы выполнить приказ Юань-ди. Тут выступил вперед полководец Черепаха и говорит: «Полезы от вас никакой! Слушайте же, что я скажу. Дверь надо снять, а ночью я своим панцирем загорожу проход. Прочнее стены будет!»

«Прекрасно! – воскликнули небесные полководцы. – И денег тратить не надо, и стена получится прочная!»

Как сказал полководец Черепаха, так и сделал. Но прошло несколько дней, и храм опять обокрали. Пришли тогда небесные полководцы к духу-хранителю деревни и говорят: «Ты уверял, что, если поставить стену, грабежи прекратятся. Но храм снова ограбили!»

«Значит, стена непрочная», – ответил дух.

Зашумели тут полководцы: «Пойди сам погляди!»

Пошел дух, поглядел. Стена прочная. Как же через нее грабители в храм проникли? Пощупал стену рукой и воскликнул:

«Я думал, стена настоящая, а она фальшивая!»^[82]

Все расхохотались.

– Вот так дядюшка Дурак! – покатываясь со смеху, сказал Цзя Цян. – Я тебя не обижал, а ты меня черепахой обзываешь! Пей штрафной кубок!

Дядюшка Син осушил кубок, совсем захмелел и стал жаловаться на свою сестру, а Вань Жэнь – на свою. Оба не скупилась на колкие и язвительные замечания. Цзя Хуань, расхрабрившись от вина, стал ругать Фэнцзе, которая будто бы жестоко с ним обращалась.

– Человек должен быть добрым и справедливым, – поддакнули остальные, – а Фэнцзе, пользуясь покровительством старой госпожи, творила всякие бесчинства, а потом, как говорится, «обожгла себе хвост». Теперь дочке ее придется расплачиваться за зло, содеянное матерью!

Цзя Юнь вспомнил, как однажды обидела его Фэнцзе, а Цяоцзе, увидев его, расплакалась, и тоже принялся поносить покойницу и ее дочь.

– Пей лучше вино! – оборвал его Цзя Цян. – Зачем злословить?

– Сколько лет девочке? – стали спрашивать гости. – Хороша ли она собой?

– Тринадцать лет ей, – ответил Цзя Цян. – Настоящая красавица!

– Жаль, что она родилась в вашей семье! – воскликнули гости. – Будь

она из бедной семьи, ее родители и братья могли бы стать чиновниками и разбогатеть.

– Каким образом? – спросили все в один голос.

– Я недавно узнал, – стал рассказывать один из гостей, – что где-то в дальних краях есть ван, большой охотник до наслаждений. Он ищет вторую жену и обещает забрать к себе и родителей девушки, которая ему приглянется. Бывает же такое счастье на свете!

Никто не придавал его словам особого значения, только у Ван Жэня мелькнула недобрая мысль. Однако он и виду не подал и продолжал пить вино.

– Вот где веселье! – раздались возгласы, и на пороге появились сыновья Лай Да и Линь Чжисяо.

– Вы почему опоздали? – закричали тут все. – Уж мы ждали!

– Прошел слух, будто в доме опять что-то случилось, – стали оправдываться молодые люди, – и мы забеспокоились. Но потом оказалось, это не у нас.

– Не у нас, и ладно, – отвечали гости. – Нечего было задерживаться!

– Хоть и не у нас, но некоторое отношение к нам имеет, – возразили оба. – Знаете, о ком речь? О почтенном господине Цзя Юйцуне. Говорят, ему надели кангу и собираются везти на допрос в судебную палату! А ведь он состоит в родственных отношениях с нашими господами! Вот мы и решили дождаться, когда его повезут, надеялись разузнать, не грозят ли нашим господам новые неприятности.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Цзя Юнь. – Ладно, садитесь, потом все расскажете!

Молодые люди стали отнекиваться, но затем все же выпили и продолжали рассказывать:

– Господин Цзя Юйцунь – человек способный, умеет находить покровителей и благодаря им получил высокую должность. Однако он жаден до денег и несколько раз попадался на вымогательстве. В обвинении говорится, что он обирал подчиненных – брал взаймы и не возвращал. А государь наш, – пусть здравствует он десять тысяч лет, – самый мудрый и просвещенный, самый гуманный и добрый из всех правителей, не щадит алчных, тех, кто грабит народ или, пользуясь властью, обманывает людей. Как только ему донесли на Цзя Юйцуна, он немедленно издал указ об его аресте. И если обвинение подтвердится, Цзя Юйцуню несдобровать! Если же донос окажется ложным, плохо придется тому, кто оклеветал Цзя Юйцуна. В обоих случаях появится вакансия и кому-то посчастливится стать чиновником.

– Твой старший брат и так счастлив! – сказали дружки сыну Лай Да. – Разве плохо быть начальником уезда?

– Так-то оно так, – отвечал сын Лай Да, – но если он будет поступать подобно Цзя Юйцуню, долго не продержится!

– Неужто и у него руки загребущие? – удивились все.

Юноша кивнул и осушил кубок.

– Больше ничего не удалось разузнать?

– Об этом ничего. Еще говорят, будто поймали разбойников, орудовавших на морском побережье, и доставили на допрос в судебный ямынь. И схватили злодеев, которые похищали людей. Они прятались здесь же, в городе. Это благодаря старанию господ, которые служат при дворе государя.

– Значит, те, что были в городе, пойманы! – воскликнули все в один голос. – А ограбивших наш дом не нашли?

– Об этом мы ничего не знаем, – отвечали молодые люди. – Слышали, правда, будто один из разбойников похитил какую-то женщину и увез на морское побережье, но женщина не покорила ему, и он ее убил. После чего вместе с сообщниками хотел бежать через заставу, но все они были схвачены и казнены.

– Уж не Мяоюй ли это, которую похитили из кумирни Бирюзовой решетки? – сказал кто-то.

– Ну конечно это она! – вскричал Цзя Хуань. – Эту Мяоюй я больше всех ненавижу! Вечно ходила с кислой рожей. Зато стоило ей увидеть Баоюя, как она расплывалась в улыбке. А на меня и смотреть не хотела! Вот было бы хорошо, если б это оказалась она!

– А может, и не она, – сказал кто-то. – Разве мало похищают людей?

– А по-моему, Цзя Хуань прав! – вмешался Цзя Юнь. – Недавно мне рассказывали, что одной монашке из кумирни приснилось, будто Мяоюй убита.

– Мало ли что приснится! – засмеялись все. – Выдумки это!

– Выдумки или не выдумки – нас не касается! – вскричал дядюшка Син. – Давайте поедим, а ночью будем играть!

Игра продолжалась до четвертой стражи, пока за дверью не послышался голос слуги:

– Четвертая барышня Сичунь повздорила с женой своего брата и остригла волосы. Она просит госпожу Син и госпожу Ван отпустить ее в монастырь, иначе грозитя покончить с собой. Госпожи Син и Ван не знают, что делать, и просят на совет господ Цзя Цяня и Цзя Юня.

Цзя Юнь давно слышал, что Сичунь собирается в монастырь, и был

уверен, что отговорить ее невозможно. Поэтому сказал Цзя Цяну:

– Мы ничем не можем помочь господам, а тем более что-либо решить. Поговорим для виду с четвертой барышней. Не послушает нас – дело ее! Напишем письмо Цзя Ляню, чтобы не оказаться потом виноватыми.

Решив так, они направились к господам Син и Ван и принялись уговаривать Сичунь отказаться от своего намерения. Сичунь твердила свое, а потом попросила, если ее не отпустят, отвести ей пустую комнату, где она могла бы читать сутры и молиться Будде.

Тогда госпожа Ю, опасаясь, как бы девушка не покончила с собой, сказала:

– Если отпустить ее, люди подумают, будто мы вынудили барышню уйти в монастырь! Пусть лучше останется дома, я буду за ней присматривать! А брат Цзя Цян сообщит обо всем в письме Цзя Ляню и Цзя Чжэню.

Если хотите знать, что сказали на это госпожи Син и Ван, прочтите следующую главу.

Глава сто восемнадцатая

Дядя и брат, вспомнив прежние обиды, мстят беззащитной девочке;

*жена и наложница, встревоженные загадочными высказываниями,
пытаются вразумить странного юношу*

Итак, госпожи Син и Ван, выслушав госпожу Ю, поняли, что уговорить Сичунь отказаться от своего намерения не удастся, и госпожа Ван сказала:

– Желание Сичунь уйти в монастырь, видимо, связано с ее прошлой жизнью, и мы не в силах ее удержать. Но чтобы люди не подумали о нас плохо, – обратилась госпожа Ван к девушке, – надо сделать так, как советует жена твоего старшего брата. Оставить тебя дома и разрешить заниматься самоусовершенствованием. Это будет доброе дело. Вот только волос стричь не надо. Не все ли равно, острижены волосы или нет, если желание твое искренне. Вспомни, ведь Мяоюй тоже не остригла волос. Кстати, не верю я, что она с кем-то сбежала. Так вот, если твое решение неизменно, мы согласны считать дом, где ты живешь, твоей кельей, а служанок твоих – послушницами. Надо только поговорить с ними. Захотят при тебе остаться – мы их не выдадим замуж, а откажутся – позаботимся о них!

Слова госпожи Ван успокоили Сичунь, она поблагодарила ее, вытерла слезы, а затем поклонилась госпоже Син, Ли Вань, госпоже Ю и остальным.

Госпожа Ван позвала служанок и спросила, хотят ли они разделить участь барышни и стать монахинями.

– Как вам будет угодно, госпожа, – отвечала за всех Цайпин.

Госпожа Ван поняла, что служанки не жаждут уйти в монахини, и стала думать, кого бы оставить с Сичунь. Сичунь опасалась, как бы весь этот разговор не повредил здоровью Баоюя, который тоже был здесь. Но, против ее ожиданий, Баоюй оставался спокойным и лишь произнес со вздохом:

– Да, поистине трудно кого-то найти.

Сижэнь слова Баоюя опечалили. Баочай украдкой уронила слезу,

подумав, что Баоюй не в себе.

Госпожа Ван хотела спросить других служанок, но тут Цзыцзюань опустилась перед ней на колени и проговорила:

– Госпожа, как собираетесь вы поступить с девушками, состоявшими при четвертой барышне?

– Насильно заставить их идти в монахини я не могу! – ответила госпожа Ван. – Все зависит от их собственного желания.

– Барышня сама захотела заниматься самоусовершенствованием, служанки тут ни при чем, – промолвила Цзыцзюань. – Пусть не сочтут это другие служанки упреком, каждый поступает так, как считает нужным. Я долго служила барышне Линь Дайюй, и вы, госпожа, знаете, как она любила меня. Доброта ее поистине простиралась выше гор, и я не знаю, как ее отблагодарить! До сих пор раскаиваюсь в том, что не последовала за ней. Но сделать этого я не могла, потому что не успела отблагодарить господ за их великие милости. Ныне же прошу разрешить мне до конца жизни прислуживать четвертой барышне. О большем счастье я и не мечтаю.

Госпожи Син и Ван долго молчали. Баоюй при упоминании о Дайюй расстроился до слез. Но потом вдруг расхохотался и воскликнул:

– Мне не следовало ничего говорить! Но матушка своей милостью отдала Цзыцзюань мне в услужение, и теперь я осмелюсь просить матушку разрешить ей поступить по собственному усмотрению.

Госпожа Ван не без удивления заметила:

– Прежде, когда твои сестры выходили замуж, ты убивался и плакал, а сейчас не возражаешь против того, чтобы четвертая сестра ушла в монахини. Что случилось с тобой?

– Если четвертой сестре и в самом деле разрешено стать монахиней и она не изменит своего решения, я кое-что скажу матушке.

– Какой же ты смешной, второй брат! – проговорила Сичунь. – Разве посмела бы я вести об этом речь с господами, если бы не была тверда в своем решении? Могу повторить слова Цзыцзюань: «О большем счастье я и не мечтаю!» Если же откажут, мне останется лишь умереть. Так что не бойся, брат! Говори, что хотел!

– Пусть не думают, что я разглашаю какую-то тайну, – проговорил Баоюй, – но все должны знать, что предопределила судьба. Разрешите, я прочту стихотворение!

– У людей горе, а ты вздумал читать стихи! – зашумели все. – Даже зло берет!

– Это не мои стихи! – возразил Баоюй. – Я побывал в одном месте и там их прочел, а теперь хочу, чтобы и вы послушали.

– Ну ладно, читай, но не городи чушь.
И Баоюй прочел:

Весны нет краше третьей трети,
Но все уходит на закат.

И на монашеское платье
Сменила дева свой наряд.

Как жаль! Сиятельная дама
Из дома, где кругом шелка,

Вдруг оказалась возле Будды
Во мгле мерцающих лампад...

Больше всех стихи взволновали Баочай и Ли Вань.
– Амитаба! – воскликнули они. – В Баоюя вселилась нечистая сила!
Госпожа Ван только головой покачала и спросила:
– Где ты прочел эти стихи?
– Не спрашивайте, матушка, – отвечал Баоюй, – прочел я их там, где
они записаны.

Госпожа Ван подумала и вдруг заплакала:
– Не говори ерунды! Скажи, откуда ты знаешь эти стихи? Теперь я все
поняла! Но что же мне делать? Как быть? Ах, поступайте как вздумается!
Только подождите, пока я навеки закрою глаза!

Баочай старалась успокоить госпожу Ван, но, услышав ее слова,
почувствовала, как сжалось от боли сердце, и горько заплакала. Сижэнь
упала бы на пол без чувств, не подхвати ее Цювэнь.

Один только Баоюй не плакал, не утешал никого, молча стоял. Цзя
Лань и Цзя Хуань поспешили улизнуть.

– Брату Баоюю больно, что Сичунь уходит в монахини, вот он и
болтает с горя всякие глупости, – пыталась утешить Ли Вань госпожу
Ван, – его болтовню нельзя принимать всерьез. Решайте скорее, как быть с
Цзыцзюань, она все еще стоит на коленях.

– Что я могу сделать?! – вскричала госпожа Ван. – Никого не
заставишь свернуть с избранного пути! К тому же это, как сказал Баоюй,
предопределено судьбой!

Цзыцзюань низко поклонилась госпоже Ван, а затем Баоюю и Баочай.

Сичунь тоже поклонилась госпоже Ван и поблагодарила ее.

– Амиитаба! – воскликнул Баоюй. – Вот и хорошо! Не ожидал я, сестра, что ты первой ступишь на праведный путь!

Баочай с трудом сдерживалась, чтобы не выдать охвативших ее чувств. Сижэнь, не стесняясь госпожи Ван, выкрикивала сквозь рыдания:

– Я тоже хочу уйти в монахини!..

– Желание твое похвально, – ласково сказал Баоюй, – но судьба не предопределила тебе наслаждаться подобным счастьем!

– Значит, я должна умереть? – проговорила Сижэнь.

Горе Сижэнь тронуло Баоюя, но он промолчал.

Уже наступила пятая стража. Баоюй уговорил мать лечь отдохнуть. Разошлись постепенно и остальные.

Цайпин находилась в услужении у Сичунь до тех пор, пока не была выдана замуж. А Цзыцзюань твердо решила остаться с ней навсегда. Но об этом речи не будет.

Тем временем Цзя Чжэн сопровождал на родину гроб с телом матушки Цзя. Ехать приходилось медленно – по всем водным путям в столицу возвращались войска из похода на юг.

В пути Цзя Чжэн встретил чиновника из приморской провинции и узнал от него, что правитель Чжэнь-хая императорским указом вызван в столицу. Цзя Чжэн обрадовался. Теперь по крайней мере Таньчунь побывает дома. Одно беспокоило: не удалось выяснить, когда они выедут.

Поездка затянулась, Цзя Чжэну не хватало денег, и он вынужден был послать со своим человеком письмо Лай Шанжуну с просьбой одолжить пятьсот лянов серебра.

За несколько дней удалось проплыть по реке лишь немногим больше десяти ли. Тут вернулся слуга и вручил Цзя Чжэну письмо Лай Шанжуна, в котором тот сообщил о своих затруднениях и посылал всего пятьдесят лянов серебра.

Цзя Чжэн оскорбился и велел слуге отвезти деньги обратно и передать Лай Шанжуну извинение за причиненное беспокойство.

Лай Шанжун понял свою оплошность и, чтобы исправить дело, прибавил еще сто лянов и попросил слугу замолвить за него перед Цзя Чжэном словечко. Но слуга, вопреки ожиданиям, швырнул деньги на пол и ушел.

Встревоженный Лай Шанжун тотчас же написал письмо домой, советуя отцу уйти со службы, пока не поздно.

Получив письмо, Лай Да попросил Цзя Цяна и Цзя Юня

походатайствовать перед госпожой Ван, чтобы его отпустили. Зная, что это бесполезно, Цзя Цян не стал обращаться к госпоже Ван, а через день сообщил Лай Да, что госпожа Ван в просьбе отказала. Тогда Лай Да попросил отпуск, а сам послал человека к Лай Шанжуну передать, чтобы тот под предлогом болезни отказался от службы. Госпожа Ван, разумеется, об этом не знала.

Цзя Юнь между тем, ничего не подозревая, продолжал играть в азартные игры и проиграл крупную сумму денег. Попросил займы у Цзя Хуаня, но у того не было ни гроша – все сбережения, оставшиеся после матери, он давно промотал. И теперь, вспомнив, как его унижала Фэнцзе, решил воспользоваться отъездом Цзя Ляня и с помощью Цзя Юня отомстить за свою обиду ни в чем не повинной Цяоцзе.

– Ты старше, а не умеешь раздобывать деньги! – сказал он Цзя Юню. – Чуть что – сразу ко мне!

– Странно ты рассуждаешь! – удивился Цзя Юнь. – Знаешь ведь, что денег мне взять неоткуда!

– Ты разве не слышал, что какой-то ван из дальних краев хочет купить наложницу? Вот и узнал бы у дяди Ван Жэня, нельзя ли продать Цяоцзе? – посоветовал Цзя Хуань.

– Я давно хотел с тобой об этом поговорить, но боялся, – отвечал Цзя Юнь. – Кто посмеет обратиться в такую семью, как наша, с просьбой продать наложницу?

Тут Цзя Хуань что-то прошептал на ухо Цзя Юню. Цзя Юнь промолчал. Уж очень наивным показалось ему то, что сказал Цзя Хуань.

– О чем вы тут шепчетесь? – спросил Ван Жэнь, неожиданно появляясь на пороге. – Что-то скрываете от меня?

Цзя Юнь тихонько рассказал ему о своем разговоре с Цзя Хуанем.

– Хорошо придумали! – воскликнул Ван Жэнь и даже руками всплеснул. – Вот тогда у нас и деньги появятся! Главное – не трусьте! А мне бояться нечего—я вправе распоряжаться судьбой родной племянницы. Только пусть сперва третий господин Цзя Хуань поговорит со старшей госпожой Син, а я со своей стороны потолкую со старшим дядей Сином. Когда же госпожи спросят, что мы об этом думаем, будем в один голос твердить, что сейчас это единственный выход из положения.

После того как они обо всем договорились, Цзя Юнь пошел к госпожам Син и Ван, а Ван Жэнь – к старшему дяде Сину. Цзя Юнь, не жалея слов, расхваливал свое предложение, суля всем необычайные выгоды.

Госпоже Ван предложение показалось заманчивым, хотя она не

особенно в него верила. Госпожа Син тоже не возражала, полностью положившись на дядюшку Сина, и велела за ним послать, чтобы переговорить лично!

Дядюшка Син знал, что внакладе не останется, и принялся уговаривать сестру:

– Это вполне приличная партия для вашей внучки! Ван – человек влиятельный, и ваш муж, можно ручаться, будет тут же восстановлен в должности, а это пойдет на пользу всему дому Жунго.

У госпожи Син, легковерной по натуре, слова дядюшки не вызвали ни малейшего сомнения и она пригласила на переговоры Ван Жэня. А тот, разумеется, обрисовал все в таких ярких тонах, что госпожа Син немедленно позвала Цзя Юня и велела ему взять на себя это дело. Тотчас же к вану были посланы люди.

Князь, в свою очередь, послал людей во дворец Жунго посмотреть на будущую наложницу. Цзя Юнь их перехватил по дороге и сказал:

– Мы обманули родню, сказав, что ван сватает девочку. Но это не важно, все делается с согласия бабушки, а родной дядя выступает поручителем. Так что и вы говорите о сватовстве!

Посланные согласились. Тогда Цзя Юнь сообщил господам Ван и Син, что дело устроилось. Ли Вань и Баочай, ничего не подозревая, радовались за Цяоцзе.

Однажды от вана приехали разнаряженные женщины. Их приняла госпожа Син. Женщины держались очень степенно, зная, что перед ними знатная дама.

Госпожа Син позвала внуку, сказав, что с ней хотят повидаться родственники.

Цяоцзе, совсем еще ребенок, ни в чем не разбиралась и вместе с нянькой пришла на смотрины. Пиньэр, заподозрив неладное, последовала за ними. Едва Цяоцзе появилась, как женщины встали со своих мест и оглядели девочку с головы до ног, затем взяли за руки и еще раз оглядели. Посидев немного, они удалились.

Столь бесцеремонное с ней обращение смутило Цяоцзе, и, вернувшись домой, она решила расспросить у Пиньэр, что это были за родственницы. Цяоцзе их никогда не видела. Что же до Пиньэр, то она сразу смекнула, что это свахи, и подумала: «Пока второго господина Цзя Ляня нет, все решает вторая госпожа Син. Но хотелось бы знать, из какой семьи жених. Если из знатной, то почему свахи такие бесцеремонные, ведь знают, какое высокое положение занимает наша семья. Скорее всего они приехали от какого-то вана, только не здешнего. Надо все разузнать и сказать Цяоцзе».

Пинъэр попросила девочек и женщин-служанок, бывших в свое время в ее распоряжении, передавать ей все, что им удастся услышать об этом деле. И женщины охотно согласились.

Пинъэр не на шутку встревожили рассказы служанок. Цяоцзе она ничего не сказала, но поспешила поделиться своими опасениями с Ли Вань и Баочай и попросила посоветоваться с госпожой Ван.

Госпожа Ван поняла, что дело принимает дурной оборот, и предупредила госпожу Син. Но госпожа Син так верила своему брату и Ван Жэню, что заподозрила госпожу Ван в нечестных намерениях и сказала:

– Внучка моя уже выросла! Цзя Лянь в отъезде, и я могу за него решить это дело. Тем более что мой брат и дядя Цяоцзе навели справки о семье жениха! Так что в случае неприятностей мы с Цзя Лянем ни на кого не будем в обиде!

Госпожа Ван рассердилась, но виду не подала. Вернувшись к себе, она рассказала Баочай о своем разговоре с госпожой Син и даже заплакала.

– Не волнуйтесь, матушка! – стал утешать ее Баоюй. – Ничего из этого дела не выйдет. Цяоцзе уготована другая участь, и не нужно вмешиваться в ее жизнь!

– Ты только и знаешь, что болтать всякие глупости! – вышла из себя госпожа Ван. – Ведь сговор произошел, и девочку могут со дня на день забрать! Цзя Лянь мне этого не простит! Не будь даже Цяоцзе твоей племянницей, а просто нашей дальней родственницей, все равно нельзя было бы этого допустить. Барышню Син Сюянь мы просватали за твоего двоюродного брата Сюэ Кэ, и живут они в мире и согласии. Барышне Баоцинь в семье Мэй тоже неплохо: говорят, она богато одевается и живет в полном достатке. Только барышне Ши Сяньюнь, которую сосватал ее дядя, не повезло; она недавно похоронила мужа и очень страдает, но поклялась до конца дней своих оставаться вдовой... Ведь если Цяоцзе отдадут недостойному человеку, все будут меня осуждать, скажут, что я сделала это со зла.

В это время появилась Пинъэр – она пришла навестить Баочай, а заодно разузнать, чем окончился разговор госпожи Ван с госпожой Син.

Услышав, что рассказала госпожа Ван, Пинъэр бросилась перед ней на колени и воскликнула:

– Спасите Цяоцзе, госпожа! Мало того, что ей придется весь век страдать, так еще и вы будете мучиться, чувствуя себя виноватой. Что вы скажете господину Цзя Ляню, когда он вернется?

– Ты умная девушка, – ответила госпожа Ван. – Встань и послушай, что я тебе скажу! Старшая госпожа уже приняла решение. Как же могу я ей

помешать?

– И не надо мешать, – сказал Баоюй. – Все будет так, как должно быть.

Пиньэр, опасаясь, как бы у Баоюя снова не начался приступ болезни, промолчала и попрощалась с госпожой Ван.

Одолеваемая мрачными мыслями, госпожа Ван возвратилась к себе, намереваясь отдохнуть. Баоюя и Баочай, которые проводили ее, она к себе не пустила, сказав:

– Полежу немного!

Но не успела госпожа Ван переступить порог, как доложили о приходе тетушки Ли. Затем появился Цзя Лань и, справившись о здоровье госпожи Ван, сказал:

– От дядюшки прибыл человек и привез письмо. Тетушка просила передать его вам и сказала, что скоро сама придет вместе с другой моей тетей, которая сейчас у нее.

– А зачем пришла твоя тетушка? – поинтересовалась госпожа Ван.

– Не знаю, – отвечал Цзя Лань. – Слышал, будто прислали какое-то известие из семьи свекрови моей третьей тети.

Тут госпожа Ван вспомнила, что в свое время Ли Ци просватали за Чжэнь Баоюя. Состоялся сговор, и сейчас, вероятно, девочку собираются взять в семью Чжэнь. Вот тетушка Ли и приехала посоветоваться об этом с Ли Вань. Госпожа Ван вскрыла письмо и прочла:

«Все речные пути сейчас запружены судами и войском, возвращающимся из похода на морское побережье, поэтому ехать быстро нет никакой возможности.

Мне сообщили, что Таньчунь с мужем и свекром скоро приедет в столицу.

Получил письмо от Цзя Ляня. Он пишет, что отец его все еще болеет. Не знаю, известно ли вам об этом.

Скоро у Баоюя и Цзя Ланя экзамены, пусть хорошенько готовятся! Особенно Баоюй. Непременно передайте ему мой наказ.

Чувствую я себя хорошо, так что не беспокойтесь! Вернусь не скоро».

Далее следовало число и приписка: «Цзя Жун напишет вам отдельно».

Госпожа Ван вернула письмо Цзя Ланю и сказала:

– Отнеси второму дяде Баоюю – пусть прочтет, а затем передашь матери.

В это время вошли Ли Вань и тетушка Ли. После обмена приветствиями они сели, и тетушка Ли сказала, что скоро за Ли Ци приедут.

– Вы прочли письмо? – спросила Ли Вань.

– Прочла, – ответила госпожа Ван.

Цзя Лань подал матери письмо, Ли Вань пробежала его глазами и сказала:

– Хорошо, что приедет третья барышня Таньчунь, ведь уже несколько лет она замужем и ни разу у нас не была. Увидимся, и на душе станет спокойней.

– Ты права, – согласилась госпожа Ван. – Я тоже жду ее с нетерпением. Когда, интересно, она приедет?

Тетушка Ли стала расспрашивать, что пишет Цзя Чжэн, ей рассказали, и Ли Вань обратилась к сыну:

– Дедушка Цзя Чжэн беспокоится за тебя. Ведь скоро экзамены! Отнеси письмо дяде Баоюю – пусть прочтет!..

– Как же они могут сдавать экзамены, если давным-давно не ходят в школу? – удивилась тетушка Ли.

– Мой муж, когда служил в должности сборщика хлебного налога, купил для обоих право числиться студентами государственного училища Гоцзыцзянь, – ответила госпожа Ван.

Цзя Лань посидел еще немного, взял письмо и отправился к Баоюю.

Баоюй между тем, возвратившись от госпожи Ван, углубился в чтение «Осенней воды»^[83]. Баочай обрадовалась, увидев мужа за книгой, но, взглянув на ее название, расстроилась.

«Ему бы только удалиться от мира и от людей, – подумала Баочай. – Добром это не кончится!»

В то же время она понимала, что Баоюй от своего не отступится.

– Что с тобой? – вдруг спросил Баоюй, поглядев на усевшуюся рядом с ним Баочай и догадываясь о ее состоянии.

– Мы с тобой муж и жена, – отвечала Баочай, – и ты должен служить мне опорой до конца жизни. Одной только близости недостаточно. Слава, богатство, процветание, знатность исчезают как дымок или облачко. Мудрецы древности главным считали поведение человека.

Баоюй отложил книгу и еле заметно улыбнулся.

– Вот ты говоришь о поведении человека, о древних мудрецах, а они учили: «Не теряй чувств, данных тебе от рождения». Но у новорожденного нет ни ума, ни знаний, он не жаден, не завистлив. А мы, словно в тине, с детства погрязли в жадности, тупости, обезумели от любви. Как уйти от всего этого? От мирской суеты? Только сейчас я понял смысл изречения древних: «Жизнь проходит в разлуках и встречах». Но о нем позабыли. А уж если говорить о поведении человека, то никого нельзя сравнить с новорожденным!

– Но под врожденными чувствами, – возразила Баочай, – древние мудрецы подразумевали верность долгу и сыновнее послушание, а вовсе не стремление бежать от мира. Яо, Шунь, Юй, Чэн Тан, Чжоу-гун и Кун-цзы всегда стремились помочь народу и спасти его от страданий, поэтому, говоря о врожденных чувствах, они имели в виду «нетерпимость к жестокости». Если же истолковать это выражение, как толкуешь его ты, выходит, что мудрецы поощряли уход от общества и семьи! Но ведь это не соответствует истине!

– Яо и Шунь никогда не принуждали Чао Фу и Сюй Ю делать то-то и то-то, а У-ван и Чжоу-гун не заставляли Бо И и Шу Ци поступать так-то и так-то, – начал было Баоюй, но Баочай его перебила:

– Почему же тогда мудрецами считают Яо, Шуня, Чжоу-гуна и Кун-цзы, а не Чао Фу, Сюй Ю, Бо И или Шу Ци? Бо И и Шу Ци жили в конце правления династии Шан-Инь, терпели лишения и потому бежали из родных краев. А мы живем при самом мудром и просвещенном правителе, деды наши одевались в парчу, ели самые изысканные яства, с самого рождения тебя любили все – и бабушка, и мать, и отец. Вспомни об этом и подумай о том, что говоришь!

Вместо ответа Баоюй рассмеялся.

– Тебе больше нечего возразить, – сказала Баочай. – Хорошенько подумай над моими словами и усердно готовься к экзаменам, если хочешь завоевать первое место. Пусть даже ты на этом и остановишься, все равно можно будет считать, что ты не зря пользовался добродетелями предков и милостями Неба!

– Быть первым?! – со вздохом произнес Баоюй. – Это нетрудно. И вообще «на этом и остановишься», «не зря пользовался» – это все мне подходит. Я и сам так думаю.

Баочай хотела ответить, но в разговор вмешалась Сижэнь:

– Вторая госпожа, я ни слова не поняла из того, что вы говорили о древних мудрецах. С малых лет я прислуживаю второму господину Баоюю. Немало он мне доставил волнений. Заботиться о нем я, конечно, должна, но ему надо бы это ценить. И к вам относиться с благодарностью, хотя бы за то, что вы так почтительны к его родителям. А небожителей и святых, по моему, просто придумали. Разве видел их кто-нибудь? Кто может, к примеру, знать, откуда явился хэшан, который второму господину Баоюю голову заморочил? Второй господин, ведь вы человек ученый! Неужели верите этому безумному монаху больше, чем отцу с матерью?

Баоюй опустил голову и молчал. В это время кто-то спросил, подходя к окну:

– Второй дядюшка дома?

– Входи, входи! – отозвался Баоюй, узнав голос Цзя Ланя, и поднялся ему навстречу.

Цзя Лань вошел, широко улыбаясь, справился о здоровье Баоюя, поздоровался с Сижэнь и подал Баоюю письмо.

– Значит, приезжает твоя третья тетя Таньчунь? – спросил Баоюй, пробежав глазами письмо.

– Приедет, раз дедушка пишет, – отвечал Цзя Лань.

Баоюй кивнул, но мысли его были далеко.

– Вы все прочли? – спросил Цзя Лань. – Дедушка наказывает нам хорошенько учиться! А вы, дядюшка, наверное, совсем перестали писать сочинения?

– Наоборот! Как раз собираюсь написать несколько сочинений, чтобы набить руку, – усмехнулся Баоюй, – и чтобы думали, будто я преуспел в учебе.

– В таком случае предложите несколько тем для сочинений, – сказал Цзя Лань, – я буду писать вместе с вами, ведь мне тоже придется сдавать экзамены. И если я сдам чистый лист, будут смеяться не только надо мной, но и над вами!

– С тобой такого не случится! – уверенно произнес Баоюй.

Дождавшись приглашения, Цзя Лань сел против Баоюя, и они стали оживленно обсуждать предстоящие сочинения.

Чтобы не мешать им, Баочай ушла в другую комнату, думая про себя: «Баоюй, похоже, прозрел. Не пойму только, к чему это он сказал, что мои слова ему подходят».

Снова Баочай охватили сомнения. Зато Сижэнь, слушая, с каким увлечением Баоюй рассуждает о предстоящих экзаменах, радовалась в душе.

«Амитаба! Наконец-то заговорил о „Четверокнижии“, – думала она, – а это книга серьезная».

Пока Баоюй с Цзя Ланем рассуждали о сочинениях, Инъэр принесла чай. Цзя Лань взял чашку, завел речь о порядке сдачи экзаменов и рассказал, что пригласил Чжэнь Баоюя сдавать экзамены вместе с ними, чем очень порадовал Баоюя.

После ухода Цзя Ланя Баоюй отдал письмо Шэюэ, чтобы спрятала. Затем убрал книгу «Чжуан-цзы», позвал служанок и велел им унести и спрятать «Цаньтунци», «Юаньминбао», «Удэнхуэйюань»^[84] и другие книги, которыми прежде увлекался.

Баочай с удивлением произнесла:

– Ничего хорошего в этих книгах, разумеется, нет, но зачем их уносить?

– Чтобы сжечь и разделаться с ними раз и навсегда! – ответил Баоюй.

«Наконец-то муж поумнел», – обрадовалась Баочай, но тут же снова расстроилась, услышав, как он бормочет:

В словах из «внутренних канонов»^[85]

Нет существа ученья Будды,

Напутствия о «золотых камнях»^[86]

Не исключают «челн бессмертных»^[87].

Баочай разобрала лишь слова «нет существа ученья Будды» да «не исключают „челн бессмертных“, и душу ее снова охватили сомнения, однако виду она не подала и принялась наблюдать за Баоюем.

Баоюй приказал Шэюэ и Цювэнь привести в порядок одну из пустовавших комнат, перенести туда все необходимые для экзаменов книги и с головой ушел в занятия.

Сижэнь только диву давалась и с улыбкой говорила Баочай:

– Ваши уговоры не прошли даром. Наконец-то он понял, что был неправ! Жаль только, что до экзаменов остается совсем мало времени.

– Это не важно, – слегка улыбнувшись, промолвила Баочай. – Что суждено, то и будет. Единственное, чего я от всей души желаю, это чтобы он шел по правильному пути и к нему никогда больше не возвращалось безумие!

Баочай огляделась и, убедившись, что в комнате никого, кроме них, нет, еле слышно добавила:

– Я все время боюсь, как бы не вспыхнула в нем его прежняя слабость к девушкам! Это было бы ужасно!

– Да, да, госпожа, – согласилась Сижэнь. – С того дня, как появился этот хэшан, второй господин совершенно охладел к сестрам. Потому что поверил ему. Если же перестанет верить, все может повториться. Ни вас, ни меня второй господин не жалует, Цзыцзюань ушла, осталось всего четыре служанки. Самая привлекательная – Уэр. Говорят, правда, будто ее мать просила старшую госпожу Ли Вань ее отпустить, хочет выдать девушку замуж. О Шэюэ и Цювэнь ничего плохого не скажешь, они лишь иногда озорничают. Что же до Инъэр, то второй господин не очень-то обращает на нее внимание, да и сама она скромная, ничего плохого себе не позволяет. Когда второму господину что-нибудь понадобится, надо посылать к нему

либо Инъэр, либо девочек-служанок. Каково ваше мнение, госпожа?

– Пусть будет по-твоему, – ответила Баочай. – Но я все равно беспокоюсь!

С этих пор Баоюю стали прислуживать только Инъэр и девочки-служанки. Сам он из дому не выходил, а о здоровье госпожи Ван посылал справляться служанок. Но она не сердилась, рада была, что к сыну вернулся рассудок.

В третий день восьмого месяца исполнился год со дня смерти матушки Цзя. Баоюй с утра пошел поклониться в кумирню предков, а затем вернулся к себе.

После обеда Баочай, Сижэнь и остальные сестры болтали с госпожами Син и Ван.

Баоюй молча сидел в своей комнате, как вдруг к нему вошла Инъэр с блюдом фруктов и проговорила:

– Это вам матушка посылает по случаю годовщины со дня смерти бабушки.

Баоюй встал, в знак благодарности кивнул головой, снова сел и сказал:

– Поставь вон туда!

Инъэр поставила блюдо и тихонько сказала:

– Ваша матушка на вас не нарадуется, второй господин!

Баоюй улыбнулся.

– Она говорит, что вы сдадите экзамены, а через год получите звание цзиньши и чиновничью должность. Так что надежды ее оправдаются!

Баоюй ничего не сказал, лишь засмеялся.

– Если вы выдержите экзамены, – продолжала Инъэр, – поистине это будет счастьем для вашей супруги! Помните, однажды вы мне велели сделать чехол для веера с узором из цветов сливы и сказали, что завидуете счастливцу, у которого я окажусь вместе с барышней, когда она выйдет замуж? Теперь я у вас, и вы должны быть счастливы!

Сердце Баоюя замерло, но он овладел собой и тихо сказал:

– По-твоему, мы с женой счастливы, ну а ты как?

Инъэр смутилась, покраснела и через силу произнесла:

– Служанка – она и есть служанка! Какое может быть у нее счастье?

– И все же ты счастливее меня, если даже до конца дней своих останешься служанкой!

Услышав такие слова, Инъэр подумала, что юноша снова не в себе, испугалась и решила поскорее уйти.

– Глупая девочка! – произнес вслед ей Баоюй. – Вернись, я тебе все расскажу!

Если хотите узнать, что рассказал Баоюй служанке, прочтите следующую главу.

Глава сто девятнадцатая

Баоюй, одержавший победу на государственных экзаменах, порывает узы, связывающие с миром;

семья Цзя милостью государя вновь обретает блага, доставшиеся ей от предков

Итак, Баоюй окликнул Инъэр и сказал:

– Глупая девочка, вернись, я все тебе расскажу! Раз твоя барышня счастлива, то и ты будешь счастлива. На сестру Сижэнь полагаться нельзя, поэтому прислуживай барышне не жалея сил. Может быть, когда-нибудь ты возвысишься, и это будет вознаграждением за все твои страдания!

Сначала Инъэр как будто все понимала, но потом запуталась и сказала:

– Я лучше пойду, меня ждет ваша жена. Если захотите фруктов, велите служанке меня позвать!

Баоюй отпустил Инъэр, а вскоре вернулись Баочай и Сижэнь. Но об этом мы рассказывать не будем.

Через несколько дней начались экзамены. Все в доме возлагали на Баоюя и Цзя Ланя большие надежды. Только Баочай одолевала сомнения. Она опасалась, как бы юноши не оробели и не наделали ошибок. И хотя последнее время Баоюй усердно занимался, трудно было поверить, что он так быстро мог измениться к лучшему. И Баочай с тревогой искала причину этой перемены. Перед экзаменами она велела Сижэнь и Суюнь, служанке Ли Вань, и девочкам-служанкам приготовить все, что могло понадобиться молодым людям. Все сама просмотрела, сложила. Потом они с Ли Вань попросили госпожу Ван послать на всякий случай с Баоюем и Цзя Ланем нескольких надежных слуг.

На следующий день Баоюй и Цзя Лань, переодевшись в простую одежду, радостные, явились к госпоже Ван.

– Вы впервые участвуете в экзаменах, – наставляла их госпожа Ван, – и, хотя давно выросли, никогда не оставались одни. Если я отлучалась, с вами были и днем и ночью служанки. Но сейчас вас будут окружать чужие люди, и вам придется самим о себе заботиться! Как только напишете

сочинение, сразу возвращайтесь домой, мы будем беспокоиться.

У госпожи Ван было тяжело на душе; Цзя Лань все время поддакивал, а Баоюй молчал, и лишь когда госпожа Ван окончила наставления, опустил на колени, со слезами на глазах трижды поклонился и произнес:

– Матушка, вы дали мне жизнь, а я ничем вас не отблагодарил. Если мне удастся выдержать экзамен и получить степень цзюйжэня, я буду считать, что свой долг перед вами выполнил и искупил то плохое, что сделал.

Госпожа Ван еще больше расстроилась и сказала:

– Ты меня очень порадовал, жаль, что бабушка не может увидеть тебя сейчас!

Роняя слезы, госпожа Ван привлекла Баоюя к себе, а он, не поднимаясь с колен, говорил:

– Пусть бабушка не видит меня, она и так обо всем узнает. И тоже порадует. Она ведь жива! Просто душа ее покинула свою телесную оболочку.

Слушая Баоюя, Ли Вань забеспокоилась: уж не заболел ли он снова? Кроме того, ей казалось, что подобные разговоры вообще к добру не приводят, и она поспешила вмешаться:

– Госпожа, у нас великая радость, а вы печалитесь! Брат Баоюй образумился, стал с особым почтением относиться к родителям, усердно учиться. Вместе с Цзя Ланем он отправится на экзамены, покажет свое сочинение нашим ученым друзьям и будет дожидаться радостного известия о победе.

Ли Вань приказала служанкам поднять Баоюя с колен, а он отвесил ей низкий поклон и сказал:

– Дорогая золовка, не беспокойтесь! Мы непременно выдержим экзамены, Цзя Лань ваш преуспеет в жизни, и вам еще выпадет счастье надеть головной убор феникса и расшитую накидку!

– Пусть сбудутся твои слова! – воскликнула Ли Вань. – Тогда не напрасно...

Она не договорила, боясь расстроить госпожу Ван.

– Тогда можно было бы сказать, – подхватил Баоюй, – что у вас хороший сын, достойный своих предков. Он выполнит все, к чему стремился его отец, хотя отец этого не увидит.

Ли Вань ничего не сказала в ответ. Баочай слушала этот разговор с замиранием сердца – не только в словах Баоюя, но и в рассуждениях госпожи Ван и Ли Вань ей чудилось что-то недоброе, но она старалась не поддаваться грустным мыслям и, сдерживая слезы, молчала.

Баоюй подошел к жене, низко ей поклонился, вел себя он как-то странно, но о причине никто не догадывался. Ну а когда вдруг заплакала Баочай, все пришли в полное недоумение.

– Сестра! – произнес Баоюй. – Мне пора! Заботься о матушке и жди добрых вестей!

– Ладно, иди! – отвечала Баочай.

– Не надо меня торопить, – сказал Баоюй. – Я сам знаю, что должен поскорее уйти!

Он окинул всех взглядом, не увидел Сичунь и Цзыцзюань и сказал:

– Передайте поклон от меня четвертой сестрице Сичунь и сестре Цзыцзюань. Скажите, что я непременно с ними увижусь!

Казалось, Баоюй бредит. А может быть, он просто взволнован? Ведь ему впервые приходится покидать дом. Уж лучше бы ему скорее уйти!

– Тебя ждут! Поторопись, а то опоздаешь! – говорили Баоюю.

– Иду, иду! – отозвался он. – Успокойтесь! Все кончено!

– Ладно, иди же!

Госпожа Ван и Баочай прощались с Баоюем так, будто расставались навеки. Они с трудом сдерживали рыдания. А он, смеясь как безумный, удалился.

Поистине:

Он пошел туда, где все сулит
Процветанье, искренний почет.

И минует, вырвавшись из пут,
Первый на пути своем рубеж!

Но оставим пока Баоюя и Цзя Ланя и расскажем о Цзя Хуане. Едва Баоюй и Цзя Лань вышли за ворота, Цзя Хуань, вообразив себя полным хозяином в доме, стал говорить:

– Уж теперь-то я отомщу за свою мать! В доме, кроме меня, не осталось мужчин. Старшая госпожа Син во всем меня слушается, кого мне бояться?

Он побежал к госпоже Син справиться о здоровье и стал ей всячески льстить.

Очень довольная, госпожа Син воскликнула:

– Ты и в самом деле умен! Одна я могу решить вопрос со сватовством Цяоцзе! А твой дядя Цзя Лань такое важное дело по глупости поручил

чужим людям!

– Мне сообщили, – сказал Цзя Хуань, – что семья жениха готовит богатые дары. Так что замужество вашей внучки дело решенное. И уж теперь-то муж ваш наверняка получит высокую должность! Шутка ли, породниться с таким влиятельным ваном! Не в укор госпоже Ван будь сказано: они сильно нас притесняли, когда жива была Юаньчунь, супруга государя! Надеюсь, Цяоцзе не окажется такой бессовестной. Пойду поговорю с ней!

– Да, надо ей все рассказать, – согласилась госпожа Син. – Пусть оценит твою доброту. Уверена, отцу Цяоцзе не найти для дочери лучшей пары! А эта дура Пиньэр все время твердит, что мы затеяли нехорошее дело. И госпожа Ван против. Хотят над нами верх взять! Тянуть с этим делом не надо, а то вернется Цзя Лянь и может нам помешать.

– Тогда надо готовить гороскоп Цяоцзе, – сказал Цзя Хуань. – По существующему во дворцах ванов обычаю, невесту можно взять в дом через три дня после сговора. Но в доме жениха не решаются открыто брать в жены внучку опального чиновника, поэтому просят доставить Цяоцзе тайком. А как только старший господин Цзя Шэ будет помилован и вернется из ссылки, можно будет и свадьбу сыграть.

– Можно и тайком, – согласилась госпожа Син, – раз этого требуют обстоятельства.

– В таком случае пишите гороскоп!

– Выдумал тоже! – рассмеялась госпожа Син, – Ведь у нас в доме одни неграмотные женщины! Пусть Цзя Юнь пишет!

Цзя Хуаню только это и надо было. Ни минуты не медля, он договорился с Цзя Юнем, а Ван Жэню велел отправиться на подворье вана, подписать соответствующую бумагу и получить деньги.

И надо же было, чтобы разговор госпожи Син с Цзя Хуанем услышала девочка-служанка госпожи Син, получившая место благодаря Пиньэр. Девочка тут же побежала к Пиньэр и все рассказала. А Пиньэр, утвердившись в своих подозрениях, передала то, что сказала служанка, Цяоцзе. Всю ночь Цяоцзе проплакала. Она хотела дождаться отца и решила поговорить об этом с госпожой Ван.

– погоди, барышня! – сказала Пиньэр. – Старшая госпожа тебе бабушка и все может решить сама, особенно если поручителем выступает твой дядя. Все они заодно – кто станет тебя слушать? А меня тем более. Ведь я простая служанка! Нужно придумать, как спасти тебя, только не оплошать.

– Придумайте что-нибудь, – вскричала служанка госпожи Син, – иначе

барышню Цяоцзе увезут!

И она бросилась вон из комнаты.

Цяоцзе лежала, свернувшись клубочком на кане, и плакала.

– Слезы лить бесполезно! – сказала Пинъэр. – Отец далеко, не поможет. Судя по тому, что я слышала...

Пинъэр не договорила – в комнату вошла служанка госпожи Син и сказала:

– Барышню ждет большая радость! Мне велено передать Пинъэр, чтобы собрала вещи барышни. А приданым займутся после возвращения второго господина Цзя Ляня, с семьей жениха об этом договорились.

Не успела служанка уйти, как явилась госпожа Ван. Цяоцзе, рыдая, бросилась к ней. Госпожа Ван сквозь слезы сказала:

– Не волнуйся, девочка! Мы пошлем человека к твоему отцу, а пока остается одно – тянуть время. Отговорить бабушку отказаться от сватовства невозможно.

– Разве вы не знаете, госпожа? – вмешалась Пинъэр. – С самого утра третий господин Цзя Хуань пошел к старшей госпоже и сказал, что, по существующему во дворце вана обычаю, невеста переезжает в дом мужа на третий день после сговора. Нынче старшая госпожа велела Цзя Юню отвезти гороскоп Цяоцзе! Как же можно дожидаться второго господина Цзя Ляня?!

Поняв, что все это козни Цзя Хуаня, госпожа Ван задохнулась от гнева и велела его тотчас позвать. Но оказалось, что он еще с утра уехал с Цзя Цяном и господином Ван Жэнем.

– А Цзя Юнь где? – спросила госпожа Ван.

– Не знаем, – ответили ей.

Все растерянно переглядывались.

Госпоже Ван оставалось лишь плакать, переубедить госпожу Син было невозможно. В это время в комнату вошла служанка и доложила:

– Пришла бабушка Лю!

– У нас у самих хватает хлопот, – недовольным тоном произнесла госпожа Ван. – Скажите ей, пусть уходит.

– Госпожа, – робко произнесла Пинъэр. – Она ведь названная мать барышни Цяоцзе и должна все знать!

Госпожа Ван больше не возражала, и вскоре женщины привели старуху Лю. Она поздоровалась со всеми, справилась о здоровье, помолчала немного и, заметив, что глаза у всех покраснели от слез, спросила:

– Что тут у вас случилось? Может быть, вспомнили о второй госпоже

Фэнцзе?

Тут Цяоцзе еще сильнее зарыдала.

– Бабушка, не будем болтать попусту, – заявила Пинъэр. – Вы названная мать барышни и должны знать о случившемся!

Когда Пинъэр все рассказала старухе, та испуганно вскричала:

– Барышня, ты ведь умная! Неужели не знаешь, что из любого положения есть выход?!

– Вы можете нам помочь? – воскликнула Пинъэр. – Говорите же!

– А что здесь трудного? – спросила старуха. — Барышня исчезнет – и все. Только никому об этом ни слова!

– Не годится! – решительно заявила Пинъэр. – Куда можем мы скрыться? Ведь мы у всех на виду!

– Если хотите, поедem в деревню! Я спрячу барышню, а зятю велю найти надежного человека, чтобы отвез письмо барышни отцу. Отец и приедет. Согласны?

– А если узнает старшая госпожа? – забеспокоилась Пинъэр.

– Разве известно ей, что я здесь? – спросила старуха.

– Думаю, что известно! – ответила Пинъэр. – А старшей госпоже только попадись, уж она не пощадит! Живет она в передней части дворца. Если ты вошла через парадные ворота, она знает, что ты здесь, если же через задние, можно не беспокоиться!

– Я велю зятю прислать повозку, и мы увезем барышню! Давайте только уговоримся о времени! – сказала старуха.

– Чего там договариваться! Я сейчас же распоряжусь! – ответила Пинъэр и побежала к госпоже Ван. Но госпожа Ван не могла согласиться на предложение старухи Лю.

– Другого выхода нет! – доказывала Пинъэр. – Вы притворитесь, будто ничего не знаете, нарочно спросите у старшей госпожи, куда исчезла Цяоцзе, а мы из деревни пошлем ко второму господину Цзя Ляню человека с письмом, и он приедет!

Госпожа Ван лишь вздохнула в ответ.

– Спасите меня, госпожа! – умоляла Цяоцзе. – Отец будет вам так благодарен!

– Рассуждать некогда! – заявила Пинъэр. – Прошу вас, госпожа, прислать человека, который присматривал бы за комнатами, пока нас не будет.

– Смотрите, будьте осторожны! – промолвила госпожа Ван. – Ведь вам еще нужно приготовить одежду и постели!

– Ехать надо прямо сейчас, – возразила Пинъэр. – Не то может быть

поздно!

– Да, да! Поспешите! – вдруг спохватилась госпожа Ван. – Если надо, я помогу!

Госпожа Ван отправилась к госпоже Син, чтобы занять ее болтовней, а Пиньэр тем временем собрала людей и отдала необходимые распоряжения.

– Не прячьтесь, делайте все открыто! – предупреждала она. – Если спросят, скажете, что старшая госпожа велела приготовить коляску для бабушки Лю.

Затем Пиньэр велела слугам, присматривавшим за задними воротами дворца, нанять коляску, одела Цяоцзе в простое платье и вышла вместе с нею, будто бы проводить бабушку с внучкой, юркнула в коляску, и все уехали.

Следует сказать, что за задними воротами дворца присматривали два-три человека, остальные слуги – а их осталось совсем мало – едва успевали обслуживать огромные помещения, и за воротами никто не следил. А слуги, видевшие Пиньэр и Цяоцзе, тронутые добротой Пиньэр, пропустили их и ничего не сказали госпоже Син.

Что же до госпожи Ван, то на душе у нее было беспокойно, и она решила поговорить с Баочай.

Баочай сразу заметила, что госпожа Ван чем-то встревожена, и спросила:

– Что с вами, госпожа?

И госпожа Ван ей все рассказала.

– Это очень опасно! – заметила Баочай. – Надо сейчас же позвать Цзя Юня и сказать, чтобы он отказался от сговора.

– Ни Цзя Юня, ни Цзя Хуаня я найти не могла, – ответила госпожа Ван.

– Делайте вид, будто вам ничего не известно, – посоветовала Баочай. – А я попытаюсь найти людей, которые очень осторожно расскажут старшей госпоже о случившемся.

А сейчас расскажем о ване. Он приехал издалека, намереваясь купить себе нескольких девочек в наложницы. Введенный в заблуждение сводней, на все лады расхваливавшей Цяоцзе, он послал женщин посмотреть на нее. Женщины вернулись и доложили все, как есть, без утайки. Поняв, что девочка из родовитой и знатной семьи, ван сказал:

– Ведь это нарушение закона! Чуть не попал в историю! При дворе делать мне нечего, придется уехать. Если появится кто-нибудь из семьи девочки, отправьте обратно!

Как раз в тот самый день Цзя Юнь и Ван Жэнь привезли вану гороскоп Цяоцзе, но слуги, стоявшие у ворот, замахали руками:

– Мы получили повеление вана задержать и отдать под суд тех, кто привезет из дома Цзя девочку, желая выдать ее за дочь простолюдина! Кто посмел заниматься такими делами в годы твердой императорской власти и порядка в стране?!

Перепуганный Ван Жэнь, а за ним и остальные обратились в бегство. Домой они вернулись ни с чем, проклиная тех, кто их выдал. Цзя Хуань, услышав, что его зовет госпожа Ван, переполошился. Но вдруг заметил Цзя Юня и бросился к нему:

– Все устроилось?

– Где там! – с досадой произнес Цзя Юнь. – Нас выдали!

И он рассказал Цзя Хуаню о постигшей их неудаче.

Цзя Хуань от волнения не мог двинуться с места.

– Еще утром я расписывал старшей госпоже, какое ее ждет счастье. Что же теперь делать? Вы завлекли меня в ловушку, чтобы погубить!

Тут послышался голос слуги:

– Старшая госпожа Син и госпожа Ван зовут вас, третий господин!

Скрыться было невозможно, и Цзя Хуань с Цзя Юнем, трепеща от страха, отправились к госпоже Ван. Первое, что им бросилось в глаза, – это искаженное гневом лицо госпожи Ван.

– Хорошенькое дельце вы затеяли! – обрушилась на них госпожа Ван. – Извели Цяоцзе и Пиньэр! Сейчас же найдите их, пусть даже мертвых!

Юноши пали на колени. Цзя Хуань с перепугу лишился дара речи, а Цзя Юнь, опустив голову, произнес:

– Я ничего плохого не сделал. Старший господин Син и господин Ван Жэнь сосватали Цяоцзе, а мы вам об этом доложили. Вот и все. Старшая госпожа Син не возражала, даже велела мне написать гороскоп. Но семья жениха отказалась от невесты. В чем же наша вина?

– Цзя Хуань сказал старшей госпоже, что Цяоцзе заберут через три дня, – грозно продолжала госпожа Ван. – Разве это сватовство? Но дело не в этом – поговорим, когда вернется господин Цзя Чжэн, а пока ищите Цяоцзе!

Госпожа Син не произносила ни слова, только плакала.

– Твоя мать была негодяйкой! – говорила Цзя Хуаню госпожа Ван. – А ты, выродок, далеко от нее не ушел!

После ухода госпожи Ван госпожа Син, Цзя Хуань и Цзя Юнь стали ссориться, пытаясь свалить вину друг на друга.

– Что сейчас возмущаться? – сказала, наконец, госпожа Син. – Уверена, что Цяоцзе жива, просто Пинъэр увезла ее к кому-то из родственников.

Госпожа Син велела позвать слуг, присматривавших за воротами, выругала и стала допрашивать:

– Куда уехали Цяоцзе и Пинъэр?

В ответ все в один голос заявили:

– Спросите, госпожа, тех, кого оставили хозяйничать! Они вам все и расскажут. А нас ругать бесполезно! Мы что и знаем, расскажем только госпоже Ван. Хоть бейте нас, хоть штрафуйте! Мало того, что молодые хозяева безобразничают, так они жалованье и рис нам не выдают с тех пор, как уехал второй господин Цзя Лянь! Только и знают, что пить, в азартные игры играть, с бабами путаться да актеров водить! Пусть скажут, что это неправда!

Цзя Юнь прикусил язык и не посмел больше произнести ни слова. В это время вошла служанка госпожи Ван и сказала:

– Госпожа приказала младшим господам сейчас же явиться к ней!

Цзя Хуань и Цзя Юнь были до того напуганы, что даже не решились спросить служанок, куда девалась Цяоцзе. Они знали, как их все ненавидят, и были уверены, что Цяоцзе спрятали. Но ведь не объяснишь этого госпоже Ван!.. Они пытались что-либо разузнать через родственников, но Цяоцзе и след простыл. Госпожа Син и Цзя Хуань места себе не находили от волнения.

Не успели оглянуться, как подошел срок окончания экзаменов. Госпожа Ван с нетерпением ждала возвращения Баоюя и Цзя Ланя. Прождала до полудня, но юноши не вернулись. Госпожа Ван встревожилась, и эта тревога передалась Ли Вань и Баочай; тогда они послали людей разузнать, не случилось ли чего-нибудь. От молодых людей вестей по-прежнему не было, посланные на розыски тоже не возвращались. Послали еще людей, но и те не вернулись. Наконец, когда нетерпение достигло предела, появился Цзя Лань.

– Где Баоюй? – бросились к нему с расспросами. Цзя Лань, никого не приветствуя, упал на колени и, заливаясь слезами, воскликнул:

– Дядя Баоюй пропал!..

Госпожа Ван потеряла сознание. Баочай тоже близка была к обмороку. Только Сижэнь, рыдая, как заправская плакальщица на похоронах, ругала Цзя Ланя:

– Вот дурень! Не смог уберечь дядю! Ведь ты был с ним рядом!

– Пока мы жили в гостинице, ни на минуту не разлучались! Спали и

ели вместе! – стал оправдываться Цзя Лань. – А нынче утром дядя Баоюй первым написал сочинение и ждал, пока я закончу! Потом мы вышли погулять у ворот и попали в толпу. Вдруг смотрю– дядя куда-то исчез! Слуги глазам своим не поверили! Ли Гуй говорит: «Ведь вы были рядом – куда же он делся?» Я велел слугам искать дядю, но поиски оказались тщетными. Лишь после этого я решил вернуться домой!

Госпожу Ван душили слезы. Баочай догадывалась, что произошло, но молчала. Сижэнь горько плакала. Цзя Цян, не ожидая приказаний, сам отправился на розыски Баоюя. Напрасно хлопотали во дворце Жунго, устраивая угощения в честь окончания экзаменов!

Цзя Лань между тем, позабыв об усталости, тоже выразил желание немедленно ехать на поиски Баоюя.

– Дитя мое! – сказала тут госпожа Ван. – Оставайся дома. А то, чего доброго, и ты пропадешь!

Однако Цзя Лань стоял на своем, хотя и госпожа Ю уговаривала его остаться. Одна только Сичунь поняла, в чем дело, но сочла неудобным вмешиваться в разговор и лишь спросила, обращаясь к Баочай:

– Брат Баоюй взял с собой яшму?

– Конечно взял, – ответила Баочай. – Он никогда с ней не расстаётся!

Тут и Сижэнь вспомнила, как отнимала у Баоюя яшму, и решила, что сейчас тоже дело не обошлось без монаха. Сердце ее разрывалось от боли, по щекам катились слезы-жемчужинки.

«Бывало, он на меня сердился, – думала Сижэнь, – но я все прощала. Добрее не было человека на свете. Он любому готов был помочь, посочувствовать. А стоило рассердить, грозился уйти в монахи! Кто мог представить себе, что он исполнит свою угрозу!»

Но оставим пока Сижэнь, расскажем о том, что происходило в доме. Уже наступила четвертая стража, а о Баоюе не было никаких вестей.

Насилу уговорила Ли Вань убитую горем госпожу Ван отдохнуть немного у себя в комнате. Все последовали за ней, кроме госпожи Син и Цзя Хуаня. Наконец госпожа Ван отпустила Цзя Ланя и легла в постель, но всю ночь не могла сомкнуть глаз.

Слуги, посланные на поиски Баоюя, вернулись лишь на следующий день и сказали:

– Мы искали повсюду, но не нашли!

Госпожа Ван была безутешна. От горя она ничего не могла есть.

Неожиданно явилась служанка и доложила:

– С побережья приехал человек от правителя области. Сказал, что

завтра приезжает третья барышня.

Госпоже Ван сразу стало лучше, хотя беспокойство о Баоюе не проходило.

Назавтра и в самом деле приехала Таньчунь. Все вышли ее встречать. Таньчунь пополнела, похорошела, была нарядно одета. Молодая женщина сразу заметила, что на госпоже Ван лица нет, а у остальных заплаканные глаза, и сама не сдержала слез. Но потом овладела собой и совершила приветственные церемонии.

Неприятно поразило Таньчунь и то, что Сичунь была в одеянии даосской монахини. А тут еще ей рассказали о постигших семью бедах, в частности и о том, что исчез Баоюй. К счастью, Таньчунь умела утешать, причем доводы ее были вескими. Поэтому госпожа Ван немного успокоилась.

На следующий день приехал муж Таньчунь и, узнав, какие неприятности во дворце Жунго, разрешил жене несколько дней пожить у родных.

Служанки, приехавшие вместе с Таньчунь, никак не могли после разлуки наговориться с сестрами и подругами, без умолку болтали.

Все в доме, начиная от хозяев и кончая слугами, дни и ночи ждали вестей о Баоюе.

Через несколько дней в пятую стражу прибежали дежурившие у наружных ворот слуги и сообщили служанкам радостную весть. Служанки бросились в дом, ворвались прямо в покои госпожи Ван и вскричали:

– Госпожа, великая радость!!!

Госпожа Ван подумала, что пришел Баоюй, и нетерпеливо спросила:

– Нашли? Пусть скорее идет!

– Он стал цзюйжэнем. В списке – седьмой по счету! – захлебываясь от радости, говорили девочки.

– А сам он где? – оборвала их госпожа Ван.

Служанки молчали. Госпожа Ван в изнеможении опустилась на стул.

– Кто седьмой по счету? – спросила у девочек Таньчунь.

– Вторым господин Баоюй!..

Снаружи снова слышались голоса:

– Господин Цзя Лань тоже прошел!

Вскоре принесли список выдержавших экзамены. Цзя Лань значился в нем сто тридцатым. Радость захлестнула Ли Вань, но она не стала проявлять своих чувств, ведь Баоюй не вернулся.

Госпожа Ван не осталась равнодушной к успехам Цзя Ланя и думала: «Вернись сейчас Баоюй, и счастье было бы полным». Баочай душили

слезы, но плакать она стеснялась.

Все поздравляли друг друга и говорили:

– Самой судьбе было угодно, чтобы Баоюй выдержал экзамены, значит, пройдет день-другой – и его непременно найдут!

Эта уверенность передалась госпоже Ван, она повеселела и даже согласилась немного поесть.

Неожиданно из-за двери послышался голос Бэймина:

– Раз второй господин стал цзюйжэнем, он потеряться не может.

– Почему ты так думаешь? – спросили его.

– Известно же: «Кто победил на экзаменах – снискал себе славу на всю Поднебесную!» Где бы второй господин ни появился, его опознают и вернут домой!

– Этот малый хоть и невежда, а прав, – заговорили тут все.

– Ну конечно! – поддакнула Сичунь. – Ведь Баоюй уже взрослый. Как он может пропасть?! Но если, познав суетность мирской жизни, он подался в монахи, искать его тщетно.

Госпожа Ван снова стала рыдать.

– Сичунь, пожалуй, права, – заметила Ли Вань. – Те, кому суждено стать бодхисаттвами или бессмертными, обычно отказываются от титулов и богатства.

– Но он отказался от отца и матери! – воскликнула сквозь слезы госпожа Ван. – Разве может непочтительный сын стать бодхисаттвой?!

– При появлении человека на свет не должно быть ничего сверхъестественного, – заметила Таньчунь. – А брат Баоюй родился с яшмой во рту. Все говорили, что это к счастью. А оказалось, яшма принесла только беды. Не сердитесь на меня, госпожа, но я вот что хочу сказать: если через несколько дней Баоюй не вернется, вам лучше считать, что сына у вас никогда не было. Что на появление его в мире были свои причины, а теперь он снова вернулся к состоянию блаженства, благодаря совершенным вами в прежних рождениях добрым делам.

Баочай слушала Таньчунь молча, а Сижэнь, ощутив в сердце острую боль, потеряла сознание и рухнула на пол. Госпожа Ван приказала служанкам увести ее побыстрее домой.

Успех Баоюя и Цзя Ланя на экзаменах и неудача со сватовством Цяоцзе обозлили Цзя Хуаня, и в то же время он старался свалить всю вину на Цзя Юня и Цзя Цяна, хорошо зная, что Таньчунь его не простит.

Когда на следующий день Цзя Лань поехал благодарить экзаменаторов за милость, он узнал, что Чжэнь Баоюй тоже выдержал экзамены.

Вскоре экзаменационные сочинения были отданы на суд государю, но

лишь на два из них было обращено внимание Высочайшего – под номером семь – Цзя Баоюя, уроженца Цзиньлина, и под номером сто тридцать – Цзя Ланя, уроженца Цзиньлина.

– Узнайте, не доводятся ли эти Цзя родственниками покойной гуйфэй Цзя Юаньчунь, – приказал император.

И вот ко двору вызвали Баоюя и Цзя Ланя. Но явился один Цзя Лань. Он сообщил старшему сановнику об исчезновении Баоюя, рассказал о своих предках, и сановник отправился с докладом к государю.

Самый мудрый и просвещенный, самый гуманный и добродетельный вспомнил о заслугах рода Цзя, приказал сановникам проверить послужной список и доложить. Сановники сделали подробный доклад, и тогда государь повелел еще раз проверить, за что наказан Цзя Шэ. Затем Мудрейший прочел доклад под названием «Восстановление нормальной жизни в приморских провинциях после уничтожения разбойников и отвода правительственных войск» и возликовал душой. В докладе сообщалось, что спокойствие в приморских провинциях восстановлено и народ с радостью возвратился к своим занятиям. Девяти высшим сановникам было приказано представить описание подвигов наиболее отличившихся в походе и объявить в Поднебесной великую амнистию, раздав при этом награды отличившимся.

После того как придворные сановники разошлись, Цзя Лань поблагодарил экзаменаторов за милость и поспешил домой с вестью об амнистии. Вся семья повеселела, снова появилась надежда на возвращение Баоюя. Больше всех радовалась тетушка Сюэ, прикидывая, как откупить Сюэ Паня от наказания.

Как-то раз госпоже Ван доложили, что приехал господин Чжэнь Инцзя с мужем третьей барышни Таньчунь принести поздравления. Госпожа Ван велела Цзя Ланю их принять. Спустя немного Цзя Лань возвратился и с улыбкой сказал:

– Госпожа, у нас еще одна великая радость! Господин Чжэнь Инцзя только что слышал во дворце о помиловании господина Цзя Шэ. А господин Цзя Чжэнь мало того, что прощен, так еще и восстановлен в наследственной должности Нинго-гуна! Звание Жунго-гуна по-прежнему остается за моим дедушкой Цзя Чжэном, и он снова будет назначен в ведомство работ, как только окончится траур по матери. Все конфискованное имущество полностью возвращается. Сочинением моего второго дяди Баоюя государь остался очень доволен, расспросил о Баоюе своих приближенных и, узнав, что он доводится братом Юаньчунь, выразил желание увидеть его. Тут сыграло роль и то обстоятельство, что

Бэйцзинский ван расхваливал государю достоинства Баоюя. Сановники доложили государю, что Баоюй сразу после экзаменов куда-то исчез, и нынче его повсюду разыскивают. Тогда государь приказал разослать строжайший указ чиновникам ямыней, ведавшим охраной пяти дорог столицы, чтобы приложили все усилия к розыскам Баоюя. Теперь госпожа может не беспокоиться – Баоюя непременно разыщут!

Радости не было конца, только Цзя Хуань ходил мрачный, не зная, как найти Цяоцзе, ему и в голову не могло прийти, что Цяоцзе вместе с Пиньэр в деревне у бабушки Лю.

Старуха Лю не знала, как угодить Цяоцзе. Поселила в самой лучшей комнате, то и дело кормила. И хотя еда была деревенская, но приготовлена чисто и вкусно. Пиньэр не отходила от Цяоцзе, и девочка постепенно успокоилась. Деревенские богачи, узнав, что к старухе Лю приехала молодая барышня из знатной семьи, мечтали на нее поглядеть, а потом в один голос говорили, что это небожительница, сошедшая с небес, и старались умиловить: одни присылали дичь, другие – овощи и фрукты, щеголяя друг перед другом.

Самым богатым был Чжоу, его капитал измерялся десятками тысяч лянов серебра, а земли – тысячами цинов. У богача был сын четырнадцати лет, красивый и умный. Родители наняли для него учителя, и на последних экзаменах он получил ученую степень сюоя.

Однажды мать юноши увидела Цяоцзе и подумала: «Как жаль, что мы, деревенские, не можем взять в жены нашему сыну такую барышню!..»

Старуха Лю догадалась о ее желании и предложила:

– Если хочешь, могу выступить свахой!..

– Да разве согласятся такие знатные люди отдать дочь за деревенского парня? – возразила Чжоу. – Уж лучше не морочь меня!

– Попробую поговорить с ними! – отвечала старуха.

На том женщины и расстались.

Старуха Лю между тем беспокоилась, не зная, как обстоят дела во дворце Жунго, и велела Баньэру пойти расспросить.

Придя в город, Баньэр увидел у ворот дворцов Жунго и Нинго множество колясок и паланкинов и стал спрашивать, что случилось.

– Семьям Жунго и Нинго возвращены наследственные должности и имущество, – ответили ему, – и теперь они снова высоко вознесутся, только вот беда – второй господин Баоюй после экзаменов не вернулся домой...

Баньэр уже собрался уходить, как вдруг к воротам дворца подъехало несколько всадников, а потом до Баньэра донеслись возгласы:

– Второй господин вернулся! Какая радость! Как чувствует себя

старший господин?

– Он выздоровел и скоро вернется! – ответил один из прибывших. – Государь оказал ему милость! А что это за люди?

– Посланцы государя, прибыли сообщить о государевой милости!

Приезжий, широко улыбаясь, вошел в дом. Баньэр догадался, что это Цзя Лянь, поспешил домой и рассказал обо всем бабушке.

Сияя от счастья, старуха Лю побежала поздравить Цяоцзе и слово в слово передала все, что рассказал Баньэр.

– Спасибо тебе, бабушка, что спасла нас! – сказала Пиньэр. – Иначе не дожить бы моей барышне до такого счастья!

Нечего и говорить, как радовалась Цяоцзе.

В это время возвратился человек, посланный с письмом к Цзя Ляню, и сообщил:

– Господин Цзя Лянь тронут вашей добротой и велел мне, как только вернусь домой, взять девочку и привезти к нему. Кроме того, он дал мне в награду несколько лянов серебра.

Старуха Лю, очень довольная такой развязкой, приказала тотчас же запрячь два возка – для Цяоцзе и Пиньэр. Цяоцзе понравилось у старухи Лю, и она ни за что не хотела уезжать. Циньэр тоже плакала, и старуха Лю разрешила ей съездить в город. Все разместились в возках и тронулись в путь.

А сейчас вернемся к Цзя Ляню. Узнав, что тяжело болен отец, он поспешил к месту его ссылки. Встретившись, отец и сын поплакали, посетовали на судьбу. Приезд сына успокоил Цзя Шэ, и он стал понемногу поправляться. Но вскоре пришло письмо из дому, в котором сообщалось об истории с Цяоцзе, и Цзя Лянь собрался уезжать. В дороге он узнал о великой амнистии и поехал с удвоенной скоростью. Добрался он до дому как раз в тот момент, когда прибыли придворные сановники объявить указ о высочайшей милости. Все сетовали, что в доме не осталось ни одного мужчины, который мог бы принять государевых посланцев. Цзя Лянь был слишком молод для столь важного дела.

Поэтому Цзя Лянь подоспел как нельзя кстати. Поздоровавшись с господами и даже не успев с ними поговорить, он вышел в зал встретить сановников и принять высочайший указ.

Старший сановник справился у Цзя Ляня о здоровье его отца и сказал:

– Завтра приходите во дворец принять высочайшую награду! Все строения дворца Нинго передаются вам!

Выйдя проводить сановников, Цзя Лянь увидел у ворот несколько

деревенских возков, которым слуги не разрешали въехать.

Цзя Лянь догадался, что это приехала Цяоцзе, и напустился на слуг.

– Дураки безмозглые! – кричал он. – Пока меня не было дома, вы обманывали хозяев, заставили Цяоцзе бежать, а сейчас не хотите ее выпустить?! За что вы меня так ненавидите?

Слуги с самого начала понимали, что история с Цяоцзе добром не кончится, но не ожидали, что Цзя Лянь, едва приехав, сразу узнает о ней, и не на шутку перепугались.

– Когда вы уехали, второй господин, – стали они оправдываться, – одни из нас болели, другие были в отпуске, и всеми делами в доме заправляли третий господин Цзя Хуань, господин Цзя Цян и второй господин Цзя Юнь. Мы тут ни при чем!

– Идиоты! – возмутился Цзя Лянь. – Я еще с вами поговорю, как только покончу с делами! Эй вы, скорее выпустите возки!

Цзя Лянь навестил госпожу Син, но ни словом ни о чем не обмолвился, затем пришел к госпоже Ван, опустился на колени и произнес:

– Только благодаря вашей помощи, госпожа, с дочерью моей не случилось беды! О брате Цзя Хуане говорить нечего, но не ожидал я, что Цзя Юнь окажется таким подлецом! Он и в первый раз, когда на него оставили дом, натворил безобразий! И сейчас опять! Не считите за дерзость, госпожа, но я полагаю, его следует выгнать и никогда больше не иметь с ним дела!

– Но как мог Ван Жэнь оказаться таким мерзавцем?! – воскликнула госпожа Ван.

– Не беспокойтесь, госпожа, я с ним разделаюсь! – ответил Цзя Лянь.

– Пришла барышня, – доложила Цайюнь.

Вошла Цяоцзе вместе со старухой Лю, поклонилась госпоже Ван. Госпожа Ван вспомнила, при каких обстоятельствах они расставались, и заплакала. Цяоцзе тоже всплакнула, Цзя Лянь бросился к старухе Лю, стал ее благодарить. Затем госпожа Ван завела разговор со старухой, вспомнила прежние времена.

При встрече с Пиньэр Цзя Лянь ничего не сказал, только на глазах у него блеснули слезы. Он решил, как только приедет Цзя Шэ, попросить у него разрешения сделать Пиньэр законной женой. Но рассказывать об этом мы не будем.

С возвращением Цзя Ляня госпожа Син потеряла покой и, узнав, что сын отправился к госпоже Ван, послала девочку-служанку выведать, о чем пойдет речь. Девочка возвратилась и сказала, что у госпожи Ван сейчас

Цяоцзе и бабушка Лю. Госпожа Син поняла, что попала впросак, и стала роптать на госпожу Ван:

– Ясное дело, она сеет вражду между мною и сыном, но кто, интересно, рассказал обо всем Пиньэр?

В это время вошла Цяоцзе вместе со старухой Лю и госпожой Ван, которая без обиняков и положенных церемоний прямо заявила, что во всем виноваты Цзя Юнь и Ван Жэнь.

– Старшей госпоже, – сказала она, – все время твердили, какая счастливая судьба уготована девочке. Откуда ей было знать, что все это козни?

Госпожа Син смутилась. Она вспомнила, как госпожа Ван уговаривала ее не соглашаться на этот брак, и виновато молчала. Поговорив немного, госпожа Син и госпожа Ван успокоились.

Пиньэр поклонилась госпоже Ван, а затем вместе с Цяоцзе отправилась к Баочай справиться о здоровье, и они стали делиться друг с другом своими невзгодами.

– Милость государя не знает границ, и появилась надежда, что наша семья снова будет процветать, – сказала Пиньэр. – Уверена, что второй господин Баоюй вернется домой!

Вдруг прибежала встревоженная Цювэнь:

– Сижэнь плохо!..

Если хотите узнать, что случилось, прочтите следующую главу.

Глава сто двадцатая

Чжэнь Шиинь рассуждает о сущности чувств мира Великой Пустоты;

Цзя Юйцунь пишет заключение ко «Сну в красном тереме»

Итак, Баочай услышала, что Сижэнь плохо, и бросилась к ней в комнату. Цяоцзе и Пиньэр последовали за нею. Сижэнь лежала на кане и задыхалась от невыносимой боли в сердце. Баочай приказала напоить ее теплой водой, уложить поудобнее и послала за доктором.

– Почему вдруг Сижэнь так тяжело заболела? – удивилась Цяоцзе.

– Третьего дня она так плакала, что потеряла сознание, – ответила Баочай. – Госпожа велела отвести ее домой и уложить в постель. Но тогда всем было не до нее, и даже не пригласили доктора. А сегодня ей стало хуже.

Пришел доктор, осмотрел больную, прописал успокоительное.

Надо сказать, что когда Сижэнь вели в ее комнату, она краем уха слышала, что всех служанок Баоюя, если он не вернется, отправят домой, и очень разволновалась.

Пока Цювэнь готовила лекарство, Сижэнь лежала в полузабытье. Ей чудилось, будто перед нею стоит Баоюй. Потом Баоюй исчез, словно растаял в тумане, и появился монах со свитком в руке. Он развернул свиток и прочитал: «Ты не из нашего мира, тебе суждено быть замужем».

Только Сижэнь собралась ответить монаху, как появилась Цювэнь:

– Сестра, лекарство готово, выпей...

Сижэнь открыла глаза, поняла, что видение было сном, и никому ничего не сказала.

Девушка выпила лекарство и стала размышлять: «Нет сомнений, Баоюй ушел с монахом. Он давно собирался покинуть дом, еще когда хотел яшму отдать монаху. Я с трудом его удержала, так яростно он отбивался. Даже жалости у него ко мне не было! Потом он потерял всякий интерес к девушкам, даже к жене. Пусть даже он познал великую истину, но разве можно бросать жену? Госпожа Ван сделала меня его наложницей, мне платили больше, чем остальным. Но отец его об этом не знал, продолжая

считать меня простой служанкой. Если же теперь мне предложат уйти, а я стану упорствовать, надо мной же будут смеяться. А уйду – все равно не смогу забыть Баоюя и буду вечно страдать» .

Эти мысли расстроили девушку, она вспомнила о своем сне и подумала: «Мне суждено принадлежать другому – так не лучше ли умереть сразу?»

После лекарства боли постепенно утихли, и Сижэнь захотелось встать. Но она заставила себя остаться в постели. Через несколько дней Сижэнь почувствовала себя совсем здоровой и снова стала прислуживать Баочай.

Баочай не забывала Баоюя и украдкой проливала слезы и сетовала на судьбу. В то же время Баочай старалась помочь матери, только и думавшей, как бы спасти Сюэ Паня от грозной кары. Но оставим пока Баочай и вернемся к Цзя Чжэну и Цзя Жуну.

Они сопровождали на родину гробы с останками близких. Матушку Цзя, госпожу Цинь, Фэнцзе и Юаньян похоронили в Цзиньлине, и Цзя Чжэн остался там для обустройства могил. А Цзя Жун продолжал путь один, сопровождая к месту погребения гроб Линь Дайюй.

Однажды Цзя Чжэн получил из дому письмо, которое и обрадовало его и опечалило. Обрадовало то, что Баоюй и Цзя Лань выдержали экзамены, а опечалило известие об исчезновении Баоюя. Цзя Чжэн решил немедленно возвратиться домой, а в пути он услышал о великой амнистии, объявленной государем, и вскоре получил второе письмо, в котором слух об амнистии подтверждался. Вне себя от радости, Цзя Чжэн старался плыть как можно быстрее, ни днем ни ночью не останавливаясь на отдых. Когда он добрался до окрестностей почтовой станции Пилин, неожиданно ударил мороз, повалил снег. Пришлось остановиться в тихом укромном месте.

Цзя Чжэн послал людей на берег отправить письма друзьям с извинениями, что чересчур поспешный отъезд помешал ему попрощаться с ними.

Оставшись в лодке с мальчиком-служгой, он сел писать письмо домой, намереваясь отправить его со служгой по суше в надежде, что оно дойдет быстрее, чем он сам доберется до дому. Но едва он собрался писать о Баоюе, рука с кистью замерла. Он поднял голову и сквозь снежную пелену увидел на носу лодки силуэт человека. Цзя Чжэн выскочил из каюты. Человек отвесил ему четыре поклона и произнес слова приветствия. Цзя Чжэн тоже поклонился в ответ и вдруг узнал в человеке своего сына.

– Баоюй! – вскричал он, пораженный до глубины души.

Человек ничего не ответил, лишь на лице его отразилась не то радость, не то скорбь.

– Что за одеяние у тебя? Как ты сюда попал? – спросил Цзя Чжэн.

Баоюй не успел ответить, как появились два монаха – буддийский и даосский, подхватили его под руки и сказали:

– Нити, связывавшие тебя с бранным миром, порваны! Почему же ты медлишь?

С этими словами они потащили Баоюя на берег и стали быстро удаляться. Несмотря на снег, Цзя Чжэн, скользя, бросился за ними. Три фигуры маячили впереди, но он никак не мог их догнать. Только слышал слова песни:

Впредь поселюсь я
В месте том, где дикий

Утес Цингэн
Над миром возвышается.

Летать я буду
В пустоте великой.

Мне первозданный
Хаос открывается.

Со мною кто
Сейчас уходит в вечность?

Стремлюсь туда,
Чьей волей понукаемый?

О, безграничность далей,
Бесконечность!

Я возвращаюсь
В мир необитаемый!

Цзя Чжэн обогнул холм, и тут все трое исчезли. Взволнованный и запыхавшийся Цзя Чжэн остановился и, обернувшись, увидел подбегавшего к нему мальчика-слугу.

– Ты видел, впереди шли трое? – спросил он.

– Видел, – ответил мальчик. – Я побежал за вами, как только понял, что вы их хотите догнать. Но они вдруг куда-то исчезли.

Цзя Чжэн хотел идти дальше, но увидел перед собой пустынное снежное поле и решил, что лучше вернуться.

Слуги, посланные на берег, уже возвратились и, узнав от лодочника, что господин погнался за какими-то двумя монахами, отправились было по следу, но в это время появился сам Цзя Чжэн.

Войдя в каюту, он сел, отдышался и рассказал о встрече с Баоюем. Слуги заявили, что сейчас же отправятся на поиски.

– Это бесполезно, – вздохнул Цзя Чжэн. – Я видел сына собственными глазами, это не было наваждением, а в словах песни, которую я слышал, скрыта великая тайна. При рождении во рту у Баоюя нашли яшму, и я сразу сказал, что это не к добру. Я заботливо растил Баоюя лишь потому, что его очень любила старая госпожа! Кстати, монаха этого я уже видел три раза: в первый раз он пришел рассказать о достоинствах яшмы, во второй – прочесть над яшмой молитву, когда Баоюй заболел, после чего мальчик поправился, а монах исчез. Я подумал, что у Баоюя необыкновенная судьба, если праведники ему покровительствуют. Но мне и в голову не могло прийти, что сам он бессмертный, сошедший в наш мир. Девятнадцать лет все мы были в полном неведении. И только теперь я все понял!

Цзя Чжэн умолк, из глаз его покатались слезы. – Зачем тогда понадобилось господину держать экзамен на цзюйжэня? – возразили ему. – Ведь он и до экзамена мог уйти!

– Что вы понимаете?! – вскричал Цзя Чжэн. – Ведь он сродни владыкам созвездий на небесах, отшельникам и святым старцам, скрывающимся в горах и пещерах! Он никогда всерьез не учился. Но стоило ему чуть-чуть постараться, и для него не было ничего невозможного. Да и характером он не походил на других.

Цзя Чжэн снова вздохнул.

Слуги завели разговор о Цзя Лане и немного отвлекли Цзя Чжэна от мрачных мыслей.

Он снова принялся за письмо и подробно описал свою встречу с Баоюем, наказывая домашним не беспокоиться. Письмо он отдал слуге, приказав поскорее его доставить, а сам продолжал путь. Но об этом речь впереди.

Тем временем тетушка Сюэ, узнав об амнистии, приказала Сюэ Кэ занять денег и, выбрав счастливый день, отправила за Сюэ Панем. В ведомстве наказаний деньги приняли, и Сюэ Пань был освобожден.

Вряд ли стоит рассказывать о том, как встретились Сюэ Пань с матерью и сестрой, сколько было радости и в то же время печали!

– Пусть изрежут меня на куски, если я когда-нибудь снова возьмусь за старое! – торжественно заявил Сюэ Пань.

– Замолчи! – Тетушка Сюэ зажала ему рот рукой, опасаясь, как бы такими словами он снова не накликать несчастья. – Чем болтать всякие глупости, ты подумал бы о другом! Сколько пришлось терпеть из-за тебя бедной Сянлин, и раз уж Цзиньгуй умерла, сделал бы ее своей женой! При всей нашей бедности мы сумеем ее прокормить! Что ты на это скажешь?

Сюэ Пань согласился.

– Вот и хорошо, – промолвила Баочай, поглядев на Сянлин, которая вся вспыхнула. – Чего застеснялась? Будешь прислуживать старшему господину, как прежде прислуживала мне.

С этих пор все в доме стали называть Сянлин старшей госпожой и беспрекословно ей повиновались.

Когда Сюэ Пань собрался пойти в семью Цзя поблагодарить за помощь, тетушка Сюэ и Баочай отправились вместе с ним. Сюэ Пань всем поклонился, а затем начался непринужденный разговор.

В это время от Цзя Чжэна прибыл слуга, передал госпоже Ван письмо и сказал:

– Господин приедет через несколько дней.

Госпожа Ван приказала Цзя Ланю прочесть письмо вслух. Как только Цзя Лань дошел до того места, где была описана встреча с Баоюем, слышались рыдания. Когда же стало ясно, что Баоюй – небожитель, переселившийся в телесную оболочку простого смертного, все стали утешать госпожу Ван:

– Хуже было бы, если бы он, став чиновником, совершил преступление, разорив всю семью! А ведь он – небожитель! Что может быть лучше! И явился он в нашу семью благодаря вашим добродетелям. Извините, что вспоминаем об этом, госпожа, но когда-то господин Цзя Цзин из восточного дворца почти десять лет занимался самоусовершенствованием, но так и не смог обрести бессмертие. А стать бодхисаттвой еще труднее! Подумайте об этом, госпожа, и душа ваша успокоится!

Но госпожа Ван сквозь рыдания говорила тетушке Сюэ:

– Я не ропщу, что Баоюй покинул меня! Мне только жаль его жену! Ведь они сочетались браком совсем недавно! Как он мог оказаться таким безжалостным?

Тетушка Сюэ тоже расстроилась, а Баочай горько заплакала.

Тогда госпожа Ван сказала:

– С сыном всегда было много хлопот... Когда он женился и выдержал экзамены, да к тому же стало известно, что скоро появится наследник, казалось, можно было бы успокоиться. Не ожидала я от него такого поступка! Знай я раньше, что он уйдет из дому, не позволила бы жениться и губить девушку!

– Так, видно, предопределила судьба, – заметила тетушка Сюэ. – Да что тут говорить? Хорошо, если невестка родит вам внука, тот сделает карьеру и станет опорой для семьи. Поглядите на Ли Вань! Сын ее выдержал на цзюйжэня, а в будущем году, глядишь, получит степень цзиньши и станет чиновником. Наступят тогда для Ли Вань радостные дни, и все это благодаря ее добродетелям. Ведь вы, сестра, знаете Баочай: она не легкомысленна. Так что не убивайтесь!

Выслушав тетушку Сюэ, госпожа Ван подумала: «Баочай – скромная, тихая девочка, больше всего любила покой. Как ей не повезло! Видно, от судьбы не уйдешь! Баочай тяжело, но она крепится, утешает меня. Таких, как она, редко встретишь. Кто мог подумать, что Баоюю не выпадет ни крупинки счастья в нашем людском мире!...»

Затем госпожа Ван задумалась над судьбой Сижэнь: «Коснись дело другой служанки, все было бы просто: взрослую выдали бы замуж, маленькую – сделали служанкой Баочай. А вот с Сижэнь я не знаю, как поступить».

И госпожа Ван с нетерпением ждала вечера, когда можно будет поговорить с тетушкой Сюэ наедине и высказать свои тревоги и опасения.

В тот день тетушка Сюэ решила не возвращаться домой, чтобы не оставлять Баочай наедине с грустными мыслями.

Баочай, умная от природы, между тем размышляла: «Баоюй с рождения был странным, не таким, как все, так, видимо, предопределила судьба в одной из его прежних жизней. Поэтому плакать и горевать бесполезно».

Баочай поделилась своими мыслями с матерью, и у тетушки Сюэ отлегло от сердца. О своем разговоре с дочерью она рассказала госпоже Ван, и та со вздохом промолвила:

– Не будь у меня добродетелей, не досталась бы мне такая замечательная невестка!

Госпожа Ван снова расстроилась, и тетушке Сюэ пришлось ее утешать. После этого речь зашла о Сижэнь, и тетушка Сюэ сказала:

– Сижэнь совсем извелась, даже похудела, тоскуя о Баоюе. Будь она его законной женой, ей нельзя было бы выйти замуж вторично, а она только

наложница, да и то никто об этом не знает.

– Я как раз и хотела посоветоваться с вами насчет Сижэнь, – произнесла госпожа Ван. – Уехать домой она не захочет, еще, пожалуй, покончит с собой! И здесь ее оставить нельзя – муж не разрешит! Просто не знаю, как быть.

– Вряд ли, конечно, ваш муж согласится оставить Сижэнь, – промолвила тетушка Сюэ. – Ведь он не знает, какое положение она занимала, и считает простой служанкой. А в этом случае нет никаких оснований ее держать. Сижэнь молода, характер у нее покладистый. Придется вам, сестра, вызвать ее родных, пусть выберут Сижэнь жениха, а вы дадите побольше приданого. Ведь она вам верно служила. И если вы поступите так, никто не упрекнет нас в неблагодарности. Попробую уговорить Сижэнь не упрямиться. Пока не надо ей говорить, что мы собираемся вызвать ее родных. Вот когда ей найдут жениха и мы узнаем, кто он и из какой семьи, тогда и разговор заведем.

– Вы правы, сестра, – согласилась госпожа Ван. – Муж мой ни за что не оставил бы Сижэнь в доме. А это все равно что ее погубить!

– Совершенно верно, – ответила тетушка Сюэ.

Они поговорили еще немного, и тетушка Сюэ отправилась к Баочай. Первое, что ей бросилось в глаза, это заплаканное лицо Сижэнь. Тетушка Сюэ стала всячески утешать девушку.

Скромная и застенчивая, Сижэнь лишь поддакивала, а когда тетушка умолкла, сказала:

– Я простая служанка, а вы, госпожа, настолько добры, что меня утешаете! Делайте со мной что хотите – я не осмелюсь перечить.

«Какая послушная девочка!» – с радостью подумала тетушка Сюэ.

Баочай в свою очередь завела с Сижэнь разговор о предназначении женщины.

Через несколько дней приехал Цзя Чжэн. Первым долгом он повидался с Цзя Шэ и Цзя Чжэнем, которые уже вернулись из ссылки, и они рассказали друг другу о пережитом за время разлуки. Затем он пошел на женскую половину. Едва разговор коснулся Баоюя, все снова расстроились.

– Такова судьба! – промолвил Цзя Чжэн. – Сейчас главное – беречь доброе имя семьи и не допускать беспорядков в доме! Каждая ветвь нашего рода будет вести хозяйство отдельно. – И он обратился к госпоже Ван: – У нас в доме ты это возьмишь на себя. Следи за всем хорошенько!

Госпожа Ван сказала мужу, что Баочай беременна, и добавила:

– Придется отпустить всех служанок Баоюя!

Цзя Чжэн ничего не сказал, только кивнул головой.

На следующий день Цзя Чжэн прибыл ко двору и обратился к высшим сановникам:

– Я бесконечно тронут милостью государя. Но траур по моей матери еще не закончился, и я не знаю, как благодарить Высочайшего. Прошу вас просветить меня в моем невежестве!

Сановники обещали попросить у Высочайшего указаний, после чего тот назначил Цзя Чжэну аудиенцию, дал наставления и спросил о Баюе.

Рассказанное Цзя Чжэном немало удивило государя, но потом он заметил, что только человек необыкновенный мог написать так безупречно сочинение.

– Его ждала блестящая карьера, – сказал государь, – но раз он отказался от почестей, можно пожаловать ему звание «Праведника великой учености».

Когда, вернувшись домой, Цзя Чжэн передал свой разговор с государем, радости не было конца.

– Во дворце Нинго, – сказал Цзя Чжэнь, – все, приведено в порядок, и можно переселяться. Кумирня Бирюзовой решетки отдана в распоряжение сестры Сичунь.

У Цзя Ляня тоже было что сообщить Цзя Чжэну, и он сказал:

– Мои отец и мать разрешили отдать Цяоцзе в семью Чжоу.

– Что же, я не возражаю, – ответил Цзя Чжэн, еще накануне вечером узнавший историю с Цяоцзе. – В деревне тоже можно жить. Главное, чтобы муж у девочки был хороший, чтобы усердно учился и добивался высокого положения. Придворные советники не все из городских.

Цзя Лянь почтительно поддакнул и сказал:

– Отец мой уже не молод, к тому же болен, хоть несколько лет ему надо жить на покое и лечиться, поэтому все дела по дому он передает вам.

– Я и сам охотно пожил бы где-нибудь в деревне! – воскликнул Цзя Чжэн. – Но государь оказал мне величайшую милость, и я не должен жалеть сил, чтобы отблагодарить его!

На этом разговор был окончен, и Цзя Лянь поспешил сообщить старухе Лю, что сватовство Цяоцзе можно считать делом решенным. Старуха Лю поклонилась госпоже Ван, а затем стала расписывать, как снова возвысятся на службе господа из семьи Цзя, как вернется к ним счастье и как сыновья их и внуки будут процветать.

В это время девочка-служанка доложила:

– Пришла жена Хуа Цзыфана справиться о здоровье.

Если вы помните, Хуа Цзыфан был родным братом Сижэнь.

Женщина вошла, поздоровалась и на вопрос, просватала ли она

Сижэнь, ответила, что жених есть. Он из семьи Цзян, которая живет к югу от города, владеет домами, лавками, а также землей. Он на несколько лет старше Сижэнь, но до сих пор не женат, и вообще такого, как он, едва ли сыщешь одного на сотню!

Очень довольная, госпожа Ван сказала:

– Передай семье Цзян, что я согласна. Через несколько дней забереешь Сижэнь!

Как только женщина ушла, госпожа Ван распорядилась тайком проверить, правду ли она сказала. Оказалось, жених и в самом деле хороший человек. Тогда госпожа Ван рассказала об этом Баочай и велела попросить тетушку Сюэ поговорить с Сижэнь.

Эта весть очень расстроила Сижэнь, но возражать она не смела, только плакала. Однажды, когда Баоюй был у нее дома, она уверяла его, что лучше умрет, чем расстанется с ним. В то же время Сижэнь думала: «Если я стану перечить госпоже, меня сочтут бессовестной. Что же мне делать?»

Сижэнь рыдала до хрипоты.

Тетушка Сюэ и Баочай успокаивали ее, и у девушки постепенно созрело решение: «Я умру, только дома, не здесь, чтобы меня не сочли неблагодарной».

Не только сама Сижэнь, но и остальные служанки тяжело переживали предстоящую разлуку.

С мыслью как можно скорее покончить счеты с жизнью Сижэнь села в коляску. При встрече с родными ничего не сказала, только заплакала.

Брат показал ей свадебные подарки, присланные семьей Цзян, а также приданое и сказал:

– Это от госпожи, а это мы приготовили!

Сижэнь прожила у брата два дня, и ее все время мучила мысль: «Брат так обо мне заботится, а я, неблагодарная, собираюсь покончить с собой в его доме и тем самым навлечь на него неприятности».

Сколько ни думала Сижэнь, ничего не могла решить.

Поистине она была слабовольной и предпочитала страдания смерти.

Теперь Сижэнь решила умереть в доме мужа и в счастливый для переезда день молча села в паланкин. Ей и в голову не могло прийти, что в семье Цзян ее примут как законную жену.

Едва паланкин внесли во двор, все служанки семьи Цзян бросились ей навстречу, величая «госпожой». Как же после этого лишить себя жизни? Ведь она опозорит семью мужа! Всю ночь Сижэнь проплакала, мужа близко не подпускала, но он не сердился, был ласков и терпелив.

На следующий день, разбирая приданое, Сижэнь вытащила из сундука

красный пояс, и муж сразу понял, что Сижэнь была служанкой Баоюя. Он знал, что Баоюю прислуживала какая-то служанка матушки Цзя, но не предполагал, что это Сижэнь.

Глядя на пояс, молодой Цзян вспомнил о былой дружбе с Баоюем и преисполнился почтением к жене. Он показал Сижэнь зеленый пояс, который выменял когда-то у Баоюя на красный, и Сижэнь догадалась, что муж ее не кто иной, как Цзян Юйхань, о котором ей когда-то рассказывал Баоюй. Только теперь девушка поверила, что ее брак предопределен судьбой, и поделилась своими мыслями с мужем.

Ошеломленный, Цзян Юйхань больше не склонял жену к близости и буквально ходил за ней по пятам. Так Сижэнь и не удалось покончить с собой.

Дорогой читатель, судьба властвует надо всем. Не обходит ни грешного сына, ни неблагодарного сановника, ни честного мужа, ни целомудренную жену. Поэтому судьба Сижэнь и была занесена в небесную книгу.

Недаром предки, побывавшие в храме Персиковых цветов, сложили такие стихи:

Тысячелетья знали много
Страданий, зла... А смерть одна!

В печалях стала молчаливой
Не только князя Си жена... [\[88\]](#)

Мы не будем рассказывать о том, как счастливо жила Сижэнь, а вернемся к Цзя Юйцуню, арестованному по обвинению во взяточничестве и вымогательствах. Благодаря высочайшей амнистии он избежал тяжкого наказания, был лишь сослан в родные края, а также лишен должностей и званий.

Отправив семью к месту жительства, Цзя Юйцунь в повозке со всем багажом, имея при себе лишь одного мальчика-слугу, поехал следом. Когда он добрался до брода Заблуждений у переправы Стремительного потока, из небольшой соломенной хижины вышел даос и почтительно его приветствовал. Цзя Юйцунь сразу узнал Чжэнь Шииня и тоже ему поклонился.

— Как поживаете, почтенный господин Цзя? — осведомился Чжэнь Шиинь.

– Значит, я не ошибся тогда при встрече, святой наставник, – промолвил в ответ Цзя Юйцунь. – Вы – господин Чжэнь? Почему же не признали меня? Я так испугался, услышав, что хижина ваша сгорела. Ныне нам опять посчастливилось встретиться, и я искренне восхищаюсь вашими высочайшими добродетелями. Я же так и остался грубым и невежественным и потому нахожусь в бедственном положении.

– Прежде, когда вы занимали высокую должность и слава о вас гремела, я, бедный даос, не решился признать вас своим знакомым, – возразил Чжэнь Шиинь. – Только в память о старой дружбе осмелился сказать несколько слов. Не думал я, что наши пути так неожиданно разойдутся. Однако в жизни все имеет свои причины – богатство и знатность, удачи и неудачи. Как ни странно, а мы встретились снова! Если хотите, зайдем ко мне в хижину, побеседуем! Здесь недалеко!

Цзя Юйцунь с радостью принял приглашение. И оба они рука об руку направились к хижине, за ними следовал мальчик-слуга с повозкой.

Приведя гостя в свою камышовую хижину, Чжэнь Шиинь предложил ему сесть, велел послушнику принести чай.

И тогда Цзя Юйцунь попросил святого праведника поведать, как удалось ему избавиться от нут мирской суеты.

– В бренном мире все переменчиво, – с улыбкой промолвил Чжэнь Шиинь. – Вот вы, почтенный господин, пришли из области процветания. Вам ли не знать, что там, среди неги и роскоши, жил Баоюй?

– Как же, знаю! – вскричал Цзя Юйцунь. – Слышал я, будто он тоже подался в монахи! Вот уж не думал, что у такого, как он, хватит решимости порвать с бренным миром!

– Вы заблуждались! – возразил Чжэнь Шиинь. – Я давно знал, что у него удивительная судьба! Много лет назад. Еще до того, как вы появились у ворот моего старого дома в переулке Жэньцин. Мы не раз с Баоюем встречались!

– Как же это могло быть?! – вскричал Цзя Юйцунь. – Ведь ваша родина далеко от столицы!

– Нас связывали духовные узы, – ответил праведник.

– В таком случае, святой наставник, вы наверняка знаете, где сейчас Баоюй? – не переставая удивляться, спросил Цзя Юйцунь.

– Ведь Баоюй – это «драгоценная яшма», – проговорил Чжэнь Шиинь. – За год до того, как было конфисковано имущество во дворцах Жунго и Нинго, в день, когда Баочай отдалилась от Дайюй, эта яшма покинула мир, дабы укрыться от бедствий и обрести единение. Прежние узы были разорваны, а форма и сущность пришли к единству. Яшма высоко

вознесла знатного юношу на экзаменах, после чего соединилась, с кем предназначено. Когда-то великие праведники Манман и Мяомяо принесли эту яшму в мир смертных, но сейчас она исполнила все, предназначенное судьбой, и праведники отнесли ее туда, откуда она явилась. Там и находится Баоюй.

Цзя Юйцунь мало что понял из туманных речей Чжэнь Шииня, больше догадывался. И в конце концов произнес:

– Вот оно что! А я-то, глупый, не знал! Но если у Баоюя такое удивительное происхождение, как мог он так далеко зайти в своих заблуждениях, а потом вдруг прозреть? Растолкуйте, пожалуйста!

– Я мог бы вам объяснить это, почтенный друг, но едва ли вы все поймете, – улыбнулся Чжэнь Шиинь. – Область Небесных грез – это обитель истинного и неизменного. А ведь Баоюй дважды просматривал книги судеб и знает туда дорогу. Как же он мог не прозреть?! Не могла чудотворная яшма не уйти в мир праведников следом за травкой бессмертия!

Цзя Юйцунь и в самом деле мало что понимал, но расспрашивать не решался, ибо знал, что небесные тайны Чжэнь Шиинь разглашать не станет.

– С Баоюем мне все понятно, – сказал он. – Но объясните, почему в нашем роду столько девушек с необычной судьбой, начиная с самой государыни Юаньчунь?

– Простите за откровенность, – вздохнул Чжэнь Шиинь, – но все девушки вашего рода явились из мира чувств и моря грехов. С древнейших времен и поныне девушкам запрещено переступать границу того, что называется «распутством», даже слово «любовь» не должно их касаться. Ведь Цуй Ин и Су Сяо воплотили в себе земные чувства небожительниц, а Сун Юй и Сыма Сянжу – просто влюбленные безумцы. А чем кончают люди, попавшие в сети любви, хорошо известно и можно об этом не говорить!

Цзя Юйцунь потеревил усы и со вздохом спросил:

– Будут ли снова процветать дворцы Жунго и Нинго? Скажите мне, святой наставник!

– Добрым уготовано счастье, злым – бедствие, – изрек Чжэнь Шиинь. – Таков неизменный закон. Те обитатели дворцов Жунго и Нинго, что творили добро, получили вознаграждение, а те, что чинили зло, понесли наказание. В будущем же, когда «расцветет орхидея „лань“ и заблагоухает корица „гуй“, к семье Цзя вернется благополучие. Таков непреложный закон!

Цзя Юйцунь опустил голову, долго думал, и вдруг его осенило.

– Совершенно верно! – вскричал он радостно. – В семье Цзя есть внук по имени Лань – «орхидея», он выдержал экзамены на цзюйжэня. Вы, очевидно, его имели в виду, святой наставник, когда сказали: «Расцветет орхидея „лань“ и заблагоухает корица „гуй“». И еще вы сказали, что яшма высоко вознесла знатного юношу. А как понимать слово „корица“? Может быть, так назовут младенца, которого носит под сердцем жена Баюя, и он, когда вырастет, с быстротой знаменитого скакуна Фэйхуана добьется высокого положения и снова прославит род Цзя?

– Это покажет будущее, – ответил, загадочно улыбаясь, Чжэнь Шиинь, – заранее сказать ничего нельзя.

Цзя Юйцунь хотел еще о чем-то спросить, но Чжэнь Шиинь приказал накрыть на стол и пригласил гостя закусить.

После еды Цзя Юйцунь собрался было расспросить Чжэнь Шииня о собственной судьбе, но тот, словно угадав его намерение, вдруг сказал:

– Отдохните немного, почтенный друг! Я отлучусь ненадолго; одна нить пока еще связывает меня с бренным миром, однако нынче и она порвется.

– Вы достигли совершенства! – воскликнул Цзя Юйцунь. – Что может связывать вас с бренным миром?!

– Любовь к дочери, – ответил Чжэнь Шиинь.

– О ком это вы говорите? – удивился Цзя Юйцунь.

– О моей дочери Инлянь, которую когда-то похитили, – отвечал Чжэнь Шиинь. – Вы сами, едва вступив в должность, вынесли решение по этому делу. Она сейчас в семье Сюэ и должна родить сына. Но во время родов умрет, и я должен проводить ее в лучший мир. А приносить жертвы предкам семьи Сюэ будет ее сын.

Чжэнь Шиинь взмахнул рукавами и поднялся с места. А Цзя Юйцунь вдруг почувствовал вялость, опустил на циновку и уснул.

Чжэнь Шиинь между тем удалился, освободил Сянлин от пут бренного мира и проводил в страну Небесных грез, где предстал перед бессмертной феей Цзинхуань и доложил, что девочка пережила все, назначенное судьбой. Когда он приблизился к каменной арке, навстречу ему вышли буддийский и даосский монахи, и, завидев их, Чжэнь Шиинь воскликнул:

– Святые отцы, поздравляю вас с великой радостью! Наконец-то вы закончили дело влюбленных безумцев!

– Еще не закончили! – ответил буддийский монах. – Пока лишь один заблудший вернулся к нам! Его надо проводить туда, откуда он пришел, и растолковать смысл того, что он пережил, пусть поймет, что приход его в

мир людской не был напрасным.

Чжэнь Шиинь сложил руки, поклонился монахам и удалился.

Буддийский монах взял драгоценную яшму – «баоюй», отнес к подножию утеса Цингэн, положил на то место, где богиня Нюйва когда-то плавila камни для починки неба, а сам растаял подобно облаку. С тех пор и говорят:

Пришло из-за облачных далей письмо
О редкостном случае мира того, —

В нем сказано: некогда два существа
Слились, превратились в одно существо^[89].

В тот же день у подножия утеса Цингэн проходил даос Кункун и снова увидел камень, который когда-то не был использован при починке небосвода. Он лежал на прежнем месте, и на нем по-прежнему отчетливо виднелись следы иероглифов, а на оборотной стороне, если внимательно присмотреться, можно было обнаружить после буддийской гаты запись, в которой рассказывалось о треволнениях, испытанных камнем в людском мире.

Покачав укоризненно головой, Кункун вздохнул:

— Брат-камень, еще в прошлый раз, когда я встретился с тобой, мне показалось, что история твоя удивительна и ее можно поведать миру. Потому и переписал ее, но никогда не думал, что ты снова сюда вернешься. Когда же успели сделать на тебе эту новую запись? Только сейчас я понял, что ты побывал в мире смертных, избавился от заблуждений, усовершенствовался, и тебе больше не придется роптать на судьбу! Боюсь только, что запись эта со временем потеряет четкость, и ее будут ошибочно толковать. Поэтому я перепишу и эту твою историю, найду человека, свободного от мирских страстей, и попрошу поведать всем людям на земле, дабы поняли, что в самом удивительном нет ничего удивительного, в простом – ничего простого, в истинном – ничего истинного, в ложном – ничего ложного. Возможно, побывав в мире людей, ты лишь на время вернулся сюда, и дух священной горы вновь заставит тебя претерпеть превращение? Этого знать никому не дано!

Кункун переписал историю камня, спрятал в рукав и отправился в мир роскоши и процветания искать нужного ему человека. Он побывал во многих местах, но везде люди только и думали что о богатстве да славе, о

хорошей одежде да сытной еде. Кто же из них станет заниматься историей какого-то камня?!

Но вот праведник забрел в камышовую хижину у брода Заблуждений на переправе Стремительного потока и увидел там спящего человека. Решив, что это и есть тот человек, которого он ищет, праведник стал дергать его за рукав и будить, чтобы отдать записанную им «Историю чудесного камня».

Но человек и не думал просыпаться. Кункун дернул сильнее. Наконец человек открыл глаза и сел. Приняв от даоса записи, он бегло просмотрел их, а затем сказал:

– Я был свидетелем событий, о которых здесь говорится. Вы все правильно записали. Я знаю человека, который поведаст эту историю людям.

Даос Кункун осведомился, кто такой.

– Когда наступит такой-то год, такой-то месяц, такой-то день, – сказал Цзя Юйцунь, – явитесь на террасу Скорби по ушедшему счастью, там вы найдете господина Цао Сюэциня. Скажите, что Цзя Юйцунь просит его рассказать людям историю камня. – Сказав это, человек лег и снова уснул.

Даос запомнил слова Цзя Юйцуня, через несколько калп и веков отыскал террасу Скорби по ушедшему счастью и увидел господина Цао Сюэциня, листавшего какую-то древнюю книгу. Кункун передал ему просьбу Цзя Юйцуня и дал прочесть «Историю чудесного камня».

Цао Сюэцинь улыбнулся и промолвил:

– Ваше писание – не что иное, как собрание вымышленных историй, написанных простонародным языком^[90]. Поистине «Измышления Цзя Юйцуня».

– Но откуда вы знаете этого Цзя Юйцуня и почему согласились выполнить его просьбу? – удивился Кункун.

– Недаром вас зовут Кункун – Пустой. Право же, в голове у вас пусто!.. Пусть история эта вымышленная, но в ней нет ни ошибок, ни противоречий, так что после обильного вина и сытного обеда я охотно буду с друзьями коротать над нею длинные дождливые вечера. Мне не нужен росчерк кисти высокопоставленного лица, который открыл бы моему повествованию широкую дорогу в свет. Доискиваться до истины, подобно вам, я считаю столь же нелепым, как «искать упавший в реку меч по зарубке, сделанной на борту плывущей лодки», или «играть на лютне с заклеенными колками»!

Выслушав его, даос Кункун поглядел на небо и расхохотался, а затем швырнул рукопись и стремительными шагами пошел прочь.

– Значит, все это выдумки! – воскликнул он. – Ни автор, ни переписчик, ни читатель не узнают, истинные ли события положены в основу повествования! Вся эта история – просто вымысел и написана под влиянием настроения!

Впоследствии, когда повествование попало в руки потомков, они в заключение к нему сочинили гату, дополнявшую вступительное стихотворение автора к «Истории чудесного камня»:

Из-за того, что в скорбное сказанье
Вместилось много лжи и хвастовства,

Звучат еще грустней и безутешней
Его страницы – за главой глава...

Но есть итог, и он пришел невольно:
Все это – сон! Лишь сон – таков итог!

...Но, право же, не следует смеяться,
Когда над миром властвует порок!

Д. Воскресенский

Сага о большой семье

«Сон в красном тереме» («Хунлоумэн») в китайской литературе явление уникальное: эпическая масштабность и широкий охват изображения сочетаются в романе с глубиной поставленных автором проблем (философско-религиозных, этических, социальных), художественная образность – с психологической точностью и тонкостью раскрытия человеческих характеров. В многоголосице суждений о нем уже давно сформировалось мнение: «Сон в красном тереме» – одна из вершин в истории китайской прозы, может быть, самая высокая. К такому выводу приходили не только почитатели романа, но и его суровые оппоненты. Случалось, его сравнивали с произведениями Бальзака или Толстого, имея в виду не только эпическую мощь произведения, но и мастерство, с каким удалось автору запечатлеть жизнь китайского общества и психологию людей, выразить национальный дух и национальный характер.

«Сон в красном тереме» написан в середине восемнадцатого столетия. Говоря языком сравнения, это наша предпушкинская эпоха. За весьма небольшой период времени вокруг этого произведения возникло столько мнений, легенд и просто небылиц, что сейчас в море фактов и домыслов трудно ориентироваться даже специалистам. Роман привлек внимание читателей сразу же с момента его опубликования. Вокруг личности автора и его создания разгорелись страсти. В спорах затрагивались проблемы религии, морали, культуры, ставились и обсуждались вопросы не только эстетические, но также социальные и политические. Всем, кого волновали проблемы романа, пришлось столкнуться со множеством загадок.

Кто в действительности был автором романа? Выл создатель его китайцем или маньчжуром? Когда он жил, кто был его отец? Какую жизнь прожил писатель: где служил, чем занимался, каков был нравом? Когда и в каком объеме написал он свой роман? Автобиографичен ли он или зиждется на вымысле? Почему автор не закончил свое произведение? Как представлял себе судьбы героев? На некоторые вопросы нет окончательного ответа и по сей день, хотя о романе написаны сотни и сотни статей, издано множество книг. Ценнейший вклад в решение проблем романа и его авторства в последние годы внесли китайские ученые Фэн Циюн, Ван Куньлунь, Чжоу Жучан, У Шичан, Ху Вэньбинь, Сунь Сюнь и

другие. И все же «главная книга» в этой области еще не написана.

Принято считать, что автором «Сна» был Цао Сюэцинъ, он же Цао Чжань, он же Отшельник Крессового Ручья. Сюэцинъ дословно означает «сельдерей (кресс) в снегу». Однако некоторые литературоведы, Дай Буфань и другие, оспаривают авторство Сюэциня, считают создателем романа младшего его брата, о котором почти ничего не известно. Говорят также, что роман-де написал прокомментировавший его Чжияньчжай, о котором еще пойдет речь. Год рождения писателя (1715) вызывает споры (называется еще 1724). Год смерти (1763) также признается далеко не всеми (называется еще 1764). Но все сходятся на том, что писатель прожил менее пятидесяти лет. Годы его жизни пришлись на эры правления трех маньчжурских императоров: Канси, Юнчжэна и Цяньлуна. Особенности каждой из них сказались на положении семьи Цао и его собственной судьбе.

Восемнадцатый век в Китае в официальной китайской историографии иногда называли «золотым веком» маньчжурской империи Дайцин, или Цин. Действительно, это был апогей в ее развитии, после которого начался постепенный, а затем резкий спад. Маньчжуры установили свое господство в Китае в 1644 году после свержения китайской династии Мин, крах которой был предreshен не только в силу внутренних неурядиц (крестьянские войны, бунты горожан, религиозные распри, придворные интриги и склоки), но и из-за непрерывных войн с соседями – маньчжурами, японцами. Маньчжуры основали новую династию не без помощи китайской знати – феодалов-помещиков и высшего чиновничества. Утвердившись в Китае, они сразу же принялись энергично укреплять подпоры своей власти, используя традиционные китайские институты правления и создавая новые. Первые маньчжурские правители, начиная с Шуньжи и в особенности Канси, проявили себя достаточно проницательными и дальновидными политиками. Понимая шаткость своего положения (китайским населением они воспринимались как инородцы-захватчики и варвары), они умело прибегали к политике «кнута и пряника»: с одной стороны, выказывали себя «преемниками» прошлых китайских династий и китайских традиций, а с другой – прибегали к репрессиям и открытому террору. Вот почему вторая половина XVII и почти весь XVIII век – это эпоха крайне противоречивая, отмеченная как достижениями культуры, так и духовным падением.

Маньчжурские власти, к примеру, укрепляли государственность, развивали торговлю, ремесла, сельское хозяйство; поощряли гуманитарные науки, философию, совершенствовали систему государственных экзаменов,

книгопечатание; способствовали возникновению торговых и культурных связей Китая с Японией, Юго-Восточной Азией, со странами Запада. Через миссионеров, живших при маньчжурском дворе, страна узнавала о религии, науке и искусстве других народов. Запад, в свою очередь, получал сведения о загадочном Китае. Не случайно о китайской философии, просвещении, нравственности писали в это время или несколько позже Вольтер, Монтескье, Гольдсмит, Гете. Мода на «китайщину» захватила многие европейские страны, в том числе Россию. Сравнительно регулярные контакты Китая с Россией установились с открытием в Пекине в 1711 году русской духовной миссии. В 1725 году при китайской Государственной канцелярии была открыта Школа русского языка. Некоторые позитивные стороны развития страны в пору маньчжурского правления не могли не сказаться на общем состоянии материальной и духовной жизни.

Но происходило и другое. Маньчжуры пришли в Китай как захватчики, чужеземцы. Поэтому с самого начала они встретили сопротивление со стороны коренного населения, особенно на юге страны. Чтобы удержаться, сломить открытые и скрытые формы неповиновения, правители ходили против бунтовщиков карательными походами, вводили строгие законопорядки, унижительные правила. Для мужчин обязательным стало носить косу и одежду маньчжурского покроя. Изничтожение «вредных книг», истребление людей, причастных к их изготовлению и распространению («письменные судилища», китайский вариант западной духовной инквизиции) стали изощренной формой жестокой расправы с инакомыслием; неоднократно указами запрещались «книги разбойные», сочинения, содержащие «крамолу», «развратные словеса». Поощрялись лишь благонадежные области знаний – ортодоксальное неоконфуцианство, толкования древних текстов. В литературе приобрели громадную роль произведения, отличавшиеся формальными изысками, изощренностью слога; в то же время роман, городская повесть почитались слишком простонародными носителями «низких» и даже «крамольных» идей. Да и «открытость» страны для чужеродных веяний оказалась весьма краткой: маньчжурские власти постепенно свернули внешние связи, и Китай надолго оказался закрытым для внешнего мира. Такой разлад между социальной и духовной жизнью в стране, конечно же, сказался на умонастроениях и поведении людей. Разумеется, атмосфера в обществе отразилась и на художественном творчестве. Эзопова манера письма – одна из характерных черт литературы того времени. Примером может служить творчество Цао Сюэциня и других литераторов.

Писатель принадлежал к известному роду. Некоторые утверждают, что отдаленным его предком был Цао Цао (155– 220) – знаменитый полководец эпохи Трех Царств, ловкий и умный царедворец, затем правитель царства Вэй и в то же время одаренный поэт. В XVI веке представители китайского рода Цао коренятся в Цзинь, державе маньчжуров, возможно, имеют с ними родственные связи, чем можно объяснить и тот факт, что семья Цао была приписана к одному из Восьмизнаменных войск – Белознаменному. И вот почему писателя иногда называют маньчжуром. В XVII веке его прадед Цао Си и дед Цао Инь после утверждения в Китае династии Цин (1644) служили маньчжурским властям, были близки ко двору. Прабабка была кормилицей-мамкой самого Канси, а дед – соучеником молодого императора. Две тетки писателя, дочери Цао Иня, были замужем за членами императорского дома, а сам Цао Инь не однажды оказывал Канси гостеприимство в своем нанкинском поместье во время инспекционных поездок императора на юг. Сохранилось послание Канси, в котором тот предостерегает Цао Иня от возможных для него неприятностей в связи с ожидаемым воцарением Юнчжэна, четвертого сына Канси. Упреждение, оказалось, имело под собой почву. Став императором, Юнчжэн расправился и с братьями-соперниками, и с фаворитами своего отца. Имущество семьи Цао за «упущения по службе» (государево ткацкое дело) было конфисковано в 1727 году при отце (или названом отце) писателя Цао Тяо. Стремительный закат большой семьи, описанный по следам этих драматических событий, нашел в романе правдивое отображение.

Цао не были истреблены (что в ту пору было делом обычным), но их положение в обществе оказалось поколебленным. Семья переехала в Пекин. С воцарением Цяньлуна (1736), вернувшего монаршую милость опальным подданным, Цао Тяо получил было должность – и вновь в 1739 году конфискация состояния как следствие очередной дворцовой интриги. От этого удара семья уже не оправилась. Будущему создателю «Сна в красном тереме» было в ту пору около двадцати пяти лет.

Сведений о его жизни сохранилось немного: выходец из потерпевшего крах семейства, он уже не входил в круг ученой и чиновной элиты, и даже краткое жизнеописание его, видимо, не попало в официальные списки. Рассказывают, что смолodu он учился в школе для детей служивых из Восьмизнаменных войск, потом учительствовал, служил писцом, охранником; позднее, чтобы прокормить семью, держал винную лавку на западной окраине города, торговал собственными картинами, раскрашивал воздушные змеи, писал стихи... Последние десять – пятнадцать лет жил в деревеньке у подножия гор Сяншань, где навещали его друзья, например

высокородные братья Дуньмин и Дуньчэн. Первый так писал о сельской жизни Цао: «Бирюзовые воды, зеленые горы, // Дорога кружит и виляет. // Ворота в проулке лианами скрыты, // Сомкнулась дымка с вечерней зарею. // Пришел, надеясь увидеть поэта, // А он оказался в монашеской келье. // Картины продал, выручил деньги, // Чтоб за вино сполна расплатиться». Второй оставил о нем песню: «Осенним утром встретил Сюэциня в Саду акаций. // Дул ветер, и дождь моросил, а утренний холод заползал в рукава халата. // Хозяин все еще не выходил, и Сюэцинь безумствовал в винной алчбе. // Я отстегнул нож, что висел у пояса, чтобы купить для него вина, // Налил ему чару, он тотчас ее осушил и сразу же повеселел, // А потом, благодарный, запел, я – вот этой песней ответил». Эти стихи и песня относятся ко времени, когда писатель создавал свой роман – главную книгу его жизни.

Сохранилось описание его внешности: «Тучен, круглоголов, темнолик. Мастер вести разговоры, любитель изысканных шуток. Во всякое время он „порождает весну“. Обнаружены два небольших портрета писателя, изображенный на них человек схож со словесным портретом. К одному из рисунков художник присовокупил слова: „Талант господина Цао – словно река в половодье, а духом своим свободным он парит в небесах... Питая к нему почтительность и любовь, я решил в небольшом рисунке выразить этот свободный дух и ученую изысканность, изобразить, как говорится, „след лебедя на снегу“. И верно: талант духовно раскованного, не связанного путами условностей писателя вызревал в семье с богатыми культурными традициями (известны литературные занятия деда Цао Иня), в обстановке высокой учености. Обаяние и мощь этого таланта становятся ощутимыми с первых же глав «Сна».

Роман Цао Сюэциня имел несколько названий, каждое из которых, связанное с его содержанием, глубоко символично. Первоначальное название «Записки о камне» (или «История камня») обозначено уже в первой главе. Один из аллегорических героев даос Кункун находит таинственный камень с записью истории его жизни. Здесь же говорится, что «записки» называются записками «Чувствительного монаха» (Цинсэн) и «Повествованием о Драгоценном Зерцале Ветра и Луны» (или о «Драгоценном Зерцале любви»). Первое название, вероятно, намекает на историю героя романа (принявшего монашеский постриг), а второе – в иносказательной форме воспроизводит содержание произведения, в котором рассказывается о «ветре и луне», то есть о любовных («чувствительных») взаимоотношениях героев – их страстях, как бы

отраженных в загадочном «Драгоценном Зерцале». Именно эти «Записки о камне» автор пять раз «добавлял и сокращал». Он назвал свой роман еще «Историей двенадцати головных шпилек Цзиньлина» (Цзиньлин – Золотой Холм, образное название Нанкина), которая намекает на двенадцать героинь произведения. Образ «двенадцати шпилек» идет от древности и встречается у многих поэтов (например, у знаменитого Бо Цзюйи) как образ мира женщин. Существует еще одно название романа: «Судьба Золота и Яшмы», где под этими образами подразумеваются главные герои (имя Баюя и есть «Драгоценная Яшма»). Но самое распространенное название – «Сон в красном тереме» («Хунлоумэн»), которое также встречается в самом тексте (в его пятой главе) как название песни, которую слышит герой во сне, когда попадает в волшебную страну Грез. Кстати, в этом эпизоде можно увидеть и образ «Драгоценного Зеркала», способного высветить потаенные уголки человеческой души, и образ «ветра и луны» как метафору человеческих чувств.

Полисемичность, многосмысленность иероглифов «хун», «лоу» и «мэн» позволяет воспринять их сочетание как «сон-морок в высоком чертоге» и как «грезы-прозрения в потаенной женской обители», причем «мэн» внушает нам образ какого-то чудовищно длительного сна, который спустился на героев повествования и в котором они как бы пребывают, продолжая одновременно свое деятельное существование в реальной жизни.

Читатель, конечно, заметил, что сюжет романа довольно прост, что в нем в общем-то отсутствует развлекательное, авантюрное начало, свойственное старым средневековым романам. В «Сне...» рассказывается история (причем довольно ограниченная по времени) двух богатых аристократических домов (Жунго и Нинго), принадлежащих роду Цзя. В одном из них живет молодой герой Цзя Баюй, вокруг которого в значительной степени строится сюжетное действие. Герой постоянно находится в обществе женщин, и большинство коллизий в романе связано именно с женщинами. Среди них выделяются глава рода и бабушка Баюя – старая госпожа Цзя, его мать – госпожа Ван, более молодые обительницы внутренних покоев: жена двоюродного брата Ван Сифэн (она же Фэнцзе), его двоюродные сестры Сюэ Баочай и Линь Дайюй и другие. Постоянно действует в повествовании отец Баюя – Цзя Чжэн, дядя Цзя Шэ, двоюродный брат Цзя Лянь, родственники из семьи Нинго. Помимо них в отдельных эпизодах романа выступает несметная толпа действующих лиц. Из нее выделяются близкие и симпатичные автору двенадцать женских персонажей, «Двенадцать головных шпилек», жизнь и

поступки которых определяют, можно сказать, содержание романа.

Сюжет произведения распадается как бы на несколько частей. Отчетливо выделяется первая глава – своего рода аллегорический пролог. Подобный иносказательный пролог довольно часто встречался в предшествующей китайской прозе. В нем, как и здесь, нередко содержались важная метафора, аллегория, раскрывающиеся в последующем тексте. То есть пролог играл важную, исполненную особого смысла роль некоей иносказательной прелюдии. Далее, со второй по восемнадцатую главы писатель посвятил изображению быта дома Жунго, дал в них характеристику основных героев. В последующих главах (с девятнадцатой по сорок первую) он показал зарождение чувств между главными героями и появление первых конфликтов, в последующих тридцати главах (с сорок второй по семидесятую) изображены сложные взаимоотношения в обоих Домах. В последней части «оригинального варианта» (каковым считаются первые восемьдесят глав романа) автор, продолжив нить предшествующего повествования, сделал заметные намеки на будущее падение семьи. На восьмидесятой главе писатель оборвал повествование, вместе с ним прервались и комментарии к нему литератора Чжияньчжая, в котором иные исследователи склонны видеть соавтора Цао. Не вызывает сомнения, что сделать множество тонких, глубоких замечаний и намеков об авторе и его произведении, добавить ряд штрихов к творческому портрету писателя мог только хорошо с ним знакомый человек, бывший в курсе его жизненных обстоятельств.

В основной части романа не происходит каких-то исключительных событий, ведущих к резким сюжетным поворотам в повествовании. Действие течет, как огромная река, неторопливо и мерно, лишь отдельные всплески свидетельствуют о том, что где-то под поверхностью скрываются подводные камни и коварные отмели. Однако уже в этой части романа завязываются сюжетные узлы, способствующие ускорению движения сюжетного материала, намечаются очертания последующих коллизий, здесь лишь намеченных и пока еще плохо видимых. Такими сюжетными узлами, к примеру, являются приезд в дом Цзя двоюродной сестры героя Линь Дайюй, а также другой сестры – Баочай (впоследствии ставшей его женой). К ним можно отнести визит «государевой жены» Юаньчунь и другие эпизоды (например, свершение важных ритуалов: похороны Цинь Кэцин и др.), имеющие большой символический смысл. В последних главах основного варианта узловыми эпизодами являются также ночное пиршество в доме Цзя, которое происходит в атмосфере предчувствия грядущей беды; обыск в доме в связи с пропажей мешочка для благовоний,

а также скандал в доме Нинго. Одним из главных сюжетных узлов надо считать конфликт Баоюя с отцом. Все эти узловые эпизоды должны были определить последующее развитие событий, но писатель остановился как бы на полпути, словно сомневаясь, что ему делать дальше.

Факт незавершенности романа давно привлекает внимание китайских читателей и литературоведов. Известно, что в конце правления Цяньлуна появился на свет «полный» вариант «Сна...», насчитывающий сто двадцать глав. Он получил широкое распространение, так как представлял произведение с законченным сюжетом. Авторами сорокаглавного продолжения называют литераторов Чэн Вэйюаня (1745—1820) и Гао Э (1738—1815). Оба они, собрав множество рукописных вариантов «Сна...», «усекали длинное и дополняли укороченное, чтобы добиться законченной полноты книги», самостоятельно и по наброскам Цао в короткое время завершили повествование. Чэн, будучи издателем-коммерсантом, предоставил средства для печатания «полного варианта» романа и рассказал о работе над ним в предисловии к изданию.

Чэн и Гао решили сюжетную загадку по-своему. Они построили конфликт вокруг Баоюя. Родня молодого человека втайне от него (герой в это время был болен и находился чуть ли не в состоянии умопомрачения) обручила его с Баочай, более подходящей на роль супруги. Болезненная Дайюй, не будучи в состоянии пережить удар, умирает. Обманутый родственниками Баоюй вынужден покориться воле родителей. Он даже вступает на ученую стезю и получает степень цзюйжэня, которая открывает перед ним карьеру. Однако юноша неожиданно меняет планы и уходит куда-то вместе с бродячим монахом. Дальнейшая судьба героя неизвестна, сюжетная линия на этом обрывается. Так заканчивается роман в варианте Чэна – Гао. Можно заметить, что литераторы соблюли логику развития событий, хотя и сочинили концовку сами.

Такова изложенная пунктиром сюжетная схема произведения. И все же о чем повествует роман? Только ли о Баоюе и его несчастной любви, или он рассказывает о чем-то ином – ведь в книге так много действующих лиц и так сложно переплетаются в ней человеческие судьбы! На протяжении почти двух столетий вокруг «идеи» повествования, его «главной темы» идет непрерывный спор. Одни называют «Сон...» любовным романом, другие бытоописательным или семейным, третьи – романом социальным и даже политическим. Содержание романа и специфика его художественного повествования дают повод для таких разных толкований. Он и вправду весьма многолик как в смысловом, так и в художественном отношении, писатель живописует нравы современного ему общества, показывает

духовную атмосферу эпохи и жизнь, какую видел он вокруг себя. Поэтому «Сон...» можно назвать нравоописательным произведением. Лу Синь в свое время определил его как повествование о «человеческих нравах» («жэньцин сяошо»).

Роман Цао Сюэцзиня как образец нравоописательной литературы возник не на пустом месте. Превосходные картины быта запечатлены в героико-авантюрном романе «Речные заводи» и даже в волшебном романе «Путешествие на Запад», однако законы жанра ограничивали возможности их авторов широко и полно изобразить нравы эпохи. В XVI – XVII веках китайская проза обратилась к изображению обычной жизни людей. Нравоописательное повествование вышло на одно из центральных мест в литературе. Появились, например, превосходные повести Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу (вошедшие в сборник «Троесловие» и другие), произведения других авторов, в которых подробно изображался быт эпохи. Возникли и произведения крупной формы – романы. Едва ли не самым знаменитым из них явился роман анонимного автора «Цзинь, Пин, Мэй» (в русском переводе: «Цветы сливы в золотой вазе»), в котором с большими подробностями изображалась жизнь обывателей-горожан, ее повседневность, бытовой конфликт. Близким ему по духу был роман XVII века «Брачные узы, мир пробуждающие», или «Подстилка из плоти» Ли Юя. Каждый из этих романов описывал нравы по-своему, но характерны для них приземленные сюжеты, дегероизированные персонажи. В этой прозе в силу ее специфики накапливались и развивались реалистические тенденции изображения действительности, каковые воспринял и развил автор «Сна в красном тереме». Его произведение вобрало в себя все художественные особенности нравоописательного жанра.

Действие романа протекает в довольно замкнутом мире одного родственного клана, напоминающем условное фолкнеровское пространство Йокнапатофы. В этом отношении «Сон...» отличается и от «Цзинь, Пин, Мэй» и от «Брачных уз...», где действие происходит в разных городах, на периферии и при дворе. Мир Большой Семьи очень ограничен и условен, однако это – слепок реального бытия, поэтому в условности нет ничего загадочного, через нее отчетливо видны очертания реальной жизни и нравов. Дом Цзя (а вместе с ним семей Сюэ, Ван, Ши, Чжэнь, о которых также идет речь в романе и которые связаны родственными узами с кланом Цзя) – это мир поместной аристократии, и в этом отношении он отличается от мира торгаша нувориша Симынь Цина (из романа «Цзинь, Пин, Мэй») или героев «Брачных уз...», где действие происходит в среде чиновничества. В доме Цзя все более респектабельно, чинно,

величественно, ибо здесь огромную роль играет особый, аристократический этикет, которому неукоснительно следует каждый член Семьи. Другое дело, что в действительности респектабельность в значительной мере оказывается иллюзорной и показной, а пышная этикетность оказывается фальшивой. Противоречивость внешнего облика Дома и содержания его жизни (его нравов) весьма ощутима в романе.

Величие рода Цзя объясняется его высоким социальным положением в маньчжуро-китайском обществе. Несомненно, писатель в большой мере отразил былое величие и знатность своей собственной семьи, клана Цао, близкого двору. В романе отец героя Цзя Чжэн является высокопоставленным чиновником двора. Видное место в чиновном мире занимает его родной брат Цзя Шэ. Представитель дома Нинго – Цзя Цзин имеет потомственный титул генерала и т. д. Но определяет высокое положение Семьи прежде всего то, что дочь Цзя Чжэна является «государевой женой» (вернее, «драгоценной наложницей» – гуйфэй). Поэтому в романе неоднократно говорится о «милостях монарха» по отношению к дому Цзя, а члены семьи на короткой ноге не только с вельможами двора, но даже с императорской родней (напомним о «высоких знакомствах» самого писателя). В романе нигде не говорится о национальной принадлежности Большой Семьи, но она, несомненно, была тесно связана с маньчжурской элитой, даже будучи китайского происхождения (как и семья писателя). Такое умолчание таит в себе своеобразную смысловую аллюзию.

Быт и нравы Большой Семьи писатель изобразил подробно и тщательно. Несомненно, внешнему облику аристократического рода, его внутренней жизни писатель придавал особое значение. Бросается в глаза подчеркнутая ритуальная помпезность и показная торжественность семейного бытия, носящая почти театральный характер. Читатель видит самые разнообразные семейные ритуалы: торжественные молебны в родовом храме, роскошные пиршества по случаю важных событий, великолепные выходы «в свет» – в гости, ко двору. Пышно и торжественно обставляются даже обычные дела и занятия: застолья и чаепития, стихотворческие собрания, театральные представления, разнообразные игрища. Все они составляют неотъемлемую часть быта Семьи, в них принимают участие все члены рода. Автор подробно перечисляет их, тщательно воспроизводит все их поступки, вплоть до мельчайших действий и жестов, называет предметы и аксессуары, которые используются в семейных церемониях – молебнах, похоронах и проч. Картины блистательного бытия аристократического клана в их торжественном

великолепии как бы подчеркивают вечное могущество и всесилие Семьи. Кажется, что Цао изображает этот блистательный мир с чувством восхищения.

Впрочем, истинное отношение писателя ко всему этому блеску проявляется не сразу. Наблюдая поведение и поступки членов семьи, постигая их характеры, образ мыслей, их жизненные устремления, мы мало-помалу начинаем понимать, сколь далек автор от восхищения нравами Дома, от идеализации его порядков. Цао настроен к ним по меньшей мере скептически или иронически, хотя ко многим обитателям он испытывает сочувствие и симпатию. Действительно, в блистательной величественности Семьи чувствуется какая-то неустойчивость и искусственность, в ней как бы заложена изначальная конфликтность, которая расшатывает ее устои. Эта конфликтность проявляется во взаимоотношениях между старшими и младшими, между мужской и женской половинами дома, между хозяевами и слугами, между внешними силами (порой недостаточно ясными) и представителями рода Цзя и т. д. За конфуцианской благопристойностью и величественной этикетностью часто скрываются самые прозаические чувства и устремления: зависть и злоба, лицемерие и подлость, обычная человеческая глупость. Между обитателями Дома то и дело происходят трения, вспыхивают скандалы, тут и там рождаются слухи и сплетни. Как утверждает автор, многие члены этого аристократического клана «обнаруживают лошадиные копыта», «являют свое безобразие», то есть показывают свое настоящее лицо.

Один из филологов XIX века Ван Силян, оставивший любопытные комментарии к роману, писал, что в человеческой жизни особое значение имеют четыре качества или состояния: счастье (фу), долголетие (шоу), талант (цай) и добродетель (дэ). Лишь они-де определяют подлинное достоинство личности. По мнению комментатора, этими качествами из героев романа обладает лишь один человек: старая госпожа Цзя. Вот как литератор характеризует качества других персонажей. У Цзя Цзина и Цзя Шэ нет ни добродетели, ни таланта; Цзя Чжэн обладает добродетелью, но лишен таланта; у Цзя Ляня сызмальства был талант, но не было добродетели, а у Цзя Чжэня не было ни того ни другого и т. д. Напомним, что эти представители мужской половины дома Цзя определяли нравственный климат и интеллектуальный уровень в семье.

Что ж, оценки Ван Силяна весьма реалистичны: читатель видит, что, например, отец героя Цзя Чжэн – личность посредственная и серая, это сухарь и педант, подчинивший собственную жизнь ритуалу домостроя, который он чтит и оберегает. Поэтому у него и возникают конфликты с

сыном, в котором он видит возмутителя порядков, нарушающего традиционный ход бытия. Или Цзя Шэ, его брат, личность такая же недалекая, к тому же человек малопорядочный и распутный. Копией отца является его отпрыск – лживый и развратный Цзя Лянь (муж Фэнцзе). Этот перечень можно было продолжить. Психологические характеристики этих и других героев, отраженные не столько в прямых оценках автора, сколько, прежде всего, в поступках этих людей, показывают подлинное отношение писателя к тому укладу жизни, которого держатся эти люди.

Атмосфера дисгармонии царит среди молодого поколения. Представителей его в романе очень много – это дети от многочисленных жен и наложниц, кузены и кузины, родственники и родственницы (вроде Дайюй и Баочай). Их положение в семье различно и далеко не равноправно, что не может не сказаться на общем климате Большой Семьи. Например, у Цзя Чжэна, кроме Баюя, есть еще дети от других жен и наложниц (сын Цзя Хуань от наложницы Чжао и т. д.). Их место в семье иное, нежели то, которое занимает Баюй – наследник родовых традиций. Неудивительно, что Цзя Хуань завидует брату, ненавидит его, старается всячески ему досадить. То и дело возникают ссоры и свары между матерями детей (Ван и Чжао). Так, Чжао и ее отпрыск, движимые злобным, мстительным чувством, стараются извести Баюя, что превосходно показал автор в сцене ворожбы.

Цзя Баюй – главный герой повествования и как характер довольно сложен и противоречив. Именно с ним связан образ чудесного Камня, изображенного в первой главе, что и определяет основную линию сюжета. В самом Баюе, в его взаимоотношениях с другими персонажами наиболее отчетливо выражена идея конфликтности, которую старался подчеркнуть в романе писатель. Как наследник и продолжатель родовых традиций, юноша должен охранять и почитать законы клана, поддерживать сложившиеся порядки. Но по образу его мыслей и по поступкам его видно, сколь далек он от этой роли. Интуитивно (или вполне осознанно) герой старается отдалиться от семейных домостроевских порядков, ему претят идеалы и интересы многих членов Большой Семьи. Это его самоотторжение от привычного образа жизни, неосознанное стремление к самоутверждению чувствуют его родители и другие члены клана. Отчуждение героя проявляется в необычности и даже странности его поведения, в необычных его симпатиях и пристрастиях, что обостряет конфликты Баюя со старшими. Например, отношение его к ученью и чиновной карьере, которым аристократическая семья придает особо важное значение. Автор показывает, что Баюй не желает учиться вовсе не из-за природной

неспособности или лени (напротив, читатель видит необыкновенную одаренность юноши и его начитанность, которую он демонстрирует в сценах, описывающих поэтические игры), но прежде всего по внутренней убежденности в ненужности и бессмысленности этого занятия, из-за нежелания поступать по предписаниям старших. Таковы же его взаимоотношения с людьми, не вполне понятные многим поконформистски мыслящим обитателям дома Цзя. Ссоры с отцом возникают из-за его «сомнительных» знакомств с актерами (то есть низкими людьми), его слишком вольных взаимоотношений со служанками. Его неожиданное монашество на самом деле не кажется столь странным (герой несколько раз намекает на желание уйти из семьи), и концовка романа поэтому представляется достаточно логичной. Поступок этот – проявление внутренней неудовлетворенности героя жизнью и окружением; его дружба с Дайюй и стремительно развивающаяся любовь – это также форма самоутверждения, своеобразного протеста против семейных порядков.

Значительная часть сюжетного действия происходит в женском кругу Большой Семьи. Сад Роскошных зрелищ, где в основном действуют герои, – это прежде всего мир женщин, своеобразный дамский Эдем. Жизнь Баюя также протекает на женской половине дома, и сам он как образ отчетливо феминизирован. (Любопытно заметить, что театральный и кинематографический образ Баюя часто создается женщинами.) Этот акцент, конечно, не случаен. Прежде всего, это дань писателя феминистским, гуманистическим идеалам, которые сложились в литературе еще до написания романа. «Сон...» продолжил и заострил эту феминистскую линию в литературе и значительно развил ее дальше, оказал влияние на последующее углубление феминистских тенденций. Подтверждением этого являются многочисленные «продолжения» романа, в которых развивается «женская тема», а также и самостоятельные произведения (роман XIX века «Цветы в зеркале», где эта тема является едва ли не главной).

Женские образы в романе разнообразны и содержательны. Доброжелательно, даже с симпатией изображает писатель старую госпожу Цзя, ее естественность и доброту. Сметлива и деловита Фэнцзе, обаятельна сирота Дайюй, автор находит оправдание излишней ее чувствительности и вспыльчивости. Выделяется обхождением с людьми и рассудительностью Баочай. Самоотверженность – заметная черта служанки Сижэнь. Сестры Баюя начитанны, отмечены печатью высокой духовности и благородства. Все это говорит о весьма возвышенном понимании женщины в жизни общества. Характерно, что параллелью таким возвышенным описаниям

нередко являются иронические, а порой уничижительные характеристики мужчин (невежественность, огрубелость чувств и т. п.). Однако писатель далек от слепой идеализации женского мира. В женских образах также отражается глубокая конфликтность жизни Большой Семьи, которая заложена и в поведении мужчин. Вспомним характеристики комментатора Ван Силян. Не менее иронически он относится и к женским персонажам романа. Так, у госпожи Ван, матери Баоюя, есть вроде бы добродетели, но они «не настоящие», так как эта женщина лишена своего мнения и крайне подозрительна. Что касается ее талантов, то они самые ординарные. А вот оценка Фэнцзе: у нее нет добродетелей, поэтому она талантлива, однако же «талант ее ложный». Ван Силян считает, что у Дайюй «ноле души очень узкое», а сама она находится во власти «безрассудных чувств», а потому ее добродетели «на самом деле являются призрачными». Действительно, женские персонажи таят в себе большие нравственные изъяны. Например, у той же Фэнцзе решительность переходит во властность и непомерное честолюбие, а услужливость граничит с лицемерием. Она может быть не только хитра, но коварна и жестока (за промашку служанки она дает ей двадцать батоков и обещает «переломать кости»). Именно она является инициатором «большого обмана» Баоюя. Есть и просто омерзительные типы женщин (некая госпожа Цзиньгуй – жена Сюэ Паня). Важное место в сюжете романа занимают образы Линь Дайюй и Сюэ Баочай. Являясь антиподами по положению в семье, характеру, интеллекту и проявлению чувств, они своим поведением и образом мыслей выражают и подчеркивают противоречивость мира семьи Цзя.

Многие страницы романа посвящены жизни обитателей «нижних этажей» красного терема. Это многочисленные слуги, прислужницы, приживалы и приживалки, мамки и кормилицы, монахини и прочие. Хотя они и находятся на периферии основного сюжетного действия, однако их присутствие существенно обогащает картину нравов и является безусловной заслугой писателя. По существу впервые в прозе предстает художественное изображение большой социальной группы людей со своей жизнью и интересами. Палитра художника являет здесь великое многообразие красок. Одних показывает он с несомненной симпатией, других с сарказмом, третьих явно осуждает или презирает, в любом случае подчеркивает униженность существования этих людей, их забитость и незащищенность, но вместе с тем и возвышенность души у многих из них. Убедительны сцены чудовищных несправедливостей, чинимых в отношении челядинов, страшна заурядность жестокого обращения «высших» с «низшими», в которой изобличена ущербность блистательного

мира Семьи. Но и симпатизируя многим «низшим», автор не стремится к тому, чтобы у читателя сложилась некая идиллическая картина их поведения. Они не только жертвы, но подчас и соучастники зла, которое творится хозяевами. Они поражены теми же недугами, теми же пороками. Многие из них с ожесточением грызутся между собой за выгодное положение в доме, стремясь приблизиться к тому или иному хозяину, урвать кусок пожирнее. Слуги, приживалы, нахлебники подсиживают друг друга, нашептывают один на другого, ставят ловушки. Неприглядная картина нравов среди челяди подчеркивает нестабильность внутренних устоев дома Цзя.

Распад семьи происходит прежде всего из-за внутренних противоречий, которые ее разъедают, что убедительно показал автор. Однако падение Дома происходит и под влиянием внешних обстоятельств. Писатель, конечно, вспомнил драматические события, случившиеся в его собственной семье. Он показал эти «внешние факторы» как бы вскользь, но они вполне ощутимы. В одной из глав, например, говорится об убийстве, в котором оказывается замешанным один из членов семьи. Другой герой обвиняется в хищении казенных денег. Возникают неприятности в семье Чжэнь, которая связана с кланом Цзя тесными узами. Все эти «внешние обстоятельства» болезненно отражаются на общей атмосфере в доме, разрушают его благополучие. Роковую роль сыграл обыск в Доме по распоряжению двора, о чем говорится в последней части романа. Чэн и Гао, конечно, сознательно включили этот и другие эпизоды, – не только потому, что знали историю семьи Цао, но и потому, что хотели логически увязать содержание первой части с концовкой, подчеркнуть конфликтность романа, который пронизан ощущением грядущей драмы.

Предчувствие драматических событий в многочисленных намеках и иносказаниях заостряет идею предопределенности трагического финала. Эту особенность романа заметили еще современники писателя, в частности загадочный Чжияньчжай. Так, к примеру, наполнен особым смыслом эпизод приезда в дом Цзя старшей дочери, государевой супруги. В ее честь устраиваются пышное пиршество и театральное представление. Однако содержание пьес («Судьба бессмертного», «Отлетевшая душа») содержит намеки на печальные события – кончину гуйфэй и грядущий закат семьи. В радостном событии таится предчувствие горестного финала. Вот почему вся сцена встречи дочери с отцом, а также с родственниками проникнута тоскливым чувством. Символичен эпизод «рокового» сна Цинь Кэцин, которой уготована скорбная судьба. Иносказательным смыслом наполнены встречающиеся в этой сцене фразеологизмы-намеки: «Выше поднимешься

– больше падать», «Даже самый роскошный пир не может длиться вечно», «Когда дерево падает, обезьяны разбегаются». Та же героиня приходит к мысли, что благополучие длится лишь мгновение. Символичен также эпизод смерти Цзя Жуя, которому перед кончиной видится скелет. Вообще говоря, смерти в романе (например, самоубийства, а также другие события драматического характера: исчезновения из дома, уход в монастырь и пр.) – это не просто обычные факты; в контексте всего повествования они наполнены глубоким потаенным смыслом.

Изображение нравов составляет, так сказать, внешний, видимый пласт авторского повествования. Более сложным для понимания является его внутренний пласт – тот уровень, на котором формируется глубокий философский подтекст. Он неотделим от сложной символики романа, его метафоричности, которая проявляется в разного рода иносказаниях и символах. Без этого внутреннего пласта роман Цао остался бы одним из обычных нравоописательных повествований. Именно этот слой наполняет его той философичностью, что отличает поистине крупное произведение литературы.

Символика, насыщенность сложными образами определяют специфику художественной структуры этого произведения. Огромную роль символов и иносказаний читатель ощущает буквально с первой главы и до последней. Иносказательная ткань романа как бы соткана из традиционных религиозно-философских представлений, характерных для общественной мысли той поры, и тех художественных образов, которые возникли в воображении писателя, что и породило сложность художественной структуры романа. Например, в первой главе читатель сталкивается со своеобразной «космической» символикой, которая сразу же создает особый философский настрой. Огромную символическую роль играет образ «Камня» (напомним, что роман поначалу назывался «Историей камня»), весьма многозначительный в истории китайской культуры. Еще в древней летописи «Цзочжуань» описывается камень, который «умел разговаривать» (вещий камень, разоблачавший ложь). Встречались и волшебные камни-обереги (у Баоюя именно такой камень-яшма) – знаки таинственных явлений. Образ «Камня» отразился в названии литературных произведений (сборники повестей XVII века: «Камень Склони-голову», «Камень отрезвления»), где он имел иносказательный смысл, а также в именах литературных героев («Строптивый» или «Упрямый камень» – так назвал себя герой романа Ли Юя «Подстилка из плоти», симптоматично, что именно с таким образом мы встречаемся в романе Цао: Баоюй и есть воплощение «строптивного камня»). Камень в романе играет некую

космическую роль. Камень – это творение Небес, частица мироздания (ведь он является строительным материалом богини Нюйва, которая с помощью ему подобных «латает Небо»). Камень – это как бы часть бытия природы, причем именно одухотворенной, но не мертвой природы. В романе Камень действительно живое существо: он умеет разговаривать, он мыслит и чувствует. К нему обращаются как к «брату-камню». Он рассказывает историю своей жизни, историю своих чувств. Камень – это сам человек, это – Баоюй, который носит камень на груди и как бы сам является его воплощением. Причастность Камня к Природе, наделенность его способностью ощущать, чувствовать и мыслить – это дань писателя даосским идеям о связи живой и неживой природы, взаимосвязи жизни и смерти, идеи вовлеченности Человека в орбиту вселенского бытия. Не случайно поэтому, что уже в первой главе появляется персонаж – «ищущий бессмертие» Праведник Пустоты (в тексте Кункун даожэнь, что значит Праведник Дважды Пустотный), который вступает с камнем в философский спор о смысле жизни. Символичен образ и колченогого блаженного даоса, который вместе с другим отшельником – буддийским монахом, как бы сопровождает героя в пути его жизни. Камень (и Баоюй) – это путник, бредущий по дороге жизни, пытающийся понять ее смысл.

Камень как творение Небес – это символ необычности, поэтому его судьба удивительна, а человек, воплощением которого он является, – не от мира сего. Необычные черты Баоюя писатель подчеркивает неоднократно, говоря и о его странном характере, и о противоречивости поведения, и о непредсказуемости поступков. Он поражает своей одаренностью и в то же время своим невежеством (неудивительно, что камень упоминается и как «невежественная тварь»), добротой и озлобленностью, робостью и необузданной смелостью. Но, пожалуй, больше всего он поражает неожиданностью проявления своих чувств. Писатель восхищается образом «чувствительного камня» – Человека – и в то же время относится к нему с явной иронией и немалой долей скептицизма. В этом видится противоречивый подход автора к Человеку, который появляется на свет, наделенный страстями, живет в кипении страстей и движется к жизненному финалу, испытывая все горести и радости жизни. Судьба камня и героя символична: она указывает на путь познания мира. Но она же и своего рода предупреждение, что путь познания – горестный путь ошибок. Окунувшись в мир страстей, Камень как бы теряет свою надмирную сущность и небесную одухотворенность, он становится «живой тварью», «вонючей кожаной сумой» – неким вместилищем страстей. В подобной характеристике Камня чувствуется влияние на писателя идей

буддизма. Не случайно, характеризуя поступки Камня-героя, писатель не раз подчеркивает, что он находится во власти «неразумных» страстей. Интересно, что символический образ сжимающейся кожаной сумы (своего рода шагреневой кожи) встречался в художественной литературе до «Сна...» (например, в упомянутом романе Ли Юя «Подстилка из плоти»), где он заключал в себе буддийский подтекст. Сума – это внешняя оболочка, за которой скрывается человеческая сущность.

Отношение писателя к чувствам и страстям, во власти коих находится человек, как бы двойственное. Осуждает ли их писатель, как осуждает их правоверный адепт буддийской веры? Ведь он нередко называет их именно «неразумными» страстями. Для ортодоксального буддиста они действительно греховны и опасны, поскольку отдаляют человека от буддийской святости и астральной чистоты. Поэтому от них нужно как можно скорее избавиться, отряхнуться, как от пыли (образ «красной пыли» – земной юдоли часто встречается в романе; красный цвет – цвет «разбушевавшихся человеческих страстей», он играет символическую роль). У писателя нет такого строго буддийского понимания человеческих чувств. Поведение героев романа, и прежде всего главного героя, свидетельствует о том, что чувства для автора являются естественным проявлением внутреннего мира человека: его желаний, стремлений, эмоций. Находиться во власти чувств – это естественное состояние человека, это его духовный мир, его воздух, которым он дышит. Правда, писатель предупреждает, сколь печальны последствия полного подчинения страстям, ратует за умеренное проявление чувств, но и не слишком осуждает того же Баоюя или Дайюй за безудержность в поступках, за стремление освободить свое «я» от каменных оков домостроя. Неудивительно, что изображение чувств, кипение страстей в романе иные радители чистоты и строгости нравов воспринимали как проявление безнравственности автора, а книгу его называли «иньшу», то есть «развратной», причисляя ее к разряду прозы «сэцин» (эротической).

Большое место в романе занимает образ Страны Грез – некоего ино-мира, мира иллюзий. В китайском тексте он назван Великой Пустотой (суйкун). В этот мир в результате своих космических и жизненных блужданий попадает «строптивый камень», там же, в сфере грез, оказывается и герой. Этот образ возникает перед нами и в конце романа. Образ Пустоты (Пустотности) весьма сложен и связан как с даосскими, так и с буддийскими представлениями о мире как о некоей вселенской пустоте, в которой живет и развивается все сущее. Несколько упрощая объяснение, можно сказать, что Пустота – это особый вид бытия, в котором пребывает

«живая тварь» (в том числе и человек), как бы отдаленная от своей мирской оболочки. В этой Пустотности человек постигает Истину. В даосизме это достижение небожительств, в буддизме – особое состояние святости, нирвана. Пустота – это некая надмирная обитель, где человек гармонически сливается с высшей Идеей и прозревает. В эти своеобразные сферы радости и счастья попадает во сне Баоюй (пятая глава романа), он испытывает несказанное блаженство (духовное и физическое) от общения с обитательницами-феями из этого волшебного мира («Земля таинственно-утонченного и одухотворенно-прекрасного духа» – так в дословном переводе гласит одна из надписей, увиденных Баоюем в этой стране). Характерны имена обитательниц этих сфер: Небожительница Вразумляющей Грезы (так зовут фею Цзинхуань), Святая, Изливающая чувства, Золотая Дева, Навевающая печаль. Феи надмирных сфер очаровывают и завораживают героя, насылают на него морок. Не случайно место, где герой переправляется через реку, называется брод Заблуждений.

Страна Грез – это не только и не столько обитель блаженства, сколько сфера предчувствий грядущих опасностей и бед, которые подстерегают человека в жизни. Это – предупреждение от иллюзорных соблазнов, в которые, как в тенета, попадает человек, даже если он имеет необычное, «божественное» происхождение, скажем, от чудесного Камня.

Самый страшный соблазн – оказаться в плену иллюзий. Иллюзорные идеалы, беспочвенные стремления, пустые страсти могут завести человека в тупик, из которого он никогда не выберется. Символично, что герой в книге судеб видит палаты, в которых висит мертвая женщина – символ жалкого финала человека. И стихи (в дословном переводе): «Небо чувств, море чувств, все тело объято иллюзорными чувствами». Понятие «Страна Грез» включает в себе двойной смысл: это и обитель надмирной радости, и юдоль скорби. По буддийской терминологии жизнь человеческая называется «плывущим бытием» (образ, популярный в японской средневековой литературе) – она зыбка, неопределенна, как ускользающее облако и убегающая вода. Радости жизни в конечном счете оказываются химерой. Соприкосновение человека со сферой грез пробуждает у него ощущение зыбкости и ирреальности бытия. Характерно, что в романе часто встречаются словообразы: «зыбкий», «неотчетливый», «призрачный», «смутный» – своеобразные эпитеты «плывущего бытия». Греза – лишь временное, эфемерное утешение человека, это действительно – химера. Образ мира-химеры, в котором человек попадает во власть иллюзий, – это важная даосско-буддийская концепция, которая пронизывала множество произведений китайского средневековья. Знаменитый Царь обезьян Сунь

Укун, поначалу находившийся во власти химеры, в конце концов вырывается из нее (в романе У Чэнъэня это происходит по воле Будды) и постигает Истину (Укун – дословно означает «Постигший Пустоту»). В сущности, так же прозревают герои «Сна...», но это пробуждение происходит не сразу.

Образ Страны Грез тесно соприкасается с метафорой сна, которая также играет огромную роль в романе (она нашла даже свое отражение в названии). Сон (греза-химера) – это особое состояние человека, когда он «как бы живет и не живет», то есть находится в состоянии некоего «полубытия». Сон – это своего рода «зеркальный мир», в котором все как бы в действительности, но в то же время все наоборот. Этот «иной» мир – не настоящий, искаженный, потому что он зеркальный и даже «зазеркальный» (напомним об образе Зеркала, которое может высветить жизнь и в то же время исказить ее пропорции). Сон – это все та же коварная химера: сладостная, но опасная. Метафора сна – довольно распространенный художественный прием, что в значительной степени связано с той огромной ролью, которую играла в литературе концепция даоса Чжуан-цзы о сне-обороте («Сон бабочки»). Кстати, прежние комментаторы подчас напрямую связывали роман Цао с философской притчей о бабочке. Литераторы неоднократно использовали эту метафору в своих сюжетах. Тот же Ван Силян, например, вспоминал разные виды литературных снов: «тревожный сон» (в драме «Западный флигель»), «злые сны» (в романе «Речные заводи») и прочие. В некоторых сюжетах даосско-буддийская концепция жизни-сна как ино-жизни или жизни-химеры воплощалась в яркой художественной форме. Например, такую тонкую философскую интерпретацию этой идеи мы видим в повести литератора Лин Мэнчу (XVII в.) о молодом пастухе, которому волхв-даос раскрывает волшебную формулу земного счастья. Герой счастлив во сне, но скоро он осознает, что сон – это обольстительная химера, которая стала для него ловушкой. Из-за этого сна лишь умножаются земные неудачи и беды героя. Радости сна (а во сне герой становится важным сановником и государевым зятем), причудливо сочетаясь и переплетаясь с бедами в реальной действительности, мешают ему жить. Противоречия между сном и явью становятся его проклятием. Символически звучат и слова комментатора в романе Цао: «Скорбь и радости, как и химера, имеют тысячи форм». И еще: «Химера наполнена чувствами, а чувства полны химер». Жизнь – это сон, поэтому жизнь абсурдна. Скептик Чжияньчжай так и пишет: «Было в древности и существует сейчас одно – сон, и он полон абсурда».

Интересно, что и в романе Цао упоминается множество разных снов:

«сон весенний», «сон потаенный», «сон бестолковый», «сон пустой» и другие. Сон нисходит не только на живое существо – человека, но даже на растения. Есть, к примеру, «сон хризантемы», во время которого душа цветка ощущает холод осени. В одном месте романа говорится о сне «иллюзорно пустом», который ассоциируется со «следами инея». Многоликая поэтика сна, разумеется, не случайна. Она воспроизводит атмосферу неопределенности, щемящей тоски, дурного предчувствия. Но во сне герои не только живут, но и «прозревают». Во сне они способны иногда увидеть и узнать то, что в реальной жизни ускользает от их взора; могут задуматься о настоящем и грядущем, как тот злополучный пастух из повести Лин Мэнчу. В одном из стихотворений романа говорится: «Ущербна луна, чистый иней вокруг и Сон, который все знает» (это дословный перевод текста). Уже первые комментаторы романа понимали роль в нем метафоры сна, который «создает смысл и устанавливает норму». Ван Сиянь восклицал: «Книга „Хунлоумэн“ есть целиком и полностью царство сна». И далее: «Когда я комментировал ее, я на самом деле рассказывал о сне, сам находясь во сне, что подчеркивает нереальность, надуманность сказанного в книге». Гиперболу комментатора (сон во сне) надо понимать и как намек на роль в романе иносказаний, аллюзий, недоговоренностей. Сон – это всего лишь своеобразное изображение бытия, о котором прямо говорить нельзя.

О потаенном смысле отдельных эпизодов, фразеологизмов, выражений говорил еще Чжияньчжай. Его комментарии дали пищу скрупулезным (правда, не лишенным фантазии) исследованиям неясных мест, намеков и символов. Вряд ли беспочвенны, например, утверждения, что фамилии Цзя и Чжэнь в романе – это омонимы слов «ложный» и «подлинный, правдивый». В произведении Цао, где иносказание играет особую роль, мы видим, что лживое и правдивое постоянно меняются местами, одно принимает вид другого, словно подтверждая смысл надписи на вратах Страны Грез, которая гласит, что в жизни людей истинное и ложное взаимообратимы и взаимосвязаны как бытие и небытие, как жизнь и сон. В романе есть герой Чжэнь Шиинь, что дословно означает «Скрывающий подлинные события», и другой персонаж Цзя Юйцунь (иероглифы переводятся как «Деревня лживых слов»; человек этот своим поведением оправдывает такое имя). Есть пик Цингэн, возле которого оказывается Камень, это название созвучно со словом «корень чувств» (намек на жизненные заблуждения камня-героя). Огромную роль играет символика имен. Имя одной из служанок Хоци следует понимать как «начало беды», и такая расшифровка его по смыслу отвечает той роли, которая была

назначена служанке по сюжету. Поставленные в ряд имена сестер Юань, Ин, Тань, Си прочитываются как своеобразная анаграмма: «С самого начала надобно скорбно вздохнуть». Конечно же, не случайно общее понятие «яшма» в именах Баюй и Дайюй, где «юй» означает «яшму», или слово «драгоценный» в именах Баюй и Баочай. Эти словообразы, именобразы подразумевают связь жизненных судеб героев. Для китайского читателя, чувствующего значимость иероглифа, они создают атмосферу загадочности.

Еще в XIX веке говорили, что Цао в романе использовал «изогнутую кисть», что он вынужден был «утаивать истинные дела» (герой, скрывающий подлинные события). К этой эзоповой манере вынуждены были прибегать многие его современники, например, замечательный сатирик У Цзинцзы, который также в иносказательной форме (сатирической манере) изобразил нравы «ученых конфуцианцев», то есть ученой и чиновной элиты. Современный литературовед Чжоу Жучан справедливо пишет, что в произведении «скрываются реальные имена, факты, смещаются даты, местоположения, география и т. д.». Действительно, не в манере Цао открыто называть даже очевидное. Говорится о «Большой столице» (Даду), то есть Пекине, но прямо он ни разу не называется. Поэтому сад Роскошных зрелищ можно искать не только в Пекине, но, например, и в Нанкине, который упоминается в романе. Чжоу Жучан замечает, что реальность у писателя приобретает вид условного, нереального мира, «мира во сне». Такая неопределенность и недоговоренность в повествовании составляет важную особенность художественного метода автора романа, являет обаятельную поэтику его творчества.

Сказать о популярности романа «Хунлоумэн» в Китае – значит выразить расхожую истину. Основную фабулу произведения знают в Китае едва ли не все от мала до велика, а главные его персонажи так же любимы, как образы полководца Чжугэ Ляна, царя обезьян Сунь Укуна или героев-удальцов с горы Ляншаньбо. Появление романа было огромным событием не только литературным, но и общественным. Оно буквально потрясло все слои китайской интеллигенции. Уже в XIX веке в Китае вышло большое количество подражаний – «продолжений», в которых развивалась тема несчастной (или, наоборот, счастливой) любви, или изображались картины феодального быта, жестоких общественных нравов. Появлялись «варианты» бульварного характера с большой долей эротики. В художественном отношении они не сопоставимы с оригиналом. Сам же

оригинал издавался неоднократно, переписывался от руки, любители платили за него громадные деньги. Молодежь особенно зачитывалась романом, стремилась подражать его героям. Находились молодые люди, которые под впечатлением от прочитанного кончали жизнь самоубийством. В конце XIX – начале XX века, когда были сильны антиманьчжурские и бунтарские веяния, «Сон...» воспринимался как острый социальный роман. Изучению его отдали дань многие выдающиеся литераторы и литературоведы: Лу Синь, Ху Ши, Чэнь Дусю, Мао Дунь, Юй Пинбо и другие. Роман тщательно исследовался как образец высокохудожественного литературного стиля. И по сей день его считают эталоном языкового богатства, художественной образности, литературного вкуса и стиля. На базе языка произведения пишутся книги по грамматике, стилистике, фразеологии современного китайского языка. Литературоведы и лингвисты всесторонне изучают его словарь и образную структуру, которая, в частности, замечательно раскрывается в его поэтической части.

В Китае действует Общество по изучению «Хунлоумэн», которое выпускает книги, брошюры, словари, исследования. Несколько раз в году выходят специализированные издания, сборники и журналы, материалы которых посвящены разным аспектам изучения романа, даже самым мельчайшим фактам. Произведение неоднократно инсценировалось. В конце восьмидесятых годов нашего века снят большой (из двадцати шести серий) телесериал, в котором воспроизводятся основные эпизоды романа.

«Сон...» хорошо известен за рубежом. Он переводился (и переводится) на все основные иностранные языки. Ныне в некоторых странах (в Англии, Франции) опубликованы новые, более точные и полные переводы романа. Полный перевод его на русский язык появился еще в пятидесятых годах. В настоящее издание книги внесены значительные изменения, а стихотворная часть сделана заново. Многие места прозаического и поэтического текста уточнены в соответствии с комментариями последних китайских изданий. Читателям предстоит новая встреча с выдающимся памятником китайской классической прозы.

И. Голубев, Г. Ярославцев

О стихах в романе «Сон в красном тереме»

Погрузившись в художественные глубины пространного повествования, каковым является «Сон в красном тереме», читатель неизбежно приобщается к поэтическому богатству этого произведения и с первых же глав убеждается в том, что феномен Цао Сюэциня – это удивительно органичное соединение таланта выдающегося прозаика с талантом проникновенного поэта – философа и лирика. Поражает бесконечное количество красок, тонов и полутонов его поэтической палитры, великое многообразие стихотворных жанров, стилей и форм, тесно увязанных с языком прозы. Стихи в романе – это всегда убедительные психологические характеристики его персонажей, это патетика, образность, мудрость, афористичное выражение авторской мысли или народных речений, изящная филологическая игра; это подражания «древним образцам», тонкие заимствования эрудита, знатока классической словесности, поэтические фиоритуры мастера, содержащие то таинственное предсказание, то тревожащий душу намек; строфы и строки, в которых отдельные иероглифы или их составные части раскрывают перед образованным читателем, кому и по какому случаю они адресованы.

Значительная часть стихотворений, вошедших в роман, написана в форме ши – «регулярным» стихом с правильно чередующейся рифмой, пятисловной или семисловной строкой с цезурой соответственно после второго или четвертого слова. Стихам этим свойственна музыкальная четкость и лаконичность. Широко представлена поэзия романсового звучания – пейзажная или интимная лирика в жанре цы; неоднократно встречаются песни, похожие по форме на арии цюй из классической драмы, другие стихи песенного склада – гэ, баллады – яо. Исполнены торжественности строфы-восхваления – цзань, эпитафии – лэй. Поэт знакомит нас с духовными гимнами, похожими на заклинания, – цзи, дает пространственные образцы официальных посланий, написанных в форме велеречивых прозопоэтических повествований лирико-философского толка – фу. Наряду с крупными поэт прибегает к малым стихотворным формам. Это и надписи у входов в храмы, на воротах постоялых дворов, на арках, стенах беседок и павильонов, называемые лянъэ; изречения и девизы, написанные, как правило, рукой искусного каллиграфа – шуци; стихи-

загадки – дэнни, застольные экспромты – цзю-лин; парные надписи из двух или четырех строк, также имеющие характер афоризмов, поучений, девизов – их называют пняньвэнь. Поэтические подражания изящным образцам древности – песням, одам или гимнам «Книги песен» («Шицзин», XI—VII вв. до н.э.), стихам Цюй Юаня (340– 278 гг. до н.э.), Сун Юя (IV – III вв. до н.э.), Цао Чжи (192—232), Тао Юаньмина (365—427), поэтам времен Танской (VII – X вв.) и Сунской (X – XIII вв.) династий – почитались как доказательства высокого поэтического мастерства и образованности, всячески поощрялись и назывались ни гувэнь. В романе эти подражания довольно часты и всегда узнаваемы для начитанных знатоков, какими были сам Цао и его литературное окружение.

Таким образом, в одном романе органично сосуществуют стихотворные формы и стили, весьма различные по времени их возникновения в литературе. Автор этого каскада предстает не только как выдающийся писатель и изощренный стилист, не только как художник, являющий нам энциклопедическую полноту поэтических красок, но и как высокоученый филолог, в совершенстве постигший широту и глубину классической поэтики Китая.

Из послесловия к роману читателю известны перипетии жизни Цао, получившего воспитание в богатой и знатной семье в Пекине, а после ее разорения обретшего уединенный приют в Деревне Желтых листьев к западу от столицы, в горах Сяншань. Там в тишине и уединении прожил Сюэцинъ последние десять или пятнадцать лет своей жизни, отдавшись писательскому творчеству, поэзии, живописи. Бедность его существования щедро вознаграждалась вниманием друзей и почитателей. Со времен учебы в казенном училище сохранили с ним дружбу братья-литераторы Дуньчэн (1733—1791) и Дуньмин (1729 – 1796). Выходцы из императорского рода Айсиньгиоро, они часто навещали убогое жилище Цао, принимали близко к сердцу нужду поэта, воспевали в стихах его талант, стойкость, трудолюбие. Так, Дуньчэн в стихотворении «Выражаю беспокойство о Цао Сюэцине» высоко оценил в нем смелого новатора, подобно танскому поэту Ли Хэ из Чангу ломающего отжившие догмы:

Люблю господина: его вдохновенная кисть,
Рождая стихи, чудодейственной силы полна!

Вослед за поэтом, известным как житель Чангу,
Он рушит заслоны, мешавшие прежде творить^[1].

Однако «рушить заслоны» старых предрассудков и строгих запретов было совсем не легко и не просто. В годы, когда творил Цао, императорская цензура зорко следила за вольнодумцами. Поэтому и в его стихах к роману мы сталкиваемся с множественными иносказаниями, околичностями, намеками.

Среди близких друзей писателя в период его уединения в горах Сяншань были поэты, художники, каллиграфы – Сю Янь, Чжоу Лиян, Пу Вэн, Ло Цзечан, Фу Чжай, Мин Иань, И Моу. Когда гости из Пекина приезжали в горную деревушку, время шло за нескончаемыми беседами о поэзии и живописи, за веселыми застольями, неотъемлемой частью которых была игра в буриме. Но и в разлуке друзья не забывали Цао, часто обменивались с ним стихотворными посланиями. Однако о главном труде его жизни, о романе «Сон в красном тереме», содержание которого далеко выходило за рамки дозволенного, а многообразие форм не подчинялось каким-либо ограничениям, знали далеко не многие. Чьих-либо письменных упоминаний о нем при жизни поэта не сохранилось.

Только после смерти Цао Сюэциня его творение вырывается за пределы сяншаньского жилища, доходит до столицы, и название его – «Хунлоумэн» – еще с оглядкой, но произносят уже вслух некоторые покровители изящной словесности из императорского окружения. Поэты второй половины XVIII века Чжан Ицюань, Юн Чжун, Мин И тепло вспоминают о Цао, скорбят о его безвременной кончине, восторженно отзываются о романе, признают обаяние вошедших в него стихотворений. С тех пор и до сего дня произведение в целом и неотделимая от прозы его поэтическая часть находятся в центре неослабевающего внимания исследователей.

Уже в наши дни критик Цай Ицзянь отмечает, что стихам в романе отводится небывалая роль. И в «Троецарствии» («Сань го»), и в «Речных заводах» («Шуйху»), и в «Путешествии на Запад» («Сию цзи») тоже есть стихи, вложенные в уста персонажей или связанные с описываемыми событиями, однако они не столь значимы, ибо никак не влияют на развитие сюжета, не являются неотъемлемой частью общего композиционного замысла. Стихи можно и пропустить при чтении этих произведений. Однако, читая «Сон...», «ни в коем случае не следует пренебрегать стихами, ибо тогда не будут понятны те или иные моменты прозы». Китайский литературовед приводит в пример стихи из цикла «Дополнительная книга к судьбам двенадцати головных шпилек из Цзиньлина» (см. гл. пятую): «Если их не прочесть или, подобно Баюю, прочесть, но не уразуметь, полагая, что это „не интересно“, то мы пойдем

лишь, что речь идет о смутном сне Баоюя, и, таким образом, сами погрузим себя в смутный сон».

А вот строки первого стихотворения из упомянутого цикла:

Луну не просто встретить в непогоду,
Куда как проще тучам разойтись...

Китайскому читателю, чтобы проникнуть в сложную символику этих строк, надобно знать, что речь здесь идет о «луне в чистом и свежем небе» («вэнь»), о разноцветных «тучках, расходящихся после дождя» («цин»). Только правильно назвав составные части этой своеобразной шарады, догадливый, вернее, достаточно образованный читатель поймет, что речь в стихах идет о Цинвэнь – девушке с чистой, беспорочной душой, девушке, которую хотели превратить в рабыню. Здесь надобно расслышать стихотворное предсказание о трагической судьбе Цинвэнь, об угрызениях совести, которые суждено будет испытать Баоюю.

Как видим, даже искушенному китайскому читателю нелегко подчас уловить тайный смысл иных стихов в романе без специальных филологических знаний. Что же делать иноязычному читателю, не владеющему языком подлинника, не имеющему представления ни об особой, филологической, образности, ни о специфической символике, столь употребимых в китайской поэзии? Читателю русского перевода предлагается в таких случаях за книжный толковник в конце каждого из трех томов романа, раскрывающий, как правило, смысл сложной образности, но не пути ее возникновения. То есть комментаторы и редакторы при подготовке издания, предназначенного массовому читателю, предлагают вариант прочтения сложного текста и лаконичное примечание к нему, избегая подробных экскурсов в историю и филологию. В будущих, прежде всего научных, изданиях романа филологи, возможно, предложат глубинные изыскания там, где мы вынуждены были ограничиться общими понятиями.

В той же пятой главе повествования Цао помещает еще один цикл из шестнадцати стихотворений на тему «Сон в красном тереме». И в этих стихах, как в стихах из цикла «Дополнительные списки...», предсказываются судьбы двенадцати девушек, Баоюя и некоторых других персонажей. Здесь в сложном иносказании формулируется тема романа:

«Сна в красном тереме» мотивы

Пусть прозвучат на этот раз,
Чтобы о золоте печали
Печалям вашим отвечали
И яшмы жалобы могли бы
Всю правду донести до вас!

Автор считает наиболее важным поведать «о золоте печали» – судьбе Баочай, и об участии «яшмы» – Дайюй, о чем следует догадаться по значению употребленных здесь иероглифов. Далее в стихах предсказаны судьбы других персонажей, например Таньчунь, сестры Баюя, которой предстоит расставание с родимым домом («Отторгнута родная кровь»); сделан намек на будущее Ши Сяньюнь, которую ожидает удачное замужество, но, увы, мимолетное счастье («Скорбь среди веселья»); обличается распутный муж Инчунь – Сунь Шаоцзу и его «жажда временных усад» («Когда любят коварного...»); провидчески обнажается сущность характера Ван Сифэн (Фэнцзе), ревностной блюстительницы семейного консерватизма, которую на склоне короткой жизни «закрутили житейские вихри» («Бремя разума»). Характеристиками персонажей, намеками на их грядущее, как видим, являются и названия посвященных им стихотворений.

Все повествование о семье Цзя, особенно его первые восемьдесят глав, глубоко поэтично. «Сама жизнь Баюя и Дайюй, – пишет современный критик Сяо Ма, – являет преисполненную трагизма лирическую поэзию, и надо было обладать кистью подлинного поэта, чтобы отразить неподдельную красоту их жизни»^[2]. Уже это обстоятельство определяет, сколь важна в произведении роль частых стихотворных отступлений. Меняется, пестрит многообразием красок пейзаж, описание которого неизменно сопутствует различным событиям в семье, причудам романного сюжета. «Молодые аристократы из сада Роскошных зрелищ, – пишет Сяо Ма, – были и талантливыми поэтами, их души устремлялись в мир поэзии. Стихи раскрывают их чувства, углубляют наше представление о человеческой сущности этих людей»^[3]. Пейзаж влияет на чувства обитателей Сада, в богатствах его ищут они отклик своим настроениям, стихи героев – богатейшая форма и содержание этого отклика.

В этой связи обращают на себя внимание стихи романсового звучания (цы) Дайюй о похоронах цветов (гл. двадцать седьмая). Девушка собрала опавшие лепестки, похоронила их в земле и обратилась к ним с песней об иллюзорности радужных надежд, о мимолетности цветения,

неотвратимости злого рока, увядания. Героиня выразила здесь грустные предчувствия о краткости ее собственной жизни.

Изящные и символические стихи о цветах также объединены в поэтические циклы. Обитатели сада Роскошных зрелищ на стихотворческих играх-состязаниях по очереди воспевают, скажем, белую осеннюю бегонию, причем каждый раскрывает образ ее по-своему, созвучно волнующим его сокровенным думам. Цао-поэт ставит перед собой и достойно решает яркую художественную задачу: поэтические импровизации героев на заданную тему призваны дополнить их же собственные портреты, наделить персонажи индивидуальной психологией, живыми характерами (у каждого – своя бегония).

Во многих стихотворениях автор обращается к истории, называет имена древних императоров, полководцев, знаменитых поэтов, красавиц, героев и злодеев минувших времен. В чем смысл этих экскурсов в прошлое?

Для поэтов древнего и средневекового Китая прошлое было излюбленным нравственным пособием в назидание себе, своим современникам и людям будущего. «Древнее» представлялось им чем-то вроде учебника жизни, в котором поэт всегда мог найти подтверждение благородной мысли. «Древность для китайского поэта всегда источник благородных дум и устремлений; мысленно общаясь с ушедшими (которые лучше нынешних!), он как бы испытывает духовное просветление... Нет тех людей, и рассыпались камни дворцов, но остается „чистый аромат“; впитывая его своим сердцем, поэт как бы восстанавливает прерванную связь времен. Вообще в строки старых китайских мастеров надо вслушиваться очень внимательно – время неумолчно пульсирует в них, пусть и едва слышимое порой за кажущейся безмятежностью и даже идилличностью стиха»^[4].

Стихи Цао Сюэциня – яркое тому подтверждение. В поэтическом цикле «Вспоминаю...» (гл. пятьдесят первая) в первом стихотворении – «Вспоминаю о прошлом Красных стен» – на историческом примере доказывается, что упоение славой одного человека, каким бы он ни считался великим, может оказаться причиной несчастья многих людей. Таким был могущественный гегемон Цао Цао (III в.), потерпевший, однако, позорное поражение от полководца Чжоу Лэна. Поверив ложному предсказанию бури, Цао Цао скрепил суда своего флота единой цепью. Противник, воспользовавшись этим, поджег один из кораблей. В результате сгорел весь флот. Сунский поэт Су Ши, порицая Цао Цао, горестно восклицает по этому поводу в поэме (фу) «Красные стены»: «Был героем

он в жизни своей, // А теперь где обитель его?»

Почему Цао Сюэцинь начинает «исторический» стихотворный цикл именно с этого воспоминания? Возможно, автор намекает на зыбкость славы знатного и могущественного дома Нинго: ведь и его после возвышения и расцвета ожидает крах, а обитателей дворцов – несчастья. Отсюда и примечательная фраза: «Сверкали зря на флагах имена, – / / Былая слава превратилась в тлен!»

В последующих стихотворениях приводятся примеры опрометчивости или несостоятельности отдельных исторических личностей. Так, во втором – «Вспоминаю о прошлом Цзяочжи» – говорится о несправедливом умалении заслуг полководца Ма Юаня; в третьем – «Вспоминаю о прошлом гор Чжуншань» – обличается Чжоу Юнь, променявший жизнь праведника на высокое положение столичного чиновника; в четвертом – «Вспоминаю о прошлом Хуайиня», – в назидание жестокосердным, наоборот, одобряется поступок полководца Хань Сина, не забывшего отблагодарить простую прачку, сделавшую ему добро в дни, когда он бедствовал; в пятом – «Вспоминаю о прошлом Гуанлина» – говорится о деяниях суйского императора Ян-ди, соорудившего канал и величественную дамбу, окруженную садами, павильонами, дворцами (не намек ли это на сад Роскошных зрелищ?), чем вызвал недовольство простых тружеников, терпевших по его прихоти многие бедствия; в шестом – «Вспоминаю о прошлом Таоеду» – на примере сановника Ван Сяньчжи и наложницы Тао Е показывается, что знатность и богатство вовсе не главное условие личного счастья; в седьмом – «Вспоминаю о прошлом Темной обители» – описывается могила красавицы Ван Чжаоцзюнь, оклеветанной знатью при дворе императора; в восьмом – «Вспоминаю о прошлом горы Мавэй» – выражается сожаление о казненной красавице Ян-гуифэй, любимой жене танского императора Сюань-цзуна; в последнем – «Вспоминаю о прошлом храма Пудунсы» – оправдывается служанка Хуннян, которую сочли «порочной» только за то, что она помогла встречаться любящим друг друга Инъин и Чжан Гуаню...

В шестьдесят четвертой главе опять-таки с назидательной целью приводятся стихи-наброски портретов древних красавиц – Си Ши, Юй Цзи, Мин Фэй, Люй Чжу, Хун Фу: воспеваются их верная любовь, незаурядность и простота характеров, самоотверженность и решительность в поступках. В чем замысел автора? Видимо, в том, чтобы противопоставить представление о них консервативным феодальным взглядам на женскую красоту и свободолюбие. Читаем в романе слова Баочай: «...Женщины прежде всего должны быть честными и скромными, а еще – искусными в

рукоделии. Что касается стихов, то это просто развлечение, и лучше ими не заниматься! Да и вообще нам, девушкам из знатной семьи, незачем стремиться слыть умными и талантливыми».

Прочитав стихи Дайюй о красавицах, Баоюй «принялся без умолку расхваливать их: „Сестрица написала пять стихотворений, – рассуждал он. – Почему не дать им общее название: „Плач о пяти знаменитых красавицах“? Не слушая возражений, он взял кисть и записал это название на оборотной стороне листков со стихами“.

Кажется, устами Баочай и Баоюя уже дан ответ на вопрос об авторском замысле. Можно лишь добавить, что нет в романе стихов, которые не несли бы в себе эмоционального заряда или важной для автора смысловой нагрузки. Каждая строка призвана углубить художественный образ или высветлить мысль писателя. Вот почему поэтическая часть его произведения, которую с восторгом воспринимают китайские читатели в подлиннике, не допускает пренебрежительного к себе отношения как якобы необязательная или второстепенная. Напротив, только благосклонное внимание к ней со стороны читающих в переводе выявит для них все достоинства романа, на что выражают надежду те, кто готовил новую встречу русскоязычных читателей с этим великим произведением.

Иллюстрации

Цзинь Юаньян

Фея Цзинхуань

Сюэ Баоцинъ

Ли Ци и Ли Вэнь

Фангуань

Цзя Лань

Сижэнь

Цзян Юйхань

Чуньянь и Уэр

Примечания

Цао Мэндэ (Цао Цао) – поэт и полководец эпохи Троецарствия (II —III вв.).

Цзян Тайгун – один из советников чжоуского государя Вэнь-вана (XII в. до н.э.). Любил удить рыбу на пустой крючок. Люди шутили, что на этот крючок попадется лишь та рыба, которая сама желает быть пойманной.

Приказ парчовых одежд – тайная императорская полиция при династии Мин. Позднее, при династии Цин, это название употреблялось как образное обозначение ведомства юстиции.

«*Великое учение*» («Тайсюэ»), «*Учение о середине*» («Чжунъюн») – названия книг, входящих в конфуцианский канон.

Чжоу Бо. – один из сановников основателя Ханьской династии Гао-цзу (*Лю Бана*), оказывавший на императора большое влияние.

Золотой отрок и яшмовая дева – по преданию, слуги богини Гуаньинь.

Ши Куан – знаменитый музыкант, живший в княжестве Цзинь в эпоху Чуньцю (722—481 гг. до н.э.).

Ши Сян – музыкант из княжества Лу, современник Конфуция (551—479 гг. до н.э.).

...окажусь «быком»... – Намек на поговорку «Не играй на цине перед быком».

...Рычание тигра, песий лай... – Баочай имеет в виду брань жены старшего брата Ся Цзиньгуй.

...Ветра шквал... ливень в непогоду... – Образы из стихотворения танского поэта Лю Цзунъюаня «Поднимаясь на городскую стену города Лючжоу...», в котором есть строки:

Ветра шквал разбросал небрежно
Листья лотоса на воде,

И смоковницу дождь жестокий
Исхлестал и прибил к стене.

Серебряный в небе бледнеет поток... – Имеется в виду Млечный Путь.

...А чайник затих и вот-вот опустеет... – Иносказание со смыслом: ночь уже на исходе, и скоро будет рассвет.

«*Мосты Двадцати четырех*» – название мостов в провинции Цзянсу, где в древности двадцать четыре знаменитые красавицы играли на флейтах.

...времен *Шести династий*... – То есть династий, правивших в Китае с конца III по VI в. (Лючао).

Хоучжу (Ли Хоучжу или Ли Юй) – правитель владения Южная Тан (937 – 975 гг.), выдающийся поэт.

...железные лошадки под стрехой. – Как гласит предание, однажды император Юань-ди (48—33 гг. до н.э.) увидел на берегу пруда бамбук. Вспомнив, что его жена не может уснуть, не слыша шелеста бамбука, он велел сделать из яшмы фигурки драконов и повесить их под стрехой покоев, где жила императрица. Когда дул ветер, фигурки ударялись друг о друга, и звук ударов напоминал шелест бамбука. Впоследствии это стало обычаем, но подвешивали фигурки лошадей, сделанные из металла, поскольку дракона отождествляли с императором, и никто не имел права держать у себя его изображение.

...«С жалостью гляжу на орхидею», «Думаю о мудреце»... – В данном случае речь идет о Конфуции, которому приписывается авторство песни «С жалостью гляжу на орхидею». Как гласит предание, Конфуций одно время странствовал из княжества в княжество, желая поступить на службу к какому-нибудь князю. Направляясь вдоль ущелья из княжества Бэй в княжество Лу, он увидел одиноко растущую орхидею и со вздохом сказал: «Орхидея своим благоуханьем достойна услаждать вана, а растет она здесь, среди простых трав. Так и мудрец, – если время его не пришло, вынужден жить в окружении невежественных людей». Он остановил свою повозку и сочинил песню об орхидее.

Жены древности! Вы могли бы // Мне помочь уйти от забот? – Китайский комментатор считает, что строки эти созвучны строкам из стихотворения «Одежда зеленого цвета» («Книга песен», «Нравы царств». Песни царства Бэй).

...Но с луною сравнятся разве // Человеческие сердца? – Эти слова написаны в подражание строкам из стихотворения Цао Цао:

Яркий свет —
Такой, как у луны, —
Может быть,
Когда-нибудь погаснет?
Цепь страданий,
Свойственная нам,
Не прервется, —
То не в нашей власти.

Уж если великая сила миров... – Имеется в виду учение Будды.

...Назад, в пустоту, совершит поворот!.. – Согласно чань-буддизму, вещам и явлениям не присуще тление: пустота порождает все сущее, а все сущее возвращается в пустоту.

Кун Юн и *Ван Цзисинь* – знаменитые шашисты, первый из которых жил в эпоху Троецарствия, второй – при династии Тан.

«Алмазная сутра» («Цзиньганцзин»), «Книга сущности» («Синьцзин») – названия древних буддийских сутр.

...Когда б на запад возвращенья // Навеки избежал поток? – Образ воды, устремленной к востоку, в поэзии олицетворял расцвет жизни; к западу – закат, уход из жизни.

...Но нет травы чудесной тут! – В притче из книги жившего в ханьскую эпоху писателя Го Сяня «Записки о бездне Дунлин» рассказывается: ханьский император У-ди тосковал по рано умершей жене по имени Ли и мечтал хотя бы представить в воображении ее облик; придворный мудрец Дунфан Шо преподнес ему стебель чудо-травы, сказав, чтобы на ночь он положил его за пазуху, ближе к сердцу; во сне Ли явилась к нему, как наяву.

Мягкий изумруд. – Баоюй видит в небе отливающее бирюзой облако и вспоминает, как во время болезни Цинвэнь штопала халат, украшенный золотым узором с изображением канарейки.

Создатели древние «книг о бамбуке»... – Имеются в виду древние книги о том, как пользоваться листвой бамбука для написания иероглифов. В книгах говорилось, что для этой цели следует счистить с бамбукового листа зеленое наслоение. Позднее под «книгами» (или «историческими трактатами») о бамбуке стали подразумевать «историю» в широком смысле.

Ли Лунмянь (Ли Гунлинь) – знаменитый художник VIII в.

Древо из нефрита – то есть красивое, стройное дерево. В стихотворении танского поэта Ду Фу «За вином пою о восьмерых святых» есть строки:

Беспечный в юности прекрасной,
Смотрел я, кубок поднимая,
На небосвод ненастный, —
Подобно древу из нефрита,
Всем ветрам неподвластный...

На шею тигра кто повесил, // Тот сам и снимет колокольчик. – В трактате «О ближайших лунах» («Чжюэлу») писатель минской эпохи Цюй Жуцзи приводит притчу о монахе Фа Дэне. У того был крутой нрав, поэтому люди его недолюбливали. С уважением к нему относился лишь проповедник Фа Ян. Однажды Фа Ян, обратившись к людям, спросил: «Кто может снять подвешенный к шее тигра золотой колокольчик?» Никто не ответил на этот вопрос. Тогда об этом же Фа Ян спросил Фа Дэна, и тот ответил: «Кто надел, тот и снимет!» Этот ответ с течением времени стал крылатой фразой.

И дракон, потерявший воду, // Уподобится рыбе сухой. – В классическом трактате «Чжуанцзы» есть притча о «дальней воде». Если вода далеко, рассказывается в ней, она не спасет жаждущего, а пока она будет течь издалека, живая рыба может превратиться в сухую – такую же, что продают в продуктовых лавках.

Лист ивы, к грязи прилипший, – // Вот мое бездомное сердце! – Когда сунский поэт Су Ши был в округе Сюйчжоу, даосский проповедник Цань Ляо прибыл из Ханчжоу навестить его. Устроив застолье с вином, Су Ши задумал подшутить над старым монахом и пригласил гетеру с тем, чтобы та завела с ним разговор о поэзии. Тогда Цань Ляо экспромтом сочинил стихотворение и прочитал его:

Спасибо прекрасной деве,
Развевшей все заботы,
В мыслях своих представил
Себя я на царском месте!
Но бездомное сердце —
Как лист, что упал в болото, —
Могу ль при восточном ветре
Сейчас веселиться вместе?

(Су Ши, «Откровения рыбака с берегов реки Тяоси».)

Песней о куропатке // Не будите весенний ветер! – Путники родом с юга, слыша песню на мотив «Небо для куропатки» – «Чжэгутянь», популярную в эпоху Тан, с грустью вспоминали на чужбине о родных краях. Это дало повод поэту Чжэн Гу сочинить такие строки:

Если среди сидящих
Пришелец найдется с юга,
Песней о куропатке
Не будите весенний ветер!

Слова «не будите весенний ветер» значат также – «не пробуждайте воспоминаний о днях молодости и любви».

Цзян-хоу – жена чжоуского князя Сюань-вана (830– 780 гг. до н.э.), славилась мудростью и добродетелями; в знак протеста против пиров и развлечений, которыми увлекался ее муж, Цзян-хоу распустила волосы и при помощи своей матери пыталась воздействовать на князя. Настойчивость ее облагородила мужа, он отказался от забав и занялся государственной деятельностью.

У Янь – жена цинского князя Сюань-вана. Была безобразна и до сорока лет не выходила замуж. Сама явилась к Сюань-вану, и тот, пораженный умом У Янь, взял ее в жены. Она помогла Сюань-вану навести порядок во владениях и укрепить княжество.

Цао Дагу (она же – Бань Чжао, I – II вв.) – жена просвещенного господина Цао Шишу, сестра знаменитого историка Бань Гу, автора книги «История династии Ранняя Хань». Отличалась ученостью и разнообразными талантами.

Бань Цзеюй – знаменитая поэтесса, бывшая фавориткой ханьского императора Чэн-ди (32—8 гг. до н.э.).

Цай Вэньци – поэтесса (III в.), которая в молодости была отдана в наложницы в страну гуннов. После того как до полководца Цао Цао дошли песни, сочиненные ею в неволе, она была выкуплена из плена.

Се Даюнь – поэтесса (IV в.). Она впервые ввела в поэзию образ, в котором падающий снег сравнивается с летящими ивовыми пушинками.

Бао Сюань – известный ученый и государственный деятель (I в. до н.э. – I в. н.э.).

Тао Кань – ученый (IV в.), прославившийся добродетелями и сыновьим послушанием.

Лэ Чан – жена придворного сановника Сюй Дзяня. Когда приближалось падение династии Чэнь (VI в.), Лэ Чан, понимая, что ей придется разлучиться с мужем, разбила пополам зеркало, одну половину его отдала мужу, другую оставила себе, надеясь, что впоследствии, когда настанут спокойные времена, они, показав половинки когда-то разбитого зеркала, сумеют признать друг друга. Когда династия Чэнь пала, Лэ Чан была продана сановнику Ян Су. Через некоторое время Сюй Дзянь приехал в столицу и случайно увидел на базаре человека, продававшего половину зеркала. Это помогло ему узнать, где находится Лэ Чан. Он сочинил стихи «О разбитом зеркале» и передал их жене. Лэ Чан, испытывавшая в это время страдания в разлуке с мужем, потеряла вкус к пище. Узнав об этом, Ян Су пригласил к себе Сюй Дзяня и возвратил ему жену.

Су Хуэй – поэтесса (III в.), виртуозно владевшая искусством стихосложения.

Му Лань – девушка, вступившая в армию вместо своего отца и отличившаяся храбростью в боях (VII в.).

Госпожа Цао – жена высокопоставленного придворного сановника (III в.). После смерти мужа родственники пытались выдать ее замуж вторично. Но госпожа Цао изуродовала себе лицо, чтобы никто не захотел на ней жениться.

Фань Су – служанка и наложница танского поэта Бо Цзюйи (772—846), прославившаяся как певица. *Сяо Мань* – знаменитая танцовщица, наложница Бо Цзюйи.

...со времен Дайшаня и Дайхуа. – То есть со времен пращуров рода Цзя.

Шилан – должность чиновника при императорском дворе.

Уже ударили в доску... – Ударами в доску возвещалось начало «ночных страж» – то есть семь часов вечера.

Бо – одна из степеней княжеского достоинства.

...куньшаньские напевы сменялись... иянскими... – Названия древних напевов по месту их зарождения.

Мысль опять влечет к старой дружбе... – Письмо, как это было положено при обращении к важным лицам, написано высокопарным стилем (гуаньфу), в определенном ритмическом строе. Комментатор Цай Ицзянь относит этот текст к жанру прозопозэтического повествования.

«Любишь дом – и ворона на доме // Не останется без вниманья». – В древней книге «Шаншу» есть изречение: «Тот, кто любит человека, – любит и ворону на крыше его дома».

«Ракушка» и «запад», «трав» и «топор»... – Сочетание знаков-элементов, имеющих значение «запад» и «ракушка», составляет иероглиф «цзя»; сочетание элементов «трав» и «топор» составляет иероглиф «цинъ». Эти четыре элемента, таким образом, входят в иероглифы, означающие имя Цзя Цинъ.

...Когда к Ковшу подходит солнце, // Ее, как сливу, ждет расцвет! –
Слива (мэйхуа) зацветает первой на пороге весны, когда солнце поднимается в небе до уровня Ковша.

Цзя Баоюй *распознал «цзя баоюй»...* – Игра слов: имя Цзя Баоюй по-китайски звучит так же, как слова «фальшивая яшма».

Бэйман – название древнего кладбища в окрестностях города Лояна.

...нет душ... – По старым китайским поверьям, у каждого человека есть две души: хунь – душа разума и по – душа тела; после смерти человека хунь улетает на небеса, а по – погибает.

...согласились мы следовать старой традиции Чэнов и Чжу... – В стихотворении сунского поэта Су Ши «Деревня Чжу и Чэнов» – «Чжучэнцунь» – есть строки:

Деревня есть в уезде Гуфэнсянь...
О ней давно разносится молва.
Деревню называют Чжучэнцунь —
Весомый смысл в таком названье есть:
Семейство Чжу с семейством Чэн роднит
Исконная традиция родства,
И женихи фамилии одной
Находят из другой своих невест!

Здесь речь идет о давнем решении Цзя Чжэна выдать Таньчунь замуж за сына Чжоу Чуна.

...вторя ласточкам, Вас поздравляю с обителью новой! – Образ заимствован из главы «Поучения» («Шолинчуань») классического повествования «Хуайнаньцзы». Так нижестоящие чиновники поздравляли вышестоящих с повышением по службе. В «Хуайнаньцзы» сказано: «Дворец воздвигнут, и ласточки наперебой вас поздравляют!»

...даже соседство шатра боевого вселяет отраду... – Чжоу Чун принадлежал к военной знати, поэтому ему импонировала эта фраза из «Жизнеописания Сыма Гуана» («История династии Сун»).

...между нами бездонный лежит океан... Удостоюсь от Вас я принять благодатную тень... – Церемонные, самоуничижительные фразы, подчеркивающие сознание пишущим превосходства своего адресата.

Цыши – чиновничья должность.

...из кумирни *Осыпающей цветами*. – «Осыпающей цветами» буддисты называют одну из дев-небожительниц. Согласно буддийским проповедям, – когда дева осыпает цветами праведников, цветы к ним не пристаю́т, а падают на землю; когда же она осыпает цветами учеников этих праведников, цветы пристаю́т к ним. По этому поводу дева-небожительница сказала, что ученики праведников еще не освободились от своей привязанности к человеческому миру, поэтому не могут быть в числе праведников.

...Двадцать лет миновало, // Как рассталась с родной стороной. — С тех пор как Фэнцзе покинула родной дом в Нанкине, прошло двадцать лет.

Будут свадьба и счастье! – Здесь либо предсказывается дальнейшая судьба Цзя Ляна, либо предопределяется замужество Цяоцзе.

...определил... простуду и на ее почве боли в желудке... – Согласно теории старой китайской медицины, болезнь, вызванная простудой, совершает в теле больного определенный цикл развития, переходя от одних органов к другим. На третий день цикла болезнь переходит в область пищевода и желчного пузыря. Больной должен выздороветь на седьмой день. Если его состояние к этому времени не улучшалось, делалось заключение, что причина болезни не в простуде.

Тай-и – название звезды и имя небесного духа – властителя востока (Дун-хуана). *Хунь-юань* – первозданный хаос, господствовавший до сотворения мира. *Шан-цин* – верховное божество даосов, владыка неба.

Плеть с рукояткой из персикового дерева. – По старым китайским поверьям, персиковое дерево обладает способностью отгонять нечистую силу.

«*Четыре седовласых старца с гор Шаншань*» – мудрецы, которые, спасаясь от смут во времена династии Цинь (III в. до н.э.), бежали в горы Шаншань.

«Лю и Юань уходят к вершинам Тяньтай». – В одной из древних легенд рассказывается, как Лю Чэн и Юань Чжао отправились в горы Тяньтай собирать лекарственные травы и дошли до Персикового источника. Там их встретили две женщины, увели в пещеру и услаждали яствами, пением и вином. Когда друзья вернулись домой, оказалось, что сменилось несколько поколений с тех пор, как они покинули родные места.

...укрыться сумеет от Цинь... – В балладе поэта Тао Юаньмина (III—IV вв.) «Персиковый источник» рассказывается о людях, скрывшихся в обетованном крае Персикового источника от смут, охвативших страну в конце династии Чжоу (III в. до н.э.). Спустя много времени случайно попавший к ним человеке удивлением узнал, что этим людям совершенно неизвестно о событиях в стране за несколько сот лет, минувших со времени их ухода.

Чжан Чан – сановник ханьского императора Сюань-ди (73—48 гг. до н.э.), прославившийся тем, что красил брови, как женщина.

...положив на свое место бирку... – Во время застольных игр каждый из играющих получал бирку, и если он откладывал ее, это означало, что он временно выходит из игры.

...«силы двойки и пятерки» слились... – Так в древней китайской космогонии назывались две противоположные силы природы: «инь» (мрак) – женское начало и «ян» (свет) – мужское начало.

...«шпилька золотая в снегу под сугробом лежит». – Шпилька золотая (баочай) звучит одинаково с именем Баочай, а снег (сюэ) – с ее фамилией.

«Крылатые кубки» – кубки для вина, имевшие форму летящих птиц.

...Чтоб луну напоить допьяна... – Стихотворению великого поэта Танской эпохи Ли Во «Весенней ночью пируем в саду персиков и груш» предпосланы следующие вступительные строки:

На циновке, украшенной яшмой,
Восседаем, пируя в цветах.

Пусть взлетают крылатые кубки,
Чтоб луну напоить допьяна.

...*Увлажнились цветы на корице...* – В стихотворении танского поэта Ван Цзяня «Ночью на пятнадцатый день, любуясь луной, посылаю Дуланчжуну» есть строки:

Во дворе побелела земля,
На деревьях вороны сидят,
И в безмолвье холодной росой
Увлажнились цветы на корице.

...Струясь, вознесся выше облаков... – В стихотворении танского поэта Сун Чживэня «Храм таинств души» – «Линъиньсы» – есть строки:

С корицы ветка, оборвавшись вдруг,
Упала прямо посреди луны,
И в тот же миг небесный аромат,
Струясь, вознесся выше облаков.

«Я думал, стена настоящая, а она фальшивая». – Эта фраза и следующая за ней реплика Цзя Цяна («Я тебя не обижал, а ты меня черепахой обзываешь») становятся понятными, если раскрыть сложную игру слов: фальшивая стена (по-китайски цзяцянь) звучит так же, как имя Цзя Цян; кроме того, «цзя» звучит и как «панцирь», первый слог в слове черепаха (цзяюй). В китайском обиходе черепаха – бранное слово.

«*Осенняя вода*» – название сочинения древнего философа Чжуан-цзы, в котором содержатся рассуждения о происхождении и свойствах вещей.

«*Цаньтунци*» – священная книга, в первой части которой говорится о способах приготовления пилюль бессмертия, во второй – излагаются принципы буддийского учения; «*Юаньминбао*» – гадательная книга, написанная в ханьскую эпоху и впоследствии чтимая даосами как «святое писание»; «*Удэнхуэйюань*» – одна из священных книг буддистов. В ней описываются различные течения буддийской веры.

...В словах из «внутренних канонов»... – Имеются в виду истинно буддийские каноны, противопоставлявшиеся «внешним», еретическим.

Напутствия о «золотых камнях»... – То есть о «каменьях», имеющих, по даосским представлениям, силу жизни, бессмертия.

«Челн бессмертных» – челн, в котором, по даосским верованиям, святые, переплыв море, достигали мира бессмертных.

...стала молчаливой // Не только князя Си жена... – В конце VII в. до н.э. княжество Чу уничтожило удельное владение Си, и чуский князь взял в жены супругу бывшего правителя Си. Она родила новому мужу двоих сыновей. Однажды чуский князь спросил ее, почему она все время молчит. «Я дважды была замужем, – ответила она, – но умереть мне не дано. Кому из двух мужей придется мне прислуживать на том свете?» Потомки называли ее Цветком персика, поэтому и храм жены правителя Си назывался Храмом персикового цветка.

...два существа... превратились в одно... – Подразумеваются камень у подножия горы Цингэн и его земное воплощение Цзя Баюй, о подлинной истории которого может свидетельствовать лишь этот камень.

...собрание вымышленных историй, написанных простонародным языком. – По-китайски эти слова звучат – «цзя юй цунь янь», что можно понять, как «речи Цзя Юйцуня». Так их и понял Кункун.

К статье “О стихах в романе «Сон в красном тереме»”

Здесь и далее в статье и комментариях стихи в переводе И. Голубева.

«Хунлоумэн яньцзю» («Исследования романа „Сон в красном тереме“), Пекин, 1989, № 1, с. 49.

«Хунлоумэн яньцзю» («Исследования романа „Сон в красном тереме“), Пекин, 1989, № 1, с. 49.

Лисевич И. О том, что остается за строкой. – В кн.: Китайская пейзажная лирика 111 – XIV вв. Стихи, поэмы, романсы, арии. Изд. МГУ, 1984, с. 10—11.